

ISSN (print) 2071-2405
ISSN (online) 2658-5235

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

filclass.ru

Том 25 • 2020 • № 3

Vol. 25 • 2020 • No. 3

Журнал основан в 1996 г. Выходит четыре раза в год
(март, июнь, октябрь, декабрь)

The journal comes out 4 times per year
(March, June, October, December)

Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77-76 120
от 24.06.2019

Registration certificate ПИ № ФС77-76120
of 24.06.2019

Учредитель – ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет» (УРГПУ)
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Founder – FSBEU HE “Ural State Pedagogical
University” (USPU)
620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave

«Филологический класс» – рецензируемый научно-методический журнал, сферой интересов которого являются исследования в области литературоведения, лингвистики и методики преподавания данных дисциплин в вузе и школе. Задача журнала – сблизить академическую науку с практической деятельностью педагога и обозначить представление о российском филологическом и педагогическом дискурсах в пространстве мировой науки. Приоритетными являются публикации, в которых исследуются новые литературные и корпусные источники, рассматривается внедрение новых образовательных технологий, выполняется требование академизма, научной объективности и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте издания и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: filclass.ru

Philological Class is a peer reviewed scholarly and methodological journal publishing research findings in the field of literary studies, linguistics and methods of teaching these disciplines at higher and secondary school. The task of the journal is to bring academic research closer to the practical activity of a pedagogue and to outline the image of the Russian philological and pedagogical discourses in the global academic space. Priority is given to publications which focus on new literary and corpus sources, study the issues of implementation of new educational technologies, and comply with the requirements of academic objectivity and polemic nature. Articles in Russian, English, German and French are accepted for publication in the journal. A full-text version of the journal is available open access on the journal site and in the Russian Science Citation Index (RSCI) at the scientific electronic library platform. Complete information about the journal and author guidelines can be found on the web site filclass.ru

Журнал индексируется в Web of Science, ERIH PLUS

The journal indexing: Web of Science (ESCI), ERIH PLUS

Входит в Перечень ВАК Министерства науки
и высшего образования Российской Федерации

The journal is included in the list of the lof the Higher
Attestation Commission of the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation

Подписка на журнал осуществляется по каталогу
«Пресса России». Подписной индекс издания 84587

The journal is included in the united catalog “Russian Press”,
Index 84587

Адрес редакции:
Уральский государственный педагогический университет.
Россия, 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26,
оф. 279

Editorial Board postal address:
Russia, 620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave,
Office 279.

E-mail: edit@filclass.ru

E-mail: edit@filclass.ru

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: Professor **N. P. Khriashcheva** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

In the history of ancient Russian literature and the 18th century literature: Professor **Zyryanov Oleg Vasil'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the history of the 19th century Russian literature: Professor **Ermolenko Svetlana Ivanovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of literature: Professor **Barkovskaya Nina Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of the 20th–early 21st centuries literature: Professor **Snigireva Tat'yana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of language and speech communication: Professor **Dziuba Elena Vyacheslavovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in applied linguistics and interdisciplinary methods in philology: Professor **Mukhin Mikhail Yur'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of foreign literature and English literary classics: Professor **Dotsenko Elena Georgievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in contemporary British novel and translation issues: Professor **Sidorova Ol'ga Grigor'evna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in German-language literature of Modernism (Germany, Austria, Switzerland), theory and practice of translation, and comparative-historical and typological linguistics: Professor **Pestova Natal'ya Vasil'evna** (Russia, Ekaterinburg, Private education institution “Sirius”); in German-language literature, Russian-German literary ties, imageology and literary translation: Doctor of Philology, Leading Researcher **Kudryavtseva Tamara Viktorovna** (Russia, Moscow, IMLI); in the history of French, typology and comparative linguistics: Professor **Lykova Nadezhda Nikolaevna** (Russia, Tyumen, TyumGU); in Romance linguistics and comparative pragmatics: Associate Professor **Erofeeva Elena Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in literary education technologies and teaching classical literature at higher and secondary school: Associate Professor **Alekseeva Mariya Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in methodology and methods of teaching modern literature at higher and secondary school: Associate Professor **Gutrina Liliya Dmitrievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in modern education technologies and innovative processes in education: Professor **Mosina Margarita Aleksandrovna** (Russia, Perm, PSPU); in the theory and practice of teaching Russian in a polycultural environment of higher and secondary school: Associate Professor **Eremina Svetlana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); executive editor: Associate Professor **Skripova Ol'ga Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); translations editor: Associate Professor **Pirozhkova Irina Sergeevna** (Russia, Ekaterinburg, USUE); academic secretary: Associate Professor **Skripova Ol'ga Aleksandrovna**

EDITORIAL COUNCIL

Prof. **V. V. Abashev** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **O. Y. Antsyferova** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University); Prof. **L. O. Butakova** (Russia, Omsk, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky); Prof. **M. Weiskopf** (Israel, Jerusalem, Hebrew University of Jerusalem); Prof. **T. Victoroff** (France, Strasbourg, University of Strasbourg); Ph. **D. J. Gallo** (Slovakia, Nitra, Constantine the Philosopher University in Nitra); Ph. **D. A. Grominova** (Slovakia, Trnava, University of St. Cyril and Methodius); Prof. Emer. **H. Guenther** (Germany, Bielefeld, Bielefeld University); Prof. **E. Dobrenko** (Great Britain, Sheffield, University of Sheffield); Prof. **B. W. Dhooge** (Belgium, Ghent, Ghent University); Prof. **A. A. Zhitenev** (Russia, Voronezh, Voronezh State University); Prof. **G. M. Ibatullina** (Russia, Sterlitamak, Sterlitamak Branch of Bashkir State University); Cand. Sc. **A. A. Medvedev** (Russia, Tyumen, Tyumen State University); Prof. **O. N. Kondrat'eva** (Russia, Kemerovo, Kemerovo State University); Cand. Sc. **Kukulin I. V.** (Russia, Sankt-Petersburg, Higher School of Economics); Prof. **E. Y. Kulikova** (Russia, Novosibirsk, Institute of Philology of RAS, Sector of Literary Studies); Prof. **G. V. Kuchumova** (Russia, Samara, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev); Prof. **N. L. Mark** (USA, New York, Columbia University); Prof. **M. A. Litovskaya** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia Boris Yeltsin); Prof. **N. M. Malygina** (Russia, Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); Prof. **G. Mikhaylova** (Lithuania, Vilnius, Vilnius University); Prof. **A. Pavlova** (Germany, Mainz, Johannes Gutenberg University); Prof. **G. Petkova** (Bulgaria, Sofia, Sofia University “St. Kliment Ohridski”); Prof. **I. Pospisil** (The Czech Republic, Brno, Masaryk University); Prof. **B. M. Proskurnin** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **M. E. Rut** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University); Dr. hab. **T. Szabó** (Hungary, Pécs, University of Pécs); Dr. hab. **A. Skotnicka** (Poland, Krakow, Jagiellonian University); Prof. **V. I. Tyupa** (Russia, Moscow, Scientific-Educational Center for Cognitive Programs and Technologies of RGGU); Prof. **T. V. Ustinova** (Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University); Prof. **P. Fast** (Poland, Katowice, University of Silesia in Katowice); Prof. **A. de La Fortelle** (Switzerland, Lausanne, University of Lausanne); Prof. **H. Jens** (Switzerland, Fribourg, University of Fribourg); Prof. **H. Robert** (Germany, Hamburg, University of Hamburg)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: проф. Н. П. Хрящева (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

по истории древнерусской литературы, литературы XVIII в.: проф. **Зырянов Олег Васильевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по истории литературы XIX вв.: проф. **Ермоленко Светлана Ивановна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории литературы: проф. **Барковская Нина Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по истории литературы XX – начала XXI вв.: проф. **Снигирева Татьяна Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории языка и речевой коммуникации: проф. **Дзюба Елена Вячеславовна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по прикладной лингвистике и междисциплинарным методам в филологии: проф. **Мухин Михаил Юрьевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории зарубежной литературы, английской литературной классике: проф. **Доценко Елена Георгиевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по проблемам перевода, современному британскому роману: проф. **Сидорова Ольга Григорьевна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по немецкоязычной литературе модернизма (Германия, Австрия, Швейцария), теории и практике перевода, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию: проф. **Пестова Наталья Васильевна** (Россия, Екатеринбург, ЧОУ ДПО «СИРИУС»); по немецкоязычной литературе, русско-немецким литературным связям, имагологии, художественному переводу: д-р филол. наук, вед. науч. сотрудник **Кудрявцева Тамара Викторовна** (Россия, Москва, ИМЛИ); по истории французского языка, типологии и сопоставительному языкознанию: проф. **Лыкова Надежда Николаевна** (Россия, Тюмень, ТюмГУ); по вопросам романского языкознания и сопоставительной прагматике: доц. **Ерофеева Елена Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам технологий литературного образования и преподавания классической литературы в вузе и школе: доц. **Алексеева Мария Александровна** (Россия, Екатеринбург, СУНЦ УрФУ); по методологии и методике преподавания современной литературы в вузе и школе: доц. **Гутрина Лилия Дмитриевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам современных образовательных технологий, инновационным процессам в образовании: проф. **Мосина Маргарита Александровна** (Россия, Пермь, ПГПУ); по теории и практике преподавания русского языка в поликультурной среде вуза и школы: доц. **Еремина Светлана Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); выпускающий редактор: доц. **Скрипова Ольга Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); редактор перевода: **Пирожкова Ирина Сергеевна** (Россия, Екатеринбург, УрГЭУ); ответственный секретарь: доц. **Скрипова Ольга Александровна**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **О. Ю. Анцыферова** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет); проф. **Л. О. Бутакова** (Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского); проф. **М. Я. Вайскопф** (Израиль, Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме); д-р филол. наук **Т. Викторофф** (Франция, Страсбург, Страсбургский университет); канд. филол. наук **Я. Галло** (Словакия, Нитра, Университета им. Константина Философа в Нитре); канд. филол. наук **А. Громинова** (Словакия, Трнава, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия); профессор-эмеритус **Х. Гюнтер** (Германия, Билефельд, Билефельдский университет); проф. **Е. Добренко** (Великобритания, Шеффилд, Университет Шеффилда); проф. **Б. Дооге** (Бельгия, Гент, Гентский университет); д-р филол. наук **А. А. Житенев** (Россия, Воронеж, Воронежский государственный университет); проф. **Г. М. Ибатуллина** (Россия, Стерлитамак, Башкирский государственный университет); проф. **О. Н. Кондратьева** (Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет); канд. филол. наук **И. В. Кукулин** (Россия, Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ); проф. **Е. Ю. Куликова** (Россия, Новосибирск, Институт филологии СО РАН); д-р филол. наук **Г. В. Кучумова** (Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва); проф. **М. Н. Липовецкий** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **М. А. Литовская** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина); проф. **Н. М. Малыгина** (Россия, Москва, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН); канд. филол. наук **А. А. Медведев** (Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет); проф. **Г. П. Михайлова** (Литва, Вильнюс, Вильнюсский университет); проф. **А. Павлова** (Германия, Майнц, Майнцский университет им. Иоганна Гутенберга); д-р филол. наук **Г. Петкова** (Болгария, София, Софийского университета Св. Климента Охридского); проф. **И. Поспишил** (Чешская Республика, Брно, Университета им. Масарика); проф. **Б. М. Проскурнин** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **М. Э. Рут** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет); д-р филол. наук **Т. Сабо** (Венгрия, Печ, Печский Университет); **Хабил. д. Скотницка А.** (Польша, Краков, Ягеллонский университет); проф. **В. И. Тюпа** (Россия, Москва, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий РГГУ); д-р филол. наук **Т. В. Устинова** (Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет); проф. **П. Фаст** (Польша, Катовице, Силезский университет); проф. **Фортель, де ля А.** (Швейцария, Лозанна, Лозаннский университет); проф. **Й. Херльт** (Швейцария, Фрибур, Фрибурский университет); проф. **Р. Ходел** (Германия, Гамбург, Гамбургский университет)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

- 9 Добренко Е. А. Судный день русской литературы: постклассический русский роман, канон и трансгрессия
- 23 Галло Я., Алефиренко Н. Ф. Лингвистика текста: традиции и перспективы

«А ПО НАБЕРЕЖНОЙ ЛЕГЕНДАРНОЙ ПРИБЛИЖАЛСЯ НЕ КАЛЕНДАРНЫЙ – НАСТОЯЩИЙ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК»: К ЮБИЛЕЮ ИВАНА БУНИНА, АЛЕКСАНДРА БЛОКА, ПАУЛЯ ЦЕЛАНА

- 39 Куликова Е. Ю. Бунинский фон в «Белой мазурке» Бориса Юльского
- 48 Коптелова Н. Г. «Сценичность» лирики А. Блока 1900–1910 годов как особая форма «театральности»
- 59 Кудрявцева Т. В. Пауль Целан в России

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

- 71 Дзюба Е. В., Ткаченко Ю. Г. Концептуализация феномена положение женщины в международном образовательном дискурсе
- 84 Бутакова Л. О., Мячин К. А. Компонентный состав концептуальной категории «темотоу» и её роль в смыслообразовании текстов современной прозы (на материале художественных произведений лауреатов Пулитцеровской премии)
- 100 Соколова О. Л. Сопоставительный анализ семантики вещественных существительных в русском и французском языках

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX–XXI ВЕКОВ

- 108 Скрипова О. А. Гротеск в лирических поэмах С. Есенина и В. Маяковского 1920-х годов
- 118 Бочкарева Н. С., Загороднева К. В. Символика картин в пьесе Н. Коляды «Канотье»
- 129 Булдакова Ю. В. Восприятие текста классического поэтического произведения читателями фанфикшн
- 141 Агапонова О. С. Метафизическая лирика: основные дефиниции в современном литературоведении

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 150 Матвеев И. А., Ажель Ю. П. Переводима ли пародия?: русские переводы повести

PROJECTS. PROGRAMS. HYPOTHESES

- 9 Dobrenko E. A. Judgement Day of Russian Literature. Post-Classical Novel: The Canon and Transgression
- 23 Gallo J., Alefirenko N. F. Text Linguistics: Traditions and Perspectives

«AND ALONG THE LEGENDARY EMBANKMENT THERE CAME NOT A CALENDAR – BUT A REAL TWENTIETH CENTURY»: TO THE JUBILEE OF IVAN BUNIN, ALEKSANDR BLOKH AND PAUL CELAN

- 39 Kulikova E. Yu. Bunin's Background in Boris Yul'sky's "White Mazurka"
- 59 Kudryavtseva T. V. Paul Celan in Russia (To the Centennial of His Birth)

PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

- 71 Dziuba E. V., Tkachenko Yu. G. Conceptualization of the Phenomenon of Women's Social Position in International Educational Discourse
- 84 Butakova L. O., Myachin K. A. The Components of the Conceptual Category Memory and Its Role in the Production of Semantic Content of Modern Prose Texts (On the Material of the Works of Pulitzer Prize Winners)
- 100 Sokolova O. L. Comparative Analysis of Material Nouns Semantics in Russian and French Languages

TRAJECTORIES OF THE LITERARY PROCESS OF THE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

- 108 Skripova O. A. Grotesque in the Lyric Poems by S. Esenin and V. Mayakovskiy of the 1920s
- 118 Bochkareva N. S., Zagorodneva K. V. Symbolic Functions of Pictures in N. Kolyada's Play "The Boater Hat"
- 129 Buldakova Ju. V. Perception of a Classical Poetic Text by Fan Fiction Readers
- 141 Agaponova O. S. "Metaphysical" Lyrics: Basic Definitions in Modern Literary Studies

ISSUES OF GLOBAL LITERATURE POETICS

- 150 Matveenko I. A., Azhel Yu. P. Can a Parody Be Translated? The Russian Translations

У. Теккерея «Записки Желтоплюша»
1850–60-х гг.

- 164 Кузнецова Т. С., Орлова О. Ю.
Конструирование национального в сказках
писателей США первой половины XX века
(стилистическое и сюжетное своеобразие)
- 172 Барзинджи М. Н. Х., Ушакова О. М. Сирень
и гиацинт: два символа печали в «Бесплодной
земле» Т. С. Элиота

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 182 Сложеникина Ю. В., Растягаев А. В.
Философско-педагогический дискурс
на страницах журнала «Трудолюбивая пчела»
- 195 Богумил Т. А. Образ Бийска в художественной
литературе

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

- 207 Федотова Н. Л., Стамбулиди З. А. Принципы
разработки национально-ориентированного
пособия по русскому языку для греческих
гидов-переводчиков
- 219 Макеева С. Г., Мартынова Е. Н. Формирование
языковой компетенции младших школьников
в условиях интеграции образования
- 232 Когут К. «Чего не зрят равнодушные очи»:
от письменных работ к постижению
литературы в 9 классе
- 244 Зейферт Е. И. Дидактизация литературы
российских немцев: занятие по поэме
Виктора Кляйна «Jungengespräch»

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

- 251 Анпилова Л. Н. «...Книга – это есть мир,
видимый через человека» (Рецензия на книгу:
Погорельская Е. И., Левин С. Х. Исаак Бабель.
Жизнеописание. – СПб.: Вита Нова, 2020. –
624 с., 175 ил. – («Жизнеописания»). ISBN
978-5-93898-718-0)
- 258 Кучина Т. Г., Бокарев А. С. Лирический
субъект в современной русской поэзии:
проблемы и перспективы изучения
(Рецензия на издания: Субъект в новейшей
русскоязычной поэзии – теория и практика /
под ред. Х. Шталь, Е. Евграфкиной. –
Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der
Wissenschaften, 2018; Russian Literature. –
Vol. 109–110, November – December 2019. –
Special Issue: The Lyrical Subject in Contem-
porary Russian Poetry. Guest Editor: Henrike
Stahl)
- 265 Шитиков П. М. Обзор конференции
Ассоциации исследователей метафоры RAAM
2020

of W. Thackeray's Parody "Yellowplush Papers"
of the 1850s – 1860s

- 164 Kuznetsova T. S., Orlova O. Yu. US Fairytales
of the First Half of the 20 th Century:
Constructing the National (Style and Plot
Peculiarities)
- 172 Barzinji M. N. H., Ushakova O. M. Lilacs and
Hyacinths: Two Symbols of Sadness
in T. S. Eliot's 'The Waste Land'

INTERDISCIPLINARY STUDIES

- 182 Slozhenikina Yu. V., Rastyagaev A. V.
Philosophic-Pedagogical Discourse
on the Pages of "The Industrious Bee"
- 195 Bogumil T. A. The Image of Biysk
in Fiction

THEORY AND METHODS OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES AT HIGHER AND SECONDARY SCHOOL

- 207 Fedotova N. L., Stampoulidi Z. A. Principles
of Design of a Culture-Oriented Russian
Language Textbook for Greek Guide-
Interpreters
- 219 Makeeva S. G., Martynova E. N. Formation of
Linguistic Competence of Junior Pupils in the
Context of Education Integration
- 232 Kogut K. S. "What Indifferent Eyes Can
Not Sight": From Written Works to the
Understanding of Literature in the 9th Grade
- 244 Seifert E. I. Didactization of the Russian
Germans' Literature: A Lesson on Victor Klein's
Poem "Jungengespräch"

REVIEWS

- 251 Anpilova L. N. "...A Book is the world
apprehensible through the person". Book
review: Pogorelskaya E. I., Levin S. H. Isaac
Babel. Life description. SPb.: Vita Nova, 2020.
624 p., 175 ill. ("Life descriptions")
- 258 Kuchina T. G., Bokarev A. S. The Lyric Subject
in Modern Russian Poetry: Problems and
Perspectives of Research
- 265 Shitikov P. M. Review of the Association for
Researching and Applying Metaphor (RaAM)
2020 Conference

ПРОЕКТЫ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 821.161.1-31. DOI 10.26170/FK20-03-01. ББК Ш33(2Рос=Рус)-444. ГРНТИ 17.07.29.
Код ВАК 10.01.01

СУДНЫЙ ДЕНЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ПОСТ-КЛАССИЧЕСКИЙ РОМАН: КАНОН И ТРАНСГРЕССИЯ

Добренко Е. А.

Шеффилдский университет (Шеффилд, Великобритания)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4039-4967>

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается эволюция русского пост-классического романа в его взаимосвязи с классической традицией. Показано, что русский литературный канон оказал определяющее влияние на развитие романа в XX веке и стал точкой отталкивания в XXI веке. Ведущими стали две линии: одна, гармоническая, связанная с именами Пушкина – Тургенева – Гончарова – Толстого, другая, дисгармоническая: Гоголь – Лесков – Достоевский. Первая линия утверждала цельность мира, душевное здоровье и рационализм. Вторая – дискретность, непознаваемость мира, иррациональность, перверсивность и болезненность. Первая линия тяготела к натурализму, реализму и конвенциям эпического повествования, вторая – к смещению естественных пропорций, фантастике и гротеску. Если символистский (Сологуб, Ремизов, Белый) и ранний советский роман (Булгаков, Платонов, Олеша) опирался на традицию Гоголя и Достоевского, то советский роман как подцензурный (Фадеев, Шолохов, Симонов), так и неподцензурный (Пастернак, Гроссман, Солженицын) определенно опирался на традицию Толстого. В модернистском и раннем советском романе доминировала установка на демонстрацию абсурдности и разорванности мира, тогда как в соцреализме торжествовала идея гармонизации и эпичности. В постсталинский период происходит соединение разъятых линий, когда различные направления (лирическая, городская, военная, деревенская проза) опираются на различные линии в русском романе. В постсоветском романе с разрушением литературоцентричности происходит разрыв с традицией и литературным каноном. Этот разрыв тематизируется и становится предметом рефлексии и остранения в романах Сорокина и Пелевина, Шишкина и Шарова, Рубиной и Улицкой. Главным полем постмодернистского эксперимента становится текст, который нигде не несет больше отрицаемой постмодернизмом идеологии и завершенности/замкнутости/целостности, чем в конвенциональной художественной литературе и истории. Пастиш, сквозная цитация, гротеск и ироническая игра с классическим и советским дискурсом занимают важное место в постмодернистском романе, где деконструируется литературный дискурс и обнажаются традиционные нарративные приемы и конвенции классического романа.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русский роман; литературные традиции; поэтика; символизм; соцреализм; реализм; постмодернизм.

JUDGEMENT DAY OF RUSSIAN LITERATURE. POST-CLASSICAL NOVEL: THE CANON AND TRANSGRESSION

Evgeny A. Dobrenko

University of Sheffield (Sheffield, Great Britain)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4039-4967>

Abstract. The article examines the evolution of the Russian post-classical novel through its relationship with the classical tradition. It argues that the Russian literary canon had a decisive impact on the development of the novel in the 20th century, and became a point of departure for the Russian novel in the 21st century. Two leading strands emerged: one, harmonious, associated with the names of Pushkin – Turgenyev – Goncharov – Tolstoy, the other, disharmonic: Gogol – Leskov – Dostoevsky. The first strand affirmed the wholeness of the world, mental health and rationalism. The second one affirmed the discreteness, unknowability of the world, irrationality, perversity and morbidity. The former gravitated towards naturalism, realism and the conventions of epic narrative, the latter towards displacement of natural proportions, fiction and grotesque. If the Symbolist (Sologub, Remizov, Bely) and the early Soviet novel (Bulgakov, Platonov, Olesha) relied on the tradition of Gogol and Dostoevsky, then the Soviet novel is both mainstream (Fadeev, Sholokhov, Simonov) and uncensored (Pasternak, Grossman, Solzhenitsyn) and definitely relied on the tradition of Tolstoy. In the modernist and early Soviet novel, the dominant attitude was to demonstrate the absurdity and fragmentation of the world, while in Socialist Realism the idea of harmonization and epicity triumphed. In the post-Stalinist period, there is a connection between these opposing strands, when different directions (lyrical, urban, war and village prose) are based on different strands in the Russian novel. In the post-Soviet novel, with the destruction of literary-centricity, there is a break with tradition and the literary canon. This gap is thematized and becomes the subject of reflection and defamiliarisation in the novels of Sorokin and Pelevin, Shishkin and Sharov, Rubina and Ulitskaya. Since postmodernism denies the ideology and completeness-isolation-integrity, conventional fictional and historical text becomes the main ground for the postmodern experiment. Pastiche, cross-cutting quotation, grotesque and ironic play with classical and Soviet discourse occupies an important place in the postmodern novel, where literary discourse is deconstructed and the traditional narrative devices and conventions of the classical novel are exposed.

Key words: Russian novel; literary traditions; poetics; symbolism; socialist realism; realism; postmodernism.

Для цитирования: Добренко, Е. А. Судный день русской литературы. Пост-классический роман: канон и трансгрессия / Е. А. Добренко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 9–22. – DOI: 10.26170/FK20-03-01.

For citation: Dobrenko, E. A. (2020). Judgement Day of Russian Literature. Post-Classical Novel: The Canon and Transgression. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 9–22. DOI: 10.26170/FK20-03-01.

Один из самых пророческих русских писателей XX века Евгений Замятин завершил свое эссе «Я боюсь» (1921) пронзительным признанием: «Я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое». Это пророчество горячо обсуждалось в то время. Страхи Замятина казались его современникам необоснованными: слишком новаторской, ищущей, дерзкой была литература, рожденная революцией. Люди, живущие в революционную эпоху, склонны забывать об истории *longue durée*, которая имела в России свою специфику. Не менее афористично ее сформулировал в начале XX века Петр Столыпин: в России все меняется за десять лет и ничего – за двести.

Эта цикличность русской истории, приводившая в отчаяние русских революци-

онеров, реализовала себя в русской культуре [см.: Паперный 2016]. И все же, в этой цикличности не было простого повтора, но всегда была новая попытка переиграть прошлое, сыграть его в модернизированной версии, переписать ответы на вечные вопросы, актуализировать те же вечные темы – о природе человека, о добре и зле, об идеале, о власти и Боге, о бессилии силы и силе бессилия. Мог ли роман, ставший в литературоцентричной русской культуре в XIX веке одним из наиболее продвинутых инструментов формирования национальной идентичности, собирателем социальной памяти и доменом коллективного воображаемого, миновать эту отличительную особенность русской истории?

В истории русского романа со времени его зарождения в XIX веке сложились два направления, два силовых поля. Одна, гармоническая, традиция связана с именами Пушкина – Тургенева – Гончарова – Толстого, другая, дисгармоническая: Гоголь – Лесков – Достоевский. Первая линия связана с цельностью мира, душевным здоровьем и рационализмом. Вторая – с дискретностью, непознаваемостью мира, иррациональностью, перверсивностью и болезненностью. Первая линия тяготела к натурализму, реализму и конвенциям эпического повествования, вторая – к смещению естественных пропорций, фантастике и гротеску. Эти две линии окончательно оформились к концу XIX века – именно тогда, когда русский литературный канон превратился в суперценность и осознавался в качестве едва ли не главного национального достояния.

Русская литература XIX века – и роман как высшая ее манифестация – стала высшим выражением русского национального самосознания. Глубокий кризис политических, социальных и культурных форм и трагический разрыв русской истории, имевший место в XX веке, не мог не породить романа, который так или иначе не находился бы в непрестанном и глубоком диалоге с русской классикой. Более того, этот диалог оказался намного более существенным, чем казалось ранее: он не только сохранил преемственность русского национального сознания в эпоху мощных исторических изменений, но и определил собой оригинальность русского романа в XX веке. История России в XX веке имела несколько вех, которые делили ее на различные эпохи: 1917–1953–1991. Соответственно, наше рассмотрение романа в этот период также разделено на четыре отрезка, поскольку этот жанр оказался наиболее чувствительной формой отражения и концентрации национальной идентичности в эпоху невиданной динамики социальных, политических, экономических, культурных и эстетических сфер жизни.

В последний раз радикальный пересмотр русского литературного канона произошел в конце советской эпохи, когда в него вернулись ранее вычеркнутые имена репрессированных писателей и литература русской эмиграции. Однако механическое сращение

не привело к формированию концептуальной динамичной структуры, обладающей единством и внутренней логикой: слишком велики оказались стилистические, идеологические, культурные различия между звонками двух столетий, используя мандельштамовский образ. Мы исходим из того, что динамика русского романа XX–XXI вв. определялась эволюцией форм романного мышления в силовом поле русской национальной традиции. Ниже мы рассмотрим русский пост-классический роман с точки зрения его своеобразия, которое может быть понято через формы его взаимодействия с классической традицией.

Эпоха трансгрессии: Модернистский роман. Конец золотого века русской литературы фиксируется в самом названии эпохи, пришедшей ему на смену. Серебряный век нес потерю той цельности, чистоты и эталонности, которые были присущи золотому веку. Изжитость прежних путей романа казалась очевидной всем. Но только символисты были готовы принять вызов и сумели обновить русский роман, соединив пришедшую с Запада новую эстетику с традицией русского классического романа, и тем самым дав ему новую жизнь.

Модернизм застает мир в динамике и состоянии кризиса, он видит мир разорванным, иррациональным, смещенным и лишенным былой цельности. Все это находит отражение в формах, стиле и поэтике модернистского романа. Главная линия его развития на десятилетия вперед связывается с традицией Гоголя, Лескова и Достоевского, которые также видели мир смещенным, непознаваемым и угрожающим. Едва ли не первым, кто заявил о новой романной эстетике, дав образцы символистского романа, был Федор Сологуб.

Поставив в центр романа «Тяжелые сны» (1895) развинченного и порочного человека и одновременно мечтателя, больше думающего, чем действующего, учителя Логина, Сологуб погрузил его в жизнь маленького провинциального городка, едва проступающую сквозь туман тяжелых снов. Этот тяжелый, болезненный сон становится еще более густым и непроходимым в следующем романе Сологуба «Мелкий бес» (1902), главный герой

которого зловещий учитель-садист Передонов становится настоящей инкарнацией подпольного человека Достоевского. Мир подполья «маленького» человека, пронизанный завистью, злобой и крайним эгоизмом, раскрылся у Сологуба с новой, небывалой силой. Все это накладывалось в романе на линию перверсивных сексуальных отношений молодых героев, что прямо вело в мир романов Достоевского. Эти «цветы зла» сгущались в образе Недотыкомки – бесформенного полуфантастического воплощения зла. Это образ черта, который пришел из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя, переселился в «Братьев Карамазовых» и «Бесов» Достоевского, а затем нашел место в декадентских романах Сологуба, пронизанных тлением, психозом, измененным сознанием, тяжелым бредом и болезненностью.

Эта атмосфера угрожающей иррациональной реальности как будто растворилась в самой поэтике символистского романа, образом которого может служить «Пруд» (1905) Алексея Ремизова. Для него характерна фрагментарная композиция и ассоциативное соединение разрозненных эпизодов. Сюжетное развитие почти не ощущается, основные события затушевываются, а место обобщающего изложения занимает показ частных эпизодов или деталей быта, которые распадаются, подобно образу на импрессионистских полотнах. Язык изысканно стилизован под народный, что восходит к традициям Лескова, мастера народного сказа, а характерологически роман воспроизводит мир странных, болезненных и изломанных персонажей Достоевского. Через весь роман проходит тема Антихриста и цикличности, а сама жизнь избражена лишенной всякого смысла.

Вершиной символистского романа стал «Петербург» (1913, 1922) Андрея Белого. Образ Петербурга – мерцающий, исчезающий во мгле, обреченный на гибель островок западного рационализма на Востоке, прямо восходит к Петербургу Гоголя. А сюжет романа с тайной террористической организацией революционеров, провокаторами, убийствами и запутанными отношениями между отцами и детьми как будто продолжает мир романов Достоевского, который оставался центральной фигурой для русских религиозных мыслителей

начала XX века (Владимир Соловьев, Николай Федоров, Василий Розанов, Лев Шестов, Сергей Булгаков, Николай Бердяев, Николай Лосский и др.), оказавших определяющее влияние на развитие русской литературы в этот период.

Если литература Серебряного века апеллировала к Достоевскому эксплицитно и программно, то для ранней советской литературы он стал по политическим причинам фигурой нон-грата. Но, несмотря на то, что его «реакционная философия» была публично отвергнута, его наследие продолжало питать русский роман революционной эпохи. Это могли быть технически модернизированные и перенесенные на современное массовое общество фантазии Великого инквизитора, порождающие антиутопию Замятина «Мы» (1920); погруженные в советскую повседневность вариации на тему подпольного человека, превратившегося в героя «Зависти» Юрия Олеши (1927) Кавалерова; политические проекции русской революции на поведение интеллигенции – темы предательства, ренегатства и провокаторства в «Жизни Клима Самгина» Максима Горького (1925–1936).

Все творчество Леонида Леонова, в особенности раннего периода («Вор» (1927)), прошло под знаком Достоевского. Сам Леонов, особенно под конец жизни, говорил о превосходстве Достоевского над Толстым: «Для меня ближе школа Достоевского, чем Толстого... Толстой – это лес, который стоит над рекой, а Достоевский – это отражение в реке этого леса, и поэтому отражение всегда глубже, таинственнее, загадочнее, оно уходит в глубину, которую мы никогда даже не можем достигнуть» [Век Леонида Леонова 2001: 341].

В русле той же традиции написаны романы Михаила Булгакова – от «Белой гвардии» (1924) до «Мастера и Маргариты» (1940). Двойники и безумные, дьявол в Москве и фантастические превращения героев, смещения реальности в широком диапазоне от иронии до гротеска – все это заставляет вспомнить не только Достоевского, но всю традицию от Гоголя до любимого писателя Булгакова Михаила Салтыкова-Щедрина.

Она же питала творчество Андрея Платонова. Патологически «задумчивые» герои его романов «Чевенгур» (1929) и «Котлован»

(1930) – страстные борцы за коммунистическую утопию пребывают в мире абсурда и творят этот мир. Советская реальность с ее коллективизацией и индустриализацией изображена сатирически, но используемый Платоновым широкий диапазон приемов от пародии до гротеска совершается, главным образом, в сфере языка. Причем, не только в сказе, стилизации речи героев, но и в авторской речи. Здесь прямо сказываются традиции Гоголя и Лескова, которые вообще были определяющими для ранней советской прозы.

Орнаментальная проза, в которой прозаический нарратив подчинялся законам поэзии, а реальность сливалась с мифом, где задачей художника становилась «творимая легенда» (декадентская, как в символизме или революционная, как в советском авангарде), где язык подвергался мощному влиянию внелитературной стихии, проходившему под знаменем демократизации стиля, породила яркие образцы нового типа романа. Достаточно вспомнить сказ в романе Бориса Пильняка «Голый год» (1922) или фольклорную стилизацию в «Падении Даира» (1921) Александра Малышкина.

Модернизм, который видел мир расколотым и дискретным, полным противоречий и контрапункта, соединял сказовость с приемами дробления и монтажа. С этим связан не только роман с рваной структурой, но и расцвет рассказа в 1920-е гг. Характерно, однако, что представленная в рассказах фрагментированная реальность путем модернистского монтажа соединялась в романный, если не эпический мир – будь то «Одесские рассказы» (1921–1923) и «Конармия» (1923–1926) Исаака Бабеля, «Партизанские повести» (1923) Вс. Иванова, циклы рассказов Михаила Зощенко. Структура этой прозы отразила распад и утерю целостности мира, которые стали результатом исторических катаклизмов начала XX века. В этих условиях роман как синтетический жанр распадается.

В своем провидческом эссе «Конец романа» (1922) Осип Мандельштам предсказал, что в наступившую эпоху «судьба романа будет не чем иным, как историей распыления биографии как формы личного существования, даже больше чем распыления – катастрофи-

ческой гибелью биографии». Он утверждал, что в результате происходящих исторических потрясений люди «выброшены из своих биографий, как шары из бильярдных луз», поэтому гибель традиционного романа неминуема, ведь «интерес к психологической мотивировке <...> в корне подорван и дискредитирован наступившим бессилием психологических мотивов перед реальными силами, чья расправа с психологической мотивировкой час от часу становится более жестокой. Самое понятие действия для личности подменяется другим, более содержательным социально, понятием приспособления» [Мандельштам 1990: 203–204].

В проекции на историю русского романа это звучало приговором толстовской традиции. Но, как заметил в те же годы Виктор Шкловский, формулируя ключевой закон литературного развития, «наследование при смене литературных школ идет не от отца к сыну, а от дяди к племяннику» [Шкловский 1990: 121]. И такой племянник жил с модернистами по соседству.

Эпоха регрессии: Соцреалистический роман. С изменением институциональных рамок функционирования советской литературы в 1932 г. и провозглашением соцреализма единственным художественным методом советской литературы в 1934-ом, изменились не только условия производства, но и сама матрица советского романа. Ему предстояло стать популярным, доступным, воспитательным, партийным. Образцы такой литературы были созданы в пролетарской литературе 1920-х гг., где доминировали конвенциональный стиль, привлекавший привыкшего к нему массового читателя, и легко усвояемый автором, не имевшим ни глубокого образования, ни навыков письма; опора на психологизм толстовского типа, который был призван растолковать читателю мотивы поведения героев [см.: Добренко 1997; Добренко 1999]; сквозной сюжет с партийными протагонистами делал наглядным воспитательный процесс и представлял политически правильные акценты. Но главное – пролетарская литература, патронируемая РАППом, была программно эпигонской. На ее знамени было написано: «Учеба у классики» и «Литературная учеба».

Под классикой понимался, прежде всего, Лев Толстой. Стремление создать т. н. «красного Льва Толстого» было главным устремлением пролетарских писателей. В произведениях Толстого они усматривали эталон русского литературного письма. В отличие от неприемлемого Достоевского, политически правильно интерпретированный (и как писали рапповцы, «политически обезвреженный») Толстой стал предметом их устремлений. В том же, что касается соцреализма, Толстой оказался наиболее приемлемой фигурой, поскольку целостность, монологичность и гармония толстовского мира соответствовали миру, утверждаемому соцреализмом – гармонизированному, завершенному и авторитарно объясненному.

Союз писателей с единым «художественным методом» создал условия для расширения конвенций пролетарской литературы 1920-х гг. на всю вновь создававшуюся в СССР литературу. Ее центральным жанром был роман, который строился на сюжетном стержне, выработанном в 1920-е гг. («Разгром» Александра Фадеева (1926), «Железный поток» Александра Серафимовича (1924) и др.). Эта воспитательная схема, воспроизводившая модель «большой семьи» [см.: Кларк 2001], опиралась на стилевые конвенции, перенесенные на советский материал из романов Льва Толстого.

Прежде всего, это психологизм, который создавал эффект правдоподобия, описываемого в советских романах 1930–1950-х гг. Характерна в этом отношении эволюция производственного романа, который возник в 1920-е гг. Если «Цемент» Федора Гладкова (1925) отличался подчеркнутой разностильностью, и в нем можно было обнаружить приемы самого разного происхождения, то производственный роман эпохи своего расцвета, пришедшегося на годы первой пятилетки, пытался синтезировать приемы авангардной хроники, документа, литературы факта, монтажной структуры с приемами традиционного психологического письма («Соть» Леонида Леонова (1930), «Гидроцентральный» Мариэтты Шагинян (1931), «Время, вперед!» Валентина Катаева (1932), «День второй» Ильи Эренбурга (1933) и др.). Однако уже послевоенный производственный роман Василия Ажаева, Анны Караваевой, Всеволода Кочетова и др. всецело

опирался на традиционные конвенции психологического письма.

Интересно в этом смысле сопоставить производственный роман и колхозный. Последний не знал авангардной традиции и целиком развивался в русле соцреалистической эстетики. Поэтому начиная со своих истоков – романов о коллективизации («Бруски» Федора Панферова (1928–1937), «Поднятая целина» Михаила Шолохова (1931, 1959)) вплоть до эпохи расцвета колхозного романа после войны (Галина Николаева, Семен Бабаевский, Григорий Мединский и др.) этот жанр всецело строился на примитивном психологизме квази-толстовского образца при описании переживаний героев. Как правило, в основе этих романов лежала мелодрама, истоки которой восходят к буржуазному роману XIX века [см.: Dunham 1976].

Второй отличительной чертой советского романа был автобиографизм, который создавал эффект достоверности и должен был вызывать доверие читателя. И здесь советский роман вновь обращался к традиции, выработанной Львом Толстым в его автобиографической трилогии «Детство» (1852), «Отрочество» (1854), «Юность» (1857), которая соединяла *Bildungsroman*, новые формы психологического письма и автобиографизм. Эта традиция была подхвачена Максимом Горьким в его трилогии «Детство» (1914), «В людях» (1916) и «Мои университеты» (1923), а затем Алексеем Толстым в «Детстве Никиты» (1922). Здесь автобиографическое начало доминировало и утверждался принцип аутентичности авторского опыта. В советской литературе эта линия нашла продолжение в романах Дмитрия Фурманова «Чапаев» (1923), Николая Островского «Как закалялась сталь» (1934), Антона Макаренки «Педагогическая поэма» (1935) и др., где автобиографизм был подчинен соцреалистическому воспитательному сюжету и призван был восполнить острый недостаток аутентичности, поскольку в советской литературе, сильно полагававшейся на фиктивные идеологические тропы, отрыв от реальности становился настолько демонстративным, что изображение должного перестало даже внешне походить на реальность в романах о колхозной жизни Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» (1947–1950) или Мединского «Марья»

(1946–1949) или в романах о жизни рабочих, подобных роману Кочетова «Журбины». Восполнению этой потери аутентичности и служил автобиографизм советского романа.

Третий важнейший вектор развития советского романа – монументализм. Еще в 1924 г., задолго до провозглашения соцреализма, Алексей Толстой теоретизировал по этому поводу: «Я противопоставляю эстетизму литературу монументального реализма <...> Ее пафос – всечеловеческое счастье – совершенствование. Ее вера – величие человека. Ее путь – прямо к высшей цели: в страсти, в грандиозном напряжении создать тип большого человека... Мы не должны бояться громоздких описаний, ни длиннот, ни утомительных характеристик: монументальный реализм! Взгромоздим Оссу на Пелион» [Толстой 1980: 189–190]. В соцреализме Алексей Толстой увидел реализацию эстетической программы своего «монументального реализма» – смеси мифологии и истории. Сам он реализовал ее в жанре исторического романа («Петр Первый», 1930–1934), расцвет которого пришелся на 1930–1950-е гг. Но новая история была для советского режима куда более актуальным предметом. Соцреализм создавал новый эпос, который должен был придать советскому строю и советской версии прошлого историческую акустику и легитимность. Он должен был предстать как «закономерный» итог развития страны – одновременно достоверный как история и привлекательный как миф. И рецепт для такого романа был создан в «Войне и мире».

Одна за другой в советской литературе создаются огромные «романы-эпопеи», соединяющие в себе, подобно роману Льва Толстого, «мысль семейную» и «мысль народную». Темой при этом может быть революция и гражданская война, причем описываемая с противоположных социальных полюсов («Тихий Дон» Шолохова (1925–1940) и «Хождение по мукам» Алексея Толстого (1922, 1928, 1941)), Вторая мировая война («За правое дело» Василия Гроссмана (1952), «Живые и мертвые» Константина Симонова (1959, 1962, 1971), «Блокада» Александра Чаковского (1969)), вся советская история вплоть до 1970-х гг. («Тени исчезают в полдень» (1963) и «Вечный зов» (1970, 1976) Анатолия Иванова, трилогия Петра Проску-

рина «Судьба» (1972) и «Имя твое» (1978), трилогия Федора Абрамова «Братья и сестры» (1958, 1968, 1973, 1978)) и мн. др. Эти романы изучались в вузах, многократно переиздавались и пользовались огромной популярностью, были экранизированы, а их авторы были обласканы властью и привилегиями. Везде здесь в центре стояли большие исторические события (революция, коллективизация, война), на фоне которых протекала жизнь ряда поколений нескольких семей. Жанр получил название «панорамный роман» и строился на чередовании батальных сцен с семейными, сочетал психологизм с пространными авторскими генерализирующими размышлениями, очевидным образом апеллируя к жанровой модели «Войны и мира».

Как можно видеть, заимствованные главным образом у Толстого приемы, доминировавшие в соцреалистическом романе, использовались компенсаторно: психологизм компенсировал отсутствие личностного начала в обществе, индоктринированном тотальным коллективизмом; автобиографизм симулировал отсутствующую аутентичность личного опыта, который был опасен своей непредсказуемостью и неподконтрольностью; монументальная эпичность должна была заполнить зияющий исторический разрыв, который произошел в XX веке. Каждый раз советский роман вымывал из выработанных русской классикой приемов их экзистенциальное, социальное, гуманистическое, религиозное содержание, сводя их к выполнению политически актуальных функций. Этот эстетический паразитизм соцреалистического романа продемонстрировал, что монополия одной из линий многогранной национальной романной традиции ведет не только к гипертрофии приема, но к его формализации и исчерпанию. Соцреализм может рассматриваться в качестве эстетической утопии – он отменял историю, воссоздавая романную эстетику так, как если бы модернизма не существовало.

Эпоха переоткрытия: Реалистический роман. Наступившая после смерти Сталина политическая либерализация привела к резкому расширению культурного поля, в котором стала развиваться советская литература: были ослаблены интерпретационные рестрик-

ции, которые сводили всю русскую классику к иллюстрации классовой борьбы; были возвращены читателю произведения писателей 1920-х гг., которые при Сталине были репрессированы или запрещены; стали издаваться произведения писателей-эмигрантов, имена которых в сталинское время не подлежали даже упоминанию; стала более активно издаваться мировая классика и современная зарубежная литература [см.: Friedberg 1962; Friedberg 1977; Gilburd 2018]. В течение хрущевской оттепели советское культурное поле преобразилось до неузнаваемости. Все это расширило диапазон письма и разрушало монополию соцреализма. Теперь советский роман мог черпать из разных источников. Но поскольку в центре силового поля советской литературы продолжала оставаться национальная традиция, обращение к ней стало более разносторонним и глубоким.

В литературе, жадно набросившейся на ранее запретные темы, роман продолжал играть ведущую роль. Но на первое место выступил малый романский жанр – повесть. Так четыре основных течения советской литературы 1960–1980-х гг. – лирическая проза, деревенская проза, военная проза и городская проза – не случайно получили название «проза»: традиционный большой роман впервые потерял свое первенство. Доминирование повести отражало поворот от искусственного идеологического соцреалистического синтеза к реалистическому анализу. Ведущий литературный журнал оттепели «Новый мир» программно развивал направление, которое было связано с натуральной школой XIX века. Не удивительно поэтому, что из основных традиций вновь отбираются конвенции русского романа и повести XIX века.

Так, в деревенской прозе возрождаются традиции Тургенева, Достоевского, Лескова и Толстого. Герои Федора Абрамова, Василия Белова, Валентина Распутина, Виктора Астафьева – цельные, органически связанные с землей и вековой мудростью представители народа. Их мир гомогенен, глубоко нравственен, чист и целостен. Традиция подобной репрезентации народа глубоко укоренена в русской литературе XIX века. Военная проза очевидным образом наследовала как Достоевскому, так и Толстому. В острых поворотах сю-

жетов и ситуациях экзистенциального выбора, в которых оказывались герои Василя Быкова, Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Константина Воробьева, часто ломавших стереотипные представления о поведении человека в экстремальных условиях, легко угадывались излюбленные ситуации Достоевского. Одновременно с этим, в установке на правду, психологическую достоверность, в жестком натурализме батальных сцен видно усвоение традиций «Севастопольских рассказов» и «Войны и мира» Толстого. В лирической прозе установка на самоанализ также возвращала читателя к русской автобиографической традиции от Толстого до Бунина, легко усматриваемой в поздних романах Валентина Катаева, начиная с повестей «Святой колодец» (1965) и «Трава забвения» (1967) до романов «Алмазный мой венец» (1978) и «Юношеский роман» (1982). Наконец, в городской прозе доминировала традиция Чехова с его отказом от оценочности, иронией, элегичностью, тягой к малым формам. О влиянии Чехова на свое творчество не раз говорил Юрий Трифонов.

Интересно, однако, что к концу 1970-х гг. и в 1980-е гг. повесть уступает, наконец, место роману – анализ уступает место синтезу. Об этом говорят жанровые траектории ведущих писателей в каждом из направлений. После цикла «московских повестей» Юрий Трифонов публикует романы «Старик» (1978), «Время и место» (1981). После повестей о войне Юрий Бондарев создает романы «Берег» (1975), «Выбор» (1981), «Игра» (1985) и др. Виктор Астафьев, на протяжении десятилетий писавший повести, в конце жизни выступает с романом «Прокляты и убиты» (1990–1994). Тот же путь проделывает Чингиз Айтматов, выступив только в конце своей писательской карьеры с романами «И дольше века длится день» (1980) и «Плаха» (1986). Роман превращается в жанр подведения итогов творчества.

В целом, история советского романа демонстрирует победу жанра над идеологией. Примером такой победы является феномен, который можно обозначить как антисоветский советский роман, в котором хотя и в трансформированном виде сохраняется установившийся в советской литературе 1930–1950-х гг. жанровый канон, ориентированный на сочетание эпического стиля, психологиче-

ского письма и публицистики, характерных для романов Толстого, с антисоветским идеологическим содержанием. При этом само это содержание могло быть христианско-гуманистическим («Доктор Живаго» Бориса Пастернака (1955)), либерально-демократическим («Жизнь и судьба» Василия Гроссмана, (1959); трилогия Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» (1982), «Страх» (1990) и «Прах и пепел» (1994)) или националистическим (романы Александра Солженицына).

Характерна в этом отношении история создания «Жизни и судьбы». Этот роман писался Гроссманом как продолжение эпического романа о Сталинградской битве «За правое дело» (1952). Однако эта диалогия, сохраняя единую систему персонажей, сюжетных линий и стилевые конвенции, основана на противоположных политических установках. Первый роман, создававшийся в сталинское время, содержал в целом советскую интерпретацию войны, тогда как второй нес настолько мощный не только антисталинский, но и антисоветский заряд, что это привело к уникальному в истории русской литературы событию – аресту романа в 1961 г. Таким образом, очевидная ориентация на конвенции толстовского романа не помешала реализации прямо противоположных политических установок.

Подобно тому, как Гроссман следовал толстовской композиционной структуре, Рыбаков следовал в своей трилогии толстовским конвенциям психологического анализа, создавая обширные внутренние монологи Сталина и своих молодых героев. Этот тип письма был настолько усвоен массовым читателем в советскую эпоху, что выход этих романов в годы перестройки обеспечил им неслыханный успех у читателей и сделал их настоящими бестселлерами.

Ни Гроссман, ни Рыбаков не стремились выйти из силового поля толстовского романа. Оно было настолько органичным и мощным, что попытки выхода из него даже такого крупного художника, как Солженицын, завершились лишь модификациями сложившейся жанровой модели. В своей эволюции Солженицын, в творчестве которого художественное, автобиографическое, документальное и публицистическое начала в разное

время в различной конstellации создавали все более приближающиеся к толстовскому типу письма модификации романного жанра, прошел большой путь, в итоге которого пришел ко все той же толстовской модели романа-эпопеи. Солженицын пришел к читателю с повестью «Один день Ивана Денисовича» (1959) и рассказами. Но его стремление к более крупному жанру реализуется в романах «В круге первом» (1958) и «Раковый корпус» (1966) (который сам называет «повестью», но который уже имеет все черты романа). В основе этих произведений – сильное автобиографическое начало. Затем Солженицын делает ставку на документ, создавая «Архипелаг Гулаг» (1968), который сам он определяет как «художественное исследование». Монтаж документов, соединенный с публицистикой, позволил ему продвинуться в направлении к роману-эпопее «Красное колесо» (1970–1991). И хотя сама структура повествования, сочетающего исторический документ, основанную на автобиографизме фикцию (главный фиктивный персонаж «Красного колеса» Саня (Исаакий) Лаженицын – отец автора Исаакий Семенович Солженицын) и авторские историко-софские и публицистические рассуждения, сильно отличалась от толстовской структуры романа-эпопеи, где была сбалансирована семейная и историческая линии, направление Солженицына в сторону толстовской эпической модели очевидно. При этом Солженицын создал новую эпическую структуру, которую не решился назвать романом, но назвал «повествованием в отмеренных сроках», а сами составляющие его части – не романами, а «узлами».

Борис Пастернак, писавший свой роман в течение послевоенного десятилетия, продемонстрировал, что традиция русского классического романа не только жива, но имеет огромный потенциал развития и обогащения. «Доктор Живаго», с одной стороны, давал широкую картину нецензурированной истории России первой половины XX века, начисто отбрасывая соцреалистический сюжет; с другой стороны, содержал огромную дозу мелодраматизма и сентиментальности в описании переживаний героев и разного рода условных литературных ходов и поворотов сюжета (невероятных встреч и совпадений,

чудесных предзнаменований, подслушанных разговоров, ангелов-хранителей и т. п.). Пастернак хотел создать христианский роман, соединявший традиции Диккенса, Достоевского («Братья Карамазовы») и Гете («*Wilhelm Meisters Lehrjahre*»). И действительно, в сентиментализме романа Пастернака ощущается явное влияние Диккенса, в типажах и судьбах героев – влияние Достоевского, а в структуре проступает Bildungsroman Гете. Но есть в романе также элементы толстовского эпоса с его переплетением семейных линий и исторических катаклизмов. Не говоря уже о диалоге с русскими классиками в поднимаемых в романе проблемах – жизни и смерти, русской истории, интеллигенции и революции, христианстве и еврействе.

Эпоха отречения: Постмодернистский роман. Юрий Тынянов утверждал, что «каждое уродство, каждая „ошибка“, каждая „неправильность“ нормативной поэтики есть – в потенции – новый конструктивный принцип» [Тынянов 1977: 263]. В позднесоветском самиздате и таиздате, в нонконформистском искусстве советская эстетика рассматривалась как ошибка, неправильность и уродство – как традиционалистская девиация, популистский китч и тупик, в который заводит искусство политический утилитаризм и которая подлежала эстетическому отрицанию либо через апелляцию к изначальной традиции, либо через реэстетизацию самого советского художественного опыта.

Пионером подобной стратегии стал Андрей Битов. Его роман «Пушкинский дом» (1964–1971) – образец метапрозы, в которой предметом рефлексии стала как классическая, так и модернистская и советская литература. Погружая действие в перенасыщенный культурой раствор музея, Битов показывал, что «любой, даже собственно художественный, контакт современного сознания с культурной традицией бесплоден для сознания, отравленного симуляцией, и разрушителен для самой традиции» [Липовецкий 1997: 138].

Проводником в мир этого сознания стал Венедикт Ерофеев с его повестью «Москва-Путушки» (1970), которую он назвал поэмой, но которая, подобно поэме Гоголя «Мертвые души», несмотря на свои фрагментарность,

поэтичность, локальность действия, пространства и ограниченные временные рамки, может считаться романом благодаря масштабу эстетического эксперимента, синтезу иронии и трагизма, глубине проникновения в мир «маленького человека» и одновременно силе раскрытия национальной психологии. Демонстрируя распад советской утопии, модернистского проекта, идеи прогресса и рациональности в целом, текст Ерофеева построен на переплетении ветхозаветных реминисценций, языка социальных низов, советского официоза, непереваренных в массовом сознании советских идеологических клише, всплывавших в мерцающем сознании отравленного алкоголем и пребывавшего в состоянии непроходящего запоя героя.

Работа с советским дискурсом и эстетическим продуктом становится важнейшей стратегией позднего и постсоветского андеграундного искусства, в частности арт-группы «Медицинская герменевтика», ведущие авторы которой Сергей Ануфриев и Павел Пепперштейн создали роман «Мифогенная любовь каст» (1999–2002). Авторы используют принцип соц-арта – остранение искусства искусством. Здесь искусство растворено в фантазме, который весь состоит из текстов детской литературы, формировавших сознание советского человека, пропущенных сквозь измененное под воздействием психоделических препаратов сознание. Реальность находится в диффузном состоянии наркотического транса и реальной истории. В данном случае – истории Великой Отечественной войны, которая дается в мерцающей двойственности: как реальное историческое событие и как советский миф. Роман представляет собой попытку преодоления этой двойственности через изображение переживания мифа как личного опыта. Авторы романа работали с коллективным бессознательным, которое раскрывалось благодаря наркотическому эффекту галлюциногенных грибов.

Русский постмодернизм стал реакцией не столько на модернизм, сколько на собственную национальную традицию (в том числе и романную), инструментом преодоления конвенции, радикального слома традиции. Это особенно видно в романах Владимира Сорокина. Почти все они построены на соче-

тании изысканной стилизации русского классического романа, соцреализма и советского официоза («Норма», 1983; «Тридцатая любовь Марины», 1984; «Роман», 1989; «Сердца четырех», 1991). Они почти всегда являются метароманами, сочетающими правдоподобные стиливые реинкарнации писателей-классиков с самыми невероятными превращениями как языка и акта письма, так и его продуктов, натурализм с антиутопией («Голубое сало», 1999; «Теллурия», 2013; «Манарага» (2017)).

Пастиш, сквозная цитация, гротеск и ироническая игра с советским дискурсом стала отличительной особенностью соц-артистского романа, куда можно отнести ярко гротескный роман Дмитрия Пригова «Живите в Москве» (2000) и романы Виктора Пелевина «Омон Ра» (1991), «Чапаев и Пустота» (1996) и «Generation „П“» (1999). В романах Пелевина самые невероятные события (будь то пребывание героев одновременно в разных временах или их общение с древнеегипетскими и древнеиндийскими богами) всегда связаны с пересечением дискурсивных потоков, среди которых присутствует советский официальный дискурс или миф. Будучи включенным в бесконечную игру смыслов, он теряет не только свою монополию, натуральность и гомогенность, но демонстрирует свою искусственность, предстает дискретным и полым.

Признанным мастером современного дискурсивного эксперимента стал Михаил Шишкин, романы которого построены как калейдоскоп нарративных стратегий. Так, во «Взятии Измаила» (2001) повествование о жизни становится эквивалентом реального опыта. Рассказчики переходят один в другого, а их повествования неожиданно обрываются и начинаются заново с середины какой-то новой истории другого человека. Старинная лекция по криминологии переходит в попытки некоего персонажа XIX века написать собственную биографию для энциклопедии, кто-то берется за написание книги, но неожиданно бросает и начинает сначала. Читатель как будто находится на руинах разных жизней, обломки которых – необратимо смешавшиеся сюжеты. Но неожиданно сквозь этот нарративный хаос проступает жизнь современного человека, называющего себя Михаилом Шишкиным, а рассказ принимает квазидо-

кументальный характер и начинает следовать автобиографическим конвенциям. Еще сложнее и изысканнее нарративная ткань романа «Венерин волос» (2007), разные части которого построены в различном ключе – то в форме допроса и страшных рассказов о судьбах беженцев, то в форме биографии популярной певицы Изабеллы Юрьевой через ее воспоминания и дневники, то в жанре автобиографического повествования. Линии усложняются и причудливо переплетаются, то образуя любовную драму, то становясь современными версиями историй из других эпох. Все это создает сложное полифоническое повествование, в котором фантастически перемешаны время и пространства, а события прошлого всплывают в настоящем как продолжающиеся и как дающие ответ на поставленные в прошлом экзистенциальные вопросы. В «Письмовнике» (2010), построенном как переписка двух влюбленных рубежа XX века, выясняется, что герой пишет письма с далекой несуществующей войны, а героиня обращается в своих письмах к некоему возлюбленному в конце XX века. При этом в письмах переплетаются сходные темы.

Главным полем постмодернистской игры становится текст, который нигде не несет больше отрицаемой постмодернизмом идеологии и завершенности/замкнутости/целостности, чем в конвенциональной художественной литературе и истории. В особенности, в истории, поскольку история – это, прежде всего, рассказ, легитимирующий идеологию, поэтому история превратилась в настоящую идею-фикс в русской литературе XIX и особенно XX века [см.: Wachtel 1995]. Это объясняет обращение современного русского романа к историческим темам и жанрам.

Подобно тому, как в романах Сорокина и Шишкина деконструируется литературный дискурс и обнажаются нарративные приемы, в романах Владимира Шарова деконструируется история как когерентный нарратив. Будучи профессиональным историком и строя свои романы на включении религиозных, богословских, философских, мистических, политических и социальных учений, Шаров населил национальные мифы реальными историческими фигурами, создав в своих романах не столько параллельную историю, сколько

параллельную реальность. То трехсотлетняя русская история представлена как спектакль режиссера-француза по пьесе патриарха Никона о России как «земле обетованной» на фоне декораций Нового Иерусалима («Репетиции», 1992), то Ленин организывает крестовый поход детей-беспризорников в Святую землю за светлым будущим («Будьте как дети», 2008). То читатель присутствует при реализации утопии Николая Федорова о воскрешении мертвых, когда толстовцы, юродивые, федоровцы, чекисты, сектанты, антропософы – персонажи русской истории заняты возрождением рода человеческого, начиная с прародителя Адама («Воскрешение Лазаря», 2002), то погружается в мир, где истории нет – прошлое протекает в настоящем, а будущее – в прошлом: знающая секрет постоянного перерождения и проживающая три жизни мадам де Сталь встречается с Николаем Федоровым, который превращается в Ноя. Де Сталь оказывается матерью Сталина (отсюда и его фамилия Сталин) и, выйдя из хрустального гроба, влюбляется в композитора Скрябина, делающего своей музыкой мировую революцию («До и во время», 1993). То герой-историк, погружаясь в чужие письма, дневники и воспоминания, рассказывает о переписке Николая Васильевича Гоголя – потомка и полного тезки писателя Гоголя – со своими родственниками и воспроизводит пространные выписки из этой переписки, раскрывающие попытку дописать «Мертвые души» в качестве палиндрома истории исхода евреев из Египта («Возвращение в Египет», 2013). То подготовка к изданию сочинений Николая Жестовского, философа и монаха, прошедшего много лет в лагерях и описавшего свою жизнь в рукописи, сгинувшей на Лубянке, и многочасовые беседы с его дочерью оборачиваются сагой его семьи, члены которой проживают XX век вплоть до сегодняшнего дня во многом как персонажи классической трагедии, чувствуя себя героями древнегреческого мифа («Царство Агамемнона», 2018). В своих поздних романах Шаров все больше полагался на личную и семейную биографию. Кроме того, в них почти всегда проступает автобиографический пласт, а иногда авторское присутствие становится демонстративным, когда, как в «Возвраще-

нии в Египет», рассказчик обозначается инициалами «В. Ш.».

Эту опору на биографию, автобиографию и семейную историю можно наблюдать в современном русском романе, но она не столько воспроизводит, сколько десакрализует и деконструирует традиционные конвенции русского (авто)биографического и семейного романа через биографию автора – как строит свой «роман-идиллию» «Ложится мгла на старые ступени» (2000) Александр Чудаков, смешивая семейную сагу с реальной автобиографией, смещая повествовательные ракурсы и субъекты повествования, ломая хронологическую линейность; через фиктивную семейную историю – романы Людмилы Улицкой «Медя и ее дети» (1996) и «Казус Кукоцкого» (2000), «Лестница Якова» (2015), где переплетается история семьи и история страны, явь и сон, физиологическое и эзотерическое начала; через притчу – как в романе той же Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» (2006), рассказывающем житие «человека книги» Штайна, сумевшего подняться над религиозными, историческими, этническими, социальными распрями и дать пример веротерпимости, толерантности и взаимодействия людей разных жизненных путей, национальностей и поколений. Такими же притчами являются романы, вошедшие в трилогию Дины Рубиной «Люди воздуха», которая состоит из трех мистических романов «Почерк Леонардо» (2008), главная героиня которого является потомком Вольфа Мессинга, пишет почерком Леонардо да Винчи и имеет мистическую связь с зеркалами; «Белая голубка Кордовы» (2009), главный герой которого гениальный художник и фальсификатор, уважаемый эксперт и авантюрист также обладает невероятным даром симуляции искусства; наконец, «Синдром Петрушки» (2010), рассказывающий о гениальном кукольнике, который создает кукол и благодаря им порождает «иную реальность». Герои романов Рубиной – граждане мира, «люди воздуха», обладающие высшей свободой, без которой невозможно творчество.

В известном смысле, это метафора современного русского романа, нацеленного на слом колеи национальной традиции, в которой он был глубоко укоренен и из которой

пытался выбиться в течение всего XX века. Его сегодняшнее разнообразие питается программным отталкиванием от национальных традиций. Его сегодняшний расцвет совпал с разрывом с ними, а это освобождение, в свою очередь, – с концом литературоцентризма в России. Роман перестал быть местом и доменом национальной идентичности. Он стал полем игры, фантазии, воображения, моделирования и познания – пространством свободы. И подобно тому, как русская литература, бывшая когда-то трибуной и эшафотом, вечевым колоколом и амвоном, редуцировалась до масштабов просто литературы, русский роман стал, наконец, только романом.

Литература

- Век Леонида Леонова. Проблемы творчества. Воспоминания. – М. : ИМЛИ РАН, 2001. – 396 с.
- Добренко, Е. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Е. Добренко. – СПб. : Академический проект, 1997. – 320 с.
- Добренко, Е. Формовка советского писателя: Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры / Е. Добренко. – СПб. : Академический проект, 1999. – 557 с.
- Кларк, К. Советский роман: История как ритуал. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – 259 с.
- Липовецкий, М. Русский постмодернизм / М. Липовецкий. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1997. – 317 с.
- Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений: в 2 т. / О. Э. Мандельштам. – М. : Художественная литература, 1990. – Т. 2. – 464 с.
- Паперный, В. Культура Два / В. Паперный. – Ann Arbor : Ardis, 1985. – 338 с.
- Толстой, А. Задачи литературы / А. Толстой // Из истории советской эстетической мысли 1917–1932 годов. – М. : Искусство, 1980. – С. 184–190.
- Тынянов, Ю. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Тынянов. – М. : Наука, 1977. – 573 с.
- Шкловский, В. Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933) / В. Б. Шкловский. – М. : Советский писатель, 1990. – 544 с.
- Dunham, V. S. In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction / V. S. Dunham. – Cambridge : Cambridge University Press, 1976. – 283 p.
- Friedberg, M. Russian Classics in Soviet Jackets / M. Friedberg. – New York : Columbia University Press, 1962. – 211 p.
- Friedberg, M. A Decade of Euphoria: Western Literature in Post-Stalin Russia, 1954–1964 / M. Friedberg. – Bloomington : Indiana University Press, 1977. – 371 p.
- Gilburd, E. To See Paris and Die The Soviet Lives of Western Culture / E. Gilburd. – Cambridge: Harvard University Press, 2018. – 458 p.
- Wachtel, A. An Obsession with History: Russian Writers Confront the Past / A. Wachtel. – Stanford : Stanford University Press, 1995. – 276 p.

References

- Dobrenko, E. (1997). *Formovka sovetskogo chitatel'ya: Sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoi literatury* [Formation of the Soviet reader: Social and aesthetic prerequisites of reception of Soviet literature]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 320 p.
- Dobrenko, E. (2002). *Formovka sovetskogo pisatelya: Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury* [Formation of the Soviet reader: Social and aesthetic sources of Soviet Literary Culture]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 557 p.
- Dunham, V. S. (1976). *In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction*. Cambridge, Cambridge University Press. 283 p.
- Friedberg, M. (1962). *Russian Classics in Soviet Jackets*. New York, Columbia University Press. 211 p.
- Friedberg, M. (1977). *A Decade of Euphoria: Western Literature in Post-Stalin Russia, 1954–1964*. Bloomington, Indiana University Press. 371 p.
- Gilburd, E. (2018). *To See Paris and Die The Soviet Lives of Western Culture*. Cambridge, Harvard University Press. 458 p.
- Klark, K. (2002). *Sovetskii roman: Istoriya kak ritual* [Soviet novel: History as a ritual]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 259 p.
- Lipovetskii, M. (1997). *Russkii postmodernizm* [Russian postmodernism]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 317 p.
- Mandel'shtam, O. E. (1990). *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [Collected works, in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2. 464 p.
- Papernyi, V. (1985). *Kul'tura Dva* [Culture Two]. Ann Arbor, Ardis. 338 p.
- Shklovskii, V. B. (1990). *Gamburgskii schet: Stat'i – vospominaniya – esse (1914–1933)* [Hamburg account: Articles, memoirs, essays (1914–1933)]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 544 p.
- Tolstoi, A. (1980). *Zadachi literatury* [Tasks of literature]. In *Iz istorii sovetskoi esteticheskoi mysli 1917–1932 godov*. Moscow, Iskusstvo, pp. 184–190.

Добренко Е. А. Судный день русской литературы. Пост-классический роман: канон и трансгрессия

Тупуанов, Ю. (1977). *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow, Nauka. 573 p.
Vek Leonida Leonova. Problemy tvorchestva. Vospominaniya [The epoch of Leonid Leonov. Problems of creative activity. Memoires]. (2001) Moscow. IMLI RAN. 396 p.

Wachtel, A. (1995). *An Obsession with History: Russian Writers Confront the Past*. Stanford, Stanford University Press. 276 p.

Данные об авторе

Добренко Евгений Александрович – профессор славистики, университет Шеффилда (Шеффилд, Великобритания).

E-mail: e.dobrenko@sheffield.ac.uk.

Author's information

Dobrenko Evgeny Alexandrovich – Professor of Slavic Studies, University of Sheffield (Sheffield, Great Britain).

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Галло Я.

Университет им. Константина Философа в Нитре (Нитра, Словакия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7113-9235>

Алефиренко Н. Ф.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4083-4486>

А н н о т а ц и я . В качестве предмета исследования служит текст в свете традиционных и инновационных базовых категорий речевого произведения, в целом определяющих его лингвистическую специфику. В центре внимания находится природа и организация сверхфразовых структур в континууме человеческого общения. Интенсивное исследование текста очерчивает поворот от лингвистики языка к лингвистике высказываний, усиливая внимание к акту общения.

Теоретической и методологической базой данной статьи служат исследования словацких, чешских, русских и других европейских лингвистов, разрабатывающих когнитивно-дискурсивные основания текстопорождения.

Текстоцентрическую логику размышлений, в первую очередь, определяют те современные отечественные и зарубежные концепции интегративного характера, авторы которых, рассматривая сущность текста, озадачены созданием его междисциплинарной концепции, пытаются творчески интегрировать в нее прогрессивные идеи психолингвистических [Кубрякова 1994], семиологических [Гальперин 1981; Тураева 2009.], грамматических [Dressler 1978: 55; Vajžíková 1983], информационных [Sokolová 2017], когнитивно-прагматических [Dolník 2018; Gallo 2013] и ценностно-смысловых [Алефиренко 2012] доктрин. Труды такого плана содержат те новые текстологические идеи, которые послужили источником вдохновения для решения дискуссионных исследовательских проблем текста в свете инновационных стратегий когнитивной дискурсологии. Не ставя перед собой цель создания общего аналитического обзора этапов формирования различных концепций лингвистики текста, в статье все же интерпретируются те базовые основы лингвистической текстологии, которые содержат еще не использованный конструктивный потенциал для осмысления процессов порождения и функционирования высказываний разного речежанрового формата. Они служат методологическими предпосылками, необходимыми для реализации межпарадигмальных гипотез феномена текстуальности и теории функционирования основных языковых категорий в связанной речи.

Во введении приводятся толкования различных понятий современной теории текста, определяются векторы ее развития. В первой части называются стимулирующие предпосылки собственно лингвистического исследования текста. Вторая часть посвящена пропозиционному и коммуникативному аспектам текста с ретроспективным обзором их становления, а также обсуждаются современные тенденции их креативного развития в свете современных лингвистических парадигм. Рассматриваются три основных фактора современной методологии текста. Таковыми выступают в своем триединстве конструктивные положения текстопорождения: (а) двойственная природа языка, (б) когнитивно-прагматическая природа текста и (в) дискурсивно-стилистическая интерпретация речевого произведения, концептуально обусловленного и коммуникативно ориентированного с точки зрения своей структурной и смысловой завершенности. В заключение формулируются тонки перспективного исследования текста: тематема, дискурс, речевая прагматика и фреймовая конфигурация концептов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : двойственная природа языка; дискурс; дискурсивно-стилистическая ипостась текста; когнитивная прагматика текста; коммуникативная когерентность текста; лингвистика текста; пропозиционная организация текста; текст; теория текста; тематема.

TEXT LINGUISTICS: TRADITIONS AND PERSPECTIVES

Jan Gallo

Constantine the Philosopher University in Nitra (Nitra, Slovak Republic)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7113-9235>

Nikolay F. Alefirenko

Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4083-4486>

Abstract. The text is studied in the article in the light of its traditional and innovative basic categories, which generally determine the linguistic specificity of the text. The focus is on the nature and organization of super-phrasal structures in the continuum of human communication. An intensive study of the text outlines the shift from the linguistics of the language to the linguistics of utterances, thus attracting attention to the act of communication.

The works of Slovak, Czech, Russian and other European linguists developing cognitive-discursive foundations of text generation form the theoretical and methodological basis of this article.

The text-centric logic of thought is, first of all, determined by those modern domestic and foreign integrative conceptions the authors of which, considering the essence of the text, start with the formulation of its interdisciplinary theory creatively integrating the progressive ideas of psycholinguistic [Kubryakova, 1994], semiological [Gal'perin 1981; Turayeva 2009], grammatical [Dressler 1978: 55; Bajžíková 1983], information [Sokolová 2017], cognitive-pragmatic [Dolník 2018; Gallo 2013] and value-based semantic [Alefirenko] doctrines. Such publications contain those new textological ideas that have served as a source of inspiration for solving debatable research problems in the light of new paradigms of the cognitive discursive studies. Without setting the goal to give a comprehensive analytical overview of the stages of formation of various conceptions of text linguistics, the article interprets the basic and traditional foundations of linguistic textology which contain the previously unused constructive potential for the interpretation of the processes of generation and functioning of utterances of different genres. They serve as methodological prerequisites necessary for the implementation of new interparadigmatic hypotheses of the phenomenon of textuality and the theory of functioning of the main language categories in coherent speech.

The introduction contains interpretations of various concepts of the modern text theory and determines the vectors of its development. The first part describes the stimulating prerequisites of the purely linguistic study of the text. The second part is devoted to the propositional and communicative aspects of the text with a retrospective overview of their formation, and discusses the modern trends of their creative development in the light of modern linguistic paradigms. Three main factors of modern text methodology are considered. They represent the constructive provisions of text generation in their trinity: (a) the dual nature of the language, (b) the cognitive-pragmatic essence of the text and (c) the discursive-stylistic interpretation of a unit of speech, conceptually bound and communicatively oriented in terms of its structural and semantic completeness. In conclusion, the topics of prospective studies of the text are formulated: textem, discourse, speech pragmatics and frame configuration of concepts.

Keywords: dual nature of language; discourse; discursive-stylistic hypostasis of the text; cognitive-text pragmatics; communicative text coherence; text linguistics; propositional organization of the text; text theory; text; texteme.

Для цитирования: Галло, Я. Лингвистика текста: традиции и перспективы / Я. Галло, Н. Ф. Алефиренко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 23–38. – DOI: 10.26170/FK20-03-02.

For citation: Gallo, J., Alefirenko, N. F. (2020). Text Linguistics: Traditions and Perspectives. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 23–38. DOI: 10.26170/FK20-03-02.

Благодарности: статья выполнена по грантовому проекту ВЕГА 1/0067/19 «Языковые рефлексии социальной эгопрезентации и адресации» (Jazykové reflexie sociálnej egoprezentácie a adresácie).

Acknowledgments: the study is supported by the VEGA 1/0067/19 research grant project Language Reflections of Social Egoresentation and Addressing (Jazykové reflexie sociálnej egoprezentácie a adresácie).

Введение. *Лингвистика текста* (в научной литературе также называемая как *текстовая лингвистика*, *синтаксис текста*, *текстология*, *грамматика текста*) является одним из перспективных направлений лингвистики (напр. психолингвистика, социолингвистика, прагматическая лингвистика, когнитивная лингвистика и др.) и принадлежит, если не к самым молодым, то постоянно привлекающим внимание антропологическим дисциплинам. В то время как в 40-х и 50-х гг. XX в. предпочтения отдавались так называемому синтаксису текста, типологии текстов, устным высказываниям, его коммуникативно-прагматическим свойствам были посвящены только отдельные статьи. И только в 60-х гг. XX в. появились работы междисциплинарного характера. Прежде всего, они отражали практику нарративной психотерапии – продукта плодотворного сотрудничества австралийца Майкла Уайта и новозеландца Дэвида Эпстона, креативно использовавших концепцию Л. С. Выготского – основоположника психолингвистики в России. В 70-х и 80-х гг. активизировались труды лингводидактической направленности. Эта сфера лингвистики стала одной из самых обсуждаемых и широко разрабатываемых.

В данной статье рассматриваются теоретические основы лингвистического исследования текста, формирования и развития общей теории текста, его двойственного понимания. В центре внимания находятся собственно лингвистические тенденции развития дискурсивной текстологии.

Предпосылки лингвистического исследования текста. Обсуждаются разные стимулы становления и развития лингвоцентрической теории текста. С одной стороны, побудительным фактором явилось понимание того, что грамматика, ограниченная только предложением, не способна описать ряд языковых (главным образом – речевых) явлений, таких как последовательность фраз, анафору, фразовое ударение, интонацию и т. п. С другой стороны, исходя из новых потребностей в вербальной коммуникации между людьми, преподавания языка и практики перевода, укрепилась идея о том, что речевое общение может быть реализовано только путем текстообразования и обоснования высшей

структурной единицы бинарной лингвистической системы (язык – речь). Таковой в языковой системе вполне аргументированно стали считать не предложение, а текстему. В речевой системе (обоснование речевой системности принадлежит Е. В. Сидорову, см. [1987а, б]) – текст.

Первые импульсы к появлению лингвистики текста в современном смысле исходят от З. С. Харриса [1952], позже от П. Хартмана [1971], Х. Изенберга [1983], Э. Агриколы [1977], М. Пфютце [1977] и др.

Стилистику, риторiku, теорию функциональной перспективы предложения можно рассматривать как предшественников лингвистики текста, поскольку эти дисциплины стремились определить явления за пределами предложения и уловить значение коммуниката в конкретной ситуации общения.

Первоначально лингвистика текста принимала попытку ограничить системную лингвистику понятием «предложение» применительно к сфере межкультурной и межличностной коммуникации. На следующем этапе лингвистика текста обрела облик грамматики текста, которая в настоящее время является коммуникативно ориентированной. Грамматика текста пыталась интегрировать собственную концепцию текста (ее суть заключалась в собственной речевой реализации текста) с концепцией речевого акта или, в более широком смысле, с концепцией речевого высказывания.

На ранних этапах лингвистики текста, аналогичных другим дисциплинам лингвистики, существовало разделение на *семантику текста*, *синтаксис текста*, *прагматику текста*. *Семантика текста* предметом своего исследования избрала значение, смысл текста и попытку выявить структурирования этого значения. При всей продуктивности семантического осмысления текста, данная ветвь лингвистики текста могла бы стать продуктивной, если бы различала в семантике текста языковые и речевые аспекты: а) семантику текстемы (значение текстемы как языковой единицы и текстотипа) и б) семантику предложения / высказывания (смысл и смысловое содержание речевого построения). *Синтаксис текста* направлен на исследование грамматических средств, с помощью которых зна-

чение текстемы и смысл текста выражается. Поскольку в эпицентре синтаксиса текста оказались семантика и грамматические средства их выражения, эти две отрасли лингвистической текстологии (*синтаксис текста* и *семантику текста*) вполне справедливо, на наш взгляд, стали именовать грамматикой текста. Исследованиями экстралингвистических функций текста стала заниматься *прагматика текста*. Каждая отрасль лингвистики текста не только нашла свою исследовательскую нишу, но и приобрела свое концептуальное своеобразие в трудах основателей и пропагандистов антропоцентрической лингвистики текста – Т. А. Ван Дейка [1980] и В. У. Дресслера [1972]. Своему инновационному облику в Чешской Республике лингвистика текста в основном обязана исследованиям К. Гаузенбласу [1984], Ф. Данешу [1985], М. Гиршовой [1989], Я. Гоффманновой [1988] и др., а в Словакии Е. Байзиковой [1977, 1981, 1998], Ю. Долника [1998] и Я. Соколовой [2012, 2013]. В частности, благодаря их креативным исследованиям текст развернулся своими коммуникативной и пропозиционной гранями.

Пропозиционная и коммуникативная ипостаси текста. Современная лингвистика текста разработала два понимания текста, которые исходят из двух разрабатываемых ныне в текстологии направлений: гиперсинтаксического и функционально-коммуникативного. В основе первого лежит понятие «пропозиция»; в основе второго – процессуальность. Критериями дифференциации являются различные предположения относительно создания, восприятия текста.

Согласно пропозиционному подходу (если под пропозицией понимать глубинную структуру, означаемое высказывания, семантический инвариант, доминанту его модальной и коммуникативной парадигмы), текст определяется как единица с синтаксическими, семантическими и прагматическими свойствами, которые в большинстве случаев можно объяснить теми же средствами, что и синтаксические, семантические и прагматические свойства пропозиций. В рамках этого подхода исследование концентрируется на семантико-синтаксических отношениях между предложениями или единицами языка в последо-

вательных предложениях. Это вопрос так называемой когерентности текста.

Основой *коммуникативного понимания текста* является новейшая ориентация текстовой лингвистики на закономерности языкового общения. В этой концепции тексты понимаются не как «последствия» предложений, а как коммуникационные единицы или единицы, связанные с человеческим общением: эти единицы состоят из временной последовательности языкового общения [ср. Viehweger 1980]. Эта концепция текста подчеркивает языковую и коммуникативную активность человека.

Приведенные два подхода представляют собой две разные концепции описания и анализа текста: 1) подход, ориентированный структурно или системно; 2) функционально ориентированный подход. Тем не менее, оба подхода необходимо понимать комплементарно, поскольку структурные и когерентные отношения нельзя рассматривать отдельно от функциональных отношений.

Пропозиционное понимание текста основывалось на структурной лингвистике, генеративной и трансформационной грамматике. Целью системной лингвистики текста является декларация общепринятых принципов восприятия текста и их системное описание. Текст понимается как связная последовательность предложений (высказываний, пропозиций). Центральной категорией этого понятия является феномен *когерентности текста*. Это относится к синтактико-семантическим отношениям между предложениями или между языковыми единицами (словами, группами слов).

Следующее направление лингвистики текста – коммуникативно направленная лингвистика текста – подчеркивает коммуникативное восприятие текста. Эта концепция развивалась на фоне лингвистической прагматики. Прагматика описывает и объясняет природу и условия языкового общения в определенном сообществе. Прагматика основана, в первую очередь, на теории речевых актов. С прагматической точки зрения текст представляется не порядком, не последовательностью грамматически связанных предложений, а комплексным речевым высказыванием, с помощью которого автор текста стремится

установить определенные отношения в коммуникации с реципиентом текста. Поэтому коммуникативно ориентированная лингвистика текста является телеологической. Развитие лингвистики текста в последние два десятилетия принадлежит к одним из «самых современных» и самых популярных направлений исследования в лингвистике. Тем не менее, до сих пор еще не удалось прояснить вопрос об их основных категориях, и, таким образом, определить лингвистику текста как отдельную дисциплину. Этот недостаток привел к тому, что термин «лингвистика текста» охватывает большее количество частично новых, но и частично более старых направлений исследования. В каждой из этих текстовых лингвистических концепций можно различить множество мнений, методов и категорий, а также встречаются и различия в терминологии.

Междисциплинарные векторы развития теории текста. Основываясь на размышлениях о состоянии и перспективах развития науки о тексте в новом столетии, в новых условиях исследования, мы должны учитывать следующее.

Формирование и расширение лингвистики текста до сих пор сопровождается дискуссиями о сущности ее объекта. В первые годы дискуссии были сосредоточены на оппозиции текст – предложение; текст – высказывание; текст: письменный или устный; текст – нетекст, и, наконец, в настоящее время это оппозиция текст – дискурс. Последняя пара категорий была в центре повышенного интереса как теоретически, так и практически направленных работ всех исследователей, занимающихся коммуникативной и речевой деятельностью человека. Интересы таких исследователей в реализации специфики междисциплинарной программы объединили дисциплины, «собранные под „когнитивным зонтиком“ дисциплины для реализации особенностей междисциплинарной программы: изучение процессов, так или иначе связанных со знанием и информацией» [Кубрякова 1994: 35]. На традиционные лингвистические категории и понятия наложилась новая система координат, которая сместила вектор исследования с внутриязыковой структуры текста на

динамические процессы психического (ментального) выражения, на обработку знаний.

Около десяти лет назад сомнения относительно того, что на самом деле исследует (должен исследовать) лингвист – текст или дискурс – были с точки зрения отечественных или зарубежных исследований в центре внимания приблизительно на одинаковом уровне. Основные причины исследования традиционной текстоцентрической парадигмы следующие:

1. Зарождение лингвистической теории текста восходит к 50-м – 60-м гг. XX столетия. С конца 60-х гг. лингвистика текста развивалась в условиях противоречивого определения текста. Лингвистика текста эксплицитно исходила из знаний риторики и классической филологии. Формированию теории текста в русском языкознании явно способствовали работы Н. С. Поспелова [ср. 1960]. Исследование, проведенное Поспеловым в контексте синтаксиса, в основном превысило его «порог», поскольку показало, что в тексте есть что-то «надфразовое» (= сверхфразовое). Поэтому его теоретические результаты во многом определили понимание текста и направление его изучения.

2. В 60–70-е гг. XX столетия учение о тексте стало отдельной лингвистической дисциплиной. Притом оно отражает филологические традиции и различия, ср. лингвистика текста, грамматика текста, стилистика текста, герменевтика текста, теория текста и др. Главная особенность учения о тексте заключается в том, что предметом исследования является уже не связь предложений (сверхфразовое единство, абзац и др.), а текст в целом. Изменение предмета теории текста имеет теоретико-коммуникативную основу и последствия: текст рассматривается как средство (единица, основа, форма и т. д.) общения. Это изменение отражает использование термина *текст* для обозначения текста в целом и его частей часто во взаимно конкурирующих терминах: многочленное сложное предложение, высказывание, коммуникат (в чешской и словацкой текстологической традиции). В данные годы исследователи стремятся определить текст, обосновать его статус в системе *язык – речь* (текст воспринимается как высшая синтаксическая единица), квалифицировать его

как синтаксический знак, определить его иерархическую структуру, изучить его с точки зрения содержания и выражения, функций, с позиций моделирования и т. п. В этот период вопрос о признаках и свойствах текста также считался важным. Решающими среди них были признаки связности и/или целостности. Таким образом, 60-е и 70-е гг. были завершающим периодом в формировании учения о тексте как объекте лингвистики. Текст воспринимается как единица, формирующая высший уровень речевой системы, а также единица, обслуживающая речевое общение. Такое собственно лингвистическое понимание текста приводит к необходимости сопряжения лингвистического и междисциплинарного подходов к исследованию текста. Основными представителями, успешно реализующими данный подход, являются Ф. Данеш [1979], Т. А. ван Дейк [1977], В. Дресслер [1972, 1973], А. Ж. Греймас [1971], П. Хартманн [1972], М. А. К. Халидей, Р. Хасан [1979], Т. М. Николаева [1978], К. Гаузенблас [1972] и др.

3. В 80-х и 90-х гг. XX в. была выработана консолидированная установка восприятия текста как самостоятельной высшей единицы речевого общения. Подход снизу вверх был очевиден: от уровня предложения до текста как связанной совокупности предложений. Этот период начался с публикации монографии И. Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» [1981]. Автор в ней дает определение текста через его параметры и категории: «текст – это данность, имеющая свои, присущие только ей, параметры и категории...: информативность, членность, когезию, континуум, автосемантию отрезков текста, ретроспекцию и проспекцию в тексте, модальность, интеграцию и завершенность текста» [там же]. Одним из важнейших результатов этого периода является инновационное формирование и развитие направлений, подходов и методов исследования текста с точки зрения «самоопределения» как его «самопознания». В качестве основного средства воплощения такого рода инноваций к исследованию специфики текста был адаптирован метод бинарных оппозиций, позволяющий показать существенную роль противопоставления в формировании структурно-семантического единства текста [ср. Vajz-

íková 1983, 1996; de Beaugrande 1980, 1981, 1982; Čechová 1988; Černý 1990; Čmejrková 1990; Daneš 1983, 1985, 1988, 1989, 1994; van Dijk 1980; Dolník 1998; Glowinski 1986; Halliday, Hasan 1989; Hausenblas 1988; Heinemann, Viehweger 1991; Hoffmannová 1989, 1993; Homoláč 1994; Hrbáček 1991; Kusý a kol. 1989; Müllerová 1994; Pfister 1985; Plett 1991, Vater 1992] и др. Было обращено внимание на значимую конструктивную роль лексических, фразеологических и грамматических антонимов в создании текстовой антонимии. Как убеждают наши наблюдения, каждый из упомянутых типов антонимов вносит своеобразный вклад в формирование когезии текста, связывая его элементы на основе противоположности их значений. Антонимические отношения между элементами текста реализуются через диктему – «минимальную тематическую единицу, состоящую из одного или нескольких предложений. Именно такая единица, а не сверхфразовое единство, по определению состоящее только из нескольких предложений, образует особый уровень языка, следующий за уровнем предложения, – потому что в уровневой системе языка единица каждого последующего уровня состоит из одной или нескольких единиц предыдущего» [Блох 2000: 115]. Антонимические оппозиции, входящие в одно предложение или находящиеся в разных предложениях в одном монологе, способствуют семантической связи предложений внутри диктемы – элементарная ситуативно-тематическая единица текста, состоящая из одного или нескольких высказываний. В контактных или дистантных диктемах такие оппозиции выступают также средством когезии в гипердиктеме и даже в пределах разных гипердиктем. Конструктивными средствами связности текста выступают также несистемные типы антонимических оппозиций: а) *контекстуальные оппозиции*, передающие смысловые противоположности в пределах того или иного контекста речевыми единицами, которые системными антонимами не являются; б) *имплицитные оппозиции*, содержащие невербализованное (скрытое) отрицание; в) *субституционные оппозиции*, в которых используются слова и конструкции, способные вступать в антонимические оппозиции с любыми речевыми структурами, содержащими выражения в про-

тивном случае, иначе; не такой, как; неодинаковый; вместо, за исключением и т. п.; 4) *парафразийные оппозиции*, образованные противопоставлением антониму базового предложения его парафразы, интерпретирующей смысл исходного антонима [см. Боева 2001: 26–29].

Однако доминирующим методологическим камертоном современной лингвистической текстологии служит функциональное, или телеологическое направление, основанное на операционных, коммуникативных, информационно-функциональных и когнитивных постулатах. Ведущими «ветвями» [ср. Kibrik, Plungian 2002] текстоцентрического функционализма является а) коммуникативный и б) когнитивный подходы. Коммуникативный принцип ориентирует исследование текста как акта общения. Для когнитивного подхода существенными в тексте являются выраженные знания как говорящего, так и реципиента о коммуникативном событии.

Таким образом, можно констатировать, что в этот период основное внимание уделяется процессам восприятия и рецепции текста, которые рассматриваются как результаты когнитивных процессов, т. е. как процессы приобретения, обработки, представления и сохранения знаний [ср. Николаева 2000; Adamzik 2004; Кубрякова 1994; Демьянков 1994].

Е. А. Гончарова и И. П. Шишкина справедливо отмечают, что современный интерес к тексту «можно считать логическим продолжением функционально и коммуникативно-ориентированного изучения языка, у истоков которого, с одной стороны, стоят Ф. Де Соссюр с его теорией антономии языка и речи, а с другой Пражский лингвистический кружок, сделавший центральным предметом своих наблюдений функционирование языка как действующей и неразрывной связи с его носителем-человеком и открытой коммуникативным обстоятельствам системы» [Гончарова, Шишкина 2005: 5].

4. В центре внимания современной лингвистики текста находится широкий спектр активно производимых устных, письменных и электронных речевых произведений (медиа-текст, гипертекст, гиперссылки, медиа-дискурс, компьютерный дискурс, политический и масс-медиа-дискурс) [ср. Cinge-

rová, Dulebová 2019; Gazda 2018; Gallo 2017; Svobodová 2016; Schneiderová 2015; Bajžíková 1996; Čechová a kol. 1996, 2000; Dulebová 2011, 2012; Азимов 2012: 79–115].

Российскими лингвистами недавно был опубликован ряд монографий по таким актуальным проблемам теории и анализа текста, как интертекстуальность, поликодовость, дискурсивность и т. д. [ср. Болотнова 2019; Алефиренко и кол. 2012; Алефиренко 2019; Фатеева 2012; Чернявская 2009; Одинцов 2010; Тураева 2009; Пьеге-Гро 2008; Земская и кол. 2010 и др.]. Среди них свежую струю вносит работа Е. В. Чернявской [2009], в которой автор, кроме прочего, рассматривает проблематику текста как *поликодового коммуника*, связывающего текст с изображением. Автор также обращает внимание на требующие углубленного исследования (а) текущую гетерогенность (неоднородность) текста, (б) монтажи текстовых типов, а также (в) интердискурсивность. «Если при интертекстуальности в создаваемый текст автор намеренно тематизирует взаимодействие между текстами, делает видимыми для читателя заимствованные слова и высказывания, которые переосмысляются автором и служат воплощению его замысла» [Пелевина 2008: 137], то «интердискурсивность носит реципиенто-ориентированный характер и требует от реципиента демонстрации высокого уровня научной и художественной абстракции» [Иерусалимская 2016]. Значимость интердискурсивности состоит в его способности делать художественный текст более объемным, актуализировать культурную память, включать культурные коды, способные сохранить и транслировать ценностно-смысловую информацию из различных сфер культуры, способ сохранения и трансляции культурной информации, аналог культурной памяти.

Последние российские исследования в области лингвистики текста доказывают, что именно прагматика дискурса в настоящее время приобретает особую актуальность. Анализируется компьютерный, политический, медицинский, коммуникативный и философский дискурс, а также дискурс отдельных социальных групп, беженцев, заключенных и др.

В Словакии акцентируется внимание на развитии традиционной проблематики линг-

вистики текста в свете новых лингвистических парадигм. В частности нитрянская русистика к настоящему моменту обогатилась четырьмя монографиями [Соколова 2012, 2016, 2017; Соколова, Корина 2013] и одной хабилитацией [Gallo 2013]. В 2015–2017 гг. на кафедре русистики Философского факультета им. Константина Философа в Нитре выполнялся также грантовый проект VEGA (*Text a textová lingvistika v interdisciplinárnych a intermediálnych súvislostiach* = Текст и лингвистика текста в интердисциплинарных и интермедиальных взаимосвязях).

Таким образом, вопрос о том, что такое текст, каков статус этой лингвистической категории в свете новых направлений исследования, в частности, новой когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания, получает новые перспективы и стимулы своего решения. Каковы признаки, факторы, обеспечивающие текстопорождение и его восприятие и делающие текст текстом? Это та группа вопросов, которую лингвистика текста уже задавала в 70-х гг. XX столетия и которые снова находятся в центре лингвистических дискуссий уже на новом витке развития научного мышления.

Среди побудительных причин развития лингвистики текста с точки зрения новых языковедческих парадигм основополагающими являются (а) двойственная природа языка, (б) когнитивно-прагматическая природа текстопорождения и (в) дискурсивно-стилистическая архитектура речевого произведения.

1. С точки зрения понимания двойственной природы языка становится все более очевидным, что грамматика, ограниченная только языковыми свойствами предложения, не способна выявить конструктивный потенциал тех речевых явлений, которые формируют полномасштабную архитектуру речевого произведения. При этом на периферии внимания оказываются, например, такие конституирующие текст средства, как закономерности построения последовательности фраз, анафора, фразовое ударение, интонация и т. п.). С другой стороны, исходя из новых парадигмальных подходов к осмыслению сущности интерактивного общения, лингводидактики и транслятологии, возникла идея

о том, что языковое общение осуществляется на основе обобщенных воспроизводимых моделей текстопорождения. Это стимулирует поиск более совершенной модели иерархии языковых уровней и их функциональное взаимодействие с соответствующими им речевыми единицами. Это требует «технологического» развития постулата о том, что каждая языковая единица представляет собой инвариантное образование, обобщающее в себе всю совокупность репрезентирующих его речевых вариаций и вариантов.

2. Соответственно, и в категориальном аппарате теории текста закономерно должны проявляться оппозиции классов терминов, адекватно представляющих соотношение в лингвистической текстологии языковых и речевых единиц. В метаязыке лингвистики текста также целесообразно противопоставлять этические (фразовые) и эмические (языковые) категории. Последние текстовые феномены предпочитают маркировать деривационным компонентом-финалью *-ема* (*текстема*), носителем специального смысла – «нечто принадлежащее системе языка, а не речи». Маркер удачный по двум причинам: а) явно рифмуется с термином *система* (*текстема* – *система*) и б) вписывается в уже традиционно существующий ряд всех терминов с финалией *-ема*, обозначающих собственно языковые единицы и обобщенные классы языковых явлений. Как эмический ментальный прообраз речевого произведения, данная единица стала рассматриваться в качестве своего вариативного воплощения. Иначе говоря, под текстомой следует понимать потенциальный (идеальный) конструкт в отличие от актуального, конкретно создаваемого речевого произведения.

3. В рамках когнитивно-прагматической парадигмы *текстема* предстает как концептуально обусловленная модель текста коммуникативного назначения. Будучи «вертикальной» концептуально-когнитивной структурой, *текстема* служит идеальным субстратом текста [ср.: Фефилов 2010]. Согласно установкам когнитивно-прагматической парадигмы, текст – локутемное (речемыслительное) единство совокупных пропозиций и пропозиционных блоков, которые служат средством соотношения высказываний в составе текста

с теми или иными элементами коммуникативного события. Когнитивным субстратом высказывания (и формат текста не исключение) служит пропозиция. Это ставшее аксиомой утверждение нуждается, однако, в когнитивно-прагматическом разъяснении (как пропозиция оказывается синтаксическим концептом высказывания). Конкретное предложение как конструктивный знак коррелирует с коммуникативным событием (реальным или воображаемым) как своим денотатом.

4. Такого рода корреляция осуществляется путем вычленения в коммуникативном событии такого его фрагмента, который, будучи членимым, образует целостную структурно-семантическую конфигурацию. При этом синтаксическим денотатом оказывается не банальная совокупность отдельных элементов реальной действительности, а их смысловая конвергенция. Предметы, связанные в пределах дискурсивной ситуации предпозициональным отношением, воспринимаются как участники (участники) данной ситуации. Отношения предметных участников ситуации отображают те признаки, для выражения которых и служит порождаемое высказы-

вание. Поскольку коммуниканты встречаются с весьма разнообразными дискурсивными ситуациями, они вынуждены, вербализуя познаваемый мир, единичные ситуации объединять в классы, их свойства «приписывать» тем или иным предметам мысли.

С отдельными семантическими элементами дискурсивных ситуаций коррелируют семантемы – односторонние семасиологические единицы. Это своего рода означаемые как номинативных единиц (слов и фразем), так и синтаксических конструкций.

Внеязыковая ситуация отображается семантической конструкцией, или конфигурацией. Ее ядром служит семантема, отображающая признак, т. е. отношение или свойство. Это предикатная (признаковая) семантема, или семантический предикат. Признаковая семантема, содержащая определенные валентностные свойства, тут же создает свое контекстуальное поле в виде актантных семантем, репрезентирующих участников дискурсивной ситуации. См. схему пропозиции текста стихотворения А. С. Пушкина «Ангел»:

В дверях эдема ангел нежный
 Главой поникшею сиял...

Предикат пропозиции доминирует над своими актантами как первичный способ «упаковки» информации в текстовом формате. Сопряжение ряда пропозиций форми-

рует смысловую доминанту текста. В целом, текстема служит конструктивной единицей, с помощью которой язык реализует свою дискурсивно-прагматическую репрезентацию.

5. Дискурсивно-стилистическая интерпретация множества речевых (текстовых) реализаций текстыемы позволяет утверждать, что текстыема имеет концептуально-дискурсивную структуру. В основе текстыемы лежат фреймовые конфигурации концептов из категориально-семантических признаков субстанциальности, акциональности, темпоральности, квалитативности и квантитативности. Та или иная фреймовая конфигурация концептов становится доминантной в зависимости от ядерного концепта и от смысловых сигнификативно-оценочных признаков, отраженных в данном ядерном концепте [ср. Фефилов 2011: 13]. Иначе говоря, процесс текстуализации носит сопряженный характер: а) лингвоментальный (опираясь на этноязыковое сознание проходит логосемную объективацию); б) дискурсивно-прагматический (через конвергенцию текстом и речемыслительные механизмы порождения высказывания), актуализируя лексико-семантические, синтаксические, анафорические, катафорические и др. связи логико-семантического и стилистического характера.

Выводы. Хотя идея изучения связного текста возникла в противовес «атомизму» и классификационным (таксономическим) методам исследования базовых языковых единиц, создаваемая текстоцентрическая парадигма длительное время была ориентирована на познание внутриязыковой структуры текста (предложение, сверхфразовое единство, абзац), что на первых этапах становления теории текста было вполне оправданным [ср. Бабенко 2004]. Лингвоцентрический подход, основанный на изучении закономерностей функционирования языковых единиц и категорий на сверхсинтаксическом уровне, подготовил почву для семантико-прагматического исследования текста.

Перспективы неординарного изучения текста обусловлены необходимостью объяснить язык (а) как системное когнитивно-коммуникативное явление с точки зрения современной лингвистики, (б) как целостное средство коммуникации. Углубленное осмысление текста в таком ракурсе позволит эксплицировать скрытые связи языка с различными аспектами человеческой деятельности,

реализуемые через текст. Постановка и решение этих задач обусловлены признанием текста средством существования вечно живого и многофункционального языка. Это открывает дополнительные возможности для смысла тех его закономерностей, которые обнаруживаются только тогда, когда языковые единицы функционируют на тех структурных ярусах, которые превышают уровень предложения. При этом в эпицентре внимания оказывается одно из основных предназначений языковой системы – *функция текстопорождения* [Halliday 1979: 139]. Такой подход расширяет горизонты самой дисциплины, изучающей текст не только в линейно-нарративном ракурсе, но и в дискурсивно-синергийном. Это предполагает отнесение к ведению лингвистики текста, кроме последовательно и линейно связанных предложений или абзацев, связанных общей темой и основной мыслью, но и природу, предпосылки и условия дискурсивного текстопорождения.

Такая стратегия исследования текста позволит декларируемый поворот от лингвистики языка к лингвистике высказывания превратить в речемыслительную реалию.

Описание многосторонней системы, такой как текст, подразумевает включение принципиально новой системы восприятия и методов анализа, а также использование результатов, полученных лингвистикой ранее.

Выстраиваемая нами парадигма современной лингвистической текстологии определяет новые векторы развития теории текста от пропозиционного и коммуникативного истолкования текста, т. е. от выявления в тексте структурных отношений в свете и языковой и коммуникативной активности человека, – к исследованию его когнитивно-культурологической синергетики. Такой подход, опираясь на лингвоцентрические данные, позволит сосредоточиться на взаимодействии дискурсивно-прагматических, ценностно-смысловых и речепорождающих свойствах текста. В конечном итоге, такого рода синергетические исследования позволят выявить конструктивные механизмы дискурсивного порождения и функционирования текста как дискурсивного со-бытия, в котором сосуществует, точнее, взаимодействует множество смыслов, интенций и интертекстов.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Текст и дискурс : учебное пособие для магистрантов / Н. Ф. Алефиренко [и др.]. – М. : Флинта ; Наука, 2012. – 232 с.
- Алефиренко, Н. Ф. Дискурс: Смыслорождающий механизм текста : монография / Н. Ф. Алефиренко. – Градец Кралове : Gaudeamus, 2019. – 226 с.
- Азимов, Э. Г. Информационно-коммуникационные технологии в преподавании русского языка / Э. Г. Азимов. – М. : Русский язык. Курсы, 2012. – 352 с.
- Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для студентов филологических специальностей вузов / Л. Г. Бабенко. – М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – 462 с.
- Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – М. : Высшая школа, 2000. – 160 с.
- Блох, М. Я. Диктема в уровневой структуре языка / М. Я. Блох // Вопросы языкознания. – 2000 – № 4. – С. 56–67.
- Боева, Н. Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке : автореф. дис.... д-ра филол. наук / Боева Н. Б. – М., 2001. – 32 с.
- Болотнова, Н. С. Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиадискурса : учебное пособие / Н. С. Болотнова. – М. : Флинта, 2019. – 156 с.
- Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 138 с.
- Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4.
- Гончарова, Е. А. Интерпретация текста. Немецкий язык : учебное пособие для педагогических вузов / Е. А. Гончарова, И. П. Шишкина. – М. : Высшая школа, 2005. – 368 с.
- Дресслер, В. Введение в лингвистику текста / В. Дресслер // Проблемы теории текста : реферативный сборник. – М., 1978. – С. 55–73.
- Земская, Ю. Н. Теория текста : учеб. пособие / Ю. Н. Земская, И. Ю. Качесова, Л. М. Комиссарова [и др.]. – М. : Флинта ; Наука, 2010. – 224 с.
- Иерусалимская, А. О. Интертекстуальность vs Интердискурсивность как сложившийся дискурс / А. О. Иерусалимская // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2016. – № 2. – С. 104–111.
- Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян // Современная американская лингвистика: функциональные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. – М. : Editorial URSS, 2002. – С. 276–339.
- Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
- Ласина, Л. Внутреннее время текста: лексико-грамматические и онтологические модели / Л. Ласина. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010. – 225 с.
- Николаева, Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспектива / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Изд-во «Прогресс», 1978. – Вып. 8. – С. 5–39.
- Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Изд-во «Прогресс», 1978. – Вып. 8. – С. 467–472.
- Николаева, Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М. : Языки славянских культур, 2000. – 681 с.
- Одинцов, В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – М. : Книжный дом «Либроком», 2010. – 264 с.
- Пелевина, Н. Н. Интердискурсивность научного и художественного текстов / Н. Н. Пелевина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – Вып. 78. – С. 137–143.
- Поспелов, Н. С. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина / Н. С. Поспелов. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 249 с.
- Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности : перевод с фр. / Н. Пьеге-Гро ; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
- Сидоров, Е. В. Проблемы речевой системности / Е. В. Сидоров; отв. ред. В. Н. Ярцева ; Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1987а. – 140 с.
- Сидоров, Е. В. Системное определение текста и некоторые проблемы коммуникативной лингвистики / Е. В. Сидоров // Вопросы системной организации речи. – М., 1987б. – С. 38–50.
- Соколова, Я. Вербальный текст. Очерки о моно-, семи- и поликодовости / Я. Соколова. – Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2016. – 198 с.
- Соколова, Я. Человек – Язык – Дискурс. Очерки об ориентации в пространстве языка и речи / Я. Соколова, Н. Корина. – Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2013. – 206 с.
- Текст: теоретические основания и принципы анализа : учеб.-науч. пос. / под ред. проф. К. А. Роговой. – СПб. : Златоуст, 2011. – 464 с.
- Тураева, З. Я. Лингвистика текста: Структура и семантика : учебное пособие / З. Я. Тураева. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 144 с.
- Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012. – 280 с.
- Фефилов, А. И. Текстама (энциклопедическая) / А. И. Фефилов // Мир лингвистики и коммуникации. – 2011. – Т. 1, № 23. – С. 13–23.

- Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учебное пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.
- Adamzik, K. Textlinguistik. Eine Einförende Darstellung / K. Adamzik. – Tübingen : Niemeyer, 2004. – 176 p.
- Agricola, E. Textstruktur aus linguistischer Sicht / E. Agricola // Germanistische Studententexte: Wort – Satz – Text. Ausgewählte Beitröge zur Sprachwissenschaft / ed. : J. Barz, U. Fix, – Leipzig, 1977. – P. 244–249.
- Alefirenko, N. Metaphorical Discourse: in Search for the Essence of Speech Imagery / N. Alefirenko // Cuadernos de Rusística Española. – 2018. – Vol. 14. – P. 49–65.
- Bajzíkóvá, E. Vymedzenie textovej jednotky / E. Bajzíkóvá // Jazykovedný časopis. – 1977. – Vol. 28, № 2. – P. 157–165.
- Bajzíkóvá, E. Gramatické prostriedky pri spájani viet / E. Bajzíkóvá // Studia Academica Slovaca. 6. Prednášky XIII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry / ed. J. Místrík. – Bratislava : Alfa, 1977. – P. 35–44.
- Bajzíkóvá, E. Внутритекстовые связи / E. Bajzíkóvá // Об интерпретации художественного текста. 6 : сборник статей Кабинета литературной коммуникации и экспериментальной методики при Педагогическом факультете в г. Нитре / ed. J. Kópál. – Bratislava : Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1981. – P. 139–148.
- Bajzíkóvá, E. Hodnotiace jazykové prostriedky v texte / E. Bajzíkóvá // Studia Academica Slovaca. 10. Prednášky XVII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry / ed. Š. Ondruš. – Bratislava : Alfa, 1981. – P. 43–52.
- Bajzíkóvá, E. Lexikálne opakovanie ako prostriedok výstavby textu / E. Bajzíkóvá // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica. 28 / ed. E. Pauliny. – Bratislava : Univerzita Komenského, 1981. – P. 67–76.
- Bajzíkóvá, E. Nadväznosť odsekov z hľadiska textovej syntaxe / E. Bajzíkóvá // Slovenská reč. – 1983. – Vol. 48, № 3. – P. 141–146.
- Bajzíkóvá, E. Jazykové prostriedky v procese kohézie / E. Bajzíkóvá // Fungovanie jazykových prostriedkov v texte / ed. E. Krošláková. – Nitra : Vysoká škola pedagogická, 1996. – P. 23–26.
- Beaugrande, R. A. de. Text, Discourse and Process. Toward a Multidisciplinary Science of Texts / R. A. de Beaugrande. – London ; New York : Longman Alex Publishing Corporation, 1980. – 336 p.
- Beaugrande, R. A. de. Textlinguistics through the years / R. A. de Beaugrande, W. Dressler // Text: Spec. Anniversary Iss. Looking Ahead: Discourse Analysis in the 1990s. – London ; New York, 1981. – Vol. 10.
- Beaugrande, R. A. de. Text production. Toward a Science of Composition / R. A. de Beaugrande. – Norwood, New Jersey : Ablex, 1982. – 256 p.
- Cingerová, N. Jazyk a konflikt. My a tí druhí v ruskom verejnom diskurze / N. Cingerová, I. Dulebová. – Bratislava : Univerzita Komenského v Bratislave, 2019. – 202 p.
- Čechová, M. K procesu prijímání textu / M. Čechová // Acta Universitatis Carolinae, Philologica 4–5, Slavica Pragensia XXXII. – 1988. – P. 25–33.
- Čechová, M. Text / M. Čechová, et al. // Čeština – řeč a jazyk. – Praha : Institut sociálních vztahů, 1996. – P. 350–359.
- Čechová, M. Čeština – řeč a jazyk. 2. rozšířené a přepracované vydání / M. Čechová, et al. – Praha : ISV, 2000. – P. 355–375. – (Komunikát a text).
- Černý, J. Textová lingvistika – kapitola z dějin lingvistiky / J. Černý // Studie z textové lingvistiky : sborník materiálů z konference o textové lingvistice v Rožnově pod Radhoštěm (duben 1988) pod redakcí Rudolfa Zimeka. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 1990. – P. 7–14.
- Čmejrková, S. Lingvistika mezi situací a textem / S. Čmejrková // Naše řeč. – 1990. – Vol. 73, № 3. – P. 145–149.
- Daneš, F. O identifikaci známé (kontextově zapojené) informace / F. Daneš // Slovo a slovesnost. – 1979. – Vol. 40, № 4. – P. 257–270.
- Daneš, F. Welche Ebenen der Textstruktur soll man annehmen? / F. Daneš // Linguistische Studien des ZISW, Reihe A, Arbeitsberichte 112 / Hrsg. F. Daneš, D. Viehweger. – Berlin : Akademie der Wissenschaften der DDR, 1983. – P. 1–11.
- Daneš, F. Věta a text. Studie ze syntaxe spisovné češtiny / F. Daneš. – Praha : Akademie, 1985. – 236 p.
- Daneš, F. Předpoklady a meze interpretace textu / F. Daneš // Acta Universitatis Carolinae, Philologica 4–5, Slavica Pragensia XXXII. – 1988. – P. 85–109.
- Daneš, F. Několik myšlenek o textově lingvistickém modelování procesů translace / F. Daneš // Slovo a slovesnost. – 1989. – Vol. 50, № 3. – P. 177–186.
- Dijk, T. A. van. Text and context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse / T. A. van. Dijk. – London : Longman, 1977. – 261 p.
- Dijk, T. A. van. Textwissenschaft. Eine interdisziplinäre Einführung / T. A. van. Dijk. – München : Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1980. – 284 p.
- Dolník, J. Textová lingvistika / J. Dolník, E. Bajzíkóvá. – Bratislava : Stimul, 1998. – 134 p.
- Dolník, J. Jazyk v pragmatike / J. Dolník. – Bratislava : Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2018. – 198 p.
- Dressler, W. U. Einführung in die Textlinguistik / W. U. Dressler. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1972. – 136 p.
- Dudová, K. Od modálnosti vety k modálnosti textu / K. Dudová. – Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2014. – 162 p.
- Dulebová, I. Politický diskurz ako objekt výskumu politickej lingvistiky a jeho lexikálne osobitosti v súčasnej ruštine a slovenčine. Dizertačná práca / I. Dulebová. – Bratislava : Univerzita Komenského v Bratislave, 2011. – 113 p.
- Dulebová, I. Politický diskurz ako objekt lingvistického výskumu / I. Dulebová // Jazyk a kultúra. – 2012. – Vol. 3, № 9. – P. 1–5.
- Gallo, J. Text ako diskurzívno-pragmatická kategória. Habilitačná práca / J. Gallo. – Nitra, 2013. – 137 p.
- Gallo, J. Elektronické texty v kontexte súčasnej komunikácie / J. Gallo // Slavica Nitriensia. – 2017. – Vol. 6, № 2. – P. 17–33.
- Gazda, J. Языковые особенности современного русского внешнеполитического дискурса / J. Gazda // Rosica Olomucensia LVII : sborník příspěvků z mezinárodní konference XXIV. Olomoucké dny rusistů 7. – 8. září 2017 / ed. M. Pálušová, P. Varga, O. Chadaeva. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2018. – P. 101–109.

- Glowiński, M. O intertekstualności / M. Glowiński // Pamiętnik Literacki. – 1986. – Vol. 77, № 4. – P. 75–100.
- Greimas, A. J. Strukturele Semantik. Methodologische Untersuchungen / A. J. Greimas. – Braunschweig : Friedr. Vieweg + Sohn, 1971. – 241 p.
- Halliday, M. A. K. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. – 3. ed. – London : Longman, 1979. – P. 374.
- Harris, Z. S. Discourse analysis / Z. S. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28, № 1. Linguistic Society of America Stable. – P. 1–30.
- Hartmann, P. Text, Texte, Klassen von Texten / P. Hartmann // Strukturelle Textanalyse / Hrsg. Walter A. Koch. – Hildesheim ; New York, 1972. – P. 1–22.
- Hausenblas, K. Text, komunikáty a jejich komplexy (Zamyšlení pojmoslovné) / K. Hausenblas // Slovo a slovesnost. – 1984. – Vol. 45, № 1. – P. 1–7.
- Hausenblas, K. Interpretace textu a její druhy v současné komunikaci / K. Hausenblas // Acta Universitatis Carolinae, Philologica 4–5, Slavica Pragensia XXXII. – 1988. – P. 13–24.
- Heinemann, W. Textlinguistik. Eine Einführung (Reihe Germanistische Linguistik) / W. Heinemann, D. Viehweger. – Tübingen : Niemeyer, 1991. – 310 p.
- Hirschová, M. Úvod do teorie textu / M. Hirschová. – Olomouc : Rektorát Univerzity Palackého v Olomouci, 1989. – 82 p.
- Hlavatá, R. Tvorba a analýza textu / R. Hlavatá. – Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2015. – 116 p.
- Hlavatá, R. Jazyk ako text (vysokoškolský učebný materiál z praktickej štylistiky) / R. Hlavatá, et al. – Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2019. – 174 p.
- Hoffmannová, J. Komunikační charakteristiky textu a interpretace smyslu / J. Hoffmannová // Acta Universitatis Carolinae, Philologica 4–5, Slavica Pragensia XXXII. – 1988. – P. 149–158.
- Hoffmannová, J. Modelování textových typů ve vztahu ke komunikačním procesům II / J. Hoffmannová // Slovo a slovesnost. – 1989. – Vol. 50, № 3. – P. 187–204.
- Hoffmannová, J. Koherence, koheze, konexe...? / J. Hoffmannová // Slovo a slovesnost. – 1993. – Vol. 54, № 1. – P. 58–64.
- Homoláč, J. Transtextovost a její typy (1. část) / J. Homoláč // Slovo a slovesnost. – 1994. – Vol. 55, № 1. – P. 18–33.
- Homoláč, J. Transtextovost a její typy (2. část) / J. Homoláč // Slovo a slovesnost. – 1994. – Vol. 55, № 2. – P. 99–105.
- Hrbáček, J. Text, promluva a nadpromluvvé útvary / J. Hrbáček // Slovo a slovesnost. – 1991. – Vol. 52. – № 2. – P. 123–129.
- Isenberg, H. Grundfragen der Texttypologie / H. Isenberg // Linguistische Studien des ZISW, Reihe A, Arbeitsberichte 112 / Hrsg. F. Daneš, D. Viehweger. – Berlin, 1983. – P. 303–342.
- Kusý, I. Text a textológia / I. Kusý, et al. – Bratislava : Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1989. – 160 p.
- Lacková, M. Interlingválne homonymá v súčasných slovanských jazykoch / M. Lacková. – Žilina : EDIS, 2015. – 113 p.
- Müllerová, O. Mluvený text a jeho syntaktická výstavba / O. Müllerová. – Praha : Academia, 1994. – 145 p.
- Pfister, M. Imitation und Intertextualität bei Robert Lowell / M. Pfister // Intertextualität. – Tübingen : Niemeyer, 1985. – P. 311–332.
- Pfütze, M. Überlegungen zu Methoden, Arbeitsschritten und Analyseverfahren bei der Arbeit an erortemden Texten / M. Pfütze // Textlinguistik, Dresden: PH 1. – 1977. – № 6. – P. 1–11.
- Plett, H. F. Intertextualities / H. F. Plett // Intertextuality / ed. H. F. Plett. – Berlin ; New York, 1991. – P. 3–29.
- Schneiderová, S. Analýza diskurzu a mediálny text / S. Schneiderová. – Praha : Nakladatelství Karolinum, 2015. – 164 p.
- Sokolová, J. Tri aspekty verbálneho textu / J. Sokolová. – Nitra : UKF, 2012. – 144 p.
- Sokolová, J. Texty – zobrazenia – komunikáty / J. Sokolová. – Nitra : UKF, 2017. – 330 p.
- Sokolova, J. Человек – Язык – Дискурс. Очерки об ориентации в пространстве языка и речи / J. Sokolová, N. Korina. – Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2013. – 206 p.
- Svobodová, J. Manipulace a argumentace v politickém a mediálním diskurzu / J. Svobodová. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2016. – 214 p.
- Vater, H. Einführung in die Textlinguistik: Struktur, Thema und Referenz in Texten / H. Vater. – München : Wilhelm Fink Verlag, 1992. – 206 p.
- Viehweger, D. Methodologische Probleme der Textlinguistik / D. Viehweger // Zeitschrift für Germanistik. – 1980. – Vol. 1. – P. 6–20.

References

- Adamzik, K. (2004). *Textlinguistik. Eine Einförende Darstellung*. Tübingen, Niemeyer. 176 p.
- Agricola, E. (1977). Textstruktur aus linguistischer Sicht. In Barz, J., Fix, U. (Eds.). *Germanistische Studententexte: Wort – Satz – Text. Ausgewählte Beitröge zur Sprachwissenschaft*. Leipzig, pp. 244–249.
- Alefirenko, N. (2012). *Tekst i diskurs* [Text and discourse]. Moscow, Flinta, Nauka. 232 p.
- Alefirenko, N. (2018). Metaphorical Discourse: in Search for the Essence of Speech Imagery. In *Cuadernos de Rusística Española*. Issue 14, pp. 49–65.
- Alefirenko, N. (2019). *Diskurs: Smyslopороzhdayushchii mekhanizm teksta*. [Discourse: The meaning-generating mechanism of the text:]. Hradec Králové, Gaudeamus. 226 p.
- Azimov, E. G. (2012). *Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v prepodavanii russkogo yazyka* [Information and communication technologies in teaching the Russian language]. Moscow, Russkii yazyk. Kursy. 352 p.

- Babenko, L. G. (2004). *Filologicheskii analiz teksta. Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza* [Philological analysis of the text. Fundamentals of theory, principles and aspects of analysis]. Moscow, Akademicheskii Proekt, Ekaterinburg, Delovaya kniga. 462 p.
- Bajzíkóvá, E. (1977). Gramatické prostriedky pri spájaní viet. In Mistrík, J. (Ed.). *Studia Academica Slovaca*. 6. Prednášky XIII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Bratislava, Alfa, pp. 35–44.
- Bajzíkóvá, E. (1977). Vymedzenie textovej jednotky. In *Jazykovedný časopis*. Issue 28. No. 2, pp. 157–165.
- Bajzíkóvá, E. (1981). Hodnotiace jazykové prostriedky v texte. In Ondruš, Š. (Ed.). *Studia Academica Slovaca*. 10. Prednášky XVII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Bratislava, Alfa, pp. 43–52.
- Bajzíkóvá, E. (1981). Lexikálne opakovanie ako prostriedok výstavby textu. In Pauliny, E. (Ed.). *Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica*. 28. Bratislava, Univerzita Komenského, pp. 67–76.
- Bajzíkóvá, E. (1981). Vnutritekstovye svyazi [Intertext links]. In Koplá, J. (Ed.). *Ob interpretatsii khudozhestvennogo teksta*. 6. *Sbornik stat'ei Kabineta literaturnoi kommunikatsii i eksperimental'noi metodiki pri Pedagogicheskom fakul'tete v g. Nitre*. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo, pp. 139–148.
- Bajzíkóvá, E. (1983). Nadväznosť odsekov z hľadiska textovej syntaxe. In *Slovenská reč*. Issue 48. No. 3, pp. 141–146.
- Bajzíkóvá, E. (1996). Jazykové prostriedky v procese kohézie. In Krošláková, E. (Ed.). *Fungovanie jazykových prostriedkov v texte*. Nitra, Vysoká škola pedagogická, pp. 23–26.
- Beaugrande, R. A. de, Dressler, W. (1981). Text Linguistics through the Years. In *Text: Spec. Anniversary Iss. Looking Ahead: Discourse Analysis in the 1990s*. London, New York. Issue 10.
- Beaugrande, R. A. de. (1980). *Text, Discourse and Process. Toward a Multidisciplinary Science of Texts*. London, New York, Longman Alex Publishing Corporation. 336 p.
- Beaugrande, R. A. de. (1982). *Text Production. Toward a Science of Composition*. Norwood, New Jersey, Ablex. 256 p.
- Blokh, M. Ya. (2000). Diktema v úrovňovej strukture jazyka [Dicteme in the level-based structure of the language]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 4, pp. 56–67.
- Blokh, M. Ya. (2000). *Teoreticheskie osnovy grammatiki* [Theoretical foundations of grammar]. Moscow, Vysshaya shkola. 160 p.
- Boeva, N. B. (2001). *Grammaticheskaya antonimiya v sovremennom angliyskom yazyke* [Grammatical antonyms in modern English]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 32 s.
- Bolotnova, N. S. (2019). *Metodiki smyslovogo i lingvopragmaticheskogo analiza mediadiskursa* [Methods of semantic and linguo-pragmatic analysis of media discourse]. Moscow, Flinta. 156 p.
- Cingerová, N., Dulebová, I. (2019). *Jazyk a konflikt. My a tí druhí v ruskom verejnom diskurze*. Bratislava, Univerzita Komenského v Bratislave. 202 p.
- Čechová, M. (1988). K procesu prijímání textu. In *Acta Universitatis Carolinae, Philologica 4–5, Slavica Pragensia XXXII*, pp. 25–33.
- Čechová, M., et al. (1996). Text. In *Čeština – řeč a jazyk*. Prague, Institut sociálních vztahů, pp. 350–359.
- Čechová, M., et al. (2000). *Čeština – řeč a jazyk*. Prague, ISV, pp. 355–375. (Komunikát a text).
- Černý, J. (1990). Textová lingvistika – kapitola z dějin lingvistiky. In Zimek, R. (Ed.). *Studie z textové lingvistiky: sborník materiálů z konference o textové lingvistice v Rožnově pod Radhoštěm (duben 1988)*. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci, pp. 7–14.
- Čmejrková, S. (1990). Lingvistika mezi situací a textem. In *Naše řeč*. Issue 73. No. 3, pp. 145–149.
- Daneš, F. (1979). O identifikaci známé (kontextově zapojené) informace. In *Slovo a slovesnost*. Issue 40. No. 4, pp. 257–270.
- Daneš, F. (1983). Welche Ebenen der Textstruktur soll man annehmen? In Daneš, F., Viehweger, D. (Hrsg.). *Linguistische Studien des ZISW, Reihe A, Arbeitsberichte 112*. Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR, pp. 1–11.
- Daneš, F. (1985). *Věta a text. Studie ze syntaxe spisovné češtiny*. Prague, Academie. 236 p.
- Daneš, F. (1988). Předpoklady a meze interpretace textu. In *Acta Universitatis Carolinae, Philologica 4–5, Slavica Pragensia XXXII*. pp. 85–109.
- Daneš, F. (1989). Několik myšlenek o textovělingvistickém modelování procesů translace. In *Slovo a slovesnost*. Issue 50. No. 3, pp. 177–186.
- Demyankov, V. Z. (1994). *Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda* [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 4.
- Dijk, T. A. van. (1977). *Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. London, Longman. 261 p.
- Dijk, T. A. van. (1980). *Textwissenschaft. Eine interdisziplinäre Einführung*. München, Deutscher Taschenbuch-Verlag. 284 p.
- Dolník, J. (2018). *Jazyk v pragmatike*. Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 198 p.
- Dolník, J., Bajzíkóvá, E. (1998). *Textová lingvistika*. Bratislava, Stimul. 134 p.
- Dressler, W. U. (1972). *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen, Max Niemeyer Verlag. 136 p.
- Dudová, K. (2014). *Od modálnosti vety k modálnosti textu*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre. 162 p.
- Dulebová, I. (2011). *Politický diskurz ako objekt výskumu politickej lingvistiky a jeho lexikálne osobitosti v súčasnej ruštine a slovenčine. Dizertačná práca*. Bratislava, Univerzita Komenského v Bratislave. 113 p.
- Dulebová, I. (2012). *Politický diskurz ako objekt lingvistického výskumu*. In *Jazyk a kultúra*. Issue 3. No. 9, pp. 1–5.
- Fateeva, N. A. (2012). *Intertekst v mire tekstov. Kontrapunkt intertekstual'nosti* [Intertext in the world of texts]. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 280 p.
- Gallo, J. (2013). *Text ako diskurzívno-pragmatická kategória. Habilitačná práca*. Nitra. 137 p.
- Gallo, J. (2017). Elektronické texty v kontexte súčasnej komunikácie. In *Slavica Nitriensia*. Issue 6. No. 2, pp. 17–33.

- Gal'perin, I. R. (1981). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka. 138 p.
- Gazda, J. (2018). Yazykovye osobennosti sovremennogo russkogo vneshnepoliticheskogo diskursa [Linguistic features of modern Russian foreign policy discourse]. In Pálušová, M., Varga, P., Chadaeva, O. (Eds.). *Rossica Olomucensia LVII : sborník příspěvků z mezinárodní konference XXIV. Olomoucké dny rusistů 7. – 8. září 2017*. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci, pp. 101–109.
- Glowiński, M. (1986). O intertextualności. In *Pamiętnik Literacki*. Issue 77. No. 4, pp. 75–100.
- Goňčarova, E. A., Šiškina, I. P. (2005). *Interpretaciya teksta. Nemeckii yazyk*. [Interpretation of the text. German]. Moscow, Vysshaya shkola. 368 p.
- Greimas, A. J. (1971). *Strukturne Semantik. Methodologische Untersuchungen*. Braunschweig, Friedr, Viehweg + Sohn. 241 p.
- Halliday, M. A. K., Hasan, R. (1979). *Cohesion in English*. 3. edition. London, Longman, p. 374.
- Harris, Z. S. (1952). Discourse Analysis. In *Language*. Issue 28. No. 1. Linguistic Society of America Stable, pp. 1–30.
- Hartmann, P. (1972). Text, Texte, Klassen von Texten. In Koch, Walter A. (Hrsg.). *Strukturelle Textanalyse*. Hildesheim. New York, pp. 1–22.
- Hausenblas, K. (1984). Text, komunikáty a jejich komplexy (Zamyšlení pojmoslovné). In *Slovo a slovesnost*. Issue 45. No. 1, pp. 1–7.
- Hausenblas, K. (1988). Interpretace textu a její druhy v současné komunikaci. In *Acta Universitatis Carolinae, Philologica 4-5, Slavica Pragensia XXXII*, pp. 13–24.
- Heinemann, W., Viehweger, D. (1991). *Textlinguistik. Eine Einführung (Reihe Germanistische Linguistik)*. Tübingen, Niemeyer. 310 p.
- Hirschová, M. (1989). *Úvod do teorie textu*. Olomouc, Rektorát Univerzity Palackého v Olomouci. 82 p.
- Hlavatá, R. (2015). *Tvorba a analýza textu*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre. 116 p.
- Hlavatá, R., et al. (2019). *Jazyk ako text (vysokoškolský učebný materiál z praktickej štylistiky)*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre. 174 p.
- Hoffmannová, J. (1988). Komunikační charakteristiky textu a interpretace smyslu. In *Acta Universitatis Carolinae, Philologica 4-5, Slavica Pragensia XXXII*, pp. 149–158.
- Hoffmannová, J. (1989). Modelování textových typů ve vztahu ke komunikačním procesům II. In *Slovo a slovesnost*. Issue 50. No. 3, pp. 187–204.
- Hoffmannová, J. (1993). Koherece, koheze, konexe...? In *Slovo a slovesnost*. Issue 54. No. 1, pp. 58–64.
- Homoláč, J. (1994). Transtextovost a její typy (1. část). In *Slovo a slovesnost*. Issue 55. No. 1, pp. 18–33.
- Homoláč, J. (1994). Transtextovost a její typy (2. část). In *Slovo a slovesnost*. Issue 55. No. 2, pp. 99–105.
- Hrbáček, J. (1991). Text, promluva a nadpromluvové útvary. In *Slovo a slovesnost*. Issue 52. No. 2, pp. 123–129.
- Chernyavskaya, V. E. (2009). *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Text linguistics: poly-coding, intertextuality, interdiscursiveness:]. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 248 p.
- Ierusalimskaya, A. O. (2016). *Intertekstual'nost' vs Interdiskursivnost' kak slozhivshisya diskurs* [Intertextuality vs interdiscursivity as an established discourse]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»*. No. 2, pp. 104–111.
- Isenberger, H. (1983). Grundfragen der Texttypologie. In Daneš, F., Viehweger, D. (Hrsg.). *Linguistische Studien des ZISW, Reihe A, Arbeitsberichte 112*. Berlin, pp. 303–342.
- Kibrik, A. A., Plungian, V. A. (2002). Funktsionalizm [Functionalism]. In Kibrik, A. A., Kobozeva, I. M., Sekerina, I. A. (Eds.). *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: funktsional'nye napravleniya*. 2nd edition. Moscow, Editorial URSS, pp. 276–339.
- Kubryakova, E. S. (1994). *Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika – psichologiya – kognitivnaya nauka* [The initial stages of the formation of cognitivism: Linguistics – psychology – cognitive science]. In *Voprosy jazykoznanija*. No. 4, pp. 34–47.
- Kusý, I., et al. (1989). *Text a textológia*. Bratislava, Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied. 160 p.
- Lacková, M. (2015). *Interlingválne homonymá v súčasných slovanských jazykoch*. Žilina, EDIS. 113 p.
- Lasina, L. (2010). *Vnutrenee vremya teksta: leksiko-grammaticheskie i ontologicheskie modeli* [Internal text time: lexicogrammatical and ontological models]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing. 225 p.
- Müllerová, O. (1994). *Mluvený text a jeho syntaktická výstavba*. Prague, Academia. 145 p.
- Nikolaeva, T. M. (1978). *Lingvistika teksta. Sovremennoe sostoyanie i perspektiva* [Text linguistics. Current status and perspective]. In *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Moscow, Izd-vo Progress. Issue 8, pp. 5–39.
- Nikolaeva, T. M. (2000). *Ot zvuka k tekstu* [From sound to text]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 681 p.
- Nikolaeva, T. M. (1978). *Kratkii slovar' terminov lingvistiki teksta* [A concise glossary of text linguistics terms]. In *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Moscow, Izd-vo Progress. Issue 8, pp. 467–472.
- Odintsov, V. V. (2010). *Stilistika teksta* [Text stylistics]. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 264 p.
- Pelevina, N. N. (2008) *Interdiskursivnost' nauchnogo i khudozhestvennogo tekstov* [Interdiscursiveness of scientific and literary texts]. In *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. Issue 78, pp. 137–143.
- Pfister, M. (1985). Imitation und Intertextualität bei Robert Lowell. In *Intertextualität*. Tübingen, Niemeyer, pp. 311–332.
- Pfütze, M. (1977). Überlegungen zu Methoden, Arbeitsschritten und Analyseverfahren bei der Arbeit an erortemden Texten. In *Textlinguistik*. Dresden, PH 1. No. 6, pp. 1–11.
- Piéggay-Gros, N. (2008). *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to the theory of intertextuality]. Moscow, Izd-vo LKI. 240 p.

Галло Я., Алефиренко Н. Ф. Лингвистика текста: традиции и перспективы

- Plett, H. F. (1991). Intertextualities. In Plett, H. F. (ed.). *Intertextuality*. Berlin, New York, pp. 3–29.
- Pospelov, N. S. (1960). *Sintaksicheskiy stroi stikhotvornykh proizvedenii Pushkina* [The syntactic structure of Pushkin's poetic works]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. 249 p.
- Rogova, K. A. (Ed.). (2011). *Tekst: teoreticheskie osnovaniya i principy analiza* [Text: Theoretical foundations and principles of analysis]. Saint Petersburg, Zlatoust. 464 p.
- Schneiderová, S. (2015). *Analýza diskurzu a mediálny text*. Prague, Nakladatelství Karolinum. 164 p.
- Sokolová, J. (2012). *Tri aspekty verbálneho textu*. Nitra, UKF. 144 p.
- Sokolova, J. (2016). *Verbal'nyi tekst. Ocherki o mono-, semi- i polikodovosti* [Verbal text. Essays on mono-, semi- and multicode]. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing. 198 p.
- Sokolová, J. (2017). *Texty – zobrazenia – komunikáty*. Nitra, UKF. 330 p.
- Sokolova, J., Korina, N. (2013). *Chelovek – Yazyk – Diskurs. Ocherki ob orientacii v prostranstve yazyka i rechi* [Man – language – discourse. Essays on orientation in the space of language and speech]. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing. 206 p.
- Svobodová, J. (2016). *Manipulace a argumentace v politickém a mediálním diskurzu*. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci. 214 p.
- Turayeva, Z. J. (2009). *Lingvistika teksta: Struktura i semantika* [Text linguistics: Structure and semantics]. Moscow, Nizhnyi dom «Librokom». 144 p.
- Vater, H. (1992). *Einführung in die Textlinguistik: Struktur, Thema und Referenz in Texten*. München, Wilhelm Fink Verlag. 206 p.
- Viehweger, D. (1980). Metodologické problémy der Textlinguistik. In *Zeitschrift für Germanistik*. Issue 1, pp. 6–20.
- Vychodilová, Z. (2008). *Výrazové prostředky textové soudržnosti v češtině v porovnání s ruštinou*. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci. 296 p.
- Zemskaya, Ju. N., Kachesova, I. Ju., Komissarova, L. M. et al. (2010). *Teoriya teksta* [Theory of text]. Moscow, Flinta, Nauka. 224 p.

Данные об авторах

Галло Ян – кандидат филологических наук, доцент кафедры русистики, Университет им. Константина Философа в Нитре (Нитра, Словакия).

Адрес: 94901, Словакия, Нитра, ул. Штефаникова, 67.
E-mail: jgallo@ukf.sk.

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия).

Адрес: 308015, Россия, Белгород, ул. Победы, 85.
E-mail: nalefirenko1@gmail.com.

Author's information

Gallo Jan – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the Russian Studies, Constantine the Philosopher University in Nitra (Nitra, Slovakia).

Alefirenko Nikolay Fedorovich – Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language and Russian Literature, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).

«А ПО НАБЕРЕЖНОЙ ЛЕГЕНДАРНОЙ ПРИБЛИЖАЛСЯ НЕ КАЛЕНДАРНЫЙ – НАСТОЯЩИЙ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК» : к юбилею Ивана Бунина, Александра Блока, Пауля Целана

УДК 821.161.1-31(Юльский Б.). DOI 10.26170/FK20-03-03. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08

БУНИНСКИЙ ФОН В «БЕЛОЙ МАЗУРКЕ» БОРИСА ЮЛЬСКОГО

Куликова Е. Ю.

Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается повесть «Белая мазурка» писателя восточной эмиграции Бориса Юльского. Обычно творчество Юльского связывают с китайскими традициями, выделяя ориентальную линию, пронизывающую его прозу. Однако в русле классической русской литературы Юльским созданы два произведения, отсылающие к середине XIX в. и возвращающие читателя в мир дворянских усадеб и пятигорских курортов. Это «лермонтовский» рассказ «Луна над Бештау» и повесть «Белая мазурка». Актуальность исследования заключается в выявлении бунинского начала в прозе Юльского на примере его повести «Белая мазурка», открытие позиции художника, писавшего свои произведения в середине XX в. В качестве методологической основы работы выступают историко-литературный, феноменологический, типологический и компаративный подходы с опорой на труды исследователей поэтики восточной эмиграции и буниноведов.

Цель работы состоит в том, чтобы показать, что повесть «Белая мазурка» становится не только рецепцией дворянской России в новом веке и новом (восточном) пространстве, но и отсылкой к написанному двумя годами ранее рассказу И. А. Бунина «Натали» из «Темных аллей». Мотивы и сюжетные ходы рассказа Бунина и повести Юльского имеют определенное сходство: приезд молодого родственника в дворянскую усадьбу, встреча с героиней, «двоящаяся» любовь героев – плотская и возвышенная, сцены бала, ставшие магистральными в обоих текстах, разлука и трагический финал. Вместе с тем «Белая мазурка» отзывается и другими рассказами из «Темных аллей» («Таня», «Зойка и Валерия») и даже словно опережает «Чистый понедельник» 1944 г.

Выводы. «Пародия» на XIX век оборачивается в повести Юльского созданием нового текста, в котором, с одной стороны, соединены мотивы классической литературы, а с другой – бунинский фон открывает взгляд модерниста XX в., создающего многослойное нарративное пространство, смыкающее в себе традицию и ее обыгрывание в новых формах.

К л ю ч е в ы е с л о в а : И. А. Бунин; Б. Юльский; восточная эмиграция; традиция; интертекстуальность; нарратив.

BUNIN'S BACKGROUND IN BORIS YULSKY'S «WHITE MAZURKA»

Elena Yu. Kulikova

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

Abstract. The article deals with the story “White Mazurka” by the writer of the Eastern emigration Boris Yulsky. Yulsky’s creative work is usually associated with Chinese traditions, highlighting the oriental line which permeates his prose. However, in the vein of classical Russian literature, Yulsky created two works which refer the reader to the mid 19th century and bring them back to the world of noble manors and Pyatigorsk resorts. These are “Lermontov’s” short story “The Moon over Beshtau” and the story “White Mazurka”. The urgency of the study consists in identifying Bunin’s themes in Yulsky’s prose on the example of his story “White Mazurka” and in discovering the position of the artist who wrote his works in the middle of the 20th century. The research methods rest on the historico-literary, phenomenological, typological and comparative approaches and are based on the works of researchers of the poetics of the Eastern emigration and specialists in Bunin’s creative activity.

The purpose of the study is to show that the story “White Mazurka” does not only demonstrate the reception of the noble Russia in the new century and new (eastern) space, but is also a reference to the short story written two years earlier by I. A. Bunin – “Natalie” from the collection “Dark Alleys”. The motives and the elements of the plot of Bunin’s short story and Yulsky’s story have a certain similarity: the arrival of a young relative at a noble manor, the meeting with the main female character, the characters’ ambivalent love – carnal and sublime, the ball scenes which became mainstream in both texts, the separation, and the tragic finale. At the same time, “White Mazurka” also echoes other short stories from “Dark Alleys” (“Tanya”, “Zoyka and Valeria”) and even kind of anticipates the “Clean Monday” of 1944.

Conclusions. The “parody” of the 19th century turns into the creation of a new text in Yulsky’s story, which, on the one hand, combines the motives of classical literature, and on the other, shows how Bunin’s background forms the position of the 20th century modernist, who creates a multi-layered narrative space joining the tradition and its transfiguration in new forms.

Key words: I. A. Bunin; B. Yulsky; Eastern emigration; tradition; intertextuality; narrative.

Для цитирования: Куликова, Е. Ю. Бунинский фон в «Белой мазурке» Бориса Юльского / Е. Ю. Куликова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 39–47. – DOI: 10.26170/FK20-03-03.

For citation: Kulikova, E. Yu. (2020). Bunin’s Background in Boris Yulsky’s “White Mazurka”. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 39–47. DOI: 10.26170/FK20-03-03.

Благодарности: работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Acknowledgments: the study has been accomplished with financial support of the Russian Humanitarian Science Foundation (RGNF) Grant No. 19-18-00127 “Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space of literary transfer”.

Творчество писателя восточной эмиграции Бориса Юльского обычно возводят к китайским традициям, выделяя, как правило, ориентальную линию, пронизывающую его прозу. «Человек, ушедший на русский Восток» – так называется вступительная статья А. Лобычева к сборнику повестей и рассказов «Зеленый легион» [Лобычев 2011: 3–25]. Е. О. Кириллова описывает взаимодействие пространств Востока и Запада, исследует ки-

тайские образы и мотивы у Юльского [Кириллова 2015: 18–120]. Исследовательница указывает, что «ориентальные темы, мотивы, образы... обусловили обращение Юльского к региональному материалу и его художественную интерпретацию» [Кириллова 2015: 26].

Вообще, литература восточной эмиграции справедливо рассматривается исследователями во многом с точки зрения художественной этнографии, фронтальной ментальности и ми-

фологии [см.: Забияко, Дябкин 2013; Забияко 2014; Забияко 2015; Забияко 2016 и др.]. Юльский, «кроме внесения новых смыслов в понимание фронтальной мифологии... по-новому сумел ее опозитивировать... На материале фронтальных мифологем... <он> создает новую художественную систему координат, сквозь которую пропускает и свои познания в культуре Востока, и личную мифологию русского патриотизма» [Забияко 2016: 329–330].

Е. Г. Иващенко, отмечая, что «дальневосточный регионализм писателя проявился в любви к маньчжурской природе, в авантюрном духе таежных блужданий, в интересе к культуре, философии и быту Китая, в попытке постичь тайны восточной души» [Иващенко 2006: 107], разводит произведения Юльского, описывающие мир эмигрантов, которые «фактически лишены китайского колорита, в них не упоминаются восточные образы, не используется звучная китайская лексика» [Иващенко 2006: 125], и «произведения, повествующие непосредственно о Поднебесной и ее народе» [Иващенко 2006: 125], с экзотическими реалиями и использованием яркой китайской лексики. Однако Е. Г. Иващенко полагает, что «образ России в рассказах Юльского встречается редко, при этом он безличен, традиционен до схематизма. Ностальгические переживания, характерные для „старшего“ поколения эмигрантов, не терзают писателя» [Иващенко 2006: 107].

Тем не менее в творчестве Юльского можно выделить тексты, созданные в русле классической русской литературы, отсылающие к середине XIX в., возвращающие читателя в мир дворянских усадеб и пятигорских курортов. Это «лермонтовский» рассказ «Луна над Бештау» и повесть «Белая мазурка». По мнению А. Лобычева, повесть Юльского представляет «готовый набор русской эмигрантской ностальгии» [Лобычев 2011: 18]. Нельзя не согласиться с этим утверждением, однако отмеченные исследователем почти пародийные элементы описания России, как будто застывшей в XIX в., позволяют увидеть

позицию художника-модерниста, писавшего свои произведения в середине «настоящего, некалендарного XX века».

Повесть «Белая мазурка» становится не только рецепцией дворянской России в новом веке и новом (восточном) пространстве, но и отсылкой к написанному двумя годами ранее рассказу И. А. Бунина «Натали» из «Темных аллея», в 1942 г. опубликованному американским «Новым журналом».

Действие «Белой мазурки» происходит в имении Липовцы, что по звучанию слегка напоминает родной Бунину Липецк. Название, выбранное Юльским, вписывается в исторические наименования старинных дворянских усадеб: можно вспомнить Озерки, где родился Бунин, или же усадьбу Дубки из одноименного рассказа. Однако Липовцы, находящиеся в повествовании Юльского на юго-западе России, существуют в реальности, только не в средней или южной полосе и не около одной из столиц, а в Приморском крае, в 50-ти километрах от Уссурийска и в 158-ми от Владивостока. Сначала Липовцы были рудником с заводом по сухой перегонке угля, а с 1938 г. там заложили шахту. Писатель мог знать о Приморских Липовцах и использовать их в своем тексте (в 1938 г. Юльский был сослан японскими властями в Тоогэн – глухой район у советской границы, а в 1941 г. вернулся в Харбин). При этом название Липовцы гораздо больше напоминает имение из классической русской литературы XIX в., чем дальневосточный рудник, существовавший с 1906 г.

Использованный Юльским в «Белой мазурке» традиционный прием повествования XIX в. «рассказ в рассказе», точнее даже публикация страниц из дневника дворянина, ставшего впоследствии монахом, прием, прямо ориентированный на «Героя нашего времени» Лермонтова и псевдоэпистолярную европейскую литературу, подспудно отсылает и к «Грамматике любви», «Неизвестному другу» и «Несрочной весне» (форма письма), «Речному трактиру» и др. «рамочным» произведениям Бунина¹. В 1920-е гг., как отмеча-

¹ Анализируя рассказ «Возвращение г-жи Цай», Е. О. Кириллова указывает на использованную Юльским характерную для китайских новелл XVII в. особенность, «как ссылка на первоисточник истории, будто бы где-то слышанной автором» [Кириллова 2015: 59]. Однако в европейской литературе эпохи Ренессанса и XVII–XVIII вв. такой прием встречается достаточно часто (см. «Декамерон» Дж. Боккаччо и созданная им традиция, сентименталисты и романтики использовали его неоднократно – начиная от романа в письмах и дневниковых записей и заканчивая новеллами,

ет Е. В. Капинос, у Бунина «эпическое начало тускнеет, в „Митиной любви“, „Деле корнета Елагина“ историческое и социальное уходит в подтекст, а толчком к созданию больших произведений часто оказывается страница дневника, пейзаж, отдельный сюжетный момент, под который подстраивается дальнейшее повествование» [Капинос 2014: 8].

В повести Юльского «настоящий, невыдуманный» человек в мешковатом потертом и порывшемся пиджаке продал автору рукопись с несколькими вырванными страницами, «почти без поправок и изменений» [Юльский 2011: 455]: «Хотелось бы, чтобы фамилия не была в печати. Это... записки моего дяди, старшего брата матери. Он умер в восемьсот девяносто шестом» [Юльский 2011: 454]. После этого небольшого вступления Юльский уводит читателя из своих 40-х гг. XX в. на столетие назад, в 40-е XIX в., во времена молодости «создателя» этого дневника. Если рассказчик в романе Лермонтова почти знакомится с Печориным, имеет возможность посмотреть на него и даже оценить его не только по историям Максима Максимыча и по дневниковым записям, но и лично, по собственным впечатлениям, то у Юльского есть «посредник» между «издателем» и героем-повествователем – это племянник Александра Воротынского, нынешний обедневший, похожий на постаревшего пажу или старого камергера восточный эмигрант.

В бунинских «рассказах в рассказах» всегда есть что-то неуловимое, построенное на игре оттенков и форм, будь то повествование подвыпившего доктора в трактире на Арбате (а говорит доктор о трактире на Волге!), или ряд писем на почтовых открытках известному писателю от неизвестной поклонницы (из Ирландии!), или история любви, передаваемая главному герою разными лицами. Рамочность в повести Юльского, скорее, напоминает условные черты романтической наррации, однако сама эпоха («Темные аллеи» пишутся в 40-х гг. XX в., как и «Белая мазурка») требует полифонии: голоса героев накладываются друг на друга, на фоне судьбы постаревшего харбинского эмигранта выступает русский

помещичий XIX век, и эта линия становится особенно пронзительной из-за молодости автора (писателю всего 31 год), родившегося в Иркутске и явно не видевшего никогда эти вишневыя усадьбы, о которых так ностальгически ярко пишет шестидесятилетний Бунин, к тому времени уже много лет живущий во Франции.

Как Бунин вспоминает о прежнем мире и описывает в рассказе «Натали» *незабытую* Россию – мир «счастья начала молодой свободной жизни» [Бунин 2006: 115], так и Юльский возвращается в своем тексте в прошлый, уже патриархальный, век, без революций и гражданских войн, без потерянной родины и эмиграции.

Мотивы и сюжетные ходы рассказа Бунина и повести Юльского имеют определенное сходство: приезд молодого родственника в усадьбу своего дяди, встреча с героиней (гостившей в доме Черкасовых у Бунина и соседкой Жолондзиевских – невестой Яна у Юльского), «двоящаяся» любовь героев – плотская и возвышенная, сцены бала, ставшие магистральными в обоих текстах, разлука и трагический финал. Вместе с тем «Белая мазурка» отзывается и другими рассказами из «Темных аллей» («Таня», «Зойка и Валерия») и даже словно опережает «Чистый понедельник» 1944 г.

Виталий Мещерский отправляется в имение своего дяди, овдовевшего улана Черкасова, чтобы встретить там любовь всей своей жизни – Натали. Именно так начинаются и записки старого дворянина у Юльского. Молодой человек, оставивший «бумажную канцелярскую пыль» туманного Петербурга, наслаждается привольной деревенской жизнью, заглядывается на красавицу служанку, описанную в стиле бунинских южных красавиц, например, Валерии: «в косе ее горела алая шелковая лента, а на шее блестели бусы. Она мимоходом стрельнула в меня взглядом и опустила густые ресницы» [Юльский 2011: 457].

Традиционный бунинский мотив (флирт, а в некоторых случаях и вспыхнувшая любовь между барином и крестьянкой) намечен почти в самом начале повести Юльского,

в которых представлены «истории очевидцев», рассказы о судьбе и приключениях друзей или родственников, или обращения к старинным преданиям (например, «Адель» М. П. Погодина, «Латник» А. А. Бестужева-Марлинского и мн. др.).

но встреча героя с Аликой Смигельской подчеркивает аналогию с рассказом Бунина «Натали», где Виталий Мещерский оказывается практически в буквальном смысле разорван между Натали (это именно та возвышенная и бесконечная «любовь до гроба», о которой написано в «Грамматике любви») и Соней (влекущей героя плотской прелестью). Так и у Юльского прекрасная Францишка поневоле становится дубликатом, заменой Алины.

Полное имя Алины в «Белой мазурке» – Алика – отсылает к бунинской Лике (Гликерии) из «Жизни Арсеньева» и упоминается Юльским всего однажды, в тот момент, когда Францишка сообщает Воротынскому, что панна Смигельска – невеста панича Яна. Далее героиня будет называться только Алиной, подобно условным возлюбленным из стихотворений поэтов Золотого века (вспомним «Алин» Жуковского, Карамзина, Пушкина, Баратынского и др.). Это и есть условная идеальная красавица, черты которой описываются в соответствии с канонами школы гармонической точности: «Такого лица, такой замечательной красоты я не встречал никогда! Взгляд изумительно голубых глаз встретился с моим взглядом...» [Юльский 2011: 460]; передо мной вставало ее лицо с ясным лбом и глазами такого голубого цвета, что голубее их не может быть ничего в мире» [Юльский 2011: 464].

Натали у Бунина первый раз появляется перед героем как раз не статичной и условной, а подчеркнута живой, в динамике, словно выпорхнувшей из рамы портрета: «Она вдруг вскочила из прихожей в столовую, глянула, – была еще не причесана и в одной легкой распашонке из чего-то оранжевого, – и, сверкнув этим оранжевым, золотистой яркостью волос и черными глазами, исчезла» [Бунин 2006: 119].

Впрочем, своего рода оживший портрет героини представит и Юльский. Описывая Алину в сцене на балу, он подчеркивает ее царственность, недоступность, но – по аналогии с парадными портретами – статичность: «В черном бархатном платье, с короной кос вокруг головы, она казалась вышедшей из по-

золоченной рамы, окаймлявшей творение старинного мастера кисти. Такой красоты, казалось мне, не бывает в жизни!» [Юльский 2011: 480].

Виталий Мещерский у Бунина влюбляется в двух героинь одновременно: «отчего же нельзя любить двух?» [Бунин 2006: 121], размышляет он, думая с наслаждением и о Соне, и о Натали¹. А позже уже страдает от этой двойственности: «за что так наказал меня Бог, за что дал сразу две любви, такие разные и такие страстные, такую мучительную красоту обожания Натали и такое телесное упоение Соней» [Бунин 2006: 124]. Настоящая любовь к Натали появится и будет осмыслена героем позже, и только тогда Соня станет помехой: «не навек же я связан с Соней, не век же мне – да и Натали – гостить тут, через неделю-другую я все равно должен буду уехать – и тогда конец моим мучениям... найду предлог поехать познакомиться со Станкевичами, как только Натали вернется домой» [Бунин 2006: 124].

Описанное Буниным сложное двунаправленное чувство молодого героя, в котором он сам отчасти не может разобраться, не вполне соответствует романтической влюбленности Александра Воротынского в Алину в повести Юльского. Однако «двойника» героини – Францишку – читатель поначалу может принять за роковую возлюбленную. Она удивительно хороша собой, смугла, «стройна и изящна... ноги у нее были точеные, словно литые из темной бронзы» [Юльский 2011: 469], у нее замечательный голос («ты можешь в театре петь» [Юльский 2011: 469], говорит ей Воротынский). Францишка, по-видимому, сразу влюбляется в приехавшего столичного барина: «Почему эта девушка всегда приходит прибирать мою комнату тогда, когда я захожусь у себя?.. И почему... она так огненно, вспыхивающе смотрит на меня и сразу опускает глаза?» [Юльский 2011: 476].

В то же время двойственность героинь и у Юльского определяет сюжетную динамику. Францишка для героя, с одной стороны, подменяет Алину («Не одна, так другая!..» – проскользнула сквозь туман нехорошая мысль»

¹Е. Е. Анисимова отмечает, что в рассказе «Натали» «по зеркальному принципу построены не только первая и вторая главы, но и система персонажей» [Анисимова 2011: 81] (например, Виталий Мещерский – Алексей Мещерский).

[Юльский 2011: 477]), с другой – вызывает искренние чувства (ее близость кружит ему голову), расставаясь с ней, Воротынский просит у нее прощения, переживая «острое сознание стыда» [Юльский 2011: 497].

Сюжетный параллелизм между героинями заключается и в том, что именно у Францишки герой спрашивает, кто в зале играет на рояле, и в тот момент узнает, что Алина – невеста Яна. Эхом к этому эпизоду становится другой, когда Алина и Воротынский слышат, как поет «чистый серебряный голос» [Юльский 2011: 467], и герой замирает от восторга, а Алина сообщает ему, что это Францишка: «у нее чудесный голос» [Юльский 2011: 468].

На фоне этого голоса происходит объяснение в любви, причем Алина упрекает Воротынского, что он ее мучает. Лермонтовский подтекст здесь очевиден: влюбленная в Пе-

чорина Вера говорит ему почти те же слова («Скажи мне, – наконец прошептала она, – тебе очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидеть. С тех пор как мы знаем друг друга, ты ничего мне не дал, кроме страданий» [Лермонтов 2002: 293]). Кроме того, герой Юльского в тот же день читает вслух главу из «Демона» и «Мцыри», вызывая у Алины сильнейшие переживания. Лермонтов упомянут в тексте как «молодой поэт, так безвременно павший недавно на дуэли» [Юльский 2011: 466]. И Лермонтов тоже пишет о странной любви (влюбленности, тяготении?) Печорина к двум женщинам, из которых он должен выбрать одну, но – не может, не хочет, или же сам в какой-то мере становится жертвой сложившихся обстоятельств.

Описание Юльским вальсирования на балу тоже напоминает танец Печорина и Мери:

Она небрежно опустила руку на мое плечо, наклонила слегка головку набок, и мы пустились. Я не знаю талии более сладострастной и гибкой! Ее свежее дыхание касалось моего лица; иногда локон, отделившийся в вихре вальса от своих товарищей, скользил по горячей щеке моей... Я сделал три тура. (Она вальсирует удивительно хорошо). Она запыхалась, глаза ее помутнились, полураскрытые губки едва могли прошептать необходимое: «Merci, monsieur».

[Лермонтов 2002: 300–301]

Я чувствовал гибкую талию Алины под своей рукой. Я видел ее лицо вблизи. Ее дыхание касалось меня. И еще я увидел, как румянец залил ее щеки, а рука внезапно задрожала в моей. И это не была дрожь страха или отвращения...

– Я устала... – вдруг сказала она, глубоко дыша...

[Юльский 2011: 482]

Но в сцене последнего свидания, на которое Воротынский вынуждает прийти Алину, она выполняет не роль Мери или Веры, не роль скромной и преданной возлюбленной, она, в роли царицы бала, которая уже была описана выше, ведет себя, скорее, как Татьяна из восьмой главы «Евгения Онегина»: «ожидая встретить робкую, стыдливо противящуюся девочку, я нашел вместо нее другую, холодную и равнодушную, как статуя из снега» [Юльский 2011: 483].

Ср. у Пушкина:

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех...

[Пушкин 1995: 171]

...Княгиня смотрит на него...

И что ей душу ни смутило,
Как сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не изменило:
В ней сохранился тот же тон,
Был также тих ее поклон.
Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась,
Иль стала вдруг бледна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губ она...

[Пушкин 1995: 173]

...Но мой Онегин вечер целый
Татьяной занят был одной,
Не этой девочкой несмелой,
Влюбленной, бедной и простой,
Но равнодушною княгиней,

Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы

[Пушкин 1995: 177].

И дуэль между братьями – Александром Воротынским и Яном Жолондзиевским – напоминает дуэль друзей, почти братьев, Онегина и Ленского. Воротынский, как и Онегин, чувствует себя виноватым, хочет отказаться от дуэли, но ложная гордость приводит его к братоубийству.

Бал у Юльского, являясь отражением многочисленных балов литературы XIX в. (Пушкина, Лермонтова, Толстого и др.), концентрирует в себе разнообразные сюжетные линии повести. Не случайно произведение так и называется – «Белая мазурка». Это «последняя мазурка, последний танец бала. Ее танцуют при восходе солнца, погасив огни и широко распахнув окна навстречу просыпающемуся дню... Свежий воздух врывается в зал, колебля желтое пламя последних свечей, которые еще не успели потушить. Танцуют последнюю мазурку, а потом расходятся. Бал кончается» [Юльский 2011: 495]. В ночь белой мазурки происходит последняя встреча героя и Алины. И именно в ночь белой мазурки Воротынский убивает Яна. Кажется, что все повествование стремится к этой сжимающей его точке.

Так, и в рассказе Бунина «Натали» одним из центральных эпизодов, стягивающих сюжетные линии воедино, является бал воронежских студентов в Благородном собрании¹. На этом балу главный герой не танцует, он, похожий на Онегина, смотрит, как его родственник Алексей Мещерский, грузный, сутулый, дородный, легко ведет в вальсе тонкую и высокую Натали. И эта мгновенная (на один взгляд) встреча («черные ресницы ее взмахнулись прямо на меня, чернота глаз сверкнула совсем близко, но тут он, со старательностью грузного человека, ловко скользнув на лакированных носках, круто повернул ее, губы ее приоткрылись вздохом на повороте, серебристо мелькнул подол платья, и они, удаляясь, пошли глиссадами обратно» [Бунин 2006: 133]) становится едва ли не ключевым моментом

рассказа о состоявшейся и несостоявшейся одновременно любви.

По мнению Е. Г. Иващенко, «в понимании любовного чувства Б. Юльский необыкновенно близок к И. Бунину, для которого любовь – яркая вспышка, „солнечный удар“, который не может длиться вечно, потому любовь всегда сопряжена с разлукой. Но если для Бунина любовь – это, как правило, взаимное, пусть и недолгое чувство, то у Юльского любовь – состояние неразделенное, способное приносить лишь иллюзорную радость, а потому – обреченное изначально» [Иващенко 2006: 112].

Вполне согласиться с данным утверждением нельзя, ибо и любовь в творчестве Бунина – невероятно сложное, наполненное разнообразными оттенками, чувство (иногда на всю жизнь, иногда на несколько часов), порой завершающееся убийством. Страсть у Бунина вообще многолика и неординарна: это не только «красивый» «солнечный удар», но и воплощение «трагической силы неисполнившейся судьбы» [Капинос 2012: 12], преследование, обиды, насмешки, безобразные сцены насилия...

В «Белой мазурке» Юльского любовь гораздо более книжная и романтическая (и хоть и трагическая, но взаимная): условная красавица Алина, сама того не желая, толкает героя на убийство его брата. Этот страшный поступок потрясает дуэлянта Воротынского до самых основ, после чего он оставляет свет и отправляется в монастырь молить Бога о прощении своих грехов.

Юльский, действительно, концентрирует в своей повести многочисленные мотивы романной литературы XIX в., пожалуй, не упуская ни одного. Здесь есть и запретная любовь к невесте брата; и букетик незабудок, приколотых к платью любимой девушки и подаренных герою; и эти засушенные цветы, которые ставший монахом Воротынский хранил до последнего вздоха («Цветок засохший, безуханный» Пушкина); и подобранный платок (ср. в «Евгении Онегине»: «или платок подымет ей»); и кровавая дуэль; и прекрасная служанка, прощающая приезжему барину его

¹«Традиция изображения бала в русской литературе необычайно интенсивна, – пишет Т. В. Марченко, анализируя „Натали“ Бунина. – Бал играет важную, чаще роковую роль в жизни героев» [Марченко 2010: 37].

любовь к другой; и пышный бал с веселой музыкой и удивительной иллюминацией; и монах, вспоминающий «Песнь Песней» перед смертью; и даже колдунья, предсказывающая герою беду.

Повествование Юльского насыщенное, богатое событиями, не такое лирическое, конечно, как у Бунина, у которого нет столь отчетливой определенности и сюжетной преднамеренности. Но небольшое вступление к повести, рассказ о старой тетради с пожелтевшими ломкими листами, о похожем на обедневшего камергера старике в потертом пиджаке, и финальные «аккорды» инока Маврикия, бывшего Александра Воротынского, отказавшегося от своего имени, – все это создает сложный полифонический эффект,

накладывая друг на друга не только пласты голосов разных рассказчиков, но и пласты времени и пространства (от южной России до Дальнего Востока, из середины XIX – в XX век), эпохи до- и эпохи после. Бунинский подтекст как будто будит память прошлой эпохи в сознании Юльского – эпохи, молодому писателю незнакомой.

«Пародия» на XIX век оборачивается в повести Юльского созданием нового текста, в котором, с одной стороны, соединены мотивы классической литературы, а с другой – бунинский фон открывает взгляд модерниста XX в., создающего многослойное нарративное пространство, смыкающее в себе традицию и ее обыгрывание в новых формах.

Литература

- Анисимова, Е. Е. «Душа морозная Светланы – в мечтах таинственной игры»: эстетические и биографические коды Жуковского в рассказе Бунина «Натали» / Е. Е. Анисимова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 2 (14). – С. 78–84.
- Бунин, И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 6. «Темные аллеи». Книга рассказов (1938–1953); Рассказы последних лет (1931–1952); «Окаянные дни» (1935) / И. А. Бунин. – М.: Воскресенье, 2006. – 488 с.
- Забяко, А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина / А. А. Забяко. – Новосибирск: Новосибирское отделение издательства «Наука», 2016. – 437 с.
- Забяко, А. А. Проза харбинского писателя Бориса Юльского в контексте художественной этнографии дальневосточного зарубежья / А. А. Забяко // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2 (32). – С. 91–102.
- Забяко, А. А. Художественная этнография Дальнего Востока: советский и эмигрантский текст / А. А. Забяко // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2014. – С. 270–290.
- Забяко, А. А. Трансформация сюжетов китайской мифологии в творчестве дальневосточных писателей 20–40 гг. XX в. / А. А. Забяко, И. А. Дябкин // Религиоведение. – 2013. – № 4. – С. 139–157.
- Иващенко, Е. Г. «Утраченные иллюзии» Бориса Юльского / Е. Г. Иващенко // Русский Харбин, запечатленный в слове: сборник научных работ. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2006. – Вып. 1. – С. 105–127.
- Капинос, Е. В. Малые формы поэзии и прозы (Бунин и другие) / Е. В. Капинос. – Новосибирск: Открытый квадрат, 2012. – 334 с.
- Капинос, Е. В. Поэзия Приморских Альп. Рассказы И.А. Бунина 1920-х годов / Е. В. Капинос. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 340 с.
- Кириллова, Е. О. Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов) / Е. О. Кириллова. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2015. – 276 с.
- Лермонтов, М. Ю. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. Проза / М. Ю. Лермонтов. – М.: Воскресенье, 2002. – 592 с.
- Лобычев, А. Человек, ушедший на русский Восток: Жизнь и проза Бориса Юльского / А. Лобычев // Юльский Б. Зеленый легион: повесть и рассказы. – Владивосток, 2011. – С. 3–25.
- Марченко, Т. В. Переписать классику в эпоху модернизма (о поэтике и стиле рассказа Бунина «Натали») / Т. В. Марченко // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2010. – Т. 69, № 2. – С. 25–42.
- Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений в 17 томах. Т. 6. Евгений Онегин / А. С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1995. – 700 с.
- Юльский, Б. Зеленый легион: повести и рассказы / Б. Юльский. – Владивосток, 2011. – 560 с.

References

- Anisimova, E. Ye. (2011). «Dusha moroznaya Svetlany – v mechtakh tainstvennoi igry»: esteticheskie i biograficheskie kody Zhukovskogo v rasskaze Bunina «Natali» [“Svetlana’s frosty soul is in the dreams of a mysterious game”: Zhukovsky’s aesthetic and biographical codes in Bunin’s story “Natalie”]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (14), pp. 78–84.

Bunin, I. A. (2006). *Polnoe sobranie sochinenii v 13 tomakh. T. 6. «Temnye allei». Kniga rasskazov (1938–1953); Rassказы poslednikh let (1931–1952); «Okayamnye dni» (1935)* [Complete works, in 13 vols. Vol. 6. "Dark alleys", Book of stories (1938–1953), Stories from recent years (1931–1952), "Cursed Days" (1935)]. Moscow, Voskresen'e. 488 p.

Zabiyako, A. A. (2016). *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina* [Mentality of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin]. Novosibirsk, Novosibirskoe otdelenie izdatel'stva «Nauka». 437 p.

Zabiyako, A. A. (2015). Proza kharbinskogo pisatelya Borisa Yul'skogo v kontekste khudozhestvennoi etnografii dal'nevostochnogo zarubezh'ya [Prose of the Harbin writer Boris Yul'sky in the context of the artistic ethnography of the Far East abroad]. In *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. No. 2 (32)*, pp. 91–102.

Zabiyako, A. A. (2014). Khudozhestvennaya etnografiya Dal'nego Vostoka: sovetskii i emigrantskii tekst [Artistic ethnography of the Far East: Soviet and emigrant texts]. In *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii. Blagoveshchensk, Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*, pp. 270–290.

Zabiyako, A. A., Dyabkin, I. A. (2013). Transformatsiya syuzhetov kitaiskoi mifologii v tvorchestve dal'nevostochnykh pisatelei 20–40 gg. XX v. [Transformation of the plots of Chinese mythology in the creative works of the Far East writers of the 20–40s. of the 20th century]. In *Religiovedenie. No. 4*, pp. 139–157.

Ivaschenko, E. G. (2006). «Utrachennyye illyuzii» Borisa Yul'skogo ["Lost illusions" by Boris Yul'sky]. In *Russkii Kharbin, zapечатlennyyi v slove: sbornik nauchnykh rabot. Blagoveshchensk, Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue 1*, pp. 105–127.

Kapinos, E. V. (2012). *Malye formy poezii i prozy (Bunin i drugie)* [Small forms of poetry and prose (Bunin and others)]. Novosibirsk, Otkrytyi kvadrat. 334 p.

Kapinos, E. V. (2014). *Poeziya Primorskikh Al'p. Rassказы I.A. Bunina 1920-kh godov* [Poetry of the Maritime Alps. The stories of I.A. Bunin in the 1920s]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 340 p.

Kirillova, E. O. (2015). *Oriental'nye temy, obrazy, motivy v literature russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka (B.M. Yul'skii, N.A. Baikov, M.V. Shcherbakov, E.E. Yashnov)* [Oriental themes, images, motives in the literature of the Russian diaspora of the Far East (B.M. Yul'sky, N.A. Baikov, M.V. Shcherbakov, E.E. Yashnov)]. Vladivostok, Dal'nevostochnyyi federal'nyi universitet. 276 p.

Lermontov, M. Yu. (2002). *Polnoe sobranie sochinenii v 10 tomakh. T. 6. Proza* [Complete works, in 10 vols. Vol. 6. Prose]. Moscow, Voskresen'e. 592 p.

Lobychev, A. (2011). Chelovek, ushedshii na russkii Vostok: Zhizn' i proza Borisa Yul'skogo [A man who went to the Russian East: The life and prose of Boris Yul'sky]. In Yul'sky, B. *Zelenyy legion: povest' i rassказы*. Vladivostok, pp. 3–25.

Marchenko, T. V. (2010). Perepisat' klassiku v epokhu modernizma (o poetike i stile rasskaza Bunina «Natalie») [Rewrite the classics in the era of modernism (about the poetics and style of Bunin's story "Natalie")]. In *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. Vol. 69. No. 2*, pp. 25–42.

Pushkin, A. S. (1995). *Polnoe sobranie sochinenii v 17 tomakh. T. 6. Evgenii Onegin* [Complete works, in 17 vols. Vol. 6. Eugene Onegin]. Moscow, Voskresen'e. 700 p.

Yul'sky, B. (2011). *Zelenyy legion: povesti i rassказы* [Green Legion: Stories]. Vladivostok. 560 p.

Данные об авторе

Куликова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

E-mail: kulis@mail.ru.

Author's information

Kulikova Elena Yurievna – Doctor of Philology, Leading Researcher of Sector of Literary Criticism, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

«СЦЕНИЧНОСТЬ» ЛИРИКИ А. БЛОКА 1900–1910 ГОДОВ КАК ОСОБАЯ ФОРМА «ТЕАТРАЛЬНОСТИ»

Коптелова Н. Г.

Костромской государственной университет (Кострома, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

А н н о т а ц и я . Проводится анализ лирических стихотворений А. Блока 1900–1910 годов в интермедийном аспекте. Рассматривается недостаточно изученный вариант «театральности» его поэзии, репрезентируемый в особой «сценичности». Доказывается, что внедрение театрального кода в блоковскую поэзию происходит на волне общесимволистского стремления к преодолению индивидуализма через эстетическую «соборность» театра. В творческом сознании Блока формируется своеобразный культ драматургии и театра, многопланово влияющий на поэтику его лирики.

Показывается, что «сценичность» возникает в результате организации лирических стихотворений по принципу драматической сцены и становится характерной чертой блоковского стиля. Выявляется, что Блок активно использует в лирике своеобразные театрально-драматургические приемы: «ремарки»; «сценичный» хронотоп; монологи и диалоги персонажей. Предлагается типология «сцен», художественно воплощенных в его лирике. Выясняется, что они очень разноплановы по сюжету и пафосу. Прослеживается градация: от идиллических «сцен» до «сцен», наполненных глубочайшим трагизмом. Многие блоковские стихотворные «сцены» могут быть прочитаны как эпилоги трагедий (циклы «Город» и «Вольные мысли»). Углубленный психологизм отличает «любовные сцены» третьего тома Блока. «Говорящие» жесты и движения, «сценично» передающие внутреннее состояние героев, вызваны к жизни не только особой «театральностью», определяющей природу художественного мышления Блока-лирика, но и связаны с его сознательной ориентацией на «метод физических действий» системы К. С. Станиславского.

По линии «сценичности» поэзии из символистов с Блоком теснее всего сближается А. Белый. Однако стихотворные «сцены» Белого не столь разнохарактерны по сюжетам и настроению, как у Блока, поскольку по преимуществу они выполнены в гротескно-комическом ключе. «Сценичность» блоковских стихов становится знаком особой «ренессансной» многогранности его художественного таланта. Она компенсирует творческое желание поэта самовыразиться в области театра, не воплощенное в полной мере в силу господства в его художественном мышлении лирической стихии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Александр Блок; лирика; интермедийность; «театральность»; «сценичность»; символизм; ремарки; диалоги; психологизм; метод физических действий.

“STAGINESS” OF A. BLOK’S LYRIC POETRY OF 1900–1910 AS A SPECIAL FORM OF “THEATRICALITY”

Nataliya G. Koptelova

Kostroma State University (Kostroma, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

A b s t r a c t . The author analyzes the intermedial aspect of the lyric poems of Alexander Blok of 1900–1910. The study explores the underinvestigated version of “theatricality” of his poetry, which is represented by its specific “staginess”. The author argues that the introduction of the theatrical code into Blok’s poetry takes place in the wake of the general symbolic striving to overcome individualism through the aesthetic “collegiality” of the theater. A peculiar cult of drama and theater is formed in the creative consciousness of Blok, influencing the poetics of his lyrics in many ways.

It is shown that “staginess” arises as a result of the organization of lyric poems on the principle of a dramatic scene and becomes a characteristic feature of the style of Alexander Blok. It is revealed that Blok actively uses

peculiar theatrical and dramatic techniques in his lyrics: "stage remarks"; "stage" chronotope; monologues and dialogues of characters. The article also deals with a typology of "scenes" presented in Blok's lyrics. It turns out that they are quite diverse in the plot and pathos. There is a gradation: from idyllic scenes, which are gentle lyrical sketches, to epilogue scenes filled with the deepest tragedy. Many of Blok's poetic "scenes" can be read as epilogues of tragedies (e.g. "scenes" in the cycles "City" and "Free Thoughts"). In-depth psychologism distinguishes the "love scenes" of Blok's third volume. "Speaking" gestures and movements that "scenically" convey the internal state of the characters are brought to life not only by the special "theatricality" that determines the nature of Blok-lyric's artistic thinking, but also due to his conscious orientation to the "method of physical actions" of the system by Konstantin Stanislavsky.

It is concluded that along the line of "scenic" poetry, Andrei Bely comes closest to Blok among all Symbolists. However, Bely's poetic "scenes" are not as diverse in plots and mood as those of Blok, since they are predominantly executed in a grotesque-comic key. The "staginess" of Blok's poems becomes a sign of the special "Renaissance" versatility of his artistic talent. It compensates for the poet's creative desire to express himself in the field of theater, which is not fully realized due to the dominance of the lyric element in his artistic thinking.

Key words: Alexander Blok; lyric poems; intermediality; "theatricality"; "staginess"; symbolism; stage remarks; dialogues; psychologism; "method of physical actions".

Для цитирования: Коптелова, Н. Г. «Сценичность» лирики Александра Блока 1900–1910 годов как особая форма «театральности» / Н. Г. Коптелова – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 48–58. – DOI: 10.26170/FK20-03-04.

For citation: Koptelova, N. G. (2020). "Staginess" of A. Blok's Lyric Poetry of 1900–1910 as a Special Form of "Theatricality". In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 48–58. DOI: 10.26170/FK20-03-04.

Введение. В эстетической системе А. Блока идея взаимодействия и синтеза искусств играла весьма важную роль. Интерес к ней у поэта отчасти определялся соответствующими исканиями младосимволизма, был связан с проектом возрождения Мистерии и имел религиозно-мистическую основу. Лидирующие позиции в разработке проблемы синтеза искусств в русском символизме занимал, несомненно, Вяч. Иванов. Согласно его концепции, «интеграция художественных энергий», подчинившись музыке, должна была сосредоточиться «в синтетическом искусстве всенародного действия и хоровой драмы», т. е. в Мистерии [Иванов 1909: 199]. Причем этой новой Мистерии, по мысли Иванова, суждено было обрести жизнетворческий смысл. Эстетическая рефлексия, выливающаяся в очертания утопического художественного проекта, сосредоточена в таких ивановских статьях, как «Предчувствия и предвестия», «Поэт и чернь», «Новые маски», «Вагнер и Дионисово действие» и др. Связанная с этой концепцией мысль Иванова о необходимости поисков новых театральных форм, основанных на синтезе искусств и в определенном смысле воскрешающих традиции античного театра, стала одной из самых притягательных в символист-

ской и околосимволистской среде [Страшкова 2006].

Однако в процессе своей творческой эволюции Блок все менее руководствовался теоретическими положениями, выдвигаемыми символистами, Вяч. Ивановым и А. Белым, прежде всего, и касающимися проблемы взаимодействия искусств, но все более полагался на свое интуитивное ощущение сдвигов, происходящих в художественном мышлении рубежа веков. Он чувствовал, что эти сдвиги вызваны особым «музыкальным ритмом» эпохи, к которому он так чутко прислушивался. Обращение Блока в его эстетике к проблеме взаимодействия искусств свидетельствует, что поэт, в сущности, верно определил направление одного из ведущих векторов художественного развития конца XIX – начала XX вв. [Коптелова 1986]. Как точно подметила Т. Ю. Хмельницкая, «искусство времен символизма постоянно выходит за пределы „своего“ замкнутого ряда, переливаясь в области соседних искусств» [Хмельницкая 1985: 68]. Знаменательно, что творчество самого Блока отвечало сформулированному им в заметке «Большой драматический театр в будущем сезоне» и в «Речи к актерам» высокому требованию «быть братьями других искусств»

[Блок 1960–1963, т. 6: 349], т. е. соответствовать духу «музыки», обеспечивающему цельность бытия [Там же: 355]. Мечта о «хороводе Муз», высказанная в статье «Крушение гуманизма» [Там же: 106], в блоковской поэтике воплотилась в разнообразно выраженной интермедальности¹, механизмы и формы проявления которой еще требуют серьезного исследования [Грякалова 2016: 20]. На волне интермедальных стратегий² Блока возникла и особая «театральность» его лирики.

«Театральность» как явление «художественного перекрестка» весьма характерна для культуры рубежа веков. Заслуживает доверия высказывание Т. Курышевой: «Дух театральности витает в воздухе XX века. Он пронизывает художественное мышление, царит на подмостках и вне таковых, проявляя себя в режиссерском творчестве и образности литературных сочинений, в изобразительном искусстве и музыкальных звучаниях» [Курышева 1984: 5]. Помимо Блока, «театральность» в той или иной форме воплощается и в поэзии других авторов Серебряного века: например, М. Кузмина, А. Ахматовой, М. Цветаевой, И. Северянина, В. Маяковского. И сам факт той или иной связи лирики с театром выступает как показатель сближения типов художественного мышления самых разных авторов в фокусе интермедальности. Но не менее принципиально и то, что влияние театра на поэзию происходит у всех лириков своеобразно, подчиняясь требованиям индивидуально-авторской художественной системы. Следовательно, нет оснований нивелировать «театральность» поэзии, скажем, Блока и Маяковского или Северянина. Формы «театральности» поэзии могут быть самыми разнообразными и, в конечном счете, как плодотворными, так и неплодотворными в художественном отношении. Однако и в пределах творческой системы одного автора «театральность» оказывается феноменом сложным и динамичным: театр в качестве многогранного субъекта может воздействовать на лири-

ческую поэзию – объект, также отличающийся многослойностью, – различными своими сторонами.

«Театральность» лирики Блока, несомненно, полигенетична. Она восходит к культуре театра, который возникает в сознании Блока, во-первых, как результат страстного и неизменного в течение всей жизни увлечения поэта сценическим искусством. Во-вторых, внедрение театрального кода в блоковскую лирику происходит и на волне общесимволистского стремления к преодолению индивидуализма через эстетическую «соборность» театра, предсказывающего грядущую Мистерию.

О «театральности», маркирующей поэтику блоковской лирики, писали многие отечественные критики и литературоведы XX в. (Ю. И. Айхенвальд, Б. М. Эйхенбаум, М. А. Рыбникова, Н. Д. Волков, Ю. Н. Тынянов, А. Е. Горелов, М. Ф. Пьяных, З. Г. Минц, А. В. Федоров, Е. М. Таборисская, И. Б. Роднянская, Д. Е. Максимов и др.). Методологические подходы к изучению «театральности» поэзии Блока наиболее основательно выстроены в монографиях П. П. Громова [Громов 1986] и Т. М. Родиной [Родина 1972]. Последняя точно определила вектор эволюции «театральности» в художественной системе Блока: «Сначала описание театральных впечатлений, а затем продолжение игры средствами лирики в условиях нетеатрального пространства и несценического времени» [Там же: 93]. Тем не менее, весьма богатые и разнообразные по содержанию и форме творческие связи блоковской поэзии с театром и драматургией до сих пор еще остаются во многом не проясненными. А между тем за ними стоят весьма значимые характеристики художественного мира одного из самых ярких лириков Серебряного века.

В данной статье мы рассмотрим вариант «театральности» поэзии Блока, репрезентируемый в особой «сценичности».

«Сценичность» лирики А. Блока 1900–1910 годов: природа и типология. «Сценич-

¹ В современной науке термин «интермедальность» используется в разных методологических контекстах. В данной статье под интермедальностью мы понимаем особый способ организации художественного текста, основанный на взаимодействии кодов разных видов искусств (см.: [Тишунина 2001: 153]). В последние десятилетия в литературоведении активно рассматриваются проблемы интермедальной поэтики, сформировавшейся в искусстве русского модернизма. См., например: [Ханзен-Лёве 2016; Титаренко 2017: 54–73; Титаренко 2018а: 117–130; Титаренко 2018б: 216–230].

² Определение понятия «авторская интермедальная стратегия» см.: [Тимашков 2011: 366–368].

ность» в поэзии Блока возникает в результате организации лирического стихотворения по принципу драматической сцены. Соображения о своеобразной потенциальной «сценичности» блоковских стихотворений о любви высказал еще В. Н. Орлов. Он писал: «Мы ясно представляем себе героя и героиню, угадываем их отношения, кажется даже, что слышим их речь (хотя она непосредственно и не передана в стихах – самый диалог опущен), вникаем в нарастание и разрешение их конфликта» [Орлов 1981: 45].

«Сценический» принцип развертывания лирических переживаний, выливающих в форму сюжета, задействован в одном из ранних блоковских стихотворений «Все кричали у круглых столов...» (1902). Кстати, сам поэт сообщал в письме к Л. Д. Менделеевой о том, что это произведение было написано под воздействием Достоевского [Блок 1978: 91]:

Все кричали у круглых столов,
Беспокойно меняя место.
Было тускло от винных паров.
Вдруг кто-то вошел – и сквозь гул голосов
Сказал: «Вот моя невеста».

Никто не слышал ничего.
Все визжали неистово, как звери!
А один, сам не зная отчего, –
Качался и хохотал, указывая на него
И на девушку, вошедшую в двери

[Блок 1997–2010, т. 1: 141].

«Это не бесформенно. Это просто и бывает в жизни, на тех ее окраинах, когда Ставрогин кусает генералов за ухо», – так определяет Блок основное настроение своего стихотворения в упомянутом письме к жене [Блок 1978: 91]. Действительно, в этом произведении представлена «сцена» в духе «фантастического реализма» [Блок 1960–1963, т. 8: 40], пере-

дающая атмосферу парадоксальности и безумия жизни, столь знакомую по романам Достоевского. Ощущение абсурда и трагической нелепости, окрашивающее данную лирическую «сцену» и ассоциирующееся у Блока с образами и мотивами «Бесов» Достоевского, идет от глубоко интимных переживаний поэта, вводящего в это время свою невесту Л. Д. Менделееву в символистское окружение. Как точно подчеркивает З. Г. Минц, «увлечение Достоевским оказывает огромное, до сих пор не оцененное по заслугам влияние на эволюцию художественного метода Блока» [Минц 2000: 88]. Активная лирическая рефлексия Блока на творчество Достоевского, думается, во многом мотивирована глубинным родством художественного мышления этих авторов. Блока-лирика и Достоевского-эпика, в частности, сближает и особая «сценичность» их поэтики. Примечательно, что в прозе Достоевского отечественными критиками и литературоведами было также подмечено повествование «сценами»¹.

В колорите Достоевского также выдержана «сцена», мастерски выстроенная в лирическом монологе «Среди гостей ходил я в черном фраке...» (1903), наполненная мощной драматургической энергией. Эта «сцена» запечатлевает крайний алогизм человеческих поступков, передает вспышку безумия героя. Она пронизана чрезвычайным трагизмом, но имеет мистический второй план («Поймут, что я кого-то увидел...»). Особенно выразителен финал «сцены», психологизм которой создан с помощью своеобразных театрально-драматургических приемов: «ремарки», описывающие мимику, жесты и движения действующих лиц, находящихся на каком-то эмоциональном пределе; внедрение в монолог одного персонажа реплики другого субъ-

¹ Уже Д. С. Мережковский в статье «Достоевский» (вошла в книгу «Вечные спутники» и в исследовании «Толстой и Достоевский» выявил эстетический потенциал театрально-драматической формы, присутствующий в романах Достоевского. Критик-символист, по сути, заложил основы для целого направления исследования произведений Достоевского. Он предвосхитил концепцию Вяч. Иванова [Иванов 1916: 3–72], а также многие критические высказывания о романах Достоевского М. Волошина [Волошин 1988: 363–364] и С. Булгакова [Булгаков 1914: 1–26]. Мережковский справедливо подчеркнул сценическую действительность, присущую повествованию прозаика: «Не только присутствие рока в событиях придает рассказу Достоевского трагический пафос в античном смысле слова – этому впечатлению способствует еще и *единство времени* (тоже в античном смысле). В промежутке одного дня, иногда нескольких часов, события и катастрофы нагромождаются целыми массами. Роман Достоевского – не спокойный, плавно развивающийся эпос, а собрание пятых актов многих трагедий. Нет медленного развития: все делается почти мгновенно, стремится неудержимо и страстно к одной цели – к концу» [Мережковский 1995: 455]. Впоследствии эту концептуальную линию продолжил литературовед В. Днепров. Он отметил: «Достоевский показывает место действия, располагает участников в пространстве, строит мизансцены, описывает жесты и движения, интонации, добавляет зрительные впечатления там, где нужно помочь нашему воображению увидеть сложную картину» [Днепров 1980: 257].

екта; аудиальные ассоциации, характеризующие звучание голосов героев. Художественное время лирической «сцены» передает стремительность и неожиданность происходящих событий. А вот в ее пространстве акцентируется деталь интерьера, являющаяся элементом «декорации» («дверь с ручкой медной»):

Ты подойдешь. Сожмешь мне больно руку.
Ты скажешь: «Брось. Ты возбуждаешь смех».
Но я пойму – по голосу, по звуку,
Что ты меня боишься больше всех.

Я закричу, беспомощный и бледный
Вокруг себя бесцельно оглянусь.
Потом очнусь у двери с ручкой медной.
Увижу всех... И слабо улыбнусь

[Блок 1997–2010, т. 1: 168].

А вообще «сцены», «разыгранные» в блоковской лирике, очень разноплановы по сюжету и пафосу. В типологии его поэтических «сцен» можно проследить градацию: от мягких лирических зарисовок – до наполненных самым глубоким трагизмом.

Идиллическая «сцена», окрашенная светлым настроением и улавливающая гармонию мира ребенка, создана в стихотворении (1903), посвященном певице М. А. Олениной д»Альгейм и навеянном вокальным циклом «Детская» М. П. Мусоргского [Волков, Редько 1972: 109]. В нем ярко воплотилась установка на «театральную» зрелищность. Действие «сцены» дополняется диалогом персонажей, описанием «декораций»:

Темная, бледно-зеленая
Детская комнатка.
Нянюшка бродит сонная.
«Спи, мое дитятко».
... ..
Нянюшка села и задумалась.
Лучики побежали – три лучика.
«Нянюшка, о чем задумалась?
Расскажи про святого мученика»

[Блок 1997–2010, т. 1: 165].

При этом данная «сцена» «проигрывается» как бы внутри детского сознания, все происходящее передается явно сквозь призму восприятия ребенка. Идиллическая окраска «сцены» достигается за счет использования в тексте стихотворения лексем с уменьшительно-ласкательными суффиксами («комнатка», «нянюшка», «дитятко», «лучики»).

А вот характер «сцен» (их можно назвать целостной маленькой «лирической пьесой»), которые создают сюжет в стихотворении «Из газет» (1903), отличается ярко выраженным драматизмом. «Сценичность» этого произведения проявляется в особой «театральной» динамичности описанных Блоком движений и жестов «действующих лиц» («Крестила детей»; «Положила, до полу клонясь головой / Последний земной поклон»; «...Встала на колени / И, кланяясь, как мама, крестила детей») [Блок 1997–2010, т. 1: 169], приобретающих силу психологических намеков. Ориентация на «язык сцены» воплощается также в аудиальных эффектах, т. е. в точном воспроизведении слуховых впечатлений с точки зрения детского восприятия («Прокатился и замер стеклянный гул: / Звенящая дверь хлопнула внизу»; «Кто-то шел по лестнице, считая ступени. / Сосчитал. И заплакал. И постучал у дверей») [Там же]. Но при всей «театральной» зрительно-слуховой очерченности «сцены» этого стихотворения несут печать символистского видения мира [Скастов 1971: 91].

Многие блоковские стихотворные «сцены» могут быть прочитаны и как эпилоги трагедий, разыгрывавшихся в прошлом. Таковы «сцены» в цикле «Город». Например, в «сцене», созданной в стихотворении «Последний день» (1904), как будто по замыслу талантливого режиссера, детали портретов, интерьера; жесты становятся приемами тончайших психологических мотивировок персонажей. Они вызывают у читателя (зрителя) чувство стыда и отвращения: «Мужчина перед зеркалом расчесывал пробор в волосах»; «Сегодня безобразно повисли складки рубашки»; «Углами торчала мебель, валялись окурки, бумажки, / Всех ужасней в комнате был красный комод» [Блок 1997–2010, т. 2: 99]. Симптоматично признание Блока в записной книжке 1914 года: «Меня не развлекают, а мне помогают мелочи (кресла, уюты, вещи) в чеховских пьесах (и в „Кармен“, например, тоже)» [Блок 1965: 91]. В «сцене» этого стихотворения детали – те же театральные «мелочи», приносящие с собой ценную психологическую информацию, характеризующие абсурд «страшного мира» города, усиливающие апокалиптическое звучание произведения.

Примечательно, что «сценический» принцип организации лирических эмоций в конце стихотворения «растворяется» в сложном комплексе многозначных образов, развиваемых по принципу цепочки и обретающих космическое измерение и эсхатологический смысл. В небесной вышине отчетливо проступает знак креста – символ страданий: «Высоко – над домами – в тумане снежной бури, / На месте полуденных туч и полунощных звезд, / Розовым зигзагом в разверстой лазури, / Тонкая рука распластала тонкий крест» [Блок 1997–2010, т. 2: 99].

«Театральный» динамизм жестов и портретных деталей, акцентирующий визуальные впечатления читателя, обостряет трагизм «сцены» и в стихотворении «Повесть» (1905), в которой передана катастрофичность городского будничного существования: «Темный профиль женщины наклонился вниз»; «С головой открытой – кто-то в красном платье / Поднимал на воздух малое дитя...»; «Бешено ударились головой о стену, / С криком иступления, уронив ребенка в ночь...»; «А она лежала на спине раскинув руки / В грязно-красном платье, на кровавой мостовой» [Блок 1997–2010, т. 2: 110]. Как точно отмечает П. П. Громов, в этом произведении можно наблюдать «слияние» повествовательности и «театральности» [Громов 1986: 147].

Модель «сценической» композиции художественно продуктивно используется и в стихотворениях цикла «Вольные мысли» (1907). Эпилогом трагедии кажется «сцена» гибели жокея, органически вписывающаяся в лирическое повествование, развернутое в стихотворении «О смерти». Экспрессивно окрашенные лирические «ремарки», вкрапленные в эту «сцену», точно воссоздают происходящее: движения людей, позы мертвого тела жокея. Здесь визуализация образности, мотивированная «сценичностью» лирики, отчасти даже переходит в потенциально «кинематографическое» видение. Стихотворный текст практически превращается в кусок киносценария:

И вот повисла
Беспомощная желтая нога
В обтянутой рейтузе. Завалилась
Им на плечи куда-то голова...
Ландо подъехало. К его подушкам

Так бережно и нежно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человек
Вскочил неловко на подножку, замер,
Поддерживая голову и ногу,
И важный кучер повернул назад

[Блок 1997–2010, т. 2: 207].

«Сцена» сменяется авторскими мыслями, философским итогом: «Так хорошо и вольно умереть» [Там же].

Тенденция слияния повествовательности и «театральности» прослеживается и в стихотворной «сцене» «Над озером». Характер сюжета этой «сцены» лишен драматического накала, но, напротив, полон настроением тонкого юмора. Совершенно оригинально поэт создает сценический портрет «действующего лица» – через отбор комических деталей и жестов:

А офицер уж близко: белый китель,
Над ним усы и пуговица-нос,
И плоский блин, приплюснутый фуражкой.
Он подошел... он жмет ей руку!.. смотрят
Его гляделки в ясные глаза!..
И вдруг... протяжно чмокает ее,
Дает ей руку и ведет на дачу!

[Блок 1997–2010, т. 2: 210].

В этой фарсовой «сцене» Блок сполна реализует себя как драматург, режиссер и актер.

Полна юмора и «сцена» в стихотворении «На пасхе» (1910). Сначала шутивными «ремарками» намечена «мизансцена», обрисованы «сценические» портреты персонажей:

В сапогах бутылками,
Квасом напомажен,
С новой гармоникой
Стоит под крыльцом.

На крыльце вертлявая,
Фартучек с кружевцом,
Каблучки постукивают,
Румяная лицом

[Блок 1997–2010, т. 3: 130].

Вторая часть «сцены» содержит диалог, в котором «голоса» действующих лиц внешне не оформлены в виде драматизированных реплик. Тем не менее, поэтом-драматургом переданы индивидуальные интонации героя и героини, возникает впечатление «озвучивания» «мизансцены». «Мужик» и «барышня» простодушно переговариваются:

Ангел мой, барышня,
Что же ты смеешься,

Ангел мой, барышня,
Дай поцеловать!

Вот еще, стану я,
Мужик неумытый,
Стану я, беленькая,
Тебя целовать! [Там же].

Но, пожалуй, наиболее интересны у Блока «любовные» сцены третьего тома: прежде всего, глубиной их психологической разработки.

Как верно подметил еще А. Е. Горелов, «с особенной силой <...> ощущение сцены сказалось в стихотворении „В ресторане“» [Горелов 1970: 256]:

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: «И этот влюблен»

[Блок 1997–2010, т. 3: 16].

Иллюзию трепетной зримости сообщают «сцене» необычайно яркие, «говорящие» жесты и движения героини: «чуть заметное дрожанье руки», «рванулась движеньем испуганной птицы».

Очень выразительна «сцена прощания» в стихотворении «Седое утро» (1913):

Ты холодно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольца,
И я – который раз подряд –
Целую кольца, а не руки...

[Блок 1997–2010, т. 3: 137].

В лирический монолог персонажа, оказывающийся распространенной ремаркой, позволяющей очертить «сцену», вписан алогичный, рассеянный жест¹: «Целую кольца, а не руки». Он несет богатую психологическую информацию: герой, потрясенный горечью предстоящей разлуки, совершенно произвольно, в волнении, совершает странные нелепые поступки (подобно тому, как Митя Карамазов в один из драматических моментов своей жизни – на допросе – целиком захвачен рассматриванием удивительного перстня на руке у следователя).

Коллизия расставания раскрыта через точно найденные жесты, «сценично» передающие внутреннее состояние героев: «В плече,

откинутом назад, – / Задор свободы и разлуки»; «как мальчик, шаркнула; поклон / Отвешивает»; «Я молча на нее гляжу, / Сжимаю пальцы ей до боли...» [Там же]. И в этом – выразилась не только «театральность» художественного мышления Блока-лирика, которая коренилась в самой природе его творческого таланта, но, вероятно, в чем-то сказалась и сознательная ориентация на «метод физических действий» «системы» К. С. Станиславского. Блока очень интересовала работа Станиславского по апробации его «системы» в Студии Московского художественного театра. Об этом свидетельствует дневниковая запись поэта от 11 октября 1912 года [Блок 1960–1963, т. 7: 162]. Побывав в Студии на спектакле по пьесе Г. Гейерманса «Гибель „Надежды“», Блок 1 мая 1913 года пишет жене: «Пьеса довольно фальшивая, но игра превосходная. Мне было интересно следить за тем, как пользуются актеры приемами, которые подробно разъяснил мне Станиславский» [Блок 1960–1963, т. 8: 419–420]. Примечательно и то, что через неделю поэт снова идет посмотреть этот спектакль². И, видимо, он делает это не только для того, чтобы опять насладиться актерской игрой, но и затем, чтобы изучить, как достигаются такие вершины сценического искусства в раскрытии внутреннего мира человека. О том, что просмотр названного спектакля толкал Блока к сознательному использованию на почве лирики «метода физических действий», разработанного Станиславским, косвенно свидетельствует фрагмент из воспоминаний В. Гиппиуса. Говоря о возрастающем в 1910-е гг. внимании лирика-символиста к проблемам психологизма в искусстве, мемуарист пишет: «В тот же, кажется, вечер Блок рассказывал о спектакле „Гибель „Надежды“ Гейерманса. Он особенно отметил один эпизод, когда исполнитель роли Капса (если не ошибаюсь, Б. М. Сушкевич) в своей реплике на вопрос о корабле: „Известий нет?“ – Отвечал: „Нет“, и при этом нервно и многозначительно ковырял конторку. В этом жесте Блок видел образец большого мастерства. Я вспомнил тогда же похвалу северянинской

¹ Рассеянный жест, открывающий ошеломление и беспомощность героини перед лицом только что свершившегося расставания ее с любимым, ранее был экспрессивно акцентирован в стихотворении А. Ахматовой «Песня последней встечи» (1911): «Я на правую руку надела / Перчатку с левой руки».

² См.: [Блок 1960–1963, т. 7: 249; Блок 1960–1963, т. 8: 422].

строке „Она кусает платок, бледнея“. А позже поставил в ту же связь такие стихи самого Блока, как „Превратила все в шутку сначала“» [Гиппиус 1980: 84]. Как известно, Блок, будучи невольным виновником «взрыва», происходящего в эстетике В. Э. Мейерхольда, не одобрял ни его уклона в сторону комедии дель арте, ни простирающегося отсюда общего направления его исканий, тяготеющих к зрелищно-игровому типу театра («балагана»). Творческий парадокс и состоит в том, что, будучи создателем символистских драм, Блок в 1910-е гг. яростно отталкивался от «правды Мейерхольда» и упорно тянулся к «правде Станиславского» [Блок 1960–1963, т. 7: 187].

В самом деле, в стихотворении, упомянутом в воспоминаниях В. Гиппиуса, поэт создает удивительно выразительную и эмоционально насыщенную «сцену объяснения». И это ему удается во многом благодаря проекции на лирику «метода физических действий» Станиславского. Соответственно, поэтика стихотворения – совершенно глагольная:

Превратила все в шутку сначала,
Поняла – принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.

И зубами дразня, хохотала,
Неожиданно все позабыв,
Вдруг припомнила все – зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив

[Блок 1997–2010, т. 3: 142–143].

В этой «сцене» ведущая роль принадлежит героине, роль же ее партнера уведена в подтекст¹: она не менее сложна по своему психологическому рисунку, хотя и проводится на протяжении всей «сцены» в ключе внешней сдержанности. В финале стихотворения (как и в «Седом утре») психологический материал «сцены» философски обобщается в грустном ироническом вопросе лирического героя: «Неужели и жизнь отшумела, / Отшумела, как платье твое?» [Там же].

В стихотворении Блока «Грешить бесстыдно, непробудно...» (1914) развертываются несколько «сцен-эпизодов» из жизни русского обывателя. Разнохарактерные по содержа-

нию, эти «сцены» в принципе показывают «крайности» русской души как таковой, обрисовывают причудливое совмещение в ней несовместимого. Они ярко демонстрируют, что в русском человеке страстное и чистосердечное раскаяние неразделимо с постоянством греха. Общее «сценическое» действие в этом произведении отчетливо распадается на два контрастных эпизода. В первом эпизоде персонаж раскрывается как натура, искренне стремящаяся самозабвенной молитвой очистить душу от скверны:

Три раза преклониться долу,
Семь – осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом

[Блок 1997–2010, т. 3: 185].

Действенная доминанта второго эпизода определяется другой «сверхзадачей»: обрисовать поведение героя-торгаша в его обыденном существовании, наполненном душевным опустошением, грехом и скукой:

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть [Там же].

«Сцены» этого стихотворения, кроме того, свидетельствуют: поэт вышел к глубокому постижению феномена России. Реальная конкретность, психологическая достоверность «сцен», пронизанная болью за русского человека, в конце уступает место авторскому признанию, окрашенному в славянофильские тона: «Да, и такой, моя Россия, / Ты всех краев дороже мне» [Там же].

Специфика «сценичности», воплощенной в лирике Блока 1900–1910 годов, может быть раскрыта более глубоко и всесторонне на фоне творчества других авторов Серебряного века, в том числе символистов. Разумеется, эта задача требует отдельных серьезных сопоставительных исследований, привлечения широкого литературного контекста. Тем не менее, стоит предположить, что по линии «сценичности» поэзии из символистов с Блоком теснее всего сближается Андрей Белый. Стихотворения, построенные по принципу драматической сцены, встречаются в первом

¹ «Смысл творчества в подтексте. Без него слову нечего делать на сцене», – писал К. С. Станиславский, излагая основы своей системы [Станиславский 1955: 85].

поэтическом сборнике Белого «Золото в лазури» (М., 1904) в разделе «Прежде и теперь». Поскольку некоторые стихотворения этого раздела, по признанию Белого, написаны «под Сомова» [Белый 1933: 206], то можно заключить, что их «сценичность» навеяна живописью этого художника, часто «все построение картины уподоблявшего театральной сцене» [Лапшина 1980: 95]. Живописный генезис «сценичности», воплощенной в первом поэтическом сборнике Белого, дает представление о сложных и богатых интермедийных связях и взаимодействиях, возникающих в искусстве рубежа веков. В «сценах», мастерски развернутых в стихотворениях Белого «Объяснение в любви», «Менуэт», «Прощание», «Опала», «Ссора», от К. Сомова наследована атмосфера насмешливости и комизма.

В стихотворении «Отставной военный» этого же раздела, уже тематически не связанном с живописью Сомова, поэтом «поставлена» гротескно-комическая «сцена». В произведении задействованы «театрально-драматургические» художественные приемы: описание жестов, деталей портрета и интерьера; монолог «действующего лица». Предельная точность психологических мотивировок в этой «сцене» говорит о пристальном внимании символиста Белого к реальности, за которой, однако, кроются «иные миры».

Принцип «сценической» организации лирического стихотворения реализуется и в последующем творчестве Белого. Как драматическая «сцена», построены, например, стихотворения «Свадьба», «Старинный дом» (сборник «Пепел» (1909)); «Воспоминание» (сборник «Урна» (1909)). Однако поэтические «сцены» Белого не столь разнохарактерны по сюжетам и настроению, не столь «полифоничны» по своему смысловому наполнению,

как у Блока, – они по преимуществу выполнены в гротескно-комическом ключе.

Выводы. Таким образом, можно заключить: «сценичность» лирики Блока становится характерной чертой его стиля, одним из частных проявлений «театральности» и шире – интермедийности его поэтики. По сути, «сценичность» стихов свидетельствует об универсальном артистизме его художественного таланта. Она становится знаком особой «ренессансной» многогранности поэзии Блока, всегда мечтавшего о «хороводе Муз».

«Сценичность» лирики по-своему реализует стремление Блока к театру, который, наряду с музыкой, поэт считал высшим из искусств (статья «О театре»). Отчасти этот вид «театральности» компенсирует его настойчивое желание самовыразиться в области драмы, творчески не воплощенное в полной мере в силу господства в художественном мышлении Блока лирической стихии, неизменно пронизывающей все его произведения. Поэт отчетливо осознавал, что лирическое начало неизбежно вторгается в его пьесы, о чем с сожалением писал в предисловии к своему сборнику «Лирические драмы» [Блок 1960–1963, т. 6: 163].

Эстетический смысл «сценичности», художественно воплощенной в блоковской поэзии, амбивалентен. С одной стороны, в «сценичности» блоковской лирики обобщаются художественные достижения русского модернизма, формирующего интермедийную поэтику, а с другой стороны, – присутствуют элементы, конфликтующие с принципами символизма. В частности, «сценичность» поэзии Блока 1910-х гг. транслирует ориентацию поэта на углубленный психологизм, открывшийся ему в театре «переживания» Станиславского, ставшем вершиной реалистического искусства рубежа веков.

Литература

- Белый, А. Начало века: мемуары / А. Белый. – М. ; Л. : ГИХЛ, 1933. – 504 с.
Блок, А. Записные книжки / А. Блок. – М. : Художественная литература, 1965. – 663 с.
Блок, А. Письма к жене: Литературное наследство / А. Блок. – М. : Наука, 1978. – Т. 89. – 414 с.
Блок, А. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / А. Блок. – М. : Наука, 1997–2010. – Т. 1–8.
Блок, А. Собрание сочинений : в 8 т. / А. Блок. – М. ; Л. : ГИХЛ, 1960–1963.
Булгаков, С. Н. Русская трагедия / С. Н. Булгаков // Русская мысль. – 1914. – Кн. 4. – С. 1–26.
Волков, С. Блок и некоторые музыкально-эстетические проблемы его времени / С. Волков, Р. Редько // Блок и музыка. – Л. : Советский композитор, 1972. – С. 85–114.
Волошин, М. А. Достоевский и русская трагедия / М. А. Волошин // Волошин М. А. Лики творчества. – Л. : Наука, 1988. – С. 363–364.

Гиппиус, В. Встречи с Блоком / В. Гиппиус // Александр Блок в воспоминаниях современников. – М. : Художественная литература, 1980. – Т. 2. – С. 76–85.

Горелов, А. Е. Гроза над соловьиным садом: Александр Блок / А. Е. Горелов. – Л. : Советский писатель, 1970. – 511 с.

Громов, П. П. А. Блок. Его предшественники и современники / П. П. Громов. – Л. : Советский писатель, 1986. – 600 с.

Грякалова, Н. Ю. Опера Р. Леонкавалло «Паяцы» в художественном сознании Блока / Н. Ю. Грякалова, Чжи Ен Ан // Александр Блок. Исследования и материалы / отв. ред. Н. Ю. Грякалова. – СПб. : Издательство «Пушкинский Дом», 2016. – Т. <5>. – С. 7–24.

Днепров, В. Драма в романе: Из художественного опыта Достоевского / В. Днепров // Днепров В. Идеи времени и формы времени. – Л. : Советский писатель, 1980. – С. 246–304.

Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия / Вяч. Иванов // Иванов Вяч. Борозды и межи: Опыты эстетические и критические. – М. : Мусaget, 1916. – С. 3–72.

Иванов, Вяч. Предчувствия и предвестия / Вяч. Иванов // Иванов Вяч. По звездам: Статьи и афоризмы. – СПб. : Оры, 1909. – С. 189–219.

Коптелова, Н. Г. Проблема взаимодействия и синтеза искусств в эстетике А. Блока и «младосимволистов» / Н. Г. Коптелова // Творчество писателя и литературный процесс : межвузовский сборник научных трудов. – Иваново : Ивановский гос. ун-т, 1986. – С. 100–127.

Курышева, Т. Театральность и музыка / Т. Курышева. – М. : Советский композитор, 1984. – 201 с.

Лапшина, Н. П. «Мир искусства» / Н. П. Лапшина // Русская художественная культура конца XIX – начала XX века. – М. : Наука, 1980. – Кн. 4. – С. 79–99.

Мережковский, Д. С. Достоевский / Д. С. Мережковский // Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М. : Республика, 1995. – С. 452–463.

Миц, З. Г. Блок и Достоевский / З. Г. Миц // Миц З. Г. Александр Блок и русские писатели. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – С. 86–112.

Орлов, В. Н. Жизнь, долг, страсть. Уроки Блока / В. Н. Орлов // В мире Блока : сборник статей. – М. : Советский писатель, 1981. – С. 6–53.

Родина Т. М. Александр Блок и русский театр начала XX века / Т. М. Родина. – М. : Наука, 1972. – 312 с.

Скатов, Н. Россия у Александра Блока и поэтическая традиция Некрасова / Н. Скатов // В мире Блока : сборник статей. – М. : Советский писатель, 1971. – С. 84–114.

Станиславский, К. С. Собрание сочинений : в 8 т. / К. С. Станиславский. – М. : Искусство, 1955. – Т. 3. – 501 с.

Страшкова, О. К. «Новая драма» как артефакт Серебряного века / О. К. Страшкова. – Ставрополь : Изд-во Ставропольского гос. университета, 2006. – 576 с.

Тимашков, А. Ю. Интермедальность как свойство текста и как авторская стратегия / А. Ю. Тимашков // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». – 2011. – № 5. – С. 366–368.

Титаренко, С. Д. Интертекстуальность и интермедальность: проблемы репрезентации в поэтике русских символистов / С. Д. Титаренко // Интертекстуальный анализ: принципы и границы / под ред. А. А. Карпова, А. Д. Степанова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2018а. – С. 117–130.

Титаренко, С. Д. Проблемы взаимодействия интертекстуальности в мифопоэтике русского символизма (от цитаты в тексте – к медиамифу) / С. Д. Титаренко // Культура и текст. – 2017. – № 3. – С. 54–73.

Титаренко, С. Д. Россети и Вяч. Иванов: платоновский мотив воссоединения душ и интермедальная поэтика / С. Д. Титаренко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018б. – № 52. – С. 216–230.

Тишунина, Н. В. Методология интермедального анализа в свете междисциплинарных исследований / Н. В. Тишунина // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана : материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. – СПб., 2001. – С. 149–154. – (Серия «Symposium». Вып. 12).

Ханзен-Лёве, О. А. Интермедальность в русской культуре. От символизма к авангарду / О. А. Ханзен-Лёве. – М. : Рос. гос. гуманитарный университет, 2016. – 503 с.

Хмельницкая, Т. Ю. Литературное рождение Андрея Белого / Т. Ю. Хмельницкая // А. Блок и его окружение. Блоковский сборник VI / отв. ред. З. Г. Миц. – Тарту : Тартуский гос. университет, 1985. – С. 66–84.

References

- Belyi, A. (1933). *Nachalo veka: memuary* [Beginning of the Century: Memoirs]. Moscow, Leningrad, GIXL. 504 p.
- Blok, A. A. (1997–2010). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem : v 20 t.* [Complete works and letters, in 20 vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 1–8.
- Blok, A. (1960–1963). *Sobranie sochinenii : v 8 t.* [Collected Works, in 8 vols.]. Moscow, Leningrad, GIKHL.
- Blok, A. (1965). *Zapisnye knizhki* [Notebooks]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 663 p.
- Blok, A. (1978). *Pis'ma k zhene: Literaturnoe nasledstvo* [Letters to his wife: Literary heritage]. Moscow, Nauka. Vol. 89. 414 p.
- Bulgakov, S. N. (1914). *Russkaya tragediya* [Russian tragedy]. In *Russkaya mysl'*. Book 4, pp. 1–26.
- Dneprov, V. (1980). *Drama v romane: Iz khudozhestvennogo opyta Dostoevskogo* [Drama in the novel: From Dostoevsky's artistic experience]. In *Dneprov, V. Idei vremeni i formy vremeni*. Leningrad, Sovetskii pisatel', pp. 246–304.

Коптелова Н. Г. «Сценичность» лирики Александра Блока 1900–1910 годов как особая форма...

Gippius, V. (1980). *Vstrechi s Blokom* [Meetings with Alexander Blok]. In *Aleksandr Blok v vospominaniyakh sovremennikov*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 2, pp. 76–85.

Gorelov, A. E. (1970). *Groza nad solov'inyim sadom: Aleksandr Blok* [Thunderstorm over the Nightingale Garden: Alexander Blok]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 511 p.

Gromov, P. P. (1986). *A. Blok. Ego predshestvenniki i sovremenniki* [Alexander Blok. His predecessors and contemporaries]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 600 p.

Gryakalova, N. Yu., An Chzhi, En. (2016). Opera R. Leoncavallo «Payatsy» v khudozhestvennom soznanii Bloka [R. Leoncavallo's opera «Pagliacci» in the artistic consciousness of Blok]. In Gryakalova, N. Yu. (Ed.). *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», pp. 7–24.

Hanzen-Ljove, O. A. (2016). *Intermedial'nost' v russkoi kul'ture. Ot simvolizma k avangardu* [Intermediality in Russian culture. From symbolism to the avant-garde]. Moscow, Rossiiskii gosudrvtvennyi gumanitarnyi universitet. 503 p.

Ivanov, Vyach. (1916). Dostoevskii i roman-tragediya [Dostoevsky and the tragedy novel]. In Ivanov, Vyach. *Borozdy i mezhi: Opyty esteticheskie i kriticheskie*. Moscow, Musaget, pp. 3–72.

Ivanov, Vyach. (1909). *Predchuvstviya i predvestiya* [Premonitions and apprehensions]. In Ivanov, Vyach. *Po zvezdam: Stat'i i aforizmy*. Saint Petersburg, Ory, pp. 189–219.

Koptelova, N. G. (1986). Problema vzaimodeistviya i sinteza iskusstv v estetike A. Bloka i «mladosimvolistov» [The problem of interaction and synthesis of arts in aesthetics of A. Blok and “young symbolists”]. In *Tvorchestvo pisatelya i literaturnyi protsess: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Ivanovo, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 100–127.

Kuryshcheva, T. (1984). *Teatral'nost' i muzyka* [Theatricality and music]. Moscow, Sovetskii kompozitor. 201 p.

Lapshina, N. P. (1980). «Mir iskusstva» [World of Art]. In *Russkaya khudozhestvennaya kul'tura kontsa XIX – nachala XX veka*. Moscow, Nauka. Book 4, pp. 79–99.

Merezhkovskii, D. S. (1995). Dostoevskii [Dostoevsky]. In Merezhkovskii, D. S. L. *Tolstoi i Dostoevskii. Vechnye sputnik*. Moscow, Respublika, pp. 452–463.

Orlov, V. N. (1981). *Zhizn', dolg, strast'. Uroki Bloka* [Life, duty, passion. Lessons of Alexander Blok]. In *V mire Bloka: sbornik statei*. Moscow, Sovetskii pisatel', pp. 6–53.

Minc, Z. G. (2000). Blok i Dostoevskii [Blok and Dostoevsky]. In Minc, Z. G. *Aleksandr Blok i russkie pisateli*. Saint Petersburg, Iskusstvo–SPB, pp. 86–112.

Rodina, T. M. (1972). *Aleksandr Blok i russkii teatr nachala XX veka* [Alexander Blok and Russian theater of the early twentieth century]. Moscow, Nauka. 312 p.

Skatov, N. (1971). Rossiya u Aleksandra Bloka i poeticheskaya traditsiya Nekrasova [Russia in the poems of Alexander Blok and the poetic tradition of Nekrasov]. In *V mire Bloka: sbornik statei*. Moscow, Sovetskii pisatel', pp. 84–114.

Stanislavskii, K. S. (1955). *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works, in 8 vols.]. Moscow, Iskusstvo. Vol. 3. 501 p.

Strashkova, O. K. (2006). «Novaya drama» kak artefakt Serebryanogo veka [“New drama” as an artifact of the Silver age]. Stavropol', Izdatel'stvo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 576 p.

Timashkov, A. Ju. (2011). Intermedial'nost' kak svoistvo teksta i kak avtorskaya strategiya [Intermediality as a property of the text and as the author's strategy]. In *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Novye gumanitarnye issledovaniya»*. No. 5, pp. 366–368.

Tishunina, N. V. (2001). Metodologiya intermedial'nogo analiza v svete mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Intermedial analysis methodology in the light of interdisciplinary research]. In *Metodologiya gumanitarnogo znaniya v perspektive XXI veka. K 80-letiyu professora Moiseya Samoilovicha Kagana: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 18 maya 2001 g.* Saint Petersburg, pp. 149–154.

Titarenko, S. D. (2017). Problemy vzaimodeistviya intertekstual'nosti v mifopoetike russkogo simvolizma (ot tsitaty v tekste – k mediamifu) [Problems of intertextuality interaction in the mythopoetics of Russian symbolism (from a quote in the text – to a media myth)]. In *Kul'tura i tekst*. No. 3, pp. 54–73.

Titarenko, S. D. (2018a). Intertekstual'nost' i intermedial'nost': problemy reprezentatsii v poetike russkikh simvolistov [Intertextuality and intermediality: Problems of representation in the poetics of Russian symbolists]. In Karpov, A. A., Stepanov, A. D. (Eds.). *Intertekstual'nyi analiz: printsipy i granitsy*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU, pp. 117–130.

Titarenko, S. D. (2018b). Rosseti i Vyach. Ivanov: platonovskii motiv vossoedineniya dush i intermedial'naya poetika [Rosseti and Vyach. Ivanov: Platonic motive for reuniting souls and intermedial poetics]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 52, pp. 216–230.

Volkov, S., Red'ko, R. A. (1972). Blok i nekotorye muzykal'no-esteticheskie problemy ego vremeni [A. Blok and some musical and aesthetic problems of his time]. In *Blok i muzyka*. Leningrad, Sovetskii kompozitor, pp. 85–114.

Voloshin, M. A. (1988). Dostoevskii i russkaya tragediya [Dostoevsky and the Russian tragedy]. In Voloshin, M. A. *Liki tvorchestva*. Leningrad, Nauka, pp. 363–364.

Khmel'nitskaya, T. Yu. (1985). Literaturnoe rozhdenie Andreya Belogo [Literary birth of Andrei Bely]. In Mincz, Z. G. (Ed.) *A. Blok i ego okruzhenie. Blokovskii sbornik VI*. Tartu, Tartuskii gosudarstvennyi universitet, pp. 66–84.

Данные об авторе

Коптелова Наталия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Костромской государственной университет (Кострома, Россия).

Адрес: 156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17.

E-mail: nkoptelova@yandex.ru.

About the author

Koptelova Nataliya Gennad'evna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Philology, Kostroma State University (Kostroma, Russia).

PAUL CELAN IN RUSSIA (TO THE CENTENNIAL OF HIS BIRTH)

Tamara V. Kudryavtseva

M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8279-8639>

Abstract. The article analyzes the peculiarities of Russian reception of the creative work and the personality of the 'European citizen', German-language poet Paul Celan (23.11.1920, Czernowitz, Romania – 20.04.1970, Paris, France). Paul Celan, – a Jew by birth, a Soviet Ukrainian by compulsion, an Austrian and a German by the language and a Frenchman by the place of emigration and death – brought into the European culture "after the Holocaust" acutely tragic, saliently humane and morally eternal meanings. His creative activity is still attractive to the reading and academic community.

The article emphasizes the evolution of perception and the peculiarities of canonization of this man of letters in our country and the meaning of the creative activity of Paul Celan for the contemporary Russian literary process, and specifically the problem of translation (translatability) of Celan's works.

Paul Celan is considered by contemporary Russian Germanists as a most eminent German-language poet of the first half of the 20th century. Russian Slavists appreciate him as the first and still unsurpassed translator of Yesenin's, Khlebnikov's, and Mandelstam's works. The history of the Soviet recognition of Celan's work begins in the 1950s. Researchers are interested both in the poet's own works and in his translations of the Russian poetry. The author's nationality of origin is still being traditionally defined as an Austrian of Jewish origin. The number of studies devoted to Celan is fairly representative: there are numerous scientific publications in Russia, both in the form of monographs and journal articles, which give a good picture of both his own works, which are actively translated into Russian, and of his translations of Russian poets. The analysis of the specificity of the current poet's reception, considering its dynamics over time, allows one to conclude that there is a clear trend towards literary canonization of the poet in the post-Soviet cultural space.

Key words: Paul Celan; German-language poetry; translation; reception; literary canon.

ПАУЛЬ ЦЕЛАН В РОССИИ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Кудрявцева Т. В.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8279-8639>

Аннотация. В статье анализируются особенности рецепции в России творчества и личности «гражданина Европы», немецкоязычного поэта Пауля Целана (23.11.1920, Черновицы, Румыния, – 20.04.1970, Париж, Франция). Пауль Целан, еврей по происхождению, советский украинец – «по принуждению», австриец и немец – по языковой принадлежности, француз – по месту эмиграции и смерти, внес в европейскую культуру «после Холокоста» обостренно трагические, пронзительно человеческие, нравственно непреходящие смыслы, его творчество остается неизменно привлекательным для читательского и исследовательского сообщества.

В статье акцент сделан на эволюции восприятия и специфике канонизации этого художника слова в нашей стране, на значении творческой деятельности Пауля Целана для современного российского литературного процесса, в том числе – на проблеме перевода (переводимости) произведений Целана.

Пауль Целан рассматривается современной российской германистикой как крупнейший немецкоязычный лирик первой половины XX в. Российские слависты считают его первым и до сих пор непревзойденным переводчиком произведений Есенина, Хлебникова, Мандельштама и др. История советской рецепции творчества Целана начинается в 1950-е гг. Исследователей интересуют как собственные произведения поэта, так и его переводы русской поэзии. Национальная принадлежность автора до сих пор

Кудрявцева Т. В. Пауль Целан в России (к 100-летию со дня рождения)

традиционно определяется как австриец еврейского происхождения. Количество исследований, посвященных Целану, достаточно репрезентативно: имеются многочисленные научные публикации как в форме монографий, так и журнальных статей, дающие представление о его активно переводимых на русский язык собственных произведениях и о переводах Целаном русских поэтов. Анализ особенностей рецепции поэта с учетом ее динамики во времени позволяет сделать вывод о четко просматривающейся тенденции к литературной канонизации поэта в постсоветском культурном пространстве.

Ключевые слова: Пауль Целан; немецкоязычная поэзия; перевод; рецепция; литературный канон.

Для цитирования: Кудрявцева, Т. В. Пауль Целан в России (к 100-летию со дня рождения) / Т. В. Кудрявцева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 59–70. – DOI: 10.26170/FK20-03-05.

For citation: Kudryavtseva, T. V. (2020). Paul Celan in Russia (To the Centennial of His Birth). In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 59–70. DOI: 10.26170/FK20-03-05.

Wenn man über die Rezeption des Werkes von Paul Celan in Russland sprechen will, muss man im Auge behalten, dass er dem breiten Lesepublikum so gut wie unbekannt ist.

Die ersten vereinzelt Übertragungen ins Russische kommen nur sporadisch und ziemlich spät auf. Die ersten Gedichte Celans auf Russisch erschienen 1967 im Sammelband „Zeitzeilen. Junge Lyriker aus der BRD, Österreich, der Schweiz, West-Berlin“ im berühmten Verlag des ZK des Komsomol „Junge Garde“¹. Fünf Gedichte von Celan, darunter seine „Todesfuge“, ins Russische von Ginsburg und Groman übertragen, leiten den Sammelband ein. Im Vorwort des bekannten Nachdichters und Publizisten Lew Ginsburg wird Celan als „bekanntester deutscher Dichter, auf dessen Bücher westdeutsche Verlage stolz sind“ [Гинзбург 1967: 4], präsentiert. Im bibliographischen Index wird Celan attestiert, ein „hervorragender Gegenwartsdichter“ [Громан 1967: 111] zu sein. Das ganze Buch ist stark ideologisch gefärbt, die Auswahl soll die sowjetischen Leser mit der `progressiven`, `antikapitalistischen` Lyrik der BRD bekannt machen. Es geht um solche Autoren, wie Enzensberger, Reinefank u.a. Man könnte annehmen, es wäre die Absicht der Herausgeber, Celan in der Gesellschaft von sozialengagierten Autoren vorzustellen, um gerade dieses `progressive` Bild des Dichters im Bewusstsein der sowjetischen Kulturpolitiker maßgeblich werden zu lassen und damit den weiteren Aufstieg von Celan im sowjetischen Kulturraum zu ermöglichen.

Doch erst nach sieben Jahren (1974) erscheint in der Zeitschrift „Inostrannaja literatura“² eine neue Celan-Gedichtauswahl, ins Russische von J. Witkowski, A. Parin, G. Ratgaus, W. Kuprijanow und W. Toporow übersetzt. Der bekannte Literaturforscher S. Apt hat dafür ein Vorwort verfasst.

Im Jahr 1975 konnte die Anthologie „Aus der gegenwärtigen österreichischen Lyrik“ veröffentlicht werden, wo 43 Gedichte von Celan in russischer Übersetzung das Tageslicht erblickten. Die Übertragungen wurden von den bekanntesten sowjetischen Nachdichtern J. Witkowski, W. Kuprijanow, L. Ginsburg, W. Toporow, K. Bogatyrew, K. Ratgaus und K. Asadowski gemacht³.

Ein Jahr später erschien in der Zeitschrift „Inostrannaja literatura“ eine Rezension auf den Sammelband von A. Čancev, wo er unter anderem schrieb: „Wir haben zum ersten Mal das Werk von Celan ziemlich nahe kennengelernt und wir können mit Sicherheit sagen, dass wir von nun an zu diesem Dichter, in dessen Gedichten und in dessen kurzem, durch Selbstmord beendetem Leben es viele Abzweigungen, doch keine Spur von Unaufrichtigkeit gegeben hat, mehr als einmal zuwenden werden, denn nicht sofort öffnen sich die inneren Perspektiven seiner kraftvollen und auch von uns Kraft fordernden Lyrik, sowie der Sinn seines kompromisslosen Zeit- und Selbstzeugnisses“ [Чанцев 1976: 257].

Im Jahr 1977 wurden sieben ins Russische von Parin, Witkowski, Lewanowski, Toporow übertragene Gedichte von Celan im Sammelband

¹ Sieh: [Пауль Целан 1967: 14ff19].

² Sieh: [Целан 1974: 103ff109].

³ Sieh: [Из современной австрийской поэзии 1975]. ff

„Westeuropäische Poesie des XX. Jahrhunderts“ der bekannten Reihe „Bibliothek der Weltliteratur“ veröffentlicht¹.

Elf Jahre später (1988), erschien in Moskau eine große Anthologie – „Der goldene Schnitt. Österreichische Poesie des XIX. und XX. Jahrhunderts in russischen Übersetzungen“². Sie enthielt 28 Gedichte Celans, die von A. Parin, M. Belorusez, O. Tatarinowa, I. Bolycev, W. Lewanski, S. Awerinzew, W. Kuprijanow, W. Toporow und G. Ratgaus übersetzt worden waren. Im Vorwort des bekannten Germanisten A. W. Michajlow wurde Celan wie folgt charakterisiert: „So, zum Beispiel, ist der aus dem östlichen Randgebiet Ex-Österreichs stammende Paul Celan zum Rätsel für das poetische Bewusstsein ganz Europas geworden, ohne den Widerspruch zwischen der Wichtigkeit des Wortes und der Ausdruckslosigkeit, sowie den hohen Ansprüchen der Leere gelöst zu haben“ [Michajlow 1988: 36].

Im biobibliographischen Anhang zum Band lesen wir in einer Notiz über Celan Folgendes: „Den größten Erfolg hatte das Buch `Mohn und Gedächtnis` (1952). Sein Einfluss war enorm groß. Man kann sagen, dass damit eine neue Ära in der deutschsprachigen Poesie begonnen hat. Celan zeigte völlig neue metaphorische Modelle, syntaktische Strukturen: er hatte eine neue poetische Sprache entdeckt, die ihm, wie noch Niemandem in der Lyrik, erlaubte, ein tragisches Bild unseres Jahrhunderts, ein Bild des Weltzusammenbruchs, des Todes der menschlichen Kultur, ein Bild des totalen Schuldgefühls zu kreieren. Celans *verse libre* hat bewiesen, welche innere Integrität in einem Gedicht bei vollständiger formaler Freiheit erreicht werden kann“ [Бебер 1988: 777].

Die erste literaturwissenschaftliche Erwähnung von Celan stammt aus dem Jahre 1980. In der Geschichte der BRD-Literatur widmet A. Gugnin, der Verfasser des Beitrages „Wege der westdeutschen Lyrik“ unter anderem einige Seiten Paul Celan, dessen Schaffen er als eine bedeutende Erscheinung der deutschsprachigen Nachkriegslyrik bezeichnet³.

Im Beitrag „Österreichische Literatur“ („Literaturlexikon“, 1987) des bekannten Germanisten J. Archipow liest man über Celan: „Nach 1945 debütierte in Österreich eine neue Schriftstellergeneration. Eine große Gruppe der Antifaschistenautoren hat sich um die Zeitschrift `Plan` zusammengeschlossen, wo die Lyriker einer philosophischen, teilweise `hermetischen` Richtung P. Celan und I. Bachmann, die in der Zukunft berühmt sein würden, zum ersten Mal aufgetreten sind“ [Архипов 1987: 12].

Celan wird unter anderem auch in den Beiträgen „Meditative Lyrik“⁴ und „Literatur der BRD“⁵ erwähnt. Im letzteren taucht der Name Celan nebst Nelly Sachs im Zusammenhang mit den biblischen Themen in der Literatur der BRD auf. Die Verfasserin G. Jakuschewa unterstreicht, dass die beiden zu den Autoren der BRD hinzugezählt werden⁶. Von wem diese Meinung vertreten werde, berichtet sie nicht.

Im kommentierten Autorenverzeichnis findet man über Celan auch einen kurzen Beitrag, der zwar nur biographische Angaben: Geburts- und Todesjahr, Jahr der Emigration aus der Sowjetunion (1948), – sowie eine bibliographische Referenz auf die Titel seiner Gedichtbände „Der Sand aus den Urnen“ (1948), „Mohn und Gedächtnis“ (1952), „Von Schwelle zu Schwelle“ (1955), „Die Niemandrose“ (1963), „Atemwende“ (1967) enthält⁷. Es sei bemerkt, dass der Lyriker als „deutscher Dichter“ attestiert ist.

1989 wurde in der Sowjetunion die erste Celan-Doktorarbeit, und zwar zum Thema „Poetik des frühen Schaffens von P. Celan“⁸, verteidigt.

Die Tatsache, dass Celan in der Sowjetunion nicht sehr oft zur Sprache kommt, lässt sich in erster Linie dadurch erklären, dass er als `Emigrant` (lies: Verräter) für die `beste Heimat aller Völker` eher eine unerwünschte Figur war.

Nach inoffiziellen Angaben wurde Celan in der UdSSR zu den `Unzuverlässigen` unter anderem wegen seiner Ablehnung, Majakowskij zu übersetzen, gezählt; eine Tatsache, die wohl erklären könnte, dass Celan das sowjetische Mo-

¹ Sieh: [Пауль Целан 1977: 57ß60].

² Sieh: [Золотое сечение 1988].

³ Sieh: [Гугнин 1971: 405].

⁴ Sieh: [Муравьев 1987: 214].

⁵ Sieh: [Якушева 1987: 463].

⁶ Sieh: [Якушева 1987: 463].

⁷ Sieh: [Целан, Селан (Поль) 1987: 733].

⁸ Sieh: [Никифоров 1989].

dell einer sozialistischen Gesellschaft fremd war¹.

Im postsowjetischen Russland hat sich die Situation zum Besseren geändert.

In diesem Zusammenhang wäre vor allem die auf einen breiten Leserkreis orientierte Zeitschrift „Inostrannaja literatura“ zu erwähnen. 1996 erschien hier eine Publikation von B. Dubin, die ein Vorwort, einige ins Russische von M. Grinberg übertragene Gedichte von Celan und seine von Dubin übersetzte „Bremer Rede“ enthielt².

In derselben Zeitschrift erschien 1999 eine Auswahl von insgesamt neun Fassungen des sowohl schon in den Jahren 1994–1999 veröffentlichten als auch neu ins Russische übersetzten Psalms von Celan aus seinem Buch „Niemand-rose“ (1963)³.

Man vergleiche die erste Zeile des Originals mit den neun russischen Fassungen:

Niemand knetet uns wieder aus Erde und Lehm⁴

Никто нас не вылепит больше из глины, никто

Никто не вылепит нас вновь из земли и глины

Никто нас не лепит вновь из глины

Никто не замесит нас вновь из земли и глины

Кто лепит нас вновь из земли и глины? Никто.

Никто не вылепит нас больше из земли и глины

Некому замесить нас опять из земли и глины

Никто не замесит нас вновь из глины и праха

Нас вновь из глины и праха не вылепит Никто

Leider gibt keine der Übersetzungen weder die Form noch den Inhalt des Originals adäquat wieder. Das sollte aber zum Thema einer speziellen Untersuchung werden⁵. Wir bieten nur unsere eigene Variante einer möglichen Übersetzung der ersten Zeile an:

Нас не вылепит (как вариант: вызволит | retten) больше из праха никто⁶

Im Jahr 2005 erschien in der Zeitschrift „Inostrannaja literatura“ eine umfangreiche Paul Celan gewidmete Publikation. Sie enthält einige Gedichte (übersetzt von O. Sedakowa und M. Be-

lorusez) und Briefe (übersetzt von T. Baskakowa) von Celan, sowie den Aufsatz von O. Sedakowa „Paul Celan. Notizen eines Nachdichters“ und einen von B. Dubin verfassten kurzen Abriss des Lebens und Schaffens des Dichters⁷. Sedakowa führt ein wichtiges Zeugnis des bekannten russischen Kulturwissenschaftlers Sergei Awerinzew an. Er nannte Celan, so Sedakowa, „den größten deutschsprachigen Dichter im Nachkriegseuropa“ [Седакова 2005: 245].

Nach 1990 erscheinen die Werke von Celan auch in Buchform. Der erste Gedichtband erschien 1998, zwar auf Russisch, aber in der Ukraine⁸. Der Nachdichter M. Belorussez veröffentlichte seine Übertragungen im Kiever Verlag „Gamajun“. Das Buch enthielt Texte aus diversen Gedichtbänden Celans, sowie seine prosaischen Werke, das „Gespräch im Gebirge“ und die „Bremer Rede“. Das Projekt wurde von den Freunden des Nachdichters finanziert. Das Buch erschien in einer Auflage von 300 Exemplaren. Bis heute sind insgesamt sieben Celan-Publikationen in Buchform erschienen⁹.

Celan-Übertragungen ins Russische sind auch in anderen Ländern unternommen worden. 2012 ist in New York der Gedichtband „Sprich auch du“ erschienen¹⁰. Die Gedichtauswahl, die Übersetzung der Texte und die Kommentare stammen von Anna Glasova.

Viele Texte von Celan kann man im Internet, auf verschiedenen literarischen Seiten finden. Dabei kann ein und dasselbe Gedicht von verschiedenen Übersetzern nachgedichtet sein. Die Texte von Celan gelten als wahrnehmungsschwierig und sind infolgedessen auch für die Übersetzung – eine harte Nuss. Die Übersetzer teilen gern ihre Meinungen mit, sowohl in Bezug auf das Werk von Celan selbst, als auch über ihre Versuche, diese Werke adäquat ins Russische zu übertragen¹¹.

Es gibt überdies Buchbesprechungen, die sowohl die Gedichte von Celan, als auch ihre Nach-

¹ Sieh, z. B.: [Кукуй 2020; Мокроусов 2020].

² Sieh: [Пауль Целан 1996: 190].

³ Sieh: [Целан 1999: 122–132].

⁴ Die betonten Silben sind von uns fett markiert.

⁵ Sieh, z. T.: [Селезнева 2013: 236–242; Фаршатов 2020: 954–958; Третьякова 2019: 69–92].

⁶ Die betonten Silben sind fett markiert.

⁷ Sieh: [Роза никому: поэзия Пауля Целана 2005: 203–264].

⁸ Sieh: [Целан 1998].

⁹ Sieh: [Целан 1998; Целан 2001; Целан 2005; Целан 2008; Целан 2012; Целан 2013; Целан 2017].

¹⁰ Sieh: [Целан 2012].

¹¹ Sieh z. B.: [Кукуй 2017].

dichtungen ins Russische betreffen¹. Sowohl die Übersetzer als auch die Literaturkritiker sehen in Celan einen der größten und vielschichtigsten europäischen Dichter des 20. Jahrhunderts. So meint Anton Nesterow, dass Celan eine der Paradefiguren in der Lyrik des 20. Jahrhunderts ist, und vergleicht die Bedeutung Celans für die Literatur mit der Rolle von Picasso in der Malerei².

Im Jahr 2000 wurde in Sankt Petersburg eine Dissertation zum Thema „Poetik der Romantik und poetische Sprache von P. Celan: am Beispiel des Vergleichs von individuellen Stilen von Celan und Novalis“³ verteidigt. Die Forscherin A. Smirnowa vergleicht freie Rhythmen von Celan mit der romantischen Tradition, insbesondere mit der Poetik von Novalis, um die hermetische Dichtung von Celan mit den europäischen Tendenzen der Moderne in Verbindung zu bringen.

2004 und 2007 erschienen zwei Sammelbände mit dem Titel „Paul Celan. Materialien, Forschungen, Erinnerungen“. Der erste Band – „Dialoge und Echos“ – enthält literaturwissenschaftliche Beiträge über das Schaffen von Paul Celan und über seine Nachdichtungen der russischen Lyrik⁴. Die Herausgeberin Larissa Najditsch schreibt im Vorwort, das Buch sollte für den russischsprachigen Leser ein Reiseführer in die Welt von Celan werden⁵.

Der zweite Band – „Kommentare und Erinnerungen“ – enthält unter anderem Beiträge russischer Forscher A. Astwazaturow – „Über quasisymphonische Strukturen in der `Todesfuge` von Paul Celan“⁶ – und M. Lekomzewa – „Die Rose von Niemand“ („Psalom“ von P. Celan)⁷.

In der zweibändigen akademischen „Geschichte der österreichischen Literatur“ (2009–2010)⁸ wird der Name Celans mehrmals erwähnt. Im zweiten Band gibt es ein spezielles Paul Celan gewidmetes Kapitel⁹. Der Verfasser ist der schon erwähnte russische Forscher Wladimir Nikiforow.

Als Grundlage für das Kapitel hat ihm seine Doktorarbeit gedient. Der Text ist vom bekannten russischen Erforscher der BRD-Literatur E. Satschewski lektoriert und ergänzt worden. Als Schlüsselwörter für das Schaffen Celans wurden Poesie nach Auschwitz, Antonymie von Vergessen und Gedächtnis, Intertextmodelle, Spezifik der Methapherbildung, Empfindlichkeit zur transkulturellen Tradition, Transformation von lyrischen Gattungen etc. gewählt.

Ein Kapitel ist Paul Celan in der 2014 in Moskau erschienenen „Deutschen Literaturgeschichte“ gewidmet¹⁰. Die Verfasserin T. Baskakowa berücksichtigt leider nicht (besser gesagt: sie eher ignoriert) die vorhandenen russischen Forschungen zum Thema, indem sie diese nicht einmal erwähnt, sondern konzentriert sich auf die Analyse einzelner Gedichtbände von Celan als solche.

Einen Beitrag über Celan finden wir auch in der „Großen russischen Enzyklopädie“ (2017)¹¹. Bedauerlicherweise fehlen in der bibliographischen Liste zum Kapitel die Arbeiten von Nikiforow, obwohl der Inhalt des Kapitels als eine Kurzfassung der erwähnten Untersuchungen des Forschers bewertet werden kann.

Wenn man das Vorhergesagte berücksichtigt, kann festgestellt werden, dass Paul Celan auch für die russischen Germanisten von heute als einer der bedeutendsten deutschsprachigen Lyriker der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts gilt. Davon zeugen auch zahlreiche wissenschaftliche Publikationen, die in Russland in den letzten Jahren regelmäßig erscheinen. Zu nennen sind unter anderem der Beitrag von J. Jewstafjewa „Biographie als Aspekt der Intertextualität (auf Grund der Werke von P. Celan)“¹², wo die Rolle von extralinguistischen Realien bei der Interpretation der poetischen Texte von Celan untersucht wird; von J. Gorbunowa „`Und sie lobten nicht Gott`: Transformation der biblischen Psal-

¹ Sieh z. B.: [Калашникова 2004; Булатовский 2005; Скидан 2008; Нестеров 2013].

² Sieh: [Нестеров 2013].

³ Sieh: [Смирнова 2000].

⁴ Sieh: [Пауль Целан 2004].

⁵ Sieh: [Пауль Целан 2004: 26].

⁶ Sieh: [Аствататуров 2004: 149–165].

⁷ Sieh: [Лekomцева 2004: 241–249].

⁸ Sieh: [История австрийской литературы 2010].

⁹ Sieh: [Никифоров 2010: 215–234].

¹⁰ Sieh: [Баскакова 2014: 733–744].

¹¹ Sieh: [Белобратов 2017: 272].

¹² Sieh: [Евстафьева 2016: 131–138].

men in der Gedichtsammlung `Die Niemandrose` von P. Celan¹, wo gezeigt wird, wie und warum Celan sowohl den inhaltlichen Kern, als auch die formalen Konstanten der Psalmgattung modifiziert. Im Beitrag von J. Jewstafjewa „Das Raum-Zeit-Kontinuum und das Weltmodell des Moderne-Menschen im Schaffen von Paul Celan“² werden am Beispiel der Werke von Celan die Weltvorstellungen in der Moderne analysiert. Im Beitrag „Hermeneutik der Intertextualität im Schaffen von Paul Celan“³ untersucht Jewstafjewa intertextuelle Verbindungen im Gedichtzyklus Celans „Die Niemandrose“. Dem die Poetik von Celan bestimmenden Prinzip der Intertextualität wenden sich die Forscherinnen O. A. Koval und E. B. Krjukova zu, die in ihrem Beitrag „Eines der am meisten kommentierten Gedichte von Paul Celan `Todtnauberg`“ versuchen, kontextuelle philosophische Bezüge des genannten poetischen Textes zu verfolgen, und zwar seine extralinguistische Unterlage – Reaktion des Dichters auf ein Treffen mit dem Philosophen Martin Heidegger – hervorzuheben⁴.

Erst vor kurzem erschien ein interessanter Beitrag von J. A. Satschewskij, in dem der Verfasser wenig bekannte Tatsachen aus der Geschichte der komplizierten Beziehungen Celans mit der bekannten literarischen „Gruppe 47“ beleuchtet⁵.

Vom systematischen Charakter der Celan-Forschungen im heutigen Russland zeugen Komparatistik-Publikationen, deren Verfasser das Schaffen von Celan in einem breiten Kontext zu untersuchen versuchen. Zu nennen wären N. Bakshi („Aphoristik bei Paul Celan und Alberto Giacometti“), J. Kaminskaja („Der Knall einer geschlossenen Tür, oder Nichts in der Poesie von R. M. Rilke und P. Celan“), V. Kotelevskaya („Hermeneutik des Wortes und des Schweigens in der Poesie von R. Rilke, I. Bachmann, P. Celan: ein Dialog zweier Epochen“), A. Vorotnikova („Das Holocaustbild in den Gedichten `To-

desfuge` von P. Celan und `Lady Lazarus` von S. Plath“) u.a.⁶.

Erwähnt seien auch sprachwissenschaftliche Arbeiten von N. Azarova („Das Konzept eines interlingualen Idioms, oder von einem interlingualen Idiom bei Paul Celan“), J. Ryabykh („Das Interpretationspotential der individuellen Metapher des Autors im Kontext der Realitätsergebniswiderspiegelung (am Beispiel des Schaffens von P. Celan“) u.a., in denen Celans Texte aus linguistischer Sicht analysiert werden⁷. 1998 wurde in Sankt-Petersburg eine Dissertation zum Thema „Spracherfindung in der zeitgenössischen Poesie (am Beispiel der Lyrik von P. Celan)“ verteidigt⁸.

Als wichtiges Merkmal, dass sich der Prozess der Kanonisierung von Celan in Russland vollziehe, ist die Hinwendung zum Schaffen des Dichters im Hochschullehrgang zu nennen. Ein eindrückliches Beispiel dafür stellen die Arbeiten von A. Krotova und N. Pestova („Linguokulturologischer Aspekt in der Poesie von Paul Celan“ und „Die nationalkulturelle Komponente in der Lyrik von P. Celan: eine linguokulturologische Studie“ von A. Krotova dar)⁹.

In Russland wird Paul Celan als erster und bisher nicht übertroffener Nachdichter der Gedichte von Jessenin und Mandelstam geehrt¹⁰. Weniger oder gar nicht sind seine Übertragungen von Lermontow, Tschekow, Chlebnikow, Block, Jewtuschenko und Slutschewski untersucht¹¹.

Celan lernte die russische Sprache, indem er Gedichte von Jessenin ins Deutsche übersetzte. Mandelstam, dessen Werke Celan schon ab 1950-er Jahre in seine Muttersprache übertrug, war für ihn so etwas wie sein alter ego. Davon zeugen nicht nur die Themen seiner Gedichte, sondern auch die zahlreichen textinkorporierten Zitate aus den Werken von Mandelstam. Man denke daran, dass der Gedichtband „Die Niemandrose“ dem russischen Dichter, den Celan „Bruder Osip“ nannte, gewidmet ist.

¹ Sieh: [Горбунова 2014: 168–175].

² Sieh: [Евстафьева 2014: 55–60].

³ Sieh: [Евстафьева 2013: 327–335].

⁴ Sieh: [Koval, Kriukova 2020: 196–219].

⁵ Sieh: [Зачевский 2020: 104–121].

⁶ Sieh: [Бакши 2011: 264–273; Каминская 2017: 110–116; Котелевская 2003: 73–80; Воротникова 2017: 33–38].

⁷ Sieh: [Азарова 2018: 196–203; Рябых 2016: 273–279].

⁸ Sieh: [Вольский 1998].

⁹ Sieh: [Кротова, Пестова 2016: 58–61; Кротова 2016].

¹⁰ Sieh dazu z.B.: [Хило, Никонова 2015; Никонова 2006: 137–158; Третьякова 2019: 178–194; Глазова 2003: 6; Вольский 1995: 51–53].

¹¹ Sieh dazu z.B.: [Никонова, Пелевина 2008: 137–141].

Die Übersetzungen aus den Werken von Mandelstam waren für Celan nicht weniger wichtig als seine eigenen Gedichte. Celan las seine Mandelstam-Nachdichtungen im Radio und bei Poetry-Slam-Abenden vor. Er widmete Mandelstam auch einen zu Herzen gehenden Radioessay (1960)¹. „Über den Gesprächspartner“ von Mandelstam war sein Lieblingsartikel. Für seine „Bremer Rede“ übernahm Celan daraus ein Bild: „Das Gedicht kann, da es eine Erscheinungsform der Sprache und damit seinem We-

sen nach dialogisch ist, eine Flaschenpost sein, aufgegeben in dem – gewiß nicht immer hoffnungsstarken – Glauben, sie könnte irgendwo und irgendwann an Land gespült werden, an Herzland vielleicht“ [Celan 1968]².

Wenn man dies alles resümiert, kann man behaupten, dass im postsowjetischen Kulturraum die Dynamik der Rezeption von Celans Schaffen eine stabile Tendenz zur literarischen Kanonisierung des Lyrikers zeigt. Und das ist ganz berechtigt.

Литература

- Азарова, Н. М. Понятие межъязыковой идиомы, или об одной межъязыковой идиоме Пауля Целана / Н. М. Азарова // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 35. – С. 196–203.
- Архипов, Ю. И. Австрийская литература / Ю. И. Архипов // Литературный энциклопедический словарь / под редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 11–12.
- Астватацуров, А. О квазимузыкальных структурах в «Фуге смерти» Пауля Целана / А. Астватацуров // Материалы, исследования, воспоминания. Т. 1: Диалоги и переключки / сост. и ред. Л. Найдич. – Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2004. – С. 149–165.
- Бакши, Н. А. Апофатический метод у Целана и Джакометти / Н. А. Бакши // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2011. – № 7 (69). – С. 264–273.
- Баскакова, Т. А. Пауль Целан / Т. А. Баскакова // История немецкой литературы. Новое и новейшее время. – М.: Издательский центр РГГУ, 2014. – С. 733–744.
- Белобратов, А. В. Целан / А. В. Белобратов // Большая российская энциклопедия. – М.: Российская энциклопедия, 2017. – Т. 34. – С. 272.
- Булатовский, И. Пауль Целан. Кристалл; Пауль Целан: материалы, исследования, воспоминания / И. Булатовский. – Текст: электронный // Народ. Книги в мире книг. – URL: www.narodknigi.ru/journals/74/tselan_p_kristall_m_ierusalim_2005_paul_tselan_materialy_issledovaniya_vospominaniya_m_ierusalim_200 (дата обращения: 21.11.2019).
- Вебер, В. Справки об авторах и примечания / В. Вебер // Золотое сечение / Der goldene Schnitt. Австрийская поэзия XIX–XX веков в русских переводах / сост. В. В. Вебер и Д. С. Давлианидзе. – М.: Радуга, 1988. – С. 713–784.
- Вольский, А. Л. Языкотворчество в современной поэзии (на материале лирики П. Целана): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Вольский А. Л. – СПб.: [б. и.], 1998. – 19 с.
- Вольский, А. Л. Манделштам и Целан: опыт сравнительной интерпретации / А. Л. Вольский // Герценовские чтения: материалы конференции / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – СПб.: Образование, 1995. – С. 51–53.
- Воротникова, А. Э. Образ Холокоста в стихотворениях «Фуга смерти» П. Целана и «Леди Лазарь» С. Плат / А. Э. Воротникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – № 3. – С. 33–38.
- Время сердца. Переписка Ингеборг Бахман и Пауля Целана. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 416 с.
- Гинзбург, Л. Предисловие / Л. Гинзбург // Строки времени. Молодые поэты ФРГ, Австрии, Швейцарии, Западного Берлина. – М.: Молодая гвардия, 1967. – С. 3–13.
- Глазова, А. Воздушно-каменный кристалл: Целан и Манделштам / А. Глазова // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 5 (63). – С. 6.
- Горбунова, Е. А. «И они не славили Бога»: трансформация библейских псалмов в сборнике «Ничейная роза» П. Целана / Е. А. Горбунова // Вестник Пермского университета. – 2014. – Вып. 4 (28). – С. 168–175.
- Громан, Г. Об авторах / Г. Громан // Строки времени. Молодые поэты ФРГ, Австрии, Швейцарии, Западного Берлина. – М.: Молодая гвардия, 1967. – С. 107–113.
- Гугнин, А. А. Пути западногерманской поэзии / А. А. Гугнин // История литературы ФРГ. – М.: Наука, 1980. – С. 399–428.
- Евстафьева, Е. В. Герменевтика интертекстуальности в творчестве Пауля Целана / Е. В. Евстафьева // Studia Linguistica. – 2013. – Вып. XXII. – С. 327–335.
- Евстафьева, Е. В. Жизненный текст как аспект интертекстуальности (на материале произведений П. Целана) / Е. Евстафьева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2016. – № 179. – С. 131–138.

¹ Sieh: [Felstiner 1997: 216].

² Sieh: [Celan 1958].

Кудрявцева Т. В. Пауль Целан в России (к 100-летию со дня рождения)

Евстафьева, Е. В. Пространственно-временной континуум и модель мира человека модерна в творчестве Пауля Целана / Е. В. Евстафьева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2014. – № 172. – С. 55–60.

Зачевский, Е. А. Пауль Целан и «Группа 47» / Е. А. Зачевский // Практики и Интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2020. – Т. 5, № 2. – С. 104–121.

Золотое сечение / Der goldene Schnitt. Австрийская поэзия XIX–XX веков в русских переводах / сост. В. В. Вебер и Д. С. Давлианидзе. – М.: Радуга, 1988. – 818 с.

Из современной австрийской поэзии / предисл. Е. Витковского. – М.: Прогресс, 1975. – 335 с.

История австрийской литературы XX века : в 2 т. / отв. ред. В. Д. Седелник. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – Т. 2. – 573 с.

Калашникова, Е. Берег нашего сердца. Пауль Целан: стремление к целостности, вопреки... / Е. Калашникова. – Текст: электронный // Независимая газета. – 11.11.2004. – URL: os.colta.ru/literature/events/details/3600 (дата обращения: 10.12.2019).

Каминская, Ю. В. Хлопок затворившейся двери, или ничто в поэзии Р. М. Рильке и П. Целана / Ю. В. Каминская // Преломления: Труды по теории и истории литературы, поэтике, герменевтике и сравнительному литературоведению : сборник памяти А. Г. Аствацатурова. – СПб.: РХГА, 2017. – С. 110–116.

Коваль, О. А. «Годтнауберг» Целана: попытка разговора между философией и поэзией / О. А. Коваль, Е. Б. Крюкова // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 64. – С. 196–219.

Котелевская, В. В. Герменевтика слова и молчания в поэзии Р. Рильке, И. Бахман, П. Целана: диалог двух эпох / В. В. Котелевская // Литература в диалоге культур : материалы международной научной конференции. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2003. – С. 73–80.

Кротова, А. П. Национально-культурный компонент в поэзии П. Целана: лингвокультурологическое исследование / А. П. Кротова. – Екатеринбург : [б. и.], 2016. – 81 с.

Кротова, А. П. Лингвокультурологический аспект в поэзии Пауля Целана / А. П. Кротова, Н. В. Пестова // Романские и германские языки: актуальные проблемы лингвистики и методики : материалы восьмой международной студенческой научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2016. – С. 58–61.

Кукуй, Э. Пауль Целан / Э. Кукуй. – URL: www.stihi.ru/2017/04/17/9243 (дата обращения: 14.02.2020). – Текст : электронный.

Лекомцева, М. Роза от Никто («Саломея» П. Целана) / М. Лекомцева // Пауль Целан: материалы, исследования, воспоминания. Т. 1: Диалоги и переключки / сост. и ред. Л. Найдич. – Иерусалим : Гешарим ; М. : Мосты культуры, 2004. – С. 241–249.

Михайлов, А. А. Из источника великой культуры / А. А. Михайлов // Золотое сечение / Der goldene Schnitt. Австрийская поэзия XIX–XX веков в русских переводах / сост. В. В. Вебер и Д. С. Давлианидзе. – М.: Радуга, 1988. – С. 5–37.

Мокроусов, А. Гений из города Черновцы / А. Мокроусов. – Текст: электронный // The New Time. Новое время. – 2008. – № 37. – URL: newtimes.ru/articles/detail/3609 (дата обращения: 17.01.2020).

Муравьев, В. С. Медитативная лирика / В. С. Муравьев // Литературный энциклопедический словарь / под редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 214.

Нестеров, А. Пауль Целан: стремление к целостности, вопреки... / А. Нестеров. – Текст: электронный // Лехайм. – 2008. – № 12 (200). – URL: lechaim.ru/ARHIV/200/nesterov.htm (дата обращения: 20.10.2019).

Никифоров, В. Н. Глава 9. Пауль Целан / В. Н. Никифоров // История австрийской литературы XX века : в 2 т. / отв. ред. В. Д. Седелник. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – Т. 2. – С. 215–234.

Никифоров, В. Н. Поэтика раннего творчества П. Целана : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Никифоров В. Н. – М.: [б. и.], 1989. – 15 с.

Никонова, Н. Е. Пауль Целан в русских переводах и как переводчик русской поэзии / Н. Е. Никонова // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы: картина мира в немецкоязычной поэзии и ее русских переводах: от романтизма к модернизму : материалы российско-германского семинара / отв. редакторы О. Б. Кафанова, Н. Е. Разумова. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2006. – С. 137–158.

Никонова, Н. Е. П. Целан – переводчик поэзии В. Хлебникова / Н. Е. Никонова, Ю. С. Пелевина // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2008. – № 8, ч. 1. – С. 137–141.

Пауль Целан // Западноевропейская поэзия XX века / сост. И. Бочкарева [и др.]. – М.: Художественная литература, 1977. – С. 57–60.

Пауль Целан // Иностранная литература. – 1996. – № 12. – С. 184–190.

Пауль Целан // Строки времени. Молодые поэты ФРГ, Австрии, Швейцарии, Западного Берлина. – М.: Молодая гвардия, 1967. – С. 14–19.

Пауль Целан. Материалы, исследования, воспоминания : в 2 т. Т. 2: Комментарии и мемуары / сост. и ред. Л. Найдич. – Иерусалим : Гешарим ; М.: Мосты культуры, 2007. – 384 с.

Пауль Целан. Материалы, исследования, воспоминания : в 2 т. Т. 1: Диалоги и переключки / сост. и ред. Л. Найдич. – Иерусалим : Гешарим ; М.: Мосты культуры, 2004. – 336 с.

Роза никому: поэзия Пауля Целана // Иностранная литература. – 2005. – № 4. – С. 203–264.

Рябых, Е. Б. Интерпретационный потенциал индивидуальной авторской метафоры в контексте отражения событий реальной действительности (на примере творчества П. Целана) / Е. Б. Рябых // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 27. – С. 273–279.

Седакова, О. Пауль Целан. Заметки переводчика / О. Седакова // Роза никому: поэзия Пауля Целана // Иностранная литература. – 2005. – № 4. – С. 245–259.

- Селезнева, И. П. Интерпретативная позиция переводчика: ориентация на передающую/принимающую культуру (на примере русскоязычных переводов стихотворения П. Целана «Psalm») / И. П. Селезнева // Экология перевода: перспективы междисциплинарных исследований : материалы I Международной научно-практической конференции / отв. ред. В. Д. Табанакова. – Тюмень : Шуклин & Александров, 2013. – С. 236–242.
- Скидан, А. Pawel Lwowich Tselan, russkij poet / А. Скидан. – Текст: электронный // Что делать. – URL: chtodelat.org/ar_5/скидан-ru/александр-скидан-pawel-lwowich-tselan-russkij-poet/?lang=ru (дата обращения: 20.10.2019).
- Смирнова, А. В. Поэтика романтизма и поэтический язык П. Целана: на примере сравнения индивидуальных стилей Целана и Новалиса : дис. ... канд. филол. наук / Смирнова А. В. – СПб. : [б. и.], 2000. – 197 с.
- Третьякова, А. «Psalm» Пауля Целана в русских переводах / А. Третьякова // Критика и семиотика. – 2019. – № 1. – С. 69–92.
- Третьякова, А. И. О. Манделштам в первых русских переводах П. Целана / А. И. Третьякова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. – 2019. – № 6-2. – С. 178–194.
- Фаршатова, Д. Р. Способы сохранения художественных образов при переводе поэтических текстов (на материале стихотворения Пауля Целана «псалом») / Д. Р. Фаршатова // Научный аспект. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 954–958.
- Хило, Е. С. Восприятие поэзии С. А. Есенина в Германии (1920–2010-е гг.): переводы, издания, критика, литературоведение / Е. С. Хило, Н. Е. Никонова. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2015. – 230 с.
- Целан, П. «Псалом» / П. Целан // Переводы с немецкого / вступ. Н. Мавлевич // Иностранная литература. – 1999. – № 12. – С. 122–132.
- Целан, П. Говори и ты / П. Целан ; сост., пер. с нем. и комментарии А. Глазовой. – New York : Ailuros Publishing, 2012. – 115 с.
- Целан, П. Кристалл: Избранные стихи / П. Целан ; сост. и пер. с нем. Л. Жданко-Френкель. – М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2005. – 224 с.
- Целан, П. Мак и память / П. Целан ; пер. с нем. А. Прокопьева. – М. : Libra, 2017. – 76 с.
- Целан, П. Стихи / П. Целан ; пер. с нем. Е. Витковского, В. Топорова, А. Парина [и др.] ; пред. С. Апта // Иностранная литература. – 1974. – № 5. – С. 103–109.
- Целан, П. Стихотворения / П. Целан ; пер. И. С. Гуревича. – М. : М.В. Воронков, 2001. – 280 с.
- Целан, П. Стихотворения / П. Целан ; пер. с нем., состав., примеч. М. Белорусца ; послесл. Г. Айги. – Киев : Гамаюн, 1998. – 110 с.
- Целан, П. Стихотворения. Проза. Письма / П. Целан ; под общей ред. М. Белорусца. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. – 736 с.
- Целан, П. Стихотворения. Проза. Письма / П. Целан ; сост., пер., комм., послесл. М. Белорусца и Т. Баскаковой. – М. : Ad Marginem, 2008. – 736 с.
- Целан, Селан (Поль) // Литературный энциклопедический словарь / под редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – С. 733.
- Чанцев, А. Диалог со временем (рецензия на книгу «Из современной австрийской поэзии». М., Прогресс, 1975) / А. Чанцев // Иностранная литература. – 1976. – № 12. – С. 255–258.
- Якушева, Г. В. Федеративной республики Германии литература / Г. В. Якушева // Литературный энциклопедический словарь / под редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – С. 463.
- Celan, P. Ansprache anlässlich der Entgegennahme des Literaturpreises der Freien Hansestadt Bremen (1958) / P. Celan. – URL: <https://eclass.uoa.gr/modules/document/file.php/GS269/10-Celan%2C%20Atemwende%20-%20Bremen.pdf> (дата обращения: 17.01.2020). – Text : electronic.
- Felstiner, J. Paul Ernst: eine Biographie / J. Felstiner ; Deutsch von H. Fliessbach. – München : C.H. Beck, 1997. – 432 S.

References

- Arkhipov, Yu. I. (1987). Avstriiskaya literatura [Austrian literature]. In Kozhevnikova, V. M., Nikolaeva, P. A. (Eds.). *Literaturnyi ehntsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaya ehntsiklopediya, pp. 11–12.
- Astvatsurov, A. (2004). O kvazimuzikal'nykh strukturakh v «Fuge smertI» Paulya Tselana [On quasi-musical structures in Paul Celan's "Fugue of death"]. In Naidich, L. (Ed.). *Materialy, issledovaniya, vospominaniya*. Ierusalim, Gesharim, Moscow, Mosty kul'tury. Vol. 1. Dialogi i pereklichki, pp. 149–165.
- Azarova, N. M. (2018). Ponyatie mezh'yazykovoi idiomy, ili ob odnoi mezh'yazykovoi idiome Paulya Tselana [The notion of interlingual idiom, or on one interlingual idiom by Paul Celan]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 35, pp. 196–203.
- Bakshi, N. A. (2011). Apofaticheskii metod u Tselana i Dzhakometti [The apophatic method of Celan and Giacometti]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. No. 7 (69), pp. 264–273.
- Baskakova, T. A. (2014). Paul' Tselan [Paul Celan]. In *Istoriya nemetskoj literatury. Novoe i noveishee vremya*. Moscow, Izdatel'skii tsentr RGGU, pp. 733–744.
- Belobratov, A. V. (2017). Tselan [Celan]. In *Bol'shaya rossiiskaya ehntsiklopediya*. Moscow, Rossiiskaya ehntsiklopediya. Vol. 34, p. 272.
- Bulatovskii, I. (2005). Paul' Tselan. Kristall; Paul' Tselan: Materialy, issledovaniya, vospominaniya [Paul Celan. Crystal; Paul Celan: Materials, research, memoirs]. In *Narod. Knigi v mire knig*. URL: www.narodknigi.ru/journals/74/tse

lan_p_kristall_m_ierusalim_2005_paul_tselan_materialy_issledovaniya_vospominaniya_m_ierusalim_200 (mode of access: 01.04.2020).

Celan, P. *Ansprache anlässlich der Entgegennahme des Literaturpreises der Freien Hansestadt Bremen (1958)*. URL: eclass.uoa.gr/modules/document/file.php/GS269/10-Celan%2C%20Atemwende%20-%20Bremen.pdf (mode of access: 17.01.2020).

Chantsev, A. (1976). Dialog so vremenem (retsenziya na knigu «Iz sovremennoi avstriiskoi poehzii». M., Progress, 1975) [Dialogue with time (review of the book “From modern Austrian poetry”. Moscow, Progress, 1975)]. In *Inostrannaya literatura*. No 12, pp. 255–258.

Evstaf'eva, E. V. (2013). Germenenevtika intertekstual'nosti v tvorchestve Paulya Tselana [Hermeneutics of intertextuality in Paul Celan's Poems]. In *Studia Linguistica*. Issue XXII, pp. 327–335.

Evstaf'eva, E. V. (2014). Prostranstvenno-vremennoi kontinuum i model' mira cheloveka moderna v tvorchestve Paulya Tselana [Space-time continuum and the world model of the human of the epoch of modernity in the poems of Paul Celan]. In *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. No. 172, pp. 55–60.

Evstaf'eva, E. V. (2016). Zhiznennyi tekst kak aspekt intertekstual'nosti (na materiale proizvedenii P. Tselana [Biography as an aspect of intertextuality (based on Paul Celan's texts)]. In *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. No. 179, pp. 131–138.

Farshatova, D. R. (2020). Sposoby sokhraneniya khudozhestvennykh obrazov pri perevode poehticheskikh tekstov (na materiale stikhotvoreniya Paulya Tselana «Psalom») [Methods of preservation of artistic images in translation of poetic texts (based on the poem “Psalm” by Paul Celan)]. In *Nauchnyi aspekt*. No. 2, pp. 954–958.

Felstiner, J. (1997). *Paul Ernst: eine Biographie* / Deutsch von H. Fließbach. München, C.H. Beck. 432 p.

Ginzburg, L. (1967). Predislovie [Foreword]. In *Stroki vremeni. Molodye poehy FRG, Avstrii, Shveysarii, Zapadnogo Berlina*. Moscow, Molodaya gvardiya, pp. 3–13.

Glazova, A. (2003). Vozdushno-kamennyi kristall: Tselan i Mandel'shtam [Air-stone crystal: Celan and Mandelstam]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 5 (63), p. 6.

Gorbunova, E. A. (2014). «I oni ne slavili BogA»: transformatsiya bibleiskikh psalmov v sbornike «Nicheinaya roza» P. Tselana [“And they did not praise God”: Transformation of the biblical psalms in the collection of poems “The no-one's-rose” by P. Celan]. In *Vestnik Permskogo universiteta*. No. 4 (28), pp. 168–175.

Groman, G. (1967). Ob avtorakh [About the authors]. In *Stroki vremeni. Molodye poehy FRG, Avstrii, Shveysarii, Zapadnogo Berlina*. Moscow, Molodaya gvardiya, pp. 107–113.

Gugin, A. A. (1980). Puti zapadnogermanskoi poehzii [Ways of West German poetry]. In *Istoriya literatury FRG*. Moscow, Nauka, pp. 399–428.

Iz sovremennoi avstriiskoi poehzii [From contemporary Austrian poetry]. (1975). Moscow, Progress. 335 p.

Kalashnikova, E. (2004). Bereg nashego serdtsa. Paul' Tselan: stremlenie k tselostnosti, vopreki... [The shore of our heart. Paul Celan: The longing for wholeness, in spite of...]. In *Nezavisimaya gazeta*. 11.11. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/3600> (mode of access: 10.12.2019).

Kaminskaya, Yu. V. (2017). Khlopok zatvorivsheysya dveri, ili nichto v poehzii R. M. Ril'ke i P. Tselana [A bang of the closed door, or nothingness in the poetry of R. M. Rilke and P. Celan]. In *Prelomleniya: Trudy po teorii i istorii literatury, poehtike, germenevtike i sravnitel'nomu literaturovedeniyu : sbornik pamyati A. G. Astvatsaturova*. Saint Petersburg, RKHGA, pp. 110–116.

Khilo, E. S., Nikonova, N. E. (2015). *Vospriyatie poehzii S. A. Esenina v Germanii (1920–2010-e gg.): perevody, izdaniya, kritika, literaturovedenie* [Perception of S. A. Esenin's poetry in Germany (1920–2010): Translations, publications, criticism, literary criticism]. Tomsk, Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet. 230 p.

Kotelevskaya, V. V. (2003). Germenenevtika slova i molchaniya v poehzii R. Ril'ke, I. Bakhman, P. Tselana: dialog dvukh ehpokh [Hermeneutics of the word and silence in the poetry by R. Rilke, I. Bachmann, P. Celan: Dialog between two epochs]. In *Literatura v dialoge kul'tur : materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Rostov-on-Don, Fond nauki i obrazovaniya, pp. 73–80.

Koval', O. A., Kryukova, E. B. (2020). «Todtnauberg» Tselana: popytka razgovora mezhdru filosofiei i poehziei [“Todtnauberg” by Paul Celan: An attempt of a talk between philosophy and poetry]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 64, pp. 196–219.

Krotova, A. P. (2016). *Natsional'no-kul'turnyi komponent v poezii P. Tselana: lingvokul'turologicheskoe issledovanie* [A national-cultural component in P. Celan's poetry: A linguoculturological study]. Ekaterinburg. 81 p.

Krotova, A. P., Pestova, N. V. (2016). Lingvokul'turologicheskii aspekt v poehzii Paulya Tselana [A linguoculturological aspect in the poetry of Paul Celan]. In *Romanskie i germanskie yazyki: aktual'nye problemy lingvistiki i metodiki : materialy vos'moi mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ekaterinburg, pp. 58–61.

Kukui, Eh. (2017). *Paul' Tselan* [Paul Celan]. URL: www.stihi.ru/2017/04/17/9243 (mode of access: 14.02.2020).

Lekomtseva, M. (2004). Roza ot nikto («Psalom» P. Tselana) [The rose from no one (“Psalm” by P. Celan)]. In Naidich, L. (Ed.). *Paul' Tselan. Materialy, issledovaniya, vospominaniya...* Ierusalim, Gesharim, Moscow, Mosty kul'tury. Vol. 1: Dialogi i pereklichki, pp. 241–249.

Mikhailov, A. A. (1988). Iz istochnika velikoi kul'tury [From the spring of a great culture]. In Veber, V. V., Davlianidze, D. S. (Eds.) *Zolotoe sechenie / Der goldene Schnitt. Avstriiskaya poehziya XIX–XX vekov v russkikh perevodakh*. Moscow, Raduga, pp. 5–37.

Mokrousov, A. (2008). Genii iz goroda Chernovtsy [A genius from the city of Chernivtsi]. In *The New Time. Novoe vremya*. No. 37. URL: newtimes.ru/articles/detail/3609 (mode of access: 17.01.2020).

Murav'ev, V. S. (1987). Meditativnaya lirika [Meditative lyrics]. In Kozhevnikova, V. M., Nikolaeva, P. A. (Eds.). *Literaturnyy entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaya ehntsikopediya, p. 214.

Naidich, L. (Ed.). (2004). *Paul' Tselan. Materialy, issledovaniya, vospominaniya : v 2 t.* [Paul Celan. Materials, research, memoirs, in 2 vols.]. Ierusalim, Gesharim, Moscow, Mosty kul'tury. Vol. 1: Dialogi i pereklichki. 336 p.

- Naidich, L. (Ed.). (2007). *Paul' Tselan. Materialy, issledovaniya, vospominaniya* : v 2 t. [Paul Celan. Materials, research, memoirs, in 2 vols.]. Ierusalim, Gesharim, Moscow, Mosty kul'tury. Vol. 2: Kommentarii i memuary. 384 p.
- Nesterov, A. (2008). Paul' Tselan: stremlen'e k tselostnosti, vopreki... [Paul Celan: The longing for wholeness, in spite of...]. In *Lekhaim*. No 12 (200). URL: <https://lekhaim.ru/ARHIV/200/nesterov.htm> (mode of access: 20.10.2019).
- Nikiforov, V. N. (1989). *Poetika rannego tvorchestva P. Tselana* [Poetics of P. Celan's early creative work]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 15 p.
- Nikiforov, V. N. (2010). Glava 9. Paul' Tselan [Chapter 9. Paul Celan]. In Sedel'nik, V. D. (Ed.). *Istoriya avstrijskoi literatury XX veka*, in 2 vols. Moscow, IMLI RAN. Vol. 2, pp. 215–234.
- Nikonova, N. E. (2006). Paul' Tselan v russkikh perevodakh i kak perevodchik russkoi poezii [Paul Celan in Russian translations and as a translator of Russian poetry]. In Kafanova, O. B., Razumova, N. E. (Eds.). *Evropeiskii interlingvizm v zerkale literatury: kartina mira v nemetskoyazychnoi poezii i ee russkikh perevodakh: ot romantizma k modernizmu : materialy rossijsko-germanskogo seminaru*. Tomsk, Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet, pp. 137–158.
- Nikonova, N. E., Pelevina, Yu. S. (2008). P. Tselan – perevodchik poezii V. Khlebnikova [Celan as translator of V. Khlebnikov's poetry]. In *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. No. 8, pp. 137–141.
- Paul' Tselan [Paul Celan]. (1967). In *Stroki vremeni. Molodye poehy FRG, Avstrii, Shveysarii, Zapadnogo Berlina*. Moscow, Molodaya gvardiya, pp. 14–19.
- Paul' Tselan [Paul Celan]. (1977). In Bochkareva, I. (Ed.). *Zapadnoevropeiskaya poehziya XX veka*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 57–60.
- Paul' Tselan [Paul Celan]. (1996). In *Inostrannaya literatura*. No. 12, pp. 184–190.
- Roza nikomu: poehziya Paulya Tselana [Rose to no one: the poetry of Paul Celan]. (2005). In *Inostrannaya literatura*. No. 4, pp. 203–264.
- Ryabykh, E. B. (2016). Interpretatsionnyi potentsial individual'noi avtorskoi metafory v kontekste otrazheniya so-bytii real'noi deistvitel'nosti (na primere tvorchestva P. Tselana) [Interpretative potential of individual author's metaphors in the context of reflecting the events of reality (based on the creative work of P. Celan)]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. No. 27, pp. 273–279.
- Sedakova, O. (2005). Paul' Tselan. Zаметki perevodchika [Paul Celan. Translator's notes]. In *Inostrannaya literatura*. No. 4, pp. 245–259.
- Sedel'nik, V. D. (Ed.). (2010). *Istoriya avstrijskoi literatury XX veka: v 2 t.* [History of 20th-century Austrian literature, in 2 vols.]. Moscow, IMLI RAN. Vol. 2. 573 p.
- Selezneva, I. P. (2013). Interpretativnaya pozitsiya perevodchika: orientatsiya na peredayushchuyu/prinimayushchuyu kul'turu (na primere russkoyazychnykh perevodov stikhotvoreniya P. Tselana «Psalm») [Interpreter's position: Orientation towards the transmitting/receiving culture (on the example of Russian language translations of P. Celan's Poem “Psalm”). In Tabanakova, V. D. (Ed.). *Ehkologiya perevoda: perspektivy mezhdistitsiplinarnykh issledovaniy : materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Tyumen, Shuklin & Aleksandrov, pp. 236–242.
- Skidan, A. (2019). Pawel Lwowich Tselan, russkij poet [Pavel Lvovich Celan, a Russian poet]. In *Chto delat'*. URL: http://chtodelat.org/ar_5/скидан-ru/александр-скидан-pawel-lwowich-tselan-russkij-poet/?lang=ru (mode of access: 20.10.2019).
- Smirnova, A. V. (2000). *Poetika romantizma i poeticheskii yazyk P. Tselana: na primere sravneniya individual'nykh stilei Tselana i Novalisa* [Poetics of romanticism and poetic language of P. Celan: On the example of comparison of individual styles of Celan and Novalis]. Dis. ... kand. filologicheskikh nauk. Saint Petersburg, 197 p.
- Tret'yakova, A. (2019). «Psalm» Paulya Tselana v russkikh perevodakh [“Psalm” by P. Celan: Analysis and translations into Russian]. In *Kritika i semiotika*. No. 1, pp. 69–92.
- Tret'yakova, A. I. (2019). O. Mandel'shtam v pervykh russkikh perevodakh P. Tselana [O. Mandelstam in the first Russian translations by P. Celan]. In *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. No. 6–2, pp. 178–194.
- Tselan, P. (2017). *Mak i pamyat'* [Poppy and memory]. Moscow, Libra. 76 p.
- Tselan, Selan (Pol') [Celan, Celan (Paul)]. (1987). In Kozhevnikova, V. M., Nikolaeva, P. A. (Eds.). *Literaturnyi ehntsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaya ehntsiklopediya, p. 733.
- Tselan, P. (1974). Stikhi [Poems]. In *Inostrannaya literatura*. No. 5, pp. 103–109.
- Tselan, P. (1998). *Stikhotvoreniya* [Poems]. Kiev, Gamayun. 110 p.
- Tselan, P. (1999). «Psalm» [“Psalm”]. In *Inostrannaya literatura*. No. 12, pp. 122–132.
- Tselan, P. (2001). *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, M. V. Voronkov. 280 p.
- Tselan, P. (2005). *Kristall: Izbrannye stikhi* [Crystal: Selected poems]. Moscow, Mosty kul'tury, Ierusalim, Gesharim. 224 p.
- Tselan, P. (2008). *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. Moscow, Ad Marginem Press. 736 p.
- Tselan, P. (2012). *Govori i ty* [Don't be silent]. New York, Ailuros Publishing. 115 p.
- Tselan, P. (2013). *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. Moscow, Ad Marginem Press. 736 p.
- Veber, V. (1998). Spravki ob avtorakh i primechaniya [Information about the authors and notes]. In Veber, V. V., Davlianidze, D. S. (Eds.). *Zolotoe sechenie / Der goldene Schnitt. Avstrijskaya poehziya XIX–XX vekov v russkikh perevodakh*. Moscow, Raduga, pp. 713–784.
- Veber, V. V., Davlianidze, D. S. (Eds.). (1988). *Zolotoe sechenie / Der goldene Schnitt. Avstrijskaya poehziya XIX–XX vekov v russkikh perevodakh* [The Golden ratio / Der goldene Schnitt. Austrian poetry of the XIX–XX centuries in Russian translations]. Moscow, Raduga. 818 p.
- Vol'skii, A. L. (1995). Mandel'shtam i Tselan: opyt sravnitel'noi interpretatsii [Mandelstam and Celan: Experience of comparative interpretation]. In *Gertsenskie chteniya: materialy konferentsii. Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena*. Saint Petersburg, Obrazovanie, pp. 51–53.

Кудрявцева Т. В. Пауль Целан в России (к 100-летию со дня рождения)

Vol'skii, A. L. (1998). *Yazykotvorchestvo v sovremennoi poezzii (na materiale liriki P. Tselana)* [Linguistic creative activity in modern poetry (based on the lyrics of P. Celan)]. Avtoref. dis... kand. filol. nauk. Saint Petersburg. 19 p.

Vorotnikova, A. Eh. (2017). *Obraz Kholokosta v stikhotvoreniyakh «Fuga smerti» P. Tselana i «Ledi Lazar'» S. Plat* [The holocaust image in "Death fugue" by P. Celan and "Lady Lazarus" by S. Plath]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. No. 3, pp. 33–38.

Vremya serdtsa. Perepiska Ingeborg Bakhman i Paulya Tselana [Heart time. Correspondence between Ingeborg Bachmann and Paul Celan]. (2016). Moscow, Ad Marginem Press. 416 p.

Yakusheva, G. V. (1987). *Federativnoi respubliki Germanii literatura* [Literature of the Federal Republic of Germany]. In Kozhevnikova, V. M., Nikolaeva, P. A. (Eds.). *Literaturnyi ehntsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaya ehntsiklopediya, p. 463.

Zachevskii, E. A. (2020). *Paul' Tselan i «Gruppa 47»* [Paul Celan and "Group 47"]. In *Praktiki i Interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy*. No. 2, pp. 104–121.

Данные об авторе

Кудрявцева Тамара Викторовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва, Россия).

Адрес: 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а.
E-mail: muchina@yandex.ru.

Author's information

Kudryavtseva Tamara Viktorovna – Doctor of Philology, Leading Research Fellow, M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 378.016:811.161.1. DOI 10.26170/FK20-03-06. ББК Ш141.12-9-99. ГРНТИ 16.21.27.
Код ВАК 10.02.20; 10.02.19; 13.00.02

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Дзюба Е. В.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Ткаченко Ю. Г.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5369-9594>

А н н о т а ц и я . В статье изучается концептуализация феномена положение женщин на основе языкового материала, представленного в учебных изданиях по русскому языку как иностранному, опубликованных в России и за рубежом в период с 1995 по 2015 гг. В качестве цели указывается определение специфики национальных концептуальных систем в отношении познания фрагмента окружающей действительности о месте и роли женщины в современном обществе. Особенности концептуальных систем проявляются при их сопоставлении, подтверждающем процессы взаимного проникновения и обогащения. Эмпирической основой выступают 30 отечественных и иностранных учебников русского языка, из которых было отобрано 5 и 7 соответственно на предмет наличия в них тематических разделов, освещающих жизнедеятельность женщины (в первую очередь – русской). Выделенные смысловые конструкторы, понимаемые как вербализованные средствами языка обобщенные ментальные единицы операционной памяти и знания человека, позволили обнаружить значительно большее число семантических признаков рассматриваемого концепта в зарубежных учебниках русского языка, что может свидетельствовать о нарушении в указанных пособиях стратегии лингвокультурной корреляции. Подчеркивается, что при обнаружении когнитивных лагун русская концептуальная система может обогащаться новым знанием, привнесенным в нее иной концептуальной системой.

К л ю ч е в ы е с л о в а : концептуализация; концептуальная система; языковая картина мира; положение женщины; феминизм; русский язык как иностранный; лингвострановедение; лингводидактика; межкультурная коммуникация.

CONCEPTUALIZATION OF THE PHENOMENON OF WOMEN'S SOCIAL POSITION IN INTERNATIONAL EDUCATIONAL DISCOURSE

Elena V. Dziuba

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Yuliya G. Tkachenko

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5369-9594>

Abstract. The article studies conceptualization of the phenomenon of women's social position on the basis of the language material of Russian as a foreign language coursebooks published in Russia and abroad in the period from 1995 to 2015. The aim of the study is to determine the specific features of the national conceptual systems in relation to the cognition of a fragment of the world about the place and role of women in modern society. The specific features of conceptual systems are revealed via a comparison, confirming the processes of mutual penetration and enrichment. 30 Russian and foreign textbooks have been analyzed, 5 and 7 of which were selected, respectively, for the analysis of thematic sections covering the life of a woman (primarily Russian). The selected semantic constructs, interpreted as generalized mental units of operational memory and knowledge verbalized by means of language, allowed the authors to discern a significantly greater number of semantic features of the concept in question in foreign textbooks of Russian as a foreign language, which may indicate a violation of the strategy of linguocultural correlation in these manuals. It is emphasized that when cognitive gaps are detected, the Russian conceptual system can be enriched with new knowledge brought into it by a different conceptual system.

Keywords: conceptualization; conceptual system; linguistic worldview; women's social position; feminism; Russian as a foreign language; linguoculturology; linguodidactics; intercultural communication.

Для цитирования: Дзюба, Е. В. Концептуализация феномена положение женщины в международном образовательном дискурсе / Е. В. Дзюба, Ю. Г. Ткаченко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 71–83. – DOI: 10.26170/FK20-03-06.

For citation: Dziuba, E. V., Tkachenko, Yu. G. (2020). Conceptualization of the Phenomenon of Women's Social Position in International Educational Discourse. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 71–83. DOI: 10.26170/FK20-03-06.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 1901300895 А «Учимся понимать Россию: когнитивные стратегии формирования методического материала по русскому языку как иностранному».

Acknowledgments: the research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-013-00895 "Learning to Understand Russia: Cognitive Strategies of Development of Teaching Aids in Russian as a Foreign Language".

Введение. Национальная концептуализация и категоризация действительности имеет свои специфические особенности. Согласно высказыванию А. Мацейны, «человек существует в месте обитания своего родного языка, воплощающего в себе человеческое осмысление окружающего его мира. Говоря на другом языке, человек оказывается в ином мире смыслов» [Мацейна 2019: 331], точнее – в условиях иной языковой картины мира, по-

нимаемой как запечатленное и актуализируемое в языке знание. Несовпадение языковых картин мира (наличие семантической асимметрии языков) свидетельствует о различии национальных концептуальных систем, обусловленных спецификой познавательной деятельности субъектов-носителей данных языков.

Знакомство с иной концептуальной системой осуществляется разными способами,

один из них – изучение иностранного языка, которое происходит посредством учебных материалов, не только содержащих сведения о фонетических и лексико-грамматических особенностях осваиваемого языка, но также транслирующих информацию о национальной культуре страны изучаемого языка, специфике мировосприятия носителей языка, системе ценностей народа. Соответственно содержательное наполнение учебного пособия, как медиатора межкультурной коммуникации, определяется концептуальной, коммуникативной и ценностной значимостью [см. подробнее: Куликова 2017: 58]. Учебник иностранного языка (в т. ч. русского как иностранного) транслирует «базовые элементы национальной концептуальной системы, воздействующие на получателя и интерпретируемые им» [Новикова 2018: 555].

Исторически русская онтология неразрывно связана с архетипом женщины-матери, соотносящимся со смыслами традиционного, установленного, незыблемого и выступающим в качестве одного из компонентов национальной системы ценностей. Категория женскости понимается как «материнское начало... начало семьи, всего эмоционального, смиренного...» [Воронина 2018: 175, 177]. Обращение к такой интерпретации образа женщины в настоящее время является доминантой и в гендерной политике российского государства.

Женская тема или проблематика, охватывающая в совокупности вопросы общества о роли и положении женщины, определяется в России с середины XIX в. в условиях многочисленных ограничений для женщин в профессиональной, социальной и семейной областях. Эта тема, однако, не утрачивает своей актуальности и в веке XXI-м.

В статье ставится **цель** выделить и проанализировать особенности концептуализации одной из базовых ценностей русской лингвокультуры (в данном случае – фрагмента картины мира в отношении роли и положения (русской) женщины) в российских и зарубежных учебниках по русскому языку, созданных для иностранной аудитории.

В качестве практического **материала** было отобрано 7 учебников русского языка, изданных за рубежом в период с 1995 по 2015 гг.,

а также 5 российских изданий для иностранцев с 2006 по 2015 гг.

Объектом работы выступает содержательное наполнение разделов российских и зарубежных учебных изданий по русскому языку как иностранному, освещающих повседневную жизнь, профессиональную и творческую деятельность (русских) женщин. Предметом исследования является сопоставление содержательных особенностей вышеуказанных разделов в российских и зарубежных учебных изданиях по русскому языку как иностранному.

При изучении эмпирических данных использовались **методы общенаучные** (анализ и синтез, обобщение и систематизация, а также сопоставление) и **лингвистические** (методы лексикографического, семантического, концептуального и контекстуального анализа и метод лингвокультурного комментирования).

Гипотезой исследования представляется положение о том, что транслируемое российскими и зарубежными учебными изданиями по русскому языку как иностранному представление о положении женщины в обществе не совпадает, и это становится свидетельством существенных различий в национальных концептуальных системах. В процессе понимания и интерпретации получателем нового знания происходит взаимопроникновение концептуальных систем и их взаимное обогащение, что необходимо при изучении иностранного языка с учетом усвоения особенностей «чужой» картины мира. С целью подтверждения выдвинутой гипотезы было проанализировано около 30 учебников, из которых только семь пособий, опубликованных за рубежом, и пять российских изданий актуализируют тематическую область или концепт *положение женщины*, «определяемое как самоорганизующееся пространство подвижных смыслов, демонстрирующее интерпретационную активность своих составляющих» [Ромашенко 2015: 149].

Обсуждение и результаты. Лексикографическое исследование семантического наполнения выражения *положение женщины*. Метод лексикографического анализа позволяет выявить основные смысловые компоненты изучаемого концепта, закрепившиеся в на-

циональном языке. Так, у лексемы *женщина* в толковых словарях фиксируются такие значения: 1. Женщиной называют лицо, противоположное по полу мужчине. 2. Женщиной называют лицо женского пола, начавшее половую жизнь (в противоположность девушке) [Дмитриев 2003]. Заметим, что если дефиниция к слову *женщина* в данном словаре формируется через отношение к противоположному полу, то значение лексемы *мужчина* трактуется иначе, безотносительно к противоположному полу, ср.: 1. Мужчина – это лицо мужского пола. 2. Мужчиной называют взрослого человека мужского пола в отличие от юноши, мальчика [Дмитриев 2003]. Основными единицами понятийного содержания являются компоненты 'пол' и 'возраст'.

В словаре Т. Е. Ефремовой количество семантических компонентов в структуре лексического значения рассматриваемых слов увеличивается и нивелируется разница в подходах к дефиниционному описанию лексем *женщина* и *мужчина*, ср.: *Женщина* – 1) лицо, противоположное по полу мужчине; 2) лицо женского пола как воплощение свойств, качеств этого пола; 3) лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке; *Мужчина* – 1) лицо, противоположное по полу женщине; 2) взрослый человек такого пола в отличие от юноши, мальчика; 3) такой человек, отличающийся твердостью, мужеством [Ефремова 2006]. Таким образом, в данном словаре у единицы *женщина* отмечаются семантические компоненты 'пол', 'возраст', 'семейное положение'.

Рассмотрим дефиниционное описание лексемы *femme/woman* в толковых словарях французского и английского языков. Во французском толковом словаре *Larousse* у данной единицы отмечаются следующие значения: 1) Être humain du sexe féminin; 2) Adulte de sexe féminin, par opposition à fille, jeune fille; 3) Épouse; 4) Adulte de sexe féminin, considéré par rapport à ses qualités, à ses défauts, à son activité, à son origine [Larousse http]; французский толковый словарь *Le Robert* предлагает такое дефиниционное описание: 1) Être humain du sexe féminin; 2) Adulte de sexe féminin. 3) l'ensemble des femmes; 4) présenter les caractères considérés comme propres aux femmes; 5) Femme unie par le mariage [Le Robert http].

Английский толковый словарь *Oxford* отмечает: *woman* – 1) an adult female human; 2) female humans in general; 3) a female worker, especially one who works with her hands; 4) a wife or sexual partner [Oxford http]; английский толковый словарь *Collins Cobuild* указывает следующие значения рассматриваемой единицы: 1) adult female human being; 2) women in general; 3) some people refer to someone's wife, lover, or girlfriend as their woman; [Collins Cobuild http].

Сопоставление представленных значений исследуемой лексемы *femme/woman* с дефинициями *женщина* в русских толковых словарях подтверждает наличие одинаковых семантических компонентов, актуализирующих 'пол', 'возраст' и 'семейное положение женщины'. В иностранных толковых словарях дополнительно указываются семы, которые актуализируют признак гендерного сообщества (ср.: 'все женщины', 'характеристики, присущие всем женщинам'); в английских словарях в дефинициях представлены семы, отсутствующие в других изученных лексикографических источниках: женщина 'сексуальный партнер', женщина – 'та, которая выполняет ручную работу'.

Обобщение выделенных семантических компонентов позволяет сделать вывод о схожих путях концептуализации феномена *женщина* в русской, французской и английской лингвокультурах, социальное положение которой детерминируется ее полом, возрастом и браком. Однако в иностранных словарях актуализируются дополнительные семантические признаки, указывающие на наличие особого гендерного (женского) сообщества, специфику женского физического труда, а также на сексуальные роли женщины.

Целесообразно провести подобный семантический анализ единицы *положение* с целью более точного определения семантического наполнения выражения *положение женщины*. В толковых словарях русского языка лексема *положение* имеет следующие значения: *местонахождение в пространстве, место, роль, состояние в коллективе, в семье, состояние, обусловленное какими-либо обстоятельствами* [Дмитриев 2003]; *условия существования кого-либо, чего-либо, совокупность обстоятельств, создающих определенную обстановку* [Ефремова 2006].

Лексикографический анализ позволяет выделить несколько актуальных для данного исследования сем, маркирующих концепт *положение женщины*: 'пол' (женский), 'возраст' (девочка, девушка, женщина, старушка), 'семейное положение' (жена, супруга), 'место / роль в семье', 'место / роль в коллективе', 'местонахождение / обстановка', 'условия существования / жизненные обстоятельства' (по материалам русскоязычных словарей).

Эмпирический материал английских и французских толковых словарей демонстрирует аналогичные семантические ориентиры когнитивного феномена *condition des femmes* и *women's condition*, ср.: *place que quelqu'un occupe dans une société hiérarchisée selon des critères économiques, culturels, sociaux, selon la classe à laquelle il appartient; situation, manière d'être, d'évoluer, de quelqu'un, d'un groupe à un moment donné, dans un contexte particulier; ensemble des circonstances, des faits, des éléments qui constituent le cadre d'une activité, le milieu, la situation favorables pour qu'une action se déroule, qu'un phénomène se produise* [Larousse [http](http://)]; *the state of a particular group of people because of their situation in life, their problems* [Oxford [http](http://)].

Анализ концепта *положение женщины* в российских учебниках русского языка для иностранцев. В исследуемых учебниках по русскому языку как иностранному были определены соответствующие тематические контексты, реализующие концепт *положение женщины*. Методы контекстного, концептуального и семантического анализа позволяют выделить в отобранных из учебников текстовых фрагментах вербальные единицы, которые реализуют смысловые конструкторы (смысловые компоненты концепта), отраженные в словарях, где фиксируется понятийная составляющая концепта, и отметить иные, культурно значимые и этноспецифические смыслы и коннотации изучаемого феномена.

В качестве иллюстрации методической процедуры анализа материала приведем один фрагмент исследования в более развернутом виде. В одном из учебных пособий для

чтения на русском языке как иностранном предлагается текст: *Вот стоит девушка, молодая и симпатичная. Может, познакомиться? А вот женщина, немолодая, но еще очень красивая...* [Бабурина 2008: 24]. В контексте выражен семантический компонент концепта *положение женщины* – 'условия, при которых на женщину обращает внимание мужчина – возраст и красивая внешность'. Этот смысловой компонент выражен лексическими единицами: *девушка, молодая, симпатичная; немолодая женщина, но еще красивая*. В рассматриваемом контексте, понимаемом как «сочетание семантически реализуемого слова с указательным минимумом» [Амосова 1963: 28], вербализуется смысловой конструктор¹ '*возраст и внешний вид*' как детерминанты женского существования.

Однако в текстах реализуются и иные смысловые компоненты, как правило, коннотативно окрашенные. Так, некоторые контексты реализуют смысловой конструктор '*отождествление женщины с домашней прислугой*', ср.:

– Антон, что ты собираешься делать вечером?

– Я буду слушать музыку. Потом буду смотреть телевизор, ужинать, после ужина гулять с друзьями.

– А что будет делать твоя мама?

– Она будет стирать, потом готовить ужин, потом мыть посуду, потом что-то еще делать [Караванова 2006: 186];

– Мы вставали в 6 часов утра, я готовила завтрак, мыла посуду [Бабурина 2008: 27];

– Хорошо быть женатым! Вот сейчас позвоню, жена дверь откроет, обнимет, поцелует, поможет переодеться и ужином накормит. После ужина лягу я на диван отдохнуть, а она мне газету вслух читает [Лебединский 2011: 162]. Очевидно, что подобные тексты отличаются ироническим содержанием, они помещаются в структуру учебного пособия с целью вовлечения в коммуникацию на иностранном языке, но вряд ли иронический тон описания женской темы отрицает сущность явления.

Стереотипное представление о женщине как прекрасном поле особенно репрезента-

¹ Под мыслительным / смысловым конструктором понимаются обобщенные ментальные единицы операционной памяти и знания человека, которые репрезентируются языковыми (или речевыми) единицами в конкретной коммуникативной ситуации; эти ментальные единицы конструируют одно смысловое поле, семантически объединяются «вокруг» отдельного когнитивного признака; термин используется в работах [Бабушкин 1997; Бабушкин, Дзюба 2019: 7; Дзюба 2018: 127; Еремина 2020].

тивно в текстах, связанных с празднованием международного женского дня 8 Марта, ср.: *Дорогие друзья! Сегодня мы с вами поговорим о важном в России дне – празднике 8-го (восьмого) марта. Женщинам дарят букеты цветов на работе и дома. Женщинам дарят подарки на работе и дома: обычно это косметика, домашняя техника или посуда [Amlinskaia http].* Таким образом, можно выделить актуальный для русской лингвокультуры смысловой компонент *'выполнение женщинами стереотипных ролей – жены, матери, домашней хозяйки'*.

С более критических позиций освещается женская тема в текстах, актуализирующих конструкт *'зависимость от желаний мужчины и семьи'* и *'трудности в совмещении работы и заботы о ребенке'*; ср.: *Что делать женщине, которая хочет делать карьеру и иметь семью? Сначала нужно понять: даже если вы очень заняты на работе, вам нужно оставаться вдохновительницей своего мужа. Этого мужчина всегда ждет от женщины [Бабурин 2008: 188]; В современной жизни женщине все труднее сочетать роль матери и успешной деловой женщины. Часто приходится делать выбор между ребенком и карьерой [Родимкина 2015: 39].*

В учебных текстах отражается нежелание современной женщины мириться с положением домашней прислуги или одной лишь материнской ролью, что позволяет выделить смысловой конструкт *'стремление женщин к независимости'*, ср.: *Здесь мало дур, здесь женщины не ждут принцев, а сами делают головокружительные карьеры, покупают жилье, занимаются спортом, назначают свидания. Они не льют слезы [Родимкина 2015: 29].*

В результате анализа тематических контекстов отечественных учебных пособий по русскому языку для иностранцев возможно представить выделенные смысловые конструкты: 1) *'отождествление женщины с домашней прислугой'*; 2) *'возраст и внешний вид как детерминанты женского существования'*; 3) *'зависимость от желаний мужчины и семьи'*; 4) *'стремление женщин к независимости'*; 5) *'трудности в совмещении работы и заботы о ребенке'*; 6) *'корреляция подарков к 8 Марта с выполняемыми женщинами стереотипными ролями жены, матери, домашней хозяйки'*.

Достаточно ограниченный набор конструктов репрезентирует факт обусловлен-

ности положения женщины внешними факторами и акторами – такими, как общество, мужчины, семья, работа, определяющими жизненные рамки женщины посредством многочисленных ограничений. В результате моделируется представление о женщине, подвергающейся постоянной дискриминации и стремящейся к независимости и освобождению. Такие концептуальные смыслы закрепились в сознании русского народа, они же транслируются в учебниках русского языка для иностранной аудитории.

Анализ концепта *положение женщины в зарубежных учебниках русского языка для иностранцев.* Как показывает изученный материал, концепт *положение женщины*, актуализированный в зарубежных учебных материалах, более объемен по своему смысловому наполнению и более насыщен по своей аксиологической плотности. Приведем некоторые примеры.

Контекст: *Тамара по профессии – инженер, но теперь она домашняя хозяйка. Тамаре теперь трудно: у них нет бабушки, в детский сад идти Ирочке рано, и Тамара должна сидеть дома [Le Fleming 1997: 60] – реализует смысловой компонент *'место в обществе, выполняемая профессия'*. Лексические единицы со значением данного семантического признака (*инженер, домашняя хозяйка, сидеть дома*), употребленные в сочетаниях *инженер – теперь домашняя хозяйка – должна сидеть дома*, вербализуют идею нивелирования социального статуса при рождении ребенка.*

Смысловой конструкт *'отождествление женщины с домашней прислугой'* является самым частотным и показательным, актуализирующим женский опыт прислуживания на всех жизненных этапах, начиная от использования труда девочек по дому и заканчивая бабушкой, хлопчущей у плиты, пекущей пирожки и вяжущей носки. «Правильность» следования социальным предписаниям символизирует женскую обреченность и страдание, ср. многочисленные примеры из учебников: *Рассматриваю детский рисунок на тему «Моя семья». Мама нарисована у плиты, ...папа смотрит телевизор. А вот иной: девочки-сестры подметают пол, у одной в руке веник, у другой – совок, мама вытирает пыль. Главы семьи на рисунке вообще нет. «А папа в другой комнате, – объясняют де-*

вочки, – отдыхает после работы». Спросим еще, кто готовит, стирает, убирает, гладит, сидит с больным ребенком, все покупает, помогает делать уроки... Мама, мама, мама... [Smyth 2002: 441]; В большинстве семей все еще существует деление на мужские и женские обязанности. Домашнее хозяйство, мытье посуды муж считает женским трудом, унижающим его мужское достоинство! [Le Fleming 1997: 198]; – У нее все хорошо? – Просто замечательно. Он помогает ей готовить, стирать, мыть посуду и ходит в магазин. – Да, ей действительно повезло! – А ему не повезло. Бедный мальчик должен сам все готовить, стирать, мыть посуду и ходить в магазин [Dronov 1995: 109–111]; Пока суп варится, я убираю квартиру – вытираю пыль, мою полы, трясу одеяла на балконе, разбираю белье, замачиваю свое и Димино в «Лотосе», собираю для прачечной, а детское оставляю на завтра. Провертываю мясо для котлет, мою и ставлю на газ компот, чищу картошку. ...мне становится ужасно жаль себя. Теперь я уже реву вовсю, приговаривая, что я делаю-делаю, а неделанного все прибавляется, что молодость проходит, что за день я не сидела ни минуты. ...муж сидит на диване и читает. Я ему говорю, что у меня тоже высшее образование и мне надо заниматься. Он говорит, что рад за меня [Bécourt 1977: 376].

В последнем примере женщина, как «хорошая» жена и хозяйка, выполняет всю домашнюю работу и от безысходности обращается к своему мужу, сидящему на диване с книгой, напоминая ему о таком же уровне образования, как и у него, тем самым пытаясь указать на несправедливость перекалывания всех забот на ее плечи. Но муж демонстрирует свое пренебрежение к данному факту, подтверждающему парадоксальную ситуацию: по статистике, в России женщин с высшим и средним специальным образованием больше, чем мужчин, но при этом женское жизненное пространство уже, часто оно обусловлено рутинным домашним трудом и нетворческой малооплачиваемой профессиональной работой.

Подтверждением 'непрестижности «женского труда»' являются следующие примеры: Теоретически в нашей стране женщина равна с мужчиной, и поэтому она получает равную зарплату. Дело в том, что большинство женщин работает там, где зарплата ниже. Например, в здравоохранении, в образовании [Le Fleming 1997: 202]; Не-

равенство с мужчинами в гарантиях занятости: женщины имеют меньше шансов получить работу, чем мужчины, безработица среди женщин выше, чем среди мужчин [Kagan 2015: 138].

Смысловой компонент 'демаркация социального пространства женщины и ее жизненных целей' актуализирован в следующих контекстах: Я за то, что женщине давно пора указать ее место: семья и только семья! [Tall 1996: 181]; будущее все-таки за женщиной-женой, а не за женщиной-министром [Tall 1996: 181]; ...все должно быть направлено на воспитание детей и на завоевание права быть любимой женой [Tall 1996: 182]; женщины редко занимают руководящие посты в бизнесе и государстве [Kagan 2015: 138]; девочки часто вынуждены бросать школу / университет, чтобы помочь по дому или начать работать [Kagan 2015: 138].

Циничное отношение к женщине зиждется на гендерных стереотипах. Смысловой конструкт 'неизменность стереотипов' вербализуется в следующих контекстах: Большая проблема – стереотипы, существующие до сих пор [Le Fleming 1997: 197]; Хорошая жена: всю жизнь любит мужа, во всем слушается мужа, уважает мужа, делает всю работу по дому [Kagan 2015: 125].

Несмотря на тот факт, что многие женщины принимают актуальное положение вещей, оставаясь пассивными и подчиняющимися (правящий мужской мир совершает губительную ошибку, обходясь без женского мнения по важнейшим вопросам жизни общества. Но такую же ошибку совершает и женский мир, не заявляя о своем праве разделять с ним не только судьбу, но и бремя решений, и ответственность за будущее [Tall 1996: 175]; ...главное – в душе русской женщины, в ее желании и умении любить мужчину, в ее безграничной самоотверженности и жертвенности [Kagan 2015: 112]), транслируемое учебными пособиями знание о дискриминационном положении женщины может трактоваться как призыв к активным действиям, могущий мобилизовать женское население в отстаивании своего права на социальную свободу, ср. актуализированные в учебных текстах смысловые компоненты: 'политическая активность женщин' (Активного феминистского движения, как на Западе, у нас пока нет. В России появляется множество женских групп, открыто протестующих против несправедливого отношения

к женщине [Tall 1996: 135]; 'стремление к независимости от мужчин' (в настоящее время женщина стремится быть наравне с мужчиной, сделать карьеру, чтобы чувствовать себя материально независимой [Каган 2015: 136]).

Однако стремление к независимости порицается обществом и рассматривается как 'угроза традиционному жизненному укладу', ср. контексты: экономическая независимость женщины привела к ослаблению внутрисемейных экономических связей, и это не могло пройти бесследно. Исчезла старая большая семья, состоящая обычно из трех поколений [Bécourt 1977: 297]; Я считаю, что женщине совсем не нужны независимость и равноправие с мужчинами! Я считаю, что все беды современного общества в том, что женщины хотят, чтобы мужчины «отказались от господствующего положения» [Tall 1996: 182], а борьба за право быть человеком может стоить женщине жизни. В зарубежных учебниках вербализуются следующие смысловые конструкты: 'семейное насилие', ср.: Во всем мире на прошлой неделе отметили Международный день борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин. Каждые 9 секунд избивают женщин. В России ежегодно 14 тысяч женщин гибнут от насилия в семье. Насилие бывает не только в семьях алкоголиков, но и в обеспеченных семьях: в семьях кандидатов и докторов наук, директоров фирм ... [Каган 2015: 112] и 'оправдание насилия', ср.: Раньше говорили: «Бьет – значит любит» [Каган 2015: 112].

Следует упомянуть о включении в содержание тематических разделов зарубежных учебников текстовых фрагментов о нетрадиционной сексуальной ориентации женщин, реконструирующих смыслы маргинализации и отторжения как несвободу и подавление женщин [см. подробнее об этом: Ткаченко 2020: 190], ср.: Нас считают психически больными. Многие лесбиянки выходят замуж, потому что не в силах выдержать такое положение. Общество осуждает нас, думая, что мы извращенцы и сумасшедшие... [Tall 1996: 130]. Подчеркнем, что обсуждение подобных тем нехарактерно для российского педагогического дискурса, публикуемые в отечественных учебниках материалы традиционно обходят эти нетрадиционные темы стороной.

Проблемы социального неравенства активно обсуждаются в европейском обществе и подкрепляются соответствующими законо-

дательными актами. Отношения между женщинами и мужчинами в плане равенства прав и возможностей, в частности в 'равном распределении домашних обязанностей', изменяются: В вопросе разделения труда молодая семья на сегодняшний день более прогрессивна: многие супруги (и муж, и жена) считают, что все домашние дела надо выполнять сообща [Smyth 2002: 443]; У нас с женой хорошие взаимоотношения. Мы помогаем друг другу. Мы честно распределяем между собой домашние обязанности [Rubinstein 1977: 44].

В результате анализа тематических контекстов зарубежных учебных пособий по русскому языку можно представить комплекс выделенных смысловых конструктов: 1) 'независимость как угроза традиционному жизненному укладу'; 2) 'безысходность'; 3) 'пренебрежение к личностному развитию женщины'; 4) 'отождествление женщины с домашней прислугой'; 5) 'равное распределение домашних обязанностей'; 6) 'нивелирование социального статуса женщины при рождении ребенка'; 7) 'понятие женского труда'; 8) 'неизменность стереотипов'; 9) 'низкая оценка женского труда'; 10) 'политическая активность женщины'; 11) 'общественное осуждение нетрадиционной сексуальной ориентации'; 12) 'игнорирование женского мнения'; 13) 'смирное принятие женщиной актуального положения вещей'; 14) 'женское самоуничижение, служение'; 15) 'демаркация социального пространства и жизненных целей'; 16) 'семейное насилие'; 17) 'оправдание семейного насилия'; 18) 'стремление к независимости от мужчин'.

Выделение на основании анализа зарубежных учебных пособий по русскому языку многочисленных смысловых конструктов позволяет объединить их в тематические микрогруппы на основании транслируемого ими семантического признака, отражающего факторы влияния на положение женщины: 1) **социальные факторы (влияние общества):** 'пренебрежение к личностному развитию женщины', 'нивелирование социального статуса женщины при рождении ребенка', 'понятие женского труда', 'низкая оценка женского труда', 'неизменность стереотипов', 'общественное осуждение нетрадиционной сексуальной ориентации', 'игнорирование женского мнения', 'демаркация социального пространства и жизненных целей', 'оправдание семейного насилия'; 2) **«фамильные» факторы (влияние семьи):** 'отождествление женщины с домашней прислугой', 'равное распределение до-

машинных обязанностей', 'нивелирование социального статуса женщины при рождении ребенка', 'неизменность стереотипов', 'игнорирование женского мнения', 'семейное насилие', 'оправдание семейного насилия'; 3) **субъективные (психологические) факторы**, представляющие женщину как активного или пассивного субъекта: 'независимость как угроза традиционному жизненному укладу', 'безысходность', 'политическая активность женщин', 'смирненное принятие женщиной актуального положения вещей', 'женское самоуничижение, служение', 'стремление к независимости от мужчин'.

Представим вариант интерпретации знания, получаемого из учебного дискурса, отражающего тот фрагмент картины мира, который касается положения женщины в социуме. Внешняя среда (общество) не способствует личностному развитию женщины, ограничивая ее жизненное пространство посредством насаждаемых стереотипов и препятствуя достижению целей. Общество определяет зоны возможной самореализации женщины: семья, женская профессия, сексуальность. При этом в этих зонах действуют механизмы подавления и ущемления прав: валоризация пониженного социального статуса при рождении ребенка, низкая оплата труда, замалчивание семейного насилия, стигматизация нетрадиционной сексуальной ориентации. Семья использует женщину для оправдания и поддержания своего существования любыми способами психологического и физического давления. Сама женщина в когнитивном плане реагирует на актуальную ситуацию неоднозначно: соглашаясь с предъявляемыми к ней требованиями, сопротивляясь им, мирясь со своим положением по причине его безысходности на сегодняшний день.

Выводы. Проблематика положения женщины, высвечивающая такие явления, как место, занимаемое ею в обществе в зависимости от экономических, культурных и социальных критериев, как совокупность обстоятельств, определяющих ее деятельность и существование в целом, находит резонанс как в российском, так и в иных европейских социумах. Анализ некоторых русско-, франко- и англоязычных лексикографических источников позволяет конкретизировать смысловые компоненты концепта *положение женщи-*

ны: 'пол' (женский), 'возраст' (девочка, девушка, женщина, старушка), 'семейное положение' (жена, супруга), 'место / роль в семье', 'место / роль в коллективе', 'местонахождение / обстановка', 'условия существования / жизненные обстоятельства'. В иностранных толковых словарях, в отличие от толковых словарей русского языка, наблюдаются дополнительные признаки, отражающие сексуальные роли женщины и наличие специфического (женского) труда. Все выявленные компоненты находят свое отражение в отобранном для анализа учебном материале.

Рассмотрение взятых методом сплошной выборки тридцати учебных пособий по русскому языку, изданных в России и за рубежом, позволило выделить из них двенадцать (семь зарубежных и пять отечественных), в которых поднимается для обсуждения в иностранной аудитории вопрос о положении женщин в обществе. Обращение к учебным пособиям, изданным в России, позволило выделить 6 смысловых компонентов изучаемого концепта; в зарубежных учебниках русского языка для франко- и англоязычной аудитории было выделено 18 таких компонентов, что свидетельствует о более богатой концептуализации феномена *положение женщины* именно у жителей европейских стран (выявленные смысловые компоненты концепта отражены в таблице).

Обнаружение значительно большего числа когнитивных признаков рассматриваемого концепта в зарубежных учебниках русского языка, с одной стороны, становится доказательством нарушения в указанных пособиях стратегии лингвокультурной корреляции. Это явление типично для ситуации, когда учебники иностранного языка создаются авторами, для которых язык и культура страны изучаемого языка не являются родными. На страницах пособий по русскому языку иностранные авторы средствами этого национального языка представляют историю и культуру не России, но быт и традиции своей собственной страны; авторы стремятся не столько раскрыть специфику ментальности народа-носителя изучаемого языка, сколько отобразить собственное видение мира [см. подробнее об этом: Дзюба 2019: 53-56]. В данном случае мы наблюдаем недостаточную корректность в подборе и представлении учебного материала. При этом следует отме-

тить, что понимание транслируемых смыслов всегда обусловлено качественным познанием соответствующего фрагмента действительности (здесь: проблемы положения женщины в обществе) получателем, когнитивная картина мира которого может содержать когнитивные лакуны или, наоборот, обнаруживать такие «пустоты» у отправителя. Соответственно, семантическая интерпретация знания в любом случае является индивидуальной. Примером тому является выделение в тематических контекстах смысловых конструкторов о положении женщин самими авторами статьи. Когда в отечественном учебнике по русскому языку для иностранцев (2006 года издания) читаем: – *А что будет делать твоя мама? – Она будет стирать, потом готовить ужин, потом мыть*

посуду, потом что-то еще делать..., мы можем понимать это высказывание как нейтральное, не имеющее положительных или отрицательных коннотаций, осмыслить его ‘как домашние дела мамы’, предполагая, что авторы данного текста никогда не задумывались над существованием «женских» проблем. Однако в этом текстовом фрагменте также можно увидеть указание на то, что русская женщина традиционно вынуждена выполнять все рутинные работы по дому, что свидетельствует о неизменности русского семейного уклада. В такой интерпретации появляется смысловой конструктор ‘*неравное распределение домашних обязанностей*’ и, наконец, следующий признак – ‘*предназначение женщины*’ как ее следование своей «естественной» сущности.

Таблица

Смысловые компоненты концепта *положение женщины* в российских и зарубежных учебниках русского языка для иностранцев

В РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ	В ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕБНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА
1) ‘отождествление женщины с домашней прислугой’;	1) ‘независимость как угроза традиционному жизненному укладу’;
2) ‘возраст и внешний вид как детерминанты женского существования’;	2) ‘безысходность’;
3) ‘зависимость от желаний мужчины и семьи’;	3) ‘пренебрежение к личностному развитию женщины’;
4) ‘стремление женщин к независимости’;	4) ‘отождествление женщины с домашней прислугой’;
5) ‘трудности в совмещении работы и заботы о ребенке’;	5) ‘равное распределение домашних обязанностей’;
6) ‘корреляция подарков к 8 Марта с выполняемыми женщинами стереотипными ролями жены, матери, домашней хозяйки’	6) ‘нивелирование социального статуса женщины при рождении ребенка’;
	7) ‘понятие женского труда’;
	8) ‘неизменность стереотипов’;
	9) ‘низкая оценка женского труда’;
	10) ‘политическая активность женщин’;
	11) ‘общественное осуждение нетрадиционной сексуальной ориентации’;
	12) ‘игнорирование женского мнения’;
	13) ‘смирненное принятие женщиной актуального положения вещей’;
	14) ‘женское самоуничижение, служение’;
	15) ‘демаркация социального пространства и жизненных целей’;
	16) ‘семейное насилие’;
	17) ‘оправдание семейного насилия’;
	18) ‘стремление к независимости от мужчины’

С другой стороны, нельзя не отметить, что концептуальные системы отправителя и получателя (в том числе – в образовательном дискурсе) вступают во взаимодействие, дополняя и «обучая» друг друга. Каждая концептуальная система несет в себе новое знание об окружающей действительности. Читая, что *девочки часто вынуждены бросать школу / универ-*

ситет, чтобы помочь по дому или начать работать, недостаточно осведомленный получатель этой информации впервые задает себе вопрос: а не была ли вынуждена его дочь приостановить свое обучение по тем же самым причинам и каковы последствия этого решения? Таким образом, при освоении «чужого» языка и культуры осуществляется взаимоо-

богатство национальных концептуальных систем. Вероятно, этот факт следует учитывать при отборе учебного материала: преподавателям иностранного языка имеет смысл обращаться не только к текстам, созданным в рамках собственной культуры, но также к тем материалам, которые создаются зарубежными коллегами. Целесообразно и учителям русского языка как иностранного обращаться к тем учебникам, которые подготовлены за пределами России, которые созданы авторами – носителями русского языка как неродного. Это способствует взаимодействию национальных концептуальных систем и отчасти снимает возможные трудности межкультурной коммуникации. При этом наиболее удачными в отношении развития межкультурной коммуникативной компетенции считаются те учебные пособия, которые составлены коллективом автором, включающим носителей русского языка как родного (т. е. носителей русской языковой картины мира), и носителей того языка, который является родным для иностранной аудитории, что в определенной степени обеспечит взаимообогащение разных национальных когнитивных систем.

Заключение. Изучение иностранного языка следует считать способом расширения когнитивных горизонтов, переосмысления ценностей и жизненных установок, что подразумевает взаимопроникновение национальных концептуальных систем.

При анализе особенностей концептуализации фрагмента картины мира в отношении роли и положения (русской) женщины в обществе, исследуемых при обращении к российским и зарубежным учебникам по русскому языку как иностранному, можно сделать вывод о том, что российские издания транслируют некритичное, устаревшее осмысление

актуального положения (русской) женщины в (русской) социокультурной среде, что способствует формированию у иностранного получателя определенного концептуального видения изучаемого фрагмента действительности. Небрежное отношение авторов к подбору тематического языкового материала, допускающего неоднозначную интерпретацию передаваемых смыслов, вызывает множество вопросов об их семиотической функции.

Очевидно, что зарубежные учебные пособия обогащают русскую концептуальную систему новым знанием о проблемах женщин, включая в образовательный дискурс идеи борьбы с социальным неравенством, когда при гарантии защиты своих прав на конституционном уровне в реальной жизни женщины дискриминируются как в профессиональной сфере, так и во всех областях, связанных с реализацией равных с мужчиной возможностей личностного развития. В частности, любое учебное французское издание проходит государственный контроль на наличие в его содержательном наполнении сексистских стереотипов, указаний на любые (в т. ч. гендерные) различия между людьми. Вероятно, подобный критерий должен быть применен и к оценке отечественных учебных изданий – как школьных, так и вузовских. Это имеет смысл заимствовать не просто как факт ориентации на Запад, это должно быть следствием естественного процесса переосмысления феномена русской женщины. Русская лингвокультура, хранящая традиции восприятия женщины как хранительницы семейного уклада, в XXI в. должна быть обогащена новыми значимыми представлениями о женщине и ее положении в обществе, и эти идеи должны транслироваться в том числе в образовательном дискурсе.

Литература

- Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1963. – 207 с.
- Бабурина, К. Б. Шкатулка : пособие по чтению для иностранцев, начинающих изучать русский язык / К. Б. Бабурина, Т. Д. Брайнина, Т. Д. Жабоклицкая. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык. Курсы, 2008. – 224 с.
- Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : дис. ... д-ра филол. наук / Бабушкин А. П. – Воронеж, 1997. – 330 с.
- Бабушкин, А. П. Модели структурной организации артефактных категорий / А. П. Бабушкин, Е. В. Дзюба // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 1. – С. 5–12.

Дзюба Е. В., Ткаченко Ю. Г. Концептуализация феномена *положение женщины...*

Воронина, О. А. Символизм женственности и мужественности в русской культуре / О. А. Воронина // *Верхневолжский филологический вестник*. – 2018. – № 4 (15). – С. 172–178.

Дзюба, Е. В. Когнитивная лингвистика : учебное пособие для высших учебных заведений / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург, 2018. – 280 с.

Дзюба, Е. В. Стратегии презентации образа России в учебниках русского языка для славянских народов / Е. В. Дзюба, С. А. Еремина, В. Ю. Миков [и др.] // *Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты : коллективная монография* / под ред. Е. В. Дзюбы. – Екатеринбург, 2019.

Дмитриев, Д. В. Толковый словарь русского языка / Д. В. Дмитриев. – М. : АСТ, 2003.

Еремина, С. А. Особенности концептуализации образа России в учебниках русского языка как иностранного для франкофонов / С. А. Еремина // *Когнитивные исследования языка*. – 2020. – Вып. XLII. – С. 212–216.

Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ ; Астрель ; Харвест, 2006.

Караванова, Н. Б. *Говорите правильно! Курс русской разговорной речи (для говорящих на английском языке)* / Н. Б. Караванова. – 6-е изд., стереотип. – М. : Русский язык. Курсы, 2006. – 304 с.

Куликова, Л. В. Миссия учебника по РКИ в формировании позитивной концептуальной картины мира о России / Л. В. Куликова // *Политическая лингвистика*. – 2017. – № 1 (61). – С. 53–59.

Лебединский, С. И. Русский язык как иностранный : учебник / С. И. Лебединский, Г. Г. Гончар. – 2-е изд., доп. и перераб. – Минск, 2011. – 402 с.

Мацейна, А. Падение буржуазии / А. Мацейна ; пер. с литов., предисл. и коммент. М. В. Медоварова. – СПб. : Владимир Даль, 2019. – 413 с.

Новикова, М. Г. Текст: система смыслов / М. Г. Новикова // *Cognitio и Communicatio в современном глобальном мире : материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике* / отв. ред. вып. Л. А. Мацнерко. – М. : МГУ имени М. В. Ломоносова ; Неолит, 2018. – 984 с.

Родимкина, А. М. Россия день за днем: тексты и упражнения / А. М. Родимкина, Н. Лансман. – 3-е изд., испр. – СПб. : Златоуст, 2015. – Вып. 1. – 136 с.

Ромашенко, М. А. Актуализация понятий «Концепт» и «Концептуальное поле» в методологии историко-филологических исследований / М. А. Ромашенко, А. А. Ромашенко // *Грамота*. – 2015. – № 7 (57) : в 2-х ч. – Ч. I. – С. 147–150.

Ткаченко, Ю. Г. Репрезентация категории ФЕМИНИЗМ в русской и французской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ткаченко Ю. Г. – Екатеринбург, 2020. – 238 с.

Amlinskaya, Yu. 10 Russian Lessons: Russian Vocabulary and Culture in Short Texts / Yu. Amlinskaya. – URL: ojcrb.files.wordpress.com/2020/05/10-lic3a7c3b5es-de-russo-russificate.pdf (mode of access: 10.07.2020). – Text : electronic.

Bécourt, M.-F. *Méthode 90. Le russe en 90 leçons et en 90 jours* / M.-F. Bécourt, J. Borzic. – Librairie générale française, 1977. – 464 p.

Collins Cobuild. – URL: <https://www.collinsdictionary.com> (mode of access: 12.06.2020). – Text : electronic.

Dronov, V. *Le nouveau russe sans peine* / V. Dronov. – 2nd edition. – France : Assimil, 1995.

Kagan, O. E. *Russian From Intermediate to Advanced* / O. E. Kagan, A. S. Kudrya, F. J. Miller. – Routledge Taylor and Francis Group, 2015. – 450 p.

Larousse. – URL: <https://www.larousse.fr> (mode of access: 12.06.2020). – Text : electronic.

Le Fleming, S. *Colloquial Russian. The complete course for Beginners* / S. Le Fleming, S. E. Kay. – England : Coventry, 1997. – 316 p.

Le Robert. – URL: <https://dictionnaire.lerobert.com> (mode of access: 12.06.2020). – Text : electronic.

Oxford. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (mode of access: 12.06.2020). – Text : electronic.

Rubinstein, G. *Speak better Russian* / G. Rubinstein. – Defense language institute, 1997.

Smyth, S. *RUS': a comprehensive course in Russian* / S. Smyth, E. Crosbie. – Cambridge University Press, 2002. – 718 p.

Tall, E. *Let's talk about life!: an integrated approach to Russian conversation* / E. Tall, V. Vlasikova. – 1996. – 274 p.

References

Amlinskaya, Yu. 10 Russian Lessons: Russian Vocabulary and Culture in Short Texts. URL: ojcrb.files.wordpress.com/2020/05/10-lic3a7c3b5es-de-russo-russificate.pdf (mode of access: 10.07.2020).

Amosova, N. N. (1963). *Osnovy angliiskoi frazeologii* [The basics of English phraseology]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 207 p.

Baburina, K. B., Brainina, T. D., Zhaboklitskaya, I. I. (2008). *Shkatulka* [Jewelry box]. Moscow, Russkii yazyk. Kursy. 224 p.

Babushkin, A. P. (1997). *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoi semantike yazyka, ikh lichnostnaya i natsional'naya spetsifika* [Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of a language, their personal and national specific features]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Voronezh. 330 p.

Babushkin, A. P., Dzyuba, E. V. (2019). *Modeli strukturnoi organizatsii artefaktnykh kategorii* [Models of structural organization of artifact categories]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 1, pp. 5–12.

Bécourt, M.-F., Borzic, J. (1977). *Méthode 90. Le russe en 90 leçons et en 90 jours*. Librairie générale française. 464 p.

Collins Cobuild. URL: www.collinsdictionary.com (mode of access: 12.06.2020).

Dmitriev, D. V. (2003). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, AST.

Dziuba E. V., Tkachenko Yu. G. Conceptualization of the Phenomenon of Women's Social Position in International...

- Dronov, V. (1995). *Le nouveau russe sans peine*. 2nd edition. France, Assimil.
- Dzyuba, E. V. (2018). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Ekaterinburg. 280 p.
- Dzyuba, E. V. (2019). Strategii prezentatsii obraza Rossii v uchebnikakh russkogo yazyka dlya slavyanskikh narodov [Strategies of presenting the image of Russia in Russian language textbooks for Slavic peoples]. In Dzyuba, E. V. (Ed.). *Obraz Rossii v mezhdunarodnom obrazovatel'nom diskurse: lingvokognitivnyi i lingvodidakticheskiy aspekty*. Ekaterinburg. 208 p.
- Efremova, T. F. (2006). *Sovremennyyi tolkovyy slovar' russkogo yazyka : v 3 t.* [Modern dictionary of the Russian language, in 3 vols.]. Moscow, AST, Astrel', Harvest.
- Eremina, S. A. (2020). Osobennosti kontseptualizatsii obraza Rossii v uchebnikakh russkogo yazyka kak inostranogo dlya frankofonov [Peculiar features of conceptualization of the image of Russia in textbooks of Russian as a foreign language for Francophones]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Issue XLII, pp. 212–216.
- Kagan, O. E. (2015). *Russian from Intermediate to Advanced*. Routledge Taylor and Francis Group. 450 p.
- Karavanova, N. B. (2006). *Govorite pravil'no!* [Speak correctly!]. 6th edition. Moscow, Russkii yazyk. Kursy. 304 p.
- Kulikova, L. V. (2017). Missiya uchebnika po RKI v formirovanii pozitivnoi kontseptual'noi kartiny mira o Rossii [The mission of Russian as a foreign language textbook in forming a positive conceptual worldview of Russia]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 1 (61), pp. 53–59.
- Larousse*. URL: <https://www.larousse.fr> (mode of access: 12.06.2020).
- Le Fleming, S. (1997). *Colloquial Russian. The complete course for Beginners*. England, Coventry. 316 p.
- Le Robert*. URL: dictionnaire.lerobert.com (mode of access: 12.06.2020).
- Lebedinskii, S. I. (2011). *Russkii yazyk kak inostrannyi* [Russian as a foreign language]. Minsk. 402 p.
- Matseina, A. (2019). *Padenie burzhuazii* [The fall of the bourgeoisie]. Saint Petersburg, Vladimir Dal'. 413 p.
- Novikova, M. G. (2018). *Tekst: sistema smyslov* [Text: System of meanings]. Moscow, MGU imeni M.V. Lomonosova, Neolit. 984 p.
- Oxford*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (mode of access: 12.06.2020).
- Rodimkina, A. M., Landsman, N. (2015). *Rossiya den' za dnem: teksty i uprazhneniya* [Russia day by day: Texts and exercises]. Saint Petersburg, Zlatoust. 136 p.
- Romashchenko, M. A., Romashchenko A. A. (2015). Aktualizatsiya ponyatii «Kontsept» i «Kontseptual'noe pole» v metodologii istoriko-filosofskikh issledovaniy [Actualization of the notions “Concept” and “Conceptual field” in the methodology of historico-philosophical research]. In *Gramota*. No. 7 (57), in 2 parts. Part 1, pp. 147–150.
- Rubinstein, G. (1997). *Speak better Russian*. Defense language institute.
- Smyth, S., Crosbie, E. (2002). *RUS: A comprehensive course in Russian*. Cambridge University Press. 718 p.
- Tall, E., Vlasikova, V. (1996). *Let's talk about life! An integrated approach to Russian conversation*. 274 p.
- Tkachenko, Yu. G. (2020). *Reprezentatsiya kategorii FEMINIZM v russkoi i frantsuzskoi yazykovo kartine mira* [Representation of the category FEMINISM in the Russian and French linguistic worldview]. Dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg. 238 p.
- Voronina, O. A. (2018). Simvolizm zhenstvennosti i muzhestvennosti v russkoi kulture [Symbolism of femininity and masculinity in Russian culture]. In *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. No. 4 (15), pp. 172–178.

Данные об авторах

Дзюба Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: ev_dziuba@uspu.me.

Ткаченко Юлия Геннадьевна – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: tka55@yandex.ru.

Author's information

Dziuba Elena Vyacheslavovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Tkachenko Yuliya Gennadievna – Senior Lecturer of Department of Romance-Germanic Philology, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ «MEMORY» И ЕЕ РОЛЬ В СМЫСЛООБРАЗОВАНИИ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ (на материале художественных произведений лауреатов Пулитцеровской премии)

Бутакова Л. О.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3210-2311>

Мячин К. А.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия); Северо-Казахстанский
государственный университет им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2454-0242>

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются произведения современных американских писателей-лауреатов Пулитцеровской премии 2015–2017: «*The Sympathizer*», «*Nothing Ever Dies*» [Nguyen 2015, 2016]; «*Underground Railroad*» [Whitehead 2016]; «*Less*» [Greer 2017]. Проблемой исследования является выявление корреляции смыслового содержания произведения, представленного концептами в составе концептуальной категории с продуцированием ассоциативно-смыслового поля (АСП) и лексико-синтаксических особенностей (лексических и синтаксических «узлов»), реализованных в тексте. Исследовав на начальном этапе два разножанровых произведения современного американского писателя Вьет Тан Нгуена «*The Sympathizer*», «*Nothing Ever Dies*» [Nguyen 2015, 2016], авторы предположили, что концептуальная категория *memory*, образованная с участием концептов *ethics, memory, power, dual, global*, участвует в формировании сюжета художественного произведения и наполнения его определенным смысловым содержанием. В статье анализируются представленные выше компоненты концептуальной категории *memory* и авторские текстообразующие лексико-синтаксические приемы, такие как широкая представленность слов-интернационализмов, односоставных высказываний и пролонгированных цепных чередований. К текстам художественных произведений применяются концептуальный и структурный методы анализа, которые приводят к получению результатов, указывающих на основы построения сюжета художественного нарратива и наполнения его смысловым содержанием при активации концептуальной категории авторского сознания *memory* (АС *memory*). В заключении статьи авторы подчеркивают отличия и сходства представленных произведений, выраженные в составе ассоциативно-смысловых полей (АСП) текстов, образованных с компонентным участием концептов *ethics, memory, power, dual, global*. АСП является когнитивным результатом художественного выражения текста, который, в свою очередь, реализован на основе лексического корпуса и грамматической структуры современного английского языка и формализуется посредством организации сюжетной линии и наполнения текста определенным смысловым содержанием. Выводы касаются наличия в произведениях проанализированных прозаиков трех различных ассоциативно-смысловых полей со сходным базовым основополагающим когнитивным элементом – концептуальной категорией *memory*: 1) АС (Вьет Тан Нгуен) → *The Sympathizer* → АСП (Вьетнам) = Love – Life – War ↔ Memory ↔ Sensation – Children = Your Memory ↔ Collective Memory; 2) АС (Колсон Уайтхед) → *The Underground Railroad* → АСП (Рабовладение) = Love – Life – Labor – Freedom ↔ Memory ↔ Justice – Children = Your Memory ↔ Collective Memory; 3) АС (Эндрю Гриер) → *Less* → АСП (Свободная Любовь) = Free-love – Life ↔ Memory ↔ Sensation – Loneliness = Your Memory ↔ Collective Memory.

К л ю ч е в ы е с л о в а : концепт; ассоциативно-смысловое поле; смысл; узел; авторское сознание; высказывание; художественный нарратив; сюжет.

THE COMPONENTS OF THE CONCEPTUAL CATEGORY MEMORY AND ITS ROLE IN THE PRODUCTION OF SEMANTIC CONTENT OF MODERN PROSE TEXTS (on the Material of the Works of Pulitzer Prize Winners)

Larisa O. Butakova

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk, Russia)

Konstantin A. Myachin

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk, Russia); North Kazakhstan State University named after M. Kozybayev (Petropavlovsk, Kazakhstan)

Abstract. The article discusses the works of contemporary American writers, winners of the 2015–2017 Pulitzer Prize: “*The Sympathizer*”, “*Nothing Ever Dies*” [Nguyen 2015, 2016]; “*Underground Railroad*” [Whitehead 2016]; “*Less*” [Greer 2017]. The research aim is to reveal the correlation between the semantic content of the literary work represented by the concepts of a certain conceptual category and the production of the associative-semantic field (ASF) and lexico-syntactic features (lexical and syntactic “knots”) used in the text. Having studied at the initial stage two multi-genre works of the contemporary American writer Viet Thanh Nguyen “*The Sympathizer*”, “*Nothing Ever Dies*” [Nguyen 2015, 2016], the authors have posed a hypothesis that the conceptual category *memory*, formed with the help of such concepts as *ethics, memory, power, dual, global*, participates in the formation of the plot of the work of fiction and fills it with certain semantic content. The article analyzes the components of the conceptual category *memory* presented above and the author’s text-forming lexical and syntactic techniques, such as the frequency representation of internationalisms, one-member sentences and prolonged chain alternations. Conceptual and structural methods of analysis are applied to the texts of literary works and allow the researcher to obtain the results revealing the foundations of the literary narrative plot construction and the provision of its semantic content while activating the conceptual category of the author’s consciousness *memory* (AC *memory*). As a conclusion, the authors highlight the differences and similarities between the works presented, expressed within the associative-semantic fields (ASF) of the texts formed with the help of the concepts *ethics, memory, power, dual, global*. The ASF is the cognitive result of the artistic expression of the text, which, in turn, is realized on the basis of the lexical corpus and the grammatical structure of modern English and is formalized via the organization of the plot and filling the text with specific semantic content. The conclusions report the presence in the works of the prose writers named above of three different associative-semantic fields with a similar basic cognitive element - the conceptual category *memory*: 1) AC (V.T. Nguyen) → *The Sympathizer* → ASF (Vietnam) = Love – Life – War ↔ Memory ↔ Sensation – Children = Your Memory ↔ Collective Memory; 2) AC (C. Whitehead) → *The Underground Railroad* → ASF (Slavery) = Love – Life – Labor – Freedom ↔ Memory ↔ Justice – Children = Your Memory ↔ Collective Memory; 3) AC (A. S. Greer) → *Less* → ASF (Free-Love) = Free-love – Life ↔ Memory ↔ Sensation – Loneliness = Your Memory ↔ Collective Memory.

Key words: concept; associative-semantic field; semantic content; knot; author’s consciousness; utterance; fiction narrative; plot.

Для цитирования: Бутакова, Л. О. Компонентный состав концептуальной категории «*memory*» и ее роль в смыслообразовании текстов современной прозы (на материале художественных произведений лауреатов Пулитцеровской премии) / Л. О. Бутакова, К. А. Мянчин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 85–99. – DOI: 10.26170/FK20-03-07.

For citation: Butakova, L. O., Myachin, K. A. (2020). The Components of the Conceptual Category *Memory* and Its Role in the Production of Semantic Content of Modern Prose Texts (On the Material of the Works of Pulitzer Prize Winners). In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 85–99. DOI: 10.26170/FK20-03-07.

Введение. Произведения современных американских писателей: «*The Sympathizer*», «*Nothing Ever Dies*» Вьет Тан Нгуена [Nguyen 2015, 2016]; «*Underground Railroad*» Колсона Уайтхед [Whitehead 2016]; «*Less*» Эндрю Гриера [Greer 2017] попадают в фокус нашего внимания

и подлежат анализу, описанному в данной статье. Все указанные выше авторы художественных произведений являются победителями Пулитцеровской премии по литературе за 2015, 2016, 2017 гг. в том порядке, в котором они перечислены выше. Исследования тек-

стов художественных произведений в работах [Пищальникова 1999, 2010; Болотнова 1992; Коммуникативная стилистика 2011] выявили коммуникативные, эстетические, смысловые и категориальные особенности. Создание художественного текста трактуется в этих исследованиях как вид эстетической деятельности, а текст определяется как «коммуникативно-направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе его восприятия» [Пищальникова 1999: 3]. В концепции Н. С. Болотновой, раскрывающей взаимоотношение автора и текста как модель коммуникативных отношений, «текст – опосредующее звено, реализующее речевую стратегию его создателя, запрограммировавшего вторичную речевую деятельность адресата. Читатель, создавая представление о тексте, декодирует образ автора. Если последний отражает действительность в соответствии с индивидуальным мировосприятием и своим эстетическим идеалом, то постижение смысла произведения выливается в раскрытие сути образа автора, который как художественная категория не равен полностью ни форме повествования, ни реальной личности человека» [Болотнова 1992: 11, 17, 49–50].

Небезынтересно проанализировать выбранные произведения с целью выявления характерных текстологических, семантических и концептуально-смысловых особенностей, а также с целью поиска универсальных смысловых доминант (концептов), общих для разных произведений, материализаций разных авторских сознаний (АС).

В произведении Вьет Тан Нгуена «*The Sympathizer*» [Nguyen 2015] концепт *memory*, как компонент категории авторского сознания (АС), реализован автором через нарратив, основанный на реальных исторических событиях середины XX в. Хроники Вьетнамской войны находятся в основе повествования и построения сюжета, который, в свою очередь, содержит как реальные исторические факты, так и вымышленные события. Характер этих исторических событий, которые являются личностно-значимыми для автора, оказывает определенное регулятивное влияние на его личность и мировоззрение, следовательно, и на когнитивно-понятийную сторону АС.

Творческая реализация концептуальной категории АС материализуется в вербальном эстетическом произведении, при этом «динамическая смысловая структура сознания автора оказывает влияние на все устройство текста на любой стадии его существования (двербального замысла, вербальной реализации, последующего смыслового восприятия)» [Бутакова 2001: 9–10].

В содержании произведения *The Sympathizer* [Nguyen 2015] концепты *memory*, *power*, *global* выступают в качестве контейнеров, содержащих данные о гражданской войне во Вьетнаме, которые подверглись художественной авторской обработке при реализации творческого потенциала концептуальной категории АС – «...категория авторского сознания с полным правом может считаться понятийной, мыслительной, речемыслеиспытательной категорией <...> Она, как и другие понятийные категории, присуща обширному классу явлений, выражается разнообразными средствами естественного языка. Специфика ее состоит в том, что она характеризует устройство текстов, через них – структуры сознания его автора. При этом отвечает главному требованию понятийной категории: является смысловым компонентом общего характера, помогает выявить мыслительное содержание, показывает роль когнитивных, коммуникативных, смысловых, семиотических компонентов в формировании смысловой структуры текста» [Бутакова 2001: 13–14].

Реализация категории АС в тексте художественного произведения является основополагающим фактором для структурирования сюжетной линии и наполнения текста определенным смысловым содержанием, в соответствии с контекстом. Следует отметить, что «смысл (и это принципиально) не входит в состав абстрактной семантики языка, а является частью концептосистемы его носителей, актуализируется языковыми средствами. Когнитивные комплексы как структуры знания, оформленные словом, обязательно связаны со смыслом» [Бутакова 2001: 9–10].

Актуальность исследования подтверждается разработкой проблем, раскрывающих особенности порождения текста и продуцирования смысловых высказываний на основе художественного нарратива в отечествен-

ных (Л. О. Бутакова, А. А. Залевская, Е. С. Кудрякова, Е. В. Падучева и др.) и зарубежных (N. Chomsky, S. Pinker, G. Finch, R. Hasan и др.) лингвистических исследованиях.

Проблема исследования заключается в поиске коррелятов между смысловым содержанием высказывания и формой его выражения. В контексте данной статьи проблематика сводится к выявлению признаков, характеризующих концептуальные категории авторских сознаний (АС) Нгуена, Уайтхед, Гриера, на материале нарративов современных произведений [Nguyen 2015, 2016; Whitehead 2016; Greer 2017]. Актуальность исследования также подтверждается применением терминологического аппарата, используемого в концептуальных исследованиях текста. Так, например, в работе [Hasan 2014 <http>] автор, при анализе контекста, «...relating the concept of context to that of register that led to the introduction of the three parameters of field, tenor and mode», оперирует такими терминами, как «field, tenor and mode», в нашей работе – «ассоциативно-смысловое поле (АСП), смысл и способ воздействия».

Методология исследования

Целью данной статьи является поиск доказательств того, что концепт *memory* (как организующий концепт среди других компонентов концептуальной категории АС, в частности, концептов *ethics, power, dual, global*) является основополагающим для формирования сюжета художественного произведения и построения ассоциативно-смыслового поля, связанного с памятью / *memory* (АСП *Memory*). В *задачи* исследования входит:

- выявление концептуально-смыслового содержания и способов его реализации в текстах произведений современных американских авторов, победителей Пулитцеровской премии (2015–2017 гг.);

- проведение концептуального анализа высказываний из текстов художественных произведений;

- установление концептуально-смысловых, текстовых и синтаксических универсалий, реализованных в текстах произведений, выступающих в качестве вербальных материализаций разновидностей авторского сознания и содержащих концептуальный состав *ethics, memory, power, dual, global*;

- определение концептуально-смысловых «узлов», репрезентированных в форме коммуникативных, лексических и синтаксических особенностей текстов современного художественного нарратива.

Применяемые методы основаны на выделении в качестве элементарной смысловой единицы субъективного смысла, базовой психоментальной единицы – концепта, «элементарной когнитивной единицы когнитивного признака, базовой когнитивно-ментальной единицы – когнитивной структуры. Компоненты динамической (семантической, семиотической, коммуникативной, эмотивной) организации текста как модели сознания автора принципиально соотнесены на основе принципа однофункциональности» [Бутакова 2001: 17]. Исследовательская методика выявления смысла художественного текста выстраивается с помощью использования понятий «психологическое значение», «личностный смысл», «смысл» [Залевская 1988, 2005; Леонтьев 1977; Павиленис 1983, 1986; Пищальникова 1991–1999, 2010; Сорокин 1985 и др.].

Используемый терминологический аппарат «акцентирует момент личностного участия индивида, его сознания в ментальной, смыслообразующей, речевой деятельности» [Бутакова 2001: 34]. Результатом «персональной» отражательной деятельности человека и приобретения им «в собственность» психологического значения является личностный смысл, трактуемый А. Н. Леонтьевым как «личное отношение субъекта к миру, фиксирующееся в субъективных значениях» [Леонтьев 1977: 147]. В. А. Пищальникова добавляет к этим двум образующим сознания третье – понятие смысла (концепта) как категории, «объединяющей визуальные, тактильные, слуховые, вкусовые, вербальные и другие возможные характеристики объекта» [Пищальникова 1999: 11]. Это понятие необходимо для обозначения явления субъективного содержания сознания, определяющего возможность возникновения личностного смысла как «функциональной актуализации не только какого-либо смыслового компонента психологического значения, но и любого смыслового компонента концепта» [Пищальникова 1999: 11].

Мы **предполагаем**, что ассоциативно-смысловое поле (АСП *Memory*), образованное

в результате мыслительной деятельности сознания личности и когнитивно-смысловой реализации концептуальной категории АС (компоненты: *ethics, memory, power, dual, global*), является основополагающим фактором для формирования сюжета художественного произведения и наполнения его определенным смысловым содержанием. **Концептуальная категория**, представленная концептами как «мысленными образами материального или идеального объекта, непосредственно связанными в сознании с соответствующими языко-

выми знаками» [БЛС 2008: 264], является **объектом** нашего исследования.

В результате анализа условно-эталонных произведений одного автора [Nguyen 2015, 2016] были выделены характерные ассоциативно-смысловые (концепт *memory*; субстанциональные концепты *global, power*; концепты-регулятивы *ethics, dual*) и «узловые» выдвижения – АСП образующие особенности: широкая представленность слов-интернационализмов, односоставных высказываний и пролонгированных цепных чередований (табл. 1).

Таблица 1

Моделирование АСП Memory на материале текстов произведений Вьет Тан Нгуена «*The Sympathizer*» и «*Nothing ever dies*» [Nguyen 2015, 2016]

КОМПОНЕНТЫ КАТЕГОРИИ АС	ВЫСКАЗЫВАНИЯ	СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА КАК КОМПОНЕНТА КАТЕГОРИИ АС
Концепт-регулятив <i>ethics</i>	“... ethical memory calls for remembering one’s own and remembering others, we also need to recognize that industries of memory constrain ethical vision” < ... > “Why is it possible to murder millions and yet impossible to imagine pure forgiveness or just forgetting? Shouldn’t mass murder be impossible? The fault is our own. There is no one else to blame for the limits of our spirit and our imagination ” [Nguyen 2016: 121, 290]	Регулятивное воздействие концепта <i>ethics</i> на субстанциональные концепты при создании новых смыслов в художественном и публицистическом нарративе
Концепт <i>memory</i>	“Yes, remembering and forgetting entwine together, a double helix making us who we are, one never without the other” [Nguyen 2016: 303]. “Lastly, I sorted through the rest of my books and my records, most purchased in the States and all bearing the fingerprints of memory ” [Nguyen 2015: 13]	Организирующее участие концепта <i>memory</i> в формировании семантики нарратива и продуцировании АСП <i>memory</i>
Концепт <i>power</i>	“We need an art that enacts powerful memory , an art that speaks truth to power even when our side exercises and abuses that power” [Nguyen 2016: 267]. “My memories feel as powerful to me as yours feel to you, regardless of any differences in our places in the world, but if you have access to the megaphones of industrial memory , your memories are more powerful than mine” [Nguyen 2016: 115]	Участие концепта <i>power</i> в формировании семантики нарратива художественного и публицистического повествований
Концепт-регулятив <i>dual</i>	“I am a spy, a sleeper, a spook, a man of two faces . Perhaps not surprisingly, I am also a man of two minds ” < ... > “It was, instead, the best kind of truth , the one that meant at least two things ” < ... > “To them he’s one of us , and to us he’s one of them . Neither one thing nor another” [Nguyen 2015: 1, 116, 207, 370]. “...those Americans who often do not know what to make of Vietnam and want to know what to make of it” [Nguyen 2016: prologue]	Регулятивное воздействие концепта <i>dual</i> на субстанциональные концепты при создании смысла двойственности
Концепт <i>global</i>	“Marking each one is an obelisk , a monument, or a sculpture, usually of a trio of heroes, sometimes including a heroine, tall enough to be visible from a distance” < ... > “The greatest work of collective memory these defeated people have created is not a museum or a memorial or a work of fiction but is instead their archipelago of overseas communities...” [Nguyen 2016: 23, 40]	Реализация <i>глобализма</i> как компонента категории АС повествователя

Е. Е. Петрова пишет: «в художественном тексте можно выделить АСП разных рангов:

поле автора, персонажа, художественного пространства и времени, того или иного объ-

екта воплощенной в тексте действительности <...> АСП как организующие лексические текстоструктуры можно выделить не только в рамках отдельного художественного произведения, но и в рамках литературного жанра в целом» [Петрова 2010: 31–32].

Выявление концептуально-смыслового содержания и способов его реализации в тексте произведений современных американских авторов осуществляется методом концептуального анализа произведений. «Концептуальный анализ (КА) предстает как поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и определяют бытие знака как известной когнитивной структуры. Семантический анализ связан с разъяснением слова, КА – идет к знаниям о мире. <...> интерес представляют и непосредственные результаты КА применительно к такому слову духовной культуры, как *память*, которое сейчас обретает множество новых значений и демонстрирует модель развития определенных ключевых слов» [Кубрякова 1991: 85].

Одной из значимых категорий авторского сознания является концептуальная категория, представленная концептами, активно участвующими в наполнении текста доминантным смыслом. «Концепт (лат. *conceptus* 'мысль, понятие') – мысленный образ материального или идеального объекта, непосредственно связанный в сознании с соответствующим языковым знаком. При помощи концепта называется содержание понятия, выражается мысль. <...> Д. С. Лихачев, Е. С. Кубрякова считают, что концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом сложного взаимодействия семантики слова с личностным опытом народа, с его культурологическим фоном» [БЛС 2008: 264–265].

По мнению В. И. Карасика, О. Г. Прохвачевой, Я. В. Зубковой, Э. В. Грабаровой [Карасик 2005: 8–9] «концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта». Далее в [Карасик 2005: 8–9] выделяется три типа концептов: «1) специализированные этнокультурные и социокультурные концепты, в концентрированном виде выражающие особенности соответствующей культуры, 2) не-

специализированные концепты, культурная специфика которых выражена в меньшей мере и требует поиска скрытых культурно значимых ассоциаций, 3) универсальные концепты, не имеющие культурной специфики». Применив эту классификацию к исследуемым концептам *memory, global, dual, power, ethics*, мы обнаруживаем концепты, классифицируемые по третьему типу, рассматриваемые как универсальные, этно- и культурно не специфичные. В контексте проведенных нами исследований «концептом признавалось объемное психо-ментальное образование, состоящее из ряда компонентов, интегрируемое с помощью слова» [Бутакова 2001: 17].

Наше понимание концепта может быть дополнено следующим. *Концепт* – это ментально-смысловая вербально-закрепленная единица структурной части сознания индивида, связанная с другими концептуальными единицами, образующими категорию сознания. *Концептуальная категория* представляет собой информационное, перцептивное и аффективное пространство сознания индивида, наделяющее его способностью продуцировать смыслы. «...значение и смысл – это содержательные характеристики языковой единицы. Значение – это содержательный стабильный минимум, в котором отражены наиболее важные для языкового коллектива признаки предмета или явления, а смысл – это содержательный вариативный максимум, в котором отражены важные для индивидуума признаки» [Карасик 2005: 10–11]. В [Карасик 2005] взаимоотношение значения и смысла представлено наглядной иллюстрацией – квадратом, разбитым на четыре части «1) смысл слова совпадает с его значением (общеупотребительные слова основного словарного фонда), 2) смысл слова значительно меньше, чем его значение, зафиксированное в толковых словарях (малоизвестные термины науки и техники), 3) смысл слова значительно больше чем его зафиксированное значение (индивидуальное расширение смысла у поэтов, ученых и у всех тех, кто вкладывает дополнительные эмоции в какой-либо фрагмент своего жизненного опыта), 4) смысл слова не имеет ничего общего с его значением (произвольное осмысление неизвестной словесной оболочки). Одна и та же фраза, произнесенная в раз-

личных обстоятельствах, может иметь единое значение, но разные смыслы. В направлении от концепта к значению происходит опредмечивание опыта, его нивелировка <...> В направлении от концепта к смыслу происходит распредмечивание знака, фиксирующего опыт, осуществляется самоидентификация человека как мыслящего существа» [Карасик 2005: 13].

ЗНАЧЕНИЕ <<< КОНЦЕПТ <<< СМЫСЛ

Рис. Взаимоотношение значения, концепта и смысла

Рисунок 1 демонстрирует взаимоотношение значение ← концепт («опредмечивание, нивелировка значения», смысловое сужение) и концепт → смысл («распредмечивание знака», смысловое расширение).

Непараметрические (концепты, имеющие предметное содержание, в отличие от параметрических: «пространство», «время», «количество», «качество») в [Карасик 2005: 31] разбиваются на регулятивные и нерегулятивные. К первым относятся те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент («счастье», «долг», «щедрость» и др.), ко вторым – синкретичные ментальные образования разного характера («путешествие», «подарок», «здоровье» и др.). В нашем исследовании к регулятивным или иначе концептам-регулятивам относятся такие ментальные образования, как *ethics, dual* (по аналогии с *challenge* и *absurd* в [Карасик 1995: 34, 44]) к синкретичным (греч. *synkretismos* 'соединение', 'слитность', 'нерасчлененность' [БЛС 2008: 545–546]) или, иначе, нерегулятивным / субстанциональным – *memory, power, global*. Рассматривая концепты как компоненты в составе концептуальной категории, мы подразумеваем их способность к взаимодействию и взаимообмену данными в процессе мышления. Взаимодействие регулятивных и нерегулятивных концептов обеспечивает целостность деятельности сознания, протекающей на основе комплексных вербально-авербальных перцептивных процессов. Применение указанных методов позволяет установить концептуальные универсалии в организации текстов произведений

и наполнении их определенным смысловым содержанием, «узлов» АСП, основанных на компонентах концептуальной категории, формирующих авторское сознание (АС).

Обсуждения и результаты. В результате проведенного ранее анализа, описанного в наших статьях [Мячин 2019а: 44–51; Мячин 2019b: 54–63], были сделаны выводы о компонентах состава концептуальной категории АС. Среди наиболее частотных, доминирующих концептов, актуализирующих определенное содержание с активным потенциалом продуцирования смысла в составе концептуальной категории АС, были выделены следующие концепты: концепты-регулятивы *ethics, dual*; концепты *memory, power, global*. Концепт *memory* является организующим концептом среди других компонентов концептуальной категории, он формирует АСП *Memory*, поскольку репрезентирует личностный деятельностный опыт автора, активно участвует в формировании сюжета художественного произведения, наполняет его личностно-ориентированным смысловым содержанием, несет большой объем смысловой нагрузки. Перечисленные концепты как компоненты категории АС представлены в таблице 1.

Наши предыдущие работы [Мячин 2019а: 44–51; Мячин 2019b: 54–63] показали, что структурная организация дескриптивных отрывков текста, формирующих АСП, у Вьет Тан Нгуена в обобщенно-схематичном плане может быть представлена следующим образом:

Motivation + Statement → *Abstract* (2) + *Combination* (4) + *Taste* (1) + *Combination* (2) + *Vision* (1) + *Combination* (1) + *Hearing* (2) + *Vision* (2/**MEMORIES**) + *Combination* (3) + *Missing* (2) + *Touch* (1) + *Vision* (2) + *Hearing* (2) + *Smell* (2/*appetizing reek*) + *Combination* (1) + *Smell* (3/3**stickiness of situation*) + *Hearing* (1) + *Vision* (2) + *Touch* (1/*our mother's hand*) = **Personal Memory** → **Your memory** [Мячин 2019а: 47]. Такая форма организации текста описания с потенциалом формирования АСП *Memory* является способом передачи основ понятийной организации личностного смысла.

Результаты, полученные ранее и представленные в [Мячин 2019а: 44–51; Мячин 2019b: 54–63], были использованы нами в качестве маркеров-критериев, указывающих на возможные смысловые универсалии, встречающиеся в текстах художественных произведе-

ний современных авторов, лауреатов Пулицеровской премии по литературе. «Смысловая доминанта „memory“ внутри смыслового поля „love–life–war–memory–sensation“, обнаруженная нами ранее в „The Sympathizer“ остается таковой и в публицистике „Nothing ever dies“. Анализ публицистического произведения „Nothing ever dies“ подтвердил сохраняющуюся актуальность доминантного концепта „memory“, значимого концепта „power“, а также позволил нам выделить и описать свойства концептов-регулятивов „ethics“ и „dual“» [Мячин 2019b: 61]. «Несомненно, что для Н. С. Болотновой на первом плане находится текст и его прагматические свойства. В нем акцентируется особая организованность лексических элементов, их нацеленность на адресата, предполагающая систему контекстных выдвиганий, образующих в сознании читателя „узел“; классифицируются способы выдвигания и виды „узлов“; сравниваются семантическая и лексическая структуры текста. Эти принципы выдвигания и понятие „узлов“ объясняют разные способы воздействия определенного текста на читателя. Такие „узлы“, как представляется, – места смысловых и эмоциональных доминант текста, играющих существенную роль во всей смысловой системе» [Бутакова 2001: 79]. Целесообразно проанализировать художественные произведения последовательно и далее выделить «узловые контекстные выдвигания», а также зафиксировать представленность концепта *memory* и способы его реализации как одного из основных смысло- и текстообразующих категориальных компонентов АСП Memory. Далее представлены лексические и синтаксические «узловые контекстные выдвигания», полученные на материале текстов художественного нарратива исследуемых авторов.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ «УЗЛОВЫЕ КОНТЕКСТНЫЕ ВЫДВИЖЕНИЯ»

1. Вербальная реализация концепта *memory* в высказываниях, содержащих лексемы «*memory*», «*remember*», «*reminisce*» (“*Less*”, *Andrew Sean Greer*).

“*Less is having a memory from nearly thirty years before: walking out of an Erasure concert with his friend, stoned, learning that the Democrats had retaken the Senate, and walking into his bar and declaring: ‘We*

want to sleep with a Republican! Who’s a Republican?’ < ... > ‘He wanders down from the bookstore to his old neighborhood, where he lived after college, and it gives him a chance to reminisce about the old West Village. All gone now: ...’ < ... > Sometimes it seems only Arthur Less remembers how downright filthy...” [Greer 2017: 40, 26].

Как видно из приведенных примеров, высказывания, содержащие лексемы «*memory*», «*remember*», «*reminisce*», являются частью нарратива в составе описания. Эти лексемы, репрезентируя воспоминания главного героя произведения, актуализируют концепт *memory* и соответствующий смысл в составе концептуальной категории. Главный герой произведения, который, по утверждению Е. В. Падучевой, является «аналогом говорящего», раскрывает определенные личностные аспекты памяти автора [Падучева 1996]. Лексемы, актуализирующие концепт *memory*, являются частотными в корпусе текста анализируемого произведения, а сюжетная линия построена на воспоминаниях главного действующего лица. Высказывание «*sometimes it seems only Arthur Less remembers...*» высвечивает пресуппозицию автора о том, что «должны помнить многие», хоть и кажется, что «помнит только Артур Лесс».

2. Включение автором «новой» гендерно-языковой нормы в состав повествования.

На наш взгляд, авторское сознание (АС) является художественным вариативным проявлением языкового сознания личности. Категориальные признаки, проявляющиеся в «коллективном сознании» определенной общности людей, находят свое место в виде компонентов индивидуального (авторского) сознания личности. Определенные смысловые категории АС способны проявляться в творческой деятельности автора таким образом, что это выразится в тексте в виде конкретной модификации лингвокультурной нормы, так или иначе связанной с гендером. Приведем пример:

“*Arthur Less has, for the past decade and a half, remained a bachelor. This came after a long period of living with the older poet Robert Brownburn, a tunnel of love he entered at twenty-one and excited, blinking in the sunlight, in his thirties*” [Greer 2017: 9].

Данный отрывок демонстрирует не узальное отношение двух имен собственных

в контексте «*a tunnel of love*». Именно ненормированным с точки зрения традиционной грамматики является взаимоотношение имен собственных с единым гендером в контексте семейных отношений, а на указанный контекст дополнительно указывает слово «*bachelor*» – «холостяк». Сочетание имен собственных Arthur Less (мужской род) – Robert Brownburn (мужской род) в контексте семейных отношений не является нормированным с точки зрения традиционной грамматики английского языка, однако реализуется автором этого произведения. Аналогичным образом высказывание «*he married him*», присутствующее в тексте художественного произведения [Greer 2017], взламывает общепринятый концептуальный стандарт «*he married her*» или «*she married him*» и формирует новую языковую реальность в границах продуцируемого АСП. В этом, на наш взгляд, проявляются наиболее заметным образом особенности АСП, формируемого АС в контексте анализируемого литературного произведения. Эта новая языковая реальность в свою очередь является отражением определенных социальных и морально-этических процессов и трендов современного американского общества, проецируемых на ассоциативно-смысловое поле (при участии концепта-регулятива *ethics*). Другими словами, процессы, происходящие в объективной реальности, были конвертированы АС в язы-

ковую реальность из состояния «не норма» в состояние «норма».

3. Сознательное нарушение актуальной языковой нормы автором через применение лексем «nigger», «negro», «black» и их производных («The Underground Railroad», Colson Whitehead).

В лексике современного английского языка лексемы «nigger», «negro», «black» являются табуированными и не используются для обозначения лиц африканского происхождения. В целом принято опускать указывающие наименования по этническому признаку, а если и использовать, то употреблять такие лексические варианты, как: *an African-American (person)*, *afro-American*; эвфемизмы *tanned*, *dark-skinned*. Следующие высказывания из текста иллюстрируют случаи сознательного нарушения языковой нормы автором: «The two plantations were well-stocked, *ninety head of nigger on the northern half...*»; «*Everybody knew niggers didn't have birthdays*»; «*When black blood was money, the savvy businessman knew to open the vein*» [Whitehead 2016: 7–23]. Художественное произведение Колсона Уайтхеда «The Underground Railroad» [Whitehead 2016] основано на исторических событиях начала XIX века во времена процветания рабовладения в Южных Штатах США. «Представляется важным отметить, что роман во многом явился рефлексией на научно-общественный

Таблица 2

Моделирование АСП на материале текста произведения Эндрю Гриера «Less» [Greer 2017]

КОМПОНЕНТЫ КАТЕГОРИИ АС	ВЫСКАЗЫВАНИЯ	СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА КАК КОМПОНЕНТА КАТЕГОРИИ АС
Концепт-регулятив <i>ethics</i>	“A rose-water smell from the box summoned, instantly, a dictatorial woman with a tight bun, hectoring him with questions” [Greer 2017: 9, 25]	Регулятивное воздействие концепта, как категории АС, на субстанциональные концепты при создании новых смыслов
Концепт <i>memoory</i>	“If asked about Carlos, Less always calls him ‘one of my oldest friends.’ The date of their first encounter can be pinpointed precisely: Memorial Day , 1987” < ... > “Let us take that time machine after all, but to a destination almost twenty years later. Let us land ourselves in mid-2000 ^s San Francisco, a house in the hills, on Saturn Street” < ... > “He showed up at low squat Delmarva High School (even squatter than in memoory), thinking of how far he had come” [Greer 2017: 9, 10, 30]	Организирующее участие компонента категории АС в формировании семантики нарратива

Концепт <i>power</i>	“Arose-water smell from the box summoned, instantly, a dictatorial woman with a tight bun, hectoring him with questions ” [Greer 2017: 25]	Участие компонента концептуальной категории АС в формировании семантики нарратива
Концепт-регулятив <i>dual</i>	“ Either Less is an asshole, or the heart is a capricious thing. It is not impossible both are true” < ... > “ People think of Americans as easy-going, but in fact they are all dead serious, especially about their local culture...” [Greer 2017: 28, 33]	Регулятивное влияние компонента категории АС на субстанциональные концепты при создании новых смыслов
Концепт <i>global</i>	“And then, almost at the end of their lives together, a novel. Kalipso: a retelling of the Calypso myth from <i>The Odyssey</i> , with a World War II soldier...” [Greer 2017: 29]	Реализация «глобализма» повествователя

Таблица 3

Моделирование АСП на материале текста произведения Колсона Уайтхед «The Underground Railroad» [Whitehead 2016]

КОМПОНЕНТЫ КАТЕГОРИИ АС	ВЫСКАЗЫВАНИЯ	СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА КАК КОМПОНЕНТА КАТЕГОРИИ АС
Концепт-регулятив <i>ethics</i>	“Terrance scratched his cane in the dirt. It had been his father’s cane, topped with a silver wolf’s head . Many remembered its bite on their flesh ” < ... > “Then it comes, always – the overseer’s cry, the call to work , the shadow of the master, the reminder that she is only a human being for a tiny moment across the eternity of her servitude ” [Whitehead 2016: 31, 29]	Регулятивное воздействие концепта как компонента категории АС на субстанциональные концепты при создании новых смыслов АСП
Концепт <i>memory</i>	“Terrance scratched his cane in the dirt. It had been his father’s cane, topped with a silver wolf’s head. Many remembered its bite on their flesh” < ... > “He complained of noises and black spells that blotted his memory ” < ... > “Occasionally Cora’s mind tricked her and she’d turn the story into one of her memories ...” [Whitehead 2016: 31, 32, 12]	Организирующее участие концепта в формировании семантики нарратива
Концепт <i>power</i>	“Then it comes, always – the overseer’s cry, the call to work , the shadow of the master, the reminder that she is only a human being for a tiny moment across the eternity of her servitude ” < ... > “Terrance scratched his cane in the dirt. It had been his father’s cane, topped with a silver wolf’s head . Many remembered its bite on their flesh ” [Whitehead 2016: 29, 31]	Дескриптивное участие концепта в формировании семантики нарратива
Концепт-регулятив <i>dual</i>	“It was enough that he was the oldest colored man they had ever met, that he had survived every torment big and small white men had concocted and implemented ” < ... > “She said goodbye without saying goodbye ” [Whitehead 2016: 25, 54]	Регулятивное влияние концепта на субстанциональные концепты при создании новых смыслов АСП
Концепт <i>global</i>	“The locomotive pulled one single car, a dilapidated boxcar missing numerous planks in its walls” < ... > “The balls were arranged in a pyramid , the chains trailing off in S shapes” < ... > “He told her that Fletcher had made contact with one slave previous but the man never made it to the rendezvous ” < ... > “He became a woodworker, apprenticing at a nearby shop owned by a broad-minded Unitarian ” < ... > “The woodworkers toiled all through the night ... Minotaurs , busy mermaids, and other fantastic creatures frolicked in the wood” [Whitehead 2016: 71, 66, 53, 51, 46]	Реализация «глобализма» повествователя через реализацию субстанциональной категории АС в художественном нарративе

дискурс конца XX в., когда появились исследования, в которых прошлое подвергается тщательному пересмотру исходя из принципов новых компетенций взаимоотношений исторического знания и феномена коллективной памяти» [Морозова 2018: 736].

В этом произведении концепт *memoiry* реализуется в нарративе, основанном на реальных исторических событиях, а именно – описание жизни темнокожего населения в начале XIX в. в США. Автор создает реалистичную исторически-правдивую картину тех лет, и поэтому употребление лексем «*nigger*», «*negro*», «*black*», «*slave*» и их производных является закономерным и оправданным в контексте реалий тех лет. Замещение указанных лексем любыми другими привело бы к потере достоверности и точности смыслов, содержащихся в нарративе, чего автор, заинтересованный в том, чтобы его произведение представляло культурно-историческую ценность, допустить не может. Также для автора представляется важным с морально-этической точки зрения внести свой вклад в сохранение памяти для того, чтобы история «несправедливости» и дискриминации по этническому принципу никогда более не повторилась. Регулятивное воздействие концепта *ethics* состоит в формировании «моста», «*overlap*» – «нахлеста» / «совпадения» [Underhill 2002], соединяющего интересы писателей и читателей, и, в то же время, ценностного ориентира – «маяка», обозначающего актуальное для широкой американской пишущей и читающей общественности.

Анализируя это произведение, И. В. Морозова пишет: «Мысль о принадлежности собственного тела черному человеку отчетливо отражена и в паратекстуальном компоненте романа: перед каждой главой, посвященной месту пребывания героини, Уайтхед помещает объявление о поимке беглянок. Первые пять являются подлинными документами рабовладельческих времен» [Морозова 2018: 740].

Thirty Dollar Reward // «*Ran away from the subscriber... a negro girl by the name of LIZZIE. It is supposed that said girl is in the vicinity of Mrs. Steel's plantation. I will give the above reward on the delivery of the girl...*» [Whitehead 2016: 10].

СИНТАКСИЧЕСКИЕ «УЗЛОВЫЕ КОНТЕКСТНЫЕ ВЫДВИЖЕНИЯ»

1. Экзегетический повествователь и авторские отступления.

К особенностям организации повествования в произведении «*Less*» [Greer 2017] следует отнести «повествование от третьего лица по экзегетическому типу» [Падучева 1996: 203] и авторские отступления в основном корпусе текста. Повествователь не входит во внутренний мир текста, а проявляет себя только изредка через введение в текст авторских отступлений:

“But he was not his son – he was an orphaned nephew, shipped off to his next of kin in San Francisco. How do I describe him? Big eyed, with brown sun-streaked hair and a truculent demeanor in those days...” [Greer 2017: 11]; *“Is it his first time in Mexico? No. Arthur Less visited Mexico nearly thirty years ago...”* [Greer 2017: 51].

Так, например, в авторском отступлении «*How do I describe him?*» повествователь проявляет авторское намерение «как субъекта оценок или диалогических реакций» [Падучева 1996: 203] реализовать интенцию автора в обращении к читателю. Исследуемый текст изобилует авторскими лирическими отступлениями, оформленными при помощи круглых скобок:

“The woman (courtesy requires introductions: Caroline Dennis, in software; Freddy would come to know her very well) yipped”; “He did get the ‘shack’ when Robert decamped to Sonoma (mortgage paid off after Robert’s Pulitzer)...” [Greer 2017: 12, 30].

На наш взгляд, авторские лирические отступления придают повествованию неформальный тон, делают имплицитный диалог автора и читателя более доверительным и свободным. Внесение дополнительной информации в круглых скобках предоставляет автору возможность практически в любой момент повествования проявить себя в его составе, добавить недостающие содержательные компоненты: дополнить, поправить, пояснить или прокомментировать. У читателя в свою очередь создается впечатление, что автор максимально открыт, ничего не скрывает от читателя и старается избежать двусмысленности. Такое незримое присутствие экзегетического повествователя делает нарратив более лаконичным и содержательным, поскольку лирические отступления вписаны в основной

текст, что позволяет избежать введения автора как персонажа.

2. Использование однокомпонентных вводных слов (First, Second, Third, Fourth...).

“What a ramshackle itinerary he has nailed together! First: this interview with H.H.H. Mandern. This gets him plane fare to New York City < ... > Second: a conference in Mexico City. It is the kind of event that for years, Less < ... > Third: Turin. Less is dubious. He is supposedly up for a prestigious award < ... > Sixth: to India. Who gave him this peculiar idea? Carlos, of all unlikely people < ... > And, finally: to Japan...” [Greer 2017: 18–21].

Введение однокомпонентных вводных слов в состав повествования приводит к тому, что текст становится сжатым и кратким. Подобный способ оформления высказываний характерен для дневников, записных книг, блокнотов, электронных устройств фиксации текста и т. п. Краткость, информативность и языковая экономия – это требования, которым язык *media* должен соответствовать сегодня, чтобы успешно внедриться в бурный информационный поток. Художественное произведение не относится напрямую к медийному жанру, однако мы отмечаем факт возможного влияния современных цифровых (на электронных носителях) способов письма на традиционные формы, характерные для художественного произведения.

3. Применение пролонгированного цепного чередования.

“Nothing has changed about the joint: not the doorman, dubious of anyone wanting to enter; not the framed portrait of an older Charlie Chaplin; not the lounge whose curved bar serves the young swiftly and the old tardily; not the black grand piano whose player (as in a Wild West saloon) dutifully plays whatever he is ordered to (Cole Porter, mostly); not the striped wallpaper, nor the shell-shaped scones, nor the clientele” [Greer 2017: 39].

Описание «кабака» (*the joint*) открывается словом с отрицательным значением *nothing*, за которым следует пять случаев применения отрицательного слова *not* с номинативом. Закрывается цепное чередование с помощью союза *nor-nor*, связывающего однородные члены в завершающей связке. Прагматика применения пролонгированного цепного чередования такова, что автору недостаточно просто сказать, что в «кабаке» ничего не изменилось.

Ему необходимо сделать на этом смысловой акцент, разобрав интерьер помещения по частям и применить отрицание к каждой его отдельной части.

Иной авторский способ акцентирования сообщаемого смысла можно продемонстрировать на следующем примере:

“Life with doubt. Doubt in the morning, with the oil beading on a cup of coffee... Doubt in the sound of the front door opening and closing – a restless walk, no good-bye – and in the return. Doubt in the slow sound of typewriter keys. Doubt at lunchtime, taken in his room. Doubt vanishing in the afternoon like the fog. Doubt driven away. Doubt forgotten” [Greer 2017: 66].

Главное определяющее слово, скрепляющее микротекст по смыслу, – это слово *doubt* – *сомнение*, актуализирующее обозначаемый смысл. Многократное повторение слова *doubt* способствует акцентированию особой значимости этого понятия в жизни главного героя. Артур Лесс (Arthur Less), главный герой произведения, являясь аналогом повествователя, представлен как сомневающийся человек, который принимает некоторые решения других людей, касающиеся его жизни, не подвергая их критическому осмыслению. Символично также то, что автор «поселил» Артура «*on the Vulcan Steps*» [Greer 2017: 21] – «у подножия вулкана», где человек, пусть смелый и неординарный, сильно зависим от природных или, иначе сказать, внешних факторов.

4. Правило трех повторений.

Среди прочих характерных свойств текста, которые формируют особую организацию некоторых высказываний, – соблюдение правила трех повторений:

“Listen listen listen, you can't have us together. We haven't seen each other in almost thirty years”; “... and suffering, suffering, suffering”; “He floats through the Frankfurt airport in a dream, thinking: Passport, wallet, phone, passport, wallet, phone”; “The answer, as always: money, money, money” [Greer 2017: 63, 66, 77, 20].

Полагаем, что мотивация применения автором троекратного повторения состоит в коммуникативной обусловленности и узальности ритмического чередования двух ударных и одного безударного элементов для системы английского языка. «*It is common knowledge that English rhythm prefers a pattern in which stressed syllables alternate with unstressed ones*»

[Соколова 2004: 89]. Ритм высказывания среды прочего достигается чередованием акцентированных и не акцентированных слов, что позволяет предположить, что правило трех повторов является здесь коммуникативно-обуловленным.

5. Использование высказываний с опущениями.

Односоставные высказывания становятся заметными, контрастируя с традиционными двусоставными высказываниями. Приведем пример, в котором применяется традиционный двусоставный способ оформления высказывания по базовым правилам грамматики английского языка:

"You drink it, he is informed, with an orange slice that has been coated in toasted worms. 'You are kidding me,' Less says, but they are not kidding him" [Greer 2017: 62].

Это предложение является двусоставным с наличием всех регламентируемых элементов – главных членов предложения: подлежащего и сказуемого. Кроме того, в этом высказывании используются полные, а не сокращенные формы слов: *he is informed*, а не *he's informed*; *they are not kidding him*, а не *they're not kidding him*, что способствует выбору этого высказывания для сравнения, как содержащего первоначальные формы. Двусоставные высказывания, оформленные с применением полных грамматических форм, без опущений, являются базовыми для анализируемого текста; однако в большом количестве встречаются и односоставные высказывания – глагольные или именные.

"...about whom literally nothing is known. Not even their names. Less imagines a priest..."; "...smile when he walked sulkily out of his office to the bathroom. Taking nothing personally. And did you sometimes..."; "Poetry every day. A novel every few years. Something happened in that room..."; "...checks his armrest, and finds an ashtray in it still. Charming or alarming? A chime rings..." [Greer 2017: 65–79].

6. Односоставные высказывания.

Следующие далее высказывания являются примерами односоставных высказываний из произведения Колсона Уайтхед «The Underground Railroad»: *"Ajarry spent three months as the property of a Welsh-man who eventually lost her, three other slaves, and two hogs in a game of whist. And so on"* < ... > *"Finally, Georgia. A representative of the*

Randall plantation bought her..." < ... > *"But pretend-ers stepped from the wings. Ava. Cora's mother and Ava grew up..."* < ... > *"The Randall brothers. Since he was a young boy, James could be placed by a treat..."* [Whitehead 2016: 6, 23].

Высказывания с опущением групп номинативов, предикатов или служебных слов больше характерны для разговорного стиля речи. «...deletion, i.e. elimination of some elements of the sentence in various contextual conditions. As a result of deletion the corresponding reduced constructions are produced. E.g.: Would you like a cup of tea? → A cup of tea? It's a pleasure! → Pleasure!» [Блох 2003: 307]. Односоставные высказывания, как правило, более свойственны устной разговорной речи, следовательно, являются более коммуникативно-ориентированными.

Выводы. Каждое из анализируемых произведений характеризуется тем, что декодирование его содержания реципиентом приводит к формированию АСП (АСП Вьетнам, АСП Рабовладение, АСП Свободная Любовь). АСП строятся с компонентным участием концептов *ethics, memory, power, dual, global*, при этом концепт *memory* выдвигается в качестве доминантного смыслового «узла» в анализируемой концептуальной категории АС. Смысловое содержание анализируемых текстов представлено нарративом, в котором реализовано множеством субстанциональных и функциональных концептов (*ethics, memory, power, dual, global*). Выделенные АСП, созданные контекстным выдвижением «лексических и синтаксических узлов», строятся на основе выдвижения доминантного смыслового «узла» – концепта *memory*, в составе концептуальной категории АС. Принцип делимости, репрезентированный концептом *dual*, характеризует особенности организации повествования: война между коммунистами Севера и республиканцами Юга Вьетнама; двойственность присутствует в описании главного героя произведения: тайного агента, «способного видеть две стороны», а также характеризует некоторые особенности авторского сознания Вьет Тан Нгуена – этнического вьетнамца, проживающего в США. Концепт *global* реализуется в текстах произведений через применение слов интернационализмов (таблицы 1–3), репрезентирующих глобализм пове-

ствователей. Концепт *memory* является доминантным смысловым «узлом», основополагающим для смыслового наполнения содержания произведения, поскольку все, что связано с памятью, организует сюжетную линию и скрепляет повествование в корпусе текста. Таким образом, АСП, продуцируемые АС с организующим выдвиганием доминантного смыслового «узла» – концепта *memory*, смоделированное на основе текстового содержания художественного произведения Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer», может схематично быть представлено следующим образом:

Love – Life – War ↔ **Memory** ↔ *Sensation – Children = Your Memory* ↔ **Collective Memory**.

В произведении Колсона Уайтхед «Underground Railroad» [Whitehead 2016] доминантной смысловой «узлом» реализован автором через актуализацию некоторых компонентов категории АС, имеющих отношение к феномену коллективной памяти. Сюжетная линия основана на реальных исторических событиях начала XIX в. в период «рабовладения» в Южных Штатах США. В основе повествования и построения сюжета, который содержит как реальные исторические факты, так и вымышленные события, находятся репрезентанты концепта *memory*, актуализирующие воспоминания угнетаемого темнокожего населения.

Концепт *dual* организует принцип делимости, проявляется в структуре повествования и смысловой организации произведения: различия в правах между темнокожим и белым населением, зарождающаяся гражданская война между Южными и Северными штатами США. Выдвижение концепта *memory* скрепляет повествование во всем корпусе текста и «помогает» автору, через реализацию компонентов категории АС, организовать сюжетную линию нарратива. Таким образом, АСП, продуцируемое автором через реализацию категории АС с активным организующим участием доминантного смыслового «узла», концепта *memory*, смоделированное на основе текстового содержания художественного

произведения Колсона Уайтхед «Underground Railroad», может быть представлено следующим образом:

Love – Life – Labor – Freedom ↔ **Memory** ↔ *Justice – Children = Your Memory* ↔ **Collective Memory**.

В произведении Эндрю Гриера «Less» [Greer 2017] концепт *memory* реализован таким образом, что сюжетная линия основана на ретроспективном взгляде главного героя на прожитые годы. Жизненный путь Артура Лесс находится в основе повествования и построения сюжета, который содержит как реальные исторические факты, предположительно перекликаясь с реальной жизненной историей автора романа, так и вымышленные события. Нарратив, содержащий воспоминания и факты жизнеописания главного героя произведения, и компоненты (*memory, ethics, power, dual, global*) категории АС являются основополагающими для структурирования сюжетной линии и наполнения текста соответствующим смысловым содержанием. Следовательно, АСП, продуцируемое автором при участии компонентов категории авторского сознания с организующим выдвиганием концепта *memory*, может быть схематично представлено следующим образом:

Free-love – Life ↔ **Memory** ↔ *Sensation – Loneliness = Your Memory* ↔ **Collective Memory**.

Таким образом, три разных автора в трех самостоятельных произведениях продуцируют три различных АСП со сходным базовым основополагающим «узловым» смысловым элементом – концептом *memory*:

1. **АС** (Вьет Тан Нгуен) → *The Sympathizer* → **АСП** (*Вьетнам*) = *Love – Life – War* ↔ **Memory** ↔ *Sensation – Children = Your Memory* ↔ **Collective Memory**.

2. **АС** (Колсон Уайтхед) → *The Underground Railroad* → **АСП** (*Рабовладение*) = *Love – Life – Labor – Freedom* ↔ **Memory** ↔ *Justice – Children = Your Memory* ↔ **Collective Memory**.

3. **АС** (Эндрю Гриер) → *Less* → **АСП** (*Свободная любовь*) = *Free-love – Life* ↔ **Memory** ↔ *Sensation – Loneliness = Your Memory* ↔ **Collective Memory**.

Литература

- Блох, М. Я. A Course In Theoretical English Grammar / М. Я. Блох. – М. : Высшая школа, 2003. – 423 с.
 БЛС – Большой лингвистический словарь / под ред. В. Д. Стариченко. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811 с.
 Болотнова, Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н. С. Болотнова. – Томск, 1992.

Бутакова Л. О., Мячин К. А. Компонентный состав концептуальной категории «темоту»...

Бутакова, Л. О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект : дис. д-ра филол. наук / Бутакова Л. О. – Омск, 2001. – 457 с.

Залевская, А. А. Понимание текста: психолингвистический подход / А. А. Залевская. – Калинин, 1988.

Залевская, А. А. Текст и его понимание / А. А. Залевская // Слово. Текст. Избранные труды. – М. : Гнозис, 2005. – С. 335–467.

Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности : коллективная монография / под ред. проф. Н. С. Болотновой. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. – 482 с.

Кубрякова, Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – С. 85–90.

Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М., 1977.

Морозова, И. В. Коллективная память в романе Колсона Уайтхеда «Подземная железная дорога» / И. В. Морозова // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. – 2018. – Т. 28, № 5. – С. 736–741.

Мячин, К. А. Синтаксические особенности ритмической организации микротекста и модальность его восприятия (на материале произведения Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer») / К. А. Мячин // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2019а. – № 1 (35). – С. 44–51. – DOI: 10.17238.

Мячин, К. А. Концепты «Ethics», «Memory», «Power» в кросс-жанровом сравнительном анализе (на материале произведений Вьет Тан Нгуена «Nothing ever dies» и «The Sympathizer») / К. А. Мячин // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019б. – № 9 (206). – С. 54–63. – DOI: 10.23951.

Павиленис, Р. С. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка / Р. С. Павиленис. – М., 1983.

Павиленис, Р. С. Понимание речи и философия языка / Р. С. Павиленис // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов.

Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

Петрова, Е. Е. К вопросу об ассоциативно-смысловых полях (на примере поля «Fear») / Е. Е. Петрова // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2010. – № 8. – С. 31–36.

Пищальникова, В. А. Психопоэтика : монография / В. А. Пищальникова. – Барнаул : Издательство Алтайского университета, 1999.

Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики. Ч. 3. Психопоэтика / В. А. Пищальникова. – М. : АСОУ, 2010. – 144 с.

Соколова, М. А. Теоретическая фонетика английского языка / М. А. Соколова. – М. : Владос, 2004. – 286 с.

Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю. А. Сорокин. – М., 1985.

Cambridge Dictionary. – URL: dictionary.cambridge.org/dictionary/english/humor (mode of access: 04.02.2020). – Text : electronic.

Chomsky, N. Syntactic structures / N. Chomsky. – Mouton and Co, 1957. – 117 p.

Finch, G. Key concepts in language and linguistics / G. Finch. – Palgrave : Macmillan, 2005. – 249 p.

Greer, A. S. Less / A. S. Greer. – New York : Back Bay Books ; Little, Brown and Company, 2017. – 261 p.

Hasan, R. Towards a paradigmatic description of context: systems, metafunctions, and semantics / R. Hasan. – Text : electronic // Functional linguistics. – 2014. – № 1. – P. 9. – URL: functionallinguistics.springeropen.com/articles (mode of access: 13.03.2020).

Nguyen, V. T. Nothing Ever Dies. Vietnam and the Memory of War / V. T. Nguyen. – Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2016. – 360 p.

Nguyen, V. T. The Sympathizer / V. T. Nguyen. – New York : Grove Press, 2015. – 367 p.

Pinker, S. The language instinct. How the mind creates language / S. Pinker. – Perennial publ., 1994. – 525 p.

Underhill, A. Sound Foundations. Living Phonology / A. Underhill. – Oxford : Macmillan Publishers Limited, 2002. – 210 p.

Whitehead, C. The Underground Railroad / C. Whitehead. – New York : Doubleday, 2016. – 313 p.

References

Blokh, M. Ya. (2003). *A Course in Theoretical English Grammar*. Moscow, Vysshaya shkola. 423 p.

Bolotnova, N. S. (1992). *Khudozhestvennyi tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyi analiz edinits leksicheskogo urovnya* [Fiction text in communicative aspect and comprehensive analysis of units of the lexical level]. Tomsk.

Bolotnova, N. S. (Ed.). (2011). *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regul'yativnost' v tekstovoi deyatel'nosti* [Communicative stylistics of the text: Lexical regulation in textual activity]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 482 p.

Butakova, L. O. (2001). *Avtorskoe soznanie kak bazovaya kategoriya teksta: kognitivnyi aspekt* [Author's consciousness as the basic category of the text: The cognitive aspect]. Dis. d-ra filol. nauk. Omsk. 457 p.

Cambridge Dictionary. (2020). URL: dictionary.cambridge.org/dictionary/english/humor (mode of access: 04.02.2020).

Chomsky, N. (1957). *Syntactic structures*. Mouton and Co. 117 p.

Finch, G. (2005). *Key concepts in language and linguistics*. Palgrave, Macmillan. 249 p.

Greer, A. S. (2017). *Less*. New York, Back Bay Books, Little, Brown and Company. 261 p.

Hasan, R. (2014). Towards a paradigmatic description of context: Systems, metafunctions, and semantics. In *Functional linguistics*. No. 1, p. 9. URL: functionallinguistics.springeropen.com/articles (mode of access: 13.03.2020).

- Kubryakova, E. S. (1991). Ob odnom fragmente kontseptual'nogo analiza slova pamyat' [About one fragment of the conceptual analysis of the word *memory*]. In *Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty*. Moscow, Nauka, pp. 85–90.
- Leont'ev, A. N. (1977). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow.
- Morozova, I. V. (2018). Kollektivnaya pamyat' v romane Kolsona Uaitkheda «Podzemnaya zheleznaya doroga» [Collective memory in Colson Whitehead's novel "Underground Railroad"]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya*. Vol. 28. No. 5, pp. 736–741.
- Myachin, K. A. (2019). Kontsepty «Ethics», «Memory», «Power» v kross-zhanrovom sravnitel'nom analize (na materiale proizvedenii V'et Tan Nguena «Nothing ever dies» i «The Sympathizer») [The concepts of "Ethics", "Memory", "Power" in cross-genre comparative analysis (based on the works of V. T. Nguyen's "Nothing ever dies" and "The Sympathizer")]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 9 (2016), pp. 54–63. DOI: 10.23951.
- Myachin, K. A. (2019). Sintaksicheskie osobennosti ritmicheskoi organizatsii mikroteksta i modal'nost' ego vospriyatiya (na materiale proizvedeniya V'et Tan Nguena «The Sympathizer») [Syntactic features of the rhythmic organization of microtext and the modality of its perception (based on V. T. Nguyen's "The Sympathizer")]. In *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. No. 1 (35), pp. 44–51. DOI: 10.17238.
- Nguyen, V. T. (2015). *The Sympathizer*. New York, Grove Press. 367 p.
- Nguyen, V. T. (2016). *Nothing Ever Dies. Vietnam and the Memory of War*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press. 360 p.
- Paducheva, E. V. (1996). *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic research (Semantics of time and aspect in Russian; Semantics of narrative)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 464 p.
- Pavlenis, R. S. (1983). *Problema smysla: Sovremennyi logiko-filosofskii analiz yazyka* [The problem of meaning: Modern logical and philosophical analysis of the language]. Moscow.
- Pavlenis, R. S. (1986) Ponimanie rechi i filosofiya yazyka [Understanding of speech and philosophy of language]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow. Issue 17. Teoriya rechevykh aktov.
- Petrova, E. E. (2010). K voprosu ob assotsiativno-smyslovyykh polyakh (na primere polya «Fear») [To the question of associative-semantic fields (by the example of the field "Fear")]. In *Problemy romano-germanskoi filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*. No. 8, pp. 31–36.
- Pinker, S. (1994). *The language instinct. How the mind creates language*. Perennial publ. 525 p.
- Pishchal'nikova, V. A. (2010). *Istoriya i teoriya psikholingvistiki. Ch. 3. Psikhopoetika* [History and theory of psycholinguistics. Part 3. Psychopoetics]. Moscow, ASOU. 144 p.
- Pishchal'nikova, V. A. (1999). *Psikhopoetika* [Psychopoetics]. Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta.
- Sokolova, M. A. (2004). *Teoreticheskaya fonetika angliiskogo yazyka* [Theoretical phonetics of the English language]. Moscow, Vldos. 286 p.
- Sorokin, Yu. A. (1985). *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya teksta* [Psycholinguistic aspects of the study of the text]. Moscow.
- Starichenok, V. D. (Ed.). (2008). *Bol'shoi lingvisticheskii slovar'* [Large linguistic dictionary]. Rostov-on-Don, Feniks. 811 p.
- Underhill, A. (2002). *Sound Foundations. Living Phonology*. Oxford, Macmillan Publishers Limited. 210 p.
- Whitehead, C. (2016). *The Underground Railroad*. New York, Doubleday. 313 p.
- Zalevskaya, A. A. (1988). *Ponimanie teksta: psikholingvisticheskii podkhod* [Text comprehension: A psycholinguistic approach]. Kalinin.
- Zalevskaya, A. A. (2005). Tekst i ego ponimanie [Text and its comprehension]. In *Slovo. Tekst. Izbrannye trudy*. Moscow, Gnozis, pp. 335–467.

Данные об авторах

Бутова Лариса Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, славянского и классического языкознания, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия).

Адрес: 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а.

E-mail: larisabut@rambler.ru.

Мячин Константин Александрович – аспирант, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия); старший преподаватель, Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан).

Адрес: 150000, Казахстан, г. Петропавловск, ул. Пушкина, 86.

E-mail: konstmyai@mail.ru.

Author's information

Butakova Larisa Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, Slavic and Classical Linguistics, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk, Russia).

Myachin Konstantin Aleksandrovich – Post-Graduate Student, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk, Russia); Senior Lecturer of Department of Germanic-Romance Philology, North Kazakhstan State University named after M. Kozybayev (Petropavlovsk, Kazakhstan).

COMPARATIVE ANALYSIS OF MATERIAL NOUNS SEMANTICS IN RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES

Ol'ga L. Sokolova

Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7055-9104>

Abstract. The scope of the study includes material nouns in Russian and French. The author clarifies the concept of material nouns and differentiates them from related phenomena - collective nouns or nouns with a collective meaning. The research methods are presented in stages. The first stage incorporates: selection of material nouns from dictionaries by the stepwise identification method and subdivision of the corpus of material nouns into 11 thematic groups. The second stage includes: analysis of dictionary definitions, component analysis of the semic structure and comparison of the volume of the lexical meaning of equivalent pairs in two languages. The third stage presupposes a study of polysemy in the class of material nouns, design of models of metonymical and metaphorical transfer, and analysis of the productivity of these models in the languages under comparison. The author also reveals the typical patterns of broadening and narrowing of the meaning of material nouns. At the fourth stage, the study analyzes two contrasting and mutually complementary phenomena: the transition of material nouns to other lexico-grammatical classes and the growth of the class of material nouns due to conversion of units of other classes. The author briefly analyzes the functioning of material nouns in literary texts in order to describe occasional authored usage of material nouns to create vivid expressive images. The comparative research has revealed more similarities than differences. Material nouns in the languages under comparison most often have similar lexical meanings and demonstrate similar mechanisms of semantic development. Quantitative differences in the realization of certain models are mainly associated with different approaches to compiling dictionaries of the literary language and, secondly, with the morphological features of the languages under comparison, such as the specific features of substantive derivation, the semantics of the plural, the morphological expression of parts of speech, etc.

Key words: comparative linguistics; material nouns; polysemy; semantics; semic analysis.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Соколова О. Л.

Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7055-9104>

Аннотация. Объектом исследования послужили вещественные существительные в русском и французском языках. Автор уточняет понятие вещественных существительных, отграничивает их от смежных явлений – собирательных существительных или существительных с собирательным значением. Методология исследования представлена поэтапно. Первый этап: отбор вещественных существительных из словарей методом ступенчатой идентификации и объединение корпуса вещественных существительных в 11 тематических групп. Второй этап: анализ словарных дефиниций, компонентный анализ семной структуры и сопоставление объема лексического значения эквивалентных пар в двух языках. Третий этап – исследование полисемии в классе вещественных существительных, построение моделей метонимического, метафорического переноса, анализ продуктивности этих моделей в сопоставляемых языках. Автор также выявляет закономерности расширения и сужения значения вещественных существительных. На четвертом этапе анализируются два разнонаправленных и взаимодополняющих явления: переход вещественных существительных в другие лексико-грамматические классы и пополнение класса вещественных существительных за счет конверсии единиц других классов. Автор кратко анализирует функционирование вещественных существительных в художественных текстах с целью описать окказио-

нально-авторское употребление вещественных существительных для создания ярких экспрессивных образов. Сопоставительное исследование выявляет больше сходств, чем расхождений. Вещественные существительные в сопоставляемых языках чаще всего имеют сходное лексическое значение и демонстрируют сходные механизмы семантического развития. Количественные расхождения в реализации тех или иных моделей связаны, в основном, с различными подходами к составлению словарей литературного языка и, во-вторых, с морфологическими особенностями сопоставляемых языков, такими как особенности субстантивной деривации, семантика множественного числа, морфологическая выраженность частей речи и т. д.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика; вещественные существительные; полисемия; семантика; семный анализ.

Для цитирования: Соколова, О. Л. Сопоставительный анализ семантики вещественных существительных в русском и французском языках / О. Л. Соколова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 100–107. – DOI: 10.26170/FK20-03-08.

For citation: Sokolova, O. L. (2020). Comparative Analysis of Material Nouns Semantics in Russian and French Languages. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 100–107. DOI: 10.26170/FK20-03-08.

Introduction. L'étude comparative de classes de mots isolés et de systèmes lexicaux entiers représente traditionnellement un des centres d'intérêt des linguistes. Les problèmes discutés au cours de ces études (l'expression des catégories grammaticales, les liens profonds entre les significations lexicales et grammaticales, la motivation et la forme interne des mots, les sèmes principaux et secondaires de la signification, la régularité de la polysémie, etc.) sont notamment conditionnés par les besoins de la lexicographie moderne liés aux perspectives de la traduction par intelligence artificielle, notamment.

Rappel de la problématique. Dans la pensée linguistique il est généralement admis que la catégorie de matérialité a peu de moyens d'expression proprement langagiers ce qui explique le fait que les noms de matière sont souvent considérés indirectement et ne représentent pas souvent un objet d'étude en soi. Tout d'abord, cela est dû à l'incertitude du concept de matérialité elle-même. Qu'est-ce qu'une matière, une substance, comment des objets isolés sont formés à partir de la masse amorphe d'une matière, quelle est la différence entre les objets composés de la même matière-substance – ce sont les questions philosophiques et ontologiques plutôt que purement linguistiques. En linguistique, certains phénomènes liés directement ou indirectement à la catégorie de matérialité sont plus au moins décrits: les noms collectifs, comptables et non-comptables, les particularités du singulier et du pluriel dans certains groupes des noms etc [Tatarinova

1987; Niklas-Salminen 2015; Essono 1998; Beleva 2000; Gak 2000; Borisova 2002].

Plusieurs chercheurs avaient classé les noms de matière en groupes thématiques, l'appartenance de certains groupes thématiques aux noms de matière étant souvent contestée [Tatarinova 1987; Khabibullina 2002; Borisova 2000].

Les particularités de la catégorie du nombre et la transposition des noms de matière, utilisés au pluriel, dans une autre catégorie lexico-grammaticale comme noms de chose ou noms abstraits en russe et en français sont décrits de manière assez détaillée [Dubois, Lagane 1973; Lya-shevskaya 1999].

La polysémie des noms, y compris les noms de matière a été décrite dans plusieurs ouvrages, les chercheurs faisant plutôt attention aux particularités de l'utilisation de l'article partitif et au passage des noms comptables dans la classe de non-comptables et inversement [Kleiber 1999; Reprintseva 1999; Beleva 2000; Khabibullina 2002].

Les problèmes de lexicologie comparative qui attendent encore leur solution sont suivants : le volume de la signification lexicale des noms de matière dans les langues comparées, la polysémie régulière et occasionnelle dans la classe des noms de matière avec ou sans transition vers d'autres classes lexico-grammaticales et, finalement, les différents moyens de formation des noms de matière et leurs potentiel dérivationnel.

Les noms de matière sont définis comme les noms désignant les substances, les objets indiscrets et continus qui ne forment pas une entité

séparée, ne peuvent pas être comptés mais uniquement pesés ou mesurés (*eau, sable, plomb*). Ces objets indiscrets et continus conservent leur statut face à la rupture de leur intégrité, les relations entre une unité et une multitude ne peuvent pas leur être attribuées, tandis que les relations entre une partie et le tout, au contraire, caractérisent leur façon d'être [Gak 2000: 121].

Méthodologie. L'objet de notre étude est donc les noms de matière en russe et en français contemporain. L'étude porte sur les définitions des 763 et 688 noms de matière russes et français respectivement. L'échantillonnage a été réalisé à partir des dictionnaires unilingues. L'analyse comparative est la méthode essentielle utilisée lors de l'étude, les données étant sélectionnées par la méthode de l'identification par étapes, l'analyse des composants, l'analyse sémique. L'unification des sèmes similaires a été utilisée lors de l'analyse comparative de la structure de la signification lexicale des noms de matière et de leurs dérivés ainsi que de leurs significations secondaires ou figurées.

L'analyse comparative est réalisée autour de quatre champs de recherche : établir les différences et les similitudes de la signification lexicale des noms de matière en russe et en français, formuler les modèles de transfert de sens lors de la création des nouvelles significations, comparer la productivité de ces modèles dans les langues russe et française contemporaines, tracer les pistes du passage des noms de matière dans les autres classes des noms et inversement.

L'analyse de la sémantique dans le cadre de notre étude inclut l'inventaire le plus complet possible des composants de la signification lexicale: les composants dénotatifs (sèmes génériques, spécifiques), et connotatif (éléments émotionnels, expressifs, évaluatifs et stylistiques). Ensuite, il est nécessaire de comparer la nomenclature des sèmes et leur statut dans la structure de la signification des noms de matière équivalents. Il peut y avoir trois types de relations : soit la nomenclature et le statut des sèmes dans les deux définitions est identique, soit un sème est présent dans une définition et absent dans l'autre, soit le statut d'un sème dans les deux définitions est différent, par exemple, le sème est spécifique dans une langue et éventuel dans l'autre.

Les enjeux de l'analyse de la polysémie des noms de matière consistent en conceptualisation

des mécanismes de la nomination secondaire dans le cadre du transfert métaphorique, métonymique, ainsi que de l'extension, de la restriction, de la généralisation, de la concrétisation et du glissement de la signification.

Les critères de la délimitation des groupes thématiques des noms de matière sont suivants :

1) selon le mot-identificateur dans la définition représentant le plus souvent le sème générique (*nourriture, médicament, élément chimique*);

2) selon les sèmes désignant le domaine de l'utilisation de la matière (*utilisé dans la construction ou utilisé en parfumerie*);

3) quelques petits groupes ont été réunis en plus grands afin d'éviter le morcellement de la classification (groupe de substances «la nature non-vivante»).

Selon notre étude, les noms de matière en russe et en français forment 11 groupes thématiques:

- 1) produits alimentaires;
- 2) éléments chimiques;
- 3) compositions chimiques;
- 4) substances médicinales et toxiques;
- 5) tissus, fourrures, matériaux en papier et en cuir;
- 6) matériaux de construction;
- 7) groupe de substances «nature non-vivante»;
- 8) groupe de substances «nature vivante»;
- 9) substances fumantes, aromatiques et cosmétiques;
- 10) déchets, résidus et produits de décomposition;
- 11) autres substances.

Notre étude a montré que les groupes thématiques de noms de matière dans les langues russe et française étaient identiques ce qui, cependant, ne saurait surprendre. Nous expliquons cela par le fait évident que la plupart des personnes parlant le russe et le français existent dans des conditions culturelles et historiques similaires, sont à peu près au même niveau du développement. Il existe des écarts quantitatifs dans certains groupes thématiques, notamment, les groupes thématiques «aliments», «médicaments», «compositions chimiques», «matériaux de construction», «tissus» et «déchets» comptent plus de vocables en russe et le groupe thématique «substances aromatiques» est plus nombreux en français. Ces différences ne sont pas très considérables et peuvent être

expliquées, entre autres, par les différentes approches dans les traditions lexicographiques russe et française.

Lors de l'analyse comparative de la polysémie des noms de matière, nous avons identifié 8 modèles productifs de la métonymie lexicale. Certains modèles avaient été déjà décrits dans les ouvrages scientifiques [Lopatnikova, Movshovich 2001; Niklas-Salminen 2015; Lehmann, Martin-Berthet 1998; Essono 1998], dans ces cas nos données ne font que confirmer l'expérience précédente. Les modèles « plante – substance provenant de cette plante », « substance – lieu du traitement ou de l'utilisation », « substance – symbole d'une notion abstraite », à notre connaissance, n'ont pas été caractérisés avant

1) matériel – produit (en français : *fer* – '*métal*' et '*fer à cheval*' ; en russe : *медь* – '*cuivre*' (*métal*) et '*instruments de musique à vent de cuivre*', '*pièce de monnaie en cuivre*');

2) substance – action produite à l'aide de cette substance (en français : *shampooing* – '*lavage des cheveux*' et '*liquide moussant pour laver les cheveux*'; en russe : *мастика* – '*action du mastiquer*' et '*substance visqueuse pour sceller les fissures*');

3) nom géographique – produit (en français : *cognac* – ville et '*alcool fort de la région du même nom*', *vichy* – ville, '*tissu de coton de Vichy*' et '*eau minérale de Vichy*'; en russe le modèle n'est pas productif en raison de l'existence des marqueurs morphologiques des parties de discours);

4) une partie et le tout (en français : *crocodile* – animal et '*peau de crocodile*'; en russe : *ныжик* – '*petit veau du cerf*' et '*sa fourrure*');

5) plante – substance provenant de cette plante (en français : *alfa* – '*plante herbacée*' et '*papier à partir des fibres de cette plante*'; en russe : *соя* '*soja*' – '*plante herbacée*' et '*sauce piquante de ses grains*');

6) substance – moment ou lieu où la substance est consommée, traitée, etc. (en français : *cocktail* – '*un mélange de diverses boissons*' et '*une réunion de personnes où l'on boit ce genre de boissons*'; en russe : *кварц* '*quartz*' – '*minéral, silice naturelle cristallisée*' et '*irradiation avec une lampe à quartz*');

7) matière – espace occupée par la matière (en français : *air* – '*fluide gazeux*' et '*espace occupé par ce gaz*'; en russe : *вода* '*eau*' – '*liquide transparent*' et '*masse d'eau d'une rivière, d'un lac*');

8) substance – symbole d'une notion abstraite (en français : *or* – '*métal*' et '*symbole de richesse et de haute valeur*'; en russe : *кровь* – '*sang*' – '*liquide vis-*

queux qui circule dans les vaisseaux', '*une parenté étroite*' et '*un bain de sang*').

Comme nous le voyons, outre les modèles métonymiques productifs pour plusieurs catégories lexico-grammaticales, il existe également des modèles spécifiques pour les noms de matière: transfert de sens « plante – matière » et « matière – espace » (modèles 5 et 7). La plupart des modèles sont également productifs dans les langues comparées et le nombre d'exemples pour chaque modèle est approximativement le même. Cependant, il existe des différences significatives dans la réalisation de certains modèles. Par exemple, le modèle 2 « matière – action produite avec cette matière » est beaucoup plus productif en russe – 24 exemples contre 6 en français. Cela s'explique par le fait qu'il existe un grand nombre de verbes dans la langue russe qui désignent différents processus technologiques. Ces verbes sont souvent des mots motivants pour de nombreux noms de matière dérivés : *забелить* – *забелка* '*blanchir* – *blanchissement*' etc, le mot russe *забелка* ayant deux significations : celle de processus technologique et celle de produit utilisé lors de ce processus. Le modèle 3 « nom géographique – produit » n'est pas productif en russe, car, premièrement, le nom du produit selon les lois de la langue russe est une unité lexicale à part (*Шампань* – *шампанское* '*Champagne* (région)' – '*champagne*' (vin)). De plus, les noms de certains produits sont empruntés à d'autres langues et, par conséquent, la réinterprétation en tant que telle ne se fait pas en russe (*xérès* – initialement emprunté à l'espagnol comme nom du vin et non comme nom de la localité).

Nous passons ensuite à l'analyse de la polysémie par transfert métaphorique de signification. Au cours de l'étude, 51 cas ont été trouvés dans la langue française et 47 dans la langue russe. Les modèles de transfert métaphorique dans la classe des noms de matière sont suivants :

1) matière – notion abstraite (en français : *antidote* – '*contrepoison*' et '*remède contre le chagrin*'; en russe : *бальзам* '*baume*' – '*substance parfumée*' et '*quelque chose qui soulage la souffrance*');

2) matière – personne (en français : *dynamite* – '*substance explosive*' et '*homme colérique*'; en russe : *кремень* – '*silex*' et '*homme dur et inflexible*');

3) matière – objet ou animal (en français : *éponge* – '*substance poreuse légère*' et '*animal marin*');

4) matière – matière (en français : *résine* – ‘produit de sécrétion végétale’ et ‘nom de certains types de plastique’; en russe : *крына* ‘gruau’ – ‘produit alimentaire’ et ‘neige sous forme de petits grains’).

La base du transfert métaphorique de signification peut être une similitude dans la fonction ou l’action sur l’organisme vivant (*aliment* – ‘produit alimentaire’ et ‘au figuré : ce qui nourrit, soutient’). Le transfert de sens est également possible s’il y a des sèmes communs décrivant les différentes caractéristiques qualitatives d’une matière et d’un objet (chose, animal ou humain) telles que :

1) apparence (*laque* – ‘gomme rouge’ et ‘laque chimique’);

2) position dans l’espace (*gangue* – ‘matière sans valeur qui entoure un minerai’ et ‘enveloppe’);

3) propriétés physiques telles que la douceur, la dureté, la consistance (*éponge* – animal et matière);

4) «comportements habituels» (*soupe au lait* – ‘plat’ et ‘une personne qui se met facilement en colère’).

Les sèmes communs qui donnent lieu au transfert de signification métaphorique ne sont pas toujours exprimés explicitement, ils peuvent être implicites, éventuels ou potentiels. Souvent, les noms de matière sujets à un transfert métaphorique développent des significations secondaires similaires dans les deux langues comparées.

Nous avons ensuite découvert deux modèles de changement de signification qui ne font pas passer les noms de matière dans les autres classes grammaticales. Autrement dit, les noms de matière gardent leur sens de matérialité.

1) concrétisation-généralisation (en français : *gaz* – ‘toute substance à l’état gazeux’, ‘gaz utilisé pour l’éclairage’ et ‘substance toxique de combat’; en russe *мазь* ‘pommade’ – ‘mélange épais de graisses avec des substances médicinales pour frotter dans la peau’ et ‘substance grasse épaisse pour lubrifier qch’). Fait curieux: le plus souvent, dans les dictionnaires de la langue française, le sens plus large est indiqué le premier, il est ensuite concrétisé par des sèmes spécifiques, et en russe, en premier lieu, il y a un sens plus restreint, qui perd une partie des sèmes différentiels et s’élargit ainsi. Dans certains cas, la restriction du sens des noms de matière en français est associée à un changement de traits grammaticaux ou à un contexte syntagmatique particulier (*matières* – au pluriel peut signifier ‘matières fécales’, alors que *la matière grise* désigne le cerveau);

2) utilisation d’une seule unité lexicale pour nommer des matières de composition similaire utilisées à des fins différentes ou dans des domaines différents (en français : *safran* – épice et *colorant*; en russe : *хром* ‘chrome’ – ‘élément chimique’ et ‘colorant à base de chrome’). Le même vocable désigne souvent des substances de composition similaire, qui diffèrent par le mode de production, l’utilisation, etc. l’une des significations étant souvent stylistiquement marquée (*poudre* – ‘substance solide finement broyée’ et ‘poussière (vieilli)’; en russe : *cupon* ‘sirop’ – ‘solution concentrée de sucre dans l’eau’ et ‘décoction épaisse de jus d’herbes médicinales (pharm.)’).

Nous définissons certains changements de signification comme utilisation de mots occasionnelle ou individuelle de l’auteur. En règle générale, la base de cette utilisation particulière du mot est l’actualisation des sèmes éventuels ou potentiels de la signification. Ces mots sont créés et utilisés pour mettre en oeuvre une image expressive et originale (en français : *une voix de feutre* = ‘une voix sourde’ [Duras 1984]; en russe : *не человек, а мыльная пена* – ‘ce n’est pas un homme, juste de la mousse savonneuse’ – en parlant d’une personne molle, sans caractère [Tolstaya 2003]).

Les sèmes éventuels ou potentiels s’actualisent souvent dans les adjectifs et les verbes, motivés par les noms de matière ou dans les locutions (en français : « *les médicaments feutrent les douleurs* » – c’est-à-dire, ‘adoucisent, enveloppent dans le feutre’ [Calfan 2000]; en russe : *шёлковый голос* ‘une voix de soie’, c’est-à-dire, ‘une voix douce et caressante’ [Soloviev 2017] ou, un exemple amusant et très original *шерстяной голос* ‘une voix de laine’ – un personnage parlait d’une voix de laine parce qu’il avait son bonnet de laine dans la bouche en guise de bâillon [Tolstoï 2018]).

Dans les langues comparées, il existe deux processus complémentaires: premièrement, l’enrichissement du vocabulaire par l’évolution sémantique des noms de matière et, deuxièmement, la création des noms de matière par la voie de l’évolution sémantique des vocables des autres classes grammaticales.

Ainsi, malgré un degré relativement faible de polysémie dans la classe des noms de matière russes et français, ceux-ci sont-ils une source de création de nouveaux vocables comme nous venons de le constater. Les noms de matière peuvent donc devenir noms de choses (en fran-

çais : *charbon – combustible solide, noir, d'origine végétale, tiré du sol* et *'un morceau de charbon'* ; en russe : *бумага – 'papier' – 'matière fabriquée avec des fibres végétales'* et *'document'*); ils peuvent également désigner les espaces (en français : *terre – sol et territoire* ; en russe : *зудрон – 'bitume' – 'produit visqueux noir'* et *'route couverte de ce produit'*). Un nom de matière peut devenir symbole d'une notion abstraite (en français : *plomb – métal et symbole de pesanteur*, en russe : *nom 'sueur' – 'liquide suintant des pores de la peau'* et *'travail dur'*), ou bien peut désigner une personne ou un animal (voir les exemples plus haut).

A leur tour, les noms de matière peuvent provenir par suite de l'évolution sémantique des vocables désignant:

1) les animaux (en français : *agneau – 'animal'* et *'viande'* ; en russe *норка – 'vison' – 'animal'* et *'sa fourrure'*);

2) les plantes (en français : *chêne – 'arbre'* et *'son bois'* ; en russe *шалфей 'saugé' – 'plante'* et *'tisane à base de cette plante'*);

3) les processus technologiques (en français : *lotion – 'préparation'* et *'application de cette préparation'*; en russe : *тканье – 'tissu'* et *'action de tisser'*);

4) les noms géographiques (productif en français : *Havane – La Havane et le tabac de La Havane'*);

5) les noms propres (productif en russe *геркулес – 'Hercule' – 'personnage mythique'* et *'céréales à base d'avoine'*. Nous pourrions y ajouter le sème potentiel *'qui donnent de la force'*).

Les noms de matière peuvent également être formés à partir des mots d'autres parties du discours. Vu les différences morphologiques considérables entre les langues russe et française, la conversion des vocables entre les parties de discours dans les langues comparées présente plus de distinctions que de similitudes. La création des noms de matière se réalise de façon plus ou moins régulière à partir des parties de discours suivantes:

1) adjectifs du genre neutre et participes présents des verbes imperfectifs en russe (*рвотное – 'médicament pour faire vomir'*, *сладкое – 'sucré' – 'désert'*, *болеутоляющее – 'analgésique'*);

2) adjectifs du masculin ou du féminin et participes présents et, plus rarement, participes passés en français : *élastique (tissu)*, *laxatif*, *opaline*, *dés-herbant*, *extrait*.

Nous considérons ces vocables comme noms de matière ayant perdu le mot-identificateur tel

que: *médicament*, *tissu produit*, *Pierre* L'utilisation du participe passé (*extrait – du verbe extraire*) montre que la substance n'effectue pas, mais subit l'action désignée par le verbe motivant. Les noms *opaline – 'verre opale'* et *saccarine* étymologiquement sont formés à partir des formes du genre féminin des adjectifs *opalin – 'ressemblant à l'opale'* et *saccarin – 'lié au sucre'*. La forme du genre féminin s'est très probablement établie en français par analogie avec de nombreux noms de matière du genre féminin avec l'élément *-ine*.

Dans les langues comparées les noms de matière peuvent nommer les couleurs (plus souvent en français) et jouer le rôle d'un attribut invariable: *bordeaux, бордо – 'couleur du vin rouge'*, *rouille – 'couleur de la rouille'*, *moutarde – 'couleur de la moutarde'*.

Conclusion et perspectives. L'étude contrastive de la sémantique des noms de matière en russe et en français nous fait arriver aux conclusions suivantes:

Le nombre des noms de matière dans les langues comparées est relativement égal, une différence insignifiante peut être expliquée, premièrement, par les différentes traditions lexicographiques dans les langues comparées comme l'inclusion dans les dictionnaires de la langue littéraire russe d'un grand nombre de vocables rares, stylistiquement marqués et, deuxièmement, par la présence de lacunes liées à certaines caractéristiques culturelles particulières des peuples parlant le russe et le français.

Dans les langues comparées, les noms de matière forment onze groupes thématiques identiques Il existe des écarts quantitatifs dans certains groupes thématiques. Les groupes thématiques «aliments», «médicaments», «compositions chimiques», «matériaux de construction», «tissus» et «déchets» comptent plus de vocables en russe et le groupe thématique «substances aromatiques» est plus nombreux en français. Ces différences sont dues aux différences susmentionnées dans les traditions lexicographiques russe et française.

Dans la plupart des cas, le volume de la signification lexicale des noms de matière dans les langues comparées est le même. Les différences dans le volume de la signification des noms de matière équivalents sont enregistrées dans les cas où dans une des langues la définition des noms de matière possède un sème spécifique in-

diquant: 1) les particularités de la composition de la matière; 2) l'origine de la matière d'un lieu particulier; 3) le domaine de l'utilisation limitée de la matière. Le nombre de ces cas dans les langues comparées est approximativement égal, de sorte qu'il est impossible de conclure que dans l'une des langues, le volume de la signification des noms de matière soit plus large ou plus étroite.

La formation des significations secondaires dans les langues comparées se réalise par un transfert métonymique et métaphorique, ainsi que par extension et restriction de la signification. Nous avons construit et analysé 8 modèles de métonymie lexicale, dont deux («plante – matière» et «matière – espace») sont des modèles spécifiques des noms de matière, les autres modèles fonctionnent également dans d'autres classes lexico-grammaticales. La mise en œuvre de ces modèles dans les langues comparées est à peu près la même en termes quantitatifs, à l'exception du modèle «matière – action», qui est plus productif en russe, et du modèle «nom géographique – matière», qui est plus productif en français. Les divergences s'expliquent, premièrement, par un grand nombre de noms spéciaux russes désignant un processus technologique et la substance utilisée dans ce processus. Deuxièmement, l'asymétrie est due à la facilité de transition des adjectifs français dans la classe des noms et vice versa.

Le transfert métaphorique de la signification est possible à la base de sèmes communs caractérisant l'apparence, les fonctions, la position dans l'espace, les propriétés physiques de la substance et ses «comportements typiques». Le transfert métaphorique fait d'un nom de matière le nom d'une autre matière, ainsi qu'un nom de personne, d'animal, d'un objet et de certaines notions abstraites. Dans la plupart des cas, les noms de matière sujets à un transfert métaphorique du sens dans les deux langues développent des significations secondaires similaires.

L'extension et la restriction de la signification des noms de matière en russe sont deux fois

plus fréquentes que dans la langue française. En règle générale, dans ces cas, il s'agit de matières de composition similaire, présentant certaines différences dans l'utilisation et dans leur façon de production.

L'évolution sémantique et la conversion morphologique des vocables dans les langues comparées sont bidirectionnelles: les noms de matière peuvent passer dans les autres classes et les vocables des autres classes peuvent devenir noms de matière. Notre étude établit les modèles productifs de ce transfert dans les deux langues.

L'étude révèle un grand nombre de caractéristiques similaires des langues comparées: les mêmes groupes thématiques des noms de matière, les modèles de polysémie proches dans la classe étudiée, les sources d'enrichissement du vocabulaire de la langue. Nous expliquons ces similitudes par le caractère ouvert des systèmes linguistiques et par la proximité des conditions culturelles et historiques qui, à notre avis, existe entre les deux peuples. Certaines différences quantitatives et qualitatives dans la réalisation de certains modèles sont dues à des approches différentes adoptées dans les traditions nationales de lexicographie, à des différences dans la structure grammaticale des langues comparées.

Nous associons les perspectives d'études ultérieures des noms de matière en russe et en français au développement des problèmes suivants:

1) l'analyse du fonctionnement de noms de matière dans le discours visant à la détection et la systématisation de sèmes potentiels dans leur signification;

2) les problèmes de la traduction des noms de matière ayant une valeur stylistique particulière résultant de l'utilisation individuelle et occasionnelle dans le discours oral et écrit.

Une étude envisagée implique un appel à un matériel linguistique spécifique, notamment, à des exemples d'utilisation de noms de matière dans la littérature de fiction, les textes de mass-média, l'audiovisuel, ainsi qu'à la participation des sujets parlants.

Литература

Белеева, И. Д. Сопоставительное исследование русских и французских существительных с развитой многозначностью : дис ... канд. филол. наук / Белеева И. Д. – Екатеринбург, 2000. – 216 с.

Борисова, Т. Г. Словообразовательная категория вещественных имен существительных с мутационным словообразовательным значением в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Борисова Т. Г. – Ставрополь : Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2002. – 231 с.

Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 831 с.

- Лопатникова, Н. Н., Мовшович Н.А. Лексикология современного французского языка / Н. Н. Лопатникова, Н. А. Мовшович. – М. : Высшая школа, 2001. – 247 с.
- Ляшевская, О. Н. Нестандартное числовое поведение русских существительных : дис. ... канд. филол. наук / Ляшевская О. Н. – М. : Изд-во Всероссийского института научной и технической информации, 1999. – 215 с.
- Репринцева, Н. М. Контрастивный анализ лексической группировки как основа ее лексикографического описания : дис. ... канд. филол. наук / Репринцева Н. М. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1999. – 240 с.
- Соловьев, Л. В. Повесть о Ходже Насреддине / Л. В. Соловьев. – М. : Речь, 2017. – 496 с.
- Татаринова, Т. И. Категории вещественности и собирательности имени существительного в современном русском языке в сопоставлении с белорусским : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Татаринова Т. И. – М. : Изд-во Моск. обл. пед. ин-та им. Н.К. Крупской, 1987. – 16 с.
- Толстая, Т. Н. Круг : рассказы / Т. Н. Толстая. – М. : Эксмо, 2003. – 248 с.
- Толстой, А. Н. Золотой ключик или приключения Буратино / А. Н. Толстой. – М. : Лабиринт, 2018. – 140 с.
- Хабибуллина, Э. Х. Системно-функциональный статус абстрактных субстантивов множественного числа во французском, русском и татарском языках : дис. ... д-ра филол. наук / Хабибуллина Э. Х. – Чебоксары : Изд-во Чувашского гос. ун-та, 2002. – 277 с.
- Calfan, N. *L'étouffé-coeur* / N. Calfan. – Paris : Flammarion, 2000. – 206 p.
- Dubois, J., *La nouvelle grammaire du français* / J. Dubois, R. Lagane. – Paris : Larousse, 1973. – 265 p.
- Duras, M. *Lamant* / M. Duras. – Paris : Les éditions de minuit, 1984. – 146 p.
- Essono, J-M. *Précis de linguistique générale* / J-M. Essono. – Paris : Hartmann, 1998. – 165 p.
- Kleiber, G. *Problèmes de sémantique. La polysémie en question* / G. Kleiber, . – Septentrion : Edition Presses universitaires de Septentrion, 1999. – 220 p.
- Lehmann, A. *Introduction à la lexicologie* / A. Lehmann, F. Martin-Berthet. – Paris : Edition Dunod, 1998. – 206 p.
- Niklas-Salminen, A. *La lexicologie* / A. Salminen. – Paris : Edition Armand Collin, 2015. – 224 p.

References

- Beleeva, I. D. (2000). *Sopostavitel'noe issledovanie russkikh i francuzskikh sushchestvitel'nykh s razvitoj mnogoznachnost'yu* [Comparative study of Russian and French nouns with highly developed polysemy]. Dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg. 216 p.
- Borisova, T. G. (2002). *Slovoobrazovatel'naya kategoriya veshchestvennykh imen sushchestvitel'nykh s mutacionnym slovoobrazovatel'nykh znacheniem v sovremennom russkom yazyke* [Derivational category of material nouns with mutational derivational meaning in modern Russian]. Dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol. 231 p.
- Calfan, N. (2000). *L'étouffé-coeur*. Paris, Flammarion. 206 p.
- Dubois, J., Lagane, R. (1973). *La nouvelle grammaire du français*. Paris, Larousse. 265 p.
- Duras, M. (1984). *Lamant*. Paris, Les éditions de minuit. 146 p.
- Essono, J-M. (1998). *Précis de linguistique générale*. Paris, Hartmann. 165 p.
- Gak, V. G. (2000). *Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moscow, Dobrosvet. 831 p.
- Habibullina, E. Kh. (2002). *Sistemno-funkcional'nyj status abstraktnykh substantivov mnozhestvennogo chisla vo francuzskom, russkom i tatarskom yazykah* [Systemic-functional status of abstract plural substantives in French, Russian and Tatar languages]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Cheboksary. 277 p.
- Kleiber, G. (1999). *Problèmes de sémantique. La polysémie en question*. Septentrion, Edition Presses universitaires de Septentrion. 220 p.
- Lehmann, A., Martin-Berthet, F. (1998). *Introduction à la lexicologie*. Paris, Édition Dunod. 206 p.
- Lopatnikova, N. N., Movshovich, N. A. (2001). *Leksikologiya sovremennogo francuzskogo yazyka* [Lexicology of the modern French language]. Moscow, Vysshaya shkola. 247 p.
- Lyashevskaya, O. N. (1999). *Nestandartnoe chislovoe povedenie russkikh sushchestvitel'nykh* [Non-standard number declension of Russian nouns]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 215 p.
- Niklas-Salminen, A. (2015). *La lexicologie*. Paris, Edition Armand Collin. 224 p.
- Reprintseva, N. M. (1999). *Kontrastivnyj analiz leksicheskoj gruppировki kak osnova ee leksikograficheskogo opisaniya* [Contrastive analysis of lexical grouping as the basis of its lexicographic description]. Dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh. 240 p.
- Solov'ev, L. V. (2017). *Povest' o Hodzhe Nasreddine* [The story of Nasreddin Hodja]. Moscow, Rech'. 496 p.
- Tatarinova, T. I. (1987). *Kategorii veshchestvennosti i sobiratel'nosti imeni sushchestvitel'nogo v sovremennom russkom yazyke v sopostavlenii s belorusskim* [Categories of material and collective nouns in modern Russian in comparison with Belarusian]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 16 p.
- Tolstaya, T. N. (2003). *Krug : rasskazy* [Circle: Stories]. Moscow, Eksmo. 248 p.
- Tolstoy, A. N. (2018). *Zolotoj klyuchik ili prikladyeniya Buratino* [The Golden Key or the Adventures of Buratino]. Moscow, Labirint. 140 p.

Данные об авторе

Соколова Ольга Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620114, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62.

E-mail: Sokolova_oa@usue.ru.

Author's information

Olga Leonidovna Sokolova – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics (Ekatereburg, Russia).

ТРАЕКТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX–XXI ВЕКОВ

УДК 821.161.1-1. DOI 10.26170/FK20-03-09. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-45.
ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.01

ГРОТЕСК В ЛИРИЧЕСКИХ ПОЭМАХ С. ЕСЕНИНА И В. МАЯКОВСКОГО 1920-х годов

Скрипова О. А.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0001-8619-6101>

А н н о т а ц и я . В статье исследуется семантика и функции гротеска в лирических поэмах 1920-х годов. Это переломная, кризисная эпоха, вызвавшая активизацию гротескной эстетики. В центре внимания – экспрессионистские поэмы С. Есенина «Кобыльи корабли» (1919) и В. Маяковского «Про это» (1923), в которых модернистский гротеск играет роль стилевой доминанты. Рассматривается коллизия гротескного превращения своего мира в чужой, остранение традиционных романтических образов, алогичная метафорическая визуализация абстрактных понятий, вызывающая ощущение сюрреалистического кошмара. На примере поэмы «Кобыльи корабли», с которой связан переход Есенина к имажинизму, прослежено, как создается целостный образ антимира, уделяется внимание мотивной композиции в поэме, особенно развитию мотива голода, а также деформации телесных и природных образов, алогичному совмещению несовместимого. В есенинской лирической поэме гротеск становится способом сопротивления новому социальному порядку, идеологии «светлого будущего». В поэме Маяковского «Про это» прослежена тесная связь гротеска и двойничества, гротеска и метаморфоз, подчеркивающих фантазмагорический характер окружающей действительности. Делается акцент на причудливом совмещении бытовых и природных, бытийных образов. Автор показывает, что лирический сюжет в поэме разворачивается как масштабный фантастический эксперимент, который обнаруживает трагическую несовместимость романтического идеала с эпохой. Несмотря на различия творческих индивидуальностей двух поэтов, в поэмах Маяковского и Есенина обнаруживаются общие черты в характере лирического героя, в частности – готовность к самопожертвованию, которая отличает его от бездушных обывателей. Гротеск у Есенина и Маяковского становится способом материализовать, визуализировать мучительное внутреннее переживание лирического субъекта, прежде всего болезненное ощущение собственного отчуждения от мира. Делается вывод о том, что с помощью гротеска в поэмах происходит масштабное лирическое осмысление наиболее характерных противоречий времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а : гротеск; экспрессионизм; лирический герой; лирическая поэма; В. Маяковский; С. Есенин.

GROTESQUE IN THE LYRIC POEMS BY S. ESEIN AND V. MAYAKOVSKIY OF THE 1920s

Olga A. Skripova

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8619-6101>

Abstract. The article investigates the semantics and functions of grotesque in the lyric poems of the 1920s. This was a transitional, critical period stirring the rise of grotesque aesthetics. The study focuses on the expressionist poems “The Mare’s Ships” (1919) by S. Esenin and “About this” (1923) by V. Mayakovskiy, in which the modernist grotesque plays the role of a stylistic dominant. The article considers the collision of grotesque transformation of one’s own world into an alien one, estrangement of traditional romantic images, non-logical metaphorical visualization of abstract notions leading to a feeling of surrealist nightmare. Considering as an example the poem “The Mare’s Ships”, related to Esenin’s transition to imagism, it is traced how the holistic image of an antiworld is created. Attention is also attracted to the motif composition of the poem, especially to the deformation of corporal and natural images and to non-logical combination of incompatible things. In Esenin’s lyric poem, grotesque becomes a way to resist the new social order and the ideology of “a bright future”. In the poem “About this” by Mayakovskiy, the author of the article distinguishes a close relationship between grotesque and duality, as well as between grotesque and metamorphoses stressing the phantasmagoric nature of the surrounding reality. Emphasis is given to the peculiar combination of domestic and natural images. The author demonstrates that the lyric plot in the poem develops as a large-scale fantastic experiment revealing the tragic incompatibility of the romantic ideal with the present era. In spite of the differences in creative individualities of the two poets, the poems by Mayakovskiy and Esenin exhibit similar features in the personality of the lyric character, and specifically, the readiness to self-sacrifice that distinguishes him from callous inhabitants. For Esenin and Mayakovskiy, the grotesque becomes a way to materialize and visualize the mental sufferings of the lyric character, first of all, the painful feeling of estrangement from the world. It is concluded that in these poems, the grotesque is used for large-scale lyric interpretation of the most typical contemporary contradictions.

Keywords: grotesque, expressionism, lyric character, lyric poem, V. Mayakovskiy, S. Esenin

Для цитирования: Скрипова, О. А. Гротеск в лирических поэмах С. Есенина и В. Маяковского 1920-х годов / О. А. Скрипова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 108–117. – DOI: 10.26170/FK20-03-09.

For citation: Skripova, O. A. (2020). Grotesque in the Lyric Poems by S. Esenin and V. Mayakovskiy of the 1920s. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 108–117. DOI: 10.26170/FK20-03-09.

Многие исследователи отмечают, что гротескная эстетика актуализируется в моменты культурных интервалов, парадигматических кризисов. «Изменение форм гротеска всегда является отражением социальных и духовных противоречий эпохи, что особенно ярко проявляет себя в периоды кризисов» [Канева, Минасян 2017: 16]. Таким периодом были 1920-е годы. В это время экспрессионизм выдвигается на авансцену литературного процесса, становится художественной интенцией, заражающей все другие направления. Категория чужести является основой экспрессионистской эстетики, именно поэтому гротеск рассматривают как стилевую доминанту экспрессионизма. Вообще в модернизме

традиция романтического гротеска получает новое продолжение – в гротескных образах оформляется попытка «воплотить хаос, стоя на хаотической точке зрения» (Й. Бейхер). Как пишет М. Бахтин: «Мир романтического гротеска – это в той или иной степени страшный и чуждый человеку мир. Все привычное, обычное, обыденное, обжитое, общепризнанное оказывается вдруг бессмысленным, сомнительным, чуждым и враждебным человеку. Свой мир вдруг превращается в чужой мир (разрядка М. Бахтина – О. С.). В обычном и нестрашном вдруг раскрывается страшное. Такова тенденция романтического гротеска (в наиболее крайних и резких его формах)» [Бахтин 1990]. Гротескное превращение сво-

его мира в чужой – распространенная коллизия в модернистских поэмах 1920-х годов, причем в центре внимания само переживание этого процесса лирическим субъектом.

Мы попытаемся выявить функцию гротеска в лирических поэмах С. Есенина «Кобыльи корабли» (1919) и В. Маяковского «Про это» (1923). Роднит эти поэмы то, что в них «на первый план выдвигается кричащий диссонанс, выражающий трагическую несовместимость идеала и действительности, омертвление, автоматизацию жизни, искажение ее сущностных свойств» [Бахтин 1990]. Так, в предельно заостренной форме выражается конфликт лирического субъекта с современной эпохой, неслучайно Джон Рескин видел в гротеске форму сопротивления социальному порядку.

Именно с поэмой «Кобыльи корабли» сам Есенин связывает свой переход к имажинизму. Н. Л. Лейдерман, рассматривая имажинизм как вариант экспрессионистской художественной стратегии, отмечает, что «в „Кобыльих кораблях“ поэт впервые создает целостный образ антимира... Здесь все сдвинуто, смещено, сломано, разрушено, и ассоциации, с помощью которых создается образ Человека или Природы, нарочито огрублены, порой даже брутальны, они демонстрируют разрыв, разрушение „узловой завязи“» [Лейдерман 2007: 47]. Ведущая роль в создании образа антимира принадлежит гротеску. Ю. Манн так характеризует гротескный мир: «Перед нами мир не только вторичный по отношению к реальному, но и построенный по принципу „от противного“, или, точнее, вышедший из колеи» [Манн 2017: 11]. Алогизм ощущается уже в названии поэмы, построенном на паронимической аттракции (звуки *к, б, л, и, о* метафорически сближают ключевые слова). Само их соположение и грамматическое объединение допускает разные трактовки. Корабли, принадлежащие кобылам, корабли из кобыл, кобылы, плывущие подобно кораблям? О. Юдушкина видит в названии «метафорическую аллюзию на ветхозаветный эпизод о „Ноевом ковчеге“ – полное разочарование в деяниях человека» [Юдушкина 2014: 58]. Назывные предложения в первой части поэмы развивают «корабельные» и «кобыльи» ассоциации, образы предельно экспрессивны,

окрашены зловещей семантикой: «Рваные животы кобыл», «черные паруса воронов». Это знаки голода и насильственной смерти. В третьей строфе появляется еще одна «корабельная» ассоциация:

Веслами отрубленных рук

Вы гребетесь в страну грядущего [78].

Н. Л. Лейдерман так рассуждает о густой семантике этого образного комплекса: «Здесь и популярная романтическая формула „страна грядущего“, и очень распространенный в поэзии революционных лет возвышенный образ корабля, но весь этот патетический запал уничтожается образом „весел отрубленных рук“ (отрубленные руки – синекдоха, которой испокон веку обозначали пресечение инициативы, самостоятельности, свободы)» [Лейдерман 2007: 48]. Вроде бы это движение вверх: «Плывите, плывите в высь!/Лейте с радуги крик вороной». Но императивы звучат с отчаянием и надрывом, крик вороной предвещает беду, к тому же он обретает особую материальность и плотность. К названию поэмы отсылает и метафора «ржанье бурь» (отметим, что образ бури тоже необычайно популярен в революционной поэзии). Но в поэме Есенина «облетает под ржанье бурь черепов златохвойный сад». Здесь возвышенный, поэтически сложный эпитет, вызывающий ассоциацию с осенью, листопадом, оттеняет зловещую метафору «сад черепов»; стирается граница между красотой и ужасом, связанным с массовой гибелью. Рожь ассоциируется с синей конницей, но это лишь сон, а наяву «скачет по полю стужа». Эпатирует и сравнение замерзшего солнца с «лужей, которую напрудил мерин». Наконец, в четвертой части появляется образ, вынесенный в название поэмы, но со знаком отрицания:

Не нужны мне кобыл корабли

И паруса вороны [79].

Лирический герой отказывается от кобыльих кораблей, которые в поэме символизируют антимир. Если мы попытаемся визуализировать образ есенинского корабля, то получим гротескное изображение в первоначальном смысле слова, т. е. причудливое, невозможное в реальности: корабль из рваного кобыльего живота с вороньими черными парусами, льющими вороной крик, с веслами – отрубленными руками.

Мотив голода развивается на протяжении всей поэмы, связывая природное и человеческое (а порой звериное) начало. В поэме повторяются глаголы с семантикой поедания, жадного добывания еды. Открывает поэму образ изглоданного тучами неба. Краткое причастие прошедшего времени «изглодано» указывает на свершившийся факт, а в финале глагол с тем же корнем отсылает к будущему времени: «Сгложет рощи октябрьский ветер». Здесь совмещены прямое значение – «грызть, объедая, обкусывая мякоть» и переносное – «мучить, терзать». Из того же семантического поля глаголы «сосать», «лакать»: «На дорогах голодным ртом/ Сосут край зари собаки», «Половину ноги моей сам съем/ Половину отдам вам высасывать». «Не пора ль перестать луне/ В небесах облака лакать?» «Завершается вторая часть жутким образом-перевертнем: „Бог ребенка волчице дал/Человек съел дитя волчицы“ [78]. Подобные образы, где гротеск переходит уже в сюрреалистический кошмар, вызывает ощущение жути – мир разлагается и распадается, ничего человеческого не остается» [Лейдерман 2007:48]. В третьей части гротескная деформация-метаморфоза происходит с женщинами:

Посмотрите: у женщин третий

Вылупляется глаз из пупа [78].

Женское чрево традиционно связано со священной миссией вынашивания и рождения детей. Здесь происходит гротескное рождение третьего глаза (неслучаен глагол «вылупляется», как птенец из скорлупы). Третий глаз рассматривается в буддизме как астральный орган, орган ясновидения, шестая чакра, энергетический узел между бровей. В поэме Есенина он не только вылупляется из пупа (низкий образ), он гиперболизируется с помощью сравнения в творительном падеже – сравнения-превращения: «Вот он! Вылез, глядит луной, не увидит ли помястей кости» [78]. Глаз разрастается до размеров луны, чтобы высмотреть кость, которую можно жадно глотать. Безусловно, это экспрессионистский образ, вызывающий отвращение и ужас, синекдоха, обретающая «пугающую самостоятельность». Наконец, в четвертой части голод персонифицируется, нападает на лирического героя, правда, все происходит в условном наклонении, это

воображаемая ситуация, подчеркивающая самоотверженность поэта, способность к деятельному состраданию: «Если голод с разрушенных стен/ Вцепился в мои волосы, – Половину ноги моей сам съем, Половину отдам вам высасывать» [80]. С другой стороны, сочетание аллегории и натурализма позволяет читателю живо представить себе картину, визуализировать ее и содрогнуться в страхе.

При этом в поэме много традиционных поэтических образов: лазурь, сад (садовник, дерево), заря, корабль, луна. Гротеск возникает из неожиданного совмещения этих образов с натуралистическими, низовыми, зловещими. Например, лазурь обретает когти, уподобляется хищному зверю: «Не просунет когтей лазурь/ Из пургового кашля-сморда» [77]. Но даже когти не позволяют лазури пробиться, и таких примеров множество, поэтому в поэме повторяются отрицательные конструкции. Образ зари, связанный в романтической и символистской поэзии с грядущим обновлением, преображением мира, в поэме Есенина приобретает зловещую семантику: «грабли зари по пущам» издают «звонкий стук», метафора придает образу вещественность, затем заря превращается в «бешеное зарево трупов». Образ сада тоже становится «скрепой» лирического сюжета. Мы видим, как разворачивается метафора «черепов златохвойный сад». Лирический герой предчувствует свою скорую гибель, причем в первой части это дается как природный процесс: «Скоро белое дерево сронит / Головы моей желтый лист». Неслучайно употреблен глагол «сронит», подчеркивающий произвольность этого процесса. Дистанцированный повтор и синтаксический параллелизм отмечает начальную и конечную фазы лирического сюжета, в пятой части та же метафора возникает в несколько ином контексте: «Срежет мудрый садовник осень / Головы моей желтый лист». Здесь уже сознательное, насильственное действие, которое ассоциируется и со сбором урожая (ведь его совершает садовник), и с казнью. Парадокс в том, что садовник назван мудрым, значит, и казнь воспринимается как мудрое решение, с которым смиряется лирический герой. В финале образ зари и образ сада сливаются воедино в метафоре: «В сад зари лишь одна стезя». Здесь преобладает высокая поэ-

тическая лексика, исчезает экспрессионистское остранение романтических образов. Несмотря на трагические ноты, предчувствие гибели, ощущение обреченности, поэт превращает хаос в суровую гармонию.

Горестные вопросы в сочетании с лексическими повторами становятся интонационной скрепой лирического сюжета, выполняя суггестивную функцию. 1 часть: «Слышите ль? Слышите звонкий стук?» 2 часть: «Поле, поле, кого ты зовёшь?» «Кто это? Русь моя, кто ты? кто?» 3 часть: «О, кого же, кого же петь / В этом бешеном зареве трупов?» Синтаксический параллелизм передает растерянность лирического героя в мире, внезапно ставшем чужим. М. Бахтин подчеркивает отличие романтического гротеска от средневекового и ренессансного, непосредственно связанного с народной культурой: «Романтический гротеск становится камерным: это как бы карнавал, переживаемый в одиночку с острым сознанием этой своей отъединенности» [Бахтин 1990]. В то же время у Есенина есть отголоски народного смехового действия, карнавального ритуала, например, в обращении к поэту: «Если хочешь, поэт, жениться, Так женись на овце в хлеву», «Он пришел целовать коров». Обращение к зверям звучит с той самой пророческой интонацией, которая неоднократно варьируется в цикле библейских поэм: «Звери, звери, приидите ко мне», «Сестры-суки и братья-кобели». Такое сочетание тоже дает гротесковый эффект, в то же время лирический герой восстанавливает свое родство с миром природы, обретая хоть какую-то опору в хаотичном мире. В 5 части исчезают кричащие диссонансы и горестные вопросы, утверждается действие без объекта, трехкратный повтор создает интонацию самовнушения: «Буду петь, буду петь, буду петь» [80]. Нет ответа на вопрос, кого петь, зато есть осознание своего предназначения. Можно говорить о «примирении с миром в субъективно-лирическом плане», но не о примирении с новым социальным порядком, формой сопротивления которому становится гротеск.

Если С. Есенин постепенно разочаровывается в революционном преобразовании мира, то В. Маяковский, казалось бы, всецело принимает Октябрь с его «огнеперым крылом». Почему же гротескная образность сохраня-

ется в его творчестве? Почему и как в своем советском мире обнаруживается чужой мир? Попробуем ответить на эти вопросы, обратившись к одному из самых загадочных произведений В. Маяковского – поэме «Про это».

В завязке лирического сюжета доминирует иррациональная стихия страсти, воплощающаяся в образах ожога, землетрясения, взрыва. Алогизм становится структурной основой построения гротескного образа, нарушаются привычные пропорции, часть перерастает целое: «Тряся ручонкой дом-погремушку / Тонул в разливе звонков телефон» [179].

Образы двойников и пространственные метаморфозы играют основополагающую роль в развитии лирического сюжета поэмы Маяковского. При этом двойничество и метаморфозы нередко рассматривают как одно из проявлений гротеска, особенно модернистского, в котором есть нечто неконтрольное, иррациональное. Именно накал чувств лирического героя Маяковского вызывает остранение привычного мира. Так, в эпизоде «Просветление мира» «застыли докладчики всех заседаний, не могут закончить начатый жест. Как были, рот разинув, сюда они смотрят на рождество из рождеств» [180]. Всеобщее окаменение сродни немой сцене в гоголевском «Ревизоре». У Гоголя это потрясение, высшая форма страха. Застывшее, растянутое мгновение у Маяковского – отображение мучительного ожидания дуэли: «Ждали смертельной любви поединок» [180]. Действуют законы субъективной оптики: «Вселенная вся как будто в бинокле, в огромном бинокле (с другой стороны)». Бинокль – «в некотором смысле материализованный, непрозрачный взгляд, *квинтэссенция* взгляда» [Лавлинский 2015: 14]. Лирический герой способен разом охватить взглядом всю Вселенную, через которую «легла Мясницкая костью слоновой», а весь мир держится на ниточке кабеля. Трубка, кабель становятся оружием на дуэли: «лишь трубкой в меня неизвестное целит» [179]. Неизвестное ассоциируется с пулей, которую ждет лирический герой, чтобы окончилось это мучительное ожидание. Затем ощущение ирреальности происходящего усиливается, в том числе за счет визуализации незримого, материализации абстрактного: «проглоченным кроликом в брюхе удава

по кабелю, вижу, слово ползет». Затем слово оборачивается «чудищем скребущейся ревности» [181]. Как и в поэме Есенина, гротескный образ у Маяковского строится на алогичной метафорической визуализации абстрактного понятия: читатель может представить себе ползущее из телефонного шнура «времен троглодитских тогдашнее чудище» и содрогнуться от этой сюрреалистической картины. По наблюдению В. Альфонсова, Маяковский «выводит чувства на подмостки, как реальных действующих героев. Это склад поэтического мышления, вернее – видения» [Альфонсов 1984: 181]. Несмотря на то, что наличие «троглодитчьей рожи» затем опровергается в поэме («сам в телефоне. Зеркалюсь в железе»), цепь метаморфоз запущена: лирический герой превращается в медведя: «поэт, почтенный сотрудник „Известий“, царапает стул когтем из штиблета» [182]. Метаморфоза поддержана и сравнениями-превращениями в форме творительного падежа: «Косматый. **Шерстью свисает** рубаха», «**Медведем**, когда он смертельно сердится, на телефон грудь на врага тяну», чуть позже «**белым медведем** взлез на льдину» [184]. С этого момента фантастическое пребывание лирического героя одновременно в облике медведя и в облике человека-поэта, Маяковского, во многом определяет развитие лирического сюжета. В. Маляева полагает, что «из всех двойников Про это именно медведь является тем образом, в котором получил развитие внутренний душевный конфликт лирического героя» [Маляева 2014:109]. Фантастическим допущением мотивировано и путешествие на «подушке-льдине», и появление у знакомых, которые сначала в страхе шарахаются от медведя, а затем узнают футуриста-Маяковского. Ю. Манн, выделяя два вида гротеска, рассматривает пьесы В. Маяковского «Клоп» и «Баня» как примеры второго вида гротеска – фантастического предположения. Действие разворачивается в них как огромный фантастический эксперимент [Манн 2017: 13]. Но подобный эксперимент мы видим и в лирической поэме «Про это». Алогично совмещается бытовое пространство (кухня, протекающая комната) и природное (река, Ладога, Нева). Плач медведя, буквальная реализация метафоры «море слез», вызывает подобные пространственные метаморфозы. Наводне-

ние, вызванное отчаянием лирического героя, постепенно вытесняет все бытовые приметы: «Размыло все, даже запах капустный с кухни всегдашний, приторно сладкий» [184]. Остается только подушка, являющаяся в то же время плотом и льдиной, этот образ настойчиво варьируется: «плыву на своей подушке-льдине», «подо мной подушки лед», «летит подушка-плот», «лихорадуюсь на льдине-подушке», после встречи с человеком из-за семи лет подушка превращается в остров: «остров растет подушечный» [188]. Постель, подушка, простыня ассоциируются со сном, перед нами именно сновидческое пространство – зыбкое, изменчивое, ирреальное: «Одно ощущение водой не вымыто: я должен не то под кроватьные дужки, не то под мостом проплыть под каким-то» [184]. Ряд однородных членов с повторяющимися союзами соединяет логически несовместимые понятия, связанные лишь внешней формой (мост – кроватьные дужки). Отметим, что «постельные» ассоциации будут и далее варьироваться в поэме. Так, момент возвращения лирического героя в «московское» пространство отмечен метафорой: «Вперед Тверской простыня», а в сатирическом отступлении о семейках («Путешествие с мамой») упоминается перина: «Сомнете периной и волю и камень» [193]. С одной стороны, так метафорически обозначена схватка лирического героя с бытом, с другой стороны, возникает ощущение, что все происходит во сне, поэтому образы нередко дwoятся, подчеркнута их миражность. Неслучайно один из эпизодов так и назван – «Пресненские миражи», он предшествует сатирическим главам поэмы, в которых гротеску принадлежит центральная роль. Как подчеркивал Ю. Манн, «фантастическое и невероятное является следствием каких-то качеств героя или явления, сатирической формой их обрисовки» [Манн 2017: 13]. В главе «Муж Феклы Давидовны со мной и со всеми знакомыми» лирический герой появляется в обществе обывателей в облике медведя, в то же время в нем можно узнать Маяковского, к тому же здесь появляется еще один сатирический двойник-обыватель. Мотив двойничества, фантастический сам по себе, здесь гиперболизируется, доводится до абсурда. Гиперболизируется и реакция гостей на явление лирического героя:

Со страха к мышам ушедшие в норы,
Из-под кровати полезли партнеры.
Усища – к стеклам ламповым пыльники –
Из-под столов пошли собутыльники.
Ползут с-под шкафа чтецы, почитатели.
Весь безликий парад подсчитать ли?
Идут и идут процессией мирной.

Блещат из бород паутиной квартирной [195].

Здесь Маяковский вновь как будто растягивает мгновение. С одной стороны, используются литоты, с другой стороны, компания гостей превращается в бесконечную процессию обывателей, которая внушает отвращение и пугает своей мертвенностью. Отметим, что в отличие от поэмы Есенина, поэтический мир поэмы Маяковского достаточно густо населен, но герои – не личности, а безликая масса, марионетки. Нанизывая слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, доводя до абсурда квартирную идиллию, Маяковский добивается эффекта остранения, что вполне соответствует природе романтического гротеска: «Запели герани на каждой на жердочке, герани в ноздри лезут из кадочек. Как были сидя сняты на корточках, радушно бабушки лезут из карточек» [196]. Все чрезмерно и настолько приторно, что вызывает отвращение, мы ощущаем «обыденщины жуть».» Романтики добиваются комического эффекта, выбирая особую точку зрения на действительность – глядя на нее как бы сверху вниз, прикладывая к ней меру вечного и абсолютного. Великое у романтиков смеется над мелочным, «духовная сущность строит гримасы» видимости (Новалис). Так разоблачаются иллюзии, внушенные бытом: то, что казалось важным, в свете гротеска оказывается смешным пустяком. Задача романтического гротеска – освободить явления и вещи из плена привычек, добиться «взрыва скованного сознания» (Ф. Шлегель) [Свердлов 2004]. Однако слово поэта не достигает сознания обывателей, случайно Маяковский обыгрывает фразеологизм «как об стенку горох»: «Слова об лоб и в тарелку – горохом» [198]. Мир призрачен, поэтому «слова проходят насквозь».

Ирреальность, мертвенность нэпманского общества передается гротескным разрастанием картины Беклина «Остров мертвых» до масштабов целого города: «Со стенки на город разросшийся Бёклин / Москвой рас-

ставил „Остров мёртвых“» [199]. «Словесный гротеск охотно обращается к мотиву оживающих изображений (картин, статуй, фотографий). И в этом случае (одушевляя экфразис), и в прочих гротескная литература соревнуется с изобразительными искусствами, стремится превзойти их» [Смирнов 2005:212]. Происходят фантастические метаморфозы: «Расчетверившись, белый Харон стал колоннадой почтамтских колонн» [200]. Омертвление целого города усиливает ощущение безысходности, неслучайно далее дается подзаголовок «Деваться некуда». Лирический герой бросается за спасением к любимой, душевная драма разыгрывается в пограничном пространстве лестницы, которая теряет свою устойчивость по мере приближения «человека из-за семи лет», двойника лирического героя: «Всего дыхание одно, а под ногой ступени пошли, поплыли ходуном, вздымаясь в невольской пене». Само явление двойника ассоциируется с природной стихией, (отсюда – образный ряд: воздушная дрожь, холод, гроза), образ гиперболизируется, напряжение нарастает и приводит к взрыву: «Взорвался, пригвоздил: – Стой!» [205]. «Взрыв в душе лирического героя вновь представлен как реальное событие, внутренний голос объективируется голосом двойника» [Скрипова 2009: 196]. Пригвожденный двойник – «земной любви искупитель» и гонимый странник, «всей нынчестью изгой» [206] образуют нерасторжимое единство.

Фантастической, но в то же время закономерной выглядит развязка конфликта. Здесь и временные, и пространственные скачки создают ощущение ирреальности. Лирический герой видит себя то «стариком на каком-то Монмартре», то гимназистом, переносится из Франции к странам Востока. «Случайная станция» оказывается колокольней Ивана Великого, за луковку которой герой зацепился штанами, и здесь он еще более обретает сходство с «человеком из-за семи лет», с искупителем: «Руки крестом, крестом на вершине» [208]. Кроме того, московский хронотоп здесь парадоксально совмещается с кавказским, лермонтовским: «бросала Терекком праздник Москва», «Подо мною льдистый Машук», «Кавказ кишит Пинкертонами» [208]. Возникает гротескный собирательный образ дуэлянтов. Здесь тот же безликий

парад, но теперь это не мирная толпа почитателей, а воинственная процессия, которая гиперболизируется, обретает вселенский масштаб: «Любимых, друзей человечья ленты со всей вселенной сигналом согнало. Спешат рассчитаться, идут дуэлянты, Щетиньясь, щедрясь ещё и ещё там» [209]. Внешние атрибуты дуэли сохраняются, но доводятся до абсурда: «в мочалку щеку истрепали пощёчинами», «в лицо швыряли перчатки, швырялись в лицо магазины перчаточные» [209]. При этом сама дуэль оборачивается расстрелом безоружного поэта «в упор за зарядом заряд». Ранее мы писали о том, что последствия дуэли рисуются как последствия взрыва: «поэтовья ключья сияли по ветру красным флажком» [210]. Здесь и характерная для экспрессионизма болевая метафора, и поддержка лирическим героем «краснофлагого строя» даже после гибели. Если в начале поэмы дуэль – «смертельной любви поединок», гротескная образность была связана с необычайным накалом чувств, то в финале поэмы дуэль – бойня, демонстрирующая отчужденность и враждебность мира, трагическую неразрешимость конфликта. Здесь «создание гротеска – это игра с абсурдным» [Kauzer 1966: 74]. В то же время раскрывается «внутренняя бесконечность индивидуальной личности» [Бахтин 1990]. Отметим, что в результате взрыва совершается еще одна фантастическая метаморфоза: лирический герой оборачивается «звездолетом медведьинским братом», сливается с мирозданием, с небом, которое «лирикой звездится» [210]. Здесь буквально реализуется принцип романтического гротеска – взгляд на действительность сверху вниз, поскольку герой покидает не только пространство повседневности, но и всеземное пространство. В эпилоге же предпринята попытка посмотреть на современность из будущего времени – из тридцатого века, где не будет «сердце раздиравших мелочей». По Маяковскому, именно бытовое, застывшее, косное искажает идеальный мир коммуны, делает его странным и чужим. Мысленный эксперимент по моделированию будущего своей экспрессивностью создает ощущение реальности происходящего. «Медведь-коммунист» и на себя смотрит с точки зрения потомков, ищет в себе то, что могло бы пригодиться грядущим поколениям. Обратим

внимание на то, что лирический герой Маяковского и лирический герой Есенина схожи своей любовью к зверью, любовью, доходящей до самопожертвования. У Есенина герой готов отдать собакам половину ноги, у Маяковского видим такое пронзительное признание: «Увидишь собачонку – тут у булочной одна – сплошная плешь, – из себя и то готов достать печенку. Мне не жалко, дорогая, ешь!» [216]. По наблюдению И. Смирнова, в центр внимания гротескного искусства «выдвигаются героини-жертвы» [Смирнов 2005: 214]. В обеих поэмах героем-жертвой становится сам лирический герой, которого можно назвать гротескным субъектом. Однако в поэме «Кобыльи корабли» наблюдается отказ от мира людей, в поэме «Про это» лирический герой все равно идет к людям, провозглашая сверхчеловеческий идеал, «чтоб всей вселенной шла любовь». Рассматривая лирику немецких экспрессионистов, Н. В. Пестова подчеркивает, что «в экспрессионизме... неисполнение любви окрашено особым трагизмом, так как экспрессионистская любовь – часть его утопического мировоззрения, это упрямый и напрасный путь к сути, столь же несбыточный, как мечта о новом человеке или планетарном братстве» [Пестова 2005: 182]. Подобное утопическое мировоззрение характерно для творчества В. Маяковского.

Таким образом, жанровые процессы, протекающие в поэме 1920-х годов, повторяющиеся мотивы и образы, типы конфликта могут многое прояснить в мироощущении человека переходной, катастрофической эпохи. Доминантой поэм Есенина и Маяковского становится заостренный гротеск, построенный на деформации, расчленяющей, травмирующей, уродующей объект изображения. Так возникает образ мира – катастрофического, безумного – в поэме «Кобыльи корабли», равнодушного, косного, мелочного до абсурда – в поэме «Про это». Фантасмагорический характер окружающей действительности выражается в причудливых метаморфозах, острашении привычных романтических образов. Поскольку поэтический образ мира в лирической поэмы выстраивается из тропов, передающих душевное состояние, эмоциональные реакции лирического субъекта, гротеск здесь становится способом материализовать, визуализировать

лизировать мучительное внутреннее переживание лирического субъекта, прежде всего болезненное ощущение собственного отчуждения от мира. Также утверждается субъективное виденье мира, свободное от привычных причинно-следственных связей, подчиняющееся подсознательным импульсам. С помощью гротеска в поэмах 1920-х годов происходит лирическое осмысление наиболее характерных противоречий времени.

Литература

Альфонсов, В. Н. Нам слово нужно для жизни. В поэтическом мире Маяковского / В. Н. Альфонсов. – Л. : Советский писатель, 1984. – 247 с.

Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Художественная литература, 1990. – 543 с. – URL: svr-lit.ru/svr-lit/bahtin-tvorchestvo-rable (дата обращения: 20.04.2020). – Текст : электронный.

Есенин, С. Полное собрание сочинений: в 7 т. / С. Есенин ; под ред. Ю. Л. Прокушева. – М. : Наука ; Голос, 1995. – Т.2. – 462 с. – URL: rvb.ru/20vek/esenin/pss7/vol2/notes/182.html (дата обращения: 30.04.2020). – Текст : электронный.

Канеева, А. В. Гротеск во французской литературе XX века / А. В. Канеева, С. В. Минасян // Новейшие достижения и успехи развития гуманитарных наук: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции / Федеральный центр науки и образования «Эвэнсис». – 2017. – С. 14–18.

Кобленкова, Д. В. Проблемы становления теории гротеска / Д. В. Кобленкова. – URL: cyberleninka.ru/article/n/problemy-stanovleniya-teorii-groteska/viewer (дата обращения: 10.05.2020). – Текст : электронный.

Лавлинский, С. П. Визуальные аспекты небытия в гротескно-фантастическом произведении / С. П. Лавлинский // Новый филологический вестник – 2015. – № 2 (33). – С. 12–24.

Лейдерман, Н. Л. Сергей Есенин: Метаморфозы художественного сознания : монографический очерк / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург, 2007. – 125 с.

Маляева, Т. А. Поэма В.В. Маяковского «Про это». История создания. Поэтика. Критика : дис. ... канд. филол. наук / Маляева Т. А. – М. : [б. и.], 2014. – 228 с.

Манн, Ю. Гротеск в литературе / Ю. Манн // Литература в школе. – 2017. – №6. – С. 10–15.

Маяковский, В. Сочинения в двух томах / В. Маяковский. – М. : Правда, 1988. – Т.2. – 768 с.

Пестова, Н. Философские основы и эстетические принципы экспрессионизма: опыт немецкоязычного экспрессионизма / Н. Пестова // Русская литература XX века: закономерности исторического развития. Кн. 1. Новые художественные стратегии. – Екатеринбург : УрО РАН ; УрО РАО, 2005. – С. 155–186.

Пьяных, М. «Чтоб всей вселенной шла любовь» / М. Пьяных // В мире Маяковского : сборник статей / сост. А. Михайлов, С. Лесневский. – М. : Советский писатель, 1984. – Книга 1. – С. 260–278.

Свердлов, М. Романтический гротеск: Гофман / М. Свердлов. – Текст : электронный // Литература («ПС»). – 2004. – № 4. – URL: 19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-ger/sverdlov-romanticheskij-grotesk-gofman.htm (дата обращения: 10.05.2020).

Скрипова, О. А. Образ «взрыва» в поэме В. Маяковского «Про это» и «Поэме конца» М. Цветаевой / О. А. Скрипова // Классика и современность: проблемы изучения и обучения: материалы XIV научно-практической конференции словесников / РОПРЯЛ, УрО РАО, Урал. гос. пед. ун-т, ИФИОС «Словесник». – Екатеринбург, 2009. – С. 194–199.

Смирнов, И. О гротеске и родственных ему категориях / И. Смирнов. – Текст : электронный // Семиотика страха : сб. статей / составители Н. Букс и Ф. Конт. – М. : Русский институт ; Европа, 2005. – С. 204–221. – URL: es-dejavu.ru/g-2/Grotesque-3.html (дата обращения: 16.05.2020).

Юдушкина, О. Образ-мотив как основа поэм С.А. Есенина 1917–1920 гг. / О. Юдушкина // Современное есениноведение. – 2014. – № 31. – С. 52–60.

Kayser, W. The grotesque in Art and Literature/ W. Kayser. – New York : McGraw Hill, 1966. – 224 p.

References

Al'fonsov, V. N. (1984). *Nam slovo nuzhno dlya zhizni. V poeticheskom mire Mayakovskogo* [We need words for life. In the poetic world of Mayakovsky]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 247 p.

Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable I narodnaya kul'tura Srednevekov'ya I Rennanssa* [Creative works of François Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. 2nd edition. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 543 p. URL: svr-lit.ru/svr-lit/bahtin-tvorchestvo-rable (mode of access: 20.04.2020).

Esenin, S. (1995). *Polnoe sobranie sochinenii: v 7 t.* [Complete works, in 7 vols.] / ed. by Yu. L. Prokushev. Moscow, Nauka, Golos. Vol. 2. 462 p. URL: rvb.ru/20vek/esenin/pss7/vol2/notes/182.html (mode of access: 16.05.2020).

Kaneeva, A. V., Minasyan, S. V. (2017). Grotesk vo frantsuzskoi literature XX veka [Grotesque in French literature of the 20th century]. In *Noveishie dostizheniya I uspekhi razvitiya gumanitarnykh nauk : sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, pp. 14–18.

Kayser, W. (1966). *The grotesque in Art and Literature*. New York, McGraw Hill. 224 p.

Koblenkova, D. V. *Problemy stanovleniya teorii groteska* [Problems of formation of the grotesque theory]. URL: cyberleninka.ru/article/n/problemy-stanovleniya-teorii-groteska/viewer (mode of access: 10.05.2020).

Lavlinskii, S. P. (2015). Vizual'nye aspekty nebytiya v groteskno-fantasticheskom proizvedenii [Visual aspects of non-existence in grotesque-science fiction work of literature] in *Novyifilologicheskiivestnik*. No. 2 (33), pp. 12–24.

Leiderman, N. L. (2007). *Sergei Esenin: Metamorfozy khudozhestvennogo soznaniya* [Sergey Esenin: Metamorphoses of creative consciousness]. Ekaterinburg. 125 p.

Malyaeva, T. A. (2014). *Poema V. V. Mayakovskogo «Pro eto». Istoriya sozdaniya. Poetika. Kritika* [The poem “About this” by V. V. Mayakovsky. The history of creation. Poetics. Critique]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 228 p.

Mann, Yu. (2017). Grotesk v literature [Grotesque in literature]. In *Literatura v shkole*. No. 6, pp. 10–15.

Mayakovskii, V. (1988). *Sochineniya v dvukhtomakh* [Collected Works in two volumes]. Moscow, Pravda. Vol. 2. 768 p.

P'yanykh, M. (1984). «Chtobvseivselennoiشلalyubov'» [“Let love go through the entire Universe”]. In *V mire Mayakovskogo: sbornikstatei*. Moscow, Sovetskiiipisatel', pp. 260–278.

Pestova, N. (2005). Filosofskie osnovy i esteticheskie printsipy ekspressionizma: opyt nemetskoyazychnogo ekspressionizma [Philosophical foundations and aesthetical principles of expressionism: Experience of German-language expressionism]. In *Russkaya literatura XX veka: zakonomernosti istoricheskogo razvitiya. Kn. 1. Novye khudozhestvennye strategii*. Ekaterinburg, UrO RAN, UrO RAO, pp. 155–186.

Skipova, O. A. (2009). Obraz «vzryva» v poeme V. Mayakovskogo «Pro eto» i «Poemekontsa» M. Tsvetaevoi [The image of “explosion” in the poem “About this” by V. Mayakovsky and the “Poem of the end” by M. Tsvetaeva]. In *Klassika i sovremennost': problemy izucheniya i obucheniya: materialy XIV nauchno-prakticheskoi konferentsii slovesnikov*. Ekaterinburg, pp. 194–199.

Smirnov, I. (2005). O groteske I rodstvennykh emu kategoriakh [About grotesque and the related categories]. In *Semiotika strakha: sb. statei*. Moscow, Russkii institute, Evropa, pp. 204–221. URL: ec-dejavu.ru/g-2/Grotesque-3.html (mode of access: 16.05.2020).

Sverdlov, M. (2004). Romanticheskii grotesk: Gofman [Romantic grotesque: Gofman]. In *Literatura («PS»)*. No. 4. URL: 19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-ger/sverdlov-romanticheskij-grotesk-gofman.htm (mode of access: 10.05.2020).

Yudushkina, O. (2014). Obraz-motiv kak osnova poem S. A. Esenina 1917–1920 gg. [Image-motif as the basis of S.A. Esenin's poems of 1917–1920] In *Sovremennoe eseninovedenie*. No. 31, pp. 52–60.

Данные об авторе

Скрипова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: olga-skipova@mail.ru.

Author's information

Skipova Olga Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

СИМВОЛИКА КАРТИН В ПЬЕСЕ Н. КОЛЯДЫ «КАНОТЬЕ»

Бочкарева Н. С.

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

Загороднева К. В.

Пермский государственный институт культуры (Пермь Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4383-5513>

А н н о т а ц и я . В статье исследуется символика интермедийных референций (живописных картин) в пьесе «Канотье» (1992) известного уральского драматурга, режиссера и актера Николая Коляды. Хотя эта пьеса в контексте других произведений Коляды неоднократно становилась предметом внимания российских ученых и критиков, символика картин в ней до сих пор специально не рассматривалась. Подробный анализ экфрасиса двух вымышленных картин героя-художника Виктора Сухина выявил их многозначные функции в характеристике персонажей и основного конфликта пьесы. Название первой (только упоминаемой) картины «Любовь и забывки» иронически характеризует как историю любви Виктора и Виктории, так и характер Виктории, ее поверхностность и душевную амнезию. Но уже в этой картине выражены чувства и талант Виктора, заставляющие Александра искать с ним встречи. Другая картина находится в комнате Виктора на протяжении всего действия пьесы, играя важную роль в развитии внешнего и внутреннего сюжета. В статье подробно анализируется эксплицитная аллюзия второй картины к эрмитажным «Данаям» через параллели с мифологическим сюжетом и историей создания картин Тициана и Рембрандта. Обосновывается символическое значение картины в характеристике Виктории и Кати, отношений Виктора и Александра.

Делается вывод о том, что обе картины Виктора представляют собой разные варианты женского портрета и символизируют любовь, которая противопоставляется смерти физической и духовной, омертвлению души, связанной с беспомощностью. Картины не только характеризуют образы персонажей, но и играют важную роль в экзистенциальном конфликте жизни (любви) и смерти (старости). Этот конфликт отчетливо выражен в аллюзиях к эрмитажным «Данаям», на которых в соответствии с ренессансной эстетикой противопоставляются молодая обнаженная женщина и старуха-служанка. На картине Виктора остается только молодое обнаженное тело (жизнь и любовь), а старухи, символизирующие смерть, выносятся за ее пределы, в атмосферу начала 1990-х, в которой пытаются жить герои. В финальной ремарке представлена еще одна аллюзия к эрмитажной картине: Александр лежит в позе зародыша, как в животе рембрандтовской Даныи, а над ним склоняется старуха.

К л ю ч е в ы е с л о в а : интермедийные референции; живопись; современная драматургия; Даная; Эрмитаж; Николай Коляда.

SYMBOLIC FUNCTIONS OF PICTURES IN N.KOLYADA'S PLAY «THE BOATER HAT»

Nina S. Bochkareva

Perm State University (Perm, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

Kristina V. Zagorodneva

Perm State Institute of Culture (Perm, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4383-5513>

Abstract. The article studies symbolic functions of intermedial references to paintings in the play «The Boater Hat» (1992) by the famous Urals playwright, director and actor Nikolai Kolyada. Although this play has repeatedly become the subject of attention of Russian researchers and critics in the context of other works by Kolyada, the symbolism of the paintings in it has not yet been specially considered. A detailed analysis of the ekphrasis of two paintings by the characterhero-painter Viktor Sukhinin has revealed their polysemantic functions in portraying the characters and presenting the main conflict of the play. The title of the first (only mentioned) picture «Love and Forget-Me-Nots» ironically characterizes both the love story of Victor and Victoria, and the character of Victoria, her superficiality and emotional amnesia. But Victor's feelings and talent, making Alexander seek meetings with him, are expressed already in the first picture. Another picture is situated in Victor's room during two acts and plays an important role in the development of the external and the internal plot. The article analyzes in details the explicit allusion of the second picture to the Hermitage Danaës through the parallels with the mythological plot and the history of the paintings by Titian and Rembrandt. The study explains the symbolic meaning of the picture in the characterization of Victoria and Katya and the relationship between Victor and Alexander.

It is concluded that both Victor's paintings are different versions of a female portrait and symbolize love, which is opposed to physical and spiritual death and the death of the soul associated with emotional amnesia. The pictures do not only characterize the personages, but also play an important role in the existential conflict of life (love) and death (ageing). This conflict is distinctly expressed in allusions to the Hermitage «Danaës» in which a young naked woman and an old woman servant are opposed in accordance with the Renaissance aesthetics. Victor's painting contains only a young naked body (life and love), and the old women (symbolizing death) are taken out into the atmosphere of the early 1990s in which the heroes try to live. Another allusion to a Hermitage picture is presented in the final remark: Alexander lies in the fetal position, as if in the womb of Rembrandt's Danaë, and an old woman leans over him.

Keywords: intermedial references, painting, modern drama, Danaë, Hermitage, Nikolai Kolyada.

Для цитирования: Бочкарева, Н. С. Символика картин в пьесе Н. Коляды «Канотье» / Н. С. Бочкарева, К. В. Загороднева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 118–128. – DOI: 10.26170/FK20-03-10.

For citation: Bochkareva, N. S., Zagorodneva, K. V. (2020). Symbolic Functions of Pictures in N. Kolyada's Play "The Boater Hat". In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 118–128. DOI: 10.26170/FK20-03-10.

В статье «Маргиналы вечности, или Между чернухой и светом» Н. Л. Лейдерман называет пьесу «Канотье» (1992) «поворотной вехой в творческих исканиях Николая Коляды», написавшего к тому времени свои самые «мрачные» пьесы – «Рогатка», «Мурлин Мурло», «Чайка спела», «Манекен», «Сказка о мертвой царевне» и др. По словам литературоведа, в «Канотье» Коляда «вознамерился подвергнуть ревизии ту художественную ментальность, которая стала неким общим местом в современном отечественном театре – застоялась

в наборе типажей, в сюжетных стереотипах, интонационных клише. Все это, вкупе с собственными нажитыми штампами, драматург освещает новым, взыскательным взглядом» [Лейдерман 1998: 164]. В развернутом критическом очерке «Драматургия Николая Коляды» Лейдерман продолжает: «может, оттого и выделяется „Канотье“ среди других пьес Коляды особой нагруженностью семантического поля – тут энергично работают подтекст и сверхтекст, взаимодействуют планы реальный и мистический, крайне важны интертекстуаль-

ные связи, не пренебрегает автор эмблематической и символикой» [Лейдерман 1997: 89–90]. Хотя эта пьеса в контексте других произведений Коляды неоднократно становилась предметом внимания российских ученых и критиков [Сальникова 1995; Соколянский 1995; Вербицкая 2002; Старченко 2005; Журчева 2009; Наумова 2009; Лазарева 2010; Кутяева 2013; Щербакова 2013; Дубровина 2014; Старова 2015; Жарский 2015; Моторин 2015; Якушева 2017; Канарская 2019 др.], символика картин в ней до сих пор специально не рассматривалась¹.

Цель нашей статьи – проанализировать интермедийные референции («intermedial references») в пьесе «Канотье» и их функции в художественном мире произведения. Опираясь на работы В. Вольфа, И. Раевски, Г. Риппл и др. ученых, мы понимаем под интермедийными референциями, в частности, отсылки в литературном тексте к живописи, ее техническим приемам и средствам изобразительности, жанрам и конкретным картинам, реальным и вымышленным [Rajewsky 2005: 52–53]. Не случайно все исследователи к интермедийным референциям относят экфрасис, который Дж. Хеффернан определяет как «вербальную репрезентацию визуальной репрезентации» («ekphrasis is the verbal representation of visual representation») [Heffernan 2004: 3], не сводимую только к развернутому описанию произведений искусства. В литературном произведении отсылки к картинам могут проявляться на разных уровнях и в разных фрагментах текста.

Написанная в Германии в 1992 г. пьеса «Канотье» была опубликована сначала в журна-

ле «Современная драматургия» [Коляда 1993], а потом в сборнике «Пьесы для любимого театра» (1994). В небольшом списке действующих лиц наряду с главным героем – Виктором (45 лет) обозначены его бывшая жена Виктория (45 лет) и ее сын Александр (18 лет), соседка Виктора – Катя (35 лет) и три старухи [Коляда 1993: 3]. Действие двухактной пьесы происходит в течение двух дней в коммунальной квартире трехэтажного дома на окраине Москвы. Жанр автором не определен, но «Канотье» можно отнести как к драме, так и к трагикомедии [Кириленко 2019: 63–64].

Начало 1990-х гг. – кризисный период в истории России. «В начале „перестройки“ казалось, что застой начинает преодолеваться, и появились оптимистические ожидания в отношении здоровья россиян. Эти ожидания, однако, не оправдались. После короткого периода улучшения показателей заболеваемости, смертности и продолжительности жизни началось их стремительное ухудшение, свидетельствовавшее, что на смену застою пришел настоящий кризис, особенно сильно давший о себе знать в 1992–1994 гг.» [Прохоров, Горшкова 1999: 133]. Рост смертности от несчастных случаев, отравлений и травм, от сердечно-сосудистых заболеваний и так называемых «социальных болезней» в это время обусловлен общей социально-политической обстановкой.

В пьесе Коляды атмосфера физической и духовной смерти создается «уже во вводной авторской ремарке³ – лирической увертюре, своеобразном стихотворении в прозе» [Лейдерман 1997: 105]. И уже здесь определяется основной конфликт и противостоя-

¹ Анализ символики религиозного экфрасиса в одноактной пьесе Н. Коляды «Картина» см. в статье: [Горюнов, Загороднева 2019].

² В первом издании пьесы в журнале «Современная драматургия» [Коляда 1993], которое цитируется в нашей статье, указано, что Александр – сын Виктора. Хотя в последующих изданиях эта «опечатка» исправлена, отцовство Виктора наиболее вероятно, так как Александру 18 лет – ровно столько времени прошло со времени расставания Виктора и Виктории. Александр не может быть сыном Леонардо, так как Виктория рассказывает, что познакомилась со своим вторым мужем-иностранцем через месяц после отъезда Виктора [Коляда 1993: 30].

Имена Виктор и Виктория отсылают к пьесе М. Рошина «Валентин и Валентина» (1970) и ее одноименной экранизации (1985) режиссера Г. Натансона. Пьеса Рошина начинается с пролога – разговора молодых людей о любви (сравните – пьеса Коляды начинается с пролога о смерти). Похожие интервью-разговоры молодежи о любви используются в качестве прологов и эпилогов к киноновеллам в фильме М. Калиха «Любить» (1968). Вероятно, поэтому в экранизации Натансона пролог о любви отсутствует.

Валентину и Валентине по 18 лет, как Александру, а Виктору и Виктории, когда они расстались, было около 27 лет. Виктор вспоминает, как служил в армии и получал от Виктории письма, как они ходили вместе в институт. Неизвестно, сколько времени они прожили вместе. Коляда продлевает юность героев пьесы Рошина, стирая грань между молодостью и зрелостью и подчеркивая нежелание Виктора стареть.

³ О роли авторского пролога в пьесах Н. Коляды см. также: [Тетерина 2014: 32–33].

щая смерти сила – «добрая рука любимого человека» [Коляда 1993: 3]. В этой «лирической увертюре», как и в «словесных действиях» персонажей пьесы, гротескно переплетаются жизнь и смерть (оксюморон «Живая смерть»), смерть и любовь (надписи – «граффити»). Вестниками смерти, ее «весталками», становятся «старухи» («вечные тетки») на лавочке, на лестнице, на верхнем этаже, в соседней комнате. Сотрясение коммунальной квартиры от проходящей под ней линии метро и подземный гул воспринимаются Александром как адские муки («будто черти в аду на огне варят грешников») [Коляда 1993: 16]. Этой атмосфере смерти молодой человек противопоставляет две картины, написанные Виктором.

Несомненно, идеалы Виктора Сухинина сформировались поколением «шестидесятников». С конца 1950-х гг. в советском обществе появляется новая «генерация людей, которая противостояла тоталитарной политической системе, жесткой цензуре, критическому восприятию демократических начал» [Беляева 2015: 67]. С «шестидесятниками» Виктора сближает образованность и разносторонность (он не только рисует картины, но много читает и пишет романы, подрабатывает переводами и хорошо поет), а также независимость, которая оборачивается внутренним одиночеством. На нонконформизм героя иронически указывает его «желтая соломенная шляпа с узенькой черной ленточкой», которую он сам называет по-французски «канотье». Увлечение французской культурой – тоже наследие «шестидесятников», восторженно приветствовавших молодежные выступления 1968 г. в Париже. Однако в новой исторической ситуации «перестройки» эти символы нонконформизма приобретают пародийный оттенок, как все французское: заезженная пластинка у студента на

верхнем этаже («хрипло, простуженно, устало» поет Эдит Пиаф), духи «„Шанель“ номер пять» и желание Виктории забраться на Эйфелеву башню, «клоунская» шляпа «канотье» (символ утраченных чистоты, доброты, красоты, молодости). А вот картины Виктора, как и выраженная в них любовь, не теряют своей ценности даже под «запыленными» стеклами очков Александра¹.

Исследуя интермедийность в «Романе воспитания» Н. Горлановой и В. Букура, А. Г. Сидорова утверждает: «Визуальная доминанта характеризует, прежде всего, культурно-историческую ситуацию конца 1960–1970-х годов, отмеченную, с одной стороны, необратимой экспансией в сферу культуры видеотехнологий, с другой стороны, возникновением и развитием в советском искусстве альтернативных нетрадиционных течений, тенденции, начавшейся в живописи» [Сидорова 2006: 83]. Однако картины Виктора привлекают не столько своими экспериментами, сколько выраженными в них чувствами. Они свидетельствуют о душевной и профессиональной одаренности главного героя и характеризуют других персонажей. Обе картины тесно связаны друг с другом не только предметом изображения (женский портрет²), но и особенностями их восприятия персонажами пьесы.

Первая по времени создания картина дана только в воспоминаниях героев:

Виктория. У нас дома на кухне висит твоя картинка – я. Ну, я там с цветочками в руках, такая миленькая картинка, синенькие цветочки...

Виктор. «Картина» – надо говорить.

Виктория. Ну да. Я – с цветочками.

Виктор. Портрет назывался «Любовь и незабудки»...

Виктория. Наверное. Ему [Александр] очень нравится этот мой портрет.

[Коляда 1993: 12].

¹ Мотив «запыленных» стекол подчеркивает искаженное восприятие жизни и проходит лейтмотивом по всей пьесе. В фильме Н. Михалкова «Раба любви», цитату из которого («Господа, вы звери») не случайно повторяет Катя, актриса немого кино Ольга Воскресенская замечает: «Вы знаете, Виктор Иванович, вот что я подумала. Удивительно. Вот когда окно грязное, то и все, что за окном, тоже кажется грязным. Вот так же и в жизни: Столкнешься с чем-нибудь неприятным, и сразу вся жизнь кажется ужасной, ужасной». Похожие мысли выражены в словах Кати. А Виктория приезжает на мерседесе с огромным букетом цветов и в очках с «затемненными» стеклами. Впоследствии упоминаются только очки Александра, которые все время протирает Виктор, дышит на них, как будто пытается вдохнуть жизнь в омертвевшую душу молодого человека.

² Функции женского портрета в фильме А. Панкратова и пьесе В. Азерникова исследовались нами в статье: [Бочкарева, Загороднева 2018]. Об эфрасисе других картин в современной драме см.: [Загороднева, Бочкарева 2017].

Название «Любовь и забывдки» иронически характеризует как историю любви Виктора и Виктории (она «переспала параллельно» с другим мужчиной, а он бросил ее, но не смог забыть), так и характер Виктории, ее поверхностность и душевную амнезию (в ее словах искажаются все факты: букет цветов, игра в войну, письма, автор фильма «Конформист»¹, картина Виктора). Но, прежде всего, в этой картине выражены чувства и талант Виктора, заставляющие Александра искать с ним встречи:

Александр. Тот мамин портрет, где она с забывдками... Я много лет рассматривал его. И представлял себе вас – другим.

Виктор. Портрет вашей мамы я писал, когда любил ее.

Александр (улыбнулся). Что это – любил?

Виктор. Любил – это значит: любил. Вы прекрасно понимаете меня.

Александр. Вы употребляете какие-то старомодные слова. Это, кажется, пятидесятые или даже сороковые годы. Я не понимаю вас. Вы несете ахиною. Вы – старик.

Молчат. Смотрят друг на друга.

Виктор. Вы понимаете меня.

[Коляда 1993: 17].

Давняя картина Виктора «Любовь и забывдки», висевшая в доме Александра с самого его рождения, становится первым мостом в сближении героев задолго до их встречи. Они оба не только понимают и ценят искусство, но и оказались в сходной ситуации с предательством любимой девушки. Конфликт между искусством и действительностью, как и конфликт поколений, отходит на второй план перед способностью остро чувствовать прекрасное и безобразное в жизни и в искусстве, способностью любить, которая объединяет героев.

Другая картина находится в комнате Виктора на протяжении всего действия пьесы. Первая сцена начинается с ремарки, в которой среди множества вещей упоминается картина: «*На стене, закрытая пыльной тряпкой, косо висит большая картина*» [Коляда 1993: 4].

Эта ремарка и последующее падение картины со стены напоминают сходную ситуацию в пьесе Л. Леонова «Обыкновенный человек» (1940–1941). Но если у разбогатевшего оперного певца в пьесе Леонова подмененная картина («безжизненная вещь») подчеркивает не только ненужность, но и опасность как обстановки, так и самого хозяина [Леонов 1983: 456], то в пьесе Коляды, наоборот, неожиданно обнаруживается значимость тех вещей, которые постороннему взгляду кажутся ненужными и бесполезными.

Картина Виктора ведет себя как живая. Она как будто специально падает и открывается в тот момент, когда Александр собирается уйти и разорвать установленную было связь с художником: «*Со стены падает та картина, что была прикрыта серой пыльной тряпкой. На картине – красивое обнаженное женское тело. Будто распласталось это тело у ног Виктора и Александра*» [Коляда 1993: 17]. Как «живое», преодолевающее границы искусства и жизни, представлено и изображенное на картине женское тело. У Александра оно ассоциируется с Данаей:

Александр. (Молчит, потом – удивленно). Что это? Это какая-то репродукция? Это Даная? Даная? *Виктор* (кинулся на пол, дрожащими руками прикрывает картину тряпкой, хрипло). Даная! Даная! Эрмитаж на дому! Эрмитаж! Филиал! У меня тут Эрмитаж! Даная! Даная! Вам пора! Поезжайте! Быстрее! Вам пора!..

[Коляда 1993: 17].

По реакции Виктора понятно, что картина – самое дорогое, что у него осталось: «*Виктор поставил картину к шкафу, выскочил в коридор. Встал лицом к стене, размахивается руками со всей силой, но прикасается к стенке ладошками бесшумно. И так – много раз...*» [Коляда 1993: 17]. Эта молчаливая истерика свидетельствует о силе характера и чувств этого, казалось бы, потерявшего себя человека.

Аллюзия к эрмитажной Данае многозначна и не случайна. В греческой мифологии Даная – «дочь аргосского царя Акрисия и Аганиппы. Узнав от оракула, что ему суждена

¹ Высокомерно исправляя Катю, Викториа ненамеренно искажает фамилию итальянского режиссера фильма «Конформист» Бернардо Бертолуччи, называя его Чезано Педерутти, что создает комический эффект и возвышает в глазах читателя (зрителя) Катю, которая в ответ сочиняет остроумную историю с аллегро из Седьмой симфонии Бетховена.

смерть от руки внука, Акрийский заключил дочь в подземный медный терем и стерег ее. Однако Зевс проник в терем золотым дождем, и Данаэ родила сына Персея <...> впоследствии Персей случайно убил деда во время гимнастических состязаний» [Тахо-Годи 1980: 351]. Во времена Средневековья Данаэ становится «символом целомудрия» [Холл 2004: 179]. Мотивы зачатия и рождения ребенка аллегорично связаны с Викторией и ее сыном Александром, отца которого она не может однозначно определить.

Однако в Эрмитаже находятся две самых знаменитых Данаи – Тициана и Рембрандта. Интерес к картине Рембрандта усиливается тем фактом, что в 1985 г. психически неуравновешенный посетитель музея плеснул в нее серной кислотой и дважды ударил ножом. В момент написания пьесы картина еще находилась на реставрации. Картина Тициана известна в нескольких вариантах, «прославляет обнаженное женское тело» и принадлежит к «мифологическим поэмам», в которых художник потакал эротическим вкусам заказчиков [Роузэнд 1997: 104-107]. В первом варианте (1544, Неаполь, музей Каподимонте) рядом с Данаей изображен амур, что подчеркивает ее связь с Венерой. Но уже в 1553–1554 гг. «вместо амура появляется – что более соответствует тексту Овидия – фигура старой кормилицы, собирающей в фартук золотые монеты, в которые превратился Юпитер, чтобы овладеть молодой девушкой» [Смирнова 1987: 50]. Картина Рембрандта тоже «напитана эротикой» и пронизана «золотым светом»: «Никогда еще Рембрандт не писал с таким откровенным наслаждением тело женщины, упиваясь красками и формой» [Власов 2005: 346]. Исследователи подчеркивают чувственную трактовку сюжета, жизненность ситуации, почти портретное изображение героини и отсутствие золотого дождя [Там же: 343-345]. «Тело Данаи настолько насыщено светом, что, кажется, само излучает тепло и свет, отражающийся в позолоте и бронзе украшений ложа, на изящной фигурке амура в цепях, символизирующего вынужденное целомудрие героини» [Левитин 1956: 2]. Контрастно противопоставлены «просветленное лицо Данаи и грубая, полная неясной тревоги старуха» с пустым кошельком в руке.

«Данаэ» Рембрандта – «одна из самых совершенных и наиболее загадочных картин художника» [Андронов 1978: 43]. Существовало много попыток истолкования ее сюжета: «в центральном образе видели и библейскую героиню Сарру, мужа которой умирали в брачную ночь, ожидающую своего седьмого мужа – Товия; и Агарь, приведенную Саррой на ложе Авраама» [Левитин 1956: 1]. Выдвигались версии, что на картине Рембрандта изображена Мессалина, жена римского императора Клавдия, известная своим распутством и жестокостью; античная богиня любви и красоты Венера, ожидающая на своем ложе бога войны Марса; Вирсавия, жена полководца Урии, ожидающая в роскошных покоях царя Давида [Андронов 1978: 46]. Вопрос был окончательно решен в пользу Данаи, когда картину просветили рентгеновскими лучами. Оказалось, что в первоначальном варианте (1636 г.) Рембрандт изобразил Данаю с прощальным жестом (позировала его первая жена Саския ван Эйленбурх), а в окончательном варианте (1646 г.) уже беременная Данаэ (позировала Гертье Диркс) напрасно ждет нового визита Зевса (Юпитера). Сравнению двух вариантов картины посвящена диссертация Ю. И. Кузнецова «Рембрандт. „Данаэ“: проблемы сюжета и прообраза, история создания картины» (1969) и написанная по ее результатам книга, в которой объясняется «тяжеловатость» фигуры Данаи, неоднократно отмечаемая исследователями [Кузнецов 1970: 72–73].

Отмеченные особенности двух эрмитажных картин аллегорично связаны с пьесой Кольяды. Прежде всего, это контраст молодой прекрасной женщины и старухи-служанки на обеих картинах. Если в эстетике Ренессанса юность противопоставляется старости, то в эпоху барокко ей противопоставляется смерть [Луков, Ганин, Черноземова 2018: 35]. На картине Виктора остается только молодое обнаженное женское тело, символизирующее жизнь и любовь, а старухи (символ смерти) выносятся за ее пределы.

Другие аллюзии раскрываются через отношения между персонажами и картиной. Так, у картины Виктора тоже оказываются два прототипа – Виктория и Катя. Первый сразу узнается Александром и подтверждается его матерью:

Александр (развернул картину к себе, смотрит на нее, присев на корточки). Что это? Ты?

Виктория (отвернулась к окну). Я, я. (Молчит.)

Непохожа? (Стоит у окна, курит, вытирает слезы.)

Александр, раскрыв рот, как маленький ребенок, водит пальцем по картине, словно ощупывает тело женщины...

[Коляда 1993: 17–18].

Восприятие Александра через «дистанцированный повтор» обнаруживает его «духовное сродство» с Виктором, который так же прикасался к телу его матери в первую брачную ночь [Лейдерман 1997: 97]. В новелле Т. Готье «Золотое руно» конфликт между иллюзией и реальностью выражен посредством романтической иронии: «идеальное совершенство форм и пылающая цветовая гамма полотен Рубенса будят пылкое воображение Тибурция, но грубый и холодный материал не приносит ему чувственного удовлетворения» [Бочкарева 1995: 28]. Оказавшись в непосредственной близости от картины, Тибурций «трепещет от любви, коснулся дерзкой рукой плеча Магдалины. Он изумился, ощутив под пальцами не мягкое, нежное тело женщины, а жесткую, шершавую, как терка, поверхность, которую вдоль и поперек исходила, оставив рубцы и вмятины, буйная кисть неистового мастера. Тибурций был очень огорчен этим открытием, но, едва спустился на пол, снова оказался во власти иллюзии» [Готье 1991: 164]. Коляда использует тактильные ощущения как стремление героя преодолеть коммуникативный барьер. Повторяющиеся прикосновения Александра к картине свидетельствуют о попытке стереть границу между искусством и жизнью: «*Александр трогает картину пальцем, гладит ее, словно ощупывает. Молчит*» [Коляда 1993: 22]. И в этой, и в других пьесах Коляды молчание предстает актом коммуникации на глубинном уровне, соотносимом с многозначной «немотой» картины: «*Виктор на кухне допел песню, вытер слезы. Вздыхнул. Молчит. Виктория опустила глаза, тоже молчит. Виктор встал, машет руками*» [Коляда 1993: 22].

Другой прототип «Данаи» Виктора – Катя – так представляет себе любовь: «Молчать и смотреть в глаза друг другу... Молчать и разговаривать. Никто на свете не умеет разговаривать молча. Мы с ним только – умеем» [Коля-

да 1993: 18]. Она с гордостью доказывает свое сходство с портретом молодой обнаженной женщины:

Катя. А вот это – я. (Встала на пол коленями возле картины, которая прислонена к кровати, сняла с картины тряпку.)

Александр. Кто?

Катя. Я! Смотри внимательно! Нет? Непохожа? (Хохочет.)

[Коляда 1993: 21].

Очевиден и здесь дистанцированный повтор, сопоставляющий двух женщин (Викторию и Катю) и отношение к ним Александра, который на этот раз вступает в тактильный контакт не с картиной, а с живым человеком: «*Александр тихо взял ее [Кати] руки, крепко сжал и держит в своих руках*» [Коляда 1993: 21]. Катя не только доказывает Александру свою причастность к картине. Главное – она защищает художника от злых глаз юноши, который составил по рассказам матери идеальный образ «красивого и нежного, сильного и доброго человека» и не узнает его в лысеющем художнике. Александр не отделяет сталинскую эпоху от шестидесятников, перечеркивая одной черной краской все советское, обвиняет Виктора в краже чужой картины, не веря, что эта «лысая черепаха» может создать шедевр. Катя намеренно называет юного Александра «злым стариком», противопоставляя возрасту омертвление его души. Поэтому она еще яростнее отстаивает свое участие в создании картины, по сути рассказывая историю любви Виктора к Виктории после их расставания:

Катя. Это я, я, я! Посмотри! Украл... Это лет десять назад было, он мне еще сказал тогда: попозируй мне! Я еще разозлилась, сказала: «Попой чего?» Я – дура, а он меня – увидел, понимаешь? Он меня рисовал! Мы даже спали с ним, понял? Потом перестали, потому что я не захотела, потому что он меня ночью другим именем называть стал! Знаешь каким? Понял? Идиот... Посмотри, глянь, это – я!

[Коляда 1993: 21].

Но Александр не соглашается:

Александр. Это – не ты... Ты не можешь быть такой...

[Коляда 1993: 22].

Хотя именно с Катей ему на какое-то время становится «легко, чисто и просто». И Лейдерман именно Катю относит к образам «артистов» у Коляды.

Катя. Смотри внимательно, старичок! Видишь, изгиб тела какой. (*Задрала юбку.*) Товарищи, он еще будет спорить! Ты на всех смотришь, ненавидя всех! А ты очки-то сними, посмотри иначе! Думаешь, все черное? Фиг! Когда любишь, все цветное!

[Коляда 1993: 22].

Во втором действии, после истерики Александра, происходит окончательное его сближение с Виктором. И между ними снова возникает разговор о картине:

Александр (молчит). А где она?

Виктор. Катя? Вика? Кто?

Александр. Ваша картина.

Виктор. Картина? Моя картина? Я ее спрятал. Я задвинул ее вон туда, за шкаф, подальше от глаз. Она испугала тебя, да? Пусть стоит там, пусть пылится. Отвратительная картина. Я все давно выкинул, а ее зачем-то оставил. Сегодня же надо отнести ее на помойку.

Александр. Вы мне подарите ее?

Виктор (улыбается). Правда? Ты хочешь? Тебе она нужна? Тебе она понравилась? Ты ее забереши! Мне ее совсем не будет жалко!! Наоборот, я буду радоваться, что она попала в такие хорошие руки! Забирай! Пожалуйста! (*Суетливо вытащил картину из-за шкафа, поставил у окна. Накрыл тряпкой. Тяжело вздохнул. Сел на стул. Смотрит в пол.*)

[Коляда 1993: 24].

По поведению героев нетрудно догадаться, какую ценность картина представляет для них обоих, хотя Виктор и оправдывает свой отказ от творчества невозможностью соревноваться с природой:

Виктор. И как бы я ни старался, я не смогу написать картину, на которой ночь и звезды были бы лучше, истиннее, чем они есть на самом деле, нет, не смогу.

[Коляда 1993: 27].

Однако ему когда-то удалось увидеть в Виктории и Кате лучшее, не заметное другим. И в диалоге о картине проявляется его любовь к Александру, за которой следует настоящее раскаяние в том, что он не был ему отцом.

Перед отъездом Александр опять вспоминает о картине:

Александр. Я заберу вашу картину. Вы обещали отдать мне ее.

Виктор. Конечно. Забирай. Она твоя. <...>

Виктория. Тебе она зачем? Это лишнее, я думаю. Попроси у дяди Вити что-нибудь другое на память. Попроще. Шляпку эту, что ли...

Александр. Я хочу взять ее. Картину.

[Коляда 1993: 31].

Здесь в очередной раз сближаются картина и шляпа канотье в их ценности для героя-художника. Причем картина не только становится в один ряд с главным символом пьесы, вынесенным в заглавие, но и превосходит его по глубине и многозначности.

В финале Александр лежит у дверей квартиры Виктора, «лежит так, как лежит в чреве матери зародыш», как будто в животе рембрандтовской Данаи. И «старуха стоит над ним, смотрит на него» [Коляда 1993: 34]. Смерть присутствует в каждом персонаже пьесы «Канотье», даже таком молодом, как Александр. Действие начинается с комического упоминания о том, как Виктора называли «дедушкой», хотя он на протяжении всей пьесы борется (в том числе и с самим собой) против старости и смерти за жизнь и любовь. Как еще одна картина о борьбе против духовной и физической смерти прочитывается кульминационная ремарка: «Будто Христос на кресте, повис на косяках двери, задыхается, ловит ртом воздух, глядит в глаза старухи, которая, все так же улыбаясь, стоит со свечкой в руках у газовой плиты» [Коляда 1993: 28]. Библейская аллюзия подчеркивает символическое значение возникающих интермедийных референций.

Таким образом, обе картины Виктора символизируют любовь, которая противопоставляется смерти физической и духовной, омертвлению души, связанной с беспометством. Картины не только характеризуют образы персонажей, но и играют важную роль в экзистенциальном конфликте жизни (любви) и смерти (старости). Этот конфликт отчетливо выражен в аллюзиях к эрмитажным «Данаям» Тициана и Рембрандта. Причем на картине Виктора остается только жизнь и любовь («молодое обнаженное тело»), а старухи выносятся за ее пределы, в атмосферу начала 1990-х, в которой пытаются жить герои.

Литература

- Андронов, С. А. Рембрандт Харменс ван Рейн / С. А. Андронов. – М. : Знание, 1978. – 112 с.
- Беляева, К. С. Феномен россиян – «шестидесятников»: попытка идентификации / К. С. Беляева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 3 (65). – С. 65–70.
- Бочкарева, Н. С. Образы произведений визуальных искусств в романтической новелле / Н. С. Бочкарева // Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе XIX–XX : межвузовский сборник научных трудов / Перм. ун-т. – Пермь, 1995. – С. 23–37.
- Бочкарева, Н. Портрет жены художника как экфрасическая модель / Н. Бочкарева, К. Загороднева // Теория и история экфрасиса. Итоги и перспективы изучения : коллективная монография / под науч. ред. Т. Автухович. – Siedlce, 2018. – С. 262–274.
- Вербицкая, Г. Я. Традиции поэтики А.П. Чехова в современной отечественной драматургии 80–90-х годов (Пьесы Н. Коляды в чеховском контексте) : очерк / Г. Я. Вербицкая. – Уфа, 2002. – 28 с.
- Власов, В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного языка : в 10 т. / В. Г. Власов. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – Т. 3. – 752 с.
- Ганин, В. Н. История зарубежной литературы XVII–XVIII веков : практикум / В. Н. Ганин, В. А. Луков, Е. Н. Черноземова. – М. : Юрайт, 2018. – 265 с.
- Горюнов, Д. В. Религиозный экфрасис в пьесе Н. Коляды «Картина» / Д. В. Горюнов, К. В. Загороднева // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2019. – Т. 29, вып. 6. – С. 1052–1056. – DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-1052-1056.
- Готье, Т. Золотое руно / Т. Готье ; пер. с фр. Н. Гнединой (М. Надеждина) // Готье Т. Два актера на одну роль. – М. : Правда, 1991. – С. 145–190.
- Дубровина, И. В. Функционирование сентименталистских кодов в поэтике современной драмы: на материале драматургии Николая Коляды : дис. ... канд. филол. наук / Дубровина И. В. – М. : [б. и.], 2014. – 261 с.
- Жарский, Я. С. Пьесы Николая Коляды: документальность как прием : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Жарский Я. С. – Екатеринбург : [б. и.], 2015. – 24 с.
- Журчева, О. В. Формы выражения авторского сознания в русской драме XX века : дис. ... д-ра филол. наук / Журчева О. В. – Самара : [б. и.], 2009. – 485 с.
- Загороднева, К. В. Экфрасис в современной драме / К. В. Загороднева, Н. С. Бочкарева. – Пермь : Перм. гос. ин-т культуры, 2017. – 108 с.
- Канарская, Е. И. Двоемирие в художественной системе Н. В. Коляды : дис. ... канд. филол. наук / Канарская Е. И. – Нижний Новгород : [б. и.], 2019. – 276 с.
- Кириленко, Н. Н. Новейшая комедия (специфика жанра) / Н. Н. Кириленко // Новый филологический вестник. – 2019. – № 3 (50). – С. 63–75. – DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00060.
- Коляда, Н. Канотье / Н. Коляда // Современная драматургия. – 1993. – № 1. – С. 3–34.
- Кузнецов, Ю. И. Загадки «Данаи». К истории создания картины Рембрандта / Ю. И. Кузнецов. – Л. : Искусство, 1970. – 90 с.
- Кузнецов, Ю. И. Рембрандт. «Даная»: проблемы сюжета и прообраза, история создания картины : дис. ... канд. искусствоведения / Кузнецов Ю. И. – Ленинград, 1969. – 145 с.
- Кутяева, У. С. Феномен прецедентности в драматургии Н.В. Коляды в социокультурном и функциональном аспектах : дис. ... канд. филол. наук / Кутяева У. С. – Екатеринбург : [б. и.], 2013. – 254 с.
- Лазарева, Е. Ю. Особенности художественного мира Н. Коляды в контексте исканий драматургии 1980–1990-х гг. : дис. ... канд. филол. наук / Лазарева Е. Ю. – М. : [б. и.], 2010. – 185 с.
- Левитин, Е. С. Рембрандт. Даная / Е. С. Левитин // Выставка произведений Рембрандта и его школы в связи с 350-летием со дня рождения : путеводитель / авт. текста Т. С. Голенко, Е. С. Левитин, Т. А. Седова ; общ. ред. Б. Р. Виппера. – М. : Искусство, 1956. – С. 1–4.
- Лейдерман, Н. Л. Драматургия Николая Коляды: критический очерк / Н. Л. Лейдерман. – Каменск-Уральский : Калан, 1997. – 160 с.
- Лейдерман, Н. Маргиналы Вечности, или Между «чернухой» и светом / Н. Л. Лейдерман // Современная драматургия. – 1999. – № 1. – С. 162–170.
- Леонов, Л. Обыкновенный человек / Л. Леонов // Леонов Л. Собрание сочинений : в 10 т. – М. : Художественная литература, 1983. – Т. 7. – С. 377–460.
- Моторин, С. Н. Вампиловские традиции в драматургии Н. Коляды / С. Н. Моторин // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2015. – № 1 (46). – С. 93–103.
- Наумова, О. С. Формы выражения авторского сознания в драматургии конца XX – начала XXI вв.: на примере творчества Н. Коляды и Е. Гришковца : дис. ... канд. филол. наук / Наумова О. С. – Самара : [б. и.], 2009. – 205 с.
- Прохоров, Б. Б. Кризисы общественного здоровья в России и СССР в XX веке / Б. Б. Прохоров, И. В. Горшкова // Мир России. – 1999. – № 4. – С. 125–137.
- Роузенд, Д. Тициан / Д. Роузенд ; пер. с фр. Е. Гречаной. – М. : Астрель ; АСТ, 2005. – 176 с.
- Сальникова, Е. В отсутствие несвободы и свободы / Е. Сальникова // Современная драматургия. – 1995. – № 1-2. – С. 202–215.
- Сидорова, А. Г. Интермедальная поэтика современной отечественной прозы (литература, живопись, музыка) : дис. ... канд. филол. наук / Сидорова А. Г. – Барнаул : [б. и.], 2006. – 218 с.
- Смирнова, И. А. Тициан / И. А. Смирнова. – М. : Изобразительное искусство, 1987. – 165 с.
- Соколянский, А. Шаблоны склоки и любви / А. Соколянский // Новый мир. – 1995. – № 8. – С. 219–220.

Старова, Е. А. Драматургия Николая Коляды как сверхтекстовое единство : дис. ... канд. филол. наук / Старова Е. А. – Самара : [б. и.], 2015. – 174 с.

Старченко, Е. В. Пьесы Н.В. Коляды и Н.Н. Садур в контексте драматургии 1980–90-х годов : дис. ... канд. филол. наук / Старченко Е. В. – М. : [б. и.], 2005. – 213 с.

Тахо-Годи, А. Даная / А. Тахо-Годи // Мифы народов мира / под ред. С. А. Токарева. – М. : Советская энциклопедия, 1980. – Т. 1. – С. 351.

Тетерина, Е. А. Трансформация традиционного топоса театра как средство реализации мотива игры в пьесе Н. Коляды «Театр» / Е. А. Тетерина // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 384. – С. 32–36. – DOI: 10.17223/15617793/384/5.

Холл, Дж. Даная / Дж. Холл // Словарь сюжетов и символов в искусстве. – М. : АСТ, 2004. – С. 179–180.

Щербакова, Н. Г. Театральный феномен Николая Коляды : дис. ... канд. искусствоведения / Щербакова Н. Г. – СПб. : [б. и.], 2013. – 213 с.

Якушева, Л. А. Философия коммунальной жизни: Н. Коляда, В. Дурненков / Л. А. Якушева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 1. – С. 179–184.

Heffernan, J. A. W. Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery / J. A. W. Heffernan. – Chicago : The University of Chicago Press, 2004. – 249 p.

Rajewsky, I. O. Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality / I. O. Rajewsky // *Intermedialités*. – 2005. – № 6. – P. 43–64.

References

Andronov, S. A. (1978). *Rembrandt Kharmens Van Reyn* [Rembrandt Harmenszoon Van Rijn]. Moscow, Znaniye. 112 p.
Belyaeva, K. S. (2015). Fenomen rossiyan – «shestidesyatnikov»: popytka identifikatsii [The Phenomenon of Russians – “Sixtiers”: An Attempt at Identification] In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. No. 3 (65), pp. 65–70.

Bochkareva, N. S. (1995). Obrazy proizvedeniy visual'nykh iskusstv v romanticheskoy novelle [Images of the Works of Visual Arts in Romantic Short Story] In *Problemy metoda i poetiki v zarubezhnoy literature XIX–XX : mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Perm, Permskii universitet, pp. 23–37.

Bochkareva, N., Zagorodneva, K. (2018). Portret zheny khudozhnika kak ekfrasticheskaya model' [Portrait of the Painter's Wife as an Ekphrastic Model] In Avtukhovich, T. (Ed.). *Teoriya i istoriya ekfrasisa. Itogi i perspektivy izucheniya : kollektivnaya monografiya*. Siedlce, pp. 262–274.

Dubrovina, I. V. (2014). *Funktsionirovaniye sentimentalistskikh kodov v poetike sovremennoy dramy: na materiale dramaturgii Nikolaya Kolyady* [Functioning of Sentimentalistic Codes in the Poetics of Modern Drama: Based on the Material of Nikolai Kolyada's Dramaturgy]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 261 p.

Ganin, V. N., Lukov, V. A., Chernozemova, E. N. (2018) *Istoriya zarubezhnoy literatury XVII–XVIII vekov* [History of Foreign Literature of the 17th–18th centuries]. Moscow, Yurait. 265 p.

Goryunov, D. V., Zagorodneva, K. V. (2019). Religiozniy ekfrasis v p'ese N. Kolyady «Kartina» [Religious Ekphrasis in the Play by N. Kolyada "The Picture"] In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*. Vol. 29, issue 6, pp. 1052–1056.

Got'ye, T. (1991). *Zolotoye rumo* [Golden Fleece] / transl. by N. Gnedinoy (M. Nadezhdina). In Got'ye, T. *Dva aktera na odnu rol'*. Moscow, Pravda, pp. 145–190.

Hall, J. (2004). *Danaya* [Danaë]. In *Slovar' syuzhetov i simvolov v iskusstve*. Moscow, AST, pp. 179–180.

Kanarskaya, Ye. I. (2019). Dvoemirie v hudozhestvennoy sisteme N. V. Kolyady [Double-world in N.V. Kolyada's artistic system]. Dis. ... kand. filol. nauk. Nizhniy Novgorod. 276 p.

Kirilenko, N. N. (2019). Noveyshaya komediya (spetsifika zhanra) [The Latest Comedy (Specifics of the Genre)]. In *Novyy filologicheskii vestnik*. No. 3 (50), pp. 63–75. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00060.

Kolyada, N. (1993). Kanot'ye [The Boater Hat/Kanotye]. In *Sovremennaya dramaturgiya*. No. 1, pp. 3–34.

Kutyayeva, U. S. (2013) *Fenomen pretsedentnosti v dramaturgii N.V. Kolyady v sotsiokul'turnom i funktsional'nom aspektakh* [The Phenomenon of Precedence in the Dramaturgy of N.V. Kolyada in Sociocultural and Functional Aspects]. Dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg. 254 p.

Kusnetsov, Yu. I. (1970). *Zagadka «Danai»*. K istorii sozdaniya kartiny Rembrandta [The Mystery of "Danaë". To the History of Creation of Rembrandt's Picture]. Leningrad, Iskusstvo. 90 p.

Kuznetsov, Yu. I. (1969). *Rembrandt. «Danaya»: problemy syuzheta i proobraza, istoriya sozdaniya kartiny* [Rembrandt's Danaë: The Problems of the Plot and the Prototype: The History of Creation of the Picture] Dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Leningrad. 145 p.

Lazareva, E. Yu. (2010). *Osobennosti khudozhestvennogo mira N. Kolyady v kontekste iskanii dramaturgii 1980–1990-kh gg.* [Specific Features of N. Kolyada's Artistic World in the Context of the Search for Dramaturgy in the 1980–1990s]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 185 p.

Leonov, L. (1983). *Obyknovennyi chelovek* [The Ordinary Man]. In Leonov, L. *Sobranie sochinenii, in 10 vols*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 7, pp. 377–460.

Levitin, E. S. (1956). Rembrandt. Danaya [Rembrandt. Danaë]. In Vipper, B. R. (Ed.). *Vystavka proizvedenii Rembrandta i yego shkoly v svyazi s 350-letiyem so dnya rozhdeniya: putevoditel'*. Moscow, Iskusstvo, pp. 1–4.

Leiderman, N. L. (1997). *Dramaturgiya Nikolaya Kolyady: kriticheskii ocherk* [Dramatic Art of Nikolai Kolyada: A Critical Essay]. Kamensk-Uralsky, Kalan. 160 p.

Leiderman, N. (1999). Marginaly Vechnosti, ili Mezhdz «chernukhoy» i svetom [Marginals of Eternity, or Between the "Darkness" and the Light]. In *Sovremennaya dramaturgiya*. No. 1, pp. 162–170.

Бочкарева Н. С., Загороднева К. В. Символика картин в пьесе Н. Коляды «Канотье»

- Motorin, S. N. (2015). Vampilovskie traditsii v dramaturgii N. Kolyady [Vampilov Traditions in the Dramaturgy of N. Kolyada]. In *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. No. 1 (46), pp. 93–103.
- Naumova, O. S. (2009). *Formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya v dramaturgii kontsa XX – nachala XXI vv.: na primere tvorchestva N. Kolyady i E. Grishkovtza* [Forms of Expression of the Author's Consciousness in the Dramaturgy of the Late 20th – Early 21st Centuries: On the Example of Creativity of N. Kolyada and E. Grishkovtsets]. Dis. ... kand. filol. nauk. Samara. 205 p.
- Prokhorov, B. B., Gorshkova, I. V. (1999). Krizisy obtzestvennogo zdorov'ya v Rossii i SSSR v XX veke [Public health crises in Russia and USSR in the 20th century] In *Mir Rossii*. No. 4, pp. 125–137.
- Rouzend, D. (2005). *Titsian* [Titian] / transl. by E. Grechana. Moscow, Astrel, AST. 176 p.
- Sal'nikova, E. (1995). V otsutstvie nesvobody i svobody [In the Absence of Unfreedom and Freedom]. In *Sovremennaya dramaturgiya*. No. 1–2, pp. 202–215.
- Sidorova, A. G. (2006). *Intermedial'naya poetika sovremennoy otechestvennoy prozy (literatura, zhivopis', muzyka)* [Intermedial Poetics of Modern Russian Prose (Literature, Painting, Music)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul. 218 p.
- Smirnova, I. A. (1987). *Titsian* [Titian]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo. 165 p.
- Sokolyanskiĭ, A. (1995). Shablony skloki i lyubvi [Patterns of Squabbles and Love]. In *Novyy mir*. No. 8, pp. 219–220.
- Starchenko, E. V. (2005). P'esy N.V. Kolyady i N.N. Sadur v kontekste dramaturgii 1980–90-kh godov [Plays by N.V. Kolyady and N.N. Sadur in the Context of the Dramaturgy of the 1980–90s]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 213 p.
- Starova, E. A. (2015). Dramaturgiya Nikolaya Kolyady kak sverkhkhtekstovoe edinstvo [Dramatic Art of Nikolai Kolyada as a Supertext Unity]. Dis. ... kand. filol. nauk. Samara. 174 p.
- Takho-Godi, A. (1980). Danaya [Danaë]. In Tokarev, S. A. (Ed.). *Mify narodov mira*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 1, p. 351.
- Shcherbakova, N. G. (2013). *Teatral'nyi fenomen Nikolaya Kolyady* [Theatrical Phenomenon of Nikolai Kolyada]. Dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Saint Petersburg. 213 p.
- Teterina, E. A. (2014). Transformatsiya traditsionnogo toposa teatra kak sredstvo realizatsii motiva igry v p'yese N. Kolyady «Teatr» [Transformation of the Traditional Topos of the Theater as a Means of Realization of the Motive of Game in the Play “Theater” by N. Kolyada]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 384, pp. 32–36.
- Verbitskaya, G. Ya. (2002). *Traditsii poetiki A.P. Chekhova v sovremennoi otechestvennoi dramaturgii 80–90-kh godov (P'esy N. Kolyady v chekhovskom kontekste)* [Traditions of Poetics of A.P. Chekhov in Contemporary Russian Dramatic Art of the 80–90s (Plays by N. Kolyada in the Chekhov Context)]. Ufa. 28 p.
- Vlasov, V. G. (2005). *Novyy entsiklopedicheskiĭ slovar' izobrazitel'nogo yazyka : v 10 t.* [New Encyclopedic Dictionary of the Visual Language, in 10 vols.]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika. Vol. 3. 752 p.
- Yakusheva, L. A. (2017). Filosofiya kommunal'noi zhizni: N. Kolyada, V. Durnenkov [Philosophy of Communal Life: N. Kolyada, V. Durnenkov]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1, pp. 179–184.
- Zagorodneva, K. V., Bochkareva, N. S. (2017). *Ekfrasis v sovremennoi drame* [Ekphrasis in Modern Drama]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy institut kul'tury. 108 p.
- Zharskiĭ, Ya. S. (2015). *P'esy Nikolaya Kolyady: dokumental'nost' kak priyem* [Plays of Nicholas Kolyada: Documentary Narration as a Method]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg. 24 p.
- Zhurcheva, O. V. (2009). *Formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya v russkoi drame XX veka* [Forms of Expression of Author's Consciousness in Russian Drama of the 20th Century]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Samara. 485 p.
- Heffernan, J. A. W. (2004). *Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery*. Chicago, The University of Chicago Press. 249 p.
- Rajewsky, I. O. (2005). Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality. In *Intermedialités*. No. 6, pp. 43–64.

Данные об авторах

Бочкарева Нина Станиславна – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия).
Адрес: 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
E-mail: nsbochk@mail.ru.

Загороднева Кристина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Пермский государственный институт культуры (Пермь, Россия).

Адрес: 614990, Россия, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 18.
E-mail: zagor-kris@yandex.ru.

Author's information

Bochkareva Nina Stanislavna – Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of World Literature and Culture, Perm State National Research University (Perm, Russia).

Zagorodneva Kristina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Humanities Disciplines, Perm State Institute of Culture (Perm, Russia).

ВОСПРИЯТИЕ ТЕКСТА КЛАССИЧЕСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯМИ ФАНФИКШН

Булдакова Ю. В.

Вятский государственный университет (Киров, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5391-5333>

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимоотношений фанфикшн как вида вторичных текстов и классического текста, которое раскрывает закономерности трансформации структур художественного текста в массовом сознании. Анализ связи вторичного текста со специфическим источником – классическим текстом – особенно важен, поскольку указывает на проблемы в формировании читательских стратегий, в понимании текста художественного произведения, особенно поэтического. Цель данной статьи – показать, как в произведении фанфикшн меняется классический текст. В основе анализа лежат методы изучения художественных адаптаций и комплексный анализ художественного текста. Функционирование вторичного текста предполагает активное взаимодействие читателя с художественной структурой; наиболее частотной формой такого взаимодействия будет повторение и «пересказ» в соответствии с ожиданиями, вкусами читателя, которое меняет смыслы текста-источника. В этой ситуации сотворчество автора и читателя выражается не только в интенсивном, но прежде всего в экстенсивном развитии читателем художественной вселенной автора. Проведенный анализ фанфикшн, написанных на основе стихотворения Ахматовой «Сероглазый король», показал, что заимствования, отсылки и переделки классического произведения касаются в основном героев и сюжета (языковой уровень не попадает в сферу читательского восприятия). В первом случае это адаптация узнаваемого читателем характера, насыщение описаний деталями; во втором – игра событиями: их последовательностью, содержанием, трактовкой. Поэтический текст баллады трансформируется в рассказ-фэнтези с любовно-авантюрным сюжетом и трагическим финалом. Именно событийный уровень текста, жанровая формула и романтизированный герой являются ключевыми точками, связывающими фанфикшн с источником, и именно они становятся основными объектами переосмысления в читательском творчестве. Но новизна переосмысления мнима: текст должен быть привычным, хорошо знакомым, поэтому герой помещен в знакомую и понятную обстановку, а сюжет наполнен понятными читателю героями. Основным фактором выбора подобных трактовок стихотворения Ахматовой является предшествующий читательский опыт, в котором доминируют произведения массовой культуры.

Ключевые слова: вторичный текст; классический текст; ремейк; фанфикшн; сюжет; А. А. Ахматова; «Сероглазый король».

PERCEPTION OF A CLASSICAL POETIC TEXT BY FAN FICTION READERS

Yulia V. Buldakova

Vyatka State University (Kirov, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5391-5333>

Abstract. The article is devoted to the study of the relationship between fan fiction as a type of secondary text and a classical text, which reveals the regular patterns of transformation of the structures of an artistic text in mass consciousness. In this aspect, the connection of the secondary text with a specific source – the classical text – is particularly important in relation to the problem of reading strategies and understanding of the literary text, especially a poetic one. The purpose of this article is to show how a classical text changes when it is transformed into a fan-fiction one. The study employs the methods of research of artistic adaptations and a comprehensive analysis of the literary text. The functioning of the secondary text presupposes active interaction between the reader and the artistic structure. This interaction is more often expressed in the form of repetition or “retelling” which changes the meanings of the original text to meet the tastes and expectations of the reader. In this situation, the co-creation of the author and the reader is not only expressed via intensive but also extensive

development of the author's artistic universe by the reader. The analysis of fan fiction texts based on the poem by A. Akhmatova "The Grey-Eyed King" has revealed that the borrowings, references and alterations of the classical work relate to two artistic structures of the text – the main character and the plot (the linguistic level does not become an object of readers' perception). In the first case, it is a plastic adaptation of a character recognized by the reader and provision of details to the descriptions; in the second – it is a game with the events: their sequence, content, and interpretation. The text of the ballad is transformed into a fantasy story with an adventure plot and a tragic finale. It is the event-based level of the text, the genre formula and the romanticized main character that become the key points linking fan-fiction with the source, and it is they that become the main objects of rethinking in the reader's creative work. Yet the novelty of rethinking is illusionary: the text should be familiar and well-known, therefore the main character is placed in a familiar and understandable environment and the plot is filled with characters familiar to the reader. Such interpretations of the poem by Akhmatova are likely to appear due to the reader's former experience dominated by works of mass culture.

Key words: secondary text, classical text, remake, fan fiction, plot, Anna Akhmatova, "The Grey-Eyed King".

Для цитирования: Булдакова, Ю. В. Восприятие текста классического поэтического произведения читателями фанфикшн / Ю. В. Булдакова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 129–140. – DOI: 10.26170/FK20-03-11.

For citation: Buldakova, Ju. V. (2020). Perception of a Classical Poetic Text by Fan Fiction Readers. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 129–140. DOI: 10.26170/FK20-03-11.

Генезис и специфика различных форм вторичных текстов, их функционирование в системе культуры – актуальная тема филологических и культурологических исследований рубежа XX–XXI вв. Объемные и детальные систематизации этого масштабного и хаотичного явления (т. к. оно находится на стадии становления и осмысления) представлены в работах У. Эко [Эко 1996], Г. Дженкинса [Jenkins 2005; Jenkins 2016], Ф. Фрас [Frus, Williams 2010], Л. Хатчен [Hutcheon 2006], Ф. Коппа [Сорра 2017], С. Чупринина [Чупринин 2007], М. А. Черняк [Черняк 2009; Черняк, Черняк 2015], Н. С. Скороход [Скороход 2010], О. Ю. Багдасарян [Багдасарян 2013] и ряда других зарубежных и отечественных исследователей.

Специфическое место в логике исследования фанфикшн занимает осмысление положения этого жанра в ряду «вторичных текстов» и, в частности, путей и способов трансформации сюжета в фанфикшн, изучение которых уточняет представления о взаимоотношениях вторичного текста с текстом-источником. Сущность таких взаимоотношений,

как правило, описывается понятиями интертекстуальности, постмодернистского письма, мифа, игры и диалога культур – с помощью этих понятий описан процесс взаимодействия. Но также необходимо исследовать и результат взаимодействия: какие художественные структуры остаются неизменными во вторичном тексте, а какие меняются и каким образом? Что понимает массовый читатель в художественном тексте? В этом аспекте связь вторичного текста со специфическим текстом-источником – классическим текстом – особенно значима в отношении проблем чтения, читательских стратегий и понимания текста художественного произведения, особенно поэтического. Помимо этого изучение читательских и авторских стратегий в фанфикшн провоцирует теоретическое осмысление сущности фанфикшн как литературного и культурного явления (которое возможно анализировать с помощью понятий маргинальности и трансфера), его место в ряду «вторичных текстов», влияние распространения фанфикшн на жанровую и стилевую системы современной литературы¹.

¹ Фанфикшн (фан-фикшн) – «становящееся» явление литературы, его популяризация способствует и качественно-му изменению произведений, и появлению образцовых текстов; накопление числа фанфикшн становится основой для их рефлексии на разных уровнях – от исследователей до самих «фикрайтеров». В центре внимания – выявление сущности фанфикшн, его типологизация, вписывание в систему существующих литературных категорий, установление фактов генезиса и истории, изучение функционирования в литературном процессе. При этом наиболее сложным вопросом является теоретическое осмысление фанфикшн как динамичного феномена: отнесение его к категориям жанра или стиля, речевого жанра, формы дискурса, литературного направления или творческой практики. Между тем,

Методы изучения заимствований и адаптаций в массовой культуре (в частности, сравнительное изучение связи «вторичного текста» с претекстом, анализ читательских ожиданий, представленные в исследованиях У. Эко, Л. Хатчен, М. А. Черняк, Н. В. Самутиной)¹, а также комплексная методология анализа художественного текста стали основой исследования трансформаций художественной структуры (жанра, сюжета, образов) классического поэтического текста в фанфикшн как формы читательского взаимодействия с текстом.

Цель данной статьи – показать, как в фанфикшн по стихотворению А. А. Ахматовой «Сероглазый король» (1910) меняется классическое произведение. Трансформации сюжета в сознании читателя наиболее очевидны, когда речь идет о популярном² тексте (11 произведений на сайте «Книга фанфиков», размещенных в 2012–2019 гг.).

Возможность читательского взаимодействия с художественной структурой, ее повторения иными выразительными средствами, ее изменения в соответствии с ожида-

даже на современном этапе изучения фанфикшн преобладают описательные работы, исследований обобщающего, теоретического характера немного: помимо классических зарубежных работ 1990-х – начала 2000-х гг. отметим исследование О. Ю. Багдасарян (Теоретические подходы к изучению вторичных текстов, 2014), Н. В. Самутиной (2013, 2017).

По аналогии с подобными фанфикшн явлениями в исследовательской практике распространено его молчаливое отнесение к категории жанра. Также встречаются максимально широкие дефиниции: вид и тип литературы, форма литературного творчества; определения, относящие фанфикшн в систему рецептивной эстетики (интерпретативная стратегия, читательская практика, творческая практика).

Учитывая дискуссионность вопроса, возможно включение фанфикшн в систему жанров массовой литературы, т. к. в нем определяются признаки категории жанра, представленные в различных научных школах (как например, жанровую доминанту, жанровую форму и жанровое содержание, исторические формы существования, систему литературных приемов и т. д.).

При этом в отношении фанфикшн наиболее продуктивным видится понимание жанра и как «кода, при помощи которого можно интерпретировать текст», и как феномена «полиморфной», состоящей из «компонентов других жанров», подвижной, «незавершенной, незамкнутой» структуры [Павера 2008: 9, 40]. Представление о становлении жанра «в процессе дискурсивной деятельности» [Харджиева 2014: 132] позволяет акцентировать подвижность границ жанра фанфикшн, неустойчивость и маргинальность его жанрового содержания. Сущность и функционирование фанфикшн близки понятиям жанровой маргинальности (см., например, труды Н. Л. Лейдермана, Т. А. Терновой, идеи М. М. Бахтина, Ю. Н. Тынянова, Ю. М. Лотмана), трансфера, трансгрессии, т. к. стремятся не только и не столько к «межжанровому диалогу» (Э. Вахтель), сколько к пограничности, к выходу за границы жанровых конвенций и установлению собственных.

¹ Методологическая традиция изучения «вторичных текстов» (адаптаций, пародий, ремейков и др.) устойчива и разнообразна. Среди классических исследований называют работы зарубежных и отечественных ученых У. Эко, М. М. Бахтина, Ю. Н. Тынянова, М. В. Вербицкой и др. Широко использованы традиционные сравнительные, типологические, исторические методы, структурно-семиотический анализ, методология рецептивной критики, методы социологии, культурологии, психологии.

² В отношении отечественной классической поэзии это высокий показатель (см. статистику раздела «Книги» на сайте ficbook.net/fanfiction/books). По числу фанфикшн, посвященных отдельно стихотворению А. А. Ахматову опережает только «Ворон» Э. По, на сюжет которого написаны 24 фанфикшн. В целом, нужно отметить, что обращение авторов фанфикшн к классическим художественным произведениям редко, при этом выбор авторов и произведений определяется, с одной стороны, формализованным кругом чтения (как правило, школьным, университетским), а с другой – разнообразием трансмедийного прочтения произведений (например, в форме экранизаций). Как правило, количество художественных фанфикшн (есть и литературно-критические, и публицистические) выше у классических произведений с романтическим, особенно мистическим, сюжетом и героем, частотным в массовой культуре, близким малоподготовленному читателю (это могут быть страдающие одинокие герои, одаренные, но непризнанные обществом, желающие любви и счастья, в преодолении испытаний им часто помогает более мудрый и взрослый наставник).

Среди представленных на сайте в соответствующем фандоме произведений преобладают прозаические рассказы и стихотворения-баллады – 6 и 2 произведения (все тексты помечены как «драбл» и «мини», т. е. рассказ, миниатюра, сцена). В 3 произведениях сюжет «Сероглазого короля» перенесен в художественную реальность других произведений («кроссовер»): романы «Гристан и Изольда», «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго, цикл повестей о Гарри Поттере в его фанатской («фанонной») интерпретации. В этих случаях ахматовский текст выступает «кодом», который объясняет поступки и отношения героев, их переживания; персонажи баллады (король, королева, героиня, дочка) сопоставляются с персонажами произведения-«кроссовера», например, любовные переживания Изольды аналогичны чувствам ахматовской героини. Узнаваемые фразы, портретные и пейзажные детали, сюжет измены и гибели любовника, вычитанные из стихотворения Ахматовой, дополняют смыслы сюжетно и жанрово близких сцен источников «кроссовер».

Между тем в «Книге фанфиков» ахматовский сюжет и образы (особенно портретная деталь «сероглазый король») достаточно популярны (40 текстов), хотя и редко соотносятся с претекстом; авторы сайта, так же, как и авторы в фандоме, пользуются стихотворением Ахматовой для описания сюжета роковой любви, потери любимого (авторы используют для характеристики своих произведений жанровые формулы «ангст», «драма» и подобные). Сюжет стихотворения появляется как «ориджинал», т. е. самостоятельное произведение, так и как «кроссовер», связывая классический текст с авантурными произведениями (сериал «Шерлок», кинокомикс «Мстители») и фэнтези (цикл Дж. Р. Р. Толкиена, сериал «Мерлин», кинофильм «Голодные игры»).

ниями, ценностями, вкусами читателя меняет смыслы текста-источника, выявляет интермедиальные связи и взаимоотношения между центром и периферией культуры (Ю. Н. Тынянов). «Внутренняя неоднородность» художественного текста является фактором множественности его смыслов и потенциала к смыслопорождению, отысканию читателем новых смыслов и развертыванию взаимодействия структур текста и литературной системы [Лотман 1981: 7–8]. В этой ситуации активизируется сотворчество автора и читателя [Jenkins 2016] и одновременно за счет не только интенсивного, но и экстенсивного развития читателем художественной вселенной автора происходят изменения в самой системе литературы. Прежде всего, изменения, спровоцированные активным вмешательством читателя в текст, обнаруживаются во «вторичных текстах» массовой культуры: ремейке, приквеле, сиквеле, спин-офф, фанфикшн. Это «поле эксперимента», но направленное не на творческий поиск автора, а на удовлетворение читательского ожидания, чтения, ориентированного на получение желаемых (комфортных) эмоциональных впечатлений от текста.

Обращение к классическому тексту влияет на читательские и со-творческие стратегии читателя, воспитанного на чтении массовой литературы и хорошо знакомого с ее эстетикой: попытки понять текст, который написан по иным эстетическим принципам, приводят зачастую к его профанированию и упрощению, сюжет и герои осмысливаются читателем в контексте привычных, сформированной массовой культурой эстетических и фабульных установок. Причем интерпретация любого такого профанного прочтения как карнавального, игрового не всегда оправдана: поскольку у читателя не возникает стремления подчеркнуть ценность классического текста, «возродить» его для себя, основным в этом случае будет желание привести текст классического произведения к уровню понятных текстов. И поскольку фанфикшн обращается и к тексту массовой культуры, и к тексту классической литературы, появляются авторы, которых интересует проблематика, психологизм, мотивировки классической литературы, возникают и попытки работать

с языком и стилем произведений фанфикшн. Безусловно, эти читательские интенции доминирующие, но не всеобщие: у читателей возникает и игровое, ироничное отношение к классике, так же, как и стремление «улучшить» текст массовой культуры темами, приемами, мотивами «высокой литературы».

Выбор классического произведения как источника фанфикшн вызывает острые дискуссии о самой возможности внесения изменений в известный (канонический!) текст. Подобное поведение читателя воспринимается как потребительское отношение к культурному наследию, как способ достичь популярности за счет «извращения» и пародирования высокого классического сюжета. При известной доле правоты такой позиции стоит понимать, что интерпретация классического произведения, его активное присутствие в современной культуре (и особенно массовой) позволяет оценить степень и качество включения классики в ценностную парадигму читательской / зрительской культуры. Важно анализировать именно специфику понимания классики, чтобы определить отношение массового читателя к культурному наследию. Отбор классических текстов и их смысловых уровней для написания фанфикшн становится своеобразным маркером современности [Черняк 2009], существующего в массовом читательском сознании представления о сущности и смыслах классического художественного текста. При этом авторы, читатели и сами вторичные тексты, становясь объектами научных исследований и автометаописаний, собственных рефлексий, указывают на определенные изменения в системе ценностей современной культуры и провоцируют эти изменения.

Помимо эстетических установок, на восприятие классического текста в фанфикшн влияют специфические стратегии массовой культуры: «межкультурное заимствование» («global cultural borrowings» [Perkins, Verevis 2015: 677]), тиражируемость готовых типовых сюжетов и мотивировок, поддержание интереса потребителя к коммерчески успешным героям и произведениям искусства, отказ от уникального в пользу универсального. Таково, например, преобразование баллады в близкую ей форму любовного, авантюрного или мистического фэнтези.

Практика функционирования «вторичных текстов» в культуре, с одной стороны, связана с текстом-источником, который обязательно должен быть опознан через название (например, аналогичное или близкое авторскому – «Сероглазый король», «Мой сероглазый», «Серых глаз не надо», или включающее упоминание героев, элементов сюжета, цитат текста-источника), посвящение Ахматовой, эпитафия (строки стихотворения Ахматовой). С другой стороны, происходит деконструкция, редукция, игровая трансформация или актуализация источника: в фанфикшн эти условия реализуются именно на уровне сюжета. Степень узнаваемости претекста и механизм его интерпретации становятся как критериями различий форм и вариантов ремейка, так и критериями читательской компетенции, а в отношении фанфикшн – «фанатской компетенции», т. е. уровня знания дискурса жанра фанфикшн.

Значительная часть произведений фанфикшн посвящена экстенсивной переработке сюжета, его детализации и конкретизации, которые предстают вариантом обновления. В результате в культуре складывается гипертекст / метатекст, повторяющий «общую сюжетную схему первоисточника, постоянно отсылающий к первоисточнику, постоянно цитирующий первоисточник, прямо или трагически» [Урицкий 2002] (см. также [Шлейникова 2011]). В частности, от стихотворения Ахматовой в сознании читателя остаются опорные точки сюжета, типизированные герои, психологический параллелизм как прием пейзажа.

Сюжет и поэтика текста Ахматовой построены на доминирующей функции художественной детали и подтекста – в фанфикшн появляются развернутые картины пейзажей и интерьеров, детализированные психологические характеристики. Например, узнаваемая и потому тиражируемая портретная деталь «сероглазый» получает различные романтизированные варианты («красивые, серые глаза», «спокойным взглядом серых глаз»), указывает на необычность героя, его таинственность, трагическую судьбу («серые

как сталь», «взгляд серых холодных глаз», «сверкнув серыми, как расплавленное серебро, глазами», «темно-серое осеннее небо с влажными бликами у угольных зрачков»)¹. Излишняя декоративность и пластичность во «вторичном тексте» становятся средством дополнительной экспрессивности, накопление эпитетов и деталей воплощает стремление автора фанфикшн создать более осязаемый и потому привычный читателю образ. Наглядность и конкретика – общая тенденция литературного Интернета, и в том числе фанфикшн; как правило, пластичные описания костюма и портрета подменяют психологизм в формировании образов героев. В этом отношении понимание читателем специфики художественного образа строится на упрощении анализа: сложный психологический намек, деталь нуждаются в разложении на простые составляющие и объяснении с помощью известных моделей массовой культуры.

Опираясь на жанровую модель любовного романа, авторы особенно внимание уделяют переживаниям героинь: возлюбленной сероглазого короля, королевы, дочери (в трех случаях героини становятся источниками интриги, в остальных – сцены, посвященные переживанию ими гибели короля, занимают важное место в сюжете). Более детально, чем у Ахматовой, разработаны в фанфикшн образы короля и мужа героини, но строятся они по принципу экстенсивной пластичности (т. е. за счет обилия вещных, наглядных деталей-аксессуаров), и в этом авторы фанфикшн отходят от авторской концепции характеров и эстетики намека, подтекста. Оба героя попадают в фокус внимания авторов-фикрайтеров, их поступки психологически и логически мотивированы. Наиболее часто авторы выбирают типичные романтизированные характеры (одиноким беглец, герой одной страсти).

Сюжетные трансформации направлены на сближение текста-источника с популярными жанрами массовой литературы, причем выбор жанровой модели либо задается событиями фабулы текста-источника, либо опровергает, нарушает их. Ключевые события сю-

¹ Все анализируемые произведения фанфикшн размещены в фандоме «Ахматова Анна „Сероглазый король“ / Стихотворение» на сайте «Книга фанфиков» ficbook.net (icbook.net/fanfiction/books/ahmatova_anna). Далее произведения упоминаются и цитируются по этому источнику.

жета, концепции характеров, объем текстуальных совпадений объединяют фанфикшн по «Сероглазому королю» в гипертекст. В этом отношении важно, какие читательские интерпретации получают большее признание читателей: это средневековое фэнтези и особенно реалистический любовный рассказ (вызывая и самое большое количество комментариев; в обеих ситуациях авторы фанфикшн выбирают именно жанровую модель, формулу, а не конкретное произведение). Автор помещает героев в узнаваемую обстановку, отказавшись от сказочно-романного антуража, и судьба героини – обычной, средней женщины, и ее переживания гибели любимого понятны читательницам фанфикшн (см. многочисленные комментарии к фанфикшн, в которых как положительная черта текстов обозначены появившийся у читательниц эмоциональный отклик, переживание желаемых эмоций от текста – «плакала», «руки трясутся» и т. д.; подчеркивается также искренность описанных эмоций и традиционные для дискурса фандома упоминания о соответствии героев и сюжетов «канону»).

Помимо эпической фабулы, авторов фанфикшн привлекает лирический потенциал текста Ахматовой, лирический монолог становится центральным событием фанфикшн. Подобные жанровые приоритеты определяются кругом чтения авторов фанфикшн, особенно сетевой словесности (ср. сюжеты «девичьего рассказа», широко распространенные в социальных сетях и на любительских литературных сайтах).

Фанфикшн по стихотворению, в котором легко определяется эпическая фабула, близкая женскому любовному роману, также обращаются к повествованию и сюжету женского любовного романа. Авторы привлекает драматичная история любви, рассказанная в декорациях средневекового фэнтези (и женский роман, и фэнтези – наиболее популярные жанры массовой литературы среди читателей фандомов, эти же жанры становятся моделями для создания собственных фанфикшн). Это читательское ожидание определяет, например, обращение под влиянием исходного текста к жанру баллады в описании конфликта королевы и лирической героини.

Фанфикшн как форма «вторичного текста» обращается к мифологическим и известным в мировой литературе образам, сюжетам, которые становятся основой творчества фандомов. Это актуализация образа романтического героя и отношений, классических сюжетов мировой литературы и фольклора: злая королева, старушка-мать, благородная и добродетельная сиротка, соблазнитель. Происходит совмещение художественного пространства ахматовского текста с шаблонами и стереотипами беллетристики (в том числе, заимствованными из «высокой литературы» и перешедшими в сферу ценностной «периферии литературы»), городского фольклора. Безусловно, баллада Ахматовой тесно связана и с романтическим сюжетом, и с закономерностями жанра акмеистской баллады, но не сводится к ним полностью; ахматовский текст – модернистская игра в балладный сюжет. Тексты фанфикшн сужены до уровня стереотипов массовой литературы и городского фольклора.

Заимствования, отсылки и переделки классического произведения касаются, в основном, двух художественных структур текста – героя и сюжета. В первом случае – это экстенсивная пластичная адаптация узнаваемого читателем типа; во втором – игра событиями: их комбинацией, наполнением (герой, время и место), трактовкой (ср. [Семенов 2001: 1081]). Текстовые связи также воплощаются в различных вариантах прямых и скрытых цитат (интертексты, собственно цитирование, реминисценции, аллюзии) и в стратегиях читательского восприятия стиля (пародирование, подражание, стилизация). Авторы фанфикшн, повторяя хронотоп ахматовского текста, описывают осенний вечер, который был «душен и ал», в начале своих рассказов и шелест тополей за окном в финале: «душные осенние сумерки» (VassaR «Сероглазый король»), «Душный осенний вечер <...> солнце, уступая тьме, тяжелым красным шаром катилось за горизонт, плава стекла в домах», «А за окном под напором стихии шумели деревья. И этот шум аккомпанировал единственной мысли, крутившейся в голове <...> Моего короля больше нет на этой земле!» (Olmesa «Слава тебе, безысходная боль!»); «За окном снова заскулил ветер, а вместе с

ним по земле летела рыжая тополиная листва» (Сливка «Под серыми знамёнами»), «Вечернее небо, заключенное в неровный круг покачивающимися верхушками тополей, медленно гасло» (AliceAsteri «Сероглазый король»). Наиболее востребованные текстуальные реминисценции ахматовского текста – пейзаж (душный осенний вечер), портрет (серые глаза короля и дочери), финальная строчка «Нет на земле твоего короля» в разных вариациях (твоего / моего / нашего; «нет больше» и т. п.); также повторяются некоторые детали сюжета: муж сообщает героине о гибели короля на охоте и о том, что его нашли у старого дуба, молодая королева поседела от горя, у героини есть ребенок (дочь или – в одном тексте – сын), похожий на короля. Значащая и узнаваемая деталь дополнена избыточными – порой – выразительными средствами: «<...> за ночь одну она стала седой» – «Только в ночь одну мои локоны цвет сменили: / Поседали, пожухли краски в моей печали. / Рыжина моя потерялась в степной ковыли» (Adelfa «Серых глаз не надо»); сероглазый король, серые глазки дочери у Ахматовой – «он улыбнулся, сверкнув серыми, как расплавленное серебро, глазами»; муж «спокойно сказал» о гибели короля – «Прокашлялся, втянул носом теплый воздух и сказал сразу, прямо и безжалостно» (AliceAsteri «Сероглазый король») и т. д.

Вследствие влияния массовой культуры читатель в классическом художественном тексте (в том числе, и в ахматовском) видит насыщенную событийность, любовно-авантюрный сюжет, экстенсивное развитие пластичного образа, экспрессивность и драматичность. Именно событийный уровень текста, жанровая формула фэнтези и романтизированный герой воспринимаются читателем как ключевые точки, связывающие текст фанфикшн с источником, и именно они становятся кодом, с помощью которого в читательском творчестве переосмысливается классический текст.

Трансформации сюжета, системы образов, хронотопа происходят как в отношении углубления, переосмысления сюжета (ремейк, 1 текст), характеров, хронотопа, так и в отношении их расширения, разветвления – предыстории, продолжения, параллельные

сюжетные линии (отмечено 17 случаев, в том числе сочетания нескольких перечисленных вариантов расширения исходного сюжета). В классическом стихотворении, построенном на запоминающейся драматичной, трагической любовной линии – какими и являются востребованные в фандомах баллады Ахматовой и По, читателям интересен именно любовный сюжет. Популярность истории роковой любви дополняется декорациями мистического или исторического фэнтези, появлением зримого разграничения героев фанфикшн на положительных (героиня, ее дочь) и отрицательных (королева, муж – оба оказываются двуличными, коварными, прибегают к мистическим силам; особенно часто предстает фальшивым горе королевы). В большей степени привлекают авторов фанфикшн жанры рассказа и баллады (это косвенное влияние ахматовского текста), другие жанровые и сюжетные схемы, в том числе лирические, не вызывают аналогичного интереса.

Трансформация сюжета в фанфикшн связана не только с его переосмыслением в соответствии с популярными жанровыми формулами, но и с переводом второстепенных, эпизодических героев и событий источника в статус главных. Появляются сюжеты, посвященные королеве (4 текста), мужу героини (2 текста), и даже ее родителям (2 текста), которые совсем не появляются в стихотворении Ахматовой. Появляются конкретика и детальность: имена героев (Эмма, король Эрик, королева Оливия, дочь Мирьям, мать героини Тильда-травница и т. д. в разных фанфикшн), портреты, мотивировки поступков.

Трансформирование сюжета известного – в том числе классического – текста в различных формах литературной вторичности (особенно это очевидно в фанфикшн) может идти по пути эпатажа и карнавальная игры, профанации. Ввод в знакомый классический текст сексуальных сцен, ненормативной лексики, современных реалий и моделей поведения порождает «сильный эффект, знакомый некоторым по подростковым переделкам текстов из школьной программы» [Загидуллина 2004]. Но понимание различных по своей жанрово-стилевой природе классических текстов опирается на различные читательские стратегии. В отличие от представ-

ленных в фандомах фанфикшн по крупным эпическим произведениям («Евгений Онегин», «Война и мир»), которые подвергаются пародийной деконструкции, фанфикшн по стихотворению Ахматовой не профанируют классический текст, а пересоздают его по законам жанров массовой культуры. Авторская стратегия в таком случае связана не только с психологией фанатства и привязанностью фаната к канону, но и со стремлением конкретизировать и расширить художественную реальность, дополнить смыслы источника, добавить драматизма и глубины характерам и событиям, адаптировать текст к знакомому жанру массовой литературы – т. е. привнести в хорошо освоенный претекст новизну, стремление к которой отличает ремейк. Но в случае фанфикшн эта новизна парадоксальна: текст должен быть привычным, хорошо знакомым, поэтому или герой классического текста помещен в знакомый и понятный сюжет, или классический сюжет наполнен понятными читателю героями.

Изучение трансформации художественного текста в пространстве фанфикшн дает основания делать выводы не только об обусловленности восприятия классики предшествующим читательским опытом¹, но и о положении вторичных текстов в системе литературных жанров. Ремейк и фанфикшн становятся теми художественными явлениями, в которых повторение приводит к деконструкции художественной структуры или смещению смысла; вписанные в жанровую систему современного литературного процесса вторичные тексты создают «дивергент-

ные серии» [Липовецкий 2008: 237]. Это актуализирует жанровые и стилевые поиски, связанные с маргинализацией существующих литературных категорий²: порождаемые массовой культурой жанровые явления выходят за границы существующих феноменов, переконструируя их признаки.

Собственно, ключевое понятие «вторичность» указывает на взаимоотношение прецедентного и нового текстов, а набирающее популярность «трансгрессивность», «трансферность» – на процесс движения текстов в культуре и их взаимоотношений. Но современное состояние и процесса движения, и взаимоотношений этих групп текстов (прецедентных и вторичных, исходных и новых) определяется не просто наличием связи между ними, но и выходом ремейков, приквелов и т. д. за границы устоявшейся жанрово-родовой системы и стилиевых признаков.

Существующий опыт оценки читательского творчества показывает, что в ремейках и фанфикшн исследователи видят игровой потенциал литературы, особенности читательской рецепции и современного чтения классического текста. Но при этом игра строится по законам массовой литературы. В частности, ремейк, фанфикшн и т. п. вторичные тексты привлекают читателей, хорошо знающих текст-источник. «Чем глубже знание „оригинала“, тем больше будет отмечено тонкостей в ремейке (новый текст будет воспринят максимально адекватно)» [Загидуллина 2004], поэтому в культуре возрастает роль подготовленного читателя, готового к творческому прочтению. Но для фанфикшн

¹ О литературном и читательском опыте см., например, статью Н. В. Самутиной [Самутина 2013: 161–163].

Показательным для предварительного описания читательского опыта участников фандома является собственно корпус классических текстов, представленный на сайте «Книга фанфиков». Подтверждая наблюдения других исследователей фанфикшн, отметим значительную долю произведений в жанрах фэнтези, магического реализма, а также произведений «школьного канона». На глубокое знакомство с другими жанрами массовой литературы (любовным романом, в частности) указывают, помимо анализа жанровых формул, мотивного и сюжетного построения, стилиевых закономерностей, комментарии участников фандома к прочитанным произведениям фанфикшн, в которых они неизменно сравниваются с образцами массового книгоиздания [см. Самутина 2013: 160]. Ср. читательский отзыв: «Моя жизнь протекает на просторах интернета, и любовные романы я читаю в ну очень большом количестве, вероятно, зря, во-первых, потому, что потом приходится разочаровываться, а во-вторых, потому, что очень уж мало настоящих, хороших, ярких, полных, продуманных историй» [Maria Вейская 2015].

² Интерес профессиональной литературы к «вторичным текстам» достаточно глубоко изучен как в зарубежной, так и в отечественной науке (см., например, не только уже упомянутые труды, но и сборники международной конференции «Культ-товары», посвященные различным проблемам массовой культуры, и в том числе интересующей нас теме). Фанфикшн как явление «вторичной литературы» уже представлен в сфере издательской и профессиональной литературной практики: несмотря на активные либо молчаливые протесты авторов и правообладателей, фанфикшн находит своего читателя вне пространства фандома, а авторы-«фикрайтеры» переходят в статус профессиональных писателей (не удивительно, что участие в фандомах рассматривается как литературное ученичество и путь в «большую литературу», см. [Сорра 2017: 2–3]).

это означает и укоренение самостоятельной субкультуры фанатов-фикрайтеров, и экстенсивное развитие художественного мира источника, основанное на опыте и качестве чтения. И поскольку для читателей фанфикшн доминирующими в круге чтения становятся произведения массовой культуры, творческое обращение к художественному тексту, его понимание искажается и упрощается. Маркером понимания текста становятся аллюзии, прямые и скрытые цитаты (например, использованные авторами фанфикшн разных вариаций ахматовской фразы «Нет на земле твоего короля!» в заглавиях, пейзаже и в финале произведений). Авторам не удается в полной мере понять смыслы стихотворения Ахматовой, поскольку художественная природа лирической поэзии сложна (поэтому так низко количество не только интерпретаций другой любовной лирики Ахматовой, но и лирической поэзии в целом; при этом собственная лирика достаточно часто появляется в различных фандомах¹).

Причина обращения к чтению и написанию фанфикшн (и других вторичных текстов) – создающее удовольствие воспоминание о моменте со-творчества и одновременно чувство новизны, свежести восприятия любимого читателем произведения и героя [Jenkins 2005: 9]. Читатель хочет еще больше подобных историй – как на уровне исходной художественной вселенной, так и на уровне сюжета, композиции, жанрово-стилевых формул, – как пишет Ф. Коппа, сравни-

вая фанфикшн с поеданием чипсов [Сорра 2017: IX]. Под влиянием ценностей и смыслов масс-культуры сменяются иерархии читательских стратегий – информационно-образовательного, развлекательного, потребительского, творческого чтения. В бытовании фанфикшн соединяются признаки разных видов чтения, но понимающее и создающее начало в нем зависит не только от качества источника (авторы фанфикшн выбирают и классические художественные произведения, причем не всегда как объект пародии), но и от собственно закономерностей жанра фанфикшн, его дискурса и дискурса фандома. Творчество и чтение фанфикшн воплощено в маркерах-«маяках» текста: формулы сюжета и характера, стилистика, модус интерпретации (трагический, мелодраматический, комический), круг чтения автора, – созданных именно массовой литературой и поп-культурой.

Отмеченные в автометаописаниях² типичность, шаблонность, тиражирование готовых сюжетов и характеров определяются природой жанра: «автору не нужно придумывать собственный мир, он уже был создан, автору не нужно придумывать героев, они уже были описаны, автору не нужно следовать собственному стилю», – какой ее видят в дискурсе фандомов³ [Дневник Комати 2009]. Необходимо понимать, что творческие интенции участников фандомов, как и принципы обращения к художественному миру претекста, могут быть различными, но сам претекст становится удобной и комфортной для «фикрай-

¹ Соотношение лирического и эпического начал в фанатском творчестве несколько парадоксально: как читатели участники фандомов выбирают эпические тексты с драматичной коллизией, но становясь авторами, стремятся выразить свои переживания в лирическом монологе, пейзаже, фрагменте. При этом лирический фанфикшн не всегда находит почитателей (популярные лирические тексты часто принадлежат авторам со сформированной читательской аудиторией в фандоме, лирика им «прощается»); такие художественные приемы, как лирический монолог, повествование от первого лица выносят в блок предварительных замечаний («шапку») к фанфикшн, они чаще требуют авторского оправдания в аннотациях. Подобным образом в дискурсе фандома оценивается прозаический и поэтический текст: в качестве фанатского чтения наиболее популярны прозаические произведения, отношение же к поэтическим произведениям, как правило, негативное (настолько, что, например, на сайте fanfics.me запрещены стихи, см. fanfics.me/rules), но авторы фанфикшн достаточно часто размещают собственные стихотворения. Поэтический текст, как правило, размещается в разделе «ориджинал», т. е. его относят к самостоятельному, не основанному на претекстах творчеству (малая текстуальная связь поэтических фанфикшн с претекстом отмечена и в фандоме по произведениям А. Ахматовой).

² Термин, предложенный Р. Д. Тименчиком для характеристики «Поэмы без героя», в ситуации фандома описывает произведения фанфикшн и комментарии автора к ним, посвященные осмыслению жанра фанфикшн, творческого процесса, творческой истории произведения. Автометаописательные тексты углубляют изучение жанровых признаков фанфикшн, особенностей авторского и читательского поведения в фандомах.

³ Необходимо отметить, что автор блога о фанфикшн, созданного в 2009–2013 гг. – журналист, в сфере ее интересов, помимо фанатского творчества, – литература и русская речь. В период наполнения блога автор училась в аспирантуре, материалом ее исследований стали фанфикшн по творчеству Стругацких. Таким образом, цитируемая оценка жанра принадлежит квалифицированному и подготовленному читателю, который способен смотреть на фанфикшн и как читатель и автор, и как исследователь.

тера» художественной моделью текста фанфикшн. Такие модели художественного мира можно легко совмещать (текст-«кроссовер»), менять авторскую точку зрения на сюжет и концепцию характеров (например, в фандомах популярно изменение оригинального сюжета на любовно-эротический, интерпретация оригинального сюжета как антиутопии – там, где подобные смыслы не были заложены автором претекста).

Закономерности восприятия классики определяются опытом чтения популярных жанров массовой литературы (любовного романа и фэнтези); востребованность вторичных текстов происходит на фоне маргинализации жанровой системы, которая связана с общим отношением к классическому тексту

в массовом читательском сознании. Популярность ремейка и фанфикшн, происходящие изменения функций жанра как категории указывают на уровни, способы и стратегии взаимодействия читателя с пространством дискурсов, текстов и смыслов массовой культуры. М. Даффет видит в феномене фандома особый вид восприятия медиаккультуры [Duffett 2013], которая закладывает ценности мгновенного потребления-удовольствия и свободного сочетания универсальных шаблонных образов и событий. Изучение чтения и создания фанфикшн показывает зависимость восприятия классики и ее понимания от практик массовой культуры: они определяют выбор произведения, уровни его понимания и стратегии интерпретации.

Литература

Багдасарян, О. Ю. Авторизированная трансгрессия: вторичный текст в современной драматургии / О. Ю. Багдасарян // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. – 2013. – № 2. – С. 41–51.

Дневник Комати. Фанфикшн: литература одержимости или одержимость литературой. – URL: ono-pokomati.livejournal.com/640.html (дата обращения: 05.07.2020). – Текст : электронный.

Загидуллина, М. В. Ремейк как форма исторической реинтерпретации / М. В. Загидуллина. – Текст : электронный // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 69. – URL: magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13.html (дата обращения: 30.11.2018).

Липовецкий, М. Н. Паралогии: трансформации (пост)модернистского дискурса в культуре 1920–2000-х годов / М. Н. Липовецкий. – М. : НЛО, 2008. – 848 с.

Лотман, Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартусского государственного университета: Текст в тексте. Труды по знаковым системам XIV. – 1981. – Вып. 567. – С. 3–18.

Maria Вере́йская. Комментарий. – URL: ficbook.net/readfic/1895379 (дата обращения: 30.11.2018). – Текст : электронный.

Павера, Л. Текст, жанр и интерпретация / Л. Павера. – М. : Университетская книга, 2008. – 135 с.

Семенов, В. Г. Травестия / В. Г. Семенов // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 1079–1081.

Скороход, Н. С. Как инсценировать прозу. Проза на русской сцене: история, теория, практика / Н. С. Скороход. – СПб. : Петербургский театральный журнал, 2010. – 344 с.

Самутина, Н. В. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта / Н. В. Самутина // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12, № 3. – С. 137–194.

Самутина, Н. В. Практики эмоционального чтения и любительская литература (фанфикшн) / Н. В. Самутина. – Текст : электронный // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 1 (143). – URL: magazines.russ.ru/nlo/2017/1/praktiki-emocionalnogo-chteniya-i-lyubitelskaya-literatura.html (дата обращения: 01.03.2019).

Урицкий, А. Дубль второй / А. Урицкий. – Текст : электронный // Дружба народов. – 2002. – № 3. – URL: magazines.gorky.media/druzhiba/2002/3/dubl-vtoroj.html (дата обращения: 01.07.2020).

Фанфики по фэндому «Ахматова Анна „Сероглазый король“ / Стихотворение». – URL: ficbook.net/fanfiction/books/ahmatova_anna (дата обращения: 01.03.2019). – Текст : электронный.

Харджи́ева, Е. С. Детективный дискурс как процесс создания и развития детективного жанра / Е. С. Харджи́ева. – Текст : электронный // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2014. – № 3. – С. 131–138. URL: www.philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/730/735 (дата обращения: 30.11.2018).

Черняк, В. Д. Ремейк; Сиквел; Серийность массовой литературы / В. Д. Черняк, М. А. Черняк // Массовая литература в понятиях и терминах : учебный словарь-справочник. – М. : Флинта, 2015. – С. 141–153.

Черняк, М. А. С Гоголем на дружеской ноге: юбилейные заметки / М. А. Черняк. – Текст : электронный // Знамя. – 2009. – № 6. – URL: magazines.russ.ru/znamia/2009/6/ch14.html (дата обращения: 30.11.2018).

Чупринин, С. И. Сиквел / С. И. Чупринин // Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. – М. : Время, 2007. – 814 с.

Шлейникова, Е. Е. Ремейк / Е. Е. Шлейникова // Новый филологический вестник. – 2011. – № 2. – С. 139–143.

- Эко, У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна / У. Эко // *Философия эпохи постмодерна*. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 48–73.
- Coppa, F. *The Fanfiction Reader: Folk Tales for the Digital Age* / F. Coppa. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2017. – 304 p.
- Beyond Adaptation: Essays on Radical Transformations of Original Works / ed. by Ph. Frus, and C. Williams. – Jefferson, North Carolina : MacFarland & Company Inc., 2010. – 226 p.
- Duffett, M. *Understanding Fandom: An Introduction to the Study of Media Fan Culture* / M. Duffett. – London ; New York : Bloomsbury Academic, 2013. – 360 p.
- Hutcheon, L. *A Theory of Adaptation* / L. Hutcheon. – New York ; London : Routledge, 2006. – XVIII + 232 p.
- Jenkins, H. *Textual Poachers: Television Fans & Participatory Culture* / H. Jenkins. – New York ; London : Routledge ; Taylor & Francis e-Library, 2005. – 347 p.
- Jenkins, H. *Participatory Culture in a Networked Era: A Conversation on Youth, Learning, Commerce, and Politics* / H. Jenkins, M. Ito, D. Boyd. – Cambridge, UK ; Malden, MA : Polity Press, 2016. – 160 p.
- Perkins, C. *Transnational television remakes* / C. Perkins, C. Verevis // *Continuum*. – 2015. – Vol. 29, Issue 5. – P. 677–683. – DOI: 10.1080/10304312.2015.1068729.

References

- Bagdasaryan, O. Yu. (2013). Avtorizirovannaya transgressiya: vtorichnyi tekst v sovremennoi dramaturgii [Authorized Transgression: Secondary Text in Contemporary Drama]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya*. No. 2, pp. 41–51.
- Chernyak, M. A. (2009). S Gogolem na družeskoj noge: yubileinye zametki [On Friendly Terms with Gogol: Commemorative Notes]. In *Znamya*. No. 6. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/6/ch14.html> (mode of access: 30.11.2018).
- Chernyak, V. D., Chernyak, M. A. (2015). Remeik; Sikvel; Seriinost' massovoi literatury [Remake; Sequel; Seriality of Mass Literature]. In *Massovaya literatura v ponyat'yakh i terminakh : uchebnyi slovar'-spravochnik*. Moscow, Flinta, pp. 141–153.
- Chuprinin, S. I. (2007). Sikvel [Sequel]. In *Russkaya literatura segodnya. Zhizn' po ponyat'yam*. Moscow, Vremya. 814 p.
- Coppa, F. (2017). *The Fanfiction Reader: Folk Tales for the Digital Age*, Ann Arbor, University of Michigan Press, 304 p.
- Dnevnik Komati Fanfikshn: literatura oderzhimosti ili oderzhimost' literaturoi* [Fanfiction: literature of obsession or obsession with literature]. URL: ono-no-komati.livejournal.com/640.html (mode of access: 05.05.2017).
- Duffett, M. (2013). *Understanding Fandom: An Introduction to the Study of Media Fan Culture*. London, New York, Bloomsbury Academic. 360 p.
- Эко, У. (1996). Innovatsiya i povtorenie. Mezhdru estetikoi moderna i postmoderna [Innovation and Repetition. Between the Aesthetics of Modern and Postmodern Literature]. *Filosofiya epokhi postmoderna*, Minsk, Krasiko-print, pp. 48–73.
- Fanfiki po fendumu «Akhmatova Anna “Seroglazyi korol” / Stikhotvorenie»* [Fanfics for the “Akhmatova Anna *The Gray-eyed King* / *The Poem*” fandom]. URL: ficbook.net/fanfiction/books/ahmatova_anna (mode of access: 01.03.2019).
- Frus, Ph., Williams, C. (Eds.). (2010). *Beyond Adaptation: Essays on Radical Transformations of Original Works*. Jefferson, North Carolina, MacFarland & Company Inc. 226 p.
- Hutcheon, L. (2006). *A Theory of Adaptation*. New York, London, Routledge. XVIII + 232 p.
- Jenkins, H. (2005). *Textual Poachers: Television Fans & Participatory Culture*. New York, London, Routledge, Taylor & Francis e-Library. 347 p.
- Jenkins, H., Ito, M., Boyd, D. (2016). *Participatory Culture in a Networked Era: A Conversation on Youth, Learning, Commerce, and Politics*. Cambridge, UK, Malden, MA, Polity Press. 160 p.
- Khardgiava, E. S. (2014). Detektivnyi discours kak process sozdaniya I razvitiya detektivnogo zhanra [Detective Discourse as a Process of Formation and Development of the Detective Genre]. In *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki*. Vol. 3, pp. 131p138. URL: <http://www.philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/730/735> (mode of access: 30.11.2018).
- Lipovetskii, M. N. (2008). *Paralogii: transformatsii (post)modernistskogo diskursa v kul'ture 1920–2000-kh godov* [Paralogies: Transformations of (Post) Modernist Discourse in the Culture of the 1920–2000]. Moscow, NLO. 848 p.
- Lotman, Yu. M. (1981). Tekst v tekste [Text in the Text]. In *Uchenyye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta: Tekst v tekste. Trudy po znakovym sistemam XIV*. Issue 567, pp. 3–18.
- Mariya Vereiskaya. Kommentariy* [Commentary]. (2015). URL: <https://ficbook.net/readfic/1895379> (mode of access: 30.11.2018).
- Pavera, L. (2008). *Tekst, zhanr i interpretatsiya* [Text, Genre and Interpretation]. Moscow, Universitetskaya kniga. 135 p.
- Perkins, C., Verevis, C. (2015). Transnational television remakes. In *Continuum*. Vol. 29. Issue 5, pp. 677–683. DOI: 10.1080/10304312.2015.1068729.
- Samutina, N. V. (2013). Velikie chitatel'nitsy: fanfikshn kak forma literaturnogo opyta [The Great Female Readers: Fan Fiction as a Literary Experience]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 12. Issue 3, pp. 137–194.
- Samutina, N. V. (2017). Praktiki emotsional'nogo chteniya I lyubitel'skaya literatura (fanfikshn) [Practices of Emotional Reading and Amateur Literature (Fanfiction)]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. Vol. 1 (143). URL: magazines.russ.ru/nlo/2017/1/praktiki-emotsionalnogo-cheniya-i-lyubitelskaya-literatura.html (mode of access: 01.03.2019).
- Semenov, V. G. (2001). Travestiya [Travesty]. In *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii*. Moscow, NPK «Intelvak», pp. 1079–1081.

Булдакова Ю. В. Восприятие текста классического поэтического произведения читателями фанфикшн

Shleinikova, E. E. (2011). Remeik [Remake]. In *Novyi filologicheskii vestnik*. No. 2, pp. 139–143.

Skorokhod, N. S. (2010). *Kak instsenirovat' prozu. Proza na russkoi stsene: istoriya, teoriya, praktika* [How to Stage Prose. Prose on the Russian Stage: History, Theory, Practice]. Saint Petersburg, Peterburgskii teatral'nyi zhurnal. 344 p.

Uritskii, A. (2002). Dubl' vtoroi [Take Two]. In *Druzhba narodov*. No. 3. URL: magazines.gorky.media/druzhba/2002/3/dubl-vtoroj.html (mode of access: 01.07.2020).

Zagidullina, M. V. (2004). Remeik kak forma istoricheskoi reinterpretatsii [Remake as a Form of Historical Reinterpretation]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 69. URL: magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13.html (mode of access: 30.11.2018).

Данные об авторе

Булдакова Юлия Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций, Вятский государственный университет (г. Киров, Россия).

Адрес: 610002, г. Киров, ул. Ленина, д.111, кафедра ЖК.

E-mail: fatalib@mail.ru.

Author's information

Buldakova Yulia Vyacheslavovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Journalism and Integrated Communications, Vyatka State University (Kirov, Russia).

«МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ» ЛИРИКА: ОСНОВНЫЕ ДЕФИНИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Агапонова О. С.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Гродно, Республика Беларусь)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3295-6336>

Аннотация. В статье анализируются основные подходы к изучению «метафизической» лирики в современном белорусском и российском литературоведении, которые можно свести к четырем основным: 1) описание литературной школы как исторического явления; 2) выявление ключевых черт «метафизического» стиля в творчестве отдельного автора и группы авторов; 3) выявление концептосфер в лирическом тексте (бытие / небытие, жизнь / смерть, трансцендентное / имманентное, мир / человек и т. д.); 4) соотношение категорий метафизическое, философское, медитативное, религиозное, духовное, интеллектуальное и т. д., рассматриваемых в жанровом и паражанровом теоретическом поле. Особое внимание в литературоведении уделяется «метафизическому стилю», основными чертами которого являются: интеллектуализм, остроумие, усложненный метафоризм, наличие прецедентного прототекста («Библии»), апелляция (эксплицитная и имплицитная) субъекта к трансцендентному адресату или объекту (к тому, что находится за пределами физического мира), медитативность, философичность, тенденция к расширению границ времени и пространства, ассоциативность, концептуальность, обыденность переживаемой «метафизической» ситуации, синтез искусств (поэзия и музыка, поэзия и живопись, поэзия, музыка и живопись), «сближение» далековатых идей, мистицизм и т. д. Автором статьи делается вывод о том, что основной вектор исследования феномена «метафизической» лирики в анализируемых работах сводится к обоснованию специфической интенциональности лирического субъекта в отношении трансцендентного мира: тип сознания, доминанта духовного поиска, позиция субъекта и т. д. Благодаря данной интенциональности интеллектуализм и духовность проявляют себя в качестве доминанты эстетического поиска на всех уровнях организации текста. Следствием обозначенной творческой установки является наличие в тексте стилистических особенностей, представленных насыщенной метафоризацией, семантической уплотненностью, затемнением смысла, синтезом дискурсов и т. д. В заключении выдвигается гипотеза о существовании трансцендентального, или «метафизического» модуса художественности как типа эстетического завершения, в котором находят свое отражение бытийные взаимоотношения между субъектом творчества и «запредельным» миром.

Ключевые слова: «метафизическая» лирика; интеллектуальная лирика; стиль; жанр; философская лирика; медитативная лирика; трансцендентное; модус художественности.

“METAPHYSICAL” LYRICS: BASIC DEFINITIONS IN MODERN LITERARY STUDIES

Ol'ga S. Agaponova

Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Republic of Belarus)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3295-6336>

Abstract. The article analyzes various approaches to the study of “metaphysical” lyrics in modern Belarusian and Russian literary criticism, which can be reduced to four main ones: 1) description of the literary school as a historical phenomenon; 2) identification of the key features of the “metaphysical” style in the work of an individual author and a group of authors; 3) identification of conceptual spheres in the lyric text (being / non-being, life / death, transcendental / immanent, world / person, etc.); 4) mutual relations between the categories “metaphysical, philosophical, meditative, religious, spiritual, intellectual”, etc., considered in the genre and paragenre theoretical field. Special attention in literary criticism is paid to the “metaphysical style”, the main features of which are: intellectualism, wit, complicated metaphorism, presence of a precedent prototext (“the Bible”), ap-

peal (explicit and implicit) of the subject to the transcendental addressee or object (to what is beyond the physical world), meditateness, philosophicality, tendency to expand the boundaries of time and space, associativity, conceptuality, ordinalness of the experienced "metaphysical" situation, synthesis of arts (poetry and music, poetry and painting, poetry, music and painting), "convergence" of somewhat distant ideas, mysticism, etc. The author of the article concludes that the main vector of research into the phenomenon of "metaphysical" lyrics in the works under analysis is reduced to substantiating the specific intentionality of the lyric subject in relation to the transcendental world: the type of consciousness, the dominant of spiritual search, the position of the subject, etc. Thanks to this intentionality, intellectualism and spirituality manifest themselves as a dominant of aesthetic search on all levels of text organization. The consequence of the designated creative attitude is the presence in the text of stylistic features, represented by rich metaphorization, semantic condensation, obscured meaning, synthesis of discourses, etc. In the conclusion, a hypothesis is posed about the existence of a transcendental or "metaphysical" mode of artistic presentation as a type of aesthetic interpretation, which reflects the existential relationships between the subject of creativity and the "transcendent" world.

Keywords: "metaphysical" lyrics; intellectual lyrics; style; genre; philosophical lyrics; meditative lyrics; the transcendental; mode of artistic presentation.

Для цитирования: Агапонова, О. С. «Метафизическая» лирика: основные дефиниции в современном литературоведении / О. С. Агапонова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 141–149. – DOI: 10.26170/FK20-03-12.

For citation: Agaponova, O. S. (2020). "Metaphysical" Lyrics: Basic Definitions in Modern Literary Studies. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 141–149. DOI: 10.26170/FK20-03-12.

Введение. В последние десятилетия в белорусском и российском литературоведении возрастает интерес к «запредельной» лирике (и «запредельности» в лирике). Все термины, понятия и дефиниции, обозначающие «запредельность» лирического текста: трансцендентное, метафизическое, интеллектуальное, философское и т. п., – чаще всего являются контекстуальными синонимами и не имеют концептуального разграничения. Одним из распространенных терминов, используемых в применении к «вычурной», «заумной» поэзии, является термин «метафизическая».

Основная часть. Определение данного литературного феномена вариативно: от ключевой характеристики художественности, а также особенности стиля, детерминированного литературной традицией, школы, жанровой разновидности, до художественной парадигмы и художественного метода. Отсутствие четких критериев теоретизации философской, интеллектуальной, «метафизической» лирики¹ и соответствующей классификации

обусловлено терминологической вариативностью, а также:

1) спецификой художественного текста, которая заключается в наличии таких текстуальных признаков, как «онтологичность, логосность, ипостасность, синергийность» [Трофимов 1999: 29], медитативность, синтез интеллектуального и эмоционального, рационального и иррационального, философского и религиозного², апелляция к трансцендентному адресату, «тяга к причудливости» [Кружков 2001] и т. д.;

2) читательской рецепцией, поскольку «метафизическая» лирика ориентирована на постижение субъектом творчества трансцендентного посредством создания «собственного образа мира, где происходит встреча с Высшим началом» [Плеханова 2015: 26]. Следствием этого является «усложнение» стилистики поэтического текста (насыщенная метафоризация, поэтика быстрых ассоциаций и сложных семантических связей) и структуры стиха (архитектоники). Иными словами, «нара-

¹ А. В. Нестеров в диссертационном исследовании «Рецепция поэзии Джона Донна в русской литературе» употребил как «возможный» термин «метафизическое течение», характеризующий лирику Л. Аронсона, И. Бродского, Е. Шварц, О. Седаковой, С. Стратановского и др. [Нестеров 2000: 192].

² Ключевые характеристики «метафизической» лирики были обозначены в работах О. В. Половинкиной, Т. С. Элиота, Е. А. Трофимова, Г. М. Кружкова, А. Н. Горбунова, Н. Н. Ильинской, Е. А. Иконниковой, И. О. Шайтанова, И. С. Зарной, М. В. Громова и др.

щивание» образа в лирическом тексте и есть один из способов «выхода» субъекта творчества в сверхчувственный трансцендентный мир, на который данный субъект проецирует свой гносеологический запрос;

3) применением данного термина ко многим лирическим произведениям, которые демонстрируют образы трансцендентного в художественном тексте без привязки их к литературной традиции барочных поэтов (например, «метафизическая» лирика русских поэтов XIX в. А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Ф. И. Тютчева, В. С. Соловьева и других).

Считается, что истоки собственно «метафизической» поэзии (в Испании) восходят к первой половине XVII столетия. Одним из трудов, в котором понимание *метафизического* соотносят [Шайтанов 1998] с «прелестями остроумия», является трактат Балтасара Грасиана «Остроумие, или Искусство изощренного ума». В этом трактате испанский философ и теоретик литературы пишет: «<...> мастерство остроумия состоит в изящном сочетании, в гармоническом сопоставлении двух или трех далеких понятий, связанных единым актом разума» [Грасиан 1977: 175]. Однако «метафизическая» школа – это поэзия барочного стиля, возникшая, в первую очередь, в Англии в XVII в. Образцом «метафизической» лирики являлось творчество Джона Донна и его окружения. Как указывают О. Ю. Поляков и В. Л. Луков, определение «метафизическая» возникло применительно к поэзии Дж. Донна, Дж. Герберта, Р. Крэншо, Г. Воэна и других менее значимых авторов и вошло в широкое употребление в литературоведении и критике после публикации «Жизнеописания Каули» Сэмюэля Джонсона (1777), в котором осуждалось отступление метафизиков от принципов подражания природе, проявившееся в усложненной метафорике их творчества [Поляков, Луков 2012].

В российском и белорусском литературоведении существует несколько направлений исследования «метафизической» лирики, которые можно свести к четырем основным: 1) описание литературной школы как исто-

рического явления (или индивидуальной поэтической практики); 2) выявление ключевых черт «метафизического стиля» в творчестве отдельного автора / группы авторов; 3) анализ «поэтологических констант» [Шталь 2017: 256] (бытие / небытие, пустота / полнота, жизнь / смерть, трансцендентное / имманентное, мир / человек и т. д.); 4) отождествление (не всегда) категорий *метафизического*, *философского*, *медитативного*, *религиозного*, *духовного*, *интеллектуального* и т. д., рассматриваемых в жанровом (жанр медитации (Е. А. Иконникова, В. П. Рагойша), жанр философской лирики (А. С. Панфилова, С. Н. Стёпин и др.), стихотворение-рассуждение (А. Иващенко)) и паражанровом (разновидность, «стилевой пласт» (Г. Н. Поспелов), художественный метод, подход, способ философствования, «тип религиозно-поэтического сознания» [Ильинская 2006]) теоретическом поле. Также имеется ряд работ, касающихся взаимосвязи религиозной и метафизической лирики (И. И. Плеханова, Н. Н. Ильинская, Е. А. Иконникова). Разграничение этих понятий в литературоведении чаще соотносится с тематическим содержанием текстов или принадлежностью автора к определенному типу религиозно-поэтического сознания (Н. Н. Ильинская). Например, И. И. Плеханова определяет критерий дифференциации религиозного и метафизического, связывая его с *доминантой духовного поиска*. Автор выделяет «религиозную метафизику» и «религиозную по образу мысли поэзию» [Плеханова 2015: 26].

Само слово «метафизика» (др.-греч. *μετα' τα φυσικά'* – то, что после физики) впервые было употреблено Андроником Родосским (I век до н.э.), который систематизировал и издал труды Аристотеля, расположенные после сборника «Физика» 13 трактатов о «первой философии», которые назвал «Метафизика»¹. В своем первоначальном значении это понятие соотносилось с исследованиями первопричин мира (космология), человека (антропология), бытия и сущего (онтология). Позже понятие стало употребляться как синоним философии и до сих пор обозначает то, что лежит за пределами физических явлений.

¹ Примечательно, что термин «метафизика», как считает С. Макуренкова, был качественно переосмыслен: «семантическая горизонталь („то, что за физикой“) стала пониматься в вертикальной плоскости („то, что над природой“)» [Макуренкова 1994: 55].

Однако, как отмечает О. В. Половинкина, если буквальное значение термина «метафизическое» применить к определению поэзии, то это чревато слишком сильным акцентом на понятии, имеющем отношение «к учению о высших причинах бытия» [Половинкина 2009: 114].

В «Литературном энциклопедическом словаре» «метафизическая лирика» упоминается как «обозначение творчества английских поэтов-маньеристов <...> и их последователей» [Муравьев 1987: 217–218]. Среди основных особенностей «метафизической» лирики выделяется общая идея, связанная с «напряжением чувств под знаком разума, устремленного в безграничность и чающего откровения» [Муравьев 1987: 218]. В. С. Муравьев отмечает, что поэты-метафизики делали переживанием «само миропознание» субъекта, благодаря чему общая тональность этого процесса носила религиозный характер, а также «характер лирической *медитации*» [Муравьев 1987: 218]. Таким образом, познание *мира субъектом* в рассматриваемой лирике первоначально имело медитативный характер, что подразумевало и размышление, и «мистическое» приобщение к данному процессу. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» говорится об условности термина «метафизическая школа» (обозначающего *направление* в английской поэзии первой половины XVII в.), поскольку барочные поэты, несмотря на схожесть стилей, «как группа никогда не объединялись» [Красавченко 2001: 532].

Обратимся к фундаментальным исследованиям двух направлений (2, 4: см. ранее), в которых изучаются различные аспекты теории и практики «метафизической» лирики.

В рамках второго исследовательского направления стоит отметить труды ученых и критиков Т. С. Элиота, О. И. Половинкиной, Л. В. Егоровой, Е. А. Зубковой, А. В. Нестерова, З. Л. Карумидзе, Е. М. Луценко, А. Н. Горбунова, И. О. Шайтанова, Г. Кружкова, Н. Г. Медведевой, И. С. Заярной и др., в которых на основании творчества Джона Донна и творчества других англо-американских поэтов-метафизиков выделяются основные черты «метафизической» лирики. Анализ исследованных представленных авторов позволяет обозначить основные («универсальные») характе-

ристики «метафизического» стиля: **интеллектуализм**, наличие **прецедентного прототекста** («Библии») (необязательное условие), **остроумие**, **усложненный метафоризм** (например, *метабола*, *кончетто*), **апелляция (эксплицитная и имплицитная) субъекта к трансцендентному адресату или объекту** (к тому, что находится за пределами физического мира), **медитативность**, **философичность**, **тенденция к расширению границ времени и пространства**, **ассоциативность**, **концептуальность**, **обыденность переживаемой «метафизической» ситуации**, **синтез искусств** (поэзия и музыка, поэзия и живопись, поэзия, музыка и живопись), **«сближение» далековатых идей**, **мистицизм и т. д.**

Например, в конце 90-х гг. в России проблема «метафизической» поэзии была поставлена в статье И. О. Шайтанова «Уравнение с двумя неизвестными. Поэты-метафизики Джон Донн и Иосиф Бродский». Как отмечает И. Шайтанов, термин «метафизическая поэзия» возник из-за желания «смыслового сдвига» в слове. Этим сдвигом и стала метафора кончетти (кончетто), «ищущая сходства не в том, что являет естественное подобие, но в необычном, странном» [Шайтанов 1998]. В заметке И. Шайтанова затрагивается проблема литературной преемственности (Джон Донн – И. Бродский) на *стилистическом* уровне (концепт, метафорическое развертывание), анализируются некоторые стихотворения И. Бродского и Дж. Донна, а также ставится вопрос о правомерности принятия термина «метафизическая поэзия» в русской культуре. Однако данное эссеистическое исследование направлено на выборочный стилистический анализ некоторых стихотворений.

Российское бродсковедение дополняется исследованиями феномена «метафизического» в лирике поэта. Так, Н. Г. Медведева в диссертации «Поэтическая метафизика И. Бродского и О. Седаковой в контексте культурной традиции» определяет метафизическую поэзию как специфическую «языковую реальность» [Медведева 2007: 5]. Исследователем выделены основные черты «метафизической» поэтики Иосифа Бродского и Ольги Седаковой, которые характеризуют особенность «метафизического» в отличие от религиозного и философского: 1) «отсутствие эквивалентных отношений между „мыслью“ и „образом“

и воплощение художественного смысла не только на всех уровнях текста, но и в его подтексте» [Медведева 2007: 22]; 2) «смысловое пространство метафизической поэзии связано с обращением к предметным основаниям человеческого бытия» [Медведева 2007: 22]. Н. Г. Медведева обращается к анализу поэтических систем авторов, интерпретирует художественные смыслы отдельных стихотворений с точки зрения онтологической поэтики, выявляя «метафизическое» начало в анализируемых текстах. Однако заданное исследовательское направление не решает вопрос характеристики самого явления.

Русский поэт и эссеист Г. Кружков в статье «Сложная речь (еще о метафизике)» полагает, что в России метафизическая школа начинается со стихотворения «Марбург» (1916) Бориса Пастернака. При детальном разборе стихотворения автор выделяет характерную примету метафизического *стиля*: «возведение абстракции в ранг активного и дееспособного субъекта» [Кружков 2001], которая служит для усложнения и украшения речи. Помимо названных черт исследователь выделяет еще и «инстинкт украшения», «тягу к сложности»: «Я бы назвал это „притяжением леса“ <...>. То есть, наряду с боязнью леса, боязнью заблудиться в лесу, существует (как знает всякий читатель сказок) и непреодолимое желание все-таки отправиться в лес и все-таки там заблудиться» [Кружков 2001]. Ученый полагает, что метафизическая поэзия «декоративна», потому что за «декорацией» скрывается огромное количество смыслов. В тексте данного эссе проскальзывает термин «*метафизический метод*», констатируется стилевая усложненность поэтического текста («приемы и средства»), выделяется термин «абстракция» как изображаемый объект и «субъект». Названные черты дополняют стилистические особенности метафизического текста и указывают на проблемное поле литературоведческого исследования.

Однако вышеупомянутые характеристики, во-первых, не исчерпывают смыслового наполнения теоретико-исторического явления «метафизическая» лирика, во-вторых,

периодически дополняются частными исследовательскими работами, что делает данный список «подвижным», в третьих, имеют отношение, в первую очередь, к конкретной историко-литературной традиции английских барочных поэтов, а также к любому лирическому стихотворению, обладающему названными характеристиками. Поэтому вопрос *метафизического* в лирическом тексте не должен ограничиваться рассмотрением его в рамках проблемы *стиля* и выявлением отдельных поэтических особенностей художественного произведения.

Представитель модернизма, американско-британский критик и поэт Томас Стернз Элиот в начале XX в. посвятил ряд лекций, прочитанных в университете Кларка, в Кембридже, в Балтиморе и др., а также ряд радиопередач (1930 г.) «метафизической» лирике XVII в. Рассуждения Т. С. Элиота сводились к нескольким тезисам¹:

1. «Метафизическая» лирика интеллектуальна и философична, она создается субъектом творчества благодаря его способности «изошренно» мыслить, «способности претворять интеллектуальные интересы в поэзию, а не просто поэтично размышлять о них» [Половинкина 2011: 243]. Данная интенция определяет работу поэта над языком, над словом: поэт стремится к тому, чтобы реципиент улавливал «трансформацию», «преобразование мысли в чувство, и, наоборот», «в то время как другие поэты фиксируют и делают устойчивыми эмоции как они существуют» [Половинкина 2011: 245].

2. «Метафизическая» лирика характеризуется мистицизмом, восприятие которого осуществляется при помощи художественных средств, благодаря которым отражается единство мысли, чувства и ощущения.

3. Поэты-метафизики стремились через бытовое показать бытийное и Божественное.

Привлекают внимание научные обоснования и исследования, относящиеся к жанровому и паражанровому направлению. В последние десятилетия появилась тенденция использовать в отношении интеллектуально-духовной поэзии (**поэзии, в которой**

¹ Тезисы сформулированы на основании анализа лекций Т. С. Элиота в отношении сущности «метафизической» лирики, сделанного О. И. Половинкиной. См: [Половинкина 2011].

интеллектуализм и духовность проявляют себя в качестве доминанты эстетического поиска на всех уровнях организации текста) следующие синонимы: *медитативная, научная, собственно философская, метафизическая, религиозная, поэзия мысли, стихотворение-рассуждение и т. д.* (А. Иващенко, А. Барановский, А. Панфилова, Е. Городницкий, В. Рагойша и т. д.), которые рассматриваются как *жанр, художественный метод или стиль* и соотносятся с тенденцией к интеллектуализации поэзии (Е. А. Городницкий, А. А. Барановский, И. И. Плеханова).

Так, Е. Городницкий выделяет в современной белорусской лирике интеллектуализм и философичность, указывая на наличие «поэзии мысли» (возрастает роль рационального начала в лирике, роль мышления) и собственно философской лирики: «Філасоўскімі мы назавем тыя вершы, у якіх мастацкая думка паэта высвятляе тыя або іншыя спецыфічныя быццыйныя пытанні: жыццё і смерць, вечнасць, час, дабро і зло, прыгажосць, адносіны чалавека да прыроды»¹ [Гарадніцкі 1986: 4]. Исследователь говорит о сложности выявления особенностей философской лирики в отличие от «не философской», о правомерности такого противопоставления, а также утверждает, что особенностью современной белорусской поэзии является ее философичность, интеллектуализм, концептуальность и т. п.

А. Иващенко на материале лирики А. Рязанова противопоставляет «медитативное стихотворение» и «стихотворение-рассуждение», «што вынікае ад дыяметральнай адрознасці *тэкстастваральных падыходаў* – медытатыўнага (заснаванага на інтуітыўнасці і назіральнасці) і разумова-рацыяналістычнага (скіраванага да фармулявання і раскрыцця пэўных ідэй, канцэптаў, усталёўвання прычынна-выніковых сувязей паміж прадметамі

і з’явамі рэчаіснасці і г.д.)»² [Ивашчанка 2008: 32]. Заслугой данного исследования, на наш взгляд, является попытка конкретизировать понятие медитативной лирики (как жанрово-тематической разновидности), а также обозначить медитацию как *метод* с определенными жанровыми наборами (пунктиры, стихосказы, квантемы, версеты) и текстопорождающими подходами. Однако проблема *медитации как творческого метода* ставит новые литературоведческие вопросы о предпосылках возникновения и функционирования его в индивидуальной поэтической системе или в преломлении к литературной традиции.

А. Барановский среди типов философской лирики выделяет собственно философскую, научную и медитативную. В основании классификации находится объект изображения и субъективная оценка изображаемого объекта: через образы передаются либо общечеловеческие истины (философская), научные гипотезы и аксиомы (научная), либо *экстатическое* (термин наш. – О. А.) отношение к реальности (медитативная, метафизическая). Однако и сам автор отмечает спорность предложенной классификации: «Медытатыўная лірыка адлюстроўвае сутнасць асэнсавання тых ці іншых жыццёвых рэалій з пазіцый канкрэтнага аўтара ці яго лірычнага героя. Зрэшты, вылучэнне медытатыўнай лірыкі ў асобны від падаецца спрэчным, бо гэты падзел грунтуецца на даволі цьмянай індывідуальна-аўтарскай афарбоўцы верша, на асабістых адносінах аўтара да прадмета разваг. У гэтым сэнсе творы філасофска-медытатыўнага кірунку шчыльна судакранаюцца з метафізічнай лірыкай. Размежаваць абодва паняцці складана»³ [Бараноўскі 2018: 12]. В смысловое наполнение термина «интеллектуальная лирика», по мнению исследователя, «у шырокім

¹ «Философскими мы называем те стихи, в которых художественная мысль поэта проясняет те или иные специфические бытийные вопросы: жизнь и смерть, вечность, время, добро и зло, красота, отношение человека к природе» (пер. с бел. – О. А.).

² «Что следует из диаметрального различия текстовых подходов – медитативного (основанного на интуиции и наблюдении) и умственно-рационалистического (направленного на формулирование и раскрытие определенных идей, концепций, установление причинно-следственных связей между предметами и явлениями действительности и т. д.)» (пер. с бел. – О. А.).

³ «Медитативная лирика отражает суть понимания определенных жизненных реалий с точки зрения конкретного автора или его лирического героя. Однако выделение медитативной лирики в самостоятельный вид кажется спорным, так как этот раздел основан на довольно неясной индивидуально-авторской окраске стихотворения, на личном отношении автора к предмету рассуждения. В этом смысле произведения философско-медитативного направления находятся в тесном контакте с метафизической лирикой. Различить два понятия сложно» (пер. с бел. – О. А.).

сәнсе» входит и медитативная лирика. Однако **типологический подход** к данной проблеме ставит нерешаемые задачи, поскольку определить принципиальные отличия объектов изображения не представляется возможным в связи с «очевидным» синтезом дискурсов (интеллектуальное, духовное, научное и т. д.). В то же время немаловажным является тот факт, что в интеллектуальной поэзии исследователь выделяет роль автора – поэта-интеллектуала, с одной стороны, с другой стороны, роль текста, в котором доминируют тезисность, идейность, рациональное начало и т. д. Аналогичное направление исследовательской мысли характерно и для И. И. Плехановой, которая в монографии «Интеллектуальная поэзия: Иосиф Бродский, Генрих Сапгир, Д.А. Пригов» определяет поэзию обозначенных авторов как **метамодус интеллектуальной поэзии**. Главное место в изучении интеллектуализма И. И. Плеханова отводит образу автора, «личности творца», «интеллектуальному сознанию» и содержательной стороне текста: «мысли», «кругозору», «созданию целостного образа мира в соединении разнородного, открытию формул единства», эстетизму, языку, «концепции познания», изображению «отношений сознания с внешним миром» [Плеханова 2016: 39]. Диада интеллектуальная личность и противостоящий ей внешний мир (и текст) в данных работах является доминантой исследовательского поиска, что позволяет в дальнейшем изучать феномен «запредельной» лирики в указанном направлении.

Единственная попытка системного решения теоретической проблемы метафизического и его терминологического наполнения предпринята (на основании творчества Дж. Донна, Дж. Герберта, Д. Томаса, Т. Элиота, Е. Баратынского, Ф. Тютчева, И. Бродского) в работах Е. А. Иконниковой «Метафизическое и его типология в английской и русской поэзии» (2006), «Краткий словарь метафизической поэзии» (Южно-Сахалинск, 2000). Ученый определяет *категориальные типы* метафизического в поэтическом тексте, противопоставляя физическое – метафизиче-

скому, выделяет «свободное» метафизическое и «связанное» религиозное. В исследовании Е. А. Иконниковой сделана попытка понять художественную природу метафизического и классифицировать данный тип поэзии по принадлежности / не принадлежности поэта к определенному религиозно-философскому и эстетическому мировоззрению и по творческой задаче постижения «гармоничного» путем анализа поэтического слова, рифмы, поэтической медитации и т. д. Так, автор работы устанавливает, что метафизическое в стихотворениях присутствует на всех уровнях и представлено в виде синтеза научного и религиозного, идеального и материального, поэзии и музыки (или живописи и т. д.). Общий вывод ученого обращен к специфике метафизического как особой «величине поэтического текста» [Иконникова 2006: 13], которая не привязана ни к религии, ни к философии, а существует в самом художественном слове. Однако попытка универсализировать теоретическую проблему *метафизического* в поэзии, на наш взгляд, не является завершённой, в первую очередь, в связи с условностью типологических единиц данного явления.

Заключение. Таким образом, основной вектор исследования феномена «метафизической» лирики в представленных работах сводится к обоснованию специфической интенциональности (направленности) лирического субъекта (и как героя, и как автора) в отношении к «метафизическому», трансцендентному миру (тип сознания, доминанта духовного поиска, познание мира субъектом и т. д.) и наличием стилистических особенностей текста, представленных насыщенной метафоризацией, затемнением смысла, **синтезом дискурсов** и т. д. На основании данного вывода представляется возможным выдвинуть следующую гипотезу: обозначенная интенциональность может быть рассмотрена в качестве самостоятельного типа «эстетического завершения» (В. И. Тюпа) – **модуса художественности**, в котором находят свое отражение бытийные взаимоотношения между *субъектом творчества* и «метафизическим» (трансцендентальным) миром.

Литература

- Грасиан, Б. Остроумие, или искусство изощрённого ума / Б. Грасиан // Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение / А. Л. Штейн [и др.] ; пер. с испан., сост., вступит. статья А. Л. Штейна ; коммент. А. Л. Штейна и Н. В. Брагинской. – М. : Искусство, 1977. – С. 169–464.
- Иконникова, Е. А. Метафизическое и его типология в английской и русской поэзии / Е. А. Иконникова. – М. : Таганка, 2006. – 276 с.
- Ильинская, Н. И. Русская поэзия рубежей XIX–XX, XX–XXI веков: концептосфера и типология религиозно-поэтического сознания в аспекте культурной преемственности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ильинская Н. И. – Киев, 2006. – 45 с.
- Красавченко, Т. Н. Метафизическая школа / Т. Н. Красавченко // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина ; Институт научной информации по общественным наукам РАН. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – С. 531–532.
- Кружков, Г. Сложная речь (еще о метафизике) / Г. Кружков. – Текст : электронный // Арion. – 2001. – № 2. – URL: magazines.russ.ru/arion/2001/2/kruj.htm (дата обращения: 15.08.2016).
- Макуренкова, С. Джон Данн: поэтика и риторика / С. Макуренкова ; Рос. АН, Ин-т мировой лит. им. Горького. – М. : НПО ТОО «Академия», 1994. – 207 с.
- Медведева, Н. Г. Поэтическая метафизика И. Бродского и О. Седаковой в контексте культурной традиции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Медведева Н. Г. – Ижевск, 2007. – 38 с.
- Муравьев, В. С. «Метафизическая лирика», «метафизическая школа» / В. С. Муравьев // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. – М., 1987. – С. 218.
- Нестеров, А. В. Рецепция Джона Донна в русской литературе : дис. ... канд. филол. наук / Нестеров А. В. – М., 2000. – 193 с.
- Плеханова, И. И. Интеллектуальная поэзия: Иосиф Бродский, Генрих Сапгир, Д. А. Пригов : монография / И. И. Плеханова. – М. : Флинта ; Наука, 2016. – 168 с.
- Плеханова, И. И. Религиозная лирика и метафизика. Русская поэзия рубежа XX–XXI веков : учеб. пособие / И. И. Плеханова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. – 163 с.
- Половинкина, О. И. «Метафизическая поэзия» и «метафизический стиль»: проблема терминологического переноса / О. И. Половинкина // Филологическая регионалистика. – 2009. – № 1–2. – С. 114–117.
- Половинкина, О. И. Т. С. Элиот и его теория метафизической поэзии / О. И. Половинкина // Метафизический стиль в истории американской поэзии. – Владимир : ВГТУ, 2011. – С. 236–303.
- Поляков, О. Ю. Метафизическая школа / О. Ю. Поляков, Вл. А. Луков. – Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2 (март – апрель). – URL: www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/2/Poliakov-Lukov_Metaphysical-School (дата обращения: 22.06.2016).
- Трофимов, Е. А. Метафизическая поэтика Пушкина / Е. А. Трофимов ; науч. ред. В. П. Океанский. – Иваново : Издательство ИвГУ, 1999. – 355 с.
- Шайтанов, И. О. Уравнение с двумя неизвестными. Поэты-метафизики Джон Донн и И. Бродский / И. О. Шайтанов. – Текст : электронный // Литература Западной Европы XVII века. – URL: 17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/shajtanov-poety-metafiziki/russkij-donn.htm (дата обращения: 21.11.2018).
- Шталь, Х. «Пока тебя это не коснулось». Имманентность трансцендентности: поэтологические размышления о мистических аспектах поэзии Ольги Седаковой / Х. Шталь // Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения : сб. науч. ст. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – С. 253–292.
- Бараноўскі, А. А. Сучасная беларуская філасоўская лірыка : аўтарэф. дыс. ... канд. філ. навук / Бараноўскі А. А. – Мінск, 2018. – 29 с.
- Гарадніцкі, Я. А. Думка і вобраз: праблема інтэлектуалізму ў сучаснай беларускай лірыцы / Я. А. Гарадніцкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. – 120 с.
- Івашчанка, А. С. Паэтыка Алеся Разанава: між медытацый і рацыяў : манаграфія / А. С. Івашчанка. – Мінск : БНТУ, 2008. – 144 с.

References

- Бараноўскі, А. А. (2018). *Сучасная беларуская філасоўская лірыка*. Аўтарэф. дыс. ... канд. філ. навук. Мінск. 29 с.
- Гарадніцкі, Я. А. (1986). *Думка і вобраз: праблема інтэлектуалізму ў сучаснай беларускай лірыцы*. Мінск, Навука і тэхніка. 120 с.
- Grasian, B. (1977). *Ostroumie, ili iskusstvo izoshchrennogo uma* [Wit, or the art of the sophisticated mind]. In *Isfanskaya estetika. Rennassans. Barokko. Prosveshchenie*. Moscow, Iskusstvo, pp. 169–464.
- Івашчанка, А. С. (2008). *Паэтыка Алеся Разанава: між медытацый і рацыяў*. Мінск, БНТУ. 144 с.
- Ikonnikova, E. A. (2006). *Metafizicheskoe i ego tipologiya v angliiskoi i russkoi poezii* [The metaphysical and its typology in English and Russian poetry]. Moscow, Taganka. 276 p.
- Il'inskaya, N. I. (2006). *Russkaya poeziya rubezhei XIX–XX, XX–XXI vekov: kontseptosfera i tipologiya religiozno-poeticheskogo soznaniya v aspekte kul'turnoi preemstvennosti* [Russian poetry of the borders of the XIX–XX, XX–XXI centuries: the conceptual sphere and typology of religious and poetic consciousness in the aspect of cultural continuity]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Kiev. 45 p.
- Krasavchenko, T. N. (2001). *Metafizicheskaya shkola* [Metaphysical School]. In Nikol'yukin, A. N. (Ed.). *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii*. Moscow, NPK «Intelvak», pp. 531–532.
- Kruzhkov, G. (2001). *Slozhnaya rech' (eshche o metafizike)* [Complicated speech (more on metaphysics)]. In Arion. No. 2. URL: magazines.russ.ru/arion/2001/2/kruj.htm (mode of access: 15.08.2016).

- Makurenkova, S. (1994). *Dzhon Dann: poetika i ritorika* [John Dann: Poetics and Rhetoric]. Moscow, NPO TOO «Akademija». 207 p.
- Medvedeva, N. G. (2007). *Poeticheskaya metafizika I. Brodskogo i O. Sedakovi v kontekste kul'turnoi traditsii* [Poetic metaphysics of I. Brodsky and O. Sedakova in the context of cultural tradition]. Dis. ... kand. filol. nauk. Izhevsk. 38 p.
- Murav'ev, B. C. (1987). «Metafizicheskaya lirika», «metafizicheskaya shkola» [«Metaphysical lyrics», «metaphysical school»]. In Kozhevnikov, V. M., Nikolaeva, P. A. (Eds.). *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, p. 218.
- Nesterov, A. V. (2000). *Retseptsiya Dzhona Donna v russkoi literature* [Reception of John Donne in Russian literature]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 193 p.
- Plekhanova, I. I. (2016). *Intellektual'naya poeziya: Iosif Brodskii, Genrikh Saggir, D.A. Prigov* [Intellectual poetry: Joseph Brodsky, Heinrich Saggir, D.A. Prigov]. Moscow, Flinta, Nauka. 168 p.
- Plekhanova, I. I. (2015). *Religioznaya lirika i metafizika. Russkaya poeziya rubezha XX–XXI vekov* [Religious lyrics and metaphysics. Russian poetry of the turn of the XX–XXI centuries]. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU. 163 p.
- Polovinkina, O. I. (2009). «Metafizicheskaya poeziya» i «metafizicheskii stil'»: problema terminologicheskogo perenosha [«Metaphysical poetry» and «metaphysical style»: The problem of terminological transfer]. In *Filologicheskaya regionalistika*. No. 1–2, pp. 114–117.
- Polovinkina, O. I. (2011). T.T.S. Eliot i ego teoriya metafizicheskoi poezii [Eliot and his theory of metaphysical poetry]. In *Metafizicheskii stil' v istorii amerikanskoi poezii*. Vladimir, VGGU, pp. 236–303.
- Polyakov, O. Yu., Lukov, V. I. (2012). Metafizicheskaya shkola [Metaphysical School]. In *Znanie. Ponimanie. Umnenie*. No. 2. (March – April). URL: www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/2/Poliakov-Lukov_Metaphysical-School (mode of access: 22.06.2016).
- Shaitanov, I. O. Uravnenie s dvumya neizvestnymi. Poety-metafiziki Dzhon Donn i I. Brodskii [Equation with two unknowns. Poets – metaphysicians John Donne and I. Brodsky]. In *Literatura Zapadnoi Evropy XVII veka*. URL: 17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/shajtanov-poety-metafiziki/russkij-donn.htm (mode of access: 21.11.2018).
- Shtal', H. (2017). «Poka tebya eto ne kosnulos'». Immanentnost' transtsendentnosti: poetologicheskie razmyshleniya o misticheskikh aspektakh poezii Ol'gi Sedakovi ["Until it touched you." The immanence of transcendence: Poetic reflection on the mystical aspects of Olga Sedakova's poetry]. In *Ol'ga Sedakova: stikhi, smysly, prochteniya : sb. nauch. st.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 253–292.
- Trofimov, E. A. (1999). *Metafizicheskaya poetika Pushkina* [Pushkin's metaphysical poetry] / ed. by V. P. Okeanskii. Ivanovo, Izdatel'stvo IvGU. 355 p.

Данные об авторе

Агапонова Ольга Сергеевна – магистр филологических наук, аспирант кафедры русской филологии, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Гродно, Республика Беларусь).

Адрес: 230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22.

E-mail: AgaponovaOS@mail.ru.

Author's information

Agaponova Ol'ga Sergeevna – Master of Philology, Post-graduate Student of Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Republic of Belarus).

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.111-31(Теккерей У.):811.161'255.2. DOI 10.26170/FK20-03-13.
ББК Ш33(4Вел)5-8,44+Ш307. ГРНТИ 17.07.61. Код ВАК 10.01.08

ПЕРЕВОДИМА ЛИ ПАРОДИЯ?: РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ПОВЕСТИ У. ТЕККЕРЕЯ «ЗАПИСКИ ЖЕЛТОПЛЮША» 1850–60-х гг.

Матвеев И. А.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0311-3011>

Ажель Ю. П.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия)
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-0062-5743>

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются переводы пародийной повести У. М. Теккеря «Yellowplush Papers», опубликованные в журнале «Библиотека для чтения» в 1854 и 1860 гг., как пример межтекстового взаимодействия оригинального и переводных текстов. Пародия Теккеря была ориентирована на жанр фешенебельного романа, представлявшего интерес как для русских литераторов, так и для переводчиков на разных этапах литературного развития (светская повесть 1820–30-х гг., переводы западных образцов фешенебельного романа 1850–60-х гг. и русский «бельэтажный» роман 1870–1880-х гг.). В частности, анализируемые переводы повести Теккеря можно расценивать как очередной этап в освоении данного жанра на русской почве. Проведенный анализ фрагментов выявил попытки русских переводчиков, с одной стороны, донести до читателей художественные особенности пародии Теккеря, в том числе ее интертекстуальность, что достигалось различными способами (употребление просторечной лексики, передача авторских ссылок на инокультурные явления, сохранение авторской иронии, использование приемов, подобных оригинальным). С другой стороны – очевидно стремление переводчиков «встроить» текст в русскую литературу, т. е. сделать текст доступным пониманию русского читателя, о чем говорят аллюзии на произведения русской культуры, сокращение специфических фрагментов, включение переводческих ремарок, интерпретация нравоучительного финала повести. Очевидно, что переводчики ориентировались как на уже существующие пародийные образцы русской литературы, так и непосредственно на своеобразие подлинника. В целом, такие переводческие техники работали на удовлетворение ожиданий читателей и соответствие требованиям переводящей культуры. Элементы пародии тесно связаны как с культурными традициями языка-источника, так и с референцией на фешенебельный роман, который был воспринят только русской литературой «второго ряда» и не получил своего развития в русской культуре XIX в. Следовательно, образцы данного жанра, а тем более пародии на него не могли быть перенесены без потерь в язык-реципиент.

К л ю ч е в ы е с л о в а : пародия; перевод; «Записки Желтоплюша»; «Библиотека для чтения».

CAN A PARODY BE TRANSLATED? THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF W. THACKERAY'S PARODY "YELLOWPLUSH PAPERS" OF THE 1850S-1860S

Irina A. Matveenko

National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0311-3011>

Yuliya P. Azhel

National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-0062-5743>

Abstract. The article considers the translations of W. Thackeray's parody *Yellowplush Papers* published in the journal *Biblioteka dlya Chtenia* (The Reader's Library) in 1854 and 1860 as an example of intertextual interaction between the original and the translated texts. The parody was written in the genre of silver-fork novel, which was rather popular in the English literature of the 1820s and 1830s. The genre was of interest for both Russian writers and translators at different stages of literary development (secular novellas of the 1820s and 1830s, translations of certain Western fashionable novels of the 1850s and 1860s and the Russian fashionable novel of the 1870s-1880s). Thus, the translations of Thackeray's parody under analysis can be treated as a certain stage of development of the given genre in the Russian culture. The analysis of some fragments has revealed the attempts of the Russian translators, on the one hand, to render the artistic peculiarities of Thackeray's parody to Russian readers, including its intertextuality, which was achieved in different ways (by using colloquialisms, translating the author's references to foreign culture realities, rendering the author's irony, and using techniques similar to the original ones). On the other hand, the translators' desire to 'incorporate' the text into Russian literature is quite obvious for them. They try to make the text understandable for the Russian readers, which is evident due to numerous allusions to the texts of the Russian culture, reduction of specific fragments, inclusion of translator's remarks, and interpretation of the parody finale. The translators targeted both the existing parody samples of Russian literature and the unique specificity of the original. Evidently, these translation techniques met the readers' expectations and corresponded to the requirements of the Russian translation culture. Thus, the question asked in the title is impossible to be answered unambiguously. The elements of parody are closely connected with both the cultural traditions of the source language and with the references to fashionable novel which was accepted by the popular literature and was not developed in the Russian culture of the 19-th century. So the works of this genre, to say nothing of its parodies, could not be rendered without losses into a target language.

Keywords: parody; translation; "Yellowplush Papers"; "Biblioteka dlya Chteniya" (The Reader's Library).

Для цитирования: Матвеевко, И. А. Переводима ли пародия?: русские переводы повести У. Теккерея «Записки Желтоплюша» 1850–60-х гг. / И. А. Матвеевко, Ю. П. Ажель. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 150–163. – DOI: 10.26170/FK20-03-13.

For citation: Matveenko, I. A., Azhel, Yu. P. (2020). Can a Parody Be Translated? The Russian Translations of W. Thackeray's Parody "Yellowplush Papers" of the 1850s–1860s. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 150–163. DOI: 10.26170/FK20-03-13.

«Записки Желтоплюша» (1838) – первое произведение У. Теккерея, направленное на жанр так называемого «фешенебельного» романа или «романа серебряной ложки» (silver-fork novel), характеризующегося «пристальным вниманием к деталям быта и нравов и психологическим переживаниям представителей социально-политической верхушки английского света», с целью «высмеять, показать во всей неприглядности черты характера, качества и пороки, присущие представителям

современного автору общества» [Шишкова 2016: 146].

Тематика и проблематика «фешенебельного» романа, как правило, были весьма ограничены: «точного воспроизведения деталей моды, небольшой порции политики, элегантных любовников, чьи образы списаны с реально существующих людей, и свадьбы в конце романа было достаточно, чтобы выпустить роман „серебряной ложки“» [Graham, 1986: 26–30]. Важную роль в развитии данного жан-

ра сыграли Б. Дизраэли, Э. Бульвер-Литтон, менее известные сегодня Т. Хук, Р. П. Вард и многие другие. Причину появления романа о высшем свете исследователи видят в процессах, происходивших в английском обществе: после реформы 1832 г. аристократия перестала быть привилегированным слоем общества, а представители среднего класса получили возможность выйти за дозволенные социальные рамки, в художественных произведениях они стали искать изображение тех манер, которым стремились подражать, и высших кругов, к которым не могли принадлежать [Wheeler 1994: 15].

Легкомысленное содержание романов «серебряной ложки», сосредоточенных на детальном описании предметов интерьера, еды, нарядов, светской болтовни наряду с поверхностно изображаемыми в произведениях персонажами, привело к тому, что этот жанр надолго стал мишенью для многих критиков и романистов. В частности, пародии на «фешенебельные» романы У. Теккерея зачастую оказывались более востребованными, чем оригинальные романы.

Жанр романа «серебряной ложки» был чужд мировосприятию Теккерея в силу нереалистичности изображаемых в них картин и романтизации образов. Неслучайно, что к пародии на фешенебельный роман писатель возвращался не раз на более позднем этапе своего творчества («Книга снобов» (1846–1847), «Ярмарка тщеславия» (1848)), выражая неприятие таких качеств типичных представителей английской аристократии, как сословное высокомерие, претензия на изысканность, неискренность, праздность [Шишкова 2016: 144]. Ориентацию английского сатирика на фешенебельный роман отмечают многие современные англоязычные и российские ученые [Hughes 1992; Cole 2005; Sadoff 2019; Вахрушев 1984: 34–35].

Работая в «Журнале Фрэзера» (Fraser's Magazine), Теккерей не ограничился критическими статьями об авторах, творивших в жанре фешенебельного романа, а попытался высмеять недостатки этого жанра в повести «Записки Желтоплюша». Уже в этом произведении проявились художественные принципы и установки Теккерея – реализм изображения, авторская маска, гиперболизация

образов и конфликтов, получившие развитие в последующем творчестве писателя.

Повествование в пародии ведется от лица Желтоплюша (чье имя получено от желтой ливреи – формы лакея) – маски, выбранной автором еще ранее для написания статей. В «Записках» эта маска позволяет автору смотреть на своих хозяев – представителей высшего общества – со стороны, непредвзято описывая нравы аристократии. Одновременно Желтоплюш является и персонажем повести – непосредственным участником событий, влияющим на происходящее и высказывающим свое «наивное» отношение. Его низкое происхождение акцентируется и через использование «неправильного» языка, графонов, которые, как отмечают исследователи, воспринимаются «не столько <как – И. М., Ю. А.> насмешка над невежеством „низшего класса“, сколько над высокомерием „высшего“». Теккерей показывает, насколько нелепыми порой могли казаться замашки и обычаи „хорошего общества“, воспринятые через призму простонародного здравого смысла [Пуустовалов 2010: 92].

То, что нарратор не так прост, как кажется на первый взгляд, демонстрируется посредством множественных интертекстуальных включений и аллюзий на другие литературные произведения (Шекспира, Диккенса, Сервантеса и т. д.) помимо его ориентированности на пародирование поэтики фешенебельного романа. Меняя хозяев, Желтоплюш имеет возможность лицедреть различных представителей высшего общества со своими пороками и представлениями о нравственности. Перед читателем проходит вереница образов аристократов, совершающих нелепые поступки – шулерство, обман, женитьбу по расчету и т. д. В повествование включены письма и дневники хозяев, написанные правильным высокопарным языком, в которых пародируется эпистолярный стиль романов серебряной ложки, при этом джентльмены и леди представлены в далеко не столь привлекательном виде.

В XIX в. это произведение было переведено на русский язык дважды – в 1854 и 1860 гг., анонимно. Примечательно, что оба перевода появились в журнале «Библиотека для чтения» – издании, активно популяризовав-

шем европейские литературные новинки и являвшиеся индикатором массового читательского вкуса 1850–60-х гг. Как справедливо указывает Н. А. Вердеревская, «по традиции, идущей еще от Греча и Сенковского, она была именно „библиотекой для чтения“, ориентированной на читателя, преимущественно провинциального, достаточно грамотного и любознательного, но далекого от литературных споров и мало интересующегося злободневными политическими новостями» [Вердеревская 1980: 97].

В 50-е гг. на страницах журнала стали появляться как произведения второго-третьего ряда отечественных авторов, так и переводы популярных зарубежных писателей, представлявшие, по мнению редактора, интерес для массового читателя, что, в свою очередь, способствовало увеличению числа подписчиков журнала. С конца 1850-х гг. наблюдается повышенное внимание издания к переводам «фешенебельных» романов: в 1859 г. был опубликован перевод романа Э. Бульвера-Литтона «Пельгам», годом позже появился перевод романа Б. Дизраэли «Генриетта Темпл» и т. д.

Жанр романа «серебряной ложки» уже был в некотором роде знаком русскому читателю благодаря популярному жанру светской повести, возникшему в результате трансформации отечественного литературного процесса в 1820–30-х гг., когда «на смену „золотому веку“ русской поэзии пришла проза, а светская тематика оказалась в центре большинства произведений» [Сизова 2007: 3]. «Свет» в подобных произведениях выступал в качестве структурообразующего компонента, определяя основной конфликт, динамику сюжетного развития, взаимоотношений между героями, принципы построения характеров и общую эмоциональную тональность всего произведения [Иезуитова 1973: 169–199]. Подобно проблематике «фешенебельного» романа, на первый план светской повести выходили сатирико-бытовые зарисовки из жизни «высшего света» и его представителей. В жанре светской повести творили А. А. Бестужев-Марлинский, В. Ф. Одоевский, Н. А. Полевой, М. С. Жукова, Е. П. Растопчина и др.

К данному жанру, с ориентацией на европейский образец, обращался и А. С. Пушкин в незавершенном романе «Русский Пелам».

Свой замысел русский писатель планировал воплотить в жанре нравоописательного романа, который «давал Пушкину возможность отразить все слои русского общества, рассмотреть те нравственные и этические проблемы, которые интересовали его. Он предоставлял ему возможность описать современные изменения в русском обществе путем изображения его типичных представителей и таким образом осмыслить процессы, происходившие в России» [Aizikova, Matveenko, Utkina 2015: 238], однако в силу невозможности «всесторонне изобразить общественную жизнь России <...> роман был оставлен. Замысел перерос первоначальную сюжетную схему» [Романов 1981: 200].

Среди авторов светских повестей был и О. И. Сенковский, долгие годы выполнявший обязанности редактора «Библиотеки для чтения» и активно сотрудничавший с журналом после, сатирические произведения и пародии которого, опубликованные под повествовательными масками А. Белкина и барона Брамбеуса в 1830-е годы, сделали его особенно популярным. В частности, его «Потерянная для света повесть», опубликованная в «Библиотеке для чтения» в мае 1835 г., представляла собой «пародическую стилизацию гоголевской поэтики», а подробно описываемые «процессы еды и питья» и вовлечение в повествование реальных прототипов весьма созвучны романам «серебряной ложки» [Тозыякова 2007: 9]. Эти жанровые поиски в сочетании с интересом к западным образцам заложили основы для формирования, на более поздних этапах литературного процесса, жанра так называемого русского «бельэтажного» романа в 1870–1880-х гг. [Недзвецкий 2011: 93], что, несомненно, требует проведения специального исследования.

Стоит отметить, что немаловажную роль в отборе произведения для перевода сыграла популярность творчества У. Теккерея в России, пик которой пришелся на 1850-е гг. Такой выбор, по мнению Д. Дюришина, зачастую был «обусловлен внутренними потребностями воспринимающей литературы, ее предрасположенностью к усвоению инационального литературного явления, произведения и т. п., ее способностью определенным образом <...> реагировать на его художественные особен-

ности» [Дюришин 1979: 129]. Успех произведений Теккерея в России объясняется сходством его писательской манеры с лучшими представителями «натуральной школы», в частности, с Гоголем. Сатирическая обличительная проза викторианского романиста воспевалась на страницах популярных литературных журналов, а периодические издания разных направлений наперебой печатали все, что выходило из-под его пера.

В числе переводчиков У. Теккерея в 50–60-е гг. XIX в. были И. И. Введенский, В. В. Бутузов, В. А. Тимирязев, Е. Ахматова и др. Не будет преувеличением сказать, что в русской рецепции У. Теккерея особую роль сыграл Иринарх Введенский (1813–1855). Именно он познакомил отечественного читателя с творчеством романиста, представив его вниманию две публикации в майском номере «Отечественных записок» за 1849 г. – перевод рассказа “Miss Shums Husband” («Муж мисс Шам») из первой книги У. Теккерея «Записки Желтоплюша», а также краткое изложение романа “Vanity Fair” («Ярмарка тщеславия») – и породив полемику между сложившимися к тому времени в России переводческими школами. Введенский был сторонником так называемой «школы Жуковского», придерживающейся принципов свободного перевода и вольной интерпретации содержания подлинника. По мнению Ю. Д. Левина, базовые принципы перевода И. Введенского заключались в «сопоставлении стилистических систем двух языков, опирающемся на сравнение историко-культурных традиций двух национальных цивилизаций, с целью найти функциональные соответствия, адекватные средства, производящие то же впечатление на читателя в новой языковой среде. Он стремился воссоздать на родном языке произведения иностранных литератур <...> мыслить умом и чувствовать сердцем переводимого автора» [Левин 1985: 127]. Несмотря на то, что «Введенский не столько переводил, сколько приспособлял произведение к пониманию русского читателя», его теория о вхождении в образ переводимого им писателя была достаточно хорошо отработана им на практике, и с учетом специфики аудитории той эпохи виделась более «читабельной», чем переводы В. Бутузова, В. Ранцева или Е. Ахматовой, причисленных

Чуковским к «плеяде равнодушных ремесленников», которые переводили «спустя рукава одинаково суконным языком», в результате чего терялся уникальный стиль каждого из писателей, и все тексты, несмотря на более-менее правильно переданную фабулу, теряли авторский стиль и становились похожими друг на друга [Чуковский 2017: 201].

Таким образом, перед русскими переводчиками повести «Записки Желтоплюша» стояла сложная задача – с одной стороны, передать интертекстуальность переводимого произведения, донести его соотнесенность с жанром фешенебельного романа, с другой – сохранить стилистику пародии, воспроизвести речь простолюдина. «Ситуация значительно осложняется, – пишет по этому поводу О. А. Сысоева, – когда первоисточником становится не один текст, а уже целая область интертекстуального, состоящая как из целого ряда прецедентных текстов, так и из узнаваемых отдельных текстовых фрагментов. Множественность интертекстуальных соотнесенных придает пародии смысловую многомерность, ведь пародия может быть одновременно критикой и конкретным произведением, и жанрового канона, и привычного читательского ожидания» [Сысоева 2013: 334].

Анализ переводческих стратегий при передаче художественных особенностей повести Теккерея «Записки Желтоплюша» представляется любопытным с точки зрения подходов к трансляции интертекстуальности жанра пародии. Рассмотрим некоторые фрагменты, наиболее репрезентативные как с точки зрения реализации в них поэтики пародии, так и в отношении использования различных переводческих стратегий.

Разница в переводческих подходах очевидна уже при передаче заглавия произведения. Оригинальное название «Yellowplush Papers» в 1854 г. переведено «Записки мистера Желтоплюша», а в 1860 г. – «Записки лакея». Если в первом случае переводчик ориентируется на аутентичное название, знакомя русских читателей с реалией английской жизни – желтой плюшевой ливреей для слуг, то во второй версии эта экстралингвистическая отсылка устраняется, остается указание на жанр произведения, что адаптирует название к восприятию русской читательской аудиторией.

Это различие усиливается с первых строк переводов произведения:

ОРИГИНАЛ	«БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ», 1854 г.
I was born in the year one, of the present or Christian here, and am, in consquints, seven-and-thirty years old. My mamma called me Charles Edward Harrington Fitzroy Yellowplush, in compliment to several noble families, and to a sellybrated coachmin whom she knew, who wore a yellow lovry, and drove the Lord Mayor of London. Why she gev me this genlm's name is a difficklty, or rayther the name of a part of his dress; however, it's stuck to me through life, in which I was, as it were, a footman by buth (p. 9)	Я родился в тысяча-восемьсот-первом году; следственно, мне теперь тридцать-семь лет от роду. Маменька назвала меня Карлом Эдвардом Гарриingtonом Фицроем. Трудно решить, почему она дала мне это имя; только оно осталось при мне на целую жизнь (с. 1)
«БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ», 1860 г.	ДОСЛОВНО
Записки теперь в моде. Отчего же бы и мне не написать своих? Я имею высокое мнение о самом себе и обладаю всеми необходимыми качествами для этого рода литературы. Сказав это, я начинаю без дальнейших околичностей. Меня зовут Джон-Герберт-Сигизмунд-Фиц-Рой-Болинброк. Я горжусь этими именами, которые получил в воспоминание о дворянах, удостаивавших мою мать своей дружбой. Может быть, я потомок знаменитого рода, а может быть, вы видите во мне сына кучера, из хорошего дома, портрет которого украшал спальню моей матери. Как бы то ни было, а я доволен тайной моего рождения, при мысли, что колыбель самых знаменитых людей древности окружена неизвестностью не менее темною, как моя. Так, например, про божественного Платона знают только то, что он имел отца. И не учит ли нас история, что Гомер родился в 7 различных городах (с. 3)	Я родился в первом году настоящей или Христианской эры и сейчас, как следствие, мне тридцать семь лет. Моя мама назвала меня Чарльз Эдвард Харрингтон Фицрой Желтоплюш, в честь нескольких благородных семейств и известного кучера, которого она знала, и который носил желтую ливрею и возил лорда мэра Лондона. Почему она дала мне это имя джентльмена, трудно сказать, скорее всего, имя было частью его платья; однако оно прилипло ко мне на всю жизнь, в которой я был, как и следовало, лакеем от рождения¹

Пародируя поэтику фешенебельного романа, Теккерей начинает повествование с описания происхождения главного героя, упоминая о благородных семействах, в которых служила его мать, и наделяя его множественными именами, традиционными в английской культуре для людей благородного происхождения. Начиная с экспозиции повести, оба переводчика по-разному восприняли ее значение для повествования: в первой версии (1854 г.) в соответствии с авторским замыслом передано имя, хотя рассуждения героя по поводу его происхождения оказались значительно сокращены, за рамками переводного текста осталось пародирование нарратива светского романа. Тем не менее, с пер-

вых строк переводчик выбрал соответствующий повествованию стилистический регистр, передающий неграмотную речь героя, – просторечный стиль, настраивающий читателя на неформальное общение, формирующий определенные для этого жанра читательские ожидания.

Вторая версия демонстрирует активное вовлечение переводчика в повествовательную игру – он не только передал то, что хотел сказать автор, но и добавил некоторую информацию от себя: расширен контекст повествования за счет обоснования жанра записок («Записки теперь в моде. Отчего же бы и мне не написать своих?»), введено мнение повествователя о самом себе и своих способностях

¹ Дословный перевод здесь и далее – наш (И. М., Ю. А.). Дословный перевод не передает просторечие, диалект, грамматические неправильности, присутствующие в подлиннике.

(«я имею высокое мнение о самом себе и обладаю всеми необходимыми качествами для этого рода литературы», «я горжусь этими именами», «я доволен тайной моего рождения»). Более того, переводчик второй версии гиперболизирует связь Желтоплюша со знаменитыми людьми, которая в оригинале лишь обозначена: «Колыбель самых знаменитых людей древности окружена неизвестностью не менее темной, как моя», появля-

ются упоминания имен Гомера и Платона, отсутствующие в подлиннике. Соблюдая стилистику повести Теккерея, переводчик подхватывает авторскую идею хвастовства героя по поводу своего происхождения, свойственную протагонистам фешенебельного романа.

Однако такой подход переводчик второй версии демонстрирует не всегда. Показателен в этом отношении следующий пример:

ОРИГИНАЛ	«БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ», 1854 г.
There was fust: Account contray, at Crockford's ... £3711 Bills of xchange and I.O.U.'s (but he didn't pay these in most cases) ... 4963 <...> I give this as a curiosity – pipple doant know how in many cases fashnabble life is carried on; and to know even what a real gnlnm owes is somethink instructif and agreeble (p. 41)	Вот примерец: По счету у Крокфорда ... 3,711 фунтов. По векселям и распискам (по которым он редко платил) ... 4,963 <...> Выписываю этот счетец для любопытных: не всякому известно, как светские люди зачастую ведут фешенебельную жизнь; а знать, сколько должен порядочный джентльмен, и приятно и поучительно (с. 24–25)
«БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ», 1860 г.	Дословно
Финансовые обстоятельства достопримечательного Перси Спеуан в августе месяце 18. Счет в клуб Крокфорд 62,775 фр. Вексельные билеты и письма в обращении (мы их никогда почти не удерживали) ... 124,075 фр. <...> Этот документ я счел нужным сохранить; народ всегда любопытствует знать, что происходит в большом свете и вероятно будет очень рад узнать сумму, до которой могут возвыситься долги истинного джентльмена (с. 16–17)	Вот первый: Счет-возврат от Крокфорда ... 3711 фунтов стерлингов Векселя и долговые расписки (но он не платил в большинстве случаев) ... 4963 <...> Я даю это как примечательную особенность – люди не знают, как, в большинстве случаев, фешенебельная жизнь проходит; и чтобы знать вообще, насколько поучительны и допустимы долги настоящего джентльмена

Уже в своем первом произведении Теккерея совершенствует реалистический метод повествования, предоставляя читателю конкретные цифры и факты из жизни аристократа и иронизируя по поводу познавательности счетов и векселей истинного джентльмена, а также по поводу популярности самого жанра романа о высшем свете ('to know even what a real gnlnm owes is somethink instructif and agreeble'). По мнению Н. Я. Дьяконовой, «сатира на пустую и ничтожную жизнь высшего сословия усилена тем, что исходит от лакея. Безграмотное восхищение высокопоставленными негодьями сгущает сатирически обличительную окраску его повествования; низменность образа мыслей и чувствования повествователя распространяется на пред-

меты его описания. Чем больше восторгается невежественный автор, тем более ясно, как мало они достойны восторгов: бурлескно преувеличенное их описание закономерно достигает противоположной цели» [Дьяконова 1998: 5].

Неслучайно оба переводчика передают эту авторскую интенцию вполне адекватно. При этом примечателен выбор переводчика 1854 г.: не найдя другого средства для передачи неграмотной речи персонажа, он транслирует эту речевую особенность посредством стилистически окрашенных средств – 'примерец', 'счетец'. В первом случае сохранено также словосочетание-маркер романа серебряной ложки – 'фешенебельная жизнь', а 'real gnlnm' переведено как 'порядочный джентльмен',

тем самым усиливается ирония оригинально-го текста.

В переводе 1860 г. тоже предприняты попытки сохранить авторскую иронию. Самая первая фраза 'финансовые обстоятельства достопримечательного Перси Спекуан' направлена на усиление сатирического эффекта. Фраза 'but he didn't pay these in most cases' передана как 'мы их никогда почти не удерживали', объединяя слугу и хозяина в одно целое и демонстрируя тщеславие рассказчика. Знаковые для повествования словосочетания донесены в виде 'большой свет' и 'истинный джентльмен'. Более того, переводчик употребляет глагол 'возвыситься', иронизируя по поводу долгов хозяина Желтоплюша.

Еще одной из особенностей романа серебряной ложки являются авторские наблюдения за нравами английского общества, на что направил свою сатиру Теккерей. Однако эта сатира представлена через восприятие лакея. В этом отношении справедливо наблюдение В. В. Ивашевой: «Показывая действительность такой, какой она представляется лакею, циничному, не менее чем его господу, Теккерей отбирает факты так, что сам всегда исчезает за рассказчиком. Он так направляет „наблюдения“ лакея, что в картине целого подчеркнуты наиболее типические, наиболее существенные черты общественных нравов» [Ивашева 1958: 165].

Оригинал	«Библиотека для чтения», 1854 г.
I've always found through life, that if you wish to be respected by English people, you must be insalent to them, especially if you're a sprig of nobillaty. We like being insulted by noblemen, – it shows they're familiar with us. Law bless us! I've known many and many a genlmn about town who'd rather be kicked by a lord than not be noticed by him (p. 80–81)	Мы островитяне уж так созданы; мы будем боксировать с носильщиком, косо посмотревшим на нас, но на оскорбление благородной особы не обратим внимание, это нам нравится и доказывает, что между нами существует тесная связь. Лучше получить толчок от лорда, чем если он не поклонился (с. 29)
«Библиотека для чтения», 1860 г.	Дословно
Я на своем веку постоянно замечал, что если хотите пользоваться у Англичан уважением, так грубите с ним как можно больше. Мы любим чтоб нас ругали: это показывает что мы в коротких отношениях. Боже мой! А я сам видал в Лондоне многих и многих джентльменов, которые охотнее снесут от лорда побои, чем невнимание (с. 41)	Я всегда находил в своей жизни, что если ты хочешь быть уважаемым англичанами, ты должен быть высокомерен к ним, особенно, если ты отпрыск благородного рода. Нам нравится быть оскорбленным благородными людьми, – это показывает, что они нас знают. Да благословит нас закон! Я знаю многих и многих джентльменов в городе, которые предпочли получить пинок от лорда, чем быть незамеченным им

В данном фрагменте Теккерей пародирует описание нравов английского общества, свойственное поэтике фешенебельного романа. Обычно такие наблюдения авторы романа серебряной ложки делают на этапе путешествия главного героя в другие страны (чаще всего Франция, Италия), где английские традиции высвечиваются на фоне инокультурного окружения. Подобным же образом выстраивает свой сюжет Теккерей: герои едут во Францию, чтобы поправить свое материальное положение. Однако и там они продолжают следовать правилам, принятым в английском бомонде. Эти правила Желтоплюш

выводит из своего собственного опыта ('I've always found through life', 'I've known'), обобщая его посредством местоимений 'we', 'you'. Эмоциональное отношение выражено с помощью восклицательного знака.

Переводчик первой версии полностью трансформирует это высказывание: вводит свое обобщающее утверждение ('Мы островитяне уж так созданы'), возводя правила поведения до уровня нации; приводит свой собственный пример этого правила, отсутствующий в оригинале ('мы будем боксировать с носильщиком', 'косо посмотревшим на нас'), игнорирует ссылку на личный опыт героя и

восклицательное предложение. Последнее утверждение было также изменено: вместо передачи опыта повествователя предложение приобрело значение обобщающего заключения, своего рода непреложного закона. При всех модификациях в переводе переводчик не выходит за рамки пародийной поэтики и сохраняет сатиру на господствующие нравы.

В более поздней версии переводчик следует за автором и соблюдает большинство авторских установок: обобщение собственного опыта ('Я на своем веку постоянно замечал'; 'А я сам видал'), обращение к читателю ('если хотите... так грубите', 'Мы любим чтоб нас ругали'), перевод эмотивного высказывания ('Боже мой!'). При этом автор перевода игнорирует значимое в этом контексте сло-

восочетание 'if you're a sprig of nobillaty' (если вы отпрыск благородного рода), но добавляя усилительную конструкцию 'как можно чаще', и фразу 'they're familiar with us' переводит как 'мы в коротких отношениях', 'about town' уточняет 'в Лондоне'. Таким образом, русские переводчики каждый по-своему подошли к передаче знакового фрагмента: в первом случае мы видим технику компрессии с сохранением авторской идеи, во втором – преобладает расширение контекста с расстановкой своих акцентов. Однако в обоих случаях очевидно стремление донести до русского читателя своеобразие подлинника.

Еще более показателен в плане различия переводческих подходов следующий фрагмент:

ОРИГИНАЛ	«Библиотека для чтения», 1854 г.
The reader may, praps, reclkect a very affecting letter which was published in the last chapter of these memoars; in which the writer requested a loan of five hundred pound from Mr. Algernon Deuceace, and which boar the respected signatur of the Earl of Crabs, Mr. Deuceace's own father. It was distinguished arastycrat who was now smokin and laffin in the room (p. 99)	Читатель, может статья, припоминает нежное письмо, изложенное в последней главе этих записок, в котором у мистера Альджернона Дьюсиса просили пятьсот фунтов в долг. Письмо это было за подписью мистера Крэбса, родного дядюшки мистера Дьюсиса. Он-то и курил сигару у нас в комнате (с. 54)
«Библиотека для чтения», 1860 г.	Дословно
Помните нежное письмо с подписью графа Крабс, помещенное в VI главе и окончившееся просьбой дать в долг 10,000 франков. Сочинитель-то этого письма курил и смеялся в нашей гостиной (с. 38)	Читатель может, вероятно, помнить очень трогательное письмо, которое было опубликовано в последней главе этих мемуаров; в котором автор просил заем пятисот фунтов у Мистера Алджернона Дьюсиса и которое содержало авторитетную подпись графа Крабса, родного отца Мистера Дьюсиса. Это был выдающийся аристократ, который теперь курил и смеялся в комнате

Желтоплюш (как и герои фешенебельных романов) обращается к читателю, отсылая его к предыдущим эпизодам, делясь своим опытом, определяя жанр произведения (мемуары) и в целом организуя повествование. Теккерей высмеивает семейные отношения, изображаемые в романах о высшем свете, основанные на материальной выгоде и лицемерии. Несмотря на близкие родственные связи, отец и сын постоянно конкурируют друг с другом в поисках выгодной невесты, ищут выгоду и наживаются на неудачах друг друга. При этом Желтоплюш не забывает упомянуть об аристократическом происхождении героев. Здесь

же содержится ссылка на письмо отца с просьбой о займе большой суммы денег. Включение в канву повествования писем, записок и газетных заметок также было традиционно для фешенебельного романа. Этот прием пародирует и Теккерей, причем в этом случае эпистолярные тексты написаны правильным английским языком.

В этом контексте неправильная речь рассказчика снижает пафос не только самого произведения, но и жанра светского романа вообще. Тот самый случай, когда, по словам Г. Д. Гачева, «в художественных произведениях встречаем жаргон или просторечие <...> –

это не просто краска, местный колорит: этот „прием“ имеет громадное мировоззренческое значение, ибо он дышит двуязычием, помещает сознание и точку наблюдения на меже языков = логик и систем мышления» [Гачев 2008: 70].

Примечательна интерпретация этого эпизода русскими переводчиками. В более раннем переводе очевидна стратегия сжатия текста: переводчик опускает эпитеты 'respected' 'distinguished arastycrat', вместо этого он делает свой акцент на родственных связях героев, переводя их в отношения племянника и дяди. Такая замена характерна для всего перевода в целом и может объясняться русскими патриархальными традициями, сохранявшимися в русской культуре вплоть до XX в, в силу которых отношения между отцом и сыном, изображенные у Теккерей, могут быть не поняты русскими провинциальными читателями середины XIX в. Более того, заменяя отно-

шения «отец-сын» на «дядя-племянник», автор перевода встраивает свой текст в русскую традицию, идущую еще от А. С. Пушкина, а ко времени публикации перевода имевшую уже несколько примеров произведений, в которых одно из центральных мест в сюжете занимали отношения дядюшки и племянника (И. А. Гончаров «Обыкновенная история» (1847), Д. В. Григорович «Антон-Горемыка» (1847)).

Переводчик более поздней версии прибег к еще большему сжатию смысла текста, опустив непосредственное обращение к читателю, определение жанра, упоминание имен и родственной связи героев. При этом данный фрагмент выдержан в разговорном регистре, на что указывают формулировки: 'помните', 'сочинитель-то'. Таким образом, оба переводчика предприняли попытки по-своему передать поэтику повести, приблизить ее к русскому читателю.

Оригинал	«Библиотека для чтения», 1854 г.
After this spaech, the old genlmmn sunk down on the sofa, and puffed as much smoke out of his mouth as if he'd been the chimney of a steam-injian. I was pleased, I confess, with the sean, and liked to see this venrabble and virtuous old man a nocking his son about the hed; just as Deuceace had done with Mr. Richard Blewitt, I've before shewn. Master's face was, fust, red-hot; next, chawk-white; and then, sky-blew. He looked, for all the world, like Mr. Tippy Cook in the tragedy of Frankinstang (p. 103)	После этого спича, старик опустил на софу, и выпустил из рта такую пропасть дыму, как будто он был труба какого-нибудь парохода индейской компании. Признаюсь, мне нравилась сцена, и я с удовольствием смотрел, как этот старик мучил племянника, точно так же как последний упражнялся когда-то над мистером Ричардсом Блюнтом. Лицо Дьюсиса сначала было красно, как горячий уголь; потом побледнело как известь; наконец посинело как синька: ни дать ни взять, мистер Кук в трагедии Франкинстан (с. 57)
«Библиотека для чтения», 1860 г.	Дословно
Окончив эту речь, лорд Крабс снова растянулся на канапе и начал курить. Эта сцена мне невыразимо нравилась. Я восхищался как этот старик отделивал своего сына. Лицо моего барина, насколько я мог судить через замочную щелку, сделалось сначала красно как у рака, а потом бледно как полотно (с. 40)	После этой речи старый джентльмен опустился на софу и выдохнул столько дыма изо рта, как будто он был трубой паровой машины. Я был доволен, признаюсь, этой сценой и мне нравилось видеть, как этот почтенный и добродетельный старый человек оглушил своего сына по голове; точно так же, как Дьюсис сделал с Мистером Ричардом Блевиттом, как я показал раньше. Лицо хозяина было, сначала, раскаленное до красна; потом, белое как мел; и потом, голубое как небо. Он выглядел, во всех отношениях, как Мистер Типпи Кук в трагедии Франкенштейн

Этот эпизод примечателен по нескольким причинам: во-первых, он демонстрирует образность речи Желтоплюша (фрагмент

включает множество сравнений и метафор), во-вторых, содержит отсылку на ранее произошедшее событие, на фоне которого про-

исходящая ситуация выглядит как возмездие за ранее совершенные проступки героя. Кроме того, в тексте присутствует упоминание об актере Томасе Поттере Куке (Thomas Potter Cooke), игравшем главную роль в постановке одноименного романа М. Шелли «Франкенштейн» в 1823 г. и традиционно исполнявшем роли вампиров, монстров и т. д., в связи с чем часто менял грим.

Русские переводчики активно включились в эту интертекстуальную игру. В версии 1854 г. автор перевода подхватывает сатирическое повествование и передает все экспрессивные образы, заложенные в оригинале, порой даже конкретизируя их: «такую пропасть дыму, как будто он был труба какого-нибудь парохода индейской компании», «сначала было красно, как горячий уголь; потом побледнело как извесь; наконец посинело как синька».

Еще более интересна интерпретация фрагмента в более позднем переводе. Неграмотную речь рассказчика переводчик передает посредством слов из просторечного регистра («растянулся», «отдельвал») и русизма («барин»), при этом игнорирует многочисленные сравнения и пояснения автора, оставляя лаконичное «красно как у рака, а потом бледно как полотно». Он опять-таки «концентрирует» повествование, выстраивая свой текст в соответствии со своими представлениями о сатирическом дискурсе. Именно поэтому переводчик добавляет от себя фразу, отсутствующую в оригинале, но встречающуюся не раз в тексте пародии «насколько я мог судить через замочную щелку». В оригинале рассказчик не единожды наблюдает события повести через замочную скважину, становится свидетелем описываемых событий, что явилось неотъемлемой особенностью всего нарратива, отмечаемой современными исследователями: «Благодаря тому, что Желтоплюш постоянно подслушивает под дверь, читает чужие письма, мы получаем возможность познакомиться с жизнью „достопочтенного“ Эджернона в мельчайших подробностях, узнать все, что происходит за закрытой дверью, проникнуть во все тайны, запертые на дне сундука» [Шишкова 2016: 145]. Таким образом, переводчик подхватывает этот авторский прием и эксплуатирует его в других эпизодах повести, добавляя достоверности происходящему.

Показателен в плане создания «своего» текста и подход переводчиков к передаче финала пародии «Записки Желтоплюша». Последняя глава повести представляет собой критическую полемику с жанром фешенебельного романа и адресно – с основным его автором – Э. Бульвером-Литтоном. Здесь Теккерей открыто высмеивает витиеватый стиль и многословие таких произведений: “O this captng! – this windy, spouting, with his prittinesses, and conseated apologies for the hardness of his busm, and his old, stale, vapid simalies, and his wishes to be a bee! Pish! Men don’t make love in this finniking way. It’s the part of a sentymentle, poeticle taylor, not a galliant gentlemettle, in command of one of her madjisty’s vessels of war” (p. 208).

Автор «Желтоплюша» критикует романтическую и оторванность от реальности образов Бульвера, отстаивая принципы реализма в литературе.

Ориентируя свои переводы на читателей «Библиотеки для чтения», переводчики посчитали излишним посвящать их в полемику английской культуры. Оба закончили текст перевода до критической главы, однако каждый из них выбрал различные эпизоды для окончания повествования. Так, перевод 1854 г. заканчивается эпизодом выбора Матильды в пользу Эджернона, сюжет остается открытым, предоставляя читателям домысливать финал. В переводе 1860 г. после сцены выбора Матильды дан заключительный эпизод, подводный своеобразный итог повествования: Желтоплюш видит своего бывшего хозяина и его жену Матильду бедно одетых, в плачевном состоянии: «Когда мы проходили мимо их, то мужчина опустил руку на плечо женщины, которая еще больше погнулась и, казалось, начала плакать. Милорд и миледи не обратили на эту парочку внимания, но едва они сели в карету, как одновременно расхохотались» (с. 79). Переводчик выбирает логичный с его точки зрения финал – отрицательный герой наказан, справедливость восторжествовала, а читатели получают возможность сделать вывод о неизбежности возмездия за неблагоприятные поступки. Таким образом, сужая контекст, переводчики встраивают текст в существующую парадигму читательских представлений о романе серебряной ложки. У. Эко делится своими наблюде-

ниями по этому поводу: «Возможно, есть <...> тексты-дельты, разветвляющиеся на множество переводов, каждый из которых обедняет количество поступающего материала, но все они вместе создают новую территорию – сад расходящихся тропок» [Эко 2015: 311].

Таким образом, в переводах журнала «Библиотека для чтения» очевидны стремления переводчиков, с одной стороны, донести до читателей художественные особенности пародии Теккерея, в том числе ее интертекстуальность, что достигается различными способами (употребление просторечной лексики, передача авторских ссылок на инокультурные явления, сохранение авторской иронии, использование приемов, подобных оригинальным). С другой стороны – очевидны попытки «встроить» текст в русскую литературу, т. е. сделать текст доступным пониманию русского читателя, о чем говорят включенные аллюзии на произведения русской культуры, сокращение специфических фрагментов, включение переводческих

ремарок. Очевидно, что оба переводчика придерживались творческого принципа И. Введенского, пытаясь передать манеру, стиль и ритм произведения, а не воспроизвести букву оригинала, что давало им возможность ориентироваться как на уже существующие литературные образцы русской культуры, так и непосредственно на своеобразие подлинника. В целом, такие переводческие техники работали на удовлетворение ожиданий читателей и соответствие требованиям переводящей культуры. На вопрос, вынесенный в заглавие данной статьи, невозможно дать однозначного ответа. Элементы пародии тесно связаны как с культурными традициями языка-источника, так и с референцией на фешенебельный роман, который был позже воспринят только литературой «второго ряда» и не получил своего развития в русской культуре XIX в. Следовательно, образцы данного жанра, а тем более пародии на него, не могли быть переданы без потерь в язык-реципиент.

Литература

- Вахрушев, В. С. Творчество Теккерея / В. С. Вахрушев. – Саратов : Издательство Саратовского ун-та, 1984. – 150 с.
- Вердеревская, Н. А. Русский роман 40–60-х годов XIX века / Н. А. Вердеревская. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1980. – 136 с.
- Гачев, Г. Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр / Г. Д. Гачев. – М. : Изд-во Моск. ун-та ; Флинта, 2008. – 288 с.
- Дьяконова, Н. Я. «Литературность» Теккерея / Н. Я. Дьяконова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1998. – Т. 57, № 5. – С. 3–14.
- Дюришин, Д. Теория сравнительного изучения литературы / Д. Дюришин. – М. : Прогресс, 1979. – 320 с.
- Ивашева, В. В. Теккерея-сатирик / В. В. Ивашева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 304 с.
- Иезуитова, Р. В. Светская повесть. Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / Р. В. Иезуитова ; под ред. Б. С. Мейлаха. – Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1973. – С. 160–199.
- Левин, Ю. Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода / Ю. Д. Левин. – Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1985. – 299 с.
- Недзвецкий, В. А. История русского романа XIX века: неклассические формы : курс лекций / В. А. Недзвецкий. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 152 с.
- Пустовалов, А. В. Проблема маски и подписи в журналистике У. М. Теккерея / А. В. Пустовалов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 6 (12). – С. 90–97.
- Романов, Н. М. Эволюция пушкинского замысла романа о Пельимове / Н. М. Романов // Русская литература. – 1981. – № 4. – С. 191–200.
- Сизова, М. А. Жанр «светской повести» в русской литературе 1830-х годов: творчество Е.А. Ган : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сизова М. А. – М. : [б. и.], 2007. – 22 с.
- Сысоева, О. А. Литературная пародия: проблема жанра / О. А. Сысоева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 5 (1). – С. 330–335.
- Теккерея, У. М. Записки лакея / У. М. Теккерея // Приложение к «Библиотеке для чтения». – 1860. – Т. 160. – С. 3–80.
- Теккерея, У. М. Записки мистера Желтоплюша / У. М. Теккерея // Библиотека для чтения. – 1854. – Т. СХХV. – С. 1–111.
- Тозыякова, Е. А. О.И. Сенковский – Барон Брамбеус: принципы художественного миромоделирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тозыякова Е. А. – Томск : [б. и.], 2007. – 18 с.
- Чуковский, К. И. Высокое искусство / К. И. Чуковский // Чуковский К. И. Собрание сочинений : в 15 т. – М. : Т8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2017. – Т. 3. – С. 7–317.
- Шишкова, Н. Ю. Авторская маска в повести У.М. Теккерея «Записки Желтоплюша» / Н. Ю. Шишкова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 9–1. – С. 144–147.

Матвеевко И. А., Ажель Ю. П. Переводима ли пародия?...

Эко, У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко : пер. с ит. А. Ковалю. – М. : АСТ ; CORPUS, 2015. – 736 с.

Aizikova, I. Searching for a Form of Novel: E. Bulwer-Lytton's Pelham and A. Pushkin's draft / I. Aizikova, I. Matveenko, A. Utkina // *Journal of Language and Literature*. – 2015. – Vol. 6, № 2. – P. 236–241.

Cole, S. R. The Aristocrat in the Mirror: Male Vanity and Bourgeois Desire in William Makepeace Thackeray's Vanity Fair / S. R. Cole // *Nineteenth-Century Literature*. – 2005. – Vol. 61, № 2. – P. 137–170.

Graham, P. Byron and Disraeli / P. Graham // *The Victorian Newsletter*. – Spring 1986. – № 69. – P. 26–30.

Hughes, W. Silver Fork Writers and Readers: Social Contexts of a Best Seller / W. Hughes // *Novel: A Forum on Fiction*. – Spring 1992. – Vol. 25, № 3. – P. 328–347.

Sadoff, D. F. Thackeray, Catherine Gore, and Harriet Martineau: Genres of Fashionable and Domestic Fiction / D. F. Sadoff // *Victorian Studies*. – Summer 2019. – Vol. 61, Issue 4. – P. 629–652.

Thackeray, W. M. *The Yellowplush Papers* / W. M. Thackeray. – New-York : D. Appleton & Company, 1852. – 219 p.

Wheeler, M. *English Fiction of the Victorian Period: 1830–1890* / M. Wheeler. – 2nd ed. – N.Y. : Longman, 1998. – 292 p.

References

Aizikova, I., Matveenko, I., Utkina, A. (2015). Searching for a Form of Novel: E. Bulwer-Lytton's Pelham and A. Pushkin's draft. In *Journal of Language and Literature*. Vol. 6. No. 2, pp. 236–241.

Chukovskii, K. I. (2017). *Vysokoe iskusstvo* [High art]. In *Sobranie sochinenii*, in 15 vols. Moscow, T8RUGRAM / Agentstvo FTM. Vol. 3, pp. 7–317.

Cole, S. R. (2005). The Aristocrat in the Mirror: Male Vanity and Bourgeois Desire in William Makepeace Thackeray's Vanity Fair. In *Nineteenth-Century Literature*. Vol. 61. No. 2, pp. 137–170.

Dyakonova, N. Ya. (1998). «Literaturnost» Tekkerya [Literariness of Thackeray]. In *Izvestiya AN. Seriya literaturny i yazyka*. Vol. 57. No. 5, pp. 3–14.

Dyurishin, D. (1979). *Teoriya sravnitel'nogo izucheniya literatury* [Theory of Comparative Study of Literature]. Moscow, Progress. 320 p.

Eco, U. (2015). *Skazat' pochti to zhesamoe. Opyty o perevode* [To say almost the same. Translation experiences.]. Moscow, AST, CORPUS. 736 p.

Gachev, G. D. (2008). *Soderzhatel'nost' khudozhestvennykh form. Epos. Lirika. Teatr* [Meaningfulness of artistic forms. Epos. Lyrics. Theatre]. Izd-vo Mosk. un-ta, Flinta. 280 p.

Graham, P. (1986). Byron and Disraeli. In *The Victorian Newsletter*. Spring. No. 69, pp. 26–30.

Hughes, W. (1992). Silver Fork Writers and Readers: Social Contexts of a Best Seller. In *Novel: A Forum on Fiction*. Spring. Vol. 25. No. 3, pp. 328–347.

Ivasheva, V. V. (1958). *Tekkerei-satirik* [Thackeray-Satirist]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 304 p.

Iezuitova, R. V. (1973). *Svetskaya povest'. Russkay povest' XIX veka: Istoria i problematika zhanra* [Secular novella. Russian novella of the 19th century: History and problems of the genre]. Leningrad, Nauka. 565 p.

Levin, Yu. D. (1985). *Russkie perevodchiki XIX veka i razvitie hudozhestvennogo perevoda* [Russian translators of the 19th century and the development of literary translation]. Leningrad, Nauka. 299 p.

Nedzvetskii, V. A. (2011). *Istoria russkogo romana XIX veka: neklassicheskiye formy* [History of the Russian novel of the 19th century: Non-classic forms]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 152 p.

Pustovalov, A. V. (2010). Problema maski i podpisi v zhurnalistike U.M. Tekkerea. [The problem of mask and signature in W.M. Thackeray's journalism]. In *Vestnik Permskogo universiteta*. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. Issue 6 (12), pp. 90–97.

Romanov, N. M. (1981). Evolyutsiya pushkinskogo zamysla romana o Pelymove [Evolution of Pushkin's plot of the novel about Pelymov]. In *Russkaya literatura*. No. 4, pp. 191–200.

Sadoff, D. F. (2019). Thackeray, Catherine Gore, and Harriet Martineau: Genres of Fashionable and Domestic Fiction. In *Victorian Studies*. Summer. Vol. 61. Issue 4, pp. 629–652.

Shishkova, N. Yu. (2016). Avtorskaya maska v povesti U.M. Tekkerya «Zapiski Zheltoplyusha» [Author's mask in W. M. Thackeray's novella "Yellowplush Papers"]. In *Aktual'nye problem gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. No 9–1, pp. 144–147.

Sizova, M. A. (2007). *Zhanr «svetskoi povesti» v russkoi literature 1830-kh godov: tvorchestvo E.A. Gan* [Genre of "secular novella" in the Russian literature of the 1830s: Ye. A. Hahn's creative writing]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 22 p.

Sysoeva, O. A. (2013). Literaturnaya parodiya: problema zhanra [Literary parody: The problem of genre]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. No. 5 (1), pp. 330–335.

Thackeray, W. M. (1852). *The Yellowplush Papers*. New York, D. Appleton & Company. 219 p.

Thackeray, W. M. (1854). *Zapiski mistera Zheltoplyusha* [Yellowplush Papers]. In *Biblioteka dlya chteniya*. Vol. CXXV, pp. 1–111.

Thackeray, W. M. (1860). *Zapiski lakeya* [Yellowplush Papers]. In *Prilozhenie k «Biblioteka dlya chteniya»*. Vol. 160, pp. 3–80.

Tozzyakova, E. A. (2007). *O.I. Senkovskiy – Baron Brambeus: prinsipy khudozhestvennogo miromodelirovaniya* [O.I. Senkovskiy – Baron Brambeus: Principles of artistic world modelling]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk. 18 p.

Vahrushev, V. S. (1984). *Tvorchestvo Tekkerya* [Thackeray's Creative Writing]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo un-ta. 150 p.

Matveenko I. A., Azhel, Yu. P. Can a Parody Be Translated? The Russian Translations of W. Thackeray's...

Verderevskaya, N. A. (1980) *Russkii roman 40–60-h godov XIX veka* [Russian Novel of the 40s–60s of the 19th century]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo un-ta. 136 p.

Wheeler, M. (1998). *English Fiction of the Victorian Period: 1830–1890*. 2nd edition. New York, Longman. 292 p.

Данные об авторах

Матвеевко Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, доцент отделения иностранных языков Школы базовой инженерной подготовки, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия).

Адрес: 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 30.

E-mail: mia2046@yandex.ru.

Ажелъ Юлия Петровна – старший преподаватель Отделения иностранных языков Школы базовой инженерной подготовки, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия).

Адрес: 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 30.

E-mail: azhei@tpu.ru.

Authors' information

Matveenko Irina Alekseevna – Doctor of Philology, Associate Professor of the Division for Foreign Languages, School of Core Engineering Education, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Azhel' Yuliya Petrovna, Senior Teacher of the Division for Foreign Languages, School of Core Engineering Education, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

US FAIRYTALES OF THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY: CONSTRUCTING THE NATIONAL (STYLE AND PLOT PECULIARITIES)

Tatiana S. Kuznetsova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: 0000-0001-8360-1706

Ol'ga Yu. Orlova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: 0000-0002-7357-3841

Abstract. In the early twentieth century, American writers first started looking for a manner to describe the national, partially breaking away from the European canon, yet still following it to an extent. The literary fairytale is particularly interesting when considering this issue, as children's literary genres can be characterized by the authors' more pronounced intentions to portray society in the way it would like to be seen.

This article considers the ways of representing national identity with reference to fairytales written by US authors (L. F. Baum, C. Sandburg, J. Thurber, E. B. White). The article aims at exploring the multitude of means employed by the authors to establish a new national tradition of the genre (the correlation between fantasy and realism, the system of characters, poetic onomastics, style and plot characteristics of the literary fairytales of the first half of the twentieth century, etc.). The analysis makes it possible to single out a number of peculiarities typical of the fairytale discourse in the works of American writers, such as a tendency to ironically reconsider the canons of the genre and combine the features of fantasy and realism in the narrative, which makes the role of colloquial linguistic means more significant. The desire to create a nation-specific type of the genre brings about the problem of nomination. Acting in the roles of new 'Adams', who are naming objects around them, American fairytale authors come up with occasional ways of naming their characters and topoi. On the one hand, names may be completely devoid of any etymological basis, and, on the other hand, they may evoke associations with typical phenomena of the New World. The characters bear features reflecting the peculiarities of American mentality (practicality, pragmatism, confidence in their own abilities). The space of the fairytale is transformed as compared to the traditional chronotope. Now, miracles either happen in a metropolis of the times of the author or in rural areas, at a farm where, as it turns out, miracles can also take place. However, making the setting of their narrative clearer poses new challenges to the authors, as their narrative may include topics typical of traditional realist fiction, such as growing up, friendship, loss, and compassion.

Keywords: US literature; children's literature; literary fairytale; national identity; poetic onomastics.

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО В СКАЗКАХ ПИСАТЕЛЕЙ США ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (СТИЛИСТИЧЕСКОЕ И СЮЖЕТНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ)

Кузнецова Т. С.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: 0000-0001-8360-1706

Орлова О. Ю.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: 0000-0002-7357-3841

Аннотация. В начале XX в. американские писатели впервые начинают поиск новых форм передачи национального, отчасти отрываясь от европейского канона, а отчасти все еще ему следуя. Литературная сказка представляет собой особенно интересный материал для изучения данной проблемы, т. к. в жанрах детской литературы наиболее сильны авторские интенции изобразить общество таким, каким оно само хотело бы себя видеть.

В статье рассматриваются способы репрезентации национальной идентичности на примере жанра сказки, представленном в творчестве писателей США (Л. Ф. Баума, К. Сэндберга, Дж. Тербера, Э. Б. Уайта). Цель работы – изучить разнообразие используемых авторами способов утверждения новой национальной традиции жанра (соотношение фантазийного и реалистического, систему образов персонажей, поэтическую ономастику, стилистические и сюжетные особенности литературных сказок первой половины XX в.). Анализ позволил выявить такие особенности сказочного дискурса в произведениях американских писателей, как тенденцию к ироническому переосмыслению канонов жанра, к совмещению реалистического и фантастического в повествовании, в результате чего усиливается роль языковых средств, принадлежащих к разговорному регистру. Отчетливое желание создать собственный национальный тип жанра вызывает к жизни проблему именования. Выступая в роли новых Адамов, как бы впервые дающих имена предметам, американские сказочники изобретают окказиональные способы номинации персонажей и топосов: имена, с одной стороны, могут быть полностью лишены этимологии, а с другой – отсылать читателя к типичным реалиям Нового Света. Сами персонажи наделяются такими чертами характера, которые отражают свойства американского менталитета (практичность, прагматизм, уверенность в своих силах). Пространство сказки также видоизменяется в сравнении с традиционным хронотопом. Теперь волшебство происходит либо в крупном мегаполисе, современном автору сказки, либо в типичной сельской местности, на ферме, где, как оказывается, тоже есть место чудесам. Тем не менее, конкретизация пространства ставит перед авторами новые задачи: в повествование могут быть вплетены такие традиционные темы реалистической подростковой литературы, как взросление, дружба, утрата, сострадание.

Ключевые слова: литература США; детская литература; литературная сказка; национальная идентичность; поэтическая ономастика.

Для цитирования: Кузнецова, Т. С. Конструирование национального в сказках писателей США первой половины XX века (стилистическое и сюжетное своеобразие) / Т. С. Кузнецова, О. Ю. Орлова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 164–171. – DOI: 10.26170/FK20-03-14.

For citation: Kuznetsova, T. S., Orlova, O. Yu. (2020). US Fairytales of the First Half of the 20th Century: Constructing the National (Style and Plot Peculiarities). In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 164–171. DOI: 10.26170/FK20-03-14.

The emergence of the first fiction works meant specifically for children both in Europe and in the US in the nineteenth century took place in the age of romanticism. In that period and later, writers and researchers paid attention both to the children's world and the 'childhood of culture', i.e. folklore. Traditionally, American children's literature is considered to have manifested itself in the sphere of realism (adventure novels, family sagas, etc.)¹, while fantasy literature is thought to be dominated by European authors who base their works on European folklore, e.g. that of Great Britain. Together with that, American fairytale writers of the first half of the twenti-

eth century (Lyman Frank Baum, Carl Sandburg, James Thurber, Elvin Brooks White) persisted in consciously creating nation-specific fairytale discourse [American Myths... 2016: 1084; Thacker 2005: 85; Hourihan 1997: 212]. This article considers the peculiarities characteristic of the construction of the national in the US children's literature of the first half of the twentieth century and the connection between US children's literature with the folklore and literary tradition of Great Britain. The analysis is based on the works by the said authors as L. F. Baum, C. Sandburg, J. Thurber, and E. B. White are classics of children's literature who further developed the genre

¹ For more information about the establishment and national peculiarities of realism in US literature and, more particularly, in youth literature, see [Balditsyn 2004: 83-93, 123-128].

of the literary tale and contributed to its transformation in the US literary context.

In the past few decades, considerable attention has been paid to national identity both in the works of national and foreign scholars [e.g. Gillingham 2000; Gachev 1998; Lukina 2004; Zadornaya 2017, etc.]. In their research, authors refer to different social phenomena [Ariely 2018], images of remarkable personalities [Taylor 2000], and works of visual art and music [Zhukova 2014]. Many studies focus on exploring the means used to represent national identity in fiction [Popova 2004; Sidorova 2007; Buckley 2018].

In its turn, the literary fairytale has also been studied by Russian [Lipovetsky 1992; Ovchinnikova 2003] and non-Russian scholars [Lerer 2008; Zipes 2012; Bottigheimer 2004; Beveridge 2014]. In foreign scholarship, the genre has frequently been used as a «reference point» of American culture and society» [Junko 2003]. However, the literary fairytale as a genre is also often examined through the prism of text linguistics [Stephens 2004; Tananykhina 2007; Brandausova 2008; Namyckina 2011], while it is mostly non-Russian scholars that focus on the peculiarities of national identity representation with reference to children's literature [Knowles 2003; Stewart 2009].

Unlike grown-up literature, works of children's literature have more potential for constructing an ideal image of society. As Peter Hunt, one of the first scholars who treated children's literature as an object of academic study, puts it: "they [books for children – T. K., O. O.] reflect society as it wishes to be seen, and as it unconsciously reveals itself to be" [cit. ex: Knowles 2003: 61]. Researchers maintain that the linguistic means employed by an author in a work of literature may serve to express their national identity [Popova 2004: 50]. The American fairytale is particularly interesting material to explore this issue due to the fact that over time, literature in the former British colonies and dominions started looking for its own artistic method but also defying the traditional images of the British fairytale [Gilerdale 1996: 847].

In the nineteenth century, US literature was almost entirely rooted in the European tradition [Griswold 1996: 863]¹, which is why until as late as the early twentieth century, all American children's writers to a certain extent used classical fairytale plots and characters. However, this connection is the most noticeable in the fairytales of L. Frank Baum, the most renowned American fairytale writer. This paper will consider a collection of fairytales the author entitled *American Fairy Tales* (1901). Even though the title of the collection refers to the new American origin of the texts, in the fairytales, the author does not completely break away from the European fairytale tradition. In his stories, one can still find princes, princesses, characters' miracle-making associates and wizards who are particularly important to Baum. Alongside with that, some other motifs rooted in European folklore and literary fairytale are to be found in Baum's works, namely the motif of the forbidden door² (*The Box of Robbers*, *The Girl who Owned a Bear*), the motif of the unconvertible coin (*The Queen of Quok*), the motif of the main character promising something to their antagonist (*The Laughing Hippopotamus*), and the presence of miracle-making associates (*The Queen of Quok*), etc.

However, in the early twentieth century, authors started working on the poetics and plots of the American fairytale proper. Thus, while in American writer and illustrator Howard Pyle's collection of fairytales *Pepper and Salt* (1883)³ the characters' names are still reminiscent of the German fairytale tradition associated with that of the brothers Grimm, L. Frank Baum's literary onomastics demonstrates originality in character naming (*Popopo*, *Gouie*, *Glinkomok*, *Nep*, etc.) and toponyms (*Bilkon*, *Quok*, *Mulgravia*, *Junkum*, *Macvelt*, etc.) which cannot be attributed to any tradition. Similarly, Baum came up with the name of the main country of American fairytales, the marvelous land of Oz, by accident, which complies very well with the demands of the American fairytale as it brings about no associations with the preceding tradition. Tradition-

¹ In its turn, everything that followed in the American tradition of the literary fairytale was influenced by the outstanding American romanticists, i.e. W. Irving, N. Hawthorn, and E. A. Poe. According to Ju. V. Kovalev, all American fairytale writers "referred to the legacy and achievements of romanticists, using their techniques and innovations, their aesthetic principles and narrative constructions, their means of dealing with life-related material" [Kovalev 1992: 12].

² The motif of disobedience which is directly connected with the motif of opening a forbidden door (book, chest, etc.) is further developed in *Jumanji*, a popular book by American writer Chris Van Allsburg.

³ For more information about Pyle's fairytales, see: [Dunayevskaya 2019: 17].

al names perform a topologizing function while unusual names are a feature of the reconsidered genre tradition¹. James Thurber, American writer, journalist and artist also follows this trend. Although the fairytale characters in his books are presented in the traditional roles of the European fairytale (princes, princesses, kings, monsters, etc.), their names undergo several changes from minor phonetic alterations (King *Clode* instead of traditional spelling with *au*: *Claude*) to more complex cases of semordnilap (*Nagrom Yaf*, *Tarcomed*, *Nacilbuper*). The latter examples demonstrate not only a connection with the European folklore tradition (*Nagrom Yaf* spelt backward is *Morgan le Fay*, a powerful enchantress of the Arthurian legend), but also an allusion to the contemporary US political system (*Tarcomed* and *Nacilbuper* are *Democrat* and *Republican* reversed respectively).

The new tradition in the onomasticon of the fairytale is shaped by words that have an obvious local colouring in other American fairytales. Thus, in the title of his collection *Rootabaga Stories* (1922), American poet, folklorist and fairytale author Carl Sandburg uses a North American name of a typical plant of the continent, rootabaga. The protagonist's name in this book, *Gimme the Ax*, is a reference to the traditional occupation of pioneers of land development, i.e. cutting down forests². What is noteworthy about the name is its unusual morphological status and phonetic frame. It is not only the author but also the characters themselves who name other characters in the text:

Gimme the Ax decided to let his children name themselves <...> When the first boy came to the house of Gimme the Ax, he was named Please Gimme and the girl was named Ax Me No Questions [Sandburg 1990: 97].

The similarity of names which lies in the recurrence of lexical elements and in their phonetic

and grammatical anormality testifies not only to the fact that all the characters are members of the same family but also to their belonging to a certain group of American society.

In this way, establishing an original American tradition, authors come up with inexistent names which bear no associations whatsoever with a particular tradition (Baum, Thurber) or give their fictional characters or settings names which are directly associated with the everyday life, culture, flora, and fauna of the New World (Sandburg).

The plot of their fairytales is set against a reality contemporary to that of the authors. In Baum's stories, wizards live in metropolises, the king's ministers buy lozenges on their way to work while characteristic features of the American landscape (such as cornfields) become an integral part of both Baum's³ and Sandburg's⁴ characters' appearance descriptions. In their fairytales, literary topoi include both the countryside and the city. For instance, Sandburg's fairytale *How Two Skyscrapers Decided to Have a Child* tells a story of two skyscrapers becoming parents to a long-distance train. As a result, the main characters are indicative of the development of American society: on the one hand, there are skyscrapers reaching for the sky in a densely populated metropolis as symbols of the urban and industrial development of the country, and, on the other hand, there is a train which covers huge distances and discovers new spaces as a symbol of developing new lands. These two vectors determine the narrative in American fairytales which sometimes go far away from the traditional plots and poetics of the British fairytale. The first vector, which had existed in European and American literature long before the twentieth century (see, e.g. works of Charles Dickens and Horatio Alger) and expressed itself throughout the twentieth century (R. Sawyer, B. Smith) continues to

¹ Rather paradoxically, Pamela S. Gates suggests that despite all the merits of Baum's fairytales (extravagant names, comic situations, interesting characters), his 'unexciting style' may have been the reason why for a long time, critics had to "to lump the Oz stories with more pedestrian series fiction" [Gates 2003: 17]. However, his matter-of-fact style did not prevent him from becoming a classic of American literature, a situation which was far less probable in the national variants of the literary fairytale in Europe.

² As a collector of American folklore and with an aim to contribute to the new children's folklore, Sandburg uses the names of his characters as a reference to the image of the logger from American tall tales. An indispensable attribute of such folklore characters as Paul Banyan, Tony Beaver, Cordwood Pete, etc. is an ax. Using one, Paul Banyan, according to one of the tall tales, dug the Grand Canyon.

³ Baum's negative characters are "... ugly enough to scare away the crows from the royal cornfields" [Baum, 2015: 33].

⁴ One of the characters of *Rootabaga Stories* is described as follows: «Her eyes are so blue, such a clear light shining blue, they are the same as cornflowers with blue raindrops shining and dancing on the silver leaves after a sun shower in any of the summer months» [Sandburg 1990: 100].

set the tone for the urban theme in US children's literature both in the late twentieth and the early twenty-first centuries (books by M. Curato, E. Konigsburg, J. Woodson, L. Fitzhugh etc.). The other vector directed into the American states focuses on life outside the city, another important topic in US literature. The latter vector developed not only a definite set of themes, but also a recognisable style with an inevitable abundance of dialogues, everyday scenes from ranch or farm life, all of which were quite different from the ones of a fantasy¹.

The beginning of E. B. White's *The Charlotte's Web* (1952) whose action takes place on a farm, for example, in no way looks like that of a fairytale:

"Where's Papa going with that ax?" said Fern to her mother as they were setting the table for breakfast.

"Out to the hoghouse," replied Mrs. Arable. "Some pigs were born last night."

"I don't see why he needs an ax," continued Fern, who was only eight.

"Well," said her mother, "one of the pigs is a runt. It's very small and weak, and it will never amount to anything. So your father has decided to do away with it."

"Do away with it?" shrieked Fern. "You mean kill it? Just because it's smaller than the others?"

Mrs. Arable put a pitcher of cream on the table.

"Don't yell, Fern!" she said. "Your father is right. The pig would probably die anyway." [White 1990: 237].

Simple syntactic structures, everyday vocabulary describing the activities of farm workers, and the expression 'do away' which the little girl fails to understand completely are characteristics of the style of the work which make the reader experience the anxiety of a girl who can only guess why her father is heading to the newborn piglets carrying an ax. As if to counterbalance the imaginary, the first few chapters of the fairytale are written in a realistic manner. In this way, despite employing traditional fairytale means (search of a name, talking animals), *The Charlotte's Web* touches upon real problems, including true friendship, parting with one's childhood, growing-up, and death.

This combination of fantasy and realism in a fairytale is characteristic of many US authors. In its American variant, the genre brings the real world and the world of miracles together, a fea-

ture that is more typical of young adult literature. The main character of *The Charlotte's Web* is a girl that has a defined historical and geographical setting as do many characters of L. Frank Baum's fairytales. And while in White's stories, growing-up issues come to the fore (e.g. at first Fern preoccupies her mother by the fact that she will only communicate with animals and by the end of the book she makes friends at school and gradually leaves the imaginary world of talking animals), in Baum's works the main girl characters are inventive and practical. Being down-to-earth is a distinctive feature of the American national character² which could not suit the image of the main character of children's literature better as they know how to find a way out of difficult situations.

Its turn to realism in American literature may be explained by its special treatment of the legacy of romanticism. For US fairytale writers of the late nineteenth and early twentieth centuries, the only way to interact with the traditions of romanticism was their reconsideration through the prism of satire. Thus, in Baum's *The Box of Robbers*, the narrative follows a traditional pattern. Out of curiosity, the main character, Martha, opens a wooden chest which had been sent by an uncle of hers from Africa, and sets free some pirates. They rob her house and start talking about where to hide the stolen things, and the girl courteously suggests that they hide them in the only cave she knows of, Mammoth Cave, a national park in Kentucky. In this way, the author ironically reconsiders some persisting associations of adventure literature: a real practical young dweller of Chicago upsets the canon of children's literature with her observations and twists the bandits around her finger when things seem to have gone awry. The moral at the end of each fairytale only adds to the author's irony: in this story it shifts the focus from issues that, according to the logic of the narrative, need to be taken into consideration in such a situation, i.e. safety and obedience, to insignificant things as if the only negative outcome of Martha's behaviour was going to be the need to tidy up:

This story should teach us not to interfere in matters that do not concern us. For had Martha refrained from

¹ Some of the representatives of this direction (L. I. Wilder, C. Rylie Brink) paved the way for the further development of the Children's Frontier Narrative (R. Moody, J. Van Leeuwen, etc.).

² About this, see: [Kovalev 1992: 8].

opening *Uncle Walter's mysterious chest she would not have been obliged to carry downstairs all the plunder the robbers had brought into the attic* [Baum 2015: 15].

When speaking about the ironic reconsideration of the canons of the genre, it is important to say that the specific type of humour in the works studied characterises them as American texts proper. According to A. I. Lavrentyev, humour expresses the basic feature of American culture and national character; it questions the pretended feeling of comfort, wellbeing, and safety, pragmatically reconsidering the universal system of values and destroying the ideas of truth, good, and beauty which did not stand the test of real life. [Lavrentyev 2009: 42]. Irony bordering on black humour is characteristic of the manner of some American fairytale writers (J. Thurber, J. Collier). For example, in James Thurber's creative work, one can find both the poetic *The White Deer* and *Many Moons* and somber stories which

only remotely resemble classical fairytales [Kovalev 1992: 17–19].

American fairytales can be characterized by a non-uniform nature, however, the period in question demonstrates a tendency to a gradual intensification of the national component. In literary onomastics, the authors diverge from traditional nominations and prefer to come up with intricate unusual names and call their characters in an American way. The US literary fairytale is characterized by a combination of realist and fantasy narration elements. While still retaining some features of the traditional fairytale (talking animals, typical functions, etc.), they consider issues that are more typical of realist narratives, while their characters are realistic and demonstrate features of the national mentality. The extreme point of the fairytale genre reconsideration by US authors is different variants of the ironic interpretation of traditional plots.

Литература

- Балдицын, П. В. Творчество Марка Твена и национальный характер американской литературы / П. В. Балдицын. – М. : ВК, 2004.
- Баум, Л. Ф. Американские волшебные сказки / Л. Ф. Баум. – СПб. : КАРО, 2015.
- Брандаусова, А. В. Основные синтаксические особенности английской литературной сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Брандаусова А. В. – М. : [б. и.], 2008.
- Гачев, Г. Д. Национальные образы мира : курс лекций / Г. Д. Гачев. – М. : Издательский центр «Academia», 1998.
- Дунаевская, Е. С. «Перец и соль» Говарда Пайла в контексте сказочных традиций США и Европы / Е. С. Дунаевская // Педагогический дискурс в литературе. – СПб. : Лема, 2019. – Вып. 13. – С. 15–22.
- Жукова, Г. К. Репрезентация национального в европейском музыкальном дискурсе / Г. К. Жукова. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2014.
- Задворная, Е. С. Феномен идентичности: история формирования понятия и современные подходы к изучению / Е. С. Задворная // Ценности и смыслы. – 2017. – № 1 (47). – С. 24–37.
- Ковалев, Ю. В. Волшебные фантазии серьезных людей / Ю. В. Ковалев // Сказки американских писателей. – СПб. : Лениздат, 1992. – С. 3–26.
- Лаврентьев, А. И. «Черный юмор» и американский характер : учеб. пособие по спецкурсу / А. И. Лаврентьев. – Ижевск, 2009.
- Липовецкий, М. Н. Поэтика литературной сказки / М. Н. Липовецкий. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992.
- Лукина, А. В. Новые подходы к исследованию национальной идентичности / А. В. Лукина // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 33. – С. 238–246.
- Намычкина, Е. В. Композиционно-стилистические приемы нарастания и спада в тексте сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Намычкина Е. В. – М. : [б. и.], 2011.
- Овчинникова, Л. В. Русская литературная сказка XX века: История, классификация, поэтика / Л. В. Овчинникова. – М. : Флинта ; Наука, 2003.
- Попова, М. К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании / М. К. Попова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004.
- Сидорова, О. Г. Азиатский «акцент» в современной литературе США / О. Г. Сидорова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2007. – № 53 (14). – С. 242–252.
- Тананыхина, А. О. Лингвостилистические особенности современной англоязычной литературной сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тананыхина А. О. – СПб. : [б. и.], 2007.
- American Myths, Legends and Tall Tales: An Encyclopedia of American Folklore / ed. by Ch. R. Fee, J. B. Webb. – Santa Barbara : ABC-CLIO, 2016.
- Ariely, G. Evaluations of Patriotism Across Countries, Groups, and Policy Domains / G. Ariely // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2018. – Vol. 44, № 3. – P. 462–481.

- Beveridge, J. *Children into Swans: Fairy Tales and the Pagan Imagination* / J. Beveridge. – Montreal : McGill-Queen's University Press, 2014.
- Bottigheimer, R. B. *Fairy Tales and Folk Tales* / R. B. Bottigheimer // *International Companion Encyclopedia of Children's Literature* / ed. by P. Hunt. – New York : Routledge, 2004. – Vol. 1. – P. 261–274.
- Buckley, Ch. G. Reading 'Fundamental British Values' Through Children's Gothic: Imperialism, History, Pedagogy / Ch. C. Buckley. – Text : electronic // *Children's Literature in Education*. – 2020. – № 51 – P. 21–40. – URL: doi.org/10.1007/s10583-018-9344-z (mode of access: 09.03.2020).
- Gates, P. S. *Fantasy Literature for Children and Young Adults* / P. S. Gates, S. B. Steffel, F. J. Molson. – Lanham, Md. : Scarecrow Press, 2003.
- Gilderdale, B. *New Zealand* / B. Gilderdale // *International Companion Encyclopedia of Children's Literature* / ed. by P. Hunt. – New York : Routledge, 2005. – P. 844–850.
- Gillingham, J. *The English in the Twelfth Century: Imperialism, National Identity and Political Values* / J. Gillingham. – Woodbridge : The Boydell Press, 2000.
- Griswold, J. *Children's Literature in the USA: A Historical Overview* / J. Griswold // *International Companion Encyclopedia of Children's Literature* / ed. by P. Hunt. – New York : Routledge, 2005. – P. 860–870.
- Hourihan, M. *Deconstructing the Hero* / M. Hourihan. – New York : Routledge, 1997.
- Junko, Y. *Uneasy Men in the Land of Oz* / Y. Junko // *Children's Literature and the Fin de Siècle*. – Westport, Connecticut : Greenwood Press, 2003. – P. 157–167.
- Knowles, M. *Language and Control in Children's Literature* / M. Knowles, K. Malmkjær. – New York ; London : Routledge, 2003.
- Lerer, S. *Children's Literature: A Reader's History from Aesop to Harry Potter* / S. Lerer. – Chicago : University of Chicago Press, 2008.
- Sandburg, C. *Rootabaga Stories* / C. Sandburg // *Американская литературная сказка* / сост. Т. Д. Венедиктова. – М. : Радуга, 1990. – С. 95–190.
- Stephens, J. *Linguistics and Stylistics* / J. Stephens // *International Companion Encyclopedia of Children's Literature* / ed. by P. Hunt. – New York : Routledge, 2004. – Vol. 1. – P. 99–111.
- Taylor, J. A. *Diana, Self-Interest, and British National Identity* / J. Taylor. – Westport, Connecticut ; L. : Praeger, 2000.
- Thacker, D. *Introducing Children's Literature: From Romanticism to Postmodernism* / D. Thacker, J. Webb. – London ; New York : Routledge, 2005.
- Thurber, J. *The White Deer* / J. Thurber // *Американская литературная сказка* / сост. Т. Д. Венедиктова. – М. : Радуга, 1990. – С. 191–233.
- White, E. B. *The Charlotte's Web* / E. B. White // *Американская литературная сказка* / сост. Т. Д. Венедиктова. – М. : Радуга, 1990. – С. 235–298.
- Zipes, J. *The Irresistible Fairy Tale: The Cultural and Social History of a Genre* / J. Zipes. – Princeton : Princeton University Press, 2012.

References

- Fee, Ch. R., Webb, J. B. (Eds.). (2016). *American Myths, Legends and Tall Tales: An Encyclopedia of American Folklore*. Santa Barbara, ABC-CLIO.
- Ariely, G. (2018). Evaluations of Patriotism Across Countries, Groups, and Policy Domains. In *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 44. No. 3, pp. 462–481.
- Balditsyn, P. V. (2004). *Tvorchestvo Marka Tvena i natsional'nyi kharakter amerikanskoi literatury* [Mark Twain's Creative Work and the National Character of American Literature]. Moscow, VK.
- Baum, L. F. (2015). *Amerikanskije volshebnye skazki* [American Fairy Tales]. Saint Petersburg, KARO.
- Beveridge, J. (2014). *Children into Swans: Fairy Tales and the Pagan Imagination*. Montreal, McGill-Queen's University Press.
- Bottigheimer, R. B. (2004). Fairy Tales and Folk Tales. In P. Hunt (Ed.). *International Companion Encyclopedia of Children's Literature*. New York, Routledge. Vol. 1, pp. 261–274.
- Brandausova, A. V. (2008). *Osnovnye sintaksicheskie osobennosti anglijskoi literaturnoi skazki* [Major Syntactic Peculiarities of the English Literary Fairytale]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow.
- Buckley, Ch. G. (2020). Reading 'Fundamental British Values' Through Children's Gothic: Imperialism, History, Pedagogy. In *Children's Literature in Education*. No. 51, pp. 21–40. URL: doi.org/10.1007/s10583-018-9344-z (mode of access: 09.03.2020).
- Dunaevskaya, E. S. (2019). «Perets i sol'» Govarda Paila v kontekste skazochnykh traditsii SShA i Evropy [Pepper and Salt by Howard Pyle in the Context of the Fairytale Traditions of the US and Europe]. In *Pedagogicheskii diskurs v literature*. Saint Petersburg, Lema. Issue 13, pp. 15–22.
- Gachev, G. D. (1998). *Natsional'nye obrazy mira* [National Ideas of the World]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Academia».
- Gates, P. S., Steffel, S. B., Molson, F. J. (2003). *Fantasy Literature for Children and Young Adults*. Lanham, Md., Scarecrow Press.
- Gilderdale, B. (2005). *New Zealand*. In Hunt, P. (Ed.). *International Companion Encyclopedia of Children's Literature*. New York, Routledge. Vol. 1, pp. 844–850.
- Gillingham, J. (2000). *The English in the Twelfth Century: Imperialism, National Identity and Political Values*. Woodbridge, The Boydell Press.

Kuznetsova T. S., Orlova O. Yu. US Fairytales of the First Half of the 20th Century: Constructing the National...

- Griswold, J. (2005). Children's Literature in the USA: A Historical Overview. In Hunt, P. (Ed.) *International Companion Encyclopedia of Children's Literature*. New York, Routledge. Vol. 1, pp. 860–870.
- Hourihan, M. (1997). *Deconstructing the Hero*. New York, Routledge.
- Junko, Y. (2003). Uneasy Men in the Land of Oz. In *Children's Literature and the Fin de Siècle*. Westport, Connecticut, Greenwood Press, pp. 157–167.
- Knowles, M. Malmkjær, K. (2003). *Language and Control in Children's Literature*. New York, London, Routledge.
- Kovalev, Ju. V. (1997). Volshebnye fantazii ser'eznykh lyudei [Fairytale Fantasies of Serious People]. In *Skazki amerikanskikh pisatelei*. Saint Petersburg, Lenizdat, pp. 3–26.
- Lavrentyev, A. I. (2009). «Chernyi yumor» i amerikanskii kharakter [Dark Humour and the American National Character]. Izhevsk.
- Lerer, S. (2008). *Children's Literature: A Reader's History from Aesop to Harry Potter*. Chicago, University of Chicago Press.
- Lipovetskii, M. N. (1992). *Poetika literaturnoi skazki* [The Poetics of the Literary Fairytale]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Lukina, A. V. (2004). Novye podkhody k issledovaniyu natsional'noi identichnosti [New Approaches to the Study of National Identity]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 33, pp. 238–246.
- Namyckhina, E. V. (2011). *Kompozitsionno-stilisticheskie priemy narastaniya i spada v tekste skazki* [The Compositional and Stylistic Devices of Climax and Anticlimax in Fairytales]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow.
- Ovchinnikova, L. V. (2003). *Russkaya literaturnaya skazka XX veka: Istoriya, klassifikatsiya, poetika* [The Russian Literary Fairytale of the 20th Century: History, Classification, Poetics]. Moscow, Flinta, Nauka.
- Popova, M. K. (2004). *Natsional'naya identichnost' i ee otrazhenie v khudozhestvennom soznanii* [National Identity and Its Reflection in Artistic Consciousness]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet.
- Sandburg, C. (1990). Rootabaga Stories. In *Amerikanskaya literaturnaya skazka*. Moscow, Raduga, pp. 95–190.
- Sidorova, O. G. (2007). Aziatskii «aktsent» v sovremennoi literature SShA [The Asian “Focus” in Contemporary US Literature]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki*. No. 53 (14), pp. 242–252.
- Stephens, J. (2004). Linguistics and Stylistics. In Hunt, P. (Ed.). *International Companion Encyclopedia of Children's Literature*. New York, Routledge. Vol. 1, pp. 99–111.
- Stewart, M. P. (2009). *Ethnic Literary Traditions in American Children's Literature*. New York, Palgrave Macmillan.
- Tananykhina, A. O. (2007). *Lingvostilisticheskie osobennosti sovremennoi angloyazychnoi literaturnoi skazki* [Linguistic and Stylistic Peculiarities of the Contemporary English-Language Literary Fairytale]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saint Petersburg.
- Taylor, J. A. (2000). *Diana, Self-Interest, and British National Identity*. Westport, Connecticut, Praeger.
- Thacker, D. (2005). *Introducing Children's Literature: From Romanticism to Postmodernism*. London, New York, Routledge.
- Thurber, J. (1990). The White Deer. In *Amerikanskaya literaturnaya skazka*. Moscow, Raduga, pp. 191–233.
- White, E. B. (1990). The Charlotte's Web. In *Amerikanskaya literaturnaya skazka*. Moscow, Raduga, pp. 235–298.
- Zadvornaya, E. S. (2017). Fenomen identichnosti: istoriya formirovaniya ponятиya i sovremennye podhody k izucheniju [The Phenomenon of Identity: The History of the Evolution of the Term and Contemporary Approaches to its Studies]. In *Tsennosti i smysly*. No. 1 (47), pp. 24–37.
- Zhukova, G. K. (2014). *Reprezentatsiya natsional'nogo v evropeiskom muzykal'nom diskurse* [The Representation of the National in European Musical Discourse]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Zipes, J. (2012). *The Irresistible Fairy Tale: The Cultural and Social History of a Genre*. Princeton, Princeton University Press.

Данные об авторах

Орлова Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).
Адрес: 620002, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
E-mail: orlova_82@inbox.ru.

Кузнецова Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620002, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
E-mail: tatiana.s.kuznetsova@gmail.com.

Authors' information

Orlova Ol'ga Yur'evna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Germanic Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Kuznetsova Tat'yana Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Germanic Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

LILACS AND HYACINTHS: TWO SYMBOLS OF SADNESS IN T.S. ELIOT'S 'THE WASTE LAND'

Mariwan N. H. Barzinji

Sulaimani American University (Sulaimani, Iraq)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7768-889X>

Ol'ga M. Ushakova

Tyumen State University (Tyumen, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0656-3774>

Abstract. Several flowers are referred to in T. S. Eliot's poems which are used symbolically. The article "Lilacs and Hyacinths: Two Symbols of Sadness in T.S. Eliot's *The Waste Land*" deals with research of symbolic meanings of the floristic imagery in the major poem by T. S. Eliot. The notion of the symbol with reference to modernism is unusual and polemic, so the authors examine the structure and essence of modernist symbols that evoke deep and unconscious responses in the reader focusing on terminological and theoretical aspects of the problem. Historical and archetypal approaches have been used to interpret and explore the meanings of lilacs and hyacinths in Eliot's *The Waste Land*. The analytical survey has been carried out to demonstrate the peculiar use of two flowers mentioned in *The Waste Land*. Data were gathered from the text of the poem and from theoretical and historical sources. The important research goals were to find out if the two flowers have been used symbolically and differ from each other. For each flower its symbolic and common meanings that have been explored in different contexts of the poem (historical, biographical, mythological, cultural, anthropological, etc.). The international research team (Iraq, Russia) have also tried to take into account the challenges of teaching English modernist poetry to the international students in the age of global education.

Keywords: T.S. Eliot; 'The Waste Land'; modernist symbol; mythologeme of rebirth; floristic imagery in poetry; hyacinths; lilacs.

СИРЕНЬ И ГИАЦИНТ: ДВА СИМВОЛА ПЕЧАЛИ В «БЕСПЛОДНОЙ ЗЕМЛЕ» Т.С. ЭЛИОТА

Барзинджи М. Н. Х.

Американский университет Сулеймани (Сулеймания, Ирак)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7768-889X>

Ушакова О. М.

Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0656-3774>

Аннотация. В поэзии Т. С. Элиота встречается целый ряд цветов, которые могут быть интерпретированы символически. В статье «Сирень и гиацинт: два символа печали в „Бесплодной земле“ Т. С. Элиота» исследуется символика образов цветов в одной из самых значительных поэм Т. С. Элиота. Само понятие символ по отношению к модернизму может вызвать полемику, поэтому авторы статьи уделяют внимание изучению структуры и природы модернистского символа, вызывающего у читателя глубокие и бессознательные реакции, обращаясь к терминологическим и теоретическим аспектам проблемы. Для интерпретации и анализа символика сирени и гиацинтов в поэме Элиота применялись, прежде всего, историко-литературный и архетипический подходы. В ходе анализа была выявлена неоднозначность и оригинальность семантики двух цветов в «Бесплодной земле». Материалом исследова-

Barzinji M. N. H., Ushakova O. M. Lilacs and Hyacinths: Two Symbols of Sadness in T.S. Eliot's 'The Waste Land'

ния послужили как поэтические тексты, так и теоретические и историко-литературные работы. Одной из важных задач также было выяснение сходства и различия символических уровней и соответствий того и другого флористического образа. Символическое и универсальное значение каждого из цветов рассматривалось в различных контекстах (исторический, биографический, мифологический, культурный, антропологический и т. д.). Международный исследовательский коллектив (Ирак, Россия) также принимал во внимание трудности преподавания английской поэзии модернизма в иноязычной среде в эпоху глобального образования.

Ключевые слова: Т. С. Элиот; «Бесплодная земля»; модернистский символ; мифологема смерти-возрождения; флористические образы в поэзии; гиацинты, сирень.

Для цитирования: Барзинджи, М. Н. Х. Сирень и гиацинт: два символа печали в «Бесплодной земле» Т. С. Элиота / М. Н. Х. Барзинджи, О. М. Ушакова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 172–181. – DOI: 10.26170/FK20-03-15.

For citation: Barzinji, M. N. H., Ushakova, O. M. (2020). Lilacs and Hyacinths: Two Symbols of Sadness in T.S. Eliot's 'The Waste Land'. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 172–181. DOI: 10.26170/FK20-03-15.

Introduction. There are different critical approaches to study and interpret the mythic and symbolic elements in the works of European literature. First, they need to be analyzed, interpreted and explained for educational purposes throughout the world at different levels of education and in different cultural contexts. Second, the archetypal or symbolic framework of the texts created in different cultures may in a special way cause the different analytical methods. There are some challenges for researching and teaching world literature in the situation of internationalization and globalization of education. In addition to broadening students' perspectives by introducing them to different literary traditions the scholars and teachers can also share with them ideas and values from other cultures. One of the advantages of such cultural polyphony can result in the development of new analytical methods, critical concepts and text interpretations.

Thus, there is a sense to turn to literary theories and ideas produced by different critical schools. One of the most productive methodologies for interpreting and understanding the mythological imagery in works of literature was achieved in mythical and archetypal criticism. The important methodological instruments have been elaborated by the Russian school of Historical Poetics starting with the works by Alexander Veselovsky (1838–1906) who has supplied the theoretical basis for the work of such Russian theorists and historians of Literature as Olga Freidenberg, Mikhail Bakhtin, Yeleazar Meletinsky,

Sergey Averintsev, Mikhail Gasparov and others. In the West Mythological and Archetypal critical theorists like Maud Bodkin and Northrop Frye contributed the studies of myth and archetypes in literary narratives. For instance, in 1963 fifteen critics have explored various interpretations through studies of myth and symbol in the collection of critical essays "Myth and Symbol. Critical Approaches and Applications" dedicated to Northrop Frye (who was one of the authors). The editor of this publication Bernice Slote mentioned in the Foreword: "Myth, both traditional and creative is the narrative form of those particularly archetypal symbols which together make a coherent revelation of what man knows and what he believes. In its doubleness, myth is vision objectified; it exists in terms of what is deepest in the springs of human feeling and perception" [Slote 1963: v].

The aim of this paper is to understand the peculiarities of modernist symbolic imagery in T. S. Eliot's poem "The Waste Land" (1922) referring to different sources and critical approaches. Perhaps one reason behind the difficulty of modern poetry belongs to use of words that can give other meanings (indirect meanings) that students and ordinary readers cannot understand easily. The authors of the paper have paid particular attention to the symbolic uses of two images and their deeper meanings in Eliot's poem "The Waste Land". This study could be helpful for the international students studying English literature.

Lilacs and hyacinths in Eliot's poetry have already been the objects of critical analysis by different scholars (Northrop Frye, Grover Smith,

Marianne Thormahlen and others)¹. Our paper is an attempt to integrate and summarize the results of previous relevant studies and accumulate some new ideas and approaches.

Eliot named several flowers in his poetry such as *geranium*, *nasturtium*, *primrose*, *dahlia*, *hawthorn*, *lavender*, *delphinium*, *cowslip*, *daffodils*, *lotus*, *roses* (including paper roses) and other flowers with different meaning, implication. Symbolic correspondences and in different contexts. There is some dynamic movement in the degrees of symbolization and transformation of functions of flower imagery employed throughout Eliot's poetry. In his early poetry flowers can be presented as an element of ekphrastic description (*nasturtium* in "*Suppressed Complex*", 1915)² or a direct correspondence (objective correlative) for certain emotional mood (a dead *geranium* in "*Rhapsody on a Windy Night*", 1917)³. In "*The Waste Land*" Eliot employs multidimensional palimpsestic symbolic images with a complex system of allusive references and cultural codes. In his later poetry flowery vision becomes more allegoric and esoteric: "As a religious symbol, the rose represents divinity, sanctity, and virtue; it is an image of final attainment or perfection; it is synonymous with miracles and portents; it suggests fecundity in the physical and spiritual orders. In Christianity, it represents Christ, the Blessed Virgin Mary, and various saints; in Eastern religions, it is closely related to the lives of the prophets and demi-gods. Whether regarded as esoteric, cabalistic, or divinely-revealed, the religion in which it appears uses it as a figure or reminder of the ultimate" [Coleman 1960: 62].

Two different types of flowers (*lilacs* and *hyacinths*) have been symbolically alluded to in "*The Waste Land*". Although they are two different types of flowers their symbolic meanings intersect and complement in the text. A consideration of symbolic levels of flower images should at least seem appropriate in view of the traditional mythopoeitic and individual myth of the author. Floral im-

agery is an important cluster of Eliot's vegetation mythology. Examination of Eliot's symbolic imagery arises a lot of theoretical and literary-historical questions. One of the most important issues of this study is a terminological problem. Could we regard these flowery images as symbols? If they are symbols what kind of symbolism or symbolic was used here? A prominent Swedish scholar Marianne Thormahlen put these questions in her brilliant monograph "*The Waste Land. A Fragmentary Wholeness*": "The conventional idea of the symbol as a simple denotative replacement of something else, the nature of which is generally recognized, is hardly ever workable with regard to Eliot's poetry (or, for that matter to the French symbolists with whom he has points in common). But his poetry can be designated as 'symbolic' by other criteria <...>" [Thormahlen 1978: 117-118]. In her monograph Professor Thormahlen presents and interprets various degrees and levels of symbolization in Eliot's works. Following her research logics it would be interesting to investigate different areas of symbolic relations and meanings of two flowers (*lilacs* and *hyacinths*) in "*The Waste Land*".

The textual approach is helpful here to analyze the text of the poem in its various contexts. It is productive to classify different types of symbolization in the poem: "*general*" (universal, historical), "*cultural*" (mythological, archetypal, literary, artistic) and "*private*" (connected to biographical facts and personal emotions). To know and understand how these two flowers are used both symbolically and mythologically is quite essential for the readers of the poem. There will be some references to the traditional symbolic uses of *lilacs* and *hyacinths*, literary sources, anthropological works, biographical episodes, etc.

Lilacs and Hyacinths in the Text of "The Waste Land"

The first lines of the poem contain the important flower image (Part One. "The Burial of the Dead"):
April is the cruellest month, breeding

¹ The authors of the paper turned to the problem of flowery imagery in their works. See: Barzinji, Mariwan Nasrudeen Hasan. *The Image of Modern Man in T. S. Eliot's Poetry*. Bloomington, IN: Author House, 2012; Barzinji, Mariwan Nasrudeen Hasan. Modernism, Modernity and Modernisation. In: *Research on Humanities and Social Sciences*. 3.12 (2013); Barzinji, Mariwan Nasrudeen Hasan, Latef S. N. Berzenji. Spiritual Dilemma in Eliot's Four Quartets. In: *International Review of Social Sciences*. 5: 1 (2017); Ушакова О. М. Т.С. Элиот и европейская культурная традиция. Тюмень: Издательство Тюменского университета, 2005, etc.

² See: Ushakova O. M. Invitation to the Dance: Intermedial Allusions in T. S. Eliot's Early Poetry ("The Death of Saint Narcissus", "Suppressed Complex"). In: *Philological Class*. 2019. № 1 (55). P. 136–143. DOI: 10.26170/flk19-01-20.

³ See: Ricks, Christopher. Commentary. In: *The Poems of T.S. Eliot*. Vol. 1. Collected and Uncollected Poems. Ed. by Christopher Ricks and Jim McCue. London: Faber and Faber, 2015. P. 420–421.

Lilacs out of the dead land, mixing
Memory and desire, stirring
Dull roots with spring rain.
(“The Waste Land” LL. 1-4) [Eliot 2015: 55].

The other flowers depicted in the same part
of the poem are hyacinths.
“You gave me Hyacinths first a year ago;
They called me the hyacinth girl.
– Yet when we came back, late,
from the hyacinth garden,
Your arms full, and your hair wet, I could not
Speak, and my eyes failed, I was neither
Living nor dead, and I knew nothing,
Looking into the heart of light, the silence”.
(“The Waste Land” LL. 35-41) [Eliot 2015: 56].

Lilacs and Hyacinths as Mythopoetical Symbols. The information on traditional mythopoetical semantics of these two flowers is presented in many sources: encyclopedias, mythological dictionaries, collections of Greek myths, books on flowers, internet blogs, etc.¹ There is some data necessary for understanding the classical ancient and European legendary roots of lilacs and hyacinth semantics implicitly accompanying the flower images in Eliot's poem.

Lilac (*Syringa vulgaris*) is a type of a flower from the family of Oleaceae². It has its own story in Greek mythology. In Greek mythology the god of forests Pan was forlornly in love with Syringa, a nymph. Once Pan was following her in a wood, she was fearful of his advancements. She was obliged to turn herself into a lilac tree to disguise herself. Pan believed that he cannot find her, but surprisingly, he found the tree, owing to the hollow reeds of the lilac tree. After cutting the reeds he made the ‘first pan pipe’. Its scientific name was derived from the Greek word “syrinks” which means pipe. The meaning of lilac in Spanish and French is the same as lilac but in Arabic, it is called ‘*lilak*’. ‘The word lilac refers to the light purple color of its flowers’ The Russian word “*syren*” keeps the Greek mythological origin in.

In each culture and period, the meanings of lilac vary: owing to its intoxicating fragrance the Celts consider lilacs “magical”. During the Victorian Age widows were often wearing lilacs as a reminder of an old love. Whereas in Russia people believe that holding a branch of ‘lilac over the newborn’ is the source of wisdom. Finally, in the United States it shows the ‘hardy’ nature of New Hampshire people³.

Lilacs are in different colors. White lilacs are the symbols of innocence, violet is the symbol of spirituality, the blue ones are symbols of happiness and tranquility, Magenta lilacs are the symbols of love and passion and lilacs which has a light purple color symbolizes first love⁴.

A hyacinth (*Hyacinthus*) is from the Asparagaceae family. It dates back to Greek mythology where the tragic hero, Hyakinthos who was the lover of Apollo. Hyakinthos was the prince of Sparta. Being handsome and young charmed Apollo among other gods. During training Apollo hit his discus at Hyakinthos on the head and this caused his death. It is mostly assumed that the death of Hyakinthos was the other gods. Probably it was Zephyr, the god of wind who killed him due to his jealousy. Apollo did not allow death claim Hyakinthos' body, because of being extremely furious, ‘from the drops of blood from the young man's head, Apollo sprung them onto the earth and there blossomed the flower of Hyacinth, known today as the Larkspur flower’⁵.

The parallels between the plots of classical myths and one of the key themes of the poem (the motifs of unhappy love, suffering, sadness, death and metamorphoses of young beautiful people, etc.) are obvious. As Thormahlen mentioned: “However, the Hyacinth story has other properties relevant to ‘*The Waste Land*’: the connotation of frustrated desire and grief at the loss of the beloved. It is a tragedy of which a memento remains in the flower. Hence, Eliot's hyacinths touched with sadness and longing, quite consistent with the tenor of the passage” [Thormahlen 1978: 144].

¹ We used different sources both English and Russian among them: Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. М.: Фирма «Т-Око», 1992; Тахо-Годи А. Гиацинф // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 томах. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 1. С. 300–301; Топоров В. Растения // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 томах. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 368–371, etc.

² www.swansonnursery.com/blog/pruning-lilacs.

³ www.ftd.com/blog/share/lilac-meaning-and-symbolism.

⁴ www.ftd.com/blog/share/lilac-meaning-and-symbolism.

⁵ tseliotsthewasteland.fandom.com/wiki/Hyacinths.

Anthropological Dimensions: Eliot's Garden Vision and Rebirth Pattern. The mythological roots of lilacs and hyacinths connect these flower images to vegetation deities, gods associated with death and resurrection. Thus, these flower images refer to vegetation ceremonies and rituals and the Rebirth Pattern. Among the mythological images of the first part of the poem embodying the theme of death and rebirth there is one more character connected to Hyacinth. This is Sibyl ("I will show you horror in a handful of ashes"). Both these mythological characters are united not only by the fact that they were the beloved of Apollo in Greek mythology. Both images are associated with the mythology of fertility. Virgil and Ovid have associated the Cumaean Sibyl with the motive of the Golden Bough which according to James Frazer, was considered in many mythologies to be a "repository of life". Thus, the characters of Greek myths well known to the reader from the works of ancient poets organically fit into the general paradigm of "death-resurrection".

In lines 35–37 hyacinths appear in three variants: "Hyacinth" as the name with a capital letter, "the hyacinth garden" and "the hyacinth girl". Hyacinth is an ancient vegetation deity of dying and resurrecting nature for whom the "hyacinthia" holidays were celebrated in spring. In the tenth book of "Metamorphoses" Ovid notes this characteristic perception of Hyacinth as an "April" deity of the resurrected nature:

*"Te quoque, Amyclide, posuisset in aethere Phoebus,
tristiasispatiumponendi fata de dissent.
qua licet, aeternustamen es, quotiens querepellit
ver hiemem, Piscique Aries succedit aquoso,
tutotiensorerisviridique in caespite flores"*

(P. Ovidi Nasonis. "Metamorphoseon".

Liber 10. LL.162-166) [P. Ovidi http].

In this context, the "hyacinth garden" and the "hyacinth girl" can be identified with the spring "gardens of Adonis" and "the daughters" of Hyacinth [Грейвс 1992: 238–239].

In the next episode (Madame Sosostris divination scene, LL. 43–59) the symbolic series of images associated with the death-resurrection theme expands. The "Hanged Man" and "Phoenician Sailor" while not specific mythological characters belong to certain archetypes described by anthropologists. The Hanged God was one of the most important characters in fertility rituals. The "Golden Bough" describes various options for put-

ting the "man-god" (a ruler, priest, sacrifice, etc.) to death. Such sacrifices were made usually for the sake of increasing the fertility of the earth. Burton Blistein in his monograph "The Design of The Waste Land" also states that the name of the "Hyacinth garden" was derived from "Hyacinthus – a type of hanged God" [Blistein 2008: 11]. So, the images of lilacs and hyacinths should be considered in the context of anthropological ideas of Frazer and Jessie Weston stating by Eliot as a major influence on the philosophic concept of the poem. Northrop Frye mentions that this ritualistic flower images based on anthropological ideas of the time appears in other Eliot's poems: "In these rites a red or purple flower was associated with the god's blood: this appears in the hyacinths of "The Waste Land" and perhaps the "belladonna" or deadly nightshade (as well in the dogwood and judas of "Gerontion", the lilacs of "Ash Wednesday", and elsewhere). The death of Adonis was mourned by women representing the spirit of the earth, and the line "Murmuring of maternal lamentation" associates this with the Biblical weeping of Rachel" [Frye 1963: 65-66].

The content of these "ritualistic" episodes (LL. 19-42) is not limited to the themes of "death in life" ("spiritual death") and "eroticism" ("carnal passion") noted by researchers [Актавацатуров 2000: 165-168]. The narrative is more universal, objectified, impersonal corresponding to the legends on Sibyl, Hyacinth, Tristan and Isolde, etc. The stony ground from which branches stretch ("What are the roots that clutch, what branches grow out of this stony rubbish?") is the source of love and death, decay and life at the same time. Mythological and literary plots, musical themes, stories and memories, etc. merge in a single stream of being with endless repetitions, alternations of darkness and light, decline and rebirth, organic coexistence of lifeless dust and spring flowers, etc., not opposed, but interconnected, inseparable from each other. The time of the "waste land" has dragged on but this stagnation and decadence are not able to disrupt the basic rhythms of the world order, in which death is a necessary condition for continuation of life.

Lilacs and Hyacinths as Literary Allusions.

Many researchers considered the image of lilacs in connection to Walt Whitman's famous poem "When Lilacs Last in the Dooryard Bloom's" (1865), an elegy for an American president Abraham Lin-

coln. Nancy Dafoe believes that lilacs Eliot used in the poem have a strong connection to Whitman's poem in which he refers to lilac flowers like a 'symbol of rebirth' [Dafoe 2013: 109]. Dafoe asserts that Eliot's flowers are not the symbols of birth and beauty but rather the symbols of the inability of rebirth. These two flowers are not the symbols of happiness and rebirth but they are rather the symbols of melancholy, sadness, and desolation because when the poet remembers the people died during the Great War, he becomes quite sad. The poet can't love the month of April because of the blood of those people who died and transformed making April so green and beautiful.

The sadness about the flowers is that they cannot regrow because the land has been already destroyed and there is no hope for the rebirth. Perhaps, the only hope Eliot has is in the hereafter life as people will be resurrected. Lilacs as Harold Bloom argues has little to do with the death of Lincoln but it has to do with the ability of Whitman as a poet which ceased to continue as before [Bloom 2007: 4]. One more important literary source influenced the tragic and epitaphic character of lilacs was mentioned by many researchers (B. C. Southam, Ch. Ricks, etc.). That was "*The Old Vicarage, Grantchester*" (1912), a poem by Rupert Brooke, an English poet and hero of the Great War died in April, 1915.

It is curious that Eliot used "hyacinths" and "hair" in one stanza. "*Hyacinth curls*" could be defined as one of the oldest metaphoric adjectives synonymous to "*beautiful*" used in poetry since Homer. Hyacinths like lilacs were quite popular and much in vogue in the arts and literature of the *fin de siècle*. There are numerous examples of these flower images in poetry and arts (impressionists, symbolists, imagists, etc.). Thormahlen draws an interesting parallel between "the hyacinth girls" by August Strindberg ("*The Ghost Sonata*", 1908) and Eliot: "The points of contact between Eliot's and Strindberg's hyacinth girls are so striking that it is difficult to shake them off as being coincidental" [Thormahlen 1978: 144].

It should be mentioned that "hyacinth lines" follow two "musical" episodes: the ballet and opera scenes. Distinguished American scholars

Jewel Brooker and Joseph Bentley noted that "the drama of the hyacinth girl and her love is enclosed by two passages from Richard Wagner's romantic opera '*Tristan and Isolde*' functioning as *parergon* or framing device [Brooker; Bentley 1990: 69]. It should be mentioned that the opera episode follows the scene alluded to the ballet "*Narcisse*" the main hero of which is also the mythological personage turned into a flower (*a daffodil*). The lines 26–29 of "*The Waste Land*" are the first five lines of the poem "*The Death of Saint Narcissus*" (1915). The imagery of this poem could be influenced by a ballet-dancer Vatslav Nijinsky as a Narcisse in Nikolay Cherepnin's ballet "*Narcisse*" (1911) with Leon Bakst's decorations. It could be assumed that the image of a "*hyacinth girl*" in line 36 of "*The Waste Land*" whose image is usually interpreted in the Wagnerian context might be considered as the color reference to a famous Bakst's image of nymph Echo dressed in a purple tunic (known in artistic circles as "*a hyacinth girl*"). So, the flower images and main rebirth pattern of the "*The Waste Land*" are intertextually connected to the early Eliot's poems and the wide neo-mythological anthropological cultural context of the time. Thus, the images of lilacs and hyacinths in the poem contain numerous references to the artistic and literary contexts.

Lilacs and Hyacinths as "Private" Symbols. The reason Eliot says that the nicest month of the year (April) is '*the cruelest*' is that it reminds people of the war losses of so many people. Moreover, as George Monteiro says lilacs are always associated with "unhappiness, sadness, pain, and loss, evoking not only the fact that the scents of lilacs would remind him of Jean Verdenal, the friend who was killed at Gallipoli in May 1915 [Monteiro 2015: 33]. In 1934 Eliot witnessed about this connection between lilacs and his beloved friend recalling Verdenal passing across the Luxembourg Gardens with a branch of lilacs. The month of April is a beautiful one but because it reminds people of the death of the loved ones, people do not feel happy. The situation is turned upside down from a happy one to a sad one.

Lilacs are living flowers that will grow out of the dead land and this will remind the sad moments, although this moment itself is rather

¹ See: Ushakova O. M. Invitation to the Dance: Intermedial Allusions in T. S. Eliot's Early Poetry ("The Death of Saint Narcissus", 'Suppressed Complex'). In: *Philological Class*. 2019. № 1 (55). P. 136–143. DOI: 10.26170/fk19-01-20.

a happy moment. People who do not have the nostalgia of the past will feel happy in such situations as the environment turns green and the weather becomes better. Nevertheless, the sadness is triggered here due to the agony they have in their lives. The color of the lilac is mostly purple. This purple color is significant here because it is this color which is connected with the first love. The shallow meaning here is that it refers to the first love of the lovers who might also have lost their lives, whereas the deeper meaning is that the meaning is derived from the meaning of the purple color which is usually sadness.

James Miller points out that Eliot associated hyacinths with the male symbol or sexuality while some others believe that Eliot has connected hyacinths with females [Miller 2010: 71]. A distinguished T. S. Eliot scholar Grover Smith thinks that "Eliot diversified the pattern slightly, for a hyacinth is a male symbol, and, then, too, the queter himself has given the flowers to the hyacinth girl" [Smith 1967: 75]. Thormahlen noting that "the classic symbol of erotic and divine love" is invested "with a multitude of overtones" [Thormahlen 1978: 142] discusses such meanings as "nostalgia for homosexual love" and "the obsession with heterosexual frustration" [Thormahlen 1978: 143].

The images of flowers in the poem also could be connected with Emily Hale, the first love of the poet. The same flowers are depicted in the early poems (e.g., *lilacs* in "Portrait of a Lady", 1915) connected with "the sentimental education" of a young poet. It is interesting to mention that the image of Emily as a "flower lady" could be found in the correspondence of Eliot and Hale being introduced in public at the moment in the reports of an American scholar Francis Dickey in her blog¹. Thus, the lilacs and hyacinths could be regarded as the objective correlatives of complex and intimate inner drama of the author of the poem.

General Correspondences: Time and Mood.

According to the situation, it can be clear to the reader whether the particular flower the poet uses in the poem is to postulate sadness or happiness. It occurs when some sad incidents take place, they will change the implying meaning of the flower from happiness to sadness or vice versa. In "The Waste Land" everything revolves around

death, war, loss of innocence, destruction, corruption of people and nature, etc. Flowers have been used continuously for different purposes by poets: it might be religious for instance. It is not clear whether Eliot has used these two flowers with a religious purpose but hyacinth is definitely a symbol of the first love which will eventually change to a broken love of the hyacinth's girl.

Eliot has used the word "hyacinth" in his poem in one situation. It is the time that the girl who supposed to be in love with a young man reminding him of the hyacinth flower which he gave her as a token of love. Then she reminds him of how people referred to her as the "hyacinth girl". This situation shows that the young lady feels that the man does not intend to be loyal to her. He might leave her alone and therefore she is obliged to remind him of the experience they have together. When she talks about hyacinths with the lover, this indirectly reminds readers of their love which is now meaningless as her beloved one no longer wishes to be her lover. Hyacinth is a symbol of a hidden love that becomes the symbol of sad love eventually due to the disloyalty of the hero. It is a reference to Greek mythology: the killing of the innocent boy by the Greek God is similar to the murder of innocent people in "The Waste Land". So many deaths that Eliot describes remind the reader the death of the innocent classical hero. The spraying blood of the boy caused a new type of flower (*a hyacinth*) so it is in itself the symbol of rebirth but at the same time it reminds readers of a tragic situation, the happiness did not last long. Similarly, the blood of war victims made the environment green and vivid (LL. 35–40).

Perhaps lilacs that Eliot referred to in "The Waste Land" are the purple ones as they are symbols of the first love. The third line of the first stanza makes it obvious that lilacs of the second line could symbolize love through the word 'desire'. In general lilacs symbolize love but, in this context, it is the symbol of sadness and pessimism of the loss of innocent people including children and women during the First World War.

Flowers as the elements of the wasteland myth reveal the philosophic design of the total collapse and these flowers can't be used to describe the happy situation or circumstance of human beings. Lilacs and hyacinths symbolize two

¹ tseliotsociety.wildapricot.org/news.

different worlds; one is Eliot's own intimate life quite miserable and gloomy at that time and the other is the world of the epoch of Wars and Revolutions. Accordingly, it becomes clear that Eliot uses beautiful flowers to describe his hidden sadness. It could be said that these two worlds are equally full of dramatic events for the poet and all humanity like the ambiguous matter of flowers attractive and poisonous at the same time. Human beings when not involved in blood-shedding are also beautiful as flowers but when they started the world wars, their beauty and innocence disappear. References to spring in the poem may refer to death, pain, loneliness, despair or the end in these historical and individual contexts. The spring season provides the setting for the painful messages, as well as the messages of renewal, rebirth and hope.

Resume. To conclude, in "The Waste Land" Eliot demonstrates the innovative approaches in using symbols. The structure of a modernist symbol is highly complex, allusive, palimpsestic and

metareferential. The modernist symbols evoke deep, multidimensional and sometimes unconscious responses in a reader. The symbols in the modernist texts are open-ended leaving the possibilities of multiply new interpretations.

The lilacs and hyacinths in the poem symbolically embody universal meanings and basic human experiences. In "The Waste Land" the lilacs and hyacinths could be symbols of re-growth, rebirth, and happiness but Eliot also has used these images as the symbols of melancholy, desperation, and alienation. If Eliot used them with their traditional symbolic meanings obvious for the readers the poem could not be intriguing that whoever reads it, should read it twice to comprehend the hidden meaning which is always symbolic. Neither the blood of Hyacinthos grows Hyacinth flowers in the poem nor does the appearance of the lilacs bring happiness and tranquility to anyone. Eliot's lilacs and hyacinths are growing on the wasteland of modern epoch.

Литература

- Аствацатуров, А. А. Т.С. Элиот и его поэма «Бесплодная земля» / А. А. Аствацатуров. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2000.
- Грейвс, Р. Мифы Древней Греции / Р. Грейвс. – М. : Прогресс, 1992.
- Золотницкий, Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях / Н. Ф. Золотницкий. – М. : Фирма «Т-Око», 1992.
- Тахо-Годи, А. Гиацинф / А. Тахо-Годи // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 томах. – М. : Советская энциклопедия, 1988. – Т. 1. – С. 300–301.
- Топоров, В. Растения / В. Топоров // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 томах. – М. : Советская энциклопедия, 1988. – Т. 2. – С. 368–371.
- Ушакова, О. М. Т.С. Элиот и европейская культурная традиция : монография / О. М. Ушакова. – Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2005.
- Barzinji, M. N. H. The image of modern man in T. S. Eliot's poetry / M. N. H. Barzinji. – Bloomington, IN : Author House, 2012.
- Barzinji, M. N. H. Modernism, modernity and modernisation / M. N. H. Barzinji // Research on Humanities and Social Sciences. – 2013. – № 3. – P. 12.
- Barzinji, M. N. H. Modern humans spiritual dilemma in Eliot's four quartets / M. N. H. Barzinji, S. N. Latef // International Review of Social Sciences. – 2017. – № 5. – P. 1.
- Blistein, B. The design of "The Waste Land" / B. Blistein. – Lanham, Maryland : University Press of America, 2008.
- Bloom, H. T.S. Eliot's "The Waste Land" / H. Bloom. – Infobase Publishing, 2007.
- Brooker, J. S. Reading "The Waste Land". Modernism and the limits of interpretation / J. S. Brooker, J. Bentley. – Amherst : The University of Massachusetts Press, 1990.
- Coleman, R. T.S. Eliot's rose symbol: its significations in mythology, folk-lore, historic incident, and religion / R. Coleman. – University of Ottawa, 1960.
- Dafoe, N. Breaking open the box: a guide for creative techniques to improve academic writing and generate critical thinking / N. Dafoe. – R&L Education, 2013.
- Dickey, F. Reports from Emily Hale archive / F. Dickey. – URL: tseliotssociety.wildapricot.org/news (mode of access: 20.08.2020). – Text : electronic.
- Eliot, T. S. The poems of T.S. Eliot. Vol. 1. Collected and Uncollected Poems / T. S. Eliot ; ed. by Ch. Ricks, J. McCue. – London : Faber and Faber, 2015.
- Frye, N. T.S. Eliot / N. Frye. – Edinburg ; London : Oliver and Boyd, 1963.
- Gardening Tips. Pruning Lilacs. – URL: www.swansonsnursery.com/blog/pruning-lilacs (mode of access: 20.08.2020). – Text : electronic.
- Hyacinths. – Text : electronic // T.S. Eliot Waste Land Wiki. – URL: <https://tseliotsthewasteland.fandom.com/wiki/Hyacinths> (mode of access: 20.08.2020).

Барзинджи М. Н. Х., Ушакова О. М. Сирень и гиацинт: два символа печали в «Бесплодной земле»...

Miller, J. E. T. S. Eliot's personal Waste Land: exorcism of the demons / J. E. Miller. – Penn State Press, 2010.

Monteiro, G. T. S. Eliot's personal complaint in "The Waste Land" / G. Monteiro // *Yeats Eliot Review*. – 2015. – № 31.1/2. – P. 33.

P. Ovidi, Nasonis. *Metamorphoseon liber decimvs*. – URL: www.thelatinlibrary.com/ovid/ovid.met10.shtml (mode of access: 20.08.2020). – Text : electronic.

Ricks, Ch. Commentary / Ch. Ricks // *The poems of T.S. Eliot. Vol. 1. Collected and uncollected poems* / ed. by Ch. Ricks, J. McCue. – London : Faber and Faber, 2015. – P. 349–1228.

Slote, B. Foreword / B. Slote // *Myth and symbol. Critical approaches and applications* / by N. Frye, L. C. Knights, et al. ; ed. by B. Slote. – Lincoln : University of Nebraska Press, 1963.

Smith, G. T. S. Eliot's poetry and plays. A study in sources and meaning / G. Smith. – Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1967.

Southam, B. C. A guide to "The Selected Poems" of T.S. Eliot / B. C. Southam. – Sixth Edition. – San Diego ; New York ; London : A Harvest Original ; Harcourt Brace & Company, 1996.

Thormahlen, M. *The Waste Land. A fragmentary wholeness* / M. Thormahlen. – Lund : CWK Gleerup, 1978.

Ushakova, O. M. Invitation to the dance: intermedial allusions in T. S. Eliot's early poetry ("The Death of Saint Narcissus", 'Suppressed Complex') / O. M. Ushakova // *Philological Class*. – 2019. – № 1 (55). – P. 136–143.

References

Astvaczaturov, A. A. (2000). *T.S. Eliot i ego poema «Besplodnaya zemlya»* [T.S. Eliot and his poem "The Waste Land"]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

Barzinji, M. N. H. (2012). *The image of modern man in T. S. Eliot's Poetry*. Bloomington, IN, Author House.

Barzinji, M. N. H. (2013). Modernism, modernity and modernisation. In *Research on Humanities and Social Sciences*. No. 3, p. 12.

Barzinji, M. N. H., Latef, S. N. (2017). Modern humans spiritual dilemma in Eliot's four quartets. In *International Review of Social Sciences*. No. 5, p. 1.

Blistein, B. (2008). *The design of "The Waste Land"*. Lanham, Maryland, University Press of America.

Bloom, H. (2007). *T.S. Eliot's "The Waste Land"*. Infobase Publishing.

Brooker, J. S., Bentley, J. (1990). *Reading "The Waste Land". Modernism and the limits of interpretation*. Amherst, The University of Massachusetts Press.

Coleman, R. (1960). *T.S. Eliot's rose symbol: Its significations in mythology, folk-lore, historic incident, and religion*. University of Ottawa.

Dafoe, N. (2013). *Breaking open the box: A guide for creative techniques to improve academic writing and generate critical thinking*. R&L Education.

Dickey, F. *Reports from Emily Hale archive*. URL: tseliotssociety.wildapricot.org/news (mode of access: 20.08.2020).

Eliot, T. S. (2015). *The poems of T.S. Eliot. Vol. 1. Collected and uncollected poems* / ed. by Ch. Ricks, J. McCue. London, Faber and Faber,

Frye, N. (1963). *T.S. Eliot*. Edinburg, London, Oliver and Boyd.

Gardening Tips. Pruning Lilacs. URL: www.swansonsonnursery.com/blog/pruning-lilacs (mode of access: 20.08.2020).

Graves, R. (1992). *Mify Drevnei Gretsii* [Myths of Ancient Greece]. Moscow, Progress.

Hyacinths. In *T.S. Eliot Waste Land Wiki*. URL: tseliotsthe wasteland.fandom.com/wiki/Hyacinths (mode of access: 20.08.2020).

Miller, J. E. (2010). *T. S. Eliot's personal Waste Land: exorcism of the demons*. Penn State Press.

Monteiro, G. (2015). T.S. Eliot's personal complaint in "The Waste Land". In *Yeats Eliot Review*. No. 31.1/2, p. 33.

P. Ovidi, Nasonis. *Metamorphoseon liber decimvs*. URL: www.thelatinlibrary.com/ovid/ovid.met10.shtml (mode of access: 20.08.2020).

Ricks, Ch. (2015). Commentary. In *The poems of T.S. Eliot. Vol. 1. Collected and uncollected poems* / ed. by Ch. Ricks, J. McCue. London, Faber and Faber, pp. 349–1228.

Slote, B. (1963). Foreword. In Frye, N., Knights, L. C., et al. *Myth and symbol. Critical approaches and applications* / ed. by B. Slote. Lincoln, University of Nebraska Press.

Smith, G. (1967). *T. S. Eliot's poetry and plays. A study in sources and meaning*. Chicago, London, The University of Chicago Press.

Southam, B. C. (1996). *A guide to "The Selected Poems" of T.S. Eliot*. Sixth Edition. San Diego, New York, London, A Harvest Original, Harcourt Brace & Company.

Taxo-Godi, A. (1988). Giakinf [Giakinf]. In *Mify narodov mira: entsiklopediya, in 2 vols*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 1, pp. 300–301.

Thormahlen, M. (1978). *The Waste Land. A fragmentary wholeness*. Lund, CWK Gleerup.

Toporov, V. (1988). Rasteniya [Plants]. In *Mify narodov mira: entsiklopediya, in 2 vols*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 2, pp. 368–371.

Ushakova, O. M. (2005). *T.S. Eliot i evropeiskaya kul'turnaya traditsiya* [T.S. Eliot and European cultural tradition]. Tyumen, Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta.

Ushakova, O. M. (2019). Invitation to the dance: Intermedial allusions in T. S. Eliot's early poetry ("The Death of Saint Narcissus", 'Suppressed Complex'). In *Philological Class*. No. 1 (55), pp. 136–143.

Zolotnitsky, N. F. (1992). *Tsvety v legendakh i predaniyakh* [Flowers in myths and legends]. Moscow, Firma «T-Oko».

Данные об авторах

Барзинджи Мариван Насреддин Хасан – ассистент кафедры английской словесности, Американский университет Сулеймании (Сулеймания, Ирак).

Адрес: Ирак, Иракский Курдистан, Сулеймания, Киркук Роуд.

E-mail: mariwan152@live.com.

Ушакова Ольга Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия).

Адрес: 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6.

E-mail: olmiva@yandex.ru.

Authors' information

Barzinji Mariwan Nasradeen Hasan – Assistant Lecturer of Department of English, Sulaimani American University (Sulaimani, Iraq).

Ushakova Ol'ga Mikhailovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Tyumen State University (Tyumen, Russia).

УДК 811.161.1'42:070(091). DOI 10.26170/FK20-03-16. ББК Ш141.12-51.
ГРНТИ 17.07.25. Код ВАК 10.01.08

ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА»

Сложеникина Ю. В.

Самарский государственный институт культуры (Самара, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4982-7802>

Растягаев А. В.

Самарский государственный институт культуры (Самара, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4658-1130>

А н н о т а ц и я. Исследователи журнала Сумарокова «Трудолюбивая Пчела» чаще всего выделяют его сатирическую направленность. Статья предлагает новый взгляд на журнальный метатекст, в котором выделен философско-педагогический дискурс. Цель статьи - показать смену читательской парадигмы в середине XVIII в. от чтения-почитания к чтению-размышлению. В основу исследования положен комплексный подход. Используются методы литературоведения: историко-типологический, культурно-исторический, биографический, сравнительно-исторический. Исследование показало, что модель поведенческой культуры дворянского общества первой половины XVIII в. включала в себя чтение как обязательный элемент. Неслучайно философско-педагогический дискурс первого российского частного ежемесячного журнала стал одним из доминирующих направлений. Утверждая в публичном пространстве читателей и подписчиков авторитет книги и чтения, Сумароков пытался доказать, что добродетелью светского дворянского общества к середине XVIII в. становится систематическое учение. Отсюда скептическое отношение издателя журнала к лжеученым, пишущим много, но без чувства и разума. Также Сумароков обращает внимание на печальное положение ученого в сословном государстве, когда право на мудрость зависит от чина. Проблематика философско-педагогического дискурса журнала обширна: от собственной просветительской программы до вопросов войны и мира.

Философско-педагогический дискурс, включающий проблематику чтения, учения и науки, задан всем метатекстом 12 помесячных книжек «Трудолюбивой Пчелы» (кроме ноябрьской). Это оригинальные или переводные произведения: январский номер – статья Г. Козицкого; февральский – Павлина А Санкто Иозефо; мартовский – Эразма Роттердамского; апрельский – Готлиба Вильгельма Рабенера; майский – Локка и Сумарокова; июньский – Сумарокова; июльский – Димофила; августовский – Вольтера; сентябрьский и октябрьский – Сумарокова; декабрьский – Муре, Эсхина.

Первым известным словоупотреблением термина «педагогика» в русском литературном языке считается 1783 год. С него и ведется официальная хронология педагогического дискурса. Однако в имплицитном виде философско-педагогический дискурс сложился к середине XVIII столетия и был артикулирован на страницах «Трудолюбивой Пчелы» благодаря усилиям издателя Сумарокова и его сотрудников.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Сумароков; «Трудолюбивая Пчела»; чтение; учение; наука; педагогика; просвещение.

PHILOSOPHIC-PEDAGOGICAL DISCOURSE ON THE PAGES OF “THE INDUSTRIOUS BEE”

Yulia V. Slozhenikina

Samara State Institute of Culture (Samara, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4982-7802>

Andrey V. Rastyagaev

Samara State Institute of Culture (Samara, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4658-1130>

Abstract. Much of the literature concerning Sumarokov’s magazine “The Industrious Bee” often emphasizes its satirical orientation. In contrast, the article suggests a new view of the journal metatext which highlights the philosophic-pedagogical discourse. The aim of the article is to show the change of the reading paradigm in the middle of the 18th century from reading for the sake of reading to reading for reflection. The study is based on a comprehensive approach. The methods of literary studies used include: historical-typological, cultural-historical, biographical, and comparative-historical methods. The study showed that the model of behavioral culture of the noble society of the first half of the 18th century included reading as an obligatory element. It is no coincidence that the philosophic-pedagogical discourse of the first Russian private monthly magazine became the dominant trend in the first half of 1759. Proclaiming the authority of books and reading in the public space of readers and subscribers, Sumarokov tried to prove that systematic learning becomes the virtue of the secular noble society by the middle of the 18th century. Hence, the publisher’s skeptical attitude towards the false scientists who wrote much without feeling and knowledge. Sumarokov also draws attention to the poor position of the scientist in the class-divided state when the right to wisdom depends on the rank. The problem field of the journal’s philosophic-pedagogical discourse is vast: from its own educational program to questions of war and peace.

Philosophic-pedagogical discourse which includes the problems of reading, teaching and science, is formed by all metatexts of 12 monthly books of “The Industrious Bee” (except November issue). These are original or translated texts: January issue – article by G. Kozitsky; February – P. A. Sancto Josefo; March – Erasmus of Rotterdam; April – Gottlieb Wilhelm Rabener; May – Locke and Sumarokov; June – Sumarokov; July – Dimophila; August – Voltaire; September and October – Sumarokov; December – Moore and Eskhin.

The first known word usage of the term ‘pedagogy’ in Russian literary language goes back to 1783. This is the start of the official chronology of pedagogical discourse. The findings allow the authors to conclude that in its implicit form, the philosophic-pedagogical discourse was formed by the middle of the 18th century and was articulated on the pages of the “The Industrious Bee” thanks to the efforts of the publisher Sumarokov and his staff.

Key words: Sumarokov; “the Industrious Bee”; reading; learning; science; pedagogy; education.

Для цитирования: Сложеникина, Ю. В. Философско-педагогический дискурс на страницах журнала «Трудолюбивая пчела» / Ю. В. Сложеникина, А. В. Растягаев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 182–194. – DOI: 10.26170/FK20-03-16.

For citation: Slozhenikina, Yu. V., Rastyagaev, A. V. (2020). Philosophic-Pedagogical Discourse on the Pages of “The Industrious Bee”. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 182–194. DOI: 10.26170/FK20-03-16.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00356 А.

Acknowledgements: The reported study was funded by the RFBR, project number 18-012-00356 А.

Широко известны слова, долгое время приписываемые Н. И. Новикову¹: «...если потомки будут продолжать сию работу и пользоваться

познаниями своих предков, исправлять и дополнять оные, то свет приобретет науку, которая во всяком рассуждении будет заслуживать

¹ На самом деле это отрывок из анонимного русского перевода статьи М. Фридриха Рудольфа Вальтера «О сократическом способе учения», опубликованной в Прибавлении к «Московским ведомостям» за 1784 год (№ 56–59), а термин «педагогика» был употреблен анонимным автором журнала годом ранее [Симанков 2010: 76–77].

имя педагогики». Именно с них принято начинать отсчет отечественного педагогического дискурса. Однако проблема воспитания, обучения, образования стала актуальной уже в первой четверти XVIII в., а к середине столетия начал складываться и особый философско-педагогический дискурс. Специфической площадкой для полемики по данной проблематике стал журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела».

Праиндоевропейский корень объединяет общностью происхождения слова *читать, читать, чту, честь, почитание, честный*. Исторически этот корень был связан с обозначением мышления, познания, понимания, думания [Фасмер 1996]. В Петровскую эпоху произошла смена вектора актуальной семантики – от почитания к чтению. Только в литературно-педагогическом памятнике начала XVIII в. «Юности честное зеркало» (1717) (в отличие от «Поучения Владимира Мономаха» или «Домостроя») появляется наставление к чтению. 18-е показание к житейскому обхождению для молодых людей-дворян призывает юношество быть совершенным в обучении конной езде, танцам, шпажной битве. Что же касается языковых навыков, молодой дворянин должен учить иностранные языки, быть готовым вести добрую беседу, быть красноречивым. 30-е показание обращено к молодым отрокам, вернувшимся из-за границы и научившимся иностранным языкам [Юности 1717: 22]. Необходимо продолжить их тщательное изучение «чтением полезных книг <...>, а иногда что-либо в них писать и компоновать, дабы не позабыть языков» [Там же: 13–14]. А первой девической честью и добродетелью называется желание ходить в церковь и в школу, учиться читать, писать и размышлять. Отроки должны беречь книги прилежно, не разбрасывать по углам [Там же: 31–32]. В «Нравоучениях от Священного Писания», прилагаемых к наставлениям, для вразумления сообщается, что урода не научат и все книги мудрых [Там же: 47–48].

В «Регламенте, или Уставе духовной коллегии» (1721) – совместном манифесте Петра I и Феофана Прокоповича – постулировалась необходимость создать краткие, вразумительные и ясные книжицы для простых людей, «в которых заключится все, что к народному

наставлению довольно есть». Авторы «Духовного регламента» ратовали за вседоступность душевспасительной литературы, а для этого должно ее писать «просторечно», ибо славянский язык стал темен даже для людей обученных, а простыми невеждами и вовсе непостижаем. Книги должны быть небольшого объема, т. к. немалые книги в память простых людей неудобовмещаемы. Простой народ должен знать, «что самое есть всем обще, и всякому собственно, по своему званию должное» [Прокопович 1861: 22–24]. Для этого нужно сочинить три небольшие книжицы: первая и третья будут содержать догматы веры, заповеди, проповеди, а вторая – обязанности каждого чина.

Духовный регламент предлагал алгоритм чтения: на утрени прочесть малую часть первой книжицы, в этот же день – часть от второй книжицы, и в тот же день по обедни прочесть немного «от третьей книжицы о том же самом, о чем чтение было и на утрени» [Прокопович 1861: 22–24]. И тогда услышанное утром подтвердится на обедни и «лучше в памяти слышащих затвердится» [Там же]. Такое медленное чтение следовало разделить на 4 периода, каждый в четверть года – тогда «услышит народ все нужные свои наставления четырежды в год» и сможет услышанное сохранить в доброй памяти [Там же]. Три книги могут быть собраны сразу под одну обложку, в таком случае они будут доступны каждой семье «и в домах всякого охотника без труда употребляемы», даже детьми [Там же].

Прилежное и частое чтение должно быть первым делом людей, претендующих на учительство. При духовных академиях должны быть обширные библиотеки, «ибо без библиотеки, как без души Академия». Библиотеку не возбраняется посещать в любые дни и часы. Велика и роль учителя: желательно, чтобы он вел беседы с учеником о прочитанных книгах, «а если чего не уразумел, то б ему объяснил учитель» [Прокопович 1861: 22–24]. Беседа учителя с учеником способна изменить отрока в лучшую сторону, даже если раньше он «грубых был обычаев» [Там же]. Регламент отмечал также важность самообразования: школа может дать только сокращенные знания из области разных наук, а «после сам долгим чтением

и практикою» должен завершить обучение [Там же: 53–54].

Ф. Прокопович в «Слове на похвалу памяти Петра Великого» (1725) заслугой и добродетелью императора называл страсть к приобретению пользы и учения в любых ситуациях, «где ни быть, с кем ни побеседовать случилось ему... Много же языков, в исторических и учительских книгах частым чтением упражнялся» [Прокопович 1725: 14].

В продолжение традиции и на страницах «Трудолюбивой Пчелы» в «Рассуждении» из третьей части «Смотрителя» в переводе Сумарокова жизнь Петра I называется чудом, а его заслуга перед Отечеством состоит в том, что, «увидев народа своего глубокое невежество <...> сам сошел с престола своего обрести истинный путь, препровождающий к славе, и уставить себя во всех знаниях, обществу полезных, чтобы поострить к оным почтенных своих подданных» [Трудолюбивая... 1759: 229–230].

В обществе постепенно утверждается авторитет учения и чтения. Так, например, в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» (1733) В. Н. Татищева, когда собеседники обсуждали пользу от чтения книг, разные наставления, примеры и советы благочестивых людей, из которых необходимо употреблять себе в научение и помощь, звучит пословица *век живи – век учись*. В целом приятели обращаются к обсуждению чтения более 20 раз с помощью форм слов: *читать, чтение, читаем, читая, читал, читали, читающие, читатель* [Татищев 1887: 1–159].

В 1737 г. В. К. Тредиаковский перевел труд не установленного до сих пор французского автора и издал поучительную книгу для молодого дворянства под названием «Истинная политика знатных и благородных особ». В качестве добродетельного поведения молодого дворянства ему предлагается, после исполнения обязанностей, проводить свободное время за чтением книг: «...буде у них еще несколько останется времени, то упражняются они в чтении книг, которые сколько им нравятся, сколько их и научают». Тредиаковский, апеллируя к авторскому я, утверждал, что чтение книг и полезно, и счастливо [Истинная... 1737: 105].

Таким образом, можно сказать, что духовно-просветительская деятельность Петра I,

Ф. Прокоповича, В. Н. Татищева, нек. др. по открытию школ и училищ, переводная литература, дававшая образец светского воспитания, сформировали в первой трети XVIII в. поведенческую культуру дворянского общества. Одним из ее важных элементов стало чтение. Ю. М. Лотман, оценивая размах и позитивную роль чтения, писал, что в доме каждого образованного человека XVIII в. хранились книги, которые формировали облик людей, растили «деятели русской культуры середины и второй половины XIX века» [Лотман 1994: 50].

Модель – нескольких книжиц под одной обложкой с небольшими произведениями для пользы и просвещения сограждан, – предложенная Ф. Прокоповичем и Петром I, в сочетании с опытом западноевропейских и российских (академических) журналов лежит в основе метатекста частного сумароковского журнала «Трудолюбивая Пчела» (1759). В последнем номере журнала издатель выстраивает структуру идеального общества, в котором приоритет отдается справедливой образовательной политике и «отроки по склонностям в обучение отдаются» [Трудолюбивая... 1759: 739].

Содержание номеров «Трудолюбивой Пчелы» представляет собой сочетание текстов различной жанровой природы, переводных и оригинальных произведений, прозаических и стихотворных, тексты древних и новых авторов, труды самого Сумарокова и его современников [Растягаев, Сложеникина 2018: 164]. Среди разных причин объяснения причудливого репертуара «Трудолюбивой Пчелы» можно предложить и стремление к максимально-мужскому охвату читательской аудитории.

Рассмотрим, как журнал реализовывал педагогическую функцию утверждения в дворянском обществе авторитета книги и чтения, учения и науки. Январский номер начинается программной статьей Г. Козицкого «О пользе Мифологии». Пафос статьи – необходимость изучения и усвоения античной культуры в России. Чтение древних преданий помогает найти истоки современных литератур, искусств, исторических и естественных наук. Античная литература может стать для новых писателей образцом «нежных речей, великолепных слов, остроумных замыслов»,

а тщательным и любопытным читателям поспособствует «не преткновенно» читать новых авторов [Трудолюбивая... 1759: 13, 14]. Козицкий уверен, что «весьма мало сыщется, я думаю таких, кои бы не употребляли времени на чтение полезных и увеселительных книг» [Там же: 11]. Но, «к сожалению нашему, в прах стерло едкое время скрежещущими своими зубами» многие книги, о которых остались только косвенные упоминания [Там же: 24]. Книги, содержащие древние мифы, суть «правила к исправлению человеческого жития» [Там же: 28].

Так же, как и январский, февральский номер «Трудолюбивой Пчелы» открывается объемной прозаической статьей. Это перевод «Речи Павлина А Санкто Иозефо о том, что в учении спешить не должно», сказанной перед студентами юриспруденции Римской гимназии в 1756 г. Это самый объемный материал февральской книжки, занимающий более трети его площади. Важность темы имела для Сумарокова личное значение и объяснялась следующим пассажем, адресованным его оппоненту Ломоносову: «О вы глупые Демократы, Платоны, и Аристотели, столько лет с крайним прилежанием и неусыпным трудом в Философии упражнявшиеся! смотрите, мы имеем молодых людей, которые в немногие месяцы, и как будто играя, всему тому научаются, к чему вы целый, да еще и долгий век недовольным почитали. <...> они <...> говорят: <...> для нас как для поспешающих к высоким наукам <...>, довольно и того, чтобы знать некоторые оных начала» [Трудолюбивая... 1759: 74]. Сумароков гордился полученным домашним воспитанием и оконченным восьмилетним курсом Сухопутного шляхетного корпуса, воспитавшего молодых дворян в духе гуманистической европейской культуры. Систематическое обучение же Ломоносова словесным наукам в Славяно-греко-латинской академии было весьма быстрым и поверхностным: за два года класс пиитики (1731) и риторики (1732) и на третьем году – класс философии (1734). Последующее пребывание в Марбургском университете было связано с естественнонаучными дисциплинами. В литературной вой-

не Сумароков постоянно упрекал Ломоносова в отсутствии должных познаний в языке.

Как учитель, писатель и оратор, о. Паулин скорбит о том, что «...мы в такие времена родились, в которые имя просвещения подъяческим ушам противно» [Трудолюбивая... 1759: 80]. Современная молодежь считает многие словесные науки вымыслом, происходящим от праздности, и пренебрегает ими. Потомуки не находят в великих книгах Платона и Аристотеля ничего прекрасного и полезного [Там же: 75]. Как и оригинальная статья Козицкого, перевод, выполненный Григорием Полетикой, доказывал важность обращения к мудрости древних с той только разницей, что к неспешному изучению рекомендовались труды ученых от самого основания наук до современности. Но прежде всего для постижения античной мудрости необходимо преуспеть в греческом и латинском языках, истории прежних времен и состоянии всякого народа. А тех студентов, которые планировали ограничиться только знаниями судебного производства, Паулин предостерегал от превращения в простых подъячих и ябедников [Там же: 79]. Все, в том числе и наука, «требует чрезвычайного и бесконечного труда и при долговременной жизни непрерывного упражнения» [Там же: 81].

Перевод закрепил в русском языке слово *эрудиция*. Первым его употребил Г. Н. Теплов в «Ежемесячных сочинениях» за май 1755 года¹. Рассуждая о качествах стихотворца, автор отметил, что мысль поэта рождается «как от глубокой эрудиции, так и от присовокупленного к ней высокого духа и огня природного стихотворческого» [Теплов 1755: 398]. В «Трудолюбивой Пчеле» слово получило определение как «довольное о различных вещах понятие» [Трудолюбивая... 1759: 85].

Тему учения в третьем номере продолжил «Разговор. Искусство удобовразумляющее» Эразма Роттердамского в переводе с латинского Николая Мотониса. Сначала в школе при «общежительном братстве», а затем за пять лет самообразования в монастыре Эразм Роттердамский приобрел колоссальные познания в древних языках и науках, позволив-

¹ В течение длительного времени статья ошибочно приписывалась Ломоносову. Атрибутировал публикацию в «Ежемесячных сочинениях» Теплову Л. Б. Модзалевский [Модзалевский 1962: 133–162].

шие ему впоследствии, приобретя во всем мире славу «князя гуманистов», стать профессором Кембриджа. Переводчик текста Николай Мотонис в год издания журнала был избран адъюнктом Академии наук и стал преподавать древние языки в старших классах Академической гимназии.

Беседа Десидерия и Ерасмия имеет сатирический характер. Ерасмий где-то слышал, что существует искусство, овладев которым можно в скором времени и без особого труда научиться всем свободным наукам, конкретно – за две недели [Трудолюбивая... 1759: 156]. Написана эта книга, со слов Ерасмия, греческим, латинским, еврейским «и иными варварскими языками» [Там же: 156]. Десидерий отвечает: материальное богатство является временным и часто дается людям ленивым и недостойным, а истинное богатство приобретается только трудом. Учение приятно, избавляет человека от скуки. Для этого науку нужно искренне любить и почитать с удивлением, ведь многих людей именно обширные познания сделали богатыми и знаменитыми. Необходимо развивать память прилежанием; бесполезно зазубривать слова, которые Гомер называл крылатыми, без уразумения сущности вещей. Уразумение – первый этап познания, за ним следуют рассуждение и повторение. Дикий, необузданный, ветреный, непостоянный ум не способен к обучению, терпеливому рассуждению и запоминанию [Там же: 159]. Заканчивается разговор словами Десидерия: «Я другого удобовразумляющего искусства не знаю, кроме прилежания, любви и неусыпного упражнения» [Там же: 161].

В этом же номере в «Речи XVIII. Из второй части Смотрителя» однородными членами становятся слова *добродетель* и *познание* – «столь изобильные и неисчерпаемые источники совершенства» [Трудолюбивая... 1759: 186].

Четвертый, апрельский, номер открывает «Опыт Немецкого Словаря», переведенным А. Нартовым из сатирических сочинений Готлиба Вильгельма Рабенера. На страницах «Трудолюбивой Пчелы» зарождается традиция сатирического словаря, в котором немецкий автор намерен «истинные знаменования слов твердо положить» [Трудолюбивая... 1759: 196]. Одним из объектов иронии Рабенера ста-

новятся «порочные методы воспитания молодых людей, оторванность немецкой школы с ее греко-латинскими премудростями от реальных запросов жизни» [Тураев 1988: 201]. В переводе Нартова писателя, образованные по такой методе, получили имя *рачительных тварей* [Трудолюбивая... 1759: 196]. В словарной статье «Вечно» сатирически объясняется идиома *сделаться вечным*. Пример для нее – ученые, которые без души и разума пишут нечто, водя рукой слева направо по белой бумаге. Ключи от вечности у наборщика – это свинцовые литеры, намазанные черной краской [Там же: 199].

Апофеозом философско-педагогического дискурса стала статья майского номера «О несправедливых основаниях», написанная Сумароковым. Писатель и издатель рассуждает об основаниях, по которым что- или кто-либо подвергается хулению или прославлению. Такими основаниями чаще всего становятся субъективные факторы («своемышленные, а не правомышленные»): испорченное естество, ненависть, самообман, бессовестность. Автор диагностирует печальное положение общества: только малая часть людей становится разумнее, а большая стремится в невежество и высокомерие, гонится за модой, а не истиной: «что на природе и истине основано, то никогда перемениться не может, а что другие основания имеет, то похваляется, похуляется, вводится и выводится по произволению каждого и без всякого рассудка» [Трудолюбивая... 1759: 277]. Такой константой Сумароков считает вечную мудрость древних, а многие современные знания то появляются, то исчезают.

Сумароков сетует, что ясные и неопровержимые доказательства невежды называют педантством. Обширные познания у невежд тоже педантство: «много знать слывет у невеж: знать по-педантски или по-школьному» [Трудолюбивая... 1759: 278]. Педанты для невежд – профессора и другие ученые люди, а с точки зрения Сумарокова, ученый по справедливости должен быть человеком первого класса в обществе. Среди дворян так утвердилось, что знать нужно мало и неосновательно: «Таковое в науках знание называется знание дворянское, знание благородных людей. Быть историком, математиком, физиком дворяни-

ну стыдно <...> Похвально ничего не знать» [Там же: 279]. С точки зрения Сумарокова, современное общество недалеко ушло от дремучести предков, когда не было надобности уметь читать и писать. Писатель восхваляет людей, поставивших Россию на путь учения и рассыпавших мрак невежества: Петра Могила, царя Федора Алексеевича, Петра I, Екатерину I, Елизавету Петровну. Заканчивается эссе восклицанием: «Распространи, Боже, в России науки и искорени несправедливые основания», чтобы в стране господствовала истина, а не своемыслие [Там же: 282].

Проблематика светского чтения продолжилась в июньском номере. Поскольку Сумароков едва ли не первым употребил слово «роман» в терминологическом значении, его письмо «О чтении романов» не было обделено вниманием исследователей [Соловьев 1893–1895; Гуковский 1939; Егунов 1963; Макогоненко 1969; Смирнов 1981; Автухович 1995; Билинкис 1995; Мальцева 2000; Рублева 2005; Штридтер 2015]. При большом количестве апелляций к тексту письма всегда цитируется одна фраза: «Полезны от них мало, а вреда много» [Трудолюбивая... 1759: 374].

О том, что двухстраничный текст Сумарокова более богатый и глубокий, заявил профессор славистики Страсбургского университета Р. Бодэн. Помимо многократно отмеченной солидаризации с позицией Ломоносова о неприемлемости романа, ученый обозначил новые черты. Письмо «О чтении романов» – следующий шаг русской словесной науки. Если в риториках Ломоносова речь шла о производстве текстов, то в данном случае – об их восприятии читателем и прагматике. Эта проблема возникла в связи с развитием в России периодической печати, для которой участие читателя в литературном процессе было первостепенным. Ученый считает заголовок статьи Сумарокова программным, переводящим проблематику с уровня содержания на уровень практики чтения. Р. Бодэн отмечает интертекстуальный характер письма Сумарокова, отсылающего к предисловию книги признанного авторитета Буало «Диалог героев романа» (1713), в котором французский писатель также сетует на необычайное множество романов. И для Буало, и для Сумарокова – это аргумент риторической традиции,

обосновывающий появление собственного текста [Бодэн 2014: 39–58].

Сумароков выступает против бесполезного потребления романов, чтения как праздного времяпрепровождения. Некие неопределенные субъекты «говорят о них, что они умеряют скуку и сокращают время» [Трудолюбивая... 1759: 374]. Издатель «Трудолюбивой Пчелы», масон Сумароков, не видит пользы в таком времяпрепровождении – «это погубленные времена» [Там же: 374]. Снова возникает важная для писателя тема естественности: романы – это притворство, созданное невежами и удаляющее читателей от естества. Просвещение, а не вымысел отдаляет человека от «скотского изображения» [Там же]. Сумароков не может оправдать существование романов наличием людей, способных только к легкому чтению: «...много еще книг и без романов осталось, которые вразумительны и самым неученым людям» [Там же: 375]. С точки зрения писателя, полезной литературы, служащей просвещению, хватит для человека, «хотя бы мы и по тысяче лет на свете жили» [Там же].

В июльском номере раздел «Эпиграммы» заканчивает двестишь о незавидном положении ученого:

Танцовщик, ты богат, Профессор, ты убог;
Конечно, голова в почтенье меньше ног

[Трудолюбивая... 1759: 375].

При этом сама ценность просвещения Сумароковым никогда не ставится под сомнение. В статье «Димофила. Врачевания жития, или Подобия, собранные из Пифагоровых последователей» (перевод Козицкого) помещен второй силлогизм: «Учение подобно златому венцу, ибо оно и честь приносит, и пользу» [Трудолюбивая... 1759: 419]. Шестой силлогизм возводит просвещенный ум в категорию ценности: «ум мудрых, как золото, прочие все металлы перевешивает», тридцать четвертый – причисляет философский ум к добродетели: «ум, просвещенный философским знанием, подобен вознице; ибо он воздерживает страсти наши, всегда оныя управляя к доброму»; сорок третий – называет просвещенный ум элементом счастья: «...к счастливому препровождению жизни нашей просвещенный разум вместе со счастьем потребны» [Там же: 420, 423, 424]. На страницах «Трудолюбивой Пче-

лы» ум всегда рассматривается не как одна из психических способностей человека, а как результат учения, размышления, познания, просвещения.

Философско-педагогический дискурс со сквозным сюжетом «учение – просвещение – наука» в августовском номере приобретает новое звучание, становится авторским пацифистским высказыванием издателя «Трудолюбивой Пчелы». Сумароков переводит с французского «Пришествие, на нашу землю и пребывание на ней, Микромегаса» из сочинений Вольтера. Год издания журнала, 1759, пришелся на масштабный, по мнению некоторых историков, первый мировой военный конфликт XVIII в. – Семилетнюю войну (1756–1763).

Так же, как и Вольтер, Сумароков осуждал кровопролитие. Два посланца Сириуса и Сатурна спасают терпящий бедствие корабль с философами. Один из ученых говорит: «Знаешь ли ты, что в сей час, когда я с тобою говорю, сто тысяч дураков нашего роду, кровенных шляпами, убивают других сто тысяч таковых же зверков, кровенных челмами, или от них умерщвляются, и что по всей почти земли из ушедших от памяти времен, все в этом упражняются» [Трудолюбивая... 1759: 469–470]. Причина, по которой люди во множестве убивают друг друга, – спор «двух некаких человек, одного называют Султаном, а другого Цесарем» из-за куска грязи [Там же: 470]. Брошенные на смерть люди-пылинки («червячки», «мелюзга») никогда не увидят ни друг друга, ни военачальников, ни этого малого куска земли. Ответственность за гибель людей несут сидящие на тронах жестокие люди, которые повелевают миллионам совершать убийства [Там же: 470–471]. Инопланетные пришельцы были крайне разгневаны таким положением дел, которое допустили мыслящие человеки, наделенные душами, но при этом разрушающие мир. Их уважение заслужили только премудрые философы, потому что они никого не убивают, а познают мир внутри и вне себя [Там же: 471].

В сентябрьском номере объектом сатиры Сумарокова «Кто в самой глубине безумства пребывает...» становится безмозглый петиметр, у которого, «где в людях ум живет, набит в нем тамо ветер» [Трудолюбивая... 1759: 563]. Один из семи мудрецов Древней Греции Со-

лон, учредитель спартанского законодательства Ликург, основатель новоевропейской философии Декарт (Картезий), гениальный ученый Ньютон не так сильно умствовали, как петиметр, пошивая очередной кафтан. Невежда постоянно вспоминает о своих знатных предках и с гордостью заявляет: «...по-дедовски живу, не надобно наук» [Там же: 564]. Он не понимает, зачем тратить деньги на образование детей, считает это мотовством, ведь «мой мальчик не учен, а в те ж пойдет ворота» [Там же: 564]. Невежде не нужны ни астрономия, ни география, ни история, ни право, ни иностранные языки: «Что он в незнании живет, о том не тужит, и мнит, что то ему еще и славе служит» [Там же: 564–565]. Невежде для просвещения вполне достаточно знаний из календаря, который он почитывает от скуки. Его мир создан из спеси, домыслов и ретроградства. Сумароков подводит итог:

Удобнее песок на дне морском исчислить,
Как наши дурусты подробно перечесть.
Да и на что, когда дается вракам честь?

[Трудолюбивая... 1759: 567].

Октябрьский номер открывается «Словом похвальным о Государе Императоре Петре Великом», сочиненном Сумароковым ко дню тезоименитства его Императорского Величества 1759 года. Пафос статьи – не умножить славу Петра, а возобновить память о нем и дела императора. Сумароков называет допетровские времена торжеством суеверия: «До времени Петра Великого Россия не была просвещена ни ясным о вещах понятием, ни полезнейшими знаниями, ни глубоким учением» [Трудолюбивая... 1759: 582]. Торжествовало невежество и гасило искры проницательного ума: «Вредительная тьма разума приятна была, а полезный свет тягостен казался» [Там же: 582]. От появления просвещенного императора «возрадовалась истина и ужаснулось суемудрие», «...мрак невежества рассыпался» [Там же: 582]. Реформы Петра Сумароков оценивает как борьбу со старинным упрямством, боярской спесью, праздноностью, корыстью, ересью, варварством и суеверием. Одна из допетровских ересей, по Сумарокову, считать безбожием изучение языков неправославных народов, пренебрежение к латинскому языку, который после разделения римской и греческой церковью стал считаться на Руси прокля-

тым. По заключению писателя, разум Петра Первого «положил благополучию России вечное и непоколебимое основание» [Там же: 586]. Премудрый законодатель, Петр старался не только о введении наук в России, но и о возвращении их, зажег алтари премудрости. Он открыл для молодых дворян лучшие европейские образцы благопристойного поведения, отринув вкорененные «невежеством, упрямством и стариною утвержденные грубости» [Там же: 590].

Заканчивая годовое издание «Трудолюбивой Пчелы», в декабрьском номере Сумароков несколько раз обращался к сквозной теме просвещения и науки. Номер начинается «Речью о пользе и превосходстве свободных наук. Говорена Марком Антонием Муретом, Пресвитером, Законоучителем и Гражданином Римским в Венеции 1555 году» в переводе Н. Мотониса. Статья посвящена сложившемуся положению дел, при котором ученые подвергаются презрению, несносным нападкам, ненавистники свободных наук «премудрость опорочить покушаются» [Трудолюбивая... 1759: 709]. Хулители словесных наук видят, что упражняющиеся в них не приглашаются к ведению важных дел, а плоды их труда заключаются лишь только в сочинении детских басен и нескольких правил к украшению речи (в испещрении слова приготовленными красками) [Там же: 710]. Один из таких хулителей называл Гомера учителем ни к чему не годного многоглаголания [Там же: 715].

Марк Антоний Муре опровергает эти утверждения, говорит о том, что преподаватели свободных наук являются среди всех учителей наилучшими эрудитами. Например, диалектики преподают правила для распознавания лжи и истины, сходства и различий, причин и следствий, приемы доказательств. Словесные науки учат, как создать благополучие в семье и обществе: к чему стремиться, а чего избегать, что добродетель, а что порок, как обуздать страсти, по каким обычаям, законам и установкам устроить дом и богатое многолюдное общество. Красноречие, по Муре, утешает сетующих, ободряет страждущих, поднимает падших, для беззакония является погибелью, для невинных – защитой, для злодеев – страхом, для добродетельных – украшением [Трудолюбивая... 1759: 717]. Выдающиеся риторы,

как, например, Цицерон, имеют власть над людьми большую, чем тираны, потому что тираны могут только угнетать тело, а ораторы владеют душами. Ученый в естественной науке ограничен только ею, ученый в словесных науках должен иметь представление обо всех отраслях человеческого знания, чтобы толковать разных авторов. Ритор должен безупречно владеть латинским языком, потому что ему в вину ставится любая ошибка, даже нечаянная. Муре просит сенаторов и дальше поддерживать вознаграждением юношество, чтобы оно «учением сим нашим к добродетели приуготованное, возмогло удобнее в правление сего благополучнейшего общества подражать впредь вашему благоразумию» [Там же: 722].

В следующем переводе итогового декабрьского номера издания «Разговор о добродетели: Можно ли оную приобрести учением?» Эсхина ведется гипотетический диалог Сократа с другом. Сократ не верит в возможность научения добродетели, считает ее божественным даром: если Бог хочет сделать какое-то государство благополучным, то производит в нем людей добродетельных, если же решает свергнуть его в несчастье, то благодетельных людей из него изымает [Трудолюбивая... 1759: 733]. Позиция самого Сумарокова была более прагматичной: учение играет большую роль в формировании добродетельного человека. В утопии «Сон, Счастливое общество», рассуждая о качестве духовного сословия в обществе (представителей которого он уподобляет стоическим философам), он пишет: «Все они люди великого учения и беспорочной жизни. Первое служит к наставлению добродетели, а второе к показанию образца проповедуемой ими добродетельной жизни» [Там же: 740]. В благоденствующем обществе «всякая наука, всякое полезное упражнение, всякое художество и всякое ремесло по размеру своей доброты и по размеру успеха труждающегося там в почтении...» [Там же: 743–744].

Таким образом, философско-педагогический дискурс, проблематика чтения, учения и науки являются сквозной для журнала. Нарративный потенциал, заданный январским номером, реализуется на всем пространстве журнального метатекста. Все номера «Трудолюбивой Пчелы» (кроме ноябрьского) вклю-

чают оригинальные или переводные произведения данного дискурса: январский номер – статью Г. Козицкого «О пользе Мифологии»; февральский – «Речь Павлина А Санкто Иозефо о том, что в учении спешить не должно» (перевод с латинского Г. Полетики); мартовский – «Разговор. Искусство удобообразующее» Эразма Роттердамского (перевод с латинского Н. Мотониса); апрельский – «Опыт Немецкого Словаря» из сатирических сочинений Готлиба Вильгельма Рабенера (перевод с немецкого А. Нартова); майский – «О разумении человеческом по мнению Локка» и «О несправедливых основаниях» Сумарокова; июньский – «О чтении романов» Сумарокова; июльский – эпиграмму и «Димфила. Врачевания жития, или Подобия, собранные из Пифагоровых последователей» (перевод с греческого Г. Козицкого); августовский – «Пришествие, на нашу землю и пребывание на ней, Микромегаса» Вольтера (перевод с французского А. Сумарокова); сентябрьский – сатиру Сумарокова «Кто в самой глубине безумства пребывает...»; октябрьский – «Слово похвальное о Государе Императоре Петре Великом» Сумарокова; декабрьский – «Речь о пользе и превосходстве свободных наук» Мурета (перевод с латинского Н. Мотониса), «Разговор о добродетели: Можно ли оную приобрести учением?» Эскина (перевод с греческого Г. Козицкого), утопию «Сон, Счастливое общество» Сумарокова [Сложеникина, Растягаев 2011: 128–134].

Античные ученые и государственные деятели Димифил, Эскин; западноевропейские писатели, богословы, преподаватели, философы, энциклопедисты Эразм Роттердамский, Паулин, Рабенер, Вольтер, Муре; российские переводчики и писатели Сумароков, Козицкий, Мотонис засвидетельствовали своим авторитетом важность для общественной пользы чтения, учения и науки. Переводы с греческого и латинского указывали читателям на важность философско-педагогической проблематики для становления античной цивилизации; с французского и немецкого – на ее актуальность для современной европейской гуманитарной мысли; русские оригинальные сочинения – на преемственность новой постпетровской культуры. Разножанровые произведения: авторская статья, диалог, словарь,

эпиграмма, афоризмы, фантастический рассказ и рассказ-утопия, речь, сатира – в разной форме и разными средствами доказывали читателю журнала необходимость просвещения и наук, служили ориентиром для самостоятельного чтения других произведений авторов, вошедших в годовую подборку «Трудолюбивой Пчелы». Оглавление журнала стало для читающей публики середины XVIII в. каталогом целой библиотеки, которой он мог воспользоваться с целью самообразования, приобщения к полезной литературе и добродетельному времяпрепровождению.

Итак, за год издания первого частного ежемесячного журнала «Трудолюбивая Пчела» в российской периодике начинает складываться особый философско-педагогический дискурс. Благодаря усилиям Сумарокова и его сочувственников идея воспитания идеального человека (трудолюбивой пчелы) получает речевое оформление. Сумароков первым в середине XVIII столетия, в конце правления Елизаветы Петровны, актуализировал идеалы времени Петровских реформ апелляцией к авторитетному в первой четверти XVIII в. мнению Локка [Панченко 1989: 14–15]. Ссылаясь на работы английского философа, одного из основоположников европейской педагогической мысли, Сумароков восстает против априоризма Руссо, утверждая, что только «воспитание, наука, хорошие собеседники и прочие полезные наставления приводят нас к беспорочной жизни, а не врожденная истина» [Трудолюбивая... 1759: 263]. Заявленная публичная позиция издателя «Трудолюбивой Пчелы» была мотивирована приверженностью идеям истинного Просвещения – рыцарскому служению Добродетели. Екатерининские масоны, последователи Сумарокова – Н.И. Новиков, И. Г. Шварц и др. актуализировали идеи истинного Просвещения в общественной практике. Педагогическая утопия идеального воспитания человека стала идейной основой нового государственного проекта Екатерины II – создания Смольного института благородных девиц [Приказчиков 2009: 105–106]. Практической реализацией данного педагогического предприятия и многих других проектов воспитания и образования подрастающего поколения занимался выда-

ющийся общественный деятель, тоже масон екатерининского времени И. И. Бецкой¹.

Термин «педагогика» был первый раз введен в отечественную дискурсивную практику в анонимной² статье «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия», опубликованной в Прибавлении к «Московским ведомостям» за 1783 г. (№ 2 Введение)

Н. И. Новиковым-издателем [Симанков 2010: 12]. Однако впервые в российской журналистике философско-педагогический дискурс начал складываться раньше – в 1759 г. – благодаря усилиям издателя «Трудолюбивой Пчелы» Александра Петровича Сумарокова и всего улья «трудолюбивых пчел» – переводчиков, авторов и читателей первого российского частного ежемесячного журнала.

Источники

Истинная политика знатных и благородных особ / переведена с французского чрез Василия Третьяковского Санктпетербургския имп. Академии наук секретаря. – СПб. : Печ. при Имп. Акад. наук, 1737. – 224 с.

Ломоносов, М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758. – М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1952. – С. 585–592.

Прокопович, Ф. Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца Всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и правительствующего Сената, в царствующем Санктпетербурге, в лето от Рождества Христова 1721 сочиненный / Ф. Прокопович. – 2-е изд. – М. : Синод. тип., 1861. – 198 с.

Прокопович, Ф. Слово на похвалу памяти Петра Великого / Ф. Прокопович. – СПб. : Санкт-Петербургская тип., 17 июля 1725. – URL: goo-gl.su/NX4Tr. – Текст : электронный.

Татищев, В. Н. Разговор о пользе наук и училищ / В. Н. Татищев. – М. : В Унив. тип., 1887. – 197 с.

[Теплов, Г. Н.] О качествах стихотворца рассуждение / Г. Н. Теплов // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1755. Май. – С. 371–398.

Трудолюбивая Пчела. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1759. Генварь-[декабрь].

Юности честное зеркало или Показание к житейскому обхождению / Собранные от разных авторов; Напечатано повелением царского величества. – В Санкт-Петербурге, 30 июля 1717.

Литература

Автухович, Т. Е. Риторика и русский роман XVIII в.: взаимодействие в начальный период формирования жанра / Т. Е. Автухович. – Гродно : ГНУ им. Я. Купалы, 1995. – 416 с.

Билинчис, М. Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман / М. Я. Билинчис. – СПб. : СПбГУ, 1995. – 104 с.

Бодэн, Р. Нормативная критика и романное чтение в России середины XVIII века / Р. Бодэн // Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication, 1760–1930. – Milano : Ledizioni, 2014. – P. 39–58.

Гуковский, Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. – М. : Учпедгиз, 1939. – 526 с.

Егунов, А. Н. «Исмений и Исмена», греческий роман Сумарокова / А. Н. Егунов // Международные связи русской литературы / под ред. М. П. Алексеева. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 135–161.

Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX в.) / Ю. М. Лотман. – 2-е изд. – СПб. : Искусство-СПб, 1994. – 414 с.

Макогоненко, Г. П. От Фонвизина до Пушкина: из истории русского реализма / Г. П. Макогоненко. – М. : Художественная литература, 1969. – 513 с.

Мальцева, Т. В. Литературная полемика и процесс жанрообразования в комедиографии XVIII века / Т. В. Мальцева. – СПб. : ЛГООУ им. А. С. Пушкина, 2000. – 186 с.

Модзалевский, Л. Б. Ломоносов и «О качествах стихотворца рассуждение» / Л. Б. Модзалевский // Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы / под ред. П. Н. Беркова, И. З. Сермана. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – С. 133–162.

Панченко, А. М. Начало Петровских реформ: идейная подоплека / А. М. Панченко // XVIII век. Сб. 16. – Л. : Наука, 1989. – С. 5–16.

Приказчикова, Е. Е. Антропологическая утопия Смольного института и ее отражение в мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII века / Е. Е. Приказчикова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. – 2009. – Вып. 34, № 27. – С. 105–114.

¹ В 1764 г. И. И. Бецкой устроил воспитательное училище при Академии художеств, в 1765 г. был назначен шефом Сухопутного шляхетного корпуса, в 1770-е гг. учредил Воспитательное коммерческое училище для купеческих детей, был членом 4 степени Ложи Благотворительности к Пеликану [Серков 2019, II: 168–169; III: 97].

² Несмотря на то, что статья в настоящее время не имеет атрибуции, для нашей темы важно, что для всех масонских изданий соблюдался принцип деперсонализации авторской точки зрения и включения ее в общую мифологию герметической мудрости.

Растягаев, А. В. Ансамблевая природа журнала А.П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела» (1759): на примере апрельской книжки / А. В. Растягаев, Ю. В. Сложеникина // Современная филология: методы, гипотезы, проблемы, универсалии / под ред. С. Б. Козинца. – Самара : СФ МГПУ, 2019. – С. 164–194.

Рублева, Л. И. Русская проза последней четверти XVII века: история и поэтика / Л. И. Рублева. – Южно-Сахалинск : Сахал. гос. ун-т, 2005. – 159 с.

Серков, А. И. Российские масоны. 1721–2019 : биографический словарь. Век XVIII : в 3 т. / А. И. Серков. – М. : Ганга, 2019. – Т. III. – 320 с.

Симанков, В. И. Из разысканий о журнале «Прибавление к Московским Вedomостям» (1783–1784) или об авторстве сочинений, приписывавшихся Н. И. Новикову, И. Г. Шварцу и Ф. В. Каржавину / В. И. Симанков. – Харьков, 2010. – 134 с.

Сложеникина, Ю. В. Коммуникативная стратегия журнального метатекста «Трудолюбивой Пчелы» А.П. Сумарокова (на примере декабрьского номера) / Ю. В. Сложеникина, А. В. Растягаев // Язык. Словесность. Культура. – 2011. – № 2. – С. 126–141.

Смирнов, А. А. Литературная теория русского классицизма / А. А. Смирнов. – М. : Высшая школа, 1981. – 207 с.

Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1–6. История России в царствование императрицы Екатерины II / С. М. Соловьев. – 2-е изд. – СПб. : тип. т-ва «Обществ. Польза», 1893–1895. – Кн. 6. Т. 26–29. – 1178 Стб.

Тураев, С. В. Немецкая литература [XVIII в.] / С. В. Тураев // История всемирной литературы : в 8 т. – М. : Наука, 1988. – Т. 5. – С. 193–244.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 3-е изд., стер. – СПб. : Азбука ; М. : Терра, 1996. – Т. 4: (Т-Яшур). – URL: goo-gl.su/yrHCV7mc/. – Текст : электронный.

Штридтер, Ю. Плутовской роман в России. К истории русского романа до Гоголя / Ю. Штридтер. – СПб. : Алетейя, 2015. – 416 с.

References

Avtukhovich, T. E. (1995). *Ritorika i russkii roman XVIII v.: vzaimodeistvie v nachal'nyi period formirovaniya zhanra* [Rhetoric and the Russian novel of the 18th century: Interaction in the initial period of formation of the genre]. Grodno, GNU im. Ya. Kupaly. 416 p.

Bilinkis, M. Ya. (1995). *Russkaya proza XVIII veka: Dokumental'nye zhanry. Povest'. Roman* [Russian prose of the 18th century: Documentary genres. The Story. The Novel]. Saint Petersburg, SPbGU. 104 p.

Boden, R. (2014). Nopmativnaya kritika i romannoё chtenie v Rossii serediny XVIII veka [Normative critique and novel reading in Russia of the middle of the 18th century]. In *Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication, 1760–1930*. Milano, Ledizioni, pp. 39–58.

Egunov, A. N. (1963). «Ismenii i Ismena», grecheskii roman Sumarokova ["Ismenius and Ismenius", Greek novel by Sumarokov]. In Alekseev, M. P. (Ed.). *Mezhdunarodnye svyazi russkoi literatury*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 135–161.

Fasmer, M. (1996). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka : x 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language, in 4 vols.]. 3rd edition. Saint Petersburg, Azbuka, Moscow, Terra. Vol. 4: (T-Yashchur). URL: <https://goo-gl.su/yrHCV7mc/>.

Gukovskii, G. A. (1939). *Russkaya literatura XVIII veka* [Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, Uchpedgiz. 526 p.

Istinnaya politika znatnykh i blagorodnykh osob / perevedena s francuzskogo chrez Vasil'ya Trediakovskago Sanktpeterburgskiya imp. Akademii nauk sekretarya [True policy of noble and honorable persons / translated from French by Vasily Trediakovskiy]. (1737). Saint Petersburg, Imp. Acad. nauk. 224 p.

Lomonosov, M. V. (1952). *Predislovie o pol'ze knig cerkovnykh v russkom yazyke* [Foreword on the usefulness of the clerical books in Russian]. In Lomonosov, M. V. *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol. 7. Trudy po filologii. 1739–1758. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 585–592.

Lotman, Yu. M. (1994). *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nach. XIX v.)* [Conversations about Russian culture: Genesis and traditions of Russian nobility (18th–19th c.)]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb. 414 p.

Makogonenko, G. P. (1969). *Ot Fonvizina do Pushkina: iz istorii russkogo realizma* [From Fonvizin to Pushkin: From the History of Russian Realism]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 513 p.

Mal'tseva, T. V. (2000). *Literaturnaya polemika i process zhanroobrazovaniya v komediografii XVIII veka* [Literary polemics and the process of genre formation in the 18th century comedy]. Saint Petersburg, LGOU im. A. S. Pushkina. 186 p.

Modzalevskii, L. B. (1962). Lomonosov i «O kachestvakh stihotvorca rassuzhdenie» [Lomonosov and "On the qualities of a poet reasoning"]. In Berkov, P. N., Serman, I. Z. (Eds.). *Literaturnoe tvorchestvo M.V. Lomonosova: Issledovaniya i materialy*, Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 133–162.

Panchenko, A. M. (1989). Nachalo Petrovskikh reform: ideynaya podopleka [Beginning of reformations of Peter the Great: Ideological background]. In *XVIII vek. Sb. 16*. Leningrad, Nauka, pp. 5–16.

Prikazchikova, E. E. (2009). Antropologicheskaya utopiya Smol'nogo instituta i ee otrazhenie v memuarно-avtobiograficheskoy literature vtoroi poloviny XVIII veka [Anthropological Utopia of Smolny Institute and its reflection in memoir-autobiographical literature of the second half of the 18th century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. Iskusstvovedenie*. Issue 34. No. 27, pp. 105–114.

Сложеникина Ю. В., Растягаев А. В. Философско-педагогический дискурс на страницах журнала...

Prokopovich, F. (1725). *Slovo na pohvalu pamyati Petra Velikogo* [Words to praise the memory of Peter the Great.]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskaya tip. URL: goo-gl.su/NX4Tr.

Prokopovich, F. (1861). *Duhovnyi reglament, tshchaniem i povelieniem vsepresvetlejshego, derzhavnejshego gosudarya Petra Pervogo, imperatora i samoderzhca Vserossiiskogo, po soizvoleniyu i prigovoru Vserossiiskogo duhovnogo china i pravitel'stvuyushchego Senata, v carstvuyushchem Sanktpeterburge, v leto ot Rozhdestva Hristova 1721 sochinennyi* [Spiritual Regulations, by the care and command of the All-Russian Emperor and Autocrat of All Russia, by the will and sentence of the All-Russian spiritual rank and the Governing Senate, in the reigning St. Petersburg, in the summer of the Nativity of Christ 1721 composed]. Moscow, Sinod. tip. 198 p.

Rastyagaev, A. V., Slozhenikina Yu. V. (2019). Ansamblevaya priroda zhurnala A.P. Sumarokova «Trudolyubivaya Pchela» (1759): na primere aprel'skoi knizhki [Ensemble nature of A.P. Sumarokov's journal "The Industrious Bee" (1759): by the example of the April book (in Russian)]. In Kozinets, S. B. (Ed.). *Sovremennaya filologiya: metody, gipotezy, problemy, universalii*. Samara, SF MGPU, pp. 164–194.

Rubleva, L. I. (2005). *Russkaya proza poslednei chetverti XVII veka: istoriya i poetika* [Russian prose of the last quarter of the 17th century: history and poetics]. Yuzhno-Sahalinsk, Sakhalinskii gosudarstvennyi universitet. 159 p.

Serkov, A. I. (2019). *Rossiiskie masony. 1721–2019 : biograficheski slovar' . Vek XVIII : v 3 t.* [Russian Masons. 1721–2019: Biographical dictionary. The 18th century, in 3 vols]. Moscow, Ganga. Vol. 3. 320 p.

Shtridter, Yu. (2015). *Plutovskoi roman v Rossii. K istorii russkogo romana do Gogolya* [Picaresque novel in Russia. To the history of the Russian novel before Gogol] Saint Petersburg, Aleteiya. 416 p.

Simankov, V. I. (2010). *Iz razyskaniy o zhurnale «Pribavlenie k Moskovskim Vedomostyam» (1783–1784) ili ob avtorstve sochinenii, pripisyvayushihya N. I. Novikovu, I. G. Shvarcu i F. V. Karzhavinu* [From investigations of the magazine "Supplement to the Moscow Vedomosti" (1783–1784) or about the authorship of the works attributed to N.I. Novikov, I.G. Schwartz and F.V. Karzhavin]. Kharkov. 134 p.

Slozhenikina, Yu. V., Rastyagaev, A. V. (2011). *Komunikativnaya strategiya zhurnal'nogo metateksta «Trudolyubivoj Pchely» A.P. Sumarokova (na primere dekabr'skogo nomera)* [Communicative strategy of the journal metatext "The Industrious Bee" by A.P. Sumarokov (on the December issue)]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*. No. 2, pp. 126–141.

Smirnov, A. A. (1981). *Literaturnaya teoriya russkogo klassitsizma* [Literary Theory of Russian Classicism]. Moscow, Vysshaya shkola. 207 p.

Solov'ev, S. M. (1893-1895). *Istoriya Rossii s drevneishih vremen. Kn. 1–6. Istoriya Rossii v carstvovanie imperatricy Ekateriny II* [History of Russia since Ancient Times. Book No. 1–6. History of Russia during the reign of Empress Catherine II]. Saint Petersburg, tip. t-va «Obshchestv. Pol'za». Book 6. Vol. 26–29.

Tatishchev, V. N. (1887.) *Razgovor o pol'ze nauk i uchilishch* [Talk about the usefulness of sciences and schools]. Moscow, V Univ. tip. 197 p.

Teplov, G. N. (1755). *O kachestvah stihotvorca rassuzhdenie* [Reasoning about the qualities of a poet]. In *Ezhemesyachnye sochineniya k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie*. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, pp. 371–398.

Trudolyubivaya Pchela [The Industrious Bee]. (1759). Saint Petersburg, Tip. Akad. nauk.

Turaev, S. V. (1988). *Nemeckaya literatura (XVIII v.)* [German literature (18th century)]. In *Istoriya vseмирnoy literatury, in 8 vols*. Moscow, Nauka. Vol. 5, pp. 193–244.

Yunosti chestnoe zercalo ili Pokazanie k zhiteiskomu obhozhdeniyu. Sobrannye ot raznyh avtorov; Napechatano povelieniem carskogo velichestva [Youth's Honest Mirror or Tips for worldly behavior. Collected works by different authors; Printed by the order of the Royal Majesty]. (1717). Saint Petersburg.

Данные об авторах

Сложеникина Юлия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, и.о. проректора по научной работе и международным связям, профессор кафедры филологии и философии, Самарский государственный институт культуры (Самара, Россия).

Адрес: 443010, Россия, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

E-mail: goldword@mail.ru.

Растягаев Андрей Викторович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологии и философии, Самарский государственный институт культуры (Самара, Россия).

Адрес: 443010, Россия, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

E-mail: avr67@yandex.ru.

Author's information

Slozhenikina Yulia Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor, Acting Vice-Rector for Research and International Relations, Professor of Department of Philology and Philosophy, Samara State Institute of Culture (Samara, Russia).

Rastyagaev Andrey Victorovich - Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Philology and Philosophy, Samara State Institute of Culture (Samara, Russia).

ОБРАЗ БИЙСКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Богумил Т. А.

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению образа Бийска в художественной прозе русских писателей. Методология исследования опирается на труды о городских текстах представителей тартуско-московской школы, а также приверженцев геокультурного и геопозитического подхода. История города Бийска в общих чертах повторяет историю первых городов Сибири. Изначально это крепость, фиксирующая сдвиг границ русских территорий на Восток (с 1709 г.). После 1846 г. город перестает быть военно-административным центром и становится местом политической ссылки. Одновременно он превращается в торгово-промышленный провинциальный город, стоящий на стратегически важном торговом пути (Чуйский тракт). Анализ художественных текстов позволил выявить и описать реестр образов города: военный острог, узилище, город грязи, антитеза деревне, ад-рай, город-медиатор. Единого «ядра», помимо объекта описания, объединяющего весь этот, довольно малый по количеству, корпус текстов, не обнаружено. Хотя намечены зоны пересечения семантических сфер. Военный острог и город грязи эквиваленты как пространство битвы антагонистических сил. В сниженном варианте эта антитеза становится оппозицией города и деревни. Острог, будучи точечным воплощением границы, способен как перекрывать контакты, так и обеспечивать их. Большинство выявленных произведений про Бийск принадлежит к жанрам, тесно связанным с внехудожественной действительностью, что свидетельствует о близости литературного образа Бийска с реальным городом. Говорить о наличии бийского текста в том значении, которое проявил в петербургском тексте В. Н. Топоров, не представляется возможным. Частные семантические параметры города опосредованы парадигмами территориальных сверткестов: сибирского и провинциального. Кроме того, базовые структурно-семиотические параметры города совпадают с моделью любого города «экстерриториального» (Ю. М. Лотман) типа. Индивидуальное наполнение инвариантной схемы происходит за счет географической, исторической, мифологической и пр. конкретики Бийска.

Ключевые слова: образ города; литература Алтая; сибирский текст; алтайский текст; провинциальный текст.

THE IMAGE OF BIYSK IN FICTION

Tatiana A. Bogumil

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Abstract. The article studies the image of Biysk in Russian works of fiction. The research methodology is based on works studying fiction texts about cities written by representatives of the Tartu-Moscow school and the geo-cultural and geo-poetical approaches. In general, the history of Biysk repeats the history of first Siberian cities. Initially, it was a fortress, fixing the shift of the borders of Russian territories to the East (since 1709). After 1846, the city ceased to be a military administrative center and became a place of political exile. At the same time, it turned into a commercial and industrial provincial city, lying on a strategically important trade route (Chuysky Tract). The analysis of fiction texts made it possible to identify and describe the main figurative models of the city: military prison, prison, city of mud, antithesis of the village, hell – paradise, and city-mediator. No single “core”, apart from the object of description, uniting this, rather small corpus of texts, has been found. Although zones of overlapping of semantic spheres have been outlined. A military jail and a mud city are equivalent as a battlefield of antagonistic forces. In a vulgarized form, this antithesis expresses the opposition between the city and the village. A fortress, being an embodiment of the border, is capable of both blocking contacts and ensuring them. Most of the works about Biysk belong to the genres that are closely related to extra-fiction reality, which indi-

cates the similarity between the fiction image of Biysk and the real city. It is not possible to speak of the presence of the Biysk text in the sense that V. N. Toporov used with reference to the Petersburg text. Occasional semantic parameters of the city are transformed by the paradigms of territorial supertexts: the Siberian and the provincial ones. In addition, the basic structural-semiotic parameters of the city coincide with the model of any city of the "extraterritorial" (Yu. M. Lotman) type. The individual content generation of the invariant scheme occurs due to the geographical, historical, mythological, etc. specificity of Biysk.

Key words: urban image; Altai literature; Siberian text; Altai text; Provincial text.

Для цитирования: Богумил, Т. А. Образ Бийска в художественной литературе / Т. А. Богумил. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 195–206. – DOI: 10.26170/FK20-03-17.

For citation: Bogumil, T. A. (2020). The Image of Biysk in Fiction. *In Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 195–206. DOI: 10.26170/FK20-03-17.

Литературный образ города, начиная с культурологических исследований Н. П. Анцифорова в 1920-е гг. и, в дальнейшем, трудов тартуских и московских семиотиков, неизменно оказывается востребованным в филологии и смежных гуманитарных дисциплинах. Предметом интереса настоящей статьи впервые выбран художественный образ Бийска, т.е. то, как реальное географическое место (Бийск) моделируется в художественном преломлении: в диалектике единичного и всеобщего, в триединстве «отображения, осмысления и оценки объективной действительности» [Гиршман 2008: 149]. Методология исследования базируется на синтезе культурно-семиотической и культурно-исторической стратегий изучения города¹, как они сложились в работах Вяч. Вс. Иванова, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, З. Г. Минца, Р. Д. Тименчика и др. Также учитывается опыт геокультурного (В. Г. Щукин, О. А. Лавренова, Д. Н. Замятин)² и геополитического (В. В. Абашев) подхода к исследованию пространственной образности.

Бийск многократно описан в документальных источниках: дневниках, воспоминаниях, письмах, географических справках, путевых заметках ученых и путешественников, посещавших город в XIX – начале XX вв. Согласно наблюдениям Д. С. Дегтярева, в подобной литературе образ города адекватно отражал меняющуюся реальность бийской жизни: пограничная крепость – купеческий городок – ворота в Европу для Монголии.

Негативные картины постепенно сменялись нейтральными и позитивными описаниями, «чему в немалой степени способствовало успешное социально-экономическое и культурное развитие Бийска» [Дегтярев 2017: 24].

Цель настоящей работы – обозначить и охарактеризовать реестр образов Бийска, исходя из анализа художественных произведений о городе. Заслуживает внимания то обстоятельство, что большинство обнаруженных произведений про Бийск принадлежат к литературным жанрам, тесно связанным с внехудожественной реальностью. Так, цикл В. Я. Шишкова «По Чуйскому тракту» (1914) относится к путевым очеркам, цикл В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» (1968) во многом автобиографический, роман А. М. Родионова «Князь-раб» (2006) является историческим, роман-притча Л. Е. Улицкой «Лестница Якова» (2015) основан на письмах из личного архива автора. Единого «ядра» – мифа, сюжета или языка, связывающего все эти тексты помимо объекта описания – города, нами не обнаружено. Тем самым говорить о наличии бийского текста в том структурно-историческом значении, которое проявил в петербургском тексте В. Н. Топоров, не представляется возможным. По-видимому, хотя «пресуществление материальной реальности в духовные ценности» [Топоров 1995: 259] состоялось, тем не менее, связь с реальным пространством остается слишком крепкой. Не случилось в русской литературе о Бийске

¹ О трех основных стратегиях изучения города в рамках тартуско-московской школы см.: [Пильщикова 2014].

² Обзор исследований в русле геокультурного подхода см. в: [Эртнер 2011].

яркого текста, который задал бы литературный канон. К тому же количество произведений о городе недостаточно велико, что не дает свершиться их преобразованию в качественно иное «целостное единство» [Топоров 1995: 261], диктующее автору, что писать. Уникальные семантические параметры города, как видится, на разных исторических этапах вписываются в парадигмы более крупных и системных образований, являются элементами сибирского и провинциального сверткестов.

Стройная линия преемственности исторических ролей и образов города Бийска при анализе художественных произведений начинает искривляться, превращаться в «сад расходящихся тропок» (Х.-Л. Борхес), в веерные возвращения к уже бывшему и сказанному. Линейное время закругляется, пространство мифологизируется. Указанные обстоятельства повлияли на логику демонстрации результатов исследования. В приоритете не хронологическая последовательность образов города от его возникновения до настоящего момента и не последовательность текстов по датам публикаций, а своего рода тезаурус образов города.

Военный острог. Подобно изначальным русским городам Сибири – Тюмени, Тобольску, Томску, Енисейску, Иркутску – Бийск вырастает из военного острога, а именуется по названию реки, на которой стоит. Бийская этиология связана с эпохой Петра I и этногенезом сибиряков. Так, Бронька Пупков, герой рассказа В. М. Шукшина «Миль пардон, мадам!» (1968), хвастает: «Откуда, мол! Вековые сибирские... Мы от казаков приходим, которые тут недалеко Бий-Катунск рубили, крепость. Это еще при царе Петре было. Оттуда мы и пошли, почесть вся деревня...» [Шукшин 2014, т. 3: 173]. Для семиотики любого города особо важными являются его имя, место, миф об основании или основателе. Как и у многих городов Урала и Сибири главным демиургом Бийска был Петр Великий¹. «Птенец гнезда Петрова» Матвей Гагарин, чьим непосредственным указом был основан острог, лишь воплощает царственную творящую волю, притом не вполне успешно. Подлинным создателем нового города и нового

этноса считается Петр I. Так, в сценарии документального фильма о Бийске «Наш город» (1967) осуществлена явная проекция на начало поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник»: «Здесь будет город заложен...» [Пушкин 1949: 375]. Кадроплан фильма следующий: «3. Указ Петра об основании „Бий-Катунска“. 4. Дикое место. Бия. „Вот здесь указал Петр...“» [Шукшин 1981: 73]. Симптоматично, что в 2010 г. в городе был установлен конный памятник Петру Великому, прозванный местными жителями «Сибирским Медным всадником».

В историческом романе А. М. Родионова «Князь-раб» про судьбу первого губернатора Сибири упоминание об основании города, с одной стороны, обеспечивает достоверность повествования. Петр I пеняет Гагарину, что калмыки спалили первый русский опорный пункт в Южной Сибири – Бикатунский острог (существовал с 1709 по 1710 гг.). С другой стороны, примечательна реплика государя: «И что за воеводы такие, у коих вчера был город, а ныне нет города! Ты вот в новую столицу приехал, а одного города не довез!» [Родионов 2006, т. 1: 15]. Приписывание реальным историческим лицам не подтвержденных документами высказываний, несомненно, выявляет авторскую концепцию. Бийск по своему положению на рубеже страны и политической функции (закрепление территориальных границ, пункт на стратегически важном военном и торговом маршруте) является своего рода проекцией Петербурга, его эквивалентом. Уничтожение острога знаково, может быть прочитано как начало воплощения эсхатологического пророчества петровских времен: «Петербургу быть пусту» [Топоров 1995: 262]. Гагарин мысленно сокрушается: «Так оно и будет во вся годы... <...> Так и будут шастать воры (калмыки – Т. Б.), пока эта прореха великая от Томи до Иртыша не будет зашита суровой ниткой. Ох! великая заплатка нужна на прореху! Бикатунь оказалась малой латкой, да и какой окажется еще одна...» [Родионов 2006, т. 1: 454]. Современный Бийск стоит на месте второй Бикатунской крепости, сооруженной в 1718 г. примерно на 20 км ниже по течению Оби от первой крепости. Но датой основания города считается воз-

¹ См., к примеру, историю основания Перми в: [Абашев 2000: 117–119].

никновение первого острога. Значит, Бийск рождается дважды¹, и оба раза он возникает как бы на месте пустоты, зияния. Энтропийные силы в периферийной Сибири, весьма отдаленной от нового центра России, гораздо могущественнее. Государству требуются дополнительные усилия, чтобы заполнить опасное Ничто.

Интересно, что в романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933) о Бийске времен коллективизации и начала индустриализации мыслится термином, возвращающим к основанию города: «Армии собственников отступали. Отряды победителей закладывали свои опорные крепости (разрядка моя. – Т. Б.) – фабрики зерна, масла, мяса» [Зазубрин 2012: 35]. Для мифопоэтического сознания писателя характерна циклическая модель времени, повторяемость событий на новом витке истории: «Медведей, маралов и козлов вытесняли алтайцы, алтайцев – русские, русских старожилы – новоселы» [Зазубрин 2012: 47]. Вот и теперь крестьян-собственников насильственно объединяют в коллективные хозяйства с целью обеспечения роста промышленности. Инвариантное событие мировой истории – выдавливание слабого более могучим – жидется на постулате социал-дарвинизма: «Выживает сильнейший». Отмечая кольцевую композицию романа, А. И. Куляпин интерпретирует ее как проявление писательской концепции деградирующего мира: «История вступает в очередной цикл, но новый каждый виток приближает мир к его окончательной гибели» [Куляпин 2019b: 114].

Индивидуально-авторская круговая модель исторического времени в связи с локусом Бийска находит подкрепление в локальной мифологии. Район слияния Бии и Катунь имел не только важное военно-торговое значение, но и сакральную ценность для всех обитавших здесь когда-либо народов. В различных древних культурах место образования большой реки из двух других крупных рек почиталось священным. Возле таких мест

ставили святилища, со временем вокруг них появлялись поселения. Многие сибирские города (Тобольск, Томск, Искер, Кузнецк, Абакан) возникли у слияния рек на месте архаичных религиозных пунктов. Существует мнение, что в зоне образования р. Обь стоял легендарный идол Золотой Бабы² [Кадиков 1993: 11]. По мнению С. Ю. Исупова, русский острог, поставленный в районе древнего капища, как бы знаменовал победу пришельцев над местными духами. Старинные кержацкие предания утверждали, что именно здесь в конце мира произойдет решающая битва между силами зла и добра [Исупов 2009: 28].

Итак, Бийск местом (в устье реки, на границе лесостепного и горного Алтая) и историей своего возникновения связан с сюжетом борьбы антагонистических сил (русских и степняков, наполненности и пустоты, порядка и хаоса, Запада и Востока, т. д.).

Город грязи. «Город Бийск прежде всего город грязи», – эффектно начинает свои очерки (1885–1886 гг.) Е. П. Клевакин, помощник бийского окружного полицейского исправника. Город «расположен на ровной местности, грунтом которой было прежде русло реки, а потом образовалось болото», – поясняет очеркист [цит. по: Старцев 1994: 116]. В документальной прозе этого исторического периода грязь – главная доминанта города [Дегтярев 2017: 25]. Ситуация мало изменилась к началу XX в. В очерках «По Чуйскому тракту» (1914) В. Я. Шишков негодует: «Что за бийские улицы, что за отвратительная, невообразимая грязь. <...> Улицы – сплошная топь, вонь, мерзость, азиатчина. Дороги мостят щепой, навозом, дохлыми костями, опорками, пимами» [Шишков 1986: 142]. Впрочем, грязь – одна из базовых черт образа любого провинциального городка³.

Реалистичные картины провинциального убожества приобретают мифопоэтические коннотации в романе В. Я. Зазубрина «Горы» о Сибири 1930-х гг. Грязь в его трактовке есть проявление природного хаоса, конфликтного человеческого порядку: «Царь тут сковал

¹ В названии города невольно прочитывается семантика двойственности: «би» = «дважды». Естественно, этот смысл не имеет отношения к достоверной этимологии слова.

² Загадка месторасположения Золотой Бабы многократно становилась предметом беллетристики об Урале и Сибири [Мароши 2007].

³ См., например, описание типичных провинциальных городов Восьегонска [Лурье 2001: 132], Ельца [Кривонос 2007: 122].

столько людей. Природа – дикая и своевольная была свободна. <...> Стихия, враждебная человеку, наступала на улицу пылью, грязью, лезла травяной зеленью между камнями редких мостовых, грибной ржавчиной разъедала стены, осыпала штукатурку. <...> Особенно остро Безуглый почувствовал ее необузданную силу в Бийске, когда возвращался от ямщика в гостиницу. <...> Дорога под ногами опасно прогибалась. Он с опаской смотрел на редкие высокие дома. Ему казалось, что под ними также зыблется почва и что они каждую минуту могут исчезнуть в колыхающейся утробе земли. <...> Он понял, что слушает шумы вечного движения мира, его непрерывных превращений» [Зазубрин 2012: 108–109]. Таким образом, главная битва, которая происходит в бийском локусе, – это сражение Цивилизации и Природы. Данная универсальная для любого города конфликтная ситуация время от времени разрешается катаклизмами (наводнение, пожар, землетрясение и пр.).

В Бийске ток мировой энергии наиболее ощутим. Как и все города «эксцентрического» типа, Бийск, расположенный «на краю» и на перекрестке (рядом с устьем реки), описывается при помощи антитезы «естественное / искусственное» [Лотман 2000: 321]. Вечная борьба стихии и культуры может истолковываться в русле «победы разума над стихиями» или «извращенности естественного порядка» [Лотман 2000: 321]. Для Заzubрина более приемлем первый вариант. Писатель использует типичную советскую метафорику тех лет: революция-стихия (1920-е гг.), «преодоление стихии и стихийности» (1930-е гг.) [Куляпин 2019b: 107]. Более того, подобный сюжет взаимоотношений Хаоса и Космоса усматривается в символическом пространстве всей Сибири. Анализ географической составляющей русской поэзии XVIII – начала XX вв. показал, что «Сибирь попадает в категорию Хаоса», однако «Хаос постепенно организуется к началу XX века» [Лавренова 1998: 80]. Как видим, индивидуально-авторская мифология Бийска строится по лекалам любого города, шире, любого пространства, находящегося на границе «своего» и «чужого», в процессе освоения «чужого» «своим».

Таким образом, грязь – одна из констант Бийска конца XIX – начала XX вв., может быть

маркером провинциального захолустья внутри оппозиции «столица – провинция» (В. Я. Шишков), а может и подвергаться мифологизации в системе отношений «Природа – Цивилизация», «Хаос – Космос» (В. Я. Заzubрин).

Город-узилище. Слово «острог», как известно, означает не только определенный тип укрепления, но и тюремное сооружение. А. М. Родионов описывает процесс строительства Белоярского острога (будущий г. Новоалтайск), поставленного в 1717 г., за год до второго Бикатунского. Обе крепости позднее вошли в состав старой Кольвано-Кузнецкой оборонительной линии (1741–1768). Полагаем, что семантика обеих острогов типологически сходна. Крепость строят крестьяне, насильственно согнанные для работы. Возводимое подневольными людьми строение, призванное оберегать его жителей от нападений кочевников, ощущается персонажами как гибельный локус: «Площадка крепостная на всхолмье как будто пустилась в глубь возвышения, стены вдавливали человека в землю не только своей тяжестью, сколько их грузным видом. Через неделю другую из-за стены не стало видно и окрестных сосен. Тогда Степан и Михаила молча переглядывались, и каждый понял товарища – сами себя в узилище засадили...» [Родионов 2006, т. 2: 206]. Впрочем, движение по вертикали обратимо, углубление компенсируется возвышением: «...сидели они вместе с Кривошеком на вершине башни на двадцатом ее венце. Они каждый день ее поднимали, ряд за рядом, и она поднимала их, возносила...» [Родионов 2006, т. 2: 211]. Вот почему помимо персонажей, желающих сбежать из острога, есть такие, для которых это пространство становится родным: «Кривошек, будто забывшись, что робит исподволь, делал свое дело аккуратно <...>. Рубил – будто себе избу ставил» [Родионов 2006, т. 2: 211]; «– Прикипел я к этой крепости, будь она не ладна...» [Родионов 2006, т. 2: 212]. Характерная для семантики острога амбивалентность, компенсация физической неволи свободой творческой самореализации найдет дальнейшее подкрепление в бийских эпизодах романа Л. Е. Улицкой «Лестница Якова».

Бийск середины 1934–1937 гг. описан в письмах Якова Осецкого, героя романа Л. Е. Улицкой. Персонаж, как и его прототип,

дед писательницы Яков Самойлович Улицкий, оказался в городе из-за ссылки. В Новосибирске ссыльному предложили несколько городов, он «наугад» выбрал Бийск, который сначала описывает объективно, как ученый: «город небольшой, река Бия, холодная многоводная сибирская река. Вероятно, культурных людей мало. <...> Город равнинный, но очень близко высокие алтайские горы, куда туристы и едут. Но самый Бийский район не горный, а равнинный...» [Улицкая 2019: 535–536].

Являясь своего рода «внесистемным» человеком, Яков смотрит на провинциальный город извне, вынося о нем суждения и оценки. Так, посещение вечеринки удосуживается следующего комментария: «Провинциальное веселье весьма ограничено. Масса дурного вина и еды, и шум как суррогат веселья. Чем громче, тем веселее. <...> Тут я чувствую себя провалившимся в какой-то средней руки русский роман девятнадцатого века. Это русская провинция – как будто ничего не меняется со времен Островского¹...» [Улицкая 2019: 549–550]. «Провинциальный мещанский городок с его затхлым бытом», бессобытийным циклическим временем [Бахтин 1975: 325] служит контрастом наполненной смыслом и целесообразностью интеллектуальной жизни героя. «Острое чувство интеллектуального вакуума» в невежественной глуши, как правило, сопровождает сюжет о пребывании столичного жителя в провинции [Лурье 2001: 130].

Поработав тапером в танцклассе, Яков иронизирует: «...фокстротизация Бийска идет невероятным темпом. Целые учреждения от курьера до председателя записываются в танцклассы. Такие солидные люди, как председатель Маслотреста, местный прокурор и начальник местной милиции, фокстротируют! Скоро, вероятно, дойдет речь и до банка. Солидные люди прячут свое смущение за ширму коллективности: весь коллектив

танцует, неудобно отставать» [Улицкая 2019: 549]. Данный пассаж напоминает известные эпизоды романа М. М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: безудержный фокстрот под «Аллилуйя» В. Юманса в Доме Грибоедова и коллективное безумие, которое охватило сотрудников Варьете и проявлялось в неконтролируемом хоровом пении. В 1932–1941 гг. массовый танец и песня выступали как «выражение счастливой жизни в стране победившего социализма»² [Алякринская 2012: 27]. Как видим, массовая культура Бийска, вопреки сложившемуся стереотипу об отставании провинции от столицы³, идет в ногу со временем. Но и такой Бийск выступает контрастом музыкальным интересам героя, не зависящим от веяний моды.

Самодостаточность Якова Осецкого при любых внешних обстоятельствах, связанная с умственным характером его труда, работой с книгами, музыкальными занятиями, позволяет ему написать: «Я сейчас живу идеально» [Улицкая 2019: 553]. В Бийске «шло накопление» интеллектуальных сил [Улицкая 2019: 569], здесь Яков, в московской жизни отдалившийся было от музыки, с которой был связан с детства, к ней «снова приблизился» [Улицкая 2019: 570] – начал писать трехтомный учебник по мировой музыкальной культуре. На Алтае Яков чудесным образом «вылечился от зуда» – кожной экземы, периодически поражающей его на протяжении 20 лет: «Зуда нет. Сплю как младенец» [Улицкая 2019: 558]. Единственное, что способно подкосить героя и превратить райское существование в подобие ада – разлука с женой: «...само твое присутствие около меня – лучшее лекарство, которое освобождает меня от этой болезни. И не в физиологическом смысле, а в более возвышенном!» [Улицкая 2019: 558].

История взаимоотношений Якова с женой строится как челночное движение: вместе – порознь. Разлука – время учебы Маруси в Мо-

¹Творчество А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, А. П. Чехова вслед за «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя является основой канона изображения провинции в художественной литературе и публицистике [Казари 2000: 164–168; Лурье 2001: 139–140; Строганова 2000: 200–203].

²Примечательно, что фокстрот, требовавший соответствующей экипировки, в первую очередь был танцем новой управленческой элиты, атрибутом ресторанной, парковой, курортной субкультуры. В связи с фокстротом наблюдалось «характерное для сталинского времени явление культуры – ситуация „двойной жизни“. Официально фокстрот не пропагандировался... <...> Вместе с тем в неофициальной культуре фокстрот был модным и востребованным танцем», «абсолютным чемпионом танцплощадок» [Алякринская 2012: 28].

³В России «движение в направлении столица → глубинка фактически означало путешествие во времени», из настоящего в прошлое [Зайонц 2004: 427].

скве (1911), служба Якова вольноопределяющимся (1912–1913), в военном оркестре (1916), каникулы Марии с сыном в Крыму (1925), ссылка Якова в Сталинград (1931–1933), в Бийск (1934–1937), развод и работа на руднике, наконец, Абезьский лагерь для инвалидов. Каждое отпадение от главного человека в жизни Якова – Марии, происходит все более болезненно, увеличивается расстояние между супругами, срок разлуки, вместе с тем ослабляется и привязанность Марии к мужу. Путь Якова подобен спуску Данте по кругам ада¹.

Именно в Бийске происходит окончательный разрыв. Мария почти не пишет, заводит роман, подает на развод. Яков еще не знает о произошедшем, но остро ощущает одиночество: «Такое чувство затерянности в сибирских просторах и сознание полной беспомощности. К тому же вернулась моя шелудивая подруга экзема. Мне кажется, она вернулась от моей тоски твоим прикосновениям...» [Улицкая 2019: 555]. Тем самым, Бийск – один из кругов ада, что соответствует сложившейся в культуре мифопоэтике Сибири [Лотман 1997: 723–724; Тюпа 2002]. Впрочем, ретроспективно, в последнем лагере около полярного круга Бийск вновь начинает осознаваться Яковым как рай: «Второй год, с тех пор как левая нога отказала и ходить он мог только с костылем, он жил в Абези. Лагерь был худшим из всех, в которых пришлось ему побывать, а годы ссылок вспоминались теперь почти как райский сад. Осмысленные, крепкие годы, овечьи надеждой, полные планов, разнообразных замыслов, работы...» [Улицкая 2019: 678]. «Райские» коннотации также являются «общим местом» пространства Сибири [Анисимов 2007], особенно Алтая.

В бийском «рае», что закономерно, происходит и «грехопадение» [Улицкая 2019: 599] – Яков впервые в жизни изменил Марии. Обострившуюся от разлуки с женой экзему приехала лечить «безумная Ася»: «Бурая жижа в бутылке, которую она везла за тридевять земель, должна была исцелить его от страданий. Это была миссия, а не обыкновенная поездка дальней родственницы к ссыльному в дека-

бристскую даль. Ах, как жаль, что не Маруся была на ее месте, ведь приезд жены обрадовал бы Якова гораздо больше!» [Улицкая 2019: 595]. Как это свойственно поэтике Л. Е. Улицкой, в эпизоде излечения больного «проказой» [Улицкая 2019: 558] (так называет экзему герой), сложным образом сплелось несколько сюжетов: об Иове, о Петре и Февронии², о жене декабриста. Бийский хронотоп тем самым метафорически отождествляется с ветхозаветной «землей Уц», что в Аравии, древнерусским Муромом и всей Сибирью XIX в. Нелюбимая, но милосердная Ася становится новой спутницей Якова по кругам ада.

Как видим, вырастающая из реальной осторожной роли ссыльная функция города может осмыслиться символически, в категориях «ада – рая». Данная оппозиция входит в парадигмы как сибирского, так и провинциального сверхтестов.

Антитеза деревне. Оппозиция «Цивилизация – Природа», столь ярко и гиперболизировано проявившая себя в связи с Бийском у В. Я. Зазубрина, снижает свой накал в ностальгическом рассказе А. П. Соболева «Тополиный снег» (1978). Здесь она предстает в типичном для советской культуры варианте: «город – деревня».

Писатель прибегает к аллюзии на эпизод соперничества жеребенка и поезда из поэмы С. А. Есенина «Сорокоуст» (1920). Аналогичное соревнование жеребенка и автобуса, в противовес претексту, решается оптимистично. Жеребенок обогнал сбавивший скорость автобус. Деревня, локус детского рая, в модели мира рассказчика бесспорно выигрывает. А город 1930-х гг., который казался ребенку «сказочным», волшебной «другой землей, другим миром» [Соболев 2012: 23], взрослым сознанием отрицается как место неподлинного бытия. Ценности провинциального Бийска весьма призрачны, что раскрывается в отдаленной перспективе: мальчик испытывал «сладкий страх», когда видел женщину-паука в балагане. Фокус, рассуждает взрослый рассказчик, строился при помощи оптического обмана посредством множества зеркал.

¹ Эта аналогия тем более уместна, что уже была употреблена А. И. Солженицыным в сходном историческом контексте. Как известно, роман «В круге первом» строится на уподоблении спецтюрьмы, где трудятся советские ученые, первому кругу ада Данте, где пребывают античные мудрецы.

² Любопытно, что в 2011 г. в Бийске поставили памятник Петру и Февронии.

Аналогичный «фокус», связанный с визуальным кодом, осуществлен в кинотеатре. Отец и мальчик впервые посмотрели озвученную картину – «Мы из Кронштадта» (1936). Потрясение от увиденного оформилось в слова отца, которые сын пронес «через всю жизнь»: «Ты, парень, запомни до гроба – нет на свете силы сильнее, чем партия большевиков! Видал, как она народ подняла?» [Соболев 2012: 22]. Для рассказчика это несомненная истина. Для современного читателя понятна сомнительность этой максимы.

В произведении советского писателя намечены контуры библейского сюжета о блудном сыне. Иллюзии, сманившие юношу с родных мест в малые и большие города, со временем рассеялись, а «отчий край», «родимые места» стали «землей обетованной» [Соболев 2012: 21], куда и возвращается рассказчик. Сначала временно – на лечение в Белокуриху, потом мысленно – в процессе текстопостроения, наконец, посмертно – А. П. Соболев похоронен в с. Смоленском под г. Бийском.

Отношение к Бийску в рассказе Соболева претерпевает изменения от положительной оценки к отрицательной: сказочный город, каким он ощущался в детстве, для взрослого становится городом иллюзий, противопоставленным подлинному раю деревни. Обратная трансформация, также связанная с оппозицией «город – деревня», осуществляется в автобиографическом цикле В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» (1968). Бийск изображен дважды: в открывающем цикл рассказе «Первое знакомство с городом» (там семья будущего писателя жила в 1940–1941 гг.) и в заключительном рассказе «Самолет» (начало учебы Василия в автотехникуме в 1945 г.). Переезд семейства в город связан с ломкой привычного уклада жизни и воспринимается десятилетним мальчиком в штыки. В первом рассказе дана реалистичная характеристика провинциального города Б.¹: «ближайший от нас, весь почти деревянный, бывший купеческий, ровный и грязный» [Шукшин 2014: 149]. Затем она сменяется психологизированной и мифологизированной картиной: «...Приехали в город затемно. Я не видел

его. Папка чудом находил дорогу: сворачивали в темные переулки, громыхали колесами по булыжнику улиц... Раза два он только спрашивал у встречных, встречные объясняли что-то на тарабарском языке: надо еще до конца Осовиахимовской, потом свернуть к Казармам, потом будет Дегтярный... <...>

– Скоро, скоро, – бодрится папка. – Еще свернем на одну улицу, потом в переулок – и дома.

<...> Страшно здесь, все чужое, можно легко заблудиться» [Шукшин 2014, т. 3: 151]. Тревоги и опасения новоселов превращают невидимый город в лабиринт, подобие потустороннего мира.

Предлагаемые этим миром ценности – электрическое освещение, игрушечный самолетик, сайка – ведут к конфликтам между мужем и женой, братом и сестрой, детьми и хозяевами дома. Истинными ценностями для подростка остаются «родимая река» и степной простор [Шукшин 2014, т. 3: 150], деревня, которую он вынужденно покинул и куда пытается вернуться. В то же время город – место реализации мечты для взрослых (устройство рабочим «на фабрику или в мастерскую каковую» для отчима, курсы портних для матери [Шукшин 2014, т. 3: 151]).

Подобная двойственность городского локуса сохраняется в последнем рассказе цикла «Самолет». С одной стороны, подчеркивается негативный опыт: «Городские ребята не любили нас, деревенских, смеялись над нами, презирали» [Шукшин 2014, т. 3: 168]. Сформированный этими конфликтами «травматический комплекс», считают исследователи, позднее обусловил противостояние города и деревни в творчестве Шукшина [Козлова 2011: 144]. С другой стороны, повторяющийся в первом и последнем рассказах образ самолета не просто создает кольцевую композицию цикла [Калашникова 2007: 116], но и подчеркивает изменения в личности повзрослевшего героя. Если игрушечный самолет ссорит брата и сестру [Шукшин 2014, т. 3: 152], то настоящий самолет выполняет не прагматическую, а символическую функцию: переносит из мира быта и фальши в мир мечты. Город

¹ Сокращенная номинация города не только позволяет его «зашифровать», но и отчасти лишает индивидуальности, подчеркивает типичность провинциального городка. См. подробнее: [Белуосов 2004: 457].

становится для повзрослевшего подростка тем, чем он был для его родителей – пространством открывающихся возможностей. Задаётся иной вектор пути, чем в первом рассказе: не из деревни в город и обратно, а из деревни в город и дальше, в иные города и страны. Не случайно в интервью 1967 г. В. М. Шукшин признавал, что с Бийска «началось мое знакомство с большой жизнью» [Шукшин 2014, т. 8: 146]. Данью признательности городу можно считать тот факт, что в 1967 г. Шукшин принял участие в создании документального фильма о Бийске «Наш город». Он снялся в главной роли – «человека, сравнивающего по личным впечатлениям старый и новый Бийск» [Муравинская 2011: 285].

Как видим, оппозиция «город – деревня» отчасти совпадает с оппозицией «столица – провинция», образуя триаду: «столица – провинциальный город – деревня», с увеличением патриархальности и стабильности, этнографической уникальности и культурной инаковости слева направо. Эта динамика может психологически переживаться субъектом как положительно («малая родина» – спасительный оплот), так и негативно (отсталость, ограниченность, оковы).

Город-медиатор. В момент возникновения Бийска главной функцией острога была оборонительная – закрыть границу. Когда военная угроза со стороны степняков исчезла, на первый план вышла иная функция города – медиативная, соединительная. Соответственно, актуальной стала иная образность. Известно высказывание Г. Н. Потанина: «Бийск – это „окно в Европу“ для Монголии» (письмо С. Ф. Ольденбургу от 12 августа 1917 г.) [Потанин 1991: 149]. Сибирский областник использует крылатую фразу, отнесенную А. С. Пушкиным в «Медном всаднике» к Петербургу, на момент основания тоже пограничному городу. Для «экстерриториальных» городов характерно употребление образов, соединяющих в себе идею «замкнутости / разомкнутости»: окно, дверь, ворота¹. Например, Челябинск – «окно в Азию» [Милукова 2000] и «ворота в Сибирь». Тот же статус оспаривают Екатеринбург и Тюмень: «Хоть и говорят, что Екатеринбург – ворота в Сибирь,

но по всей справедливости это название заслуживает Тюмень» [Телешов 1897: 77–78]. Интересно, что в реплике Потанина вектор пути обратный сложившемуся: не из европейской России в азиатскую Сибирь, а из Монголии в Европу. Былой агрессивной, захватнической стратегии государства противопоставлена новая, дружески-посредническая.

То обстоятельство, что Бийск стоит в начале Чуйского тракта, обуславливает композиционную роль бийского локуса в художественном тексте: он открывает и / или завершает сюжет, основанный на хронотопе дороги. Так, Бийск появляется в первой главе путевых очерков В. Я. Шишкова «По Чуйскому тракту». В рассказе К. Г. Паустовского «Правая рука» (1943), при мифопоэтическом его прочтении, Бийск оказывается своего рода границей между миром живых и мертвых. В начале рассказа именно из Бийска герой попадает в Белокуриху, наделенную признаками раеподобного пространства. В конце рассказа герой уходит пешком в Бийск на железную дорогу, чтобы окончательно «ожить» [Куяпин 2019а]. Бийском начинается и заканчивается рассказ М. И. Веллера «Конь на один перегон» (1983). Кольцевая композиция как бы затягивает лассо-удавку на шею неликвидного коня и его «двойника» – перегонщика [Веллер 2012].

Наконец, в биографии авторов и их героев Бийск «есть рубеж», своего рода ворота в жизнь, он «встречает и провожает людей», «учит их профессии», «учит быть человеком», – говорил В. М. Шукшин [Шукшин 2014, т. 8: 146–149].

Завершая обзор основных образов Бийска, позволим себе процитировать Якова Осецкого / Улицкого. Бийск «как тема для экономической монографии не очень богатый. Но чем беднее тема, тем многостороннее ее можно развернуть. Она должна быть развернута до стадии исчерпания» [Улицкая 2019: 536]. Как тема для геопоэтического исследования Бийск тоже не самый продуктивный город. Мы, конечно, не ставили себе заведомо утопическую задачу исчерпать эту тему, но постарались развернуть ее как можно более разносторонне.

¹ Впрочем, многие провинциальные города мнят себя «окном в Европу» [Клубкова 2000: 27].

Литература

- Абашев, В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2000. – 404 с.
- Алякринская, М. А. Танец и идеология: фокстрот в советской культуре 1920–1930-х гг. / М. А. Алякринская // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 3. – С. 24–30.
- Анисимов, К. В. Парадигматика и синтагматика «Сибирского текста» русской литературы / К. В. Анисимов // Сибирский текст в русской культуре / под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебrenникова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. – Вып. 2. – С. 60–76.
- Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
- Белоусов, А. Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) / А. Ф. Белоусов // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 457–482.
- Веллер, М. И. Конь на один перегон / М. И. Веллер // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология : в 5 т. / под общ. ред. А. И. Куляпина. – Барнаул, 2012. – Т. 5: 1970–1980 гг. – С. 375–386.
- Гиршман, М. М. Образ художественный / М. М. Гиршман, А. В. Домашенко // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М. : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 149–151.
- Дегтярев, Д. С. Город Бийск глазами ученых и путешественников XIX – начала XX вв. / Д. С. Дегтярев // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 24–28.
- Зазубрин, В. Я. Горы : роман / В. Я. Зазубрин // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология : в 5 т. / под общ. ред. А. И. Куляпина. – Барнаул, 2012. – Т. 3: 1917–1945 гг. – С. 17–200.
- Зайонц, Л. О. Русский провинциальный «миф» (К проблеме культурной типологии) / Л. О. Зайонц // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 427–256.
- Исупов, С. Ю. Крепость Бийская есть главная... / С. Ю. Исупов. – Барнаул : Азбука, 2009. – 302 с.
- Кадииков, Б. Х. Главы из истории: образование Бийска / Б. Х. Кадииков // Бийск. – 1993. – № 1. – С. 4–17.
- Казари, Р. Русский провинциальный город в литературе XIX в.: парадигма и варианты / Р. Казари // Русская провинция: миф – текст – реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – М. ; СПб. : Тема, 2000. – С. 164–170.
- Калашникова, Т. А. Из детских лет Ивана Попова / Т. А. Калашникова // Творчество В. М. Шукшина : энциклопедический словарь-справочник : в 3 т. – Барнаул : АлтГУ, 2007. – Т. 3. – С. 113–116.
- Клубкова, Т. В. Русский провинциальный город и стереотипы провинциальности / Т. В. Клубкова, П. А. Клубков // Русская провинция: миф – текст – реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – М. ; СПб. : Тема, 2000. – С. 20–30.
- Козлова, С. М. «Из детских лет Ивана Попова» / С. М. Козлова // Шукшинская энциклопедия. – Барнаул, 2011. – С. 143–146.
- Кривонос, В. Ш. От Марлинского до Пригова: Филологические студии / В. Ш. Кривонос. – Самара : СГПУ, 2007. – 312 с.
- Куляпин, А. И. Белокуриха / А. И. Куляпин // Литературная мифология Алтая : коллективная монография / Е. А. Худенко, А. И. Куляпин, Т. А. Богумил [и др.] ; науч. ред. Е. А. Худенко. – Барнаул, 2019а. – С. 76–81.
- Куляпин, А. И. История и миф в романе В. Зазубрина «Горы» / А. И. Куляпин // Литературная мифология Алтая : коллективная монография / Е. А. Худенко, А. И. Куляпин, Т. А. Богумил [и др.] ; науч. ред. Е. А. Худенко. – Барнаул, 2019б. – С. 107–114.
- Лавренова, О. А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX в. (геокультурный аспект) / О. А. Лавренова. – М. : Институт Наследия, 1998. – 128 с.
- Лотман, Ю. М. Символика Петербурга / Ю. М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – С. 320–334.
- Лотман, Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия / Ю. М. Лотман // О русской литературе. – СПб. : Искусство-СПб, 1997. – С. 712–729.
- Лурье, М. Л. «Весьегонск городишко пребеднейший» (Взгляд на уездный город в путевых заметках XIX века) / М. Л. Лурье // Провинция как реальность и объект осмысления / сост. А. Ф. Белоусов, М. В. Строганов. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2001. – С. 124–140.
- Мароши, В. В. Использование мифопоэтического ресурса в современной региональной прозе: охота за Сорни-Най / В. В. Мароши // Литература Урала: история и современность : сборник статей. – Екатеринбург : Союз писателей, 2007. – Вып. 3, т. 2. – С. 266–278.
- Марьин, Д. В. Несобственно-художественное творчество В. М. Шукшина / Д. В. Марьин. – Барнаул : АлтГУ, 2015. – 389 с.
- Милюкова, Е. В. Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы / Е. В. Милюкова // Русская провинция: миф – текст – реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – М. ; СПб. : Тема, 2000. – С. 347–361.
- Муравинская, Л. И. Бийск / Л. И. Муравинская // Творчество В. М. Шукшина : энциклопедический словарь-справочник : в 3 т. – Барнаул : АлтГУ, 2007. – Т. 3. – С. 284–285.
- Пильщиков, И. От редакторов / И. Пильщиков, Н. Поселягин, М. Трунин // Семиотика города : материалы Третьих Лотмановских дней в Таллинском университете (3–5 июня 2011 г.) / ред.-сост. И. А. Пильщиков. – Таллин, 2014. – С. 2–26.
- Потанин, Г. Н. Письма Г. Н. Потанина : в 5 т. / Г. Н. Потанин ; гл. ред. Ю. П. Козлов. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1991. – Т. 5. – 272 с.
- Пушкин, А. С. Медный всадник / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 10 т.. – М. ; Л. : АН СССР, 1949. – Т. 4. – С. 375–396.

- Родионов, А. М. Князь-раб : исторический роман : в 2 т. / А. М. Родионов. – Новосибирск : Сова, 2006.
- Старцев, А. В. Е. П. Клевакин. Очерки о бийской жизни / А. В. Старцев // Культурное наследие Сибири. – Барнаул, 1994. – С. 114–127.
- Строганова, Е. Н. «Миниатюрный мир» провинции в русской прозе 1830-х – первой половины 1840-х гг. / Е. Н. Строганова // Русская провинция: миф – текст – реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – М. ; СПб. : Тема, 2000. – С. 196–205.
- Телешов, Н. Д. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири / Н. Д. Телешов. – М. : Типография И. Д. Сытина, 1897. – 215 с.
- Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное / В. Н. Топоров. – М. : Прогресс – Культура, 1995. – 624 с.
- Тюпа, В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы / В. И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27–35.
- Улицкая, Л. Е. Лестница Якова : роман / Л. Е. Улицкая. – М. : АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2019. – 732 с.
- Шишков, В. Я. Чуйские были / В. Я. Шишков. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1986. – 496 с.
- Шукшин, В. М. Вопросы самому себе / В. М. Шукшин. – М. : Молодая гвардия, 1981. – 255 с.
- Шукшин, В. М. Собрание сочинений : в 9 т. / В. М. Шукшин. – Барнаул : Барнаул, 2014. – Т. 3, Т. 8.
- Эртнер, Е. Н. Геокультурный подход к исследованию пространственной образности русской литературы / Е. Н. Эртнер // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 6–12.

References

- Abashev, V. V. (2000). *Perm' kak tekst: Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as a text: Perm in the Russian culture and literature of the 20th century]. Perm, Izdatel'stvo Permskogo universiteta. 404 p.
- Alyakrinskaya, M. A. (2012). Tanets i ideologiya: fokstrot v sovetskoi kul'ture 1920–1930-kh gg. [Dance and ideology: Foxtrot in the Soviet culture of the 1920s–1930s]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. No. 3, pp. 24–30.
- Anisimov, K. V. (2007). Paradigmatika i sintagmatika «Sibirskogo teksta» russkoi literatury [Paradigmatics and syntagmatics of the “Siberian text” of Russian literature]. In Kazarkin, A. P., Serebrennikov, N. V. (Eds.). *Sibirskii tekst v russkoi kul'ture*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. Issue 2, pp. 60–76.
- Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 504 p.
- Belousov, A. F. (2000). Simvolika zakholust'ya (oboznachenie rossiyskogo provintsial'nogo goroda) [Outback symbolism (designation of a Russian provincial city)]. In Zaients, L. O. (Ed.). *Geopanorama russkoi kul'tury: Provintsiya i ee lokal'nye teksty*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 457–482.
- Degtyarev, D. S. (2017). Gorod Biisk glazami uchenykh i puteshestvennikov XIX – nachala XX vv. [The city of Biysk through the eyes of scientists and travelers of the 19th – early 20th centuries]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1, pp. 24–28.
- Ertner, E. N. (2011). Geokul'turnyi podkhod k issledovaniyu prostranstvennoi obraznosti russkoi literatury [Geocultural approach to the study of the spatial imagery of Russian literature]. In *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1, pp. 6–12.
- Girshman, M. M., Domashchenko, A. V. (2008). Obraz khudozhestvennyi [Artistic image]. In Tamarchenko, N. D. (Ed.). *Poetika : slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy*. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada, pp. 149–151.
- Isupov, S. Yu. (2009). *Krepost' Biiskaya est' glavnaya...* [Biisk fortress is the main...]. Barnaul, Azbuka. 302 p.
- Kadikov, B. Kh. (1993). Glavy iz istorii: obrazovanie Biiska [Chapters from history: The formation of Biysk]. In *Biysk*. No. 1, pp. 4–17.
- Kazari, R. (2000). Russkii provintsial'nyy gorod v literature XIX v.: paradigma i variant [Russian provincial city in the literature of the 19th century: Paradigm and options]. In Belousov, A. F., Tsivian, T. V. (Eds.). *Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost'*. Moscow, Saint Petersburg, Tema, pp. 164–170.
- Kalashnikova, T. A. (2007). «Iz detskikh let Ivana Popova» [“From the childhood years of Ivan Popov”]. In *Tvorchestvo V. M. Shukshina : entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik, in 3 vols*. Barnaul, AltGU. Vol. 3, pp. 113–116.
- Klubkova, T. V., Klubkov, P. A. (2000). Russkii provintsial'nyi gorod i stereotipy provintsial'nosti [A Russian provincial city and stereotypes of provinciality]. In Belousov, A. F., Tsivian, T. V. (Eds.). *Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost'*. Moscow, Saint Petersburg, Tema, pp. 20–30.
- Kozlova, S. M. (2011). «Iz detskikh let Ivana Popova» [“From the childhood years of Ivan Popov”]. In *Shukshinskaya entsiklopediya*. Barnaul, pp. 143–146.
- Krivosos, V. Sh. (2007). *Ot Marlinskogo do Prigova: Filologicheskie studii* [From Marlinsky to Prigov: Philological studies]. Samara, SGPU. 312 p.
- Kulyapin, A. I. (2019b). Belokurikha [Belokurikha]. In Khudenko, E. A., Kulyapin, A. I., Bogumil, T. A., et al. *Literaturnaya mifologiya Altaya*. Barnaul, pp. 76–81.
- Kulyapin, A. I. (2019a). Istoriya i mif v romane V. Zazubrina «Gory» [History and myth in the novel by V. Zazubrin “Mountains”]. In Khudenko, E. A., Kulyapin, A. I., Bogumil, T. A., et al. *Literaturnaya mifologiya Altaya*. Barnaul, pp. 107–114.
- Lavrenova, O. A. (1998). *Geograficheskoe prostranstvo v russkoi poezii XVIII – nachala XX v. (geokul'turnyi aspekt)* [Geographical space in the Russian poetry of the 18th – early 20th centuries (geocultural aspect)]. Moscow, Institut Naslediya. 128 p.

- Lotman, Yu. M. (2000). Simvolika Peterburga [Symbolism of Saint Petersburg]. In *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysl'yashchikh mirov*. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb, pp. 320–334.
- Lotman, Yu. M. (1997). Syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya [The plot space of the Russian novel of the 19th century]. In *O russkoi literature*. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb, pp. 712–729.
- Lur'ye, M. L. (2001). «Ves'egonsk gorodishko prebvedneyshii» (Vzglyad na uyezdnii gorod v putevykh zametkakh XIX veka) [“Ves'yegonsk is apooorest town” (A look at a county town in the travel notes of the 19th century)]. In Belousov, A. F., Stroganov, M. V. (Comp.). *Provintsiya kak real'nost' i ob'ekt osmysleniya*. Tver, Izdatel'stvo Tverskogo gosudarstvenno-gou universiteta, pp. 124–140.
- Maroshi, V. V. (2007). Ispol'zovanie mifopoeticheskogo resursa v sovremennoi regional'noi proze: okhota za Sorni-Nai [Using mythopoietic resource in contemporary regional prose: The hunt for Sorni-Nai]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sbornik statei*. Ekaterinburg, Soyuz pisatelei. Iss. 3. Vol. 2, pp. 266–278.
- Mar'in, D. V. (2015). *Nesobstvenno-khudozhestvennoe tvorchestvo V. M. Shukshina* [Non-fiction works by V. M. Shukshin]. Barnaul, AltGU. 389 p.
- Milyukova, E. V. (2000). Chelyabinsk: okno v Aziyu ili krai obratnoi perspektivy [Chelyabinsk: A window to Asia or the edge of the opposite perspective]. In Belousov, A. F., Tsivian, T.V. (Eds.). *Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost'*. Moscow, Saint Petersburg, Tema, pp. 347–361.
- Muravinskaya, L. I. (2007). Biisk [Biysk]. In *Tvorchestvo V. M. Shukshina : entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik, in 3 vols*. Barnaul, AltGU. Vol. 3, pp. 284–285.
- Pil'shchikov I., Poselyagin N., Trunin M. (2014). Ot redaktorov [From the editors]. In Pil'shchikov, I. A. (Ed.). *Semiotika goroda : materialy Tret'ikh Lotmanovskikh dnei v Tallinskom universitete (3–5 iyunya 2011 g.)*. Tallin, pp. 2–26.
- Potantin, G. N. (1991). *Pis'ma G. N. Potanina : v 5 t.* [G. N. Potanin's letters. In 5 vols.] / ed. by Yu. P. Kozlov. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. Vol. 5. 272 p.
- Pushkin, A. S. (1949). Mednyi vsadnik [Bronze Horseman]. In *Polnoe sobranie sochinenii, in 10 vols*. Moscow, Leningrad, AS USSR. Vol. 4, pp. 375–396.
- Rodionov, A. M. (2006). *Knyaz'-rab : istoricheskii roman : v 2 t.* [Prince-slave: Historical novel, in 2 vols.]. Novosibirsk, Sova.
- Startsev, A. V. (1994). E. P. Klevakin. Ocherki o biiskoi zhizni [E.P. Klevakin. Essays on Biysk life]. In *Kul'turnoe nasledie Sibiri*. Barnaul, pp. 114–127.
- Shishkov, V. Ya. (1986). *Chuiskie byli* [Chuya highway's stories]. Barnaul, Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo. 496 p.
- Shukshin, V. M. (1981). *Voprosy samomu sebe* [Questions to myself]. Moscow, Molodaya gvardiya. 255 p.
- Shukshin, V. M. (2014). *Sobranie sochinenii : v 9 t.* [Collected works, in 9 vols.]. Barnaul, Barnaul. Vols. 3, 8.
- Stroganova, E. N. (2000). «Miniyatyurnyi mir» provintsii v russkoy proze 1830-th – pervoi poloviny 1840-th gg. [“The miniature world” of the province in the Russian prose of the 1830s – the first half of the 1840s]. In Belousov, A. F. Tsivian, T. V. (Eds.). *Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost'*. Moscow, Saint Petersburg, Tema, pp. 196–205.
- Teleshov, N. D. (1897). *Za Ural. Iz skitanii po Zapadnoi Sibiri* [Behind the Urals. From the wanderings in Western Siberia]. Moscow, Tipografiya I. D. Sytina. 215 p.
- Toporov, V. N. (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Mythopoetic research]. Moscow, Progress – Kul'tura. 624 p.
- Tyupa, V. I. (2002). Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoi literatury [Mythologeme of Siberia: On the issue of the “Siberian text” of Russian literature]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 1, pp. 27–35.
- Ulitskaya, L. E. (2019). *Lestnitsa Yakova* [Jacob's Ladder]. Moscow, AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. 732 p.
- Veller, M. I. (2012). Kor' na odin peregon [One Station horse]. In Kulyapin, A. I. (Ed.). *Obraz Altaya v russkoi literature XIX–XX vv. Antologiya, in 5 vols*. Barnaul. Vol. 5: 1970–1980, pp. 375–386.
- Zayonts, L. O. (2004). Russkii provintsial'nyi «mif» (K probleme kul'turnoi tipologii) [Russian provincial “myth” (Towards the problem of cultural typology)]. In Zayonts, L. O. (Ed.). *Geopanorama russkoi kul'tury: Provintsiya i ee lokal'nye teksty*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 427–256.
- Zazubrin, V. Ya. (2012). Gory [Mountains]. In Kulyapin, A. I. (Ed.). *Obraz Altaya v russkoi literature XIX–XX vv. Antologiya, in 5 vols*. Barnaul. Vol. 3: 1917–1945, pp. 17–200.

Данные об авторе

Богумил Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия).

Адрес: 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55.
E-mail: tbogumil@mail.ru.

Author's information

Bogumil Tatiana Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia).

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

УДК 378.016:811.161.1. DOI 10.26170/FK20-03-18. ББК Ш141.12-9-99.
ГРНТИ 14.35.09. Код ВАК 13.00.02

PRINCIPLES OF DESIGN OF A CULTURE-ORIENTED RUSSIAN LANGUAGE TEXTBOOK FOR GREEK GUIDES-INTERPRETERS

Nina L. Fedotova

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2881-7202>

Zinaida A. Stampoulidi

National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7515-6841>

Abstract. This article is devoted to one of the problems of formation of the linguistic and professional competence of Greek students who learn Russian in a non-linguistic environment.

The linguistic and professional competence of guides-interpreters includes the knowledge about the phonetic, lexical and grammatical systems of the language studied; knowledge of foreign language professional terminology; a set of knowledge that provides communicative interaction in the professional activities of a guide-interpreter; knowledge of the historical and cultural characteristics of the country of the language studied.

The components of linguistic and professional competence of guides-interpreters are three sub-competencies: linguistic, speech and cultural, each of which involves the acquisition of knowledge necessary for the effective implementation of professional activities, as well as the formation of appropriate skills that ensure the development of special professionally relevant qualities of personality of guides-interpreters.

Linguistic and professional competence of guides-interpreters allows them to efficiently establish communicative contacts with representatives of other cultural models.

When creating culture-oriented Russian textbook for Greek students the authors have to make the teaching model correspond to the national educational tradition; to take into consideration specific features of Greek national communicative behavior; to develop communicative skills in order to solve extra-linguistic tasks in professional activities. The focus of the manual on the development of linguistic and professional competence of future guides-interpreters, its multifunctionality has determined the structural organization of the training material: each lesson includes interconnected blocks aimed at developing speaking, writing, reading and listening skills.

The results of the methods-oriented experiment showed the ethno cultural and communicative orientation of the textbook on Russian to Greek students is provided by textual material of a cognitive nature. The texts are examples of genres characteristic of the professional discourse of guides-interpreters and illustrate communicatively significant situations of professional communication with the inclusion of ethno-cultural characteristics of native speakers of the language studied. The textbook for Greek students should contain tasks aimed at mastering of the ways of presenting the facts of Greek culture, as well as using speech strategies and tactics when communicating with Russian-speaking tourists in problematic situations.

ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ НАЦИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОСОБИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ГРЕЧЕСКИХ ГИДОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ

Федотова Н. Л.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2881-7202>

Стамбулиди З. А.

Национальный университет им. Каподистрии (Афины, Греция)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7515-6841>

Аннотация. В данной статье рассматривается одна из проблем формирования лингво-профессиональной компетенции греческих студентов, изучающих русский язык в неязыковой среде.

В лингво-профессиональную компетенцию гида-переводчика входят знания о фонетической, лексической и грамматической системах изучаемого языка; знание иноязычной профессиональной терминологии; знания, обеспечивающие коммуникативное взаимодействие в профессиональной деятельности гида-переводчика; знание историко-культурных особенностей страны изучаемого языка.

Компонентами лингво-профессиональной компетенции гидов-переводчиков являются три субкомпетенции: языковая, речевая и культурологическая, каждая из которых предполагает приобретение знаний, необходимых для эффективного осуществления профессиональной деятельности, а также формирование соответствующих навыков и умений, обеспечивающих развитие специальных профессионально-релевантных качеств в структуре личности будущего гида-переводчика. Лингво-профессиональная компетенция позволяет гидам-переводчикам эффективно устанавливать коммуникативные контакты с представителями других культурных моделей.

При создании национально-ориентированного учебного пособия по русскому языку для греческих учащихся авторы должны исходить из того, что необходимо привести модель обучения в соответствие с национальной образовательной традицией; учитывать особенности греческого национального коммуникативного поведения; развивать коммуникативные умения для решения экстралингвистических задач в профессиональной сфере деятельности.

Нацеленность пособия на развитие лингво-профессиональной компетенции будущих гидов-переводчиков, его многофункциональность обуславливают особенности структурной организации учебного материала: каждый урок включает взаимосвязанные содержательные блоки, направленные на развитие умений в говорении, письменной речи, чтении и аудировании.

Результаты проведенного нами методического эксперимента показали, что этнокультурная и коммуникативная направленность учебного пособия по русскому языку для греческих студентов обеспечивается текстовым материалом познавательного характера. Тексты являются примерами жанров, характерных для профессионального дискурса гидов-переводчиков, и иллюстрируют коммуникативно значимые ситуации профессионального общения с включением этнокультурных характеристик носителей изучаемого языка.

Учебное пособие для греческих студентов должно содержать упражнения и задания, направленные на овладение способами представления фактов культуры Греции и использование речевых стратегий и тактик при общении с русскоязычными туристами в проблемных ситуациях.

Ключевые слова: лингво-профессиональная компетенция; профессиональная подготовка; практические навыки; гиды-переводчики; русский язык как иностранный (РКИ); национально-ориентированное пособие; греческие учащиеся.

Для цитирования: Федотова, Н. Л. Принципы разработки национально-ориентированного пособия по русскому языку для греческих гидов-переводчиков / Н. Л. Федотова, З. А. Стамбулиди. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 207–218. – DOI: 10.26170/FK20-03-18.

For citation: Fedotova, N. L., Stampoulidi, Z. A. (2020). Principles of Design of a Culture-Oriented Russian Language Textbook for Greek Guide-Interpreters. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 207–218. DOI: 10.26170/FK20-03-18.

Introduction. It is well known that the didactic materials used in teaching a foreign language are significant. According to E. I. Passov, textbooks are “one of the forms of organization and embodiment of teaching means” [Passov 2009: 32]. There is reason to expand the definition proposed by researcher: we should also consider the teaching means as a form of organization of the process of teaching a foreign language.

Textbooks used in foreign language teaching are primarily designed to facilitate language learning, but they cannot simply do that since language teaching is inseparable from its cultural context. This statement is especially relevant when we speak about the teaching of Russian as a foreign language in Greek educational establishments. An analysis of existing textbooks reflects that the educational materials were developed in “pre-communicative” periods. They were aimed at formation of language skills, system of language knowledges, but not at formation and development of communicative skills, system of practical abilities of usage of Russian as an instrument of realization of academic, social and professional communication.

As Cunningsworth states, “A study of language solely as an abstract system would not equip learners to use it in the real world” [Cunningsworth 1995: 86]. For that reason, RFL teaching materials should prepare the learners to real communication with speakers of the target language.

Modern scientists highlight three general goals of foreign language learning [Cortazzi, Jin 1999: 197; Skopinskaya 2003: 39; Krupchenko 2006: 158]:

- development of communicative competence in those situations that students may encounter in concrete conditions;
- development of insight into the foreign culture and positive attitudes towards foreigners;
- development of an awareness of the target language as means of communication.

These goals should be integrated. Achievement of these goals is the general practice for RFL education in all levels and all educational establishments. At the same time, speaking about system of professional education, we must accent attention on development of the ability to communicate in a professional sphere, establish professional communicative interactions. In oth-

er words, speaking about goals of RFL in professional education we must define that one of the dominant purposes of education is the development of linguistic and professional competence. We agree with M. Aguilar who said that “<...> in our connected and globalized world, multilingual and intercultural skills are increasingly necessary among professionals, who need to be competent in communicating with culturally diverse people” [Aguilar 2018: 26].

Literature review. Taking into account approaches to understanding of communicative competences and their structures represented in the studies of D. Hymes (1972), R. Bell (1976), E. N. Solovova (2002), A. V. Litvinov (2004), Y.-A. Lee (2006), A. I. Gorbunov (2014) in the structure of linguistic and professional competence we may define the following components:

1) linguistic sub-competence – a complex of linguistic (phonetic, lexical, grammatical, etc.) knowledge and skills;

2) speech sub-competence – a complex of knowledge that provides communicative interaction in the professional activities of an interpreter guides;

3) cultural sub-competence – knowledge and understanding of historical and cultural context of communicative interactions of speakers in the target language.

In our opinion, linguistic and professional competence of interpreter guides in foreign language may be defined as a personal knowledge and understanding of the essence of communication in a professional sphere, abilities to establish interpersonal communication with Russian tourists in the process of their professional activity. High level of development of linguistic and professional competence allows an interpreter guide to effectively realize his or her professional activity, communicate with representatives of Russian cultural model, overcome the communicative barriers and arising of intercultural conflicts. Thus, in national-oriented and professional oriented training, the development of linguistic and professional competence must be defined as one of the dominant goals of RFL learning.

At the same time, the achievement of this goal faces serious difficulties due to the lack of modern educational literature, didactic materials that meet modern requirements for preparation of skilled specialists in the touristic sphere.

The practice of teaching RFL in Greece clearly demonstrates that the textbooks and other didactic materials:

- do not take into account the true interests of students;
- do not provide for the formation of regional and sociocultural competencies: “the cultural and regional content in these textbooks is poorly presented or even absent” [Resai 2016: 287];
- do not correspond to the social order of Greek society;
- do not meet the task of strengthening of intercultural relations, since they do not allow Greek students to develop communicative competence, communicative skills in order to solve practical, extra-linguistic tasks in academic and professional activities.

We should note that due to the lack of modern educational literature, there are, unfortunately, quasi-stereotypes of Russia. Even significant social, economic and political transformations in Russia at the end of the XXth and the beginning of the XXIth centuries did not change the country’s image in the foreign media, which still portray Russia as a country of “caviar, triples, samovars and golden domes” [Panova, Kharitonova 2016].

Greek teachers of RFL use didactic materials reflecting specifics of Russian culture. However, the national culture of students is absent in the textbooks. The didactic materials do not allow to develop intercultural competence, skills in the establishing of communicative interaction between representatives of different linguo-cultures based on an understanding of native and foreign cultures. As a result of the one-sided presentation of cultural information focused on representing the image of Russia in the textbook, students find themselves in a situation of impossibility to apply the acquired knowledge in everyday practice. In Seyed’s opinion, it is needed “to teach students to talk about their home country and culture in comparison with Russia and Russian culture” [Seyed 2008: 96].

Russian cultural model, the comparison of interacting cultures, the development of a nationally-oriented textbook on RFL for the Greeks is complicated by the fact that today there aren’t almost studies, in which there is a comparison of the Russian language and Russian culture with the Greek language and culture [Kalita 2016: 54]. The assimilation of knowledge about Russian culture and comparison with the native culture

of foreign students positively affect the success of the learning process of RFL. The ability to use the acquired knowledge to solve communication problems in professional activities is a nuclear component of the content of teaching Greek students Russian.

Textbooks and workbooks on Russian as a foreign language should contain materials that help develop the learners’ communicative competence on the basis of knowledge of their national and Russian cultures, their understanding of the specific patterns of interaction between the two and a tolerant attitude towards the differences between them. For this reason, in recent years there has been a growing need for re-thinking the theoretical principles behind the culture-oriented textbook on Russian as a foreign language designed for developing linguistic and professional competence.

The paper aims to identify the principles of designing a culture-oriented textbook on the Russian language for training what we call interpreter guides, meaning guides who have mastered a foreign language and can carry out interpreting from and into this language, at Greek universities. Accomplishing this task involves providing a methodological basis for the selection of authentic materials necessary for the development of professional competencies of Greek learners and selecting the most effective forms and methods of teaching Russian as a foreign language.

Research methods. The main methods used in this study include observation, description, induction and comparison; the sampling and structural-functional method, the methods of contextual, culturological and linguosemiotic analysis, which combine the synchronic and systemic-functional approaches to selecting teaching materials.

Results and Discussion. A culture-oriented Russian language textbook “I’m Your Guide!” has been designed, which is aimed at developing the linguistic and professional competence of future interpreter guides studying at Greek universities. Following E. Nevmerzhitskaya, the ethno-cultural approach has been chosen as the framework within which the contents of the textbook are organized. In accordance with this approach, the learning process is seen as “the entry of the learner together with the teacher into the context of the culture of the country of study expressed by

various language items” [Nevmerzhtskaya 2011: 186]. The implementation of the ethno-cultural approach in the textbook ensures that the future interpreter guides develop the competence to achieve their communicative goals in the language studied and to use the acquired knowledge and skills in their future career.

A. Leung and C. Chiu point out that, “Through participating in culture and engaging in communication with other cultural members, people grasp the shared reality in their culture and use it as behavioral guides both when they communicate with people in their culture and when they interact with people from a different culture” [Leung, Chiu 2010: 242].

Besides, designing a culture-oriented textbook should take into account the principles of such approaches as

- communicative approach (the textbook places strong emphasis on practice);
- axiological approach (the philosophy behind the textbook is that the learner’s identity is seen as the key value in education);
- learner-centeredness (the learning materials maintain and develop the learners’ personal identity and individual qualities);
- culture-centeredness (the texts allow individuals to make the learning meaningful in terms of their future career in the context of a foreign culture);
- creativity (the activities release the individual’s creative potential);
- synergy (self-directed learning encourages students to solve their professional problems in an ever changing society).

In designing a textbook as material support for the process of learning it is necessary to meet general requirements that serve to enhance the quality and effectiveness of professionally oriented teaching of a foreign language [Nevmerzhtskaya 2011: 187–188]:

- an orientation towards achieving the ultimate goal of teaching – the development of professional foreign-language competence, which is ensured by the inclusion of the ethno-cultural component as the sum total of various language skills in intercultural professional communication;
- a particular sequence and coherence of problem-solving activities and tasks serving to optimize the process of teaching communication in a foreign language.

The learning process using the culture-oriented textbook is based on the following principles of teaching Russian as a foreign language:

1. *Learner-centeredness teaching*. This principle is based on the position of A. N. Leont’ev that in the process of personality development, “alloys” of innate and acquired reactions arise, the objective content of needs changes and the dominants of behavior are formed [Leont’ev 2005: 76]. To develop the skills, mostly creative and interactive forms of teaching are used aimed at learner–learner and teacher–learner interaction. “The interactional practices constituting teacher–student interaction and language learning are interdependent in that the substance of learners’ language knowledge is inextricably tied to their extended involvement in the regularly occurring interactional practices constituting their specific contexts of learning” [Hall 2010: 215].

2. *Communicative language teaching*. The textbook allows organizing the learning process as a communicative activity, which is performed owing to the development of an integrating linguistic and professional competence rather than isolated skills in the Russian language.

Work on the linguistic aspects of oral and written speech is aimed at developing the ability to carry out oral and written communication to express one’s own opinion, emotions and feelings.

3. *Orientation towards acquiring linguistic and professional competence*. Coherent cognitive, communicative, socio-cultural and professional individual development of the foreign learner occurs. The activities allow the learners to compare the new knowledge they acquire with their own knowledge of their national culture and draw conclusions as to the universal or specific nature of the cultural phenomena of Russia and Greece.

Students master two subject modules – general linguistic and specialized. Therefore, the Russian language textbook for future interpreter guides should include:

- 1) concepts of the specialized subject area;
- 2) grammatical structures used in professional communication;
- 3) norms and rules of behavior in typical communicative situations involving a guide and foreign tourists;
- 4) main genres of tourism discourse: informative (introduction, instructing), epideictic (greeting, apologizing, expressing gratitude),

persuasive (discussion), call-to-action phrases (invitation, request);

5) minimum content knowledge in highly specialized subjects (History of Ancient Russia, Introduction to Old Church Slavonic Literature, Aspects of Balkan Historiography);

6) texts showing the cultural ties between the learners' home country and the country of study.

A variety of tasks aimed at developing dialogical and monologic speech skills allows the formation of linguistic and professional competence of interpreter guides, which includes "conscious orientation of students to the position of other people as partners in communication and joint activities, the ability to listen and conduct dialogue in accordance with the goals and the tasks of communication, to participate in a collective discussion of problems and decision-making <...>" [Asmolov et al. 2010: 6].

4. *Orientation towards the development of independence and responsible attitude to learning.* The application of this principle implies:

– the development of study skills (working with dictionaries, online search on Russian-language sites, etc.);

– the use of creative activities that allow learners to display independence and creativity (project work, creation of promotional poly-code texts, etc.);

– the use of group work, owing to which learners develop a sense of responsibility for the outcome of group activity (projects, development of professional sites, booklets, etc.);

– acquiring various kinds of oral and written communication skills (conducting a tour, communication via email, etc.).

5. *Comparison of the cultures involved.* Incorporating this principle should contribute to the breaking of stereotypes that stand in the way of the positive perception of Russia and the Russians and to the development of a conceptual framework for intercultural communication in a foreign language in typical situations of professional communication.

The textbook "I'm your guide" (level B1) is based on the methodological model we developed that has the following features:

– orientation of the subject matter towards preparing future interpreter guides for multi-functional professional communication;

– authenticity, which manifests itself both in the selection of the teaching material and the sequence of learning activities;

– coherent development of all the four skills, in situations that are relevant to interpreter guides;

– strong emphasis on activities simulating real situations of professional communication;

– developing a positive attitude to intercultural professional activity;

– a feeling of cultural "exoticism";

– using different information channels;

– stimulating self-directed learning aimed at the search for additional country-specific and culture-specific information;

– developing the skills of interpreting and systematizing the professional information obtained.

The orientation of the textbook "I'm your Guide" towards developing the linguistic and professional competence of future interpreter guides and its versatility dictate the way the teaching material is organized [Stamboleva, Fedotova 2020]. The structural components of the textbook differ in their functional role. The main, supplementary and reference components comprise textual and extratextual subcomponents [Volchkova 2007: 7].

I. Main component.

The textual sub-components include:

1. *Textual.*

a) *Activities for developing reading skills*, aimed at developing the skills of extracting information of different kind and volume:

– extracting maximum information (detailed reading);

– understanding the gist (skimming);

– extracting specific information (scanning).

For the development of listening skills, step-wise work with audio texts (video sequences) is proposed:

1) performing pre-text listening tasks;

2) perceiving and understanding a coherent audio text.

The development of pronunciation and lexical-grammatical skills is a teaching goal in its own right, but is not an end in itself. In view of the known instances of Russian-Greek phonetic interference, various activities have been developed aimed at correcting the learners' pronunciation skills. Besides, the material contained in

the tasks allows the teacher to develop reading skills.

In order to statistically validate the selection of the lexical material, an analysis was performed of the typical lexical errors that Greek learners make when using the Russian language [Fedotova, Stampoleva 2018]. Such an approach makes it possible to prevent possible errors or “reduce their number to a socially acceptable level” [Kochetova 2005: 5–6]. In teaching new lexical items, particular attention is given to activities developing the skill of contextual and lexical inferencing. Teachers must begin with “meanings – concepts – that are important for learners to appropriate rather than forms or structures” [Van Compernelle 2013: 358].

The grammar activities have a communicative character. The teaching of grammar follows the pattern: exposure to an example → reproduction → formulating a rule → understanding the rule and grammatical feature → understanding the texts containing the grammatical feature → production of own oral and written utterances using the grammatical feature. It means that the process of teaching Russian grammar is built on this principle: funds are offered – the task is set.

The activities that simulate participation in real-life situations of professional communication are preceded by tasks aimed at mastering the techniques that help solve specific problems in oral and written communication in Russian. It should be noted that the exercises and tasks use authentic material since it reflects the features of the work of Greek interpreter guides with Rus-

sian-speaking tourists, which allows students to prepare for professional activities.

Authentic materials in a foreign language allow one to:

- 1) increase the amount of ethno-cultural knowledge;
- 2) develop one’s mind, imagination and memory;
- 3) develop the skills of analysing and identifying the common and distinctive features of the two cultures studied;
- 4) develop study skills: the skill of exploring independently the culture of the country of study using dictionaries of language and culture, encyclopedias, reference books, mass media and internet resources;
- 5) develop empathy, tolerance and respect for the values of another nation and the cultural heritage of both one’s own and the foreign country.

b) Culture-oriented texts ensuring the ethno-cultural and communicative character of the textbook. The texts provide examples of genres that are typical of the interpreter guide’s professional discourse and illustrate communicatively relevant situations of professional communication, focusing on the distinctive ethno-cultural features of the users of the language studied.

As is known, there is now a rapid development of culinary tourism, which affords the opportunity to learn about and understand other nations through their culinary traditions. Unit 7 “Yummy!” [М-м-м... Вкусно!], for example, contains a text about traditional Greek cuisine.

1. Первое правило – идите туда, где много местных. Вам нужна таверна, где много греческих семей, а рядом может быть совсем пустая таверна. Многие туристы идут и садятся туда, где больше свободных мест. Это ошибка! Больше местных – вкуснее еда. Это закон. В тавернах столы накрывают одноразовыми скатертями, поэтому можно есть совсем неаккуратно, можно брать мясо руками – никто ничего вам не скажет и косо не посмотрит. В Греции много морепродуктов, очень вкусные осьминоги и кальмары на гриле. Во многих местах очень вкусные мясные блюда, опять же – на гриле. Гриль всегда натуральный, никакого газа, только угли. Сидение в таверне для греков – это не просто еда, а общение. Начинается оно обычно поздно: около 9–10 часов вечера, а заканчивается за полночь.

одноразовая скатерть – το τραπεζομάντιλο μιας χρήσης
 смотреть косо – λοξοκοιτώ
 газ / угли – το αέριο / τα κάρβουνα

After reading the text students speak about their favourite national dishes (the ingredients, recipes). Then the students are asked to find information on the Internet about the specific features of Russian cuisine (website <https://studyinrussia.ru/life-in-russia/life-conditions/russian-food/>). Based on the comparison of the information obtained, the students are asked to make a list of Greek dishes that Russian tourists could like and justify their choice.

Features of Greek communicative behavior are reflected in the use of figurative, expressive and emotional means of language, including non-native language. In other words, the Greeks often use metaphors, allegories, exclamations, etc. Perhaps they are too emotional, which can cause bewilderment, for example, in representatives of eastern cultures who are not characterized by loud speech and expressiveness. At the same time, modern Greeks are not differed

by laconicism, extreme accuracy which, however, should not be perceived as insufficiently deep understanding of the world. Compared to Russians, the Greeks have a more pronounced “complementarity”. With the help of compliments a polite attitude to the interlocutor is emphasized which ensures the success of communicative interaction [Stambleva 2018].

The textbook comprises different types of texts (polylogues, examples of oral folklore, travel advertisements, blogs and texts from encyclopaedic dictionaries, etc.). The selection of the texts was made on the basis of recommendations from professional interpreter guides, as well as distinctive age and cognitive-psychological characteristics of Greeks students, their motives and needs. For example, *Read the text “Treatment in Loutra Cassandra (Halkidiki, Greece)” (<http://fellowtraveler.ru/ozdorovlenie/1444-lechenie-v-grecii>). What do you think who needs medical tourism? (Lesson 13).*

Первый пункт нашего путешествия – термальные источники местечка Лутра (полуостров Кассандра Халкидики), другое название здешних целебных вод – Агия Параскева. Городок Лутра находится на полуострове Халкидики, на самом юге Греческой Македонии, на «пальце» Кассандра, между посёлками Агия Параскеви и Скиони. Инфраструктура спа-курорта достаточно комфортабельна, воды богаты сероводородом и помогают избавиться от множества заболеваний: опорно-двигательного аппарата, суставов, дерматологических болезней, гинекологических заболеваний и др.

A separate section of the textbook contains micro-dialogues related to the situations of the interpreter guide's professional communication and conversation formulas, which helps extend not only the linguistic knowledge but also the socio-linguistic scope of the learner. Among the necessary activities are, for example, those that aim to acquaint the learner with cultural facts, modern cultural practices and patterns of behavior of Russian tourists in problem situations: *Write the promotional text “Rhodes Tour”; make the project “Greek souvenirs”; role-play “We are late for the Airport”, etc.*

For self-directed learning, added complexity tasks are used that involve searching for extra country-specific and culture-specific information, working with Internet sites, etc.

2. Extratextual components:

a) *visual images* (photos, pictures, advertisements);

b) *tables and booklets* help optimize work on the grammatical features of the Russian language.

Using them, learners can analyse the characteristics of one or another grammatical feature and independently formulate the rule, as a result of which the knowledge of grammar is systematized and synthesized;

c) *Internet resources*: puteshestvie.net; ilovegreece.ru; GuruTurizma.ru, etc.;

d) *video and audio materials*, for example, from the TV programme “Heads or Tails” (*Greece – Restart; Athens – season 2, part 9; Heavenly Corfu, etc.*), help broaden the knowledge of the country, develop the inter-cultural dialogue, form a world picture that matches the modern level of knowledge and level of education, ensure the individual learner's integration into the systems of national and world cultures. There are the following tasks in this block:

1) Write out unfamiliar words. Find their translation in the dictionary. Pay attention to colloquial words.

2) Where is the narrator located? Describe these places.

3) What do you know about these places?

4) Compose a narrative about... Start this way:

We came here to see (to sit, to walk, to buy, to listen ...)...

I would like you to see (to listen, to walk, to find out, to look...) ...

5) Tell tourists how long the whole tour will last, what places and in what sequence you will visit, how much time tourists will have to buy souvenirs.

6) Prepare a tour advertisement for your page on the Internet;

e) *presentations*: "Walking tour to the reserve Agios Spyridon", "Entertainments in Corfu", "Water sports in Dassia", etc.;

f) *role-plays*: "Meeting the group at the airport", "Shopping for souvenirs", etc.

The concluding section comprises test tasks for final assessment (multiple-choice test).

II. Supplementary component.

Since learning Russian as a foreign language can take place both in class and out of class, the textbook contains exercises, creative activities and supplementary texts for reading. The textbook makes it possible to control the students' independent learning aimed at extending their knowledge and consolidating their skills, which enables foreign language activity in the field of intercultural professional communication. For example, *Read the text "Climate of Greece". Prepare a presentation and present it in class.*

III. Reference component.

This component includes glossaries, a grammar reference and navigation tools.

A glossary, which is to be found at the end of each unit, can be used by learners not only in class, but also out of class, in doing their homework.

The grammar reference to the grammatical topics discussed in the book is presented in the form of summarizing tables.

The navigation tools include a preface; a table of contents to help learners navigate the book; keys to the tasks, which allow learners to check whether the tasks have been successfully completed; colour and text highlighting of every unit.

It is important to note that the overall structure of the book and the inclusion of various kinds of textual and extratextual components allow the teacher to vary the process of education, organize the students' in-class and out-of-class work with regard to particular conditions (learn-

ing environment, learners' age, the teacher's personality, number of class hours, etc.).

The topics that form the content of the textbook are characterized by a marked professional and cultural orientation, which has been achieved by selecting typical situations that interpreter guides are faced with in their professional work. Consequently, in learning conditions, the content will allow future interpreter guides to deal with situations that they could encounter as they communicate with Russian-speaking tourists. It should be noted one more time that all the materials of the textbook (both textual and extratextual) are authentic. They illustrate situations of professional communication that have been identified in private conversations with Greek interpreter guides working with Russian-speaking tourists.

The textbook assumes that the users have a freedom of choice in the selection of techniques for organizing work with the teaching material, which ensures variability in the learning process. The textbook uses only those materials that take into consideration the learners' language level and help develop the linguistic and professional competence of future interpreter guides.

Conclusion and Implications. The modern approach to teaching Russian as a foreign language is based on established tradition; however, the development of political and economic life, the profound changes taking place in society make educationalists and practicing teachers seriously consider looking for the most effective learning techniques and methods.

In the case of teaching Greek students of interpreting, the situation is complicated by the lack of learning materials fitting the recent advances in the methodology of teaching Russian as a foreign language, modern socio-cultural and economic conditions and the needs of the learners themselves.

The teaching resources must above all take account of the distinctive national psychology of future interpreter guides and prepare them for a professional career. Under present conditions, a relevant problem is providing a valid methodological basis for the principles of designing a new type of textbook aimed at the language training of highly qualified interpreter guides capable of engaging in an intercultural dialogue with the native speakers of the language studied.

In our view, the foreign-language linguistic and professional competence of future interpreter guides includes, besides the axiological, creative and cognitive-emotive components, a reflexive component understood as mastery of the skill of critical analysis of one's achievements and failings; the skill of self-checking when conducting professional activity; the desire for a sustained improvement of the professional standard through a foreign language; awareness of the prospects of professional growth.

The most important principles in the development of textbooks for foreign interpreter guides learning Russian in a non-linguistic environment are orientation towards mastering linguistic and professional competence and the principle of comparing the cultures involved.

By organizing the process of learning Greek students to Russian, based on a culture-oriented textbook, the teacher:

– offers active forms of teaching that help enhance the effectiveness of knowledge and skill acquisition;

– uses authentic materials, which provide examples of real language behavior of speakers of Russian;

– accustoms learners to various kinds of out-of-class work relevant to their future career;

– combines different approaches to teaching Russian as a foreign language.

In working with the textbook "I'm Your Guide!" Greek students:

– establish relationships between the language and the culture behind the language studied;

– independently identify and analyze similarities and differences between the interacting cultural models;

– use the Russian language as a means of communication in curricular and extracurricular situations.

Литература

Асмолов, А. Г. Формирование универсальных учебных действий: от действия к мысли: Система заданий : пособие для учителей / А. Г. Асмолов, Г. В. Бурменская, И. А. Володарская [и др.] ; под ред. А. Г. Асмолова. – М. : Просвещение, 2010. – 159 с.

Волчкова Т. Л. Структура и дидактические принципы построения современного школьного учебника по мировой художественной культуре / Т. Л. Волчкова // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 295. – С. 7–9.

Горбунов, А. Г. Дискурсивная иноязычная компетенция: онтологический подход / А. Г. Горбунов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 6 (147). – С. 167–171.

Калита, О. Н. Особенности обучения русскому языку как иностранному в греческой аудитории / О. Н. Калита // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 4 (46), ч. 3. – С. 53–56. – DOI: 10.18454/IRJ.2227-6017.

Кочетова, С. О. Alles klar : учебник немецкого языка для начинающих / С. О. Кочетова. – СПб. : Союз, 2005. – 152 с.

Крупченко, А. К. Профессиональная лингводидактика / А. К. Крупченко // Высшее образование в России. – 2006. – № 5. – С. 158–160.

Леонтьев, А. Н. Деятельность, сознание, личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Смысл ; Академия, 2005. – 352 с.

Литвинов, А. В. О структуре межкультурной компетенции / А. В. Литвинов // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 28. – С. 51–57.

Невмержицкая, Е. Учебник иностранного языка как средство формирования этнической культуры / Е. Невмержицкая // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Педагогика. – 2011. – № 2. – С. 185–188.

Панова, Л. В. Учебник для преподавания русского языка как иностранного как элемент лингводидактического дискурса преподавателя-русиста / Л. В. Панова, О. В. Харитоновна. – Текст : электронный // Мир науки. – 2016. – Т. 4, № 6. – URL: mir-nauki.com/PDF/82PDMN616.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

Пассов, Е. И. Терминосистема методики, или Как мы говорим и пишем / Е. И. Пассов. – СПб. : Златоуст, 2009. – 124 р.

Резаи, Азин М. Пути повышения качества профессиональной подготовки будущих иранских русистов / Азин М. Резаи // Филология и культура. – 2016. – № 1 (43). – С. 282–289.

Сейед, Х.З. О многоаспектности лингвокультурного компонента в преподавании РКИ / Х. З. Сейед // Мир русского слова. – 2008. – № 2. – С. 91–97.

Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций : учебное пособие для студентов педагогических вузов и учителей / Е. Н. Соловова. – М. : Просвещение, 2002. – 239 с.

Стамболева (Стамбулиди), З. А. Особенности национально-коммуникативного поведения греческих гидов-переводчиков / З. А. Стамболева (Стамбулиди) // Мир русского слова. – 2018. – № 3. – С. 107–114. – DOI: 10.24411/1811-1629-2018-13005.

Стамболева (Стамбулиди), З. Я – Ваш гид! Учебное пособие по русскому языку для греческих учащихся – будущих гидов-переводчиков (В1) / З. Стамболева (Стамбулиди), Н. Федотова. – СПб. : ЛЕМА, 2020. – Ч. 1. – 98 с.
Федотова, Н. Л. Типичные лексические ошибки в русской речи греческих учащихся (уровень А2) / Н. Л. Федотова, З. А. Стамболева (Стамбулиди) // Научный диалог. – 2018. – № 12. – С. 492–503. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-492-503.

Aguilar, M. Integrating Intercultural Competence in ESP and EMI: from Theory to Practice / M. Aguilar // *ESP Today – Journal of English for Specific Purposes at Tertiary Level*. – 2018. – Vol. 6, Issue 1. – P. 25–43. – DOI: 10.18485/esp-today.2018.6.1.2.

Bell, R. T. *Sociolinguistics – Goals, Methods and Problems* / R. T. Bell. – London : Batsford, 1976. – 252 p.

Cortazzi, M. *Cultural Mirrors: Materials and Methods in the EFL Classroom* / M. Cortazzi, L. Jin // *Culture in Second Language Teaching and Learning* / ed. by E. Hinkel. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – P. 196–219.
Cunningsworth, A. *Choosing Your Coursebook* / A. Cunningsworth. – Oxford : Heinemann, 1995. – 153 p.

Hall, J. K. Interaction as method and result of language teaching / J. K. Hall // *Language Teaching*. – 2010. – Vol. 43, Issue 2. – P. 202–215. – DOI: 10.1017/SO261444809005722.

Hymes, D. H. On Communicative Competence / D. H. Hymes // *Sociolinguistics. Selected Readings* / ed. by J. B. Pride, J. Holmes. – Harmondsworth : Penguin, 1972. – P. 269–293.

Lee, Y.-A. Towards respecification of communicative competence: Condition of L2 instruction or its objective? / Y.-A. Lee // *Applied Linguistics*. – 2006. – № 27 (3). – P. 349–376. – DOI: 10.1093/applin/am1011.

Leung, A. *Multicultural Experiences and Intercultural Communication* / A. Leung, C. Chiu // *Cultural Processes: A Social Psychological Perspective (Culture and Psychology)* / ed. by A. Leung, C. Chiu, Y. Hong. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – P. 242–262. – DOI: 10.1017/CBO9780511779374.019.

Skopinskaya, L. The Role of Culture in Foreign Language Teaching Materials: an Evaluation from an Intercultural Perspective / L. Skopinskaya // *Incorporating Intercultural Communicative Competence in Language Teacher Education* / ed. by L. Ildiko. – European Centre for Modern Languages Council of Europe Publishing, Kapfenberg, 2003. – P. 39–69.

Van Compernelle, R. A. Concept appropriation and the emergence of L2 sociostylistic variation / R. A. van Compernelle // *Language Teaching Research*. – 2013. – Vol. 17, Issue 3. – P. 343–362. – DOI: 10.1177/1362168813482937.

References

Aguilar, M. (2018). Integrating Intercultural Competence in ESP and EMI: from Theory to Practice. In *ESP Today – Journal of English for Specific Purposes at Tertiary Level*. Vol. 6. Issue 1, pp. 25–43. DOI: 10.18485/esptoday.2018.6.1.2.

Asmolov, A. G., Burmenskaya, G. V., Volodarskaya, I. A., et al. (2010). *Formirovanie universal'nykh uchebnykh deistvii: ot deistviya k mysli: Sistema zadaniy* [Formation of universal learning actions: From action to thought] / ed. by A. G. Asmolov. Moscow, Prosveshchenie. 159 p.

Bell, R. T. (1976). *Sociolinguistics – Goals, Methods and Problems*. London, Batsford. 252 p.

Cortazzi, M., Jin, L. (1999). *Cultural Mirrors: Materials and Methods in the EFL Classroom*. In Hinkel, E. (Ed.). *Culture in Second Language Teaching and Learning*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 196–219.

Cunningsworth, A. (1995). *Choosing Your Coursebook*. Oxford, Heinemann. 153 p.

Fedotova, N. L., Stambleva (Stampoulidi), Z. A. (2018). *Tipichnye leksicheskie oshibki v russkoi rechi grecheskikh uchashchikhsya (uroven' A2)* [Typical lexical errors in Russian speech of Greek students (level A2)]. In *Nauchnyi dialog*. No. 12, pp. 492–503. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-492-503.

Gorbunov, A. G. (2014). *Diskursivnaya inoyazychnaya kompetentsiya: ontologicheskii podkhod* [Discursive foreign language competence: Ontological approach]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 6 (147), pp. 167–171.

Hall, J. K. (2010). Interaction as method and result of language teaching. In *Language Teaching*. Vol. 43. Issue 2, pp. 202–215. DOI: 10.1017/SO261444809005722.

Hymes, D. H. (1972). On Communicative Competence. In Pride, J. B., Holmes, J. (Eds.). *Sociolinguistics. Selected Readings*. Harmondsworth, Penguin, pp. 269–293.

Kalita, O. N. (2016). *Osobennosti prepodavaniya russkogo yazyka v grekoyazychnoi auditorii* [Specific features of teaching Russian as a foreign language in a Greek-speaking audience]. In *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. No. 4 (46). Part 3, pp. 53–55. DOI: 10.18454/IR.2227-6017.

Kochetova, S. O. (2005). *Alles klar : uchebnik nemetskogo yazyka dlya nachinayushchikh* [Alles klar: Textbook of German for beginners]. Saint Petersburg, Soyuz. 152 p.

Krupchenko, A. K. (2006). *Professional'naya lingvodidaktika* [Professional linguodidactics]. In *Vyshee obrazovanie v Rossii*. No. 5, pp. 158–160.

Lee, Y.-A. (2006). Towards respecification of communicative competence: Condition of L2 instruction or its objective? In *Applied Linguistics*. No. 27 (3), pp. 349–376. DOI: 10.1093/applin/am1011.

Leont'ev, A. N. (2005). *Deyatel'nost', soznanie, lichnost'*. [Activity, consciousness, personality]. Moscow, Smysl, Akademiya. 352 p.

Leung, A., Chiu, C. (2010). *Multicultural Experiences and Intercultural Communication*. In Leung, A. Chiu, C., Hong, Y. (Eds.). *Cultural Processes: A Social Psychological Perspective (Culture and Psychology)*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 242–262. DOI: 10.1017/CBO9780511779374.019.

Litvinov, A. V. (2004). *O strukture mezhkul'turnoi kompetentsii* [On the structure of intercultural competence]. In *Krasnykh, V. V., Izotov, A. I. (Eds.). Yazyk, soznanie, kommunikatsiya : sb. statei*. Moscow, MAKS Press. Issue 28, pp. 51–57.

Федотова Н. Л., Стамбулиди З. А. Принципы разработки национально-ориентированного пособия...

Nevmerzhitskaya, E. (2011). *Uchebnik inostrannogo yazyka kak sredstvo formirovaniya etnicheskoj kul'tury* [Foreign language textbook as a means of the ethnic culture formation]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Pedagogika*. No. 2, pp. 185–188.

Panova, L. V., Kharitonova, O. V. (2016). *Uchebnik dlya prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo kak element lingvodidakticheskogo diskursa prepodavatelya-rusista* [A textbook for teaching Russian as a foreign language as an element of the linguodidactic discourse of a Russian language teacher]. In *Mir nauki*. Vol. 4. No. 6. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/82PDMN616.pdf> (mode of access: 20.05.2020).

Passov, E. I. (2009). *Terminosistema metodiki, ili Kak my govorim i pishem* [The terminology of the methods theory, or As we say and write]. Saint Petersburg, Zlatoust. 124 p.

Rezai Azin, M. (2016). *Puti povysheniya motivatsii iranskikh studentov-filologov pri obuchenii ustnoy rechi* [Ways to improve the quality of training of future Iranian Russian scholars]. In *Filologiya i kul'tura*. No. 1 (43), pp. 282–289.

Seyed, H. Z. (2008). *O mnogoaspektnosti lingvokul'turnogo komponenta v prepodavanii RKI* [On the multidimensionality of the linguistic and cultural component in teaching RFL]. In *Mir russkogo slova*. No. 2, pp. 91–97.

Skopinskaya, L. (2003). The Role of Culture in Foreign Language Teaching Materials: an Evaluation from an Intercultural Perspective. In Ildikó, L. (Ed.). *Incorporating Intercultural Communicative Competence in Language Teacher Education*. European Centre for Modern Languages Council of Europe Publishing, Kapfenberg, pp. 39–69.

Solovova, E. N. (2002). *Metodika obucheniya inostrannym yazykam. Bazovyy kurs lektsii* [Methods of teaching foreign languages. Basic course of lectures]. Moscow, Prosveshchenie. 239 p.

Stamboleva (Stampoulidi), Z. A. (2018). *Osobennosti natsional'nogo kommunikativnogo povedeniya grecheskikh gidov-perevodchikov* [The peculiarities of national communicative behavior of Greek interpreter guides]. In *Mir russkogo slova*. No. 3, pp. 107–114. DOI: 10.24411/1811-1629-2018-13005.

Stamboleva (Stampoulidi), Z. Fedotova, N. (2020). *Ya – Vash gid! Uchebnik po russkomu yazyku dlya grecheskikh studentov – budushchikh gidov-perevodchikov (B1)* [I'm Your Guide! Russian Language Textbook for Greek students – future interpreter guides (B1)]. Saint Petersburg, LEMA. Part 1. 98 p.

Van Compernelle, R. A. (2013). Concept appropriation and the emergence of L2 sociostylistic variation. In *Language Teaching Research*. Vol. 17. Issue 3, pp. 343–362. DOI: 10.1177/1362168813482937.

Volchkova, T. L. (2007). *Struktura i didakticheskie printsipy postroyeniya sovremennogo shkol'nogo uchebnika po mirovoi khudozhestvennoi kul'ture* [The structure and didactic principles of design of a modern school textbook in world art culture]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 295, pp. 7–9.

Данные об авторах

Федотова Нина Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

E-mail: n.fedotova@spbu.ru.

Стамбулиди Зинаида Анатольевна – преподаватель русского как иностранного, отделение иностранных языков, Национальный университет им. Каподистрии (Афины, Греция).

Адрес: 16121, Greece, Athens, Hippocrates str., 7.

E-mail: zinastamo@gmail.com.

Author's information

Fedotova Nina Leonidovna – Doctor of Pedagogy, Professor of Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

Stampoulidi Zinaida Anatolyevna – Teacher of Russian as a Foreign Language, Department of Foreign Languages, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece).

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Макеева С. Г.

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9851-5971>

Мартынова Е. Н.

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7178-6838>

А н н о т а ц и я . Обновление российской образовательной политики эпохи межкультурной коммуникации отмечено включением английского языка как учебного предмета наряду с учебным предметом «Русский язык» в содержание начального языкового образования. Проблема поиска путей, средств его интегрирования как условие повышения уровня языковой компетенции обучающихся ставится исходя из ее интегративной природы, сензитивности младшего школьного возраста для ее проявления, необходимости содержательного определения за рамками изучения одного языка, особенностей формирования на основе системно-деятельностного подхода к образованию. Новизна постановки проблемы, ее концептуального осмысления и теоретико-методических решений, конкретизированных применительно к злободневному материалу англоязычной заимствованной лексики, определяет актуальность публикуемого материала.

В статье предложена авторская концепция формирования языковой компетенции в условиях интегрирования начального языкового образования путем сравнительно-сопоставительного изучения русского и английского языков, что отвечает природным механизмам развития языковой способности как когнитивно-репрезентативной психологической структуры. Обоснованы содержательные компоненты языковой компетенции, типология учебных языковых задач по их формированию. Смоделирована соответствующая методическая система обучения в целевых, содержательно-процессуальных, оценочно-результативных компонентах, которая подкреплена дидактическим обеспечением и конкретизирована через построение интегрированного образовательного модуля по изучению лексических заимствований.

Результаты исследования представляют интерес для отечественной и зарубежной науки в поиске частнодидактических решений проблемы интеграции школьного образования с учетом специфики его предметных областей для построения целостного по своему содержанию, природосообразного по способам обучения образовательного процесса в соотношении компетентностного и системно-деятельностного подходов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : компетентностный подход; системно-деятельностный подход; начальное языковое образование; интеграция содержания обучения русскому и иностранному языкам; языковая компетенция; языковая задача.

FORMATION OF LINGUISTIC COMPETENCE OF JUNIOR PUPILS IN THE CONTEXT OF EDUCATION INTEGRATION

Svetlana G. Makeeva

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9851-5971>

Elena N. Martynova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7178-6838>

Abstract. The modernization of the Russian education policy of the intercultural communication era is marked by the inclusion of English as an academic subject along with the academic subject "Russian language" in the content of primary linguistic education. The problem of a search for the ways and means of its integration as a condition for raising the level of students' linguistic competence is based on its integrative nature, sensitivity of the primary school age for its manifestation, the need for its content definition beyond the framework of learning a single language, and the specificity of its formation based on the systemic activity-centered approach to education. The novelty of the problem formulation, its conceptual understanding and theoretico-methodological solutions, specified in relation to the urgent material of the English borrowed vocabulary, determine the relevance of the material published.

The article suggests an authored conception of formation of linguistic competence in the context of integration of the primary linguistic education through a comparative analysis of Russian and English, which is in line with the natural mechanisms of the development of linguistic competence as a cognitive-representative psychological structure. Such an approach helps to substantiate the components of linguistic competence and the typology of the corresponding educational language tasks aimed at their formation. The study models the corresponding educational system comprising the target, substantive-procedural, evaluative and effective components. The system is supplemented with a didactic support and is specified through the construction of an integrated educational module for the study of lexical borrowings.

The results of the study may be of interest for domestic and foreign science in the search for concrete didactic solutions of the problem of integration of school education with reference to the specificity of its subject areas, to build the education process, holistic in its content and nature-friendly in the ways of teaching, in the correlation of competence-based and systemic activity-centered approaches.

Keywords: competence-based approach; systemic activity-centered approach; primary linguistic education; integration of the content of learning Russian and foreign languages; linguistic competence; linguistic task.

Для цитирования: Макеева, С. Г. Формирование языковой компетенции младших школьников в условиях интеграции образования / С. Г. Макеева, Е. Н. Мартынова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 219–231. – DOI: 10.26170/FK20-03-19.

For citation: Makeeva, S. G., Martynova, E. N. (2020). Formation of Linguistic Competence of Junior Pupils in the Context of Education Integration. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 219–231. DOI: 10.26170/FK20-03-19.

Динамичность развития российского общества вызывает изменения в содержании образования, в подходах к его построению. Исследования по разработке компетентностного и системно-деятельностного подходов к осуществлению образовательного процесса привлекают, в свою очередь, внимание к обеспечению такого условия их успешной реализации, как интеграция образования. Широка и многогранность проблем, охваченных указанным исследовательским полем, предопределили трудности в поиске их теоретико-практических решений, которые, по оценкам научного сообщества, не избежали «половинчатости», «взаимоисключающих определений» [Реализация компетентностного подхода... 2013].

Характеризуя в этом отношении состояние образовательной области «Филология» в начальной школе, мы вынуждены отметить сохраняющуюся декларативность в утверждении новых образовательных подходов, непоследовательность попыток их реализации.

Подчеркнем, что в соответствии с ФГОС начального общего образования (2010), содержание его филологической области не ограничивается теперь русским языком как учебным предметом, а включает и изучение английского языка в качестве самостоятельной учебной дисциплины. Социальный заказ на образовательную подготовку личности, обладающей компетенцией в употреблении не только родного русского языка, но также иностранного языка, обусловлен эпохой глобальной коммуникации, чем и продиктована цель приобретения младшими школьниками «начальных навыков общения с носителями иностранного языка на основе своих возможностей и потребностей» [Планируемые результаты... 2010]. Однако расширение содержания начального языкового образования не предусматривает его интегрирования, не связывается с повышением уровня языковой компетенции учащихся, не конкретизируется в контексте системно-деятельностного подхода к ее формированию. В требованиях стандарта

предполагаемые образовательные результаты представлены отдельно для каждого изучаемого языка, без видимого пересечения. Формирование «элементарной коммуникативной компетенции» в качестве предметного результата изучения английского языка никак не соотносится в этом плане с предметными результатами в русском языке, где термин «компетенция» не упоминается вовсе. «Овладение учебными действиями с языковыми единицами» в качестве метапредметного результата направляется на освоение школьниками русского языка и не распространяется на изучение ими английского языка. Не обозначается соподчинение и в ценностно-мотивационных аспектах личностных образовательных результатов. Необходимость обеспечения понимания учащимися того, что «язык является средством человеческого общения, явлением национальной культуры», связывается только с изучением русского языка и не включается в содержание общеязыковедческих сведений, а «формирование лингвострановедческих представлений» относится только к изучению английского языка [Планируемые результаты... 2010]. Причиной является недостаточная теоретико-методическая исследованность проблемы интеграции языкового образования в отношении ее целесообразности, путей и средств.

Наше исследование в этом направлении прошло ряд этапов. Прежде всего, осуществление нами исследования с позиций компетентностного подхода к образованию потребовало уточнения его характеристик, к числу которых мы отнесли следующие: практикоориентированность образования и межпредметная интегративная направленность образовательных целей, погруженных в социально-значимый контекст проблемных ситуаций, их развертывание в учебные задачи с определенным диапазоном сложности, способность и готовность к решению которых выявляет уровень соответствующих компетенций обучающихся. При этом трактовка компетентности как интегративного образовательного результата включает в себя и психологический смысл синтеза знаний, умений, способов действий, эмоционально-ценностных отношений, приобретаемых через опыт осуществления деятельности в конкретных

учебных ситуациях. С обеспечением такой целостности связана постановка проблемы взаимодополняемости методологических оснований (деятельностной теории формирования личности, культурологической теории содержания образования) компетентностного и системно-деятельностного подходов. Решение проблемы выстраивается на идее формирования общеучебных умений через универсальные учебные действия (умения есть показатель сформированности действий) для достижения не только предметных, но и метапредметных, личностных образовательных результатов. С учетом этого инструментально-технологическая сторона компетентностного подхода к построению образовательного процесса видится в модульном структурировании образовательного содержания с его переводом на язык параметров методической системы в специфическом учебно-предметном наполнении.

Школа с ее общеобразовательным назначением призвана к формированию ключевых компетенций, к числу которых отнесены общекультурная, коммуникативная, социально-трудовая компетенции. Вместе с тем, условием их генерирования является владение языком (языками) как коммуникативным средством, обуславливающим передачу и восприятие аккумулированного в языковых значениях социально-культурного опыта, что позволяет причислять к выше названным компетенциям и языковую компетенцию.

Оценивая научно-методическое состояние проблемы компетентностного подхода при обучении языку, заметим, что разработка понятия «компетенция» была вызвана поиском более точного отграничения образовательных целей от результата «на выходе», но осложнялась «стремлением объять необъятное» [Львов 2007: 9–14]. Теоретико-методические решения проблемы, предложенные в рамках нашей научной школы [Дворникова 2006: 22], базируются на соотношении процесса формирования языковой компетенции с развитием языковой способности, вследствие чего в слабые компетентностного результата языкового образования входят, как мы полагаем, не только знания и умения по их применению, приобретаемые на теоретической основе в процессе специально организованного обу-

чения языку, но также и «дотеоретические», «житейские» [Выготский 1999: 352], извлекаемые учащимися из обобщения уже имеющегося у них речевого опыта. В нем же развивается языковое чутье (или чувство языка), т. е. подражательно-интуитивный механизм выбора языковых средств, не лишенный, однако, творчески-речевого и ценностно-смыслового посыла со стороны развивающейся языковой личности. В этом отношении под результатом формирования языковой компетенции учащихся нами понимается их личностно-языковое развитие в составе всех перечисленных компонентов языковой способности.

Кроме того, в противопоставление неупорядоченному «дроблению» учебно-предметного содержания языковой компетенции нами было выдвинуто положение о том, что языковая компетенция является «синтетическим» образованием таких составляющих, как лингвистическая, лингвокультуроведческая и коммуникативно-речевая в их взаимопересечении [Воронина 2010: 27]. Лингвистическая составляющая языковой компетенции опирается на знания о сущности языка, его строении, функциях и умениях в лингвистическом анализе языковых средств для их нормативного употребления. Лингвокультуроведческая составляющая языковой компетенции дополняется культурно-фоновыми знаниями и умениями извлекать из языковых единиц культурно-значимую информацию. Коммуникативно-речевая составляющая языковой компетенции предполагает владение элементарными знаниями о культуре речевого общения и умениями отбора адекватных речевой ситуации языковых средств. Развитие способности к применению названных знаний и умений, готовности к их использованию в творческом, ценностно-осмысленном опыте овладения языком (языками) и составляет содержание процесса формирования языковой компетенции.

Содержательно-процессуальными средствами формирования выделенных составляющих языковой компетенции должны являться лингвистические, лингвокультуроведческие, коммуникативно-речевые учебные языковые задачи (от типовых до нестандартных), реализующие поисковый / проблемный методы обучения языку и обеспечивающие

через обучение способам решения на основе формирования предметных и универсальных учебных действий достижение определенного уровня языковой компетенции. Разновидность языковой задачи (лингвистическая, лингвокультуроведческая, коммуникативно-речевая) определяется границами зоны ориентировки в ее условиях, необходимыми для выбора способа решения задачи (по заданному алгоритму или в его преобразовании), знаниями и умениями с подключением к ним языковой интуиции и ценностных установок. Поясним, что поскольку полноценная ориентировочная часть учебной задачи по выбору языковых средств возможна лишь в коммуникативно-речевом контексте, языковыми задачами, строго говоря, выступают коммуникативно-речевые задачи. Однако их решение должно быть подготовлено. Лингвистические и лингвокультуроведческие задачи, зона ориентировки в решении которых может сужаться до текстовых выдержек, отдельного слова, встраиваются в содержание коммуникативно-речевой задачи.

Выдвинутые положения, как мы считаем, сохраняют свою значимость для решения проблемы интегрирования содержания обучения русскому и иностранному языкам.

В обосновании значения интеграции языкового образования для формирования языковой компетенции мы исходим из того, что она позволяет уйти от локального, изолированного или рядоположенного изучения явлений и представить их как некоторую целостность, информационно более емкую и смыслонагруженную, чем обеспечивается ориентировочная основа действий более высокого уровня, включающего симультанное мышление. Это положительно сказывается на системности знаний, обобщенности умений, универсальности учебных действий. Эффективность межпредметной интеграции обусловлена однотипностью целей, содержания и методов обучения, поэтому она более предпочтительна при изучении родственных предметных дисциплин. Однако характер интеграционных мер должен определяться спецификой образовательной области и возрастными особенностями обучающихся.

Выдвигаемая нами идея интегрированно-го по содержанию и сравнительно-сопостав-

вительного по характеру изучения русского и английского языков основывается на чувствительности детского возраста для развития языковой способности: в процессе речевого общения активно срабатывает механизм языкового чутья, обеспечивающий усвоение «правил языка в неявной форме» [Жинкин 1998: 227] – не только родного, но и неродного при наличии соответствующей речевой среды. Тенденция «сверхрегуляризации» [Слобин 2006: 352] грамматических норм, т. е. освоения общих правил раньше частных (что породило гипотезу о врожденности знания лингвистических универсалий), благоприятствует интегрированию содержания обучения русскому и иностранному языкам. С другой стороны, языковая способность как когнитивная репрезентативная структура в своей реализации представляет систему сложных блоков действий сравнительно-сопоставительного характера с языковым материалом. Выстраивание логики такого сопоставления при освоении нескольких языков определяется опережающим овладением родным языком. В то же время фактор речевой среды может выражаться в использовании детьми языковых средств с отклонениями от речевых норм под влиянием местного узуса и усугубляться явлениями интерференции, что требует перехода от интуитивно-подражательного освоения языков к «произвольности, намеренности, сознательности» [Выготский 1999: 269] употребления языковых средств в результате школьного обучения.

К сожалению, существующие учебные пособия по методике обучения русскому и иностранному языкам обходят стороной проблему интеграции школьного языкового образования даже в ее постановке. Отрывочные по характеру замечания в учебниках для педагогических вузов состоят лишь в том, что изучение иностранного языка занимает «подчиненное» отношение к изучению родного языка, а формирование «языковой компетенции предполагает овладение правилами и закономерностями изучаемого языка с учетом особенностей родного языка для целей коммуникации» [Методика обучения... 2018], что не рассматривается как путь к их сравнительно-сопоставительному изучению.

Ретроспективный анализ проблемы дает примеры некоторого методического поиска

в этом направлении: в 40-е гг. XX в. разрабатывался сознательно-сопоставительный метод преподавания иностранного языка, суть которого заключалась в том, что с учетом возникающих у детей трудностей в его изучении вследствие фонетических, лексических, грамматических различий с родным языком именно последний становился средством семантизации и контроля. Традиция сравнительного изучения родного и иностранного языков была, в свою очередь, заложена в досоветском прошлом классического образования и основывалась на убеждении, что сравнительный анализ языковых явлений выступает не только средством «умственной гимнастики», развития формального мышления, но и раскрытия «национального образа» создавшего их «человеческого духа» [Ветчинова 2013: 73–79]. На языке современной педагогической терминологии это означает метапредметные, личностные образовательные результаты. Применительно к предметным результатам заслуживают внимания утверждения, что без сопоставления со словами чужого языка «нельзя вполне понимать» значения слов родного языка, а возможность проникнуться «душевым строем» чужого языка позволяет лучше оценивать содержание «психического склада» родного языка [Ветчинова 2013: 73–79].

Разделяя эту позицию, мы считаем, что при всех возможностях формирования у младших школьников элементарной иноязычной компетенции учебно-предметные предпочтения в интегрировании языкового образования должны отдаваться родному русскому языку. Ценностно-целевые приоритеты в сравнительно-сопоставительном плане изучения языков на уровне личностного образовательного результата необходимо сохранять за родным русским языком как языком своего Отечества, «основой национального самосознания», средством полноценного взаимопонимания со своим народом, обретения с ним национально-культурной общности и «одухотворения» в нем. Вместе с тем, это не должно противоречить формированию «дружелюбного», «толерантного» отношения к представителям других стран, носителям других языков [Планируемые результаты... 2010]. Межпредметные результаты интеграции начального языкового образования требуют

складывания у школьников мировоззренческих представлений о языке как определенной системе знаков и формирования стержневых языковедческих, лингвистических понятий, выстраивания лингвострановедческой картины мира и развития обобщенных умений в анализе языкового материала. На метапредметном уровне результатами формирования языковой компетенции должны выступить познавательные универсальные учебные действия в языковом анализе (сравнении, установлении аналогий, классификации) в совокупности с проявлением языкового чутья, развитием речемыслительных процессов.

Достижение указанной разноуровневости образовательных результатов в процессе интегрированного по содержанию и сравнительно-сопоставительного по характеру изучения русского и иностранного языков нуждается в построении соответствующей методической системы. Если вышеуказанные цели формирования языковой компетенции «от результатов на выходе» [Реализация компетентностного подхода... 2013] являются его системообразующим фактором, то принципы обучения в качестве педагогических регулятивов определяют отбор содержания обучения, его методов, дидактических средств. В числе ведущих принципов построения интегрированного по содержанию обучения языкам могут выступать следующие: целостность процесса языкового образования, единство языкового образования и речевого развития, сравнительно-сопоставительный характер изучения языков, коммуникативная направленность обучения языку. Содержание обучения означает овладение учащимися обобщенными способами учебных действий (предметных, универсальных) по сравнительно-сопоставительному анализу языковых примеров, речевых образцов на русском и английском языках для установления аналогий и выявления отличительных особенностей (фонетико-графических, словообразовательных, грамматических).

Сложность реализации представленной системы с учетом содержательной емкости понятия «языковая компетенция», многогранность проблемы ее формирования в условиях интегрирования содержания образования предопределяет постепенность ее реше-

ния. Началом могла бы стать, на наш взгляд, разработка актуальных учебных тем, одной из которых является тема иноязычных лексических заимствований в русском языке.

Под заимствованием иноязычных слов понимается их вхождение в лексический состав русского языка с определенным семантическим приспособлением и «формальной адаптацией» [Маринова 2008: 44]. Интенсивное проникновение иноязычных слов в речевое общение носителей русского языка на рубеже XX–XXI вв. порождено расширением международных языковых контактов и взаимодействием различных лингвокультур. Доминируют англоязычные заимствования, представленные, по классификации Т. В. Новиковой [Новикова 2003: 179], иностранными словами, варваризмами, экзотизмами, иноязычными вкраплениями. Процесс освоения русским языком англицизмов и их производных не обходится без трансформации семантики, варьирования в произношении и написании с отступлениями от норм языка-реципиента, с проникновением не характерных для него словообразовательных моделей. Это вызывает негативное отношение: неприятие проявляющейся «полукультуры» [Фрумкина 2006] словоупотребления англоязычных заимствований, оценку их нарастающей конкуренции с лексемами русского языка как слом культурно-речевых традиций.

«Языковой вкус» [Костомаров 1999] постсоветского российского общества не может не сказываться на речевой практике детей младшего школьного возраста, что зафиксировано в отечественных словарях детской речи, приводящих десятки современных иноязычных заимствованных слов – преимущественно англоамериканизмов – с допускаемыми многочисленными семантическими, словообразовательными, грамматическими и стилистическими ошибками: «*йогурт – это разноцветная сметана*», «*пачка чипс*», «*компьютероват*» [Харченко 2005: 637]. Напрашивается вывод о том, что «житейское» [Выготский 1999: 352] освоение детьми иноязычных заимствований слабо корректируется школьным языковым образованием не только со стороны изучения русского (родного) языка, но и иностранного.

Вектор этого корректирования должен выстраиваться с учетом меняющейся образова-

тельной ситуации. Смещение ценностно-целевых приоритетов от усвоения культурных ценностей западной цивилизации к сохранению национально-культурной самобытности общества выдвигает в число первостепенных задачу воспитания бережного отношения к русскому языку. Следовательно, культура речи в употреблении иноязычных слов помимо формального нормирования требует установления школьниками уместности употребления иноязычных слов или необходимости их замены словесными эквивалентами из русского языка, что должно опираться на умения в сопоставлении их семантики, внутренней формы, коннотативных оттенков значения и стилистической окраски. В русле формирования этих умений в сравнительном анализе (лексико-семантическом, лексико-грамматическом, лексико-стилистическом) и должно осуществляться интегрирование конкретного образовательного содержания, чем в значительной мере и будет определяться повышение уровня языковой компетенции в отношении русского языка и языка-источника заимствованного слова.

Возникающие вопросы о методике необходимой интеграции пока не получают удовлетворительного ответа, т. к. специальных исследований пока не проводилось. Анализ содержания действующих учебников по русскому языку для начальной школы показывает, что привлечение современных англоязычных слов в качестве лексического материала носит единичный характер, не подкрепляясь какими-либо учебными сведениями о явлении лексического заимствования и заданиями, побуждающими к языковому анализу с использованием полученных знаний по английскому языку. В свою очередь, анализ учебных пособий по английскому языку для начальной школы и рабочих тетрадей школьников показывает, что преобладание линейного подхода над концентрическим приводит к однократному выяснению семантики слова без ее уточнения и расширения в дальнейшем в ходе сообщаемых лексико-грамматических сведений. При отсутствии этих сведений в учебниках некоторым подспорьем для учащихся могли бы стать школьный словарь-справочник по грамотному употреблению современных англоязычных заимствований. Однако такого словаря пока не создано.

Наш поиск решения поставленных вопросов привел к созданию образовательного модуля, интегрирующего содержание обучения русскому и английскому языкам в начальной школе в основных программных линиях (фонетике, словообразовании, грамматике, стилистике, синтаксисе) и реализованный для повышения уровня языковой компетенции в употреблении англоязычных заимствованных слов.

Цели образовательного модуля были определены с учетом выделенных содержательных составляющих языковой компетенции в ее поэлементном наполнении, что обеспечило возможный подход к оценке уровня ее сформированности. *Лингвистическая составляющая языковой компетенции:* 1) полученные на уроках русского и английского языков начальные знания о процессе заимствования русским языком англоязычных слов, их семантике, характерных признаках (фонетических, словообразовательных, морфологических) в связи с произносительными и орфографическими особенностями, историей происхождения; 2) умение устанавливать признаки англоязычности в заимствованных словах, сравнивать их по значению и форме (звуковой, графической, грамматической) с этимонами в английском языке, правильно образовывать от них грамматические формы и производные слова, подбирать русскоязычные синонимы; соблюдать нормы лексической сочетаемости; 3) проявление эвристического лингвистического мышления, языкового чутья в разграничении англоязычных заимствований и национально маркированных лексем русского языка; 4) становление познавательного интереса к изучению русского и иностранного языков в процессе сравнительно-сопоставительного лексического анализа.

Лингвокультурологическая / лингвострановедческая составляющие языковой компетенции: 1) элементарные представления о взаимосвязи языка, страны и культуры народа; о культурном фоне слова; о заимствовании англоязычных слов как результате межкультурного общения; 2) умение привлекать полученные знания по английскому языку для определения культурной маркированности англоязычных заимствованных слов; 3) опора на языковую догадку, чувство внутренней формы

в лексическом анализе англоязычных слов; 4) ценностное отношение к языковому образованию как источнику лингвокультурной информации, средству выстраивания культурных ориентаций.

Коммуникативно-речевая / культурно-речевая составляющая языковой компетенции: 1) первоначальные представления о культуре речи, правилах речевого этикета, требованиях к использованию англоязычных заимствованных слов (точности, уместности) для успешного решения коммуникативных задач; 2) умение осуществлять в построении собственного высказывания оправданный лексический выбор англоязычного заимствованного слова, оценивать уместность его употребления в речи окружающих; 3) развитие языковой рефлексии, проявление творческой интуиции в использовании заимствованных слов в речевой коммуникации; 4) бережное отношение к словарному богатству русского языка как отражению опыта общения между народами, проявление в речи чувства родного слова, взвешенность в использовании англоязычных заимствованных слов в собственной речи.

В определении частнометодических принципов построения интегрированного по содержанию образовательного модуля мы исходили из закономерностей развития словарного запаса детей. Усвоение детьми англоязычной лексики включается в общий процесс развития словаря детей. Динамика развития словесного значения в его предметной и понятийной соотнесенности отмечена постепенной объективацией и ее эмоционально-ценностным наполнением. Для детского возраста характерен поиск мотивированности наименований со стихийным упорядочиванием их в гнездоподобные отношения. Расширение словарного запаса: от бытовой лексики (наименования пищи, одежды) к социокультурной (досуговой, технической) лексике – обусловлено коммуникативной потребностью.

Вышесказанное позволило нам сформулировать принципы изучения иноязычных заимствованных слов в условиях интегрирования языкового образования: лексико-тематическая направленность интеграции содержания языкового образования; синхронное развитие лексических и грамматических

навыков словоупотребления англоязычных слов; сопоставление истории англоязычного слова и его реалии.

Поскольку содержание обучения опирается на определенный дидактический материал, мы выдвинули критерии отбора лексического материала: лексикографический (включение в словари русского языка); собственно языковой (вхождение в лексико-тематические группы по изучению начального курса английского языка); дидактический учет возникающих трудностей в употреблении англоязычных заимствованных слов; коммуникативная значимость (частотность, регулярность употребления).

Лексический материал должен быть освоен определенным способом, поэтому основным методом обучения выступает сравнительный языковой анализ англоязычных заимствований на русском языке и соответствующих английских лексем. Средством реализации сравнительного лексического анализа выступают учебные языковые задачи (лексико-семантические, лексико-грамматические, лексико-стилистические и др.).

Дополнительным носителем учебной информации может выступать русско-английский словарь заимствованных слов.

Сформулированные теоретико-методические положения позволили перейти к практической части нашего исследования.

Основной задачей его констатирующего этапа стала оценка практического состояния проблемы интеграции языкового образования в соотнесении с его результативностью. Проведением устных и письменных опросов педагогов (107 учителей начальных классов и иностранного языка Ярославского региона, Московской и Тверской областей) было подтверждено, что изучение русского и английского языков в начальной школе замыкается в рамки отдельных учебных предметов. В частности, учителям начальных классов были заданы следующие вопросы: кто ведет в начальных классах вашей школы уроки английского языка? Осуществляется ли вами профессиональное общение с учителями английского языка, и в чем оно заключается? Что вы можете сказать о содержании начального курса английского языка? По результатам опроса лишь 2% учителей проводят как

уроки русского, так и уроки английского языка в своем классе. Профессиональное общение учителей начальных классов с учителями английского языка сводится к обсуждению успеваемости обучающихся, их поведения на уроках. Подвергают анализу содержание учебников по английскому языку лишь 22% учителей, отмечая неготовность младших школьников к вводимой грамматической терминологии. Самостоятельные попытки проводить необходимую стыковку учебного материала в курсах русского и английского языков никем не осуществлялись, что объяснялось отсутствием специального образования. Подобные аргументы приводились и учителями английского языка, обнаружившими свою недостаточную осведомленность в содержании курса русского языка для младших школьников и его методики, ссылаясь на то, что соответствующая этому возрасту методика обучения только складывается.

Невыстроенность целостного языкового образовательного пространства препятствует развитию языковой способности у детей как речевого механизма формирования языковой компетенции, что отрицательно сказывается не только на достижении метапредметных, но и личностных образовательных результатов. По данным нашего исследования, охватившего 219 младших школьников (включая экспериментальные и контрольные классы) названных регионов, снижение познавательного интереса от второго к четвертому классу отмечается не только в изучении русского языка (к 4 классу этот показатель по русскому языку уже в течение многих лет составляет 20–25%), но и в изучении английского языка (за период начального обучения этот показатель снижается в два раза: с 92% у второклассников до 44% у четвероклассников). Не способствует развитию мотивации в изучении английского языка отсутствие у школьников представлений о нем как о средстве международной коммуникации и недостаточное осознание детьми значения его изучения «для себя» в смыслах расширения культурного кругозора, развития языковой способности. В своих объяснениях, зачем они изучают английский язык, учащиеся не сразу давали ответ: «Может быть, поеду в Англию... или Испанию, там тоже английский язык». На вопрос,

какой язык – русский или английский – следует знать лучше и почему, 24% четвероклассников назвали английский язык и связали свой выбор с желанием поехать за границу. Остальные учащиеся, указывая русский язык, прибегали к такому аргументу: «Нужно будет сдавать ЕГЭ», и лишь в ответах 1% школьников присутствовали смыслы их национально-культурной самоидентификации: «...потому что я живу в России».

Диагностические процедуры по выявлению сформированности языковой компетенции младших школьников в употреблении англоязычных заимствований состояли в следующем. В результате соотнесения содержания словарей для начальной школы по английскому языку и словарей современных иноязычных заимствований с учетом выдвинутых критериев был отобран диагностический лексический материал.

Он был подвергнут проверке на речевую культуру его употребления в устных и письменных высказываниях и коммуникативную значимость для младших школьников. Специально создаваемые коммуникативно-речевые ситуации показали незнание школьниками точного значения англоязычных заимствованных слов (*фломастер – цветной карандаш*), затруднения в их правильном произношении и написании (*скач*), допущение лексико-грамматических ошибок (*компьютерские классы*). Обнаружилась и ложная этимология англоамериканизмов (*скейтборт – от «борт», «бортик катка*). Речевое злоупотребление в качестве самостоятельного знаменательного слова иноязычной приставкой «супер» ведет к обеднению словарного запаса детей, невладению грамматическими словесными средствами русского языка со значением степеней сравнения. Не формируемое на уроках английского языка умение выстраивать словообразовательные гнезда [см. подробнее: Планируемые результаты... 2010], приводит к тому, что при понимании значения корневого слова (*short*) младшие школьники не могут объяснить мотивированности значений производных наименований (*shorts, short track*). Наоборот, чувство внутренней формы изучаемого англоязычного слова при недостатке знаний отрицательно сказывается на уровне лингвокультурологической компетенции (пу-

таница в словах *Гамбург* и *гамбургер*) и культурно-речевой компетенции (люблю *шопиться*). Отсутствие в школе единого речевого режима влечет за собой злоупотребление детьми молодежным, в том числе компьютерным, сленгом (*мобильнутый, добрый тотинг, комп, инет*), просторечиями (*ксерить*). При этом причина несформированности языковой рефлексии в использовании англоязычных слов обнаруживается уже на уровне ошибочных представлений о них: «*Заемствованные английские слова заимствуют из рассказов писателей*».

По итогам констатирующего этапа исследования был определен примерный лексический минимум англоязычных заимствованных слов для проведения формирующего эксперимента. Преобладающими тематическими группами выступили: техническая и спортивная терминология (*скейтборд, сноуборд, шорт-трек, ноутбук, компьютер, чип, ксерокс, Интернет, плеер, джип, диск*), лексика социальной сферы (*мэр, коттедж*), лексика бытовой сферы и массовой культуры (*шорты, джинсы, кроссовки, бигмак, хот-дог, гамбургер, чизбургер, йогурт, кетчуп, шоу, бизнес, скотч, фломастер, о'кей, хобби*), с их производными (*шопинг, шоумен, бизнесмен, супермен, диск-жокей, чипсы*).

Проведение формирующего эксперимента по повышению уровня языковой компетенции учащихся осуществлялось в процессе решения ими разработанной нами системы языковых учебных задач с лингвистической, лингвокультурологической, культурно-речевой направленностью, реализующих поисковый / проблемный методы обучения русскому и английскому языкам в сравнительно-сопоставительном анализе их лексических средств с привлечением фонетических, грамматических, стилистических, синтаксических сведений. Например: *Чем можно писать? А рисовать? Запишите слова-названия инструментов для письма и рисования: ручка, карандаш, фломастер. Чтобы написать слово «фломастер» без ошибки, посмотрите на английское слово-подсказку – flow-master: как оно пишется и произносится. Какая часть слова вам понятна по значению? Что же означает слово «мастер»? Верно, того, кто что-то хорошо умеет делать. Чтобы догадаться о значении первой части – flow, подумайте, чем фломастер отличается от карандаша, почему стержень фломастера нужно обязательно закрывать кол-*

пачком? Действительно, первая часть «flow» означает «течь, литься». Запишите по-русски слово «фломастер». Какую букву вы напишете в безударном слоге? Из какого языка заимствовано слово «фломастер»?

Освоение англоязычных заимствований было направлено на их культурно приемлемое употребление в речи, предупреждение сленга: *Как приветствуют по утрам друг друга англичане? А русские? Как вы относитесь к тому, что некоторые молодые люди, пытаясь показать свое знание английского языка, придумывают собственные приветствия, например, «добрый мoining»? Если знать, что древний корень слова «утро» был таким же как в слове «требуется», то каким важным смыслом наполняется приветствие «Доброе утро!» у русских людей?*

Систематическое решение учебных языковых задач в сочетании с традиционными упражнениями было направлено не только на освоение предметных знаний по русскому и английскому языкам, но и на формирование универсальных учебных действий с языковым материалом, осознанных обобщенных умений межпредметного характера, проявление творческой интуиции, развитие чувства языка как совокупных показателей языковой способности. Нарастание сложности задач заключалось в увеличении числа операций, входящих в способ ее решения, в сочетаемости заданий разных типов, что придавало задачам комплексный характер. Например. *Прочитайте слово из английского языка: shorts. Каково его значение? Как оно звучит по-русски? Как пишется? Какая часть слова указывает на форму множественного числа в английском языке? А в русском языке? Есть ли у слова «шорты» форма единственного числа? Как вы думаете, почему нет? Приведите примеры русскоязычных слов – названий одежды, не имеющих формы единственного числа. Чем отличаются шорты от брюк и трусов? Как назвать шорты для игры в теннис? Для отдыха на пляже? А бывают ли шорты для выхода в театр? Почему в русском языке отсутствует словосочетание «театральные шорты»? Каким видом одежды – мужским или женским – являются шорты? Закончите предложение, правильно употребив форму слова «шорты»: «Кроме (шорты) и джинсов, девочки носят юбки и платья». Проверьте правильность своих ответов по словарю англоязычных заимствованных слов.*

Необходимость обращения к словарю как носителю учебной информации объясняется тем, что первичные навыки работы с информацией входят в программу формирования универсальных учебных действий (поиска и систематизации, анализа и сопоставления, интерпретации и преобразования информации) и являются метапредметным образовательным результатом. Обеспечить этот результат позволил разработанный нами учебный словарь англоязычных заимствованных слов в русском языке с привлечением межпредметной языковой информации. Замысел словаря состоял в том, чтобы он, относясь к семейству филологических словарей, в то же время обладал чертами энциклопедического словаря, не ограничивающегося определением дифференциальных признаков денотативного значения, а расширяющего посредством экстралингвистической информации объем содержания обозначаемого понятия и способствовавшего тем самым формированию не только лингвистической, но и лингвокультурологической / лингвострановедческой компетенции. Однако использование словаря предполагало обращение к нему уже после решения языковой учебной задачи для проверки правильности ее решения. Так, с помощью словаря учащиеся смогли проверить правильность своего буквального перевода на русский язык англоамериканизма *hot dog* как «горячей собаки» и вместе с тем познакомиться с его возможными этимологическими версиями (сосиска в разрезанной булочке напоминает язык собачьей пасти), а также узнать о том, что «в Америке есть даже День хот-дога, который отмечается 18 июля». *Последующий вопрос: «Какое из названий „хот-дог“ или „сосиска в тесте“ лучше использовать в России?»* – позволил направить речевой выбор школьников в пользу русскоязычного выражения, так как, по мнению детей, «оно всем понятно», «оно аппетитнее».

Литература

- Ветчинова, М. Н. Изучение иностранных языков в гимназиях России (вторая половина 19 – начало 20 вв. / М. Н. Ветчинова // Педагогика. – 2013. – № 3. – С. 73–79.
- Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
- Воронина, А. В. Особенности компетентностного подхода к изучению иноязычной лексики в начальной школе / А. В. Воронина // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 1 (58). – С. 31–35.
- Воронина, А. В. Изучение иноязычных заимствованных слов на уроках русского языка в начальной школе : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Воронина Анна Владимировна. – Ярославль, 2010. – 27 с.

Эффективность модульного построения экспериментального курса подтвердилась результатами итоговой диагностики по решению четвероклассниками экспериментальных языковых задач и привлечением для проверки правильности их решения разработанного нами словаря. Средний показатель по трехбалльной шкале в экспериментальной группе составил 2,6 балла против 0,52 в контрольной группе. Показателем повышения метапредметного уровня формирования языковой компетенции выступили попытки обучающихся решать языковые задачи, построенные на лексическом материале, выходящем за рамки лексического минимума, и требующие в способе своего решения преобразования его алгоритма, опоры на смысловую догадку в сравнительно-сопоставительном анализе, что свидетельствовало о развитии языковой способности. Положительный предметный результат экспериментального обучения выразился не только в усвоении конкретных знаний и умений по русскому и английскому языкам, но и формировании общеязыковедческих понятий (язык, национальный язык, иностранный язык, иноязычные заимствованные слова). Тенденция повышения уровня языковой компетенции на личностном уровне обнаружилась в том, что в ситуациях выбора между употреблением англоязычного заимствования и русского эквивалента предпочтение отдавалось второму, что мотивировалось необходимостью бережного отношения к русскому языку, сохранения национально-культурных речевых традиций.

Подтверждением своевременности исследования выступило открытие на базе педагогического факультета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского бакалавриата с двумя профилями подготовки: «Учитель начальных классов – учитель в области иностранного языка» (2018 г.), направленного на подготовку педагогов, способных осуществлять интегрирование содержания образования.

Макеева С. Г., Мартынова Е. Н. Формирование языковой компетенции младших школьников...

Дворникова, Е. В. Личностно развивающее обучение русскому языку : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Дворникова Елена Викторовна. – Ярославль, 2006. – 22 с.

Жинкин, Н. И. Язык – речь – творчество [: избранные труды / Н. И. Жинкин ; составление, научн. редакция, текстологические примечания, биограф. очерк С. И. Гиндина. – М. : Лабиринт, 1998. – 368 с.

Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи / В. Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 1999.

Лернер, И. Я. Процесс обучения и его закономерности / И. Я. Лернер. – М. : Педагогика, 1980. – 289 с.

Львов, М. Р. Вечная тема, или попытка объять необъятное / М. Р. Львов // Русский язык в начальной школе: история, современность, перспективы. – М. : Прометей, 2007. – С. 9–14.

Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – XXI вв.: проблемы освоения и функционирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Маринова Елена Вячеславовна. – М., 2008. – 44 с.

Методика обучения иностранному языку : учебник-практикум для академического бакалавриата / под ред. О. И. Трубициной. – М. : Юрайт, 2018. – 384 с.

Новикова, Т. В. Англо-американские заимствования-варваризмы в современном русском языке (1990-е годы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Новикова Татьяна Валентиновна. – СПб., 2003. – 179 с.

Планируемые результаты начального общего образования / под ред. Г. С. Ковалевой, О. Б. Логиновой. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 2010.

Реализация компетентного подхода в образовательном процессе (круглый стол) // Педагогика. – 2013. – № 3. – С. 100–112.

Слобин, Д. Психолингвистика / Д. Слобин. – М. : КомКнига, 2006. – 352 с.

Харченко, В. К. Словарь современного детского языка : ок. 10000 слов : свыше 15000 высказываний / В. К. Харченко. – М. : Астрель ; АСТ ; Транзиткнига, 2005. – 637 с.

Фрумкина, Р. С. Психолингвистика / Р. С. Фрумкина. – М. : Академия, 2006.

References

Dvornikova, E. V. (2006). *Lichnostno razvivayushchee obuchenie russkomu yazyku* [Person-centered teaching of the Russian language]. Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Yaroslavl. 22 p.

Frumkina, R. S. (2006). *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, Akademiya.

Kharchenko, V. K. (2005). *Slovar' sovremennogo detskogo yazyka* [The dictionary of the modern children's language]. Moscow, Astrel', AST, Tranzitkniga. 637 p.

Kostomarov, V. G. (1999). *Yazykovoi vkus epokhi* [Linguistic taste of the era]. Saint Petersburg, Zlatoust. 330 p.

Kovaleva, G. S., Loginova, O. B. (Eds.). (2010). *Planiruemye rezul'taty nachal'nogo obshchego obrazovaniya* [The planned results of primary general education]. 2nd ed. Moscow, Prosveshchenie.

Lvov, M. R. (2007). *Vechnaya tema, ili popytka ob'yat' neob'yatnoe* [An eternal theme, or an attempt to embrace the immense]. In *Russkii yazyk v nachal'noi shkole: istoriya, sovremennost', perspektivy*. Moscow, Prometei, pp. 9–14.

Lerner, I. Ya. (1980). *Protsess obucheniya i ego zakonmernosti* [The learning process and its laws]. Moscow, Pedagogika. 289 p.

Marinova, E. V. (2008). *Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX – XXI vv.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya* [Foreign words in Russian at the end of the 20th – 21st centuries: Problems of mastering and functioning]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 44 p.

Novikova T. V. (2003). *Anglo-amerikanskije zaimstvovaniya-varvarizmy v sovremennom russkom yazyke (1990-e gody)* [Anglo-American borrowings-barbarisms in the modern Russian language (1990s)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Saint Petersburg. 179 p.

Realizatsiya kompetentnogo podkhoda v obrazovatel'nom protsesse (kruglyi stol) [Implementation of the competence-based approach in the education process (round table)]. (2013). In *Pedagogika*. No. 3, pp. 100–212.

Slobin, D. (2006). *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, KomKniga. 352 p.

Trubitsina, O. I. (Ed.). (2018). *Metodika obucheniya inostrannomu yazyku* [Methods of teaching foreign languages]. Moscow, Yurait. 384 p.

Vetchinova, M. N. (2013). *Izuchenie inostrannykh yazykov v gimnaziyah Rossii (vtoraya polovina 19 – nachalo 20 vv.)* [Learning foreign languages in gymnasiums in Russia (the second half of 19th – early 20th centuries)]. In *Pedagogika*. No. 3, pp. 73–79.

Voronina, A. V. (2009). *Osobennosti kompetentnogo podkhoda k izucheniyu inoyazychnoi leksiki v nachal'noi shkole* [Specific features of the competence-based approach to the study of foreign language vocabulary in the elementary school]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. No. 1 (58), pp. 31–35.

Voronina, A. V. (2010). *Izuchenie inoyazychnykh zaimstvovannykh slov na urokakh russkogo yazyka v nachal'noi shkole* [A study of foreign borrowed words at primary school lessons of the Russian language]. Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Yaroslavl. 27 p.

Vygotskii, L. S. (1999). *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow, Labirint. 352 p.

Zhinkin, N. I. (1998). *Yazyk – rech' – tvorchestvo* [Language – speech – creativity]. Moscow, Labirint. 368 p.

Данные об авторах

Макеева Светлана Григорьевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики преподавания филологических дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108).

E-mail: vvmaketi@rambler.ru.

Мартынова Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108).

E-mail: martlen2009@yandex.ru.

Authors' information

Makeeva Svetlana Grigorievna – Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Department of Theory and Methods of Teaching Philological Disciplines, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

Martynova Elena Nikolaevna – Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Theory and Methods of Teaching Philological Disciplines, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

«ЧЕГО НЕ ЗРЯТ РАВНОДУШНЫЕ ОЧИ»: ОТ ПИСЬМЕННЫХ РАБОТ К ПОСТИЖЕНИЮ ЛИТЕРАТУРЫ В 9 КЛАССЕ

Когут К. С.

Специализированный учебно-научный центр Уральского федерального университета
им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5402-249X>

Аннотация. Цель статьи – понять тенденции в восприятии школьниками хрестоматийных произведений Пушкина и Лермонтова, наметить возможные пути их вдумчивого постижения в практике школьного преподавания. Предлагаются разноуровневые задания по изучению трех тем школьного курса литературы в девятом классе: «Анчар» А. С. Пушкина, сопоставление двух шедевров его любовной лирики, фрагмент урока, посвященного «Герою нашего времени» М. Ю. Лермонтова; приводятся и анализируются выписки из письменных работ и сочинений учащихся. Три разных темы объединены формой работы с художественным произведением – медленным чтением. Вопросы, адресованные ученикам, возвращают к слову писателя, наталкивают на размышление и повторное перечитывание. Автор статьи опирается на подходы к преподаванию литературы и методику работы над школьным сочинением, представленные в работах М. А. Рыбниковой, Л. С. Айзермана: сочинение по литературе рассматривается не как проверка знаний учащегося, о которых нужно отчитаться, а как коллективный поиск истины, который требует читаться в текст. Споря или соглашаясь с работами учеников, учитель вместе с ними делает шаги в постижении произведений русской классики. Результаты письменных заданий позволяют по-новому взглянуть на знакомые произведения, разобраться в том, что интересует современного школьника на уроке литературы. Предлагаемые задания могут быть востребованы учителями-словесниками в планировании как уроков литературы для девятого класса, так и факультативных занятий и подготовки к ЕГЭ.

Ключевые слова: урок по поэзии; медленное чтение; обучение сочинению; Пушкин; Лермонтов.

“WHAT INDIFFERENT EYES CAN NOT SIGHT”: FROM WRITTEN WORKS TO THE UNDERSTANDING OF LITERATURE IN THE 9TH GRADE

Konstantin S. Kogut

Advanced Educational Scientific Center, Ural State Federal University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5402-249X>

Abstract. The purpose of the article is to discover the tendencies in the perception by schoolchildren of the curriculum works of Pushkin and Lermontov and to outline the possible ways of their thoughtful comprehension in practical school teaching. The author presents multilevel learning assignments for three themes of the school literature course in the ninth grade: “Anchar” by A. Pushkin, a comparison of two masterpieces of his love lyrics, a fragment of a lesson dedicated to “The Hero of Our Time” by M. Yu. Lermontov and analyzes extracts from written works and essays. The three different themes are united by the form of work with a piece of fiction – slow reading. Questions addressed to students bring them back to the word of the writer, prompting reflection and re-reading. The author of the article turns to the approaches to teaching literature and the methods of teaching school composition writing presented in the works of L. S. Aizerman: a composition in literature is not considered as a test of the student’s knowledge, which needs to be reported, but as a collective search for truth, which requires careful reading into the text. Arguing or agreeing with the students, the teacher, together with them, takes steps in exploring the works of Russian classics. The results of written assignments allow the teacher to take a fresh look at familiar literary works and to see what interests a modern student in a literature lesson. The suggested assignments can be in demand by language teachers in planning both literature lessons for the ninth grade and optional classes and preparation for the exam.

Key words: poetry lesson; slow reading; teaching composition writing; Pushkin, Lermontov.

Для цитирования: Когут, К. С. «Что не зрят равнодушные очи»: от письменных работ к постижению литературы в 9 классе / К. С. Когут. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 232–243. – DOI: 10.26170/FK20-03-20.

For citation: Kogut, K. S. (2020). "What Indifferent Eyes Can Not Sight": From Written Works to the Understanding of Literature in the 9th Grade. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 232–243. DOI: 10.26170/FK20-03-20.

На одном из уроков по литературе в девятом классе я раздал каждому ученику анекдот о М. В. Ломоносове: «Будучи уже известным ученым, Ломоносов до последних дней испытывал нужду. Однажды придворный вельможа, заметив у Ломоносова маленькую дыру в кафтане, из которой выглядывала рубаша, ехидно спросил: „Ученость, сударь, выглядывает оттуда?“ – „Нисколько, – ответил Ломоносов, – глупость заглядывает туда» [Бондаренко 1963: 108]. Вопрос: что вы можете сказать о Ломоносове как о человеке? Молчание всего класса. И спустя некоторое время несмелое предположение одного из учеников: «Ломоносов был асоциальным человеком». Разумеется, ответ каким-то образом следовал из прочитанного фрагмента. Точнее, в этом фрагменте было вычитано нечто такое, чего там не только нет, но и что противоречит ему вовсе. Я прекрасно понимаю, что описанный случай в сжатой форме содержит проблему адекватного прочтения не только художественного произведения, но и всякого текста на уроках.

Задача предлагаемой статьи – понять, как девятиклассники воспринимают некоторые произведения школьной программы по литературе, и попытаться наметить возможные пути их вдумчивого постижения. Заранее оговоримся, что речь пойдет о письменных работах и сочинениях девятого класса негуманитарного профиля.

Сделаю несколько предварительных замечаний о сочинении по литературе сегодня. В 2014 г. в России было введено обязательное для всех одиннадцатиклассников итоговое сочинение. Оценка выставляется по системе «зачет-незачет» и влияет на допуск к ЕГЭ¹.

Остановлюсь только на одном принципиальном моменте итогового сочинения: художественному произведению во всем богатстве его смыслов отводится место иллюстрации, «примера» к уже высказанному аргументу². Ученик уже высказал суждение, а литературный «пример» нужен только «для галочки». Тогда и произведение читается не для того, чтобы лучше его понять, прочувствовать, а для того, чтобы подобрать из него соответствующие «примеры». Хотя, казалось бы, заявленная «литературоцентричность» работы должна ориентировать пишущего на личные суждения и размышления, которые рождаются при прочтении литературного произведения. Нужно ли говорить о том, что в результате итоговое сочинение оказывается абстрактной схемой, которая подталкивает ученика не к глубокому размышлению о жизни и о себе, а к власти штампа и клише, но чаще – к пустословию. Приведем только один выразительный пример. В 2019 г. одиннадцатиклассник, размышляя о добре и зле, пишет: «Нужна ли доброта? Человек должен творить добро, но не всегда на добро хватает ресурсов. Например, Раскольников в „Преступлении и наказании“ хотел помочь бедным людям, но не мог. <...> Приведем другой пример. В рассказе Горького „Старуха Изергиль“ Данко помог людям выйти из леса, т. е. сделал доброе дело». Что ж, позиция заявлена, «примеры» из произведений упомянуты. Только вот зачем все это? И какое имеет отношение к литературе?..

В своей работе мы опираемся на иное понимание задач школьного сочинения по литературе, высказанное в работах московского учителя Л. С. Айзермана, более 70 лет посвя-

¹ Об итоговом сочинении уже написано немало [Пранцова 2016; Пранцова, Романичева 2018; Сочинение в школе XXI века]. В 2014 г. сочинению была посвящена обширная рубрика в журнале «Литература».

² В Методических рекомендациях приводится концепция письменной работы: «Итоговое сочинение, с одной стороны, носит надпредметный характер, то есть нацелено на проверку общих речевых компетенций обучающегося, выявление уровня его речевой культуры, оценку умения выпускника рассуждать по избранной теме, аргументировать свою позицию. С другой стороны, оно является литературоцентричным, так как содержит требование построения аргументации с обязательным привлечением примера (-ов) из литературного материала» [Методические рекомендации 2020: 7].

тившего преподаванию литературы в школе, автора более чем 20 книг. Говоря о задачах школьного сочинения, он основывается на идеях М. А. Рыбниковой: «Чтобы правильно поставить письменные работы, нужно уяснить себе и воспитательные и образовательные цели и возможности... постановка и проведение сочинений есть один из наиболее результативных методов в системе литературного образования... Отношение словесника к сочинению как только контролю знаний совершенно губит дело... Хорошо читать – это значит рассуждать, это значит мыслить вместе с автором»¹ [Рыбникова 1958: 483]. «Работая над сочинением, – пишет автор, – ученик, пусть сам того и не понимая, решает не одну, а две задачи: он глубже постигает данное художественное произведение, обогащает свое первоначальное восприятие и вместе с тем (о чем он может, конечно, и не думать, работая над сочинением) учится понимать язык образов, читать литературу по-литературному» [Айзерман 2012: 86]. Во время написания сочинения ученик вчитывается, а не отчитывается. Такая работа не только дает возможность уйти от клише и штампов, но и позволяет учителю скорректировать «пробелы» в понимании произведения классом, выстроить с ним работу над прочитанным на уроке анализа сочинений. Таким образом, сочинение выступает еще и как способ коллективного поиска истины.

Рассмотрим, как такой подход к школьному сочинению по литературе может быть применен при изучении конкретных произведений на уроках в 9 классе.

1

Не первый год мы вместе с 9 классами читаем пушкинский «Анчар» – один из шедевров поэта. Стихотворению мы посвящаем отдельный урок. Говорим о том, что древо яда – это древо вселенского зла, видимое из любой точки вселенной; размышляем о том, что не человек у Пушкина сотворил зло – оно объективно существует в мире («природа... его в день гнева породила»); говорим о том, что смертоносный

яд этого древа медленно, по капле из ветвей, распространяется по мирозданию.

И дальше самое интересное: царь-деспот отправляет раба к анчару за самым страшным ядом. Затем князь напитокывает этим ядом свои стрелы и уничтожает соседние народы, распространяя тем самым зло с невероятной скоростью. Говорим о том, что князь – двойник анчара, т. е. человек и способствует все более скорому распространению зла. Все это ребятам понятно. Разными словами они говорят о том же самом. Кстати, на этом уроке литературы класс работал очень хорошо: пытались высказаться даже те, кто обычно предпочитает молчать. Позднее мы увидим, насколько это впечатление обманчиво.

В классе мы обсуждаем стихотворение, но не разбираем последнее четверостишие. За 10 минут до конца урока даю письменное задание: перечитайте внимательно последнее четверостишие и скажите: послушный раб – жертва князя или невольный убийца и соучастник зла?

Посмотрим, что пишут девятиклассники. 44% писавших сказали о том, что раб – жертва князя. Вот что пришлось прочитать в таких работах:

«У раба не было выбора. Раб не хотел умирать, наверное, он не знал исхода событий. Поэтому сложно раба назвать соучастником или убийцей. Возможно, с другой стороны, раб знал, что умрет, и он понимал, что неправильно будет, что умер только он один, поэтому принес князю яд, чтобы тот пустил стрелы в других, в таком случае его тоже нельзя считать убийцей. Ведь его отправили одного».

«Я считаю, что раб – жертва хозяина. Он совершил опрометчивый поступок от безысходности и из-за положения в обществе. Он и не мог поступить иначе».

«Он не знал, что владыка будет с помощью этого яда убивать других».

«Он мог только догадываться, что „царь“ будет делать с этим ядом».

Конечно, меня интересует качество аргументации, доказательства, размышления. Мнение не оценивается. Но все-таки обратите внимание на логику: «неправильно будет,

¹ Эти идеи Л. С. Айзерман развивает в трех своих книгах, посвященных сочинению: «Школьник пишет сочинения» (1977), «Сочинение о сочинениях» (1986), «Сочинения о жизни и жизнь в сочинениях» (2012).

что умер только он один... в таком случае его тоже нельзя считать убийцей»; «не мог поступить иначе» – а значит не убийца, «наказан», поэтому не убийца, «не знал», поэтому не убийца... Нет ли в этих строчках частичного оправдания тирании, деспотизма и, возможно, убийства? Что стоит за написанным рукой девятиклассников «не было выбора»? Выбор как раз был. Да, раб бы умер в любом случае: послушайся он князя или выполни его волю. Только во втором случае все хуже: он умер еще и в муках, одновременно добыв оружие, уничтожившее целые народы.

– Но ведь даже при отказе раба царь отправил бы другого за ядом, – возражает кто-то из класса, – и тогда он все равно исполнил бы задуманное.

– А что если за одним рабом Пушкин увидел человечество? Что если один раб у него – это всякий человек? – спрашиваю в ответ. Молчат. В качестве ответа открываю стихотворение и читаю фрагмент:

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы...

[Пушкин 2021: 162]

«Послушливые» стрелы и послушный раб. На это совпадение обратили внимание только два человека: «„Стрелы“ не имеют своей воли, их просто запускают для гибели человека. „Стрелы“ – рабы князя, их тоже безвольно запускают»; «его послал князь (как послушливую стрелу) – сам он не совершил бы этого».

40% писавших сказали о том, что раб все-таки соучастник убийства. Посмотрите, как обстоятельно доказывают свою точку зрения эти ребята:

«Я думаю, что на любые порабощения можно отвечать своим несогласием, если оно есть. И мне кажется, что раз раб подчиняется одному взгляду хозяина, то его устраивает позиция хозяина. Раб, если бы не был соучастником князя, и свою жизнь мог бы отдать за покой во всем мире, восстать, уйти от царя. Но тот послушно выполнил приказ. Значит, собственной мысли у раба не возникло, или

он ее не захотел защищать. Система: раб принес яд, царь напитал стрелы. Если бы раб не принес яд, то у князя бы ничего и не вышло».

«Скорее, невольный убийца и соучастник зла, потому что он мог изначально отказаться от похода к анчару. Человек по природе своей свободен, и раболепно отправляться к дереву зла только из-за властного взгляда другого человека – унижения. Тем более, если учитывать то, что анчар является воплощением зла, то раб, по сути, совершил зло во имя своего властителя, что повлекло за собой злые деяния уже самого владыки».

«Я думаю, что раб виновен в том, что случилось, не меньше князя. Ведь раба не заставляли нести яд. Он сыграл одну из ключевых ролей в распространении яда своей безвольностью, отсутствием своего мнения. Ведь что за бред – раб и царь оба люди, обоих создала природа, по большей-то части они равны. Но из-за каких-то навеянных обычаями и устоями мнений, раб поверил, что он не может никак перечить царю, ведь своего мнения у него не было, иначе он бы не пошел на смерть от одного лишь взгляда. И я не думаю, что раб не понимал, что случится, если царь получит яд».

Но он не спорил, не сбежал, не вылил яд. Ведь если бы он не донес яд, то все равно скорее всего погиб бы по указу царя. Но он просто выполнил то, что ему сказали, как последнее ничтожество».

«„Послушный раб“ – не только жертва князя. Человек должен иметь свою точку зрения и следовать ей. Иначе, правда, можно заставить человека делать что угодно. Безвольный человек может нанести обществу еще больший вред, нежели человек, сознательно идущий на какой-либо поступок, потому что у человека, осмысляющего свои действия, хотя бы цель есть, ради которой он и совершает что-то дурное, а человек, не имеющий собственной воли делает это по факту просто так».

Я особенно удивлялся, читая последний фрагмент. Уже в 9 классе (а может, это как раз и самое время) учащийся понимает, что значит отсутствие собственных убеждений, какой вред безвольный человек может нанести людям. И как трудно иметь волю: нужно ставить перед собой цель, мыслить самостоятельно (пушкинское «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»).

Только 16% проникновенно написали о том, что раб одновременно и жертва, и убийца. Вот один из удививших меня отрывков:

«Он не жертва князя, он жертва своего решения... Он причастен не только к собственной гибели, но и к будущей войне, где погибнут сотни тысяч людей, т. к. могущество яда слишком велико. Я полагаю, что он не только соучастник зла, он наравне с владыкой, т. к. его поступок – это то же самое зло».

В написанном есть свои неточности. Но понято нечто важное. Ю. М. Лотман пишет: «Сложнее образ раба. Он, бесспорно, вызывает наше сочувствие. Эпитет „бедный“, выразительная картина: „И пот по бледному челу / Струился хладными ручьями“ создают образ страдающего человека, жертвы деспотической воли князя. Однако нельзя не заметить, что послушание раба, его покорность, готовность, жертвуя жизнью, выполнить волю деспота... объективно служат делу деспотизма. Раб – не только жертва, но и распространитель зла» [Лотман 1996: 799].

«Анчар» прочитан. Прошел урок анализа письменных работ (самые удавшиеся я читал классу). Считать ли успешным урок, натолкнувший ребят на подобного рода размышления? Несомненно. Более того, проделанная работа крайне важна и для учителя. В 2017 г. вышел перевод на русский язык книги Дэвида Коэна «Ловушки преподавания». Автор размышляет: «Большинство учителей... не особенно приглядываются к тому, что творится в головах учеников, и не пытаются корректировать свои методики преподавания. Такие учителя не стремятся взглянуть на изучаемый материал глазами ученика, а затем преподнести его с учетом сделанных выводов» [Коэн 2017: 53]. И особенно важный момент: «Если математику и литературу определять в терминах смелых и широких, мы обнаруживаем, что на многие вопросы есть несколько подходящих ответов, а к каждому подходящему ответу – несколько вариантов решения. Это усугубляет неопределенность попыток понять, что такое знание вообще, что знает конкретный человек и насколько хорошо. Такая неопределенность необходима для глубокого понимания... Ответы бывают непонятны, и нет чет-

ких критериев, что считать правильным. Ученикам предстоит многому научиться, и процесс научения будет для них труднее...» [Коэн 2017: 75]. Размышляя с ребятами об «Анчаре», мне как раз и хотелось уйти от «отточенных формулировок».

Увидеть всю сложность образа раба в 2020 г. смогла только половина класса. В 2019 г. весь класс почти единогласно увидел в рабе главного соучастника зла. В чем причина? Невнимательно прочитанное стихотворение? Вряд ли. Дело тут, кажется, в другом. В 2019 г. класс отвечал на этот вопрос устно, поэтому каждый слышал ответы товарищей. А в следующем году письменный формат вынуждал идти от личного прочтения и только от него. И вот тут как раз и проявилось «недочувствие», суть которого точно сформулировал Л. С. Айзерман: «Читая ученические сочинения, не всегда можно отличить нравственные смещения от эстетической незоркости. А может быть, вообще так вопрос ставить нельзя? Не проявляются ли в эстетической незоркости сдвиги в нравственной подоснове?» [Айзерман 2012: 46].

Для сильных профильных классов можно предложить такое обобщающее задание: сравните «Анчар» и «Пророк» Пушкина. Два разных взгляда на человека, который оказался в пустыне мироздания («В пустыне чахлой и скупой...» и «В пустыне мрачной я влачился»)¹. Составление из цитат сопоставительной таблицы могло бы приблизить учащихся к пониманию напряженных поисков поэтической мысли.

Когда все итоги подведены, предлагаю желающим (ни в коем случае не в обязательном порядке) новый вопрос. Ставлю за ответ на него две «пятерки». Читаю две строки из стихотворения: «Природа жаждущих степей / Его в день гнева породила...». Объясняю, что «день гнева» в понимании Пушкина – это день грехопадения, напоминаю библейскую легенду о древе познания добра и зла и об изгнании Адама и Евы из Эдема. Но почему Анчар у Пушкина сотворен именно в «день гнева»? На этот вопрос не ответил никто, хотя, казалось бы, все понятно: именно в это мгновение в мире зародилось зло. И потому все

¹ Идея сопоставления двух пушкинских стихотворений принадлежит В. С. Непомнящему [Непомнящий 2001].

перевернулось: древо Познания стало древом Зла. Учитель мог бы дополнить такой ответ. Суть этого переворота – в попытке человека встать на место Бога. Д. В. Щедровицкий в своем комментарии к Ветхому Завету задается вопросом: что такое «познание добра и зла»? «По-видимому, это погружение в такое состояние, в котором человек, не повинаясь воле Божьей, хочет сам решать, что для него является добром, а что злом. <...> Итак, Адам имел возможность вкушать плод с дерева познания добра и зла, т. е. нарушить Божью волю, отвергнуть Его водительство, решиться на самостоятельные этические решения, а значит, в конечном итоге, „познать зло“. <...> Поэтому „познать добро и зло“ означает еще „стать причастным не только добру, но и злу“» [Щедровицкий 2013: 56]. Тогда становится ясно, что Анчар «стоит один во всей вселенной», виден из любой ее точки, но не потому, что является фантастическим допущением, вымыслом, а потому, что реально произрастает в душе каждого человека. И каждый из нас, подобно царю, посылает за ядом своего раба. И тот каждый раз послушно приносит «смертную смолу».

2

Через несколько уроков те же учащиеся будут писать классные сочинения. И вновь от ребят потребуются внимательное вчитывание в небольшое по объему стихотворение. Результаты этой работы будут лучше письменных ответов по «Анчару». Но для того, чтобы ребята справились с таким сочинением, учителю необходимо подвести их к нему.

Первый этап – урок по пушкинскому стихотворению «На холмах Грузии...». Интересные пути прочтения этого стихотворения на школьных уроках уже описаны в методической литературе. Второй этап – задание выучить наизусть стихотворение «Я вас любил...». Оба стихотворения, таким образом, прочитаны и в разной степени поняты.

Очевидно, что сочинение по литературе не должно проверять знания учащихся. В этом нет никакого смысла. Допустим, мы даем школьникам такую тему: «Любовь в стихотворении А. С. Пушкина „На холмах Грузии...“». Что мы получим? Подобная работа сведется

к неосмысленному повторению учащимися уже сказанного одноклассниками и учителем на уроке. Стихотворение будет подменено информацией о стихотворении. Ни о каком живом понимании здесь не будет и речи. Поэтому во время классного сочинения я даю такую тему, которая заставит не только по-новому взглянуть на уже известное, но и подтолкнет на творческий поиск ответа. К этому ответу ребята подведены работой на предыдущих уроках по поэзии Пушкина.

Итак, тема классного сочинения: «Два стихотворения А. Пушкина о любви („На холмах Грузии...“ и „Я вас любил...“»)». Написание – два урока. Отдельно предупреждаю, что писать нужно не все подряд. Задача – сравнить два стихотворения, написанных в один и тот же год, имеющих даже одинаковый объем в восемь строк. Специально не даю никаких критериев для сравнения – их нужно установить самостоятельно (у каждого они будут свои). Желательно сказать не только о том, что объединяет два стихотворения, но и о том, чем они отличаются. Можно пользоваться своими записями в тетради, текстами стихотворений, черновиками.

Малый объем двух стихотворений вынуждал пишущих вчитываться едва ли не в каждое пушкинское слово, размышлять над отдельными строчками. Такая работа видится полезной: она учит читать лирику как лирику, со-размышлять, слушать и слышать голос поэта.

Что получилось в итоге? Писали об общем и о разном в двух стихотворениях. Начну с того общего, что было понято большинством.

«В обоих стихотворениях изображается неугасшая любовь и грусть оттого, что лирический герой любил безответно».

«„Любовь еще... угасла не совсем“ и „Сердце... не любить... не может“. Любовь лирического героя живет всегда – сердце не может не любить. <...> „Печаль моя полна тобою, / Тобой, одной тобой“ и „То ревностью томим... Как дай вам бог любимой быть другим“. Любовь в обоих случаях является безответной».

Половина писавших сочинение отмечают безответную любовь. И в первом, и во втором случае перед нами воспоминание о любви, которая осветила всю жизнь человека. Несмотря на то, что адресат стихотворения «Я вас любил...» до сих пор неизвестен и является

предметом дискуссий, трудно не согласиться с подобным суждением.

Открываем книгу С. А. Фомичева «Поэзия Пушкина. Творческая эволюция» (1986): «Стихотворение рождается в печальный миг, и это не резко, как все в этом стихотворении, но отчетливо обозначено единственным тропом: „любовь – угасла“. <...> Грусть уходящего чувства, но исчезновение это не опустошает: любовь запечатлелась в сердце поэта и воспоминание о ней не тягостно, а благовторно» [Фомичев 1986: 185]. Итак, уходящее чувство, которое восполняет сердечную пустоту. Уходящее, но не ушедшее окончательно. Эту тонкую связь двух стихотворений ощутили уже далеко не все. Вот что писали девятиклассники:

«Первое стихотворение говорит нам „люблю“, тогда как второе – „любил“. Время – первое различие».

Другой девятиклассник так оспорил это суждение:

«Обратим внимание на глаголы в каждом из стихотворений. В „На холмах Грузии...“ в приоритете у автора глаголы настоящего времени (шумит, мучит, тревожит, горит, любит). Это может говорить о временном промежутке переживаний лирического героя. А конкретно, о настоящем. <...> Если же обратиться к стихотворению „Я вас любил...“, то мы можем заметить... глаголы прошедшего времени: любил, угасла. Это может говорить нам о том, что сила любви лирического героя значительно снизилась, но не угасла до конца. В обоих стихотворениях используются глаголы несовершенного вида, то есть лирический герой еще не разлюбил, да и, скорее всего, никогда не сможет, потому что этот огонек будет слабо, но вечно гореть в душе любящего человека.

В „На холмах Грузии...“ лирический герой смирился с расставанием и готов любить дальше. В стихотворении „Я вас любил...“ он не смог смириться с утратой любимого человека, и он будет продолжать любить дальше».

Нет, не смирился он в обоих стихотворениях: «Сердце вновь ГОРИТ и ЛЮБИТ – оттого, / что НЕ ЛЮБИТЬ оно НЕ МОЖЕТ». Здесь разная мера страдания и печали, но общее отношение к ней – невозможность смириться с разлукой, а напротив, готовность мужественно перенести ее. Это пушкинское отно-

шение к настоящему чувству увидели тоже не все.

А теперь самое трудное: различие между двумя стихотворениями. Почти все писавшие обратили внимание на последнюю строчку: «Как дай вам бог любимой быть другим». Она и вызвала наибольшие затруднения. И в этих затруднениях и проявилась одна из главных проблем – формальное (а порой и буквальное) понимание поэтических произведений школьниками.

«В „На холмах Грузии...“ нет ни одного местоимения „я“, лирический герой ставит себя на второе место по важности, уступая первое место объекту своей любви. А „Я вас любил...“ начинается с „я“, и это местоимение присутствует в половине строчек. Объект любви перестает быть самым важным, лирический герой выпускает его из своих мыслей».

В этой интерпретации второго стихотворения сказались особенности работы в классе над первым. Вопрос о «безличности» синтаксического рисунка «На холмах Грузии...» я задавал ребятам на уроке. Тогда я спросил у класса: как бы они могли объяснить настойчивое повторение безличных конструкций в стихотворении Пушкина? «Мне грустно и легко» вместо «я грущу»; «печаль моя светла» вместо «я печален» и т. д. Никто из 26 девятиклассников объяснить не смог (была версия за гранью здравого смысла: «я» в стихотворении нет, потому что лирический герой умер). Разумеется, в 8 классе все они на уроках русского языка изучали безличные предложения и умеют находить их в тексте. В начале девятого класса эти предложения вновь были предметом разговора на уроках русского языка. Но одних только знаний для понимания стилистических особенностей таких предложений недостаточно. И вот сейчас только одна девочка сказала о жертвенном характере любви, в котором недопустимо никакое «я». Вместо «я люблю» у Пушкина «сердце любит». И потому провокационным оказалось повторение «я» в стихотворении «Я вас любил...». Велик соблазн увидеть эгоистический характер влюбленности. И ведь действительно, в «Я вас любил...» пять «я» на восемь поэтических строк. Но все это только математический подсчет, формальная сторона. Нам предстоит вчитаться в эти самые

строки, услышать их, а не делать скорых выводов.

На уроке анализа сочинений я спросил учащихся: «Получается, что все стихотворения о любви в мировой поэзии, в которых есть „я“, эгоистичны?» Вспомним сонет Шекспира:

Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.

То же и у Пушкина. Ведь если мысль была бы замкнута исключительно на себе, то не было бы никакого смысла желать возлюбленной счастья. И не было бы смысла вообще желать ей такой же любви, как своей собственной. Нет, тут дело не в формальном повторении «я». Только 23% из числа писавших увидели (хоть и по-разному), что стоит за этой поэтической строчкой. Всего одной пушкинской строчкой. И сколько всего увидели!

«Лирические герои в этих стихотворениях не эгоистичны, а наоборот, самоотвержены, так как один способен отказаться от своей любви во имя любимой, а другой на расстоянии от нее отказывается от своих выгод».

«В „На холмах Грузии...“ сама печаль связана с объектом любви лирического героя... А в стихотворении „Я вас любил...“ акцент перенесен на будущее состояние возлюбленной. Лирический герой не хочет докучать собой, потому как он понял, что любовь его безответна. Он оставляет свои чувства в стороне ради счастья другого человека, ведь поступив иначе, лирический герой может причинить ему боль, что недопустимо из-за любви к нему: „Я не хочу печалить вас ничем“».

«В стихотворениях есть однокоренные слова „печаль“ и „печалить“: „Печаль моя светла“ и „Я не хочу печалить вас ничем“. Но если подумать, то за ними стоят разные переживания. В первом случае лирический герой сам чувствует эту печаль и грусть, а во втором герой говорит о том, что не хочет передавать это состояние своей возлюбленной. То есть во втором стихотворении герой не говорит конкретно, что чувствует сейчас боль или грусть, а он беспокоится о девушке, о том, как она себя чувствует».

«Пушкин пишет: „Я вас любил так искренно, так нежно...“ – нежность означает заботу.

Он заботится о ней, и он не хочет резко врываться в ее жизнь, он даже не сообщает о любви: „Я вас любил безмолвно“. А теперь он понимает, что причинял ей страдания и решает сделать вид, будто разлюбил. <...> Это признак очень большой, но самопожертвенной любви». Речь о силе чувства, способного отказаться даже от самого себя. Эту готовность лирического героя к самопожертвованию ощутили и другие учащиеся.

«Поэт все еще любит, но понимает, что этим он только тревожит свою избранницу. Автор желает ей найти другого человека, которого она полюбит. Это доказывает искренность и силу его чувств. Он хочет, чтобы она была счастлива, несмотря ни на что».

Только сделать вид. Смягчить свои признания не ради себя, а ради нее (отсюда вводное сочетание «любовь еще, БЫТЬ МОЖЕТ, в душе моей...»). И даже отречься от своей любви ради ее счастья. Пожертвовать всем, даже своим чувством, во имя ее покоя. Здесь нет никакого эго. Любящий отказывается от любви не из-за собственной слабости, а как раз потому, что силен. С. А. Фомичев в упомянутой выше книге так объясняет многократное повторение «я» в стихотворении: «Не только последняя строка, но и все стихотворение – мольба о счастье любимой. В самой фразе „Я вас любил“, повторенной, как заклинание, трижды, метрическое ударение падает на слово „вас“, оставляя первое слово безударным» [Фомичев 1986: 186].

Безударное «я», жертвенный характер любви в «Я вас любил...» – все это в одном из сочинений получило новый интересный поворот:

«Можно заметить, как обращается автор к девушкам: в первом стихотворении используется только „ты“, а во втором – „вы“. Это может показывать различие самих чувств Пушкина. В „Я вас любил...“ он отдаляет себя, как и любовь, от девушки, а в „На холмах Грузии...“ он наоборот пытается стать ближе, два раза обращаясь: „Тобой, одной тобой...“».

Одна пушкинская строчка – и столько разных мыслей, сосредоточенных вокруг нее. Вот наглядная демонстрация неисчерпаемости пушкинского слова. Об этом я также говорил на уроке анализа сочинений. Айсберг, у которого только 1/7 находится на поверхности,

а все остальное скрыто в морских глубинах. «Семя, рождающее леса» (А. Платонов).

Так появилась идея для будущего года: сосредоточить разбор «Я вас любил...» на этой одной строке. Оставим тему сочинения прежней, но при ее объявлении зададим два наводящих вопроса:

1. Чем объяснить отсутствие «я» и повторяемость «я» в первом и во втором стихотворении?

2. Что, на ваш взгляд, стоит за местоимением «ничем» в строке «Я не хочу печалить вас ничем»?

Так получилось бы сосредоточить внимание пишущих на смысле даже не отдельных строк, а отдельных слов («я» – «ничем»). Ожидать, что весь класс услышит Пушкина, разумеется, не стоит. Но подобного рода вчитывание, вслушивание в микрофрагменты помогло бы глубже проникнуть в текст, по-новому посмотреть на то, что казалось уже понятным. И даже если не все смогут написать обо всем в своем сочинении, учитель расставит нужные акценты на уроке анализа работ, зачитает наиболее удавшиеся фрагменты. Л. С. Айзерман пишет: «Я всегда относился к сочинениям как к коллективным поискам истины (это невозможно в традиционных сочинениях, когда цель – чтобы все написали приблизительно одно и то же) и видел свою роль в том, чтобы сделать достоянием всех найденное каждым» [Айзерман 2012: 47].

В одной статье В. С. Непомнящий вспоминает такой эпизод: «Преподаватель филологического факультета рассказывает о семинаре по Пушкину, проведенном с 20 студентами. Разговор шел о стихотворении „Я вас любил...“ Студентам был задан вопрос, как они понимают последние две строки:

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

19 студентов ответили, что это... ирония. 20-й ответ был – насмешка.

Услышав такое от молодого поколения („нашего будущего“), впору удивиться. Никому из ребят (а они сейчас, как правило, умные) не пришла в голову мысль о великодушии и бескорыстии, о готовности к жертве во имя другого, о той истинной любви, которая, по ап. Павлу, „не ищет своего“. Ни о чем челове-

ческом. Словно и чувств таких не существует. В головы пришло только мелкое, своекорыстное и удручающе пошлое. „Рыночное“» [Непомнящий 2009].

Тут нечего добавить. Когда произведение искусства находится на недостижимой высоте, то у современного человека возникает желание «заземлить» и ополщить его до своего личного уровня. Поэтому любое высказывание о подлинной поэзии неизбежно оказывается высказыванием и о своей собственной жизни. Пушкин позволяет нам вглядываться в нас самих. Тем и ценны для меня все процитированные выше сочинения.

3

Иллюзия того, что произведение понято учащимися, как это случилось в описанной выше работе над «Анчаром», зачастую возникает при изучении прозаических текстов. Расскажу об одной письменной работе, которая завершала несколько уроков по роману «Герой нашего времени» (повесть «Княжна Мери»).

Этой работе предшествовал разговор об образе Веры. Наиболее подробно нами разбирался эпизод «В погоне за Верой». Печорин «задышался от нетерпенья», «молился, проклинал, плакал, смеялся», «Бог знает какие странные, какие бешеные замыслы роились в голове» [Лермонтов 1990: 576]. Спрашиваю: какие новые стороны личности Печорина раскрываются в этом эпизоде? Трудностей здесь не возникает. Говорят о том, что перед нами уже не равнодушный и рассуждающий эгоист, а живой страдающий человек. На вопрос о причинах страдания героя все также отвечают без труда: искренняя, настоящая любовь к Вере, страх потерять ее навсегда. Но потом читаю классу объяснение Печорина: «Мне, однако, приятно, что я могу плакать! Впрочем, может быть, этому причиной расстроенные нервы, ночь, проведенная без сна, две минуты против дула пистолета и пустой желудок» [Лермонтов 1990: 577]. Почему же этот искренний порыв («я упал... и как ребенок заплакал») Печорин объясняет бессонной ночью и пустым желудком? Молчание всего класса. Читаю монолог героя перед дуэлью: «Я давно уж живу не сердцем, а головою... Во мне два человека...». Так приходим к разговору о му-

чительном противоборстве ума и сердца героя. Самоанализ убивает в Печорине способность ощущать счастье, которое «расщепляется» на логические схемы, подвергается сомнению и потому оказывается одной из причин его страданий.

Записываем в тетрадь фрагмент работы И. И. Виноградова: «Печорин находится в постоянном раздвоении духа; тяжкая печать рефлексии лежит на каждом его шаге, на каждом движении... Мы видим, что индивидуалистическая природа его поступков – отнюдь не секрет для него самого. Она вполне осознана» [Виноградов 2005: 30].

Как проверить, что раздвоенность героя, которая была обнаружена на занятии, понята? Как и в случае с предыдущей работой над пушкинскими стихотворениями, спрашивать выученный разбор эпизода бессмысленно: сказанное учеником не будет говорить о том, что он понял. Предлагаю перечитать эпизод прощания Печорина с Мери и ответить письменно на вопрос: что помешало Печорину «упасть к ногам» княжны? Как в этом эпизоде раскрывается характер героя?

Были такие суждения: «Он не хотел жеваться, не хотел потерять свою свободу и независимость. Все его действия эгоистичны, думает он только о себе, и в очередной раз все это проявляется в отношениях с женщинами»; «Он раскрывается эгоистом, который в других людях видит развлечение или выгоду для себя». Разумеется, все, кто написал такое, шли не от текста романа, а от какого-то очень общего представления о герое. К счастью, были и другие работы.

«Я считаю, что Печорин так безжалостно расстается с Мери, потому что он на самом деле ее не любит и никогда не любил, ведь это была всего лишь очередная игра для Печорина, которая чуть не обернулась ему свадьбой на нелюбимой. Также он не хотел сделать ей слишком больно, когда прощался. Его холодность наоборот может помочь Мери тем, что вовремя вразумит ее».

«Печорин говорит Мэри безжалостные слова, объясняется откровенно и грубо, потому что он не хочет оставлять ей никакой надежды, не хочет травмировать ее душу и сердце еще раз».

Да, жестокая правда тут, возможно, была важнее доброй лжи. И Печорин все это пони-

мает: он думает не о себе, а о ней. Поэтому в нем и возникло желание «упасть к ногам ее», которое он сам же пытается подавить в себе. И как мучительна эта борьба между тем, что Печорин говорит, и тем, что он чувствует, во время его монолога: «...сказал я сколько мог твердым голосом и с принужденной усмешкою». «Сколько мог», «принужденной». На эту строку обратил внимание только один ученик: «Печорин удерживает в себе чувство жалости, ставшее в какой-то момент невыносимо сильным».

При разборе работ читаю написанное этим учеником, а затем отрывок из работы И. Виноградова: «Даже жестокая воля Печорина, его твердая решимость подавить возникшее было чувство едва в силах устоять перед беззащитностью этой любви» [Виноградов 2005: 27].

Работа над этим эпизодом из романа идет в классе нелегко: приходится несколько раз возвращаться к одним и тем же фрагментам текста, предполагать и вновь возвращаться к роману. По-видимому, только так и не иначе возможно его постижение на уроках литературы.

* * *

В 1862 г. Л. Толстой написал статью «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?». Похожий вопрос я задавал себе, когда перепечатывал выдержки из письменных работ девятиклассников: многие из них, как нетрудно заметить, повторяют ход мыслей серьезных исследователей.

Но дело не только в названии статьи. В ней Толстой выводит несколько важнейших приемов того, «как браться за сочинительство». Среди этих приемов третий помечен им «особенно важно»: «Никогда во время рассматривания детских сочинений не делать ученикам замечаний ни об опрятности тетрадей, ни о каллиграфии, ни об орфографии, ни, главное, о постройке предложений и о логике» [Толстой 1983: 33]. Когда я предлагал учащимся вопросы для развернутых ответов, то не снижал оценку за ошибки. Меня интересовали их рассуждения и аргументация. И дело тут не только и не столько в том, что пишущий сочинение или письменную работу имеет пра-

во на ошибку, а в степени свободы пишущего, где главным оказывается только его мысль.

По описанной выше работе нетрудно заметить, что ребятам предлагались непростые, а местами и вовсе сложные вопросы, на которые не все могли найти ответ. Но думается, что давать учащимся стоит именно трудные вопросы. Понимание становится куда более глубоким только тогда, когда ученик сперва

сам попытался (пускай и неудачно) решить поставленную проблему и только потом услышал ответ, причем тот, который дали его одноклассники. Более того, ошибки и просчеты в ответах здесь скорее неизбежны. Споря или соглашаясь с работами учеников, учитель не только приучает класс к медленному чтению, но и вместе с учащимися делает шаги в постижении «души в заветной лире».

Литература

- Айзерман, Л. С. Педагогическая непоэма. Есть ли будущее у уроков литературы в школе? / Л. С. Айзерман. – М. : Время, 2012.
- Айзерман, Л. С. Сочинения о жизни и жизнь в сочинениях / Л. С. Айзерман. – М. : Национальный книжный центр, 2012.
- Бондаренко, А. Т. Это интересно знать / А. Т. Бондаренко. – Донецк : Донецкое книжное издательство, 1963.
- Виноградов, И. И. Философский роман Лермонтова / И. И. Виноградов // Духовные искания русской литературы. – М. : Русский путь, 2005. – С. 15–55.
- Коэн, Д. К. Ловушки преподавания / Д. К. Коэн. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
- Лермонтов, М. Ю. Сочинения / М. Ю. Лермонтов. – М. : Правда, 1990. – Т. 2.
- Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1996.
- Методические рекомендации по организации и проведению итогового сочинения (изложения) в 2020/2021 учебном году. – М., 2020.
- Непомнящий, В. С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы / В. С. Непомнящих. – М. : Се-стричество во имя преподобномученицы великой княгини Елизаветы, 2001.
- Непомнящий, В. С. Речь не о Пушкине / В. С. Непомнящий. – Текст : электронный // Литературная газета. – 2009. – № 23 (6227). – URL: lgz.ru/article/N23--6227---2009-06-03-/R%Do%B5chy-n%Do%B5-o-Pushkin%Do%B5044 (дата обращения: 10.07.2020).
- Пранцова, Г. В. Проблемы подготовки старшеклассников к итоговому сочинению / Г. В. Пранцова // АНИ: Педагогика и психология. – 2016. – Т. 5. – № 4 (17). – С. 195–197.
- Пранцова, Г. В. Методические подходы к обучению итоговому сочинению: от теории к практике / Г. В. Пранцова, Е. С. Романичева // Литература в школе. – 2018. – № 7. – С. 21–24.
- Пушкин, А. С. Анчар / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2: Стихотворения 1825–1836 / примеч. Д. Благого, Т. Цявловской. – М. : Книжный клуб «Книгобек», 2012. – С. 162–163.
- Рыбникова, М. А. Избранные труды / М. А. Рыбникова. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958.
- Сочинение в школе XXI века: содержание, функции, место в образовательном процессе : сборник статей / под ред. Е. С. Романичевой. – М. : Совпадение, 2016.
- Толстой, Л. Н. Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят? / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22-х т. Т. 15. Статьи об искусстве и литературе / коммент. К. Ломунова. – М. : Худож. лит., 1983. – С. 10–33.
- Фомичев, С. А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция / С. А. Фомичев. – Л. : Наука, 1986.
- Щедровицкий, Д. В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево: Книга Бытия: начало всемирной истории / Д. В. Щедровицкий. – М. : Теревинф, 2013.

References

- Aizerman, L. S. (2012). *Pedagogicheskaya nepoema. Est' li budushchee u urokov literatury v shkole?* [Pedagogical non-poem. Is there a future for literature lessons at school?]. Moscow, Vremya.
- Aizerman, L. S. (2012). *Sochineniya o zhizni i zhizn' v sochineniyakh* [Compositions about life and life in compositions]. Moscow, Natsional'nyi knizhnyi tsentr.
- Bondarenko, A. T. (1963). *Eto interesno znat'* [It is interesting to know]. Donetsk, Donetskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Vinogradov, I. I. (2005). *Filosofskii roman Lermontova* [Lermontov's philosophical novel]. In *Dukhovnye iskaniya russkoi literatury*. Moscow, Russkii put', pp. 15–55.
- Cohen, D. C. (2017). *Lovushki prepodavaniya* [The pitfalls of teaching]. Moscow, Izdatel'skii dom Vyshei shkoly ekonomiki.
- Lermontov, M. Yu. (1990). *Sochineniya* [Collected Works]. Moscow, Pravda. Vol. 2.
- Lotman, Yu. M. (1996). *O poetakh i poezii* [About poets and poetry]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB.
- Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii i provedeniyu itogovogo sochineniya (izlozheniya) v 2020/2021 uchebnom godu* [Guidelines for organizing and conducting the final composition (reproduction) in the 2020/2021 academic year]. (2020). Moscow.

Kogut K. S. "What Indifferent Eyes Can Not Sight": From Written Works to the Understanding of Literature...

Nepomnyashchii, V. S. (2001). *Da vedayut potomki pravoslavnykh. Pushkin. Rossiya. My* [Yes, the descendants of the Orthodox know. Pushkin. Russia. We]. Moscow, Sestrichestvo vo imya prepodobnomuchenitsy velikoi knyagini Elizavety.

Nepomnyashchii, V. S. (2009). Rech' ne o Pushkine [It's not about Pushkin]. In *Literaturnaya gazeta*. No. 23 (6227). URL: lgz.ru/article/N23-6227---2009-06-03-/R%D0%B5chy-n%D0%B5-o-Pushkin%D0%B59044 (mode of access: 07.10.2020).

Prantsova, G. V. (2016). Problemy podgotovki starsheklassnikov k itogovomu sochineniyu [Problems of training senior pupils for the final composition]. In *ANI: Pedagogika i psikhologiya*. Vol. 5. No. 4 (17), pp. 195–197.

Prantsova, G. V., Romanicheva, E. S. (2018). Metodicheskie podkhody k obucheniyu itogovomu sochineniyu: ot teorii k praktike [Approaches to methods of teaching how to write the final composition: From theory to practice]. In *Literatura v shkole*. No. 7, pp. 21–24.

Pushkin, A. S. (2012). Anchar [Anchar]. In Pushkin, A. S. *Sobranie sochinenii, in 10 vols. Vol. 2: Stikhotvoreniya 1825–1836*. Moscow, Knizhnyi klub «Knigovek», pp. 162–163.

Romanicheva, E. S. (Ed.). (2016). *Sochinenie v shkole XXI veka: sodержanie, funktsii, mesto v obrazovatel'nom protsesse* [Composition in the school of the 21st century: Content, functions and place in the education process]. Moscow, Sovpadenie.

Rybnikova, M. A. (1958). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR.

Tolstoy, L. N. (1983). Komu u kogo uchit'sya pisat', krest'yanskim rebyatam u nas ili nam u krest'yanskikh rebyat? [Who should learn to write from whom, the peasant children from us or we from the peasant children?]. In Tolstoy, L. N. *Sobranie sochinenii, in 22 vols. Vol. 15. Stat'i ob iskusstve i literature*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 10–33.

Fomichev, S. A. (1986). *Poeziya Pushkina. Tvorcheskaya evolyutsiya* [Poetry of Pushkin. Creative evolution]. Leningrad, Nauka.

Shchedrovitsky, D. V. (2013). *Vvedenie v Vetkhii Zavet. Pyatiknizhie Moiseevo: Kniga Bytiya: nachalo vsemirnoi istorii* [Introduction to the Old Testament. The Pentateuch of Moses: The Book of Genesis: The beginning of world history]. Moscow, Terevinf.

Данные об авторе

Когут Константин Сергеевич – кандидат филологических наук, учитель кафедры филологии специализированного учебно-научного центра, Уральский федеральный университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620137, Россия, Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 30.

E-mail: kosfunpix@yandex.ru

Author's information

Kogut Konstantin Sergeevich – Candidate of Philology, Teacher of Department of Philology of Advanced Educational Scientific Center, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

ДИДАКТИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ: ЗАНЯТИЕ ПО ПОЭМЕ ВИКТОРА КЛЯЙНА «JUNGENGESPRÄCH»

Зейферт Е. И.

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3993-51640000-0001-8117-7091>

А н н о т а ц и я . Одна из актуальных проблем изучения национальных литератур – необходимость дидактизации произведений. Такая проблема стоит и перед литературой российских немцев. Для того чтобы российско-немецкая литература стала предметом изучения на уроках в школе, в том числе высшей, важно дидактизировать ее, создать методические разработки уроков и занятий.

Вниманию читателя предлагается план-конспект по творчеству писателя – российского немца Виктора Кляйна. Цель исследования – рассмотреть содержание и структуру поэмы Виктора Кляйна «Jungengespräch» в аспекте дидактизации. Цель занятия – целостный анализ поэмы «Jungengespräch» в контексте художественного своеобразия поэтики Виктора Кляйна. Адресная аудитория: слушатели Института этнокультурного образования (Москва), для которого автор статьи написал учебную программу по литературе российских немцев, студенты первого курса филологических факультетов, изучающие немецкий язык. В качестве оборудования и материалов используются произведения Виктора Кляйна, воспоминания о нем, иллюстративный материал к занятию (портреты Виктора Кляйна и его современников, обложки его книг), проектор, географическая карта Советского Союза, раздаточный материал (карточки), аудиозаписи воспоминаний о В. Кляйне. Среди методических инструментов – элементы дискуссии, форма «круглого стола», элементы конференции, общение «малых полемических групп», баскет-метод, выразительное чтение, мелодекламация, графическая схема, эксперимент с архичитателем. Поскольку немецкий язык одновременно один из языков мирового значения и один из языков народов России, литература российских немцев представляет собой учебный материал, индикаторный для изучения как германистики, так и этнической картины мира и культуры одного из народов России. Занятие по поэме Виктора Кляйна «Jungengespräch» направлено на формирование индивидуального рисунка восприятия этого произведения у каждого читателя: сколько читателей, столько и поэм «Jungengespräch». В ходе занятия ставится акцент на формировании мировоззрения учащегося как объемной, полиокулярной картины мира, включающей в себя этническое многообразие.

К л ю ч е в ы е с л о в а : литература российских немцев; национальная литература; Виктор Кляйн; дидактизация; план-конспект занятия.

DIDACTIZATION OF THE RUSSIAN GERMANS' LITERATURE: A LESSON DEVOTED TO VICTOR KLEIN'S POEM "JUNGENGESPRÄCH"

Elena I. Seifert

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3993-51640000-0001-8117-7091>

A b s t r a c t . One of the urgent problems of studying national literatures is the need for didactization of literary works. Such a problem is faced by the literature of Russian Germans. In order for Russian-German literature to become a subject of study at school lessons, as well as at universities, it is important not only to organize the process, but also to didactize it, i.e. to create the necessary methods support materials of the lessons.

The reader is offered a plan-summary of the work of the author – Russian German Victor Klein. The purpose of the study is to consider the content and structure of Victor Klein's poem "Jungengespräch" in the aspect of didactization. The aim of the lesson is to stimulate a holistic analysis of the poem "Jungengespräch" in the context of the artistic originality of Victor Klein's poetry.

The target audience of the lesson: students of the Institute of Ethnocultural Education (Moscow), for whom the author of the article wrote a curriculum in the literature of Russian Germans, and students of philological faculties, studying German. The equipment and materials used comprise the works by Victor Klein, memoirs about him, illustrative material for the lesson (portraits of Victor Klein and his contemporaries, covers of his books), a projector, a geographical map of the Soviet Union, handouts (cards), and audio recordings of the memoirs about Victor Klein.

The methods tools include elements of discussion, a form of a "round table", elements of a conference, communication in "small polemical groups", basket method, expressive reading, melodic recitation, graphic schemes, and an experiment with an archreader.

Since the German language is simultaneously one of the languages of world significance and one of the languages of the peoples of Russia, the literature of Russian Germans is an educational material that is indicative for the study of both Germanic and the ethnic worldview and culture of one of the minorities of Russia. The lesson based on Victor Klein's poem "Jungengespräch" is aimed at creating an individual pattern of perception of this work in each reader: how many readers, so many poems of "Jungengespräch". The emphasis during the lesson is on the formation of the students' worldview as a three-dimensional, polyocular picture, including ethnic diversity.

Key words: literature of Russian Germans; national literature; Victor Klein; didacticization; lesson plan-summary.

Для цитирования: Зейферт, Е. И. Дидактизация литературы российских немцев: занятие по поэме Виктора Кляйна «Jungengespräch» / Е. И. Зейферт. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 244–250. – DOI: 10.26170/FK20-03-21.

For citation: Seifert, E. I. (2020). Didacticization of the Russian Germans' Literature: A Lesson on Victor Klein's Poem "Jungengespräch". In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 244–250. DOI: 10.26170/FK20-03-21.

Введение. Одна из актуальных проблем изучения национальных литератур – необходимость дидактизации произведений. Такая проблема стоит и перед литературой российских немцев.

Литература российских немцев была объектом обстоятельного изучения в ряде работ автора статьи [Зейферт 2007; Зейферт 2009] и пока не изучалась комплексно другими исследователями. Имеется монографическое исследование А. Шуклина по традиции в литературе российских немцев [Шуклин 2018], единичные научные работы [Gansel 2018], а также ряд эссе [Эрлих 1982]. Под российскими немцами понимаются потомки германских эмигрантов в Россию, а также, в редких случаях, германские эмигранты в Советский Союз. Ныне российские немцы живут в странах СНГ (вследствие сталинских репрессий, в частности, массовой депортации во время Великой Отечественной войны), в Германии (вследствие обратной эмиграции в конце XX – начале XXI вв.), странах Балтии, а также в Польше, Финляндии, Израиле, США, Греции и др.

Для того чтобы российско-немецкая литература стала предметом изучения на уроках

в школе, в том числе высшей, важно не только включить ее в учебные планы, но и дидактизировать ее, создать методические разработки занятий и уроков. Важно реализовать следующие задачи:

- создать экспертный совет по отбору произведений российских немцев для изучения в школе, в том числе высшей;

- разработать учебные программы, учебно-методические пособия, планы-конспекты занятий по литературе российских немцев.

В современное время обучающийся «обретает большую самостоятельность в выборе путей освоения учебного материала, а образовательные технологии способствуют дифференциации и индивидуализации его учебной деятельности, реализации индивидуальной траектории обучения» [Сафонова 2011]. Литература российских немцев дает возможности для подобной работы.

Автор статьи активно работает над дидактизацией литературы российских немцев. В данной статье предлагается вниманию читателя план-конспект по творчеству Виктора Кляйна. Цель исследования – проанализировать поэтику поэмы Виктора Кляйна «Jun-

engespräch» в аспекте дидактизации. Цель занятия – целостный анализ поэмы «Jungengespräch» Виктора Кляйна. Адресная аудитория: слушатели Института этнокультурного образования (Москва), для которого автор статьи написал учебную программу по литературе российских немцев, студенты филологических факультетов, изучающие немецкий язык.

Тема занятия: Поэтика произведения Виктора Кляйна «Jungengespräch».

Вид занятия: беседа с элементами дискуссии.

Методика: элементы дискуссии, форма «круглого стола», элементы конференции, общение «малых полемических групп», баскет-метод, выразительное чтение, мелодикация, графическая схема, эксперимент с архичитателем.

Занятие рассчитано на 6 академических часов в Институте этнокультурного образования (3 занятия). Для занятий со студентами филологических факультетов материал может быть использован частично по усмотрению преподавателя.

Оборудование и материалы: произведения Виктора Кляйна, воспоминания о нем, иллюстративный материал к занятию (портреты Виктора Кляйна и его современников, обложки его книг), проектор, географическая карта Советского Союза, раздаточный материал (карточки), аудиозаписи воспоминаний о В. Кляйне. Важнейшим источником для проведения занятия по Виктору Кляйну является книга «Meine Muse blickt mit offenen Augen ins Leben... Zeitgenossen über Victor Klein. Leben und Werk» [Klein 2000].

В ней немало поэтических и прозаических произведений автора (отрывки из романов «Der letzte Grabhügel» и «Das Leben der Wolgadeutschen», рассказы, поэмы «Der Steppenbauer» и «Jungengespräch», стихотворения, заметки из дневника, письма), воспоминания о нем современников (о Кляйне говорят Woldemar Herdt, Woldemar Spaar, Joahann Schellenberg, Andreas Kramer, Andreas Saks, Reinhold Frank, Friedrich Bolger, Klemens Eck, Georg Haffner,

Leo Marx, Edmund Günter, Herold Belger, Alexander Hasselbach, Viktor Herdt, Heinrich Voth, Victor Heinz, Maria Reschetnikowa, Hildegard Wiebe, Emma Rische, Ingmar Brantsch), а также стихотворения российско-немецких авторов о родном языке. Книга содержит раздел «Kleine Bibliografie», представляющий список основных публикаций Кляйна.

Изучаемая поэма также частично опубликована в материалах рубрики «Наша литература» в журнале «BiZ-Vote» [Зейферт 2013: 75–79].

Произведение развивает такие личностные интересы и качества, как уважение к представителям старших поколений, интерес к своим корням, уважение к исторической памяти. Учащиеся будут двигаться именно в этом направлении, постепенно приращивая смыслы.

Цель: целостный анализ поэмы в контексте художественного своеобразия поэтики Виктора Кляйна.

Задачи:

- вызвать интерес к многогранной личности российско-немецкого автора Виктора Кляйна, проявившего себя как разножанровый автор, прозаик, поэт, драматург, фольклорист, литературовед, публицист, педагог, автор учебников по немецкому языку, методист;
- увлечь учащихся выразительным чтением его поэмы «Jungengespräch» и других произведений;
- сформировать представления учащихся о специфике литературы российских немцев на примере поэмы Виктора Кляйна «Jungengespräch»;
- дать сведения о творческой судьбе Виктора Кляйна;
- продолжить обучение навыкам целостного анализа произведения;
- дать первичные сведения о двуязычии российских немцев и двух их родных языках – немецком и русском, а также о диалектах;
- расширить и углубить этнокультурную работу с использованием интерактивных методов и форм, в том числе эксперимента с архичитателем;
- развить навыки творческого чтения.

Прогнозируемые результаты: учащиеся приобщаются к чтению литературы россий-

ских немцев, помимо произведения В. Кляйна читают другие произведения в Антологии и в Электронной библиотеке российских немцев; получают новые сведения о поэтике поэмы; обучаются навыкам целостного анализа лиро-эпической поэмы.

Ход занятия. Поэма Виктора Кляйна «Jungengespräch» прочитана учащимися заранее (это было домашнее задание). Ученики должны были прочитать поэму как минимум два раза. При первом прочтении учащийся знакомится с поэмой, при втором соотносит части и целое.

Учитель рассказывает о биографии Виктора Кляйна, опираясь на книгу «Meine Muse blickt mit offenen Augen ins Leben...», журнал *BiZ-Vote* (2013, № 4) и другие источники. Он показывает на карте перемещения писателя, подчеркивая перипетии его судьбы. Демонстрируются портреты Кляйна и его окружения.

Учитель предлагает учащимся выразительно прочитать поэму. Тихо звучит классическая музыка, сопровождающая чтение.

– Что вы ожидали от поэмы, увидев ее название?

– Какие строки из поэмы вы бы взяли в качестве эпиграфа к сегодняшнему занятию? Подходят ли первые четыре стиха?

Учащиеся дискутируют. Скорее всего будут выбраны четыре первые стиха.

Der Junge denkt in meiner Sprache
und spricht in meinem Mutterlaut.
Wie lange schmerzlich ich entbehrte
das Deutsch, von Kindermund gehaucht.

– Из скольких пронумерованных частей состоит произведение? Какие функции имеют эти деление и нумерация?

– Каков сюжет поэмы? О чем она рассказывает?

– Каков жанр произведения Виктора Кляйна? (поэма) Начертите схему, показав жанрообразующие признаки поэмы.

Один из учеников выходит к доске, другие работают в тетрадях или на планшетах. Учитель дает инструктаж и помогает. Используется солярная схема. В центре слово «поэма», а лучи, исходящие от него, – жанровые признаки поэмы – «средний объем», «тип худо-

жественной речи – стихи», «лиро-эпический характер», «сюжет», «многозначность композиции», «утверждение полноценной человеческой личности в единстве ее общественных и личных интересов», «наличие деталей» и др.

У каких авторов – российских немцев, кроме Кляйна, еще есть поэмы?

Бикультурность российских немцев порождает их стремление создать типичную российско-немецкую поэму. Преподаватель дает обзор российско-немецкой поэмы. В первую очередь, самосознание этноса ищет себя на уровне тематики. Так, тему тягот, выпавших на долю российских немцев, отражают поэмы Г. Генке «Mein Zeitalter» («Мой век»), В. Гейнца «Menschen und Schicksale» («Люди и судьбы»), Г. Арнгольда «Zuversicht» («Уверенность») и др. К примеру, в вышеназванной поэме Г. Генке прослеживается типическая судьба двух юношей – российских немцев, чьи мечты и планы на будущее были разрушены притеснениями, выпавшими на долю их народа.

Синтетическое по художественной природе произведение (поэму-ораторию) создает К. Эрлих, посвящая его судьбе своего народа («Российские немцы... Народ-пария, народ-изгнанник. Народ – легенда!»).

Наблюдается совсем небольшая доля поэмы российских немцев, прямо не обращенных к судьбе народа. Примером может послужить поэма Р. Вебера «Weltraummotive» («Мотивы Вселенной»), герой которой размышляет о масштабах времени и пространства, оппозиции «двух берегов – вечности и земного бытия, ночного космоса и дневной суеты», устремлен в вечность и бесконечность. Однако и эта поэма пронизана особенно важными для российских немцев мотивами – преемственности поколений («Die Vorgänger hinterliessen mir ihre Briefe <...> / Und ich <...> verbreiterte den Weg / für die Nachkommen / und schrieb ihnen schon / meine verworrenen Briefe» («Предшественники оставили после себя мне свои послания... <...> / И я <...> расширил путь / для потомков / и написал им уже / путаные письма»)), дороги и др. В творчестве Р. Вебера имеет место и поэма на сугубо русскую историческую тематику – «Jemeljan Pugatschow» («Емельян Пугачев»).

Отдельные российско-немецкие поэмы написаны на так называемом Wolgadeutsch.

Например, созданная на немецком диалекте поэма Я. Гуммеля «Dr. Schwob im Oschta» («Шваб в Оште») является автобиографической и передает историю семьи автора.

Характерным примером российско-немецкой поэмы, написанной на русском языке, является «Сказание о Лотаре Биче» Игоря Гергенрёдера.

Преподаватель рассказывает о цикле Нелли Ваккер «Kleine Poeme». В 2019 г. мы отмечали столетний юбилей Н. Ваккер. Поэтесса родилась в 1919 г. в Крыму. В 1939 г. в г. Энгельсе окончила педагогический техникум, получив диплом учителя немецкого языка и литературы. В 1941 г. была депортирована в Казахстан. Цикл «Kleine Poeme» [Wacker 1998] написан на немецком языке. Цикл состоит из 5 стихотворных произведений – «Ich bitte ums Wort!» («Я прошу слова!»), «Gedichte aus der Kriegszeit (1941–1945)» («Стихи военного времени (1941–1945)»), «Der Planet Tanja» («Планета Таня»), «Zum ersten Mal im Krankenhaus. 1982» («В первый раз в больнице. 1982») и «Meine Trauerlieder (1991–1993)» («Мои печальные песни (1991–1993)»). Дату, стоящую в конце текста, имеет только первая поэма («1988 г., Pawlodar, Kasachstan»). В названиях 2, 4 и 5 поэм, как видим, имеется указание на время, однако это не даты написания произведений, а годы, в которые произошли изображаемые в поэмах автобиографические события – депортация, работа в Казахстане в военное время и др. Подчеркнутый автобиографизм – одна из доминант российско-немецкой поэмы о судьбе этноса, важная черта ее художественного мира. Во всех 5 поэмах цикла «Kleine Poeme» от первого лица выступает одна и та же героиня: события, предметы, явления поданы через ее чувства и ощущения. За героиней, несомненно, стоит автор: это доказывают многочисленные автобиографические элементы.

– Расскажите о субъекте поэмы (рассказчике), ее герое, говорящем от имени «я». Каков он? В каких строках и какими художественными средствами он рассказывает, изображает, воспитывает? Какие знания он передает мальчику? Он не равен Виктору Кляйну, но в чем совпадает с ним? Сколько лет рассказчику? Указан ли его точный возраст?

– Каков адресат поэмы Виктора Кляйна «Jungengespräch»? Как он связан с мальчиком

(внуком В. Кляйна), заявленным в посвящении?

(Преподаватель рассказывает о прообразе мальчика в поэме, внуке В. Кляйна, опираясь на сведения Розы Штейнмарк: «Алекс Кляйн сейчас живет в Германии, в Мюнстере, работает в языковой академии, ведет немецкий. Внешне вылитый Виктор Георгиевич. Когда я в первый раз его увидела, так и воскликнула: „Herr Klein?“ – „Ja, aber woher kennen Sie mich?“ Он тоже был поражен своим сходством с дедом, которого помнит плохо, ибо был еще ребенком, когда Виктор Кляйн ушел. Мы с ним в хороших отношениях. Алекс живет спокойной, размеренной жизнью. Очень начитан. Сам пишет прозу. В стол. Даже мне не давал еще читать. Но один из коллег читал ее с упоением. Сказал, что у него прекрасный стиль...»)

– Сколько лет адресату поэмы? Что объединяет рассказчика и адресата? Почему они «сидят как двое взрослых мужчин»? («Wir sitzen wie zwei reife Männer...»)

– Каков мир детства рассказчика? Чем он занимался в детстве? Чем занимается его внук? В какие игры они играют? В чем природное естество игры? С кем сравнивает В. Кляйн дедушку и внука? Какие художественные приемы использует поэт, изображая старшего и младшего родственников?

– Как герой поэмы относится к немецкому языку? Что для него немецкий язык? Какие языки родные для российских немцев? Что такое художественное двуязычие? (использование двух языков в творчестве) Какие стихотворения российских немцев на тему родного языка Вы знаете?

Учащиеся дискутируют на тему двуязычия российских немцев в форме «круглого стола», у ряда учеников готовы домашние задания – расширенные реплики с примерами художественного двуязычия российских немцев, два мини-доклада (к примеру, реплики о двуязычии Вальдемара Вебера и Александра Райзера; мини-доклады о Викторе Кляйне как знатоке немецкого языка на материале его творчества и биографии). Учитель модерировал работу «малых полемических групп», создавая поле продуктивной дискуссии. Преподаватель рассказывает о диалектах российских немцев.

– Каковы стихотворные особенности поэмы? Расскажите о специфике метра, строфы и рифмы в произведении Кляйна.

Преподаватель раздает учащимся карточки с фрагментами поэмы, и они собирают ее целиком. Затем с помощью учителя создают метрическую схему, определяют тип строфы и виды рифмы.

(Поэма Кляйна «Jungengespräch» написана 4-стопным ямбом и гейневской строфой – катреном с пропуском рифмы в нечетных строках. Кажется, что так писать легче, но на самом деле гейневская строфа требует от автора ювелирности: здесь важно, чтобы читатель «не заметил» холостых стихов, счел их звучными, не нарушающими цельность. Автору нужно подобрать слова, чтобы стихотворение звучало не менее чеканно, чем с полной линейкой рифм. В шестистишиях стихотворной новеллы Виктора Кляйна «Der Steppenbauer» в первой и третьей строках строфы использована холостая рифма, причем на фоне точной рифмы (схема ХаХabb). В «Jungengespräch» также в основном чередуются точные и холостые рифмы).

– Учениками Виктора Кляйна были Виктор Гейнц, Венделин Мангольд, Лора Раймер, Хильдегард Вибе, Роза Штейнмарк и др.

Учащиеся читают выдержки из воспоминаний о Кляйне. Звучат аудиозаписи воспоминаний о Кляйне. Преподаватель обзорно рассказывает о жизни и творчестве Венделина Мангольда. Каково влияние Кляйна на своих учеников? Какие свойства он им привил? (виртуозное знание немецкого языка, любовь к чтению классической немецкой, а также российско-немецкой литературы, разножанровость в творчестве и др.).

Преподаватель проводит эксперимент с архичитателем. Он задает учащимся вопросы «Почему Виктор Кляйн назвал свою поэму не „разговор с внуком“, а „разговор с мальчиком“? Считаете ли вы это заглавие сильным?». Преподаватель собирает письменные ответы. Затем выбирает двух экспертов из числа учащихся, которые с его помощью суммируют и систематизируют ответы. В это время класс разделен на «малые полемические группы»,

которые обсуждают свои ответы и затем развернуто отвечают. Затем выступают эксперты.

(Читатель – безусловный участник творческого процесса созидания смыслов произведения. Устойчивый интерес новейшего литературоведения к категории читателя позволяет повысить объективность и точность литературоведческого анализа. Западная «рецептивная эстетика» («рецепция» – восприятие) разработала различные концепции восприятия [Борев 1985]. «Образцовый читатель» У. Эко, «имплицитный читатель» В. Изера, «информированный читатель» С. Фиша... Для нас особенно интересной предстает методика М. Риффатера, предложившего тип «архичитателя» – группы информантов, интерпретирующей определенные места художественного текста. Прочтение литературного произведения каждым новым читателем – это еще одна интерпретация этого текста. Под слоями личных суждений, по мнению М. Риффатера, обнаруживается объективное толкование произведения. Единство читательских реакций может служить и сигналом обнаружения в тексте сильных или слабых мест).

Домашнее задание: прочитать стихи Виктора Кляйна и других российских немцев о родном языке в книге «Meine Muse blickt mit offenen Augen ins Leben....».

Выводы. Поскольку немецкий язык одновременно один из языков мирового значения и один из языков народов России, литература российских немцев представляет собой учебный материал, индикаторный для изучения как германистики, так и этнической картины мира и культуры одного из народов России.

Занятие по поэме Виктора Кляйна «Jungengespräch» направлено на формирование индивидуального рисунка восприятия этого произведения у каждого читателя: сколько читателей, столько и поэм «Jungengespräch». В ходе занятия ставится акцент на формировании мировоззрения учащегося как объемной, полиокулярной картины мира, включающей в себя этническое многообразие.

Зейферт Е. И. Дидактизация литературы российских немцев: занятие по поэме В. Кляйна «Jungengespräch»

Литература

Зейферт, Е. И. Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI вв. : дис. ... д-ра филол. наук / Зейферт Е. И. – М., 2007. – 1044 с.

Зейферт, Е. И. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI вв. / Е. И. Зейферт. – Германия, Lage : BMV Verlag Robert Burau, 2009. – 534 с.

Зейферт, Е. И. Огромный и цельный мир Виктора Кляйна / Е. И. Зейферт // BiZ-Bote. Информационно-методический журнал. – 2013. – № 4. – С. 75–79.

Рекомендации по использованию инновационных образовательных технологий в учебном процессе / сост. Е. И. Сафонова. – М. : РГГУ, 2011. – 72 с.

Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественная рецепция и герменевтика / отв. ред. Ю. Боров. – М. : Наука, 1985. – 232 с.

Шуклин, А. А. Образ Сибири в прозе российских немцев 1990–2000-х гг. / А. А. Шуклин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2016. – Т. 2. – № 2. – С. 138–147.

Literatur der Russlanddeutschen und Erinnerung / Hg. C. Gansel. – Berlin : OKAPI Verlag, 2018. – 346 s.

Ehrlich, K. W. Lose Blätter / K. W. Ehrlich. – A-Ata : Kasachstan, 1982. – 150 s.

Meine Muse blickt mit offenen Augen ins Leben... Zeitgenossen über Victor Klein. Leben und Werk. – Slawgorod, 2000. – 288 s.

Wacker, N. Es eilen die Tage... Gedichte / N. Wacker. – Stuttgart, 1998. – S. 32–59.

References

Borev, Yu. (Ed.). (1985). *Teorii, shkoly, kontseptsii (kriticheskie analizy). Khudozhestvennaya retseptsiya i germeneytika* [Theories, schools, concepts (critical analyses). Artistic reception and hermeneutics]. Moscow, Nauka. 232 p.

Ehrlich, K. W. (1982). *Lose Blätter*. A-Ata, Kasachstan. 150 p.

Gansel, C. (Hg.). (2018). *Literatur der Russlanddeutschen und Erinnerung*. Berlin, OKAPI Verlag. 346 p.

Meine Muse blickt mit offenen Augen ins Leben... Zeitgenossen über Victor Klein. Leben und Werk. (2000). Slawgorod. 288 p.

Safonova, E. I. (Ed.). (2011). *Rekomendatsii po ispol'zovaniyu innovatsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologii v uchebnom protsesse* [Recommendations on the use of innovative educational technologies in the education process]. Moscow, RGGU. 72 p.

Seifert, E. I. (2007). *Zhanrovye protsessy v poezii rossiiskikh nemtsev vtoroi poloviny XX – nachala XXI vv.* [Genre processes in the poetry of Russian Germans of the second half of the 20th – beginning of the 21st centuries]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 1044 p.

Seifert, E. I. (2009). *Zhanr i etnicheskaya kartina mira v poezii rossiiskikh nemtsev vtoroi poloviny XX – nachala XXI vv.* [Genre and the ethnic worldview in the poetry of Russian Germans of the second half of the 20th – beginning of the 21st centuries]. Germany, BMV Verlag Robert Burau. 534 p.

Seifert, E. I. (2013). *Ogromnyi i tsel'nyi mir Viktora Klyaina* [The huge and integral world of Victor Klein]. In *BiZ-Bote. Informatsionno-metodicheskii zhurnal*. No. 4, pp. 75–79.

Shuklin, A. A. (2016). *Obraz Sibiri v proze rossiiskikh nemtsev 1990–2000-kh gg.* [The image of Siberia in the prose of Russian Germans of the 1990s–2000s]. In *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. Vol. 2. No. 2, pp. 138–147.

Wacker, N. (1998). *Es eilen die Tage... Gedichte*. Stuttgart, pp. 32–59.

Данные об авторе

Зейферт Елена Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия).

Адрес: 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6.

E-mail: elena_seifert@list.ru.

Author's information

Seifert Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Theoretical and Historical Poetics, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1-31(Бабель И. Э.). DOI 10.26170/ФК20-03-22. ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,4.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08

«...КНИГА – ЭТО ЕСТЬ МИР, ВИДИМЫЙ ЧЕРЕЗ ЧЕЛОВЕКА»

Рецензия на книгу: Погорельская Е.И., Левин С.Х. Исаак Бабель. Жизнеописание.
СПб.: Вита Нова, 2020. 624 с., 175 ил. («Жизнеописания»)

Анпилова Л. Н.

Старый Оскол, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8138-5357>

А н н о т а ц и я . В рецензии на книгу «Исаак Бабель. Жизнеописание» анализируется первая научная биография одного из наиболее ярких прозаиков XX столетия. Оценивается общая концепция труда, отмечается обширная источниковая база и методологическая основательность исследования. Устанавливается, что анализ ключевых событий жизни Бабеля показан в контексте формирования его творческой индивидуальности. Уделяется внимание проблеме нравственного выбора и драматизму писательской судьбы Бабеля. Делается вывод о том, что в книге не просто воссозданы основные вехи биографии писателя и творческая история его произведений, но и прослежена взаимосвязь перипетий судьбы Бабеля со сложнейшими историческими и нравственными коллизиями эпохи.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Исаак Бабель; научная биография; архивные материалы; творческая индивидуальность.

“...A BOOK IS THE WORLD APPREHENSIBLE THROUGH THE PERSON”

Book review: Pogorelskaya E. I., Levin S. H. Isaac Babel. Life description.
SPb.: Vita Nova, 2020. 624 p., 175 ill. (“Life descriptions”)

Larisa N. Anpilova

Stary Oskol, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8138-5357>

A b s t r a c t . The review of the book “Isaac Babel. Life description” analyzes the first scientific biography of one of the brightest writers of the 20th century. The review provides an assessment of the general conception of the work and describes its wide source area and methodological solidity of the approach. It is stated that the analysis of the key events in Babel’s life is carried out in the book in the context of his creative individuality formation. Special attention is paid to the problem of a moral choice and the dramatic nature of the writer’s fate. It is concluded that the book does not only recreate the main landmarks of Babel’s life and the creative history of his literary work but also traces the correlation of the novelist’s biography with most complicated historical events and moral collisions of the epoch.

Key words: Isaac Babel; scientific biography; archival documents; creative individuality.

Анпилова Л. Н. «...Книга – это есть мир, видимый через человека». Рецензия на книгу...

Для цитирования: Анпилова, Л. Н. «...Книга – это есть мир, видимый через человека». Рецензия на книгу: Погорельская Е.И., Левин С.Х. Исаак Бабель. Жизнеописание. СПб.: Вита Нова, 2020. 624 с., 175 ил. («Жизнеописания») / Л. Н. Анпилова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 251–257. – DOI: 10.26170/FK20-03-22.

For citation: Anpilova, L. N. (2020). “...A Book is the world apprehensible through the person”. Book review: Pogorelskaya E.I., Levin S.H. Isaac Babel. Life description. SPb.: Vita Nova, 2020. 624 p., 175 ill. (“Life descriptions”). In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 251–257. DOI: 10.26170/FK20-03-22.

Всякий раз, задумываясь о том, может ли быть увлекательным, захватывающим исследование по истории литературы, я вспоминаю фразу Н. Л. Лейдермана: «Нет ничего плохого в том, что вашу книгу прочитают *нормальные* люди». Думаю, что это замечание в полной мере можно отнести к новой книге Елены Иосифовны Погорельской и Стива Хаимовича Левина «Исаак Бабель. Жизнеописание». Вне зависимости от степени знакомства с жизнью и творчеством Бабеля, читателю предстоит эмоциональное погружение в повествование о непростой писательской судьбе одного из наиболее ярких и самобытных прозаиков XX в.

Между тем, это глубокое литературоведческое исследование, явившееся результатом плодотворного сотрудничества и обобщения многолетних трудов двух авторов, внесших значительный вклад в изучение биографии и творческого наследия писателя. Как указано в аннотации к изданию, «эта книга – первое полное научное жизнеописание Исаака Бабеля». Это жанровое определение отлично характеризует многие особенности представляемого научного труда.

В первую очередь, следует отметить богатейшую источниковую базу, на которую опираются авторы книги – это документы центральных и ряда региональных архивов, собранное по крупницам эпистолярное наследие, автобиография и дневник Бабеля, многочисленные личные, общественно-политические, историко-литературные документы. В книге широко используются мемуары современников писателя и близких ему людей (А. Н. Пирожковой, И. Л. Лившица, Д. А. Фурманова, В. Б. Шкловского, К. Г. Паустовского и мн. др.). Авторы книги отличает вдумчивое, аккуратное отношение ко всем свидетель-

ствам, не исключаяющее аберрацию памяти мемуаристов, а также склонность самого Бабеля ко «всякого рода мистификации»¹. Таким образом, несмотря на объективные сложности, и в первую очередь – отсутствие большей части личного архива писателя, изъятого во время ареста и не обнаруженного до сих пор, Е. И. Погорельской и С. Х. Левину удалось собрать обширную и разностороннюю документальную базу, обеспечившую обстоятельное научно-биографическое исследование.

Книга построена по хронологическому принципу, от рождения и до трагической гибели писателя. Каждой главе предшествуют тонкие и точные эпитафии из произведений Бабеля и его современников, которые не просто задают тему и иллюстрируют эпоху, но и выполняют роль эмоционального посредника. Так, например, рассказ о детстве писателя предваряется афоризмом Юрия Олеши: «Чтобы родиться в Одессе, надо быть литератором».

В главе «Детство (1894–1911)» читателю открывается Одесса конца XIX – начала XX вв., с подлинными адресами, документальными свидетельствами. Погружению в эпоху способствует богатейший иллюстративный материал: фотографии из семейного архива, старинные открытки, личные документы (аттестат Исаака Бабеля; письмо Эммануила Бабеля, отца писателя, написанное на бланке его конторы и др.). Фотографии не просто выполняют функцию иллюстраций, но и сами служат предметом анализа, что позволяет дополнить и детализировать документальную картину, сконцентрировав внимание на подробностях.

Ничто не ускользает от взгляда исследователей. Вот один из многочисленных примеров. В рассказе о годах ученичества авторы

¹ Погорельская Е. И., Левин С. Х. Исаак Бабель. Жизнеописание. СПб.: Вита Нова, 2020. С. 65. Далее – ссылки на это издание с указанием страниц в тексте.

ссылаются на сведения из чудом уцелевшей записной книжки четырнадцатилетнего Бабеля. В ней сохранились записи о прочитанных книгах, наброски к сочинениям, в том числе и театральный дневник, в котором Бабель-подросток фиксировал впечатления об увиденных спектаклях. Среди прочих упоминаются два спектакля с участием сицилийского трагика Джованни Грассо. Столь незначительный, на первый взгляд, факт стал предметом тщательного изучения. Авторы не просто рассмотрели преломление юношеских впечатлений Бабеля в одном из его поздних рассказов («Ди Грассо»), но и обнаружили любопытное свидетельство режиссера Валерия Бебутова об использовании Мейерхольдом в биомеханике театрального приема сицилийского актера (того самого, что так впечатлил юного Бабеля). Замечание из юношеского дневника позволило авторам не только проанализировать историю одного из текстов писателя, но и рассмотреть это событие в контексте истории театрального искусства того времени.

Этот исследовательский эпизод отлично характеризует авторскую манеру Погорельской и Левиной, позволяющую добиться особой стереоскопичности повествования: отдельные факты биографии писателя рассматриваются в опоре на первоисточники, личный опыт Бабеля соотносится с восприятием тех же событий глазами его современников, а в результате создается целостная картина, в которой путь отдельного человека соотнесен с основными силовыми линиями эпохи.

Конечно, особое внимание в книге уделено ключевым событиям жизни Бабеля, наиболее повлиявшим на его личностное становление, формирование творческой индивидуальности. Одним из первых таких событий стал еврейский погром 1905 г. В опоре на публикации николаевских газет, свидетельства современников авторы скрупулезно восстанавливают хронику событий, они исследуют развитие этой темы в текстах Бабеля и его современников. Вслед за А. Лежневым, авторы приходят к выводу о том, что эта детская травма отложила отпечаток на все последующее творчество писателя: «Бабель – не циник. Наоборот. Это человек, уязвленный жестокостью. Он изображает ее так часто потому, что она порази-

ла его на всю жизнь <...> Не болезненное приращение к отвратительным и острым сценам движет Бабелем, а внутренняя израненность человека, увидевшего и перенесшего в жизни слишком много жестокого» (с. 34).

Вторая глава «Начало (1912–1919)» посвящена первым литературным опытам Бабеля и ключевому событию в его писательской судьбе – знакомству с А. М. Горьким. С душевным трепетом вместе с Бабелем читатель переступает порог редакции журнала «Летопись», знакомится с атмосферой, царящей в приемной, присутствует при беседе великого наставника с начинающим автором и слышит напутствие, во многом предвосхитившее его нелегкую судьбу: «Писательский путь, уважаемый пистолет (с ударением на о), усеян гвоздями, преимущественно крупного формата. Ходить по ним придется босыми ногами, крови сойдет довольно, и с каждым годом она будет течь все обильнее... Слабый вы человек – вас купят и продадут, вас затормошат, усыпят, и вы увянете, притворившись деревом в цвету... Честному же человеку, честному литератору и революционеру пройти по этой дорожке – великая честь, на каковые нелегкие действия я вас, сударь, и благословляю» (с. 81).

История публикации первых рассказов и очерков Бабеля, так же, как и анализ других его произведений, преподносятся авторами книги, прежде всего, в контексте основных событий жизни писателя, с точки зрения отражения в них автобиографических мотивов. С другой стороны, само создание этих произведений рассматривается как существенная часть биографии писателя, как факт становления и воплощения его творческой индивидуальности. Подчеркнут драматизм писательской судьбы Бабеля, поскольку с первых же шагов ему суждено было отражать один из самых катастрофичных периодов в истории нашей страны. Не случайно эпиграфом к третьей главе выбрана полная горечи и скрытой боли фраза из набросков к «Конармии»: «Сколько силы нужно иметь – чтобы быть зеркалом в наши дни».

В третьей главе «В Конармии (1920)» авторы подробно останавливаются на участии Бабеля в польском походе Первой конной армии. Обширный исторический очерк с привлечением работ военных историков, архив-

ных документов, воспоминаний участников событий (Тухачевского, Буденного, главнокомандующего польской армии Юзефа Пилсудского и др.), тщательный анализ «биографии войны» в дневниковых записях писателя 1920 г. и отражение этих впечатлений на страницах конармейских рассказов слагают подробнейший комментарий к главной книге Исаака Бабеля. Избранная стратегия позволила всесторонне проанализировать художественную форму «Конармии», «в которой яркий вымысел и фантазия органично сочетаются с фактической точностью и правдой жизни» (с. 166).

Читательский успех «Конармии» закрепил за Бабелем славу одного из наиболее ярких прозаиков, ввел в мир большой литературы. В последующих главах Е. И. Погорельская и С. Х. Левин закономерно обращаются к литературному быту 1920–1930-х гг. Отдельное внимание уделено роли Маяковского в писательской судьбе Бабеля, взаимоотношениям с Воронским, дружбе с Есениным, Эренбургом, позже – связям с русским зарубежьем (А. М. Ремизовым, М. И. Цветаевой, М. А. Осоргиным, Ю. П. Анненковым).

Отдельную сюжетную линию составляет Франция и французский текст в наследии Бабеля. В шестой главе «В дыму и золоте парижского вечера (1927–1928)» авторы предлагают посмотреть на Францию как на «литературную родину» Бабеля, напоминая, что первые рассказы он написал на французском языке и еще в 1916 г. высказывал мысль о «национальном Мопассане», которую «вполне возможно, отводил себе» (с. 263). Внимание к теме Франции обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, с середины 1920-х гг. во Франции жила первая жена писателя, а в 1929 г. там родилась дочь Наталья. Во-вторых, будучи знатоком французского языка и французской литературы, Бабель с успехом занимался литературными переводами – в книге подробно анализируется участие Бабеля в подготовке собрания сочинений Мопассана, где он «выступил сразу в нескольких ипостасях – переводчика, редактора чужих переводов и составителя трехтомника» (с. 234). Наконец, Бабель трижды побывал во Франции. Несколько лет спустя это станет одной из причин его ареста («Французский

след тянется через все сфабрикованное дело», с. 445). Но, что не менее важно, эти поездки оставили заметный след в произведениях писателя. Все это объясняет пристальное внимание авторов книги к французским маршрутам Бабеля. Описывая улочки Парижа и Марселя, по которым ступала его нога, авторы добиваются эффекта присутствия: читатель имеет возможность взглянуть на них глазами самого Бабеля (вот он пишет друзьям из Марселя: «Живу я в отеле на высокой горе... У подножия этой горы – порт, рыбацьи домики и – нечего скрывать – Средиземное море. Я теперь привыкаю к шуму порта, к ходу волны и к отдаленному гулу города», с. 277); отрывки из писем сопровождаются документальными фотографиями с видами тех самых мест (вот лестница, ведущая на улицу де Пешёр, на которой жил Бабель; а вот вид на лодочную бухту и рыбацкие домики); иллюстрации дополняются путевыми заметками авторов книги, которые сами прошли по дорогам своего героя: «Улочка Пешёр в 7-м округе Марселя, где жил Бабель, узкая, похожая скорее на пассаж между двумя глухими стенами, но тем не менее живописная, существует поныне. Дом №46... оказывается первым слева от лестницы в тридцать две ступени, по которой нужно было подняться, чтобы попасть на эту улочку. Когда же Бабель выходил из дома, спускался „с горы“, проходил несколько шагов направо и пересекал набережную, то взору его открывался великолепный вид на море и находящийся всего в миле от города знаменитый замок Иф, где когда-то томился в заточении Эдмон Дантес – благородный граф Монте-Кристо. Как и прежде, сегодня „у подножия горы“ располагаются „порт, рыбацьи домики“» (с. 277–279).

Авторы «Жизнеописания» показывают, как жизненные впечатления преломляются в творчестве Бабеля, блестяще демонстрируя это на примере рассказа «Улица Данте». В книге подробно анализируется рождение замысла и история работы над текстом, а еще предлагается совершить прогулку по улочкам Парижа вслед за героями рассказа. Авторы приходят к выводу, что топография Парижа, представленная в этом рассказе, вполне реалистична и даже реальна, это, по их мнению, дает основание полагать, что финал рассказа

рождает самые непосредственные ассоциации с судьбой автора: «...сопоставление умершего в изгнании, но своей смертью, Данте и не отказавшегося покинуть родину и погибшего там Дантона отражает... проблему жизненного выбора, стоявшего перед самим писателем, – остаться во Франции или вернуться в Россию» (с. 294).

Обозначенная авторами проблема жизненного выбора становится ключевой. С особой очевидностью это предстает в описании событий, последовавших за возвращением Бабеля из-за границы (седьмая глава «Работать надо здесь (1929–1931)»). Жизнь в советской стране менялась: разгорались разгромные кампании, развязанные против писателей... Главным камнем преткновения в судьбе Бабеля стала «Конармия». Если в 1924 г. заступничество Горького и Воронского помогло потушить накал К. Е. Ворошилова и С. М. Буденного, обвинявших автора в «очернении» героев Гражданской войны, то в 1928-м ситуация изменилась – в ход пошли более изощренные средства. В книге приводится любопытнейший документ – письмо Маяковскому Денисовой-Щаденко с просьбой написать «стихотворение динамического характера» или «конармейскую драму» к десятилетию Первой конной армии. В подробном «либретто» – со Сталиным, Буденным и Ворошиловым в главных ролях – излагался сюжет и даже предлагались рифмы. Автор письма при этом не скрывала истинного назначения соцзаказа – нужно что-то противопоставить Бабелю: «То, что пишет Бабель... – это мелкий эпизод. Видно, что он сидел в тылу, в обозе, – трусливо выглядывая из мешков – барахла, а выглядывая так, он подглядел только зад; подглядел только под юбку революции и Конной Армии... ни решенья задачи, данной пролетариатом армии „ПОБЕДИТЬ“, ни партийного руководства он не увидал – маленький человек...» (с. 314). К чести Маяковского, он не стал писать «драму» о конармейцах. Но немедленно нашелся другой автор – «такую пьесу меньше чем за две недели, в ноябре 1929 года, сочинил Всеволод Вишневский» (с. 315).

В развитии темы нравственного выбора Вс. Вишневский невольно является одним из главных героев «Жизнеописания», вер-

нее, его антигероев. В своих поступках, жизненных принципах, творчестве он выступил полным антиподом Бабелю. И суть здесь не в том, что Вишневский поспешно и послушно выполнил заказ, написав пьесу «Первая конная», а в характере движущей силы, направлявшей его творчество и череду человеческих поступков: это и бравада псевдо-победителя (во время работы над театральной постановкой «начинающий драматург Вишневский, чувствуя поддержку самых верхов, вел себя в театре по-хозяйски и не терпел никаких отговорок и промедлений», с. 315); и попытки самоутвердиться за счет унижения соперника (с тем же горячным пылом Вишневский шлет свою пьесу Горькому, но ему мало узнать оценку художественных достоинств – он ищет поддержки в низвержении противника: «Не то, не то дал Бабель! Многого не увидел. Дал лишь кусочек: Конармия, измученная в боях на польском фронте... Верьте бойцу – не такой была наша Конармия, как показал Бабель» (с. 316), но вместо поддержки получает отповедь Горького: «Могу, однако, сказать, что никакого „ответа“ Бабелю в пьесе Вашей – нет... Бабеля – плохо прочитали и не поняли, вот в чем дело! Такие вещи, как ваша „Первая Конная“ и „Конармия“, нельзя критиковать с высоты коня», с. 317).

Авторы показывают, что история с Вишневским заканчивается также плохо, как и началась. В книге этому посвящен отдельный раздел («Окончание дачной истории»). Спустя две недели после ареста Бабеля на имя Л. П. Берии было направлено письмо от членов правления Союза советских писателей с просьбой решить судьбу дачи Бабеля в Переделкине «для дальнейшего использования ее по прямому назначению». Иными словами, не дожидаясь суда, по горячим следам, кто-то торопится поделить имущество Бабеля. А еще через две недели Правление Литфонда принимает решение: «В случае отказа С.Я. Маршака от предложенной ему <бывшей> дачи Бабеля, предоставить ее т. Вишневскому В.В.». Авторы уточняют: Маршак от этой дачи отказался, а Вишневский занимал ее до 1951 г. (т. е. до самой смерти).

В конце 1980-х гг., когда страну захлестнул поток «возвращенных» имен, многие кумиры советского времени оказались повержены.

Сегодня, спустя несколько десятилетий, эти драматические коллизии зачастую оказываются вне сферы внимания. Е. И. Погорельская и С. Х. Левин вновь возвращают читателя к неприглядному опыту прошлого, заставляя задуматься, к каким трагедиям и какой степени падения может привести сделка с собственной совестью. Конечно, сложно судить о событиях того времени, и авторы книги зачастую аккуратны в оценках, но представленные ими документы и факты говорят сами за себя: слежка, доносы, истерия общих собраний... Осуждалось сочувствие к арестованному, нежелание подписывать расстрельные документы, остракизму подвергались добропорядочность, милосердие, нежелание выступать в роли палачей. Вот красноречивая выдержка из доноса осведомителя, которую приводят авторы книги: «...на фоне „единодушного одобрения приговора Верховного Суда“ выделяется „плохое выступление Олеси; он защищал Пастернака, фактически не подписавшего требование о расстреле контрреволюционных террористов, говоря, что Пастернак является вполне советским человеком, но что подписать приговор своей рукой он не может“» (с. 515).

Восстанавливая полноту событий, Е. И. Погорельская и С. Х. Левин используют все доступные документы, в том числе опубликованные в работах В. С. Христофорова, В. А. Шенталинского, С. Н. Поварцова и др. Материалы следственного дела позволяют реконструировать взгляды Бабеля на происходящие события. Авторы отмечают, что содержание спецсообщений «свидетельствует об информированности Бабеля, проникавшего своим аналитическим умом в тайные пружины показательных процессов» (с. 515).

Разумеется, подобная атмосфера не могла не отразиться на творчестве писателя. Ответом Бабеля стало затянувшееся молчание. Как полагают авторы книги, его «строптивость проявлялась не в вызывающих выступлениях или скандальных публикациях (вроде „Повести непогашенной луны“ Бориса Пильняка), а в молчании. Бабель чувствовал (хотя и иронизировал над этим), что это его „талантливое молчание“ становится красноречивым и может быть расценено как нежелание писать о современности. Вероятно, он надеялся пе-

режить тяжелые времена и... писал „в стол“...» (с. 526).

Е. И. Погорельская и С. Х. Левин размышляют о содержании пропавшего архива Бабеля. Опираясь на сохранившиеся документы, мемуарные свидетельства, а также сведения об анонсированных, но так и неизданных произведениях писателя, они с особым вниманием рассматривают перемещения Бабеля, круг его общения, интересов, с тем, чтобы понять, о чем задумывался писатель в последние годы, какие темы разрабатывал. Особый интерес представляет раздел о сотрудничестве с Эйзенштейном в работе над фильмом «Бежин луг», в котором «нашла выражение всерьез занимавшая Эйзенштейна бабелевская драма: жизнь человека, понятая как история» (с. 460).

В последних главах повествование становится все напряженной. В десятой главе «Не дали закончить (1937–1940)» авторы как будто хотят продлить последние свободные дни Бабеля – становится ценной каждая деталь; незначительные события, будничные заботы, упоминаемые в последних письмах писателя к матери, приобретают какой-то сакральный оттенок... Особенно трогательны фотографии, размещенные в последней главе – снимки сделаны в Горках в мае 1937 г., ровно за 2 года до ареста: Бабель в зарослях цветущих деревьев; и последняя мирная, снятая со спины – на пустынной аллее, с опущенной головой – уходящий в небытие, в Вечность... Следом за ними – фотография из следственного дела, сделанная в день ареста 15 мая 1939 г. Без очков, мятый воротничок рубашки, прямой скорбный взгляд. Но с гордо поднятой головой! Последними словами Бабеля на свободе стали две фразы. Одна – о писательстве: «Не дали закончить...», а вторая – просьба к жене о судьбе дочери: «Я Вас очень прошу, чтобы девочка не была жалкой». Полные достоинства слова сильного несломленного человека.

В «Жизнеописании» Бабеля читатель найдет исчерпывающие сведения о последних месяцах жизни писателя, проведенных в тюрьме; о предъявленном обвинении; о годах томительного ожидания, выпавших на долю семьи; о циничной лжи властей о «благополучной лагерной жизни» арестанта-Бабеля; об истории его реабилитации и возвращении

к читателю. В завершении последней главы справедливо сказано: «Исаак Бабель разделит судьбу великого множества его современников – деятелей искусства, политиков, военачальников, ученых и самых обыкновенных людей. Адская машина сталинского правления сгубила большого писателя и человека...» (с. 544).

Книга Е. И. Погорельской и С. Х. Левина «Исаак Бабель. Жизнеописание» дает пищу и уму, и сердцу. Единство личности и творче-

ства, человека и времени – таков основополагающий принцип, которого последовательно придерживаются авторы исследования. В книге не просто воссозданы основные вехи биографии Бабеля и творческая история его произведений, но и прослежена взаимосвязь перипетий писательской судьбы со сложнейшими историческими и нравственными коллизиями эпохи. Книга, несомненно, будет востребована самым широким кругом читателей.

Литература

Погорельская, Е. И. Исаак Бабель. Жизнеописание / Е. И. Погорельская, С. Х. Левин. – СПб. : Вита Нова, 2020. – 624 с.

References

Pogorelskaya, E. I., Levin, S. Kh. (2020). *Isaak Babel'. Zhizneopisanie* [Isaac Babel. Life description]. Saint Petersburg, Vita Nova. 624 p.

Данные об авторе

Анпилова Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Старый Оскол, Россия).
E-mail: anpilova_ln@mail.ru.

Author's information

Anpilova Larisa Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor (Stary Oskol, Russia).

ЛИРИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

(Рецензия на издания: Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика / под ред. Х. Шталь, Е. Евграшкиной. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 2018; Russian Literature. Vol. 109–110, November – December 2019. Special Issue: The Lyrical Subject in Contemporary Russian Poetry. Guest Editor: Henrike Stahl)

Кучина Т. Г.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Бокарев А. С.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

А н н о т а ц и я. В рецензии рассматриваются два издания, объединенные общей тематикой – исследованием субъектной сферы современной русской поэзии. Коллективную монографию и спецномер журнала Russian Literature составляют статьи российских и зарубежных ученых – участников совместного проекта Института языкознания и Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и Трирского университета (Германия). Анализируются предложенные в статьях Х. Шталь и В. Г. Вестстейна теоретические подходы к изучению субъектной структуры поэтического текста; рассматриваются алгоритмы исследования «расщепленного субъекта», описание способов «распыления» и «собираания» субъекта, особенностей его дейктической репрезентации. В рецензии показана продуктивность исследовательских подходов, учитывающих социальные, культурные, историко-литературные, наконец, бытовые контексты современной лирики, вне которых экспериментальные тексты (например, стихотворения Г. Лукомникова, состоящие из одной буквы или знака препинания) останутся непонятыми. Разбор исследовательских работ показывает, что эра «смерти автора» в литературоведении закончилась, а проблема субъектности вышла на первый план и требует тщательного изучения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: современная русская поэзия; лирический субъект; лирический герой; лирическое «я»; автор.

THE LYRIC SUBJECT IN MODERN RUSSIAN POETRY: PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF RESEARCH

Tatiana G. Kuchina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Aleksey S. Bokarev

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

A b s t r a c t. The review deals with two books united by the common theme – investigation of the subject sphere of contemporary Russian poetry. The collective monograph and the special issue of the “Russian Literature” com-

Kuchina T. G., Bokarev A. S. The Lyric Subject in Modern Russian Poetry: Problems and Perspectives of Research
prise articles of Russian and foreign scholars – participants of the joint project of V. V. Vinogradov Russian Language Institute and the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences and Trier University (Germany). The authors analyze the theoretical approaches to studying subject structures of the lyric text represented in the papers of H. Stahle and W. Weststeijn and explore the research algorithms of the “split subject” and the description of the methods of “dispersing and reassembling” the lyric subject and the features of its deictic representation. The review demonstrates the effectiveness of research approaches that take into account social, cultural, historico-literary, and, finally, everyday contexts of modern poetry, outside which experimental texts remain misunderstood (for example, the verses consisting of one letter or a punctuation mark by G. Lukomnikov). The analysis of the articles shows that the era of “the death of the author” has passed and that the issue of the subject as a philological problem has come to the fore and requires careful study.

Keywords: contemporary Russian poetry; lyric subject; lyric character; lyric “ego”, author.

Для цитирования: Кучина, Т. Г. Лирический субъект в современной русской поэзии: проблемы и перспективы изучения (Рецензия на издания: Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика / под ред. Х. Шталь, Е. Евграшкиной. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 2018; Russian Literature. Vol. 109–110, November – December 2019. Special Issue: The Lyrical Subject in Contemporary Russian Poetry. Guest Editor: Henrike Stahl) / Т. Г. Кучина, А. С. Бокарев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 258–264. – DOI: 10.26170/FK20-03-23.

For citation: Kuchina, T. G., Bokarev, A. S. (2020). The Lyric Subject in Modern Russian Poetry: Problems and Perspectives of Research. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 258–264. DOI: 10.26170/FK20-03-23.

Оба тома обращены к рассмотрению давно назревшей, но до сих пор недостаточно изученной проблемы – субъектности в современной русской поэзии. Границы современности при этом определены весьма четко: в поле зрения авторов попадают тексты, создававшиеся начиная с 1991 г. (времен распада СССР) – что не исключает, однако, экскурсов в куда более отдаленную историю литературы [Субъект... 2018: 7]. Составившие и книгу, и спецномер журнала *Russian Literature* материалы были представлены на международных конференциях, организованных в 2015–2016 гг. Институтом языкознания и Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН и Трирским университетом (Германия). Конференции объединили усилия целого ряда отечественных и зарубежных ученых (как литературоведов, так и лингвистов) – но и продемонстрировали различия как в понимании предмета, так и в методологических подходах. Цели найти универсальный инструментарий для работы с разнохарактерным материалом (в диапазоне от неотрадиционалистской лирики В. Кривулина до авангардистской – даже по нынешним меркам – «поэзии вы-

черкиваний») авторы не ставят. Безусловным достоинством публикаций является точность, с которой очерчивается в них само проблемное поле.

Так, не вызывает сомнений, что субъект должен рассматриваться в качестве важнейшего конститутивного элемента поэтического высказывания, и в современной ситуации, несмотря на констатированную некогда «смерть автора», он вновь становится актуален [Субъект... 2018: 7–8]. Краткий обзор научных концепций субъектности делает доказательным и вывод о том, что определения говорящего в стихах, свойственные более ранним эпохам, не могут быть механически перенесены на тексты конца XX – начала XXI вв. [Там же: 7–14]. Новейшая поэзия, таким образом, нуждается в специфическом, учитывающем многообразие явлений и как можно более диверсифицированном аппарате [Там же: 10]. Наметить конкретные стратегии ее анализа с точки зрения субъектной организации как раз и призваны рецензируемые издания. В соответствии с этой задачей каждое из них предполагает как теоретическое рассмотрение форм субъектности, так

и апробацию выдвинутых положений на примере конкретных текстов и авторских поэтик.

В числе наиболее общих вопросов, поднимаемых авторами, можно выделить следующие: какова природа высказывания в лирике – фактуальная или фикциональная? (статьи Х. Шталь и В. Г. Вестстейна [Субъект... 2018: 35–55, 57–65]); как называть носителя речи в стихотворении – «лирическим „я“», «лирическим героем», «лирическим субъектом» и т. д.? (статьи В. Г. Вестстейна [Russian Literature 2019: 31–46] и В. Новикова [Субъект... 2018: 67–78]); в чем своеобразии поэтического дейксиса на фоне инородных форм литературы? (статьи В. Фещенко, Е. Евграфшиной и О. Северской [Субъект... 2018: 157–169, 171–183, 185–194]). Подробно рассматриваются и темы гораздо более локальные – например, взаимосвязь стиховой организации и субъектной структуры текста, которой посвятили свои работы Р. Ходель и Ю. Орлицкий [Субъект... 2018: 219–240, 241–266], или «сцепление» фильмической оптики и телесности в поэтических произведениях русских авангардистов (об этом – статья К. Корчагина [Russian Literature 2019: 235–256]). Однако наибольший интерес вызывают, конечно же, исследования, претендующие на построение новой теории и типологии субъекта, – даже если они провоцируют на полемику или на прямые возражения.

Среди таковых – фундаментальные работы немецкого литературоведа Х. Шталь, экстраполирующие на лирику методы и приемы нарратологии [Субъект... 2018: 35–55; Russian Literature 2019: 1–29]. Справедливо не отождествляя носителя речи с биографическим автором, ученая настаивает на их автономности, утверждая «непознаваемость» последнего и его радикальную отграниченность от текста [Субъект... 2018: 50]. Такая позиция представляется дискуссионной: в исследованиях по исторической поэтике доказывается, что исходной формой отношений автора и героя в литературе является субъектный синкретизм, который лирика, в отличие от эпоса или драмы, так до конца и не преодолела [Бройтман 1997: 31–54; Бройтман 2004: 91–99]. Удостовериться в этом позволяют современная бардовская песня и рок-поэзия, где архаическая нераздельность (но и неслиянность!)

субъекта речи и автора-творца проявляется с максимальной отчетливостью: протагонист не только наделяется голосом своего создателя, но и «присваивает» его внешний облик и пантомимику (если речь идет о концерте или видеоклипе) [Доманский 2015: 84].

Выстроенная с опорой на идеи философа Г. Барта «многоипостасная модель» субъектности внутренне непротиворечива, однако в целом совершенно неспецифична для лирики. Выделяемые в рамках такой модели коммуникативные инстанции – трансцендентальный субъект (реальный автор), эмпирический субъект (носитель высказывания), текстовый субъект (аналог «абстрактного автора» в нарратологии), наконец, реляционный субъект (выявляемый как отношение текстовых субъектов разных произведений) [Субъект... 2018: 44–52] – могут быть обоснованы и на материале эпики, а с некоторыми ограничениями – и на материале драмы. Возможно, подобный подход обусловлен расширением изучаемого объекта: Х. Шталь предпочитает говорить не столько о лирике с ее относительно устойчивыми родовыми признаками, сколько о «поэзии» и «поэтических произведениях», объединенных установкой на «художественную обработку языка» [Там же: 38]. Конечно, учитывая размывание родо-жанровых границ, сформулировать «онтологическое» представление о лирике крайне трудно – но ее «эвристическое» определение, на наш взгляд, все же необходимо. Если научная продуктивность понятия напрямую зависит от его семантического объема, то чем неопределенней границы термина, тем менее состоятелен он как инструмент анализа. Слово «поэзия» же – по крайней мере в русской традиции – одно из самых расплывчатых и нетерминологичных [Орлицкий 2003], и использование его в качестве базовой категории видится неоправданным.

Демонстрация практического способа применения описанной терминологии для характеристики субъектной структуры лирического произведения дается в статье Х. Шталь «Типология субъекта в современной русской поэзии: теоретические основы» [Russian Literature 2019: 1–29]. Показательно, однако, что для рассмотрения выбираются только те поэты, у которых субъектная мно-

гослойность является объективной чертой лирики (что в современной поэзии не редкость, но и не универсальное правило). К такому относится, например, Е. Шварц с книгой «Труды и дни Лавинии, монахини из ордена обрезания сердца (От Рождества до Пасхи)», где поэтесса заведомо не равна Лавинии, а Лавиния-поэт не тождественна Лавинии-монахине. Нельзя не согласиться и с замечанием Х. Шталь о Дмитрие Александровиче Пригове, который «может служить примером игры с различием эмпирического субъекта <...>, *imago* автора <...> и поэтического субъекта автора текста <...>» [Там же: 14]. Добавим, что и стихи придуманного Б. Кенжеевым поэта Ремонта Приборова были бы идеальным объектом подобного описания. Обоснованность предлагаемого разграничения субъектных инстанций не вызывает сомнений, однако проблемная зона исследования – «материальные» маркеры, по которым следует различать субъектные слои (каковы опознавательные знаки «*imago* автора», позволяющие уверенно отграничить его от «эмпирического субъекта»?); Да и описание субъектной модели лирического текста становится довольно громоздким и без специальной подготовки трудно читаемым (вот пример: «...у Шварц это многослойный субъект с установкой на трансцендирование, а у Седаковой субъект имманентности трансцендентности с прозрачностью субъектных границ как по вертикали, так и по горизонтали» [Там же: 22]).

Тем не менее можно уверенно утверждать, что Х. Шталь предпринимает значимую попытку обновления литературоведческой теории – и ее статьи, с отдельными положениями которых можно полемизировать, заслуживают самого внимательного прочтения. Следует отдать должное и ее решительности как составителя спецномера *Russian Literature*: в соседствующей со статьей Х. Шталь работе В. Г. Вестстейна «Как назвать „говорящего“ в стихотворении?» проблема тонких различий субъектных слоев решается принципиально иначе. После критического перебора русско-, немецко- и англоязычных вариантов – поэт, лирический субъект, лирический герой, лирическое «я», *das lyrische Ich*, *the poet's persona*, *the poet-speaker* и др. – ученый останавливается на «*speaker*» (это и есть

прямой ответ на вопрос, как назвать «говорящего!»), возвращая, словно бы в противовес Х. Шталь, субъекту речи цельность и монолитность [*Russian Literature* 2019: 31–46]. (А уже автор следующей статьи – Р. Грюбель – вновь исходит из представления о «расшатанности» субъекта и поэтического «я», нетождественности реального автора, подразумеваемого поэтического субъекта и потенциального поэтического «я» [Там же: 47–68].)

Вообще, сама практика обозначения «*speaker*» в собранных в рецензируемых изданиях статьях заслуживает отдельного внимания. Так, в своем сопоставительном анализе поэтики Д. А. Пригова и А. Драгомощенко А. Уланов обходится термином «субъект» (различая лишь субъектов первого и второго уровня в поэзии Пригова) [*Russian Literature* 2019: 69–82]. Ю. Орлицкий, характеризуя субъекта лирики Г. Сапгира, оперирует термином «голос» (и при этом опорным текстом для анализа является книга Сапгира «Голоса») [Там же: 83–93]. А. Житенев, рассматривая произведение Е. Фанайловой и В. Иванова, виртуозно лавирует между «персонажем», авторским «я» и лирическим «я» [Там же: 95–107]. Е. Фридрихс-Евграфкина в статье «Гендер и пол...» предпочитает использовать термин «поэтический субъект» [Там же: 109–135]. М. Павловец в анализе предельно малых форм в поэзии Г. Лукомникова выделяет «маски» («ленивца-сибарита, эротомана и „вечного ребенка“, поэта-скомороха с разлохмаченной бородой и в толстом цветастом свитере») [Там же: 141]; субъектную сферу текстов исследователь рассматривает в соотнесенности с имиджем автора, обращающего говорение слов в перформативные акты. Вторая же статья о Лукомникове (ее автор – М. Маурицио) написана в терминах «субъекта», «себя-субъекта» и «лирического субъекта»; акцент здесь сделан на демонстрацию работы языковых приемов как важнейшего аспекта поэтики Лукомникова [Там же: 151–164].

Примеры можно было бы приводить и дальше, но суть проблемы вырисовывается вполне отчетливо: при ясном осознании нетождественности реального автора / лирического субъекта / лирического «я» / лирической маски / лирического героя (а этот термин к большинству произведений современной по-

эзии оказывается уже и вовсе неприменим) каждый исследователь пользуется собственным категориальным аппаратом – с разной степенью индивидуальных инноваций по отношению к «базовому» набору понятий.

Алгоритмы филологического анализа в статьях из обоих сборников также заслуживают специального внимания. Разумеется, без учета композиционных ходов, особенностей лексического, стилистического, ритмико-интонационного строя стихотворений не обходится практически ни одна исследовательская работа. Но по отношению к текстам Г. Сапгира, Д. А. Пригова, Г. Лукомникова, И. Ахметьева имманентный анализ становится бессилён (или не полностью им адекватен). Объяснить, как сконструирован субъект речи в стихотворении, состоящем из одного слова («почта-автомат»), одной буквы («Э») или одного знака препинания (точка как автономное произведение среди других творений Лукомникова), невозможно путем поуровневого анализа текста. Осмысление его становится реальным только в системе контекстов – биографических, историко-литературных, социально-исторических, бытовых, наконец (так, М. Павловец отмечает, что он опирался на разъяснения Лукомникова об истории создания цикла из 40 опусов: поэт «подобрал» нужные слова по время поездок на троллейбусе № 33 по Ленинскому проспекту Москвы) [Russian Literature 2019: 142]. В случае демонстративной, тематизированной «деградации субъекта» (об этом – статья В. Гречко «Несовершенство как прием: стратегии и функции деградации субъекта» [Там же: 165–183]) читателю и интерпретатору важно понимать общую систему эстетических установок автора – тогда сама фигура автора становится внетекстовой гарантией значимости текста, и в этом случае она «должна компенсировать утратившего свою ценностную позицию субъекта» [Там же: 174].

С лингвистических позиций к проблеме субъектности обращаются В. Фещенко, исходящий из тезиса о ключевой роли дейктических слов в конструировании образа говорящего в стихах [Субъект... 2018: 157–169; Russian Literature 2019: 257–274], и Н. Фатеева, исследующая проблему «расщепленности» субъекта [Russian Literature 2019: 185–202]. Сначала – чуть подробнее о первой из этих работ.

Дейксисом, как известно, принято называть совокупность языковых средств, указывающих на физические координаты коммуникативного акта – его участников, контекст, место и время протекания [Падучева 1996: 245]. Опираясь на К. Бюлера, точкой отсчета в любом высказывании исследователь предлагает считать «origo» (от лат. «происхождение», «начало»), определяемое как комплекс трех составляющих – «я – здесь – сейчас» [Субъект... 2018: 158]. Свообразие поэтического дейксиса В. Фещенко усматривает в том, что указательное поле языка в лирике – в силу единства и тесноты стихового ряда – «намеренно организуется и ритмизуется» [Там же: 165]. В результате возникает «сдвиг», при котором дейктические маркеры «сгущаются» и задают иную, отличную от линейно-синтагматической, «согласованность субъектов, объектов и предикатов» [Там же: 158]. Предметом анализа, таким образом, является не «эго», обособленное от других параметров дейксиса, а «origo», функционированием которого и формируется «динамическая субъектная структура текста» [Там же: 166].

Плодотворность изложенных принципов подтверждается качественным разбором стихотворения В. Аристова, однако остается неясным, как применять их по отношению к большому корпусу произведений (например, поэтической книге). Вопросы вызывает и положение, заимствованное В. Фещенко у британского лингвиста К. Грина, согласно которому поэтический мир «создается каждый раз заново» и «не является... подобием мира референциального» [Субъект... 2018: 162]. Думается, что такое суждение излишне категорично (хотя и не лишено оснований применительно к некоторым авангардистским практикам) и может быть опровергнуто самой историей лирики. Соотнесенность высказывания с внехудожественной ситуацией неоднократно отмечалась как ее родовое качество: появление текстов вроде «Новой жизни» Данте или комментариев А. Блока к «Стихам о Прекрасной Даме», проясняющих обстоятельства, их породившие, может рассматриваться как убедительная иллюстрация этой особенности [Бройтман 2004: 94]. А вот собственная мысль В. Фещенко – о целесообразности при анализе «дейктического измерения

текста» принимать во внимание «авторорефлексию самого поэта» [Там же: 167] – в высшей степени убедительна.

Н. Фатеева исходит из представления о лирическом субъекте как «нетождественном автору конструкте, который моделируется в тексте и не существует вне его рамок» [Russian Literature 2019: 186]. Концепция «расщепленного субъекта» (Я-пишущее и «другое Я, выступающее как рефлектирующая инстанция по отношению к первой» [Там же: 186]), обоснованная в трудах Ж. Лакана и Ж. Деррида, применяется для работы с текстами А. Драгомощенко, В. Гандельсмана, М. Степановой, В. Кальпиди, Е. Пospelова. «Расщепленность» в них заранее обнажена как прием, но движение исследователя в фарватере авторских самоопределений сопровождается характеристикой коммуникативных стратегий, посредством которых субъект обнаруживает рефлексивное начало в тексте, и анализом языковых средств, которыми достигается эффект расподобления сущностей. В частности, контаминация фразеологизмов «застать врасплох» и «потерять себя» в стихотворении Гандельсмана «Рядом» порождает фигуру, обозначенную как «некто, врасплох потерявший себя», при этом Я, смотрящее на себя со стороны, облекается в форму Ты. Стратегия «у-странения» субъекта рассматривается сквозь призму смены грамматического лица местоимений в тексте (примеривание маски Она на месте Я в стихотворениях Степановой); затем отслеживается «обнуление» Я (Я принимает нулевое значение в ситуации уравнивания субъектов третьего и первого лица). Весьма убедительный анализ местоименной сферы текстов Степановой (трансгрессии Я – Ты – Она) позволяет прийти к парадоксальному, но очень точному выводу: прямое высказывание в современной поэзии дается автору труднее, чем любые формы дистанцирования от Я [Там же: 189–194].

Концепция «расщепленного субъекта» становится отправной точкой в построениях Д. Кузьмина [Russian Literature 2019: 203–220], настаивающего на решительной смене философской рамки исследований по поэтике субъектности. Наиболее подробное на сегодня описание разновидностей лирического субъекта, созданное С. Н. Бройтманом, Д. Кузьмин считает выстроенным на «категориально-понятийном аппарате давно прошедших эпох» [Там же: 205], да и сам поэтический материал у С. Н. Бройтмана не всегда выходит за пределы первых десятилетий XX в. Для адекватного изучения «поэзии после Освенцима» Д. Кузьмин полагает важным учитывать «контекст Делеза, и прежде всего выдвинутый им тезис о том, что „внутреннее всегда оказывается складчатостью подразумеваемого внешнего“» [Там же: 206]. Ближайшим же контекстом для анализа поэтики А. Скидана в статье Д. Кузьмина становятся работы М. Липовецкого (опирающегося на идеи Дж. Агамбена об «индивидуализации через неопределенность») и К. Корчагина (опирающегося на идеи Ж. Лакана; показательно, что цитата из Лакана приводится та же, что и в статье Н. Фатеевой), а ключевой метафорой для характеристики дискурса травмы в поэзии А. Скидана – понятие «фрэггинг» (убийство солдатами офицера, подрыв; в поэзии – подрыв языка) [Там же: 206–208]. «Распыление» лирического субъекта понимается как способ противостояния репрессивной цельности – и с этой идеей нельзя не согласиться.

Подводя итог, подчеркнем, что появление обоих изданий стало в высшей степени значимым шагом в изучении субъекта лирического текста в литературе XXI в., а сохраненная составителями методологическая «разногослица» – разница методов, аналитических подходов, индивидуальных вкусов, выбираемых терминов в представленных статьях – позволяет четче очертить круг дискуссионных вопросов.

Литература

- Бройтман, С. Н. Историческая поэтика / С. Н. Бройтман // Теория литературы : в 2 т. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – Т. 2. – 368 с.
- Бройтман, С. Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура) / С. Н. Бройтман. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. – 307 с.
- Доманский, Ю. В. Рок-поэзия: филологический ракурс : монография / Ю. В. Доманский. – М. : Intrada, 2015. – 272 с.

Кучина Т. Г., Бокарев А. С. Лирический субъект в современной русской поэзии...

Орлицкий, Ю. Где начинается и где заканчивается современная русская поэзия / Ю. Орлицкий // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 4 (62). – С. 15–21.

Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика / под ред. Х. Шталь, Е. Евграшкиной. – Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 2018. – 440 с.

Russian Literature. Vol. 109–110, November – December 2019. – Special Issue: The Lyrical Subject in Contemporary Russian Poetry. Guest Editor: Henrike Stahl. – 314 p.

References

Broytman, S. N. (1997). *Russkaya lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoi poetiki. (Sub'ektno-obraznaya struktura)* [Russian lyrics of the 19th – early 20th centuries in the light of historical poetics. (Subject and image structure)]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 307 p.

Broytman, S. N. (2004). Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. In *Teoriya literatury, in 2 vols.* Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». Vol. 2. 368 p.

Domanskii, Yu. V. (2015). *Rok-poeziya: filologicheskii rakurs* [Rock poetry: Philological perspective]. Moscow, Intrada. 272 p.

Orlitskii, Yu. (2003). Gde nachinaetsya i gde zakanchivaetsya sovremennaya russkaya poeziya [Where does modern Russian poetry begin and end?]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 4 (62), pp. 15–21.

Paducheva, E. V. (1996). *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic research (Semantics of tense and aspect in Russian; Semantics of narrative)]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury». 464 p.

Shtal', Kh. (Ed.). (2019). *Russian Literature. Vol. 109–110, November – December*. Special Issue: The Lyrical Subject in Contemporary Russian Poetry. 314 p.

Shtal', Kh., Evgrashkina, E. (Eds.). (2018). *Sub'ekt v noveyshei russkoyazychnoi poezii – teoriya i praktika* [The subject in the newest Russian-language poetry – theory and practice]. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der Wissenschaften. 440 p.

Данные об авторах

Кучина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 15000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: tgkuchina@mail.ru.

Бокарев Алексей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: asbokarev@mail.ru.

Author's information

Kuchina Tat'yana Gennad'evna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

Bokarev Aleksey Sergeevich – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ МЕТАФОРЫ RaAM 2020

Шитиков П. М.

Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (Тобольск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4789-0149>

Аннотация. 18–21 июня 2020 года в г. Хамар (Норвегия) состоялась ежегодная международная конференция ассоциации исследователей метафоры RaAM (Association for Researching and Applying Metaphor). В статье приводится краткий обзор основных докладов конференции.

Ключевые слова: метафора; метонимия; конференция; RaAM.

REVIEW OF THE ASSOCIATION FOR RESEARCHING AND APPLYING METAPHOR (RaAM) 2020 CONFERENCE

Petr M. Shitikov

Tobolsk Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev (Tobolsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4789-0149>

Abstract: The annual international conference of RaAM (Association for Researching and Applying Metaphor) took place in Hamar, Norway, from 18 to 21 June 2020. The article provides a brief overview of the main conference papers.

Keywords: metaphor; metonymy; conference; RaAM.

Для цитирования: Шитиков, П. М. Обзор конференции ассоциации исследователей метафоры RaAM 2020 / П. М. Шитиков. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 265–270. – DOI: 10.26170/FK20-03-24.

For citation: Shitikov, P. M. (2020). Review of the Association for Researching and Applying Metaphor (RaAM) 2020 Conference. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 265–270. DOI: 10.26170/FK20-03-24.

18–21 июня 2020 года состоялась ежегодная конференция ассоциации исследователей метафоры RaAM (Association for Researching and Applying Metaphor). Конференция RaAM – знаковое событие в мире метафорологии. Она проходит с 1996 года с периодичностью два года.

В этом году конференция должна была проходить на базе Университета прикладных наук в г. Хамар (Норвегия), однако, в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, все мероприятия были перене-

сены в режим онлайн. Это позволило поучаствовать в конференции рекордному числу исследователей из России, Великобритании, США, Германии, Франции, Португалии, Испании, Италии, Швейцарии, Швеции, Бельгии, Нидерландов, Норвегии, Дании, Финляндии, Канады, Бразилии, Китая, Японии, Тайвани, Израиля, Турции, Греции, Словении, Армении, Литвы, Латвии, Сербии, Польши, Ирландии, Австралии. Всего было представлено более сотни докладов, посвященных различным аспектам изучения метафоры.

Работа конференции продолжалась 4 дня. Каждый день открывался пленарным докладом одного из ключевых специалистов в области метафорологии.

В первый день в роли пленарного докладчика выступила профессор прикладной лингвистики Университета Бирмингема (Великобритания) Жанетт Литтлмор (*Jeannette Littlemore*). В своем докладе «Творческое применение метафоры и метонимии» она представила результаты многолетнего исследования того, как люди творчески используют метафору и метонимию для выражения положительной и отрицательной оценки, для описания сложных инцидентов и эмоциональных переживаний.

Ключевой спикер второго дня – профессор университетского колледжа Дублина (Ирландия) Тони Вил (*Tony Veale*) – в своем докладе изложил опыт обучения роботов образной речи. Автор отметил, что человек при включении в устную речь метафоры или метонимии невольно использует жесты и мимику, которые дополняют его образное высказывание. Образная речь, сгенерированная роботом, по мнению автора, воспринимается неестественно именно в силу отсутствия сопутствующих эмоций. Изучение связи между метафорой и мимикой позволит «научить» робота использовать соответствующие жесты.

Докладчик третьего дня – профессор университета Болоньи Мариана Болоньези (*Marianna Bolognesi*) – рассказала об исследовании механизмов создания новейших метафор. Конструирование и интерпретацию креативных метафор в одноязычных и многоязычных культурах автор связывает с моделью дивергентных и конвергентных ассоциативных процессов. В этой теоретической структуре метафоры предстают как ассоциативные конструкции, степень креативности которых определяется количеством «трафика» на пути, соединяющем элементы метафоры.

В заключительный день конференции на пленарной секции свой доклад представил профессор Корнельского университета (США) Даниэль Казазанто (*Daniel Casasanto*). Автор обозначил принципы теории ментальных метафор, которая призвана объяснить: 1) когда метафорическое мышление и метафорический язык совпадают или расходятся, 2) как

метафорическое мышление может варьироваться в зависимости от различий языка и культуры, даже когда оно основано на эмпирических универсалиях и 3) как метафорическое мышление может ситуативно меняться, даже если оно является фундаментальным для нашего понимания базовых концептов.

Основная работа конференции проводилась в нескольких секциях. Можно выделить четыре основных тематических направления: «Теория», «Методология», «Практика» и «Результаты».

Весьма насыщенной была секция «Теория метафоры», в рамках которой прозвучало несколько важных докладов. Ключевой докладчик данного направления Ева Свитстер (*Eve Sweetser, USA*) предложила основания теории изучения визуальной метафоры. Автор доказывает, что построение и понимание лингвистической и визуальной метафоры имеют различную природу. Признавая, что любая метафора включает в себя исходный фрейм, который позволяет интерпретировать проекцию в целевом домене, исследователь отмечает, что с онтологической точки зрения визуальная метафора в основном зависит от иконографического слоя. Иконическая идентификация создает метонимическую идентификацию фрейма, который должен быть отображен. Иконические или метонимические интерпретации открывают доступ к исходным фреймам – после чего метафорические последовательно связываются с целевыми фреймами. Целевой подфрейм, взаимодействуя с другими, формирует общее метафорическое значение визуального образа. Автор иллюстрирует свои утверждения на примере метафоры свободы, визуально представленной в образе разорванных цепей в известной статуе свободы. Признавая общность теоретических предпосылок анализа языковой и визуальной метафоры, исследователь призывает на практике дифференцировать методы и подходы к исследованию данных феноменов.

Важным с теоретической точки зрения был доклад, посвященный междисциплинарным исследованиям креативного потенциала метафоры. Автор (*Katrin Kohl, UK*) убедительно показала, что на современном этапе развития науки продуктивное изучение метафоры

возможно лишь в междисциплинарном ключе. Автор призывает отказаться от ставшего традиционным когнитивного подхода к метафоре, в рамках которого изучение ее риторических свойств признается устаревшим. В докладе рассматривается широкий контекст изучения метафоры в классической античности и выделяются наиболее важные пункты, которые сохраняют актуальность и для современных исследований на стыке познания и языка. По мнению автора, время выбора исключительно философской, лингвистической либо риторической методологии прошло. Древние дебаты между философией и риторикой в настоящее время служат отправной точкой для решения ключевых вопросов в подходах к метафоре. Креативная мощь метафоры может быть раскрыта лишь в сочетании нескольких подходов.

В одном из наиболее интересных докладов теоретической направленности авторы (*Lottevan Poppel, Roosmaryn Pilgram, Netherlands*) представили результаты изучения причин отторжения метафоры. Авторы рассматривают метафору как мощное средство убеждения, заставляющее реципиента принимать доводы коммуникатора на когнитивном уровне. Однако некоторые метафоры отвергаются реципиентами, вызывая когнитивное отторжение. Соппротивление влиянию метафоры может быть осознанным и бессознательным. В зависимости от силы убеждения самой метафоры варьируются и способы когнитивного противостояния. Авторы доклада подробно рассмотрели причины, по которым одни метафоры отторгаются, а другие нет, а также причины, по которым одни метафоры являются убедительными, а другие – нет. В ходе тщательного анализа авторам удалось разработать типологию метафор, сгруппированных по принципу силы убеждения. Подобная типология представлена в научном пространстве впервые.

Значительное место в программе конференции занимает блок докладов, посвященных методологии исследования метафоры. Новационный метод описания метафоры на различных этапах развития языка и культуры представил исследователь из Японии (*Toshihiro Shimizu, Japan*). Автор презентовал авторскую методику составления метафорограмм – графиков, которые позволяют наглядно пред-

ставить метафорическое словоупотребление в различных типах дискурса в диахроническом разрезе. Впервые прототип метафорограмм был предложен автором в 2009 году. После первой публикации модель была значительно доработана и апробирована на значительном по объему материале. Был проведен корпусный анализ 110 выступлений бизнес-руководителей с целью составления метафорограммы. На основании своих наблюдений автор выдвинул ряд высказываний, в которых нашло отражение хронологическое доминирование конкретных метафор. Данные метафоры и были представлены в виде графика, на котором отражены семантические изменения значений.

Крайне интересной представляется секция, на которой рассматривались вопросы изучения синестезии в контексте метафорологии. Синестезия – применение лексических элементов, используемых в одной сенсорной модальности при описании восприятия в другой – феномен, который непосредственно связан со склонностью к метафорическому осмыслению явлений внешнего мира. Докладчики (*Qingqing Zhao, Kathleen Ahrens & Chu-Ren Huang, Hong Kong SAR*) отмечают, что традиционный подход к синестезии подразумевает лингвистический анализ феномена, вне рамок его когнитивного осмысления. Традиционные теории рассматривают возможность формирования всех возможных отображений между двумя смысловыми модальностями, даже если каждое отображение включает в себя очень разные концепты из каждой области. Авторы предлагают рассматривать чувственную модальность как концептуальную область, которая содержит набор концептов, которые являются потенциальным источником различных отображений. Таким образом, лингвистическая синестезия – метафорична по природе и может методологически рассматриваться в рамках традиционной когнитивной теории метафоры. Данный тезис нашел подтверждение на практике во втором докладе секции. Авторы (*Sarah Turner & Jeannette Littlemore, UK*) представили результаты уникального эксперимента, цель которого была выявить связь между психологической склонностью к синестезии и уровнем креативности при создании метафоры. Было доказано, что сине-

стеты активнее используют новые метафоры, при этом корреляционный круг значительно шире, нежели у не синестетов.

В отдельном блоке секций были представлены доклады, посвященные наиболее важным вопросам применения на практике теоретических знаний о метафоре. Секция «Метафора и перевод» была одной из самых многочисленных по количеству участников. Рассматривались примеры решения данной проблемы на практике, в процессе обучения (*Gill Philip, Italy*), а также особенности перевода метафоры в политических (*Lei Zhang, China*), научных (*Mark Shuttleworth, Hong Kong SAR*) и юридических (*Michele Mannoni, Italy*) текстах. Методологически все доклады опирались на дескриптивный подход к транслатологии. Данный подход был обозначен в ключевом докладе данной секции. Авторы (*Susan Nacey & Siri Først Skogmo, Norway*) обозначили перспективы описательного изучения переводов. В отличие от традиционных исследований, в которых основные усилия направлены на изучение степени переводимости метафоры и разработку руководств по ее переводу, в рамках дескриптивного подхода внимание акцентируется на том, как метафора уже переведена, а не на том, как она могла бы быть переведена. Такой подход открывает новые перспективы в области обучения переводу.

Применение теоретических принципов изучения метафоры в области лингводидактики также имеет хорошие перспективы. Авторы (*Ana M. Piquer-Piriz & Irene Castellano-Risco, Spain*) ключевого доклада в данной секции подробным образом изучили связь между обучением базовой лексике и пониманием метафорических высказываний студентами. Авторы справедливо указали, что многие педагоги оценивают способности учащихся использовать метафоры, что позволяет получить отчет о формировании метафорической компетентности. Однако рецептивная область, т. е. связь между общей лексической компетентностью студентов и способностью понимать метафорический язык, игнорировалась. Авторы представили результаты первого опыта объединения принципов исследования из двух независимых областей. Также авторы представили промежуточные результаты разработки инструментов для измерения способ-

ности студентов, изучающих язык, понимать и воспроизводить образные значения. Данные инструменты подразумевают либо включение метафорических элементов в общие лексические тесты, либо разработку тестов, специально предназначенных для этой цели. Представленные авторами результаты показывают положительную корреляцию между пониманием метафорических высказываний и общей лексической подготовкой.

Значительная часть докладов конференции была посвящена демонстрации результатов изучения метафоры в различных типах дискурса.

Крайне интересной была секция, объединившая исследователей международного проекта ЕММА («Исследование метафоры и метонимии в рекламе»). В ключевом докладе (*Jeannette Littlemore, UK; Samantha Ford & Paula Pérez Sobrino, Spain*) авторы представили основные принципы организации проекта и методологию исследования. Ученым было важно показать, что коллаборация академической среды и производства крайне продуктивна. В сотрудничестве с международными рекламными агентствами проводится масштабное исследование, цель которого – понять, как лучше всего использовать метафору в рекламе, и изучить возможности влияния на ответную реакцию потребителей. Данные теоретические принципы находят успешное воплощение при исследовании социальной (*Dovile Vengaliene, Lithuania*), политической (*Inesa Šeškauskienė & Jurga Cibulskienė, Lithuania*) и бизнес (*Júlia Cubarsí Vila, Spain*) рекламы. Авторы показали, что рекламные ролики, в которые намеренно внедряются метафорические образы, лучше запоминаются, т. е. лучше достигают своей непосредственной цели. Таким образом, гипотеза ключевого докладчика находит практическое подтверждение.

Медиaproстранство – одно из самых перспективных направлений метафорологии. Метафоры успешно изучаются в репортажах, посвященных различной тематике. Под руководством главы международной лаборатории метафоры Г. Стейна был выполнен проект по изучению метафоры в юмористических и сатирических программах. Результаты были представлены в двух докладах (*Ellen Droog, Christian Burgers, Gerard Steen, Netherlands; Chris-*

tian Burgers, Britta C. Brugman, Netherlands). Авторы показали, что сатирические передачи являются ярким примером «гибридных жанров» и представляют собой смесь комедии, новостей и политических разговоров. Авторами показано, что метафоры сознательно используются сатириками в качестве риторического приема для выполнения трех основных риторических функций сатиры (юмора, воспитания и оценки), поскольку метафоры позволяют выразить юмористический замысел, обозначить сложные политические темы и безопасно критиковать структуры власти.

Политическая метафора стала темой самостоятельных секций. Одна из них была посвящена анализу метафор в политических дебатах в парламентских собраниях. Анализируя высказывания высокопоставленных чиновников, авторы убедительно показали, что метафора является излюбленным и наиболее сильным оружием убеждения. Ключевым докладчиком другой секции стал известный исследователь политической метафоры А. Масолф (*Andreas Musolf, UK*), который представил результат изучения метафорической национальной идентификации мигрантов по данным онлайн-публикаций и переписки в чатах. На основании анализа контента авторов из более чем 20 стран, ученый показал, что понятие «мигрант» концептуализируется в рамках метафоры НАЦИЯ – ЭТО ТЕЛО в крайне негативных тонах: «вирус», «паразит», «блевотина» и т. д.

Актуальная тема процесса выхода Великобритании из европейского союза была рассмотрена в докладе исследователя из Латвии (*Anita Naciscione, Latvia*). В докладе представлены первые результаты изучения метафорических образов данного политического процесса. Автор показала, что Брексит зачастую описывается на страницах политических изданий и в аналитических программах с помощью идиоматических выражений, порожденных метафорическим осмыслением происходящего. Наиболее употребительные из них:

«брак и развод», «прыжок в темноту», «сидеть на двух стульях» и т. д.

В серии докладов были представлены результаты изучения отдельных метафор различной тематики в различных типах дискурса. Крайне интересным показался доклад шведского исследователя (*Per Boström, Sweden*), который сопоставил примеры метафоризации концепта РОМАНТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ в среде подростков и зрелых людей. Молодые люди склонны описывать любовь с практических позиций, в то время как взрослые склоняются к абстрактному описанию любви в категориях силы и слабости.

В целом нужно отметить высокий академический уровень докладчиков и участников дискуссии на секциях. Опираясь на разнообразный исследовательский материал и применяя различные методики, авторы показали удивительное богатство когнитивного потенциала метафоры. Аннотации всех докладов доступны по ссылке [Book of abstract [http](http://)].

Несмотря на вынужденный переход в цифровое пространство, организаторам удалось создать атмосферу конференции. Помимо выступлений, для всех участников были организованы практические воркшопы, представлена культурная программа, включающая живые выступления национальных норвежских музыкантов и онлайн-банкет. Недостаток живого общения компенсировался с помощью удачного организационного хода: на время кофе-брейка все участники случайным образом распределялись на группы по 5–6 человек по отдельным залам, где имели возможность познакомиться и непринужденно пообщаться.

Удаленный формат конференции оказался в некотором отношении удобным, поскольку переключение между докладами, представляющими интерес для слушателей, осуществлялось в считанные секунды. Кроме того, все доклады и дискуссионные выступления автоматически записывались и теперь доступны на интернет-канале конференции [RaAM 2020 Virtual [http](http://)].

Литература

Book of abstract. – Text : electronic // Researching and Applying Metaphor conference. Hamar, Norway. 18–21 June, 2020. – URL: uinnlandet-my.sharepoint.com/personal/susan_nacey_inn_no/Documents/RaAM%202020Virtual/RaAM%202020%20Book%20of%20abstracts.pdf (mode of access: 31.07.2020).

Шитиков П. М. Обзор конференции ассоциации исследователей метафоры RAAM 2020

RaAM 2020 Virtual. – URL: media.inn.no/Mediasite/Channel/raam2020 (mode of access: 31.07.2020). – Text : electronic.

References

Book of abstract. In *Researching and Applying Metaphor conference. Hamar, Norway. 18-21 June, 2020*. URL: uinnland-et-my.sharepoint.com/personal/susan_nacey_inn_no/Documents/RaAM%202020Virtual/RaAM%202020%20Book%20of%20abstracts.pdf (mode of access: 31.07.2020).

RaAM 2020 Virtual. URL: media.inn.no/Mediasite/Channel/raam2020 (mode of access: 31.07.2020).

Данные об авторе

Шитиков Петр Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования, Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета (Тобольск, Россия).

Адрес: 626150, Россия, г. Тобольск, ул. Знаменского, 58.

E-mail: p.m.shitikov@gmail.com.

Author's information

Shitikov Petr Mikhaylovich – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Philological Education, Tobolsk Pedagogical Institute named after D. I. Mendeleev – branch of Tyumen State University (Tobolsk, Russia).

Научный журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

Том 25. 2020. № 3

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Редактор *О. А. Адясова*
Верстка *А. Ю. Тюменцева*

Дата подписания в печать: **22.06.2020**. Дата выхода в свет: **30.06.2020**. Формат 70×90/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе. Гарнитура Alegreya. Усл. печ. л. 19,89. Уч.-изд. л. 32,66.
Тираж 500 экз. **Заказ** ___

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.
620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26